

А. ДОБІАШЪ.

ОПЫТЪ

СИМАСІОЛОГІИ

ЧАСТЕЙ РЪЧИ И ИХЪ ФОРМЪ

НА ПОЧВЪ

ГРЕЧЕСКАГО ЯЗЫКА.

ПРАГА.

ТИПОГРАФІЯ Др. ЭД. ГРЕГРА.

1897.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Предлагая » Опытъ симасіологіи частей рѣчи и ихъ формъ на почвѣ греческаго языка«, я не буду распространяться о мотивахъ, которые меня побудили къ постановкѣ и разработкѣ такой темы; это выяснено въ первомъ отдѣлѣ самого изслѣдованія, посвященномъ »опредѣленію задачи«. Исключительная цѣль моего предисловія — обращеніе къ читателю съ просьбою не терять терпѣнія, если онъ при чтеніи постоянно будетъ встрѣчаться съ ссылками на другія мѣста сочиненія, или если, быть можетъ, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ будетъ находить изложеніе главнаго, а въ самомъ текстѣ — разсужденіе о второстепенномъ. Оба недостатка объясняются тѣмъ, что грамматическія понятія приходилось разъяснять не сразу, а постепенно, очень часто по поводу какого-нибудь частнаго вопроса, и что разные вопросы такъ сдѣлывались одинъ съ другимъ, и часто въ очень сложномъ матеріалѣ, что самый матеріалъ приходилось разбирать въ одно и то же время съ разными сторонами.

А. ДОБІАНШЪ.

Печатано по опредѣленію Конференціи Историко-филологическаго
Института Князя Безбородко въ Нѣжинѣ.

Директоръ Института Ф. Гельбке.

4 - II A
5683

Содержаніе.

I. Отдѣлъ:

	стр.
Опредѣленіе задачи	1—87
Начала синтаксиса у Гумбольдта: Три метода связыванія элементовъ рѣчи въ одно осмысленное цѣлое и преобладаніе флектирующаго метода въ санскритскомъ и родственныхъ ему языкахъ (2—3); о силѣ, чисто духовной, какъ производительницѣ связыванія «элементовъ», и о синтезѣ, какъ продуктѣ этой силы (3—4). «Предложеніе», какъ болѣе законченный синтезъ (4); глаголь — душа предложенія (4—6); роль союза и относительнаго мѣстоименія въ синтезѣ «сложнаго» предложенія (7). Объ отношеніи внутренняго языка къ внѣшнему (8), о неодинаковости внѣшнихъ языковъ и ихъ недочетахъ (8—10); обозначеніе понятій и связываніе цѣлой рѣчи изъ словъ представляютъ собою двѣ отдѣльныя стороны языка, — какъ внутренняго, такъ и внѣшняго (10—12). Задача синтаксиса опредѣляется какъ уясненіе законовъ, по которымъ изъ отдѣльныхъ словъ, какъ частей цѣлаго т. е. рѣчи, составляется цѣлое т. е. рѣчь (12)	1—12
Синтаксическая система Беккера: Изложеніе системы, представленной Беккеромъ въ видѣ итога его изслѣдованія «организма» языка, а параллельно съ этимъ и критика ея, т. е. указаніе, какъ на неправильность, на подчиненіе «частей рѣчи» «частямъ предложенія», устанавливаемымъ тою, якобы, логическою стороною языка, которая изъ грамматики дѣлаетъ логику (13—21); грамматика не есть логика, а языкъ есть психологическое и историческое явленіе (22—23)	13—23
Ученіе Штейнтала о языкѣ: Опровергая Беккера, Штейнталь является продолжателемъ Гумбольдта (24). Разсужденіе Штейнтала о примѣнимости или непримѣнимости къ языку слова «организмъ» (25—26). Внутренняя форма языка на ея трехъ ступеняхъ, а именно: — на ступени образованія междометія, какъ выраженія сложной мысли (26—28); — на ступени ономатопейческаго поименованія предмета, какъ выраженія сужденія (28—31); — на ступени проявленія «психическаго» механизма въ поименованія предметовъ (31—32). Переходъ корневыхъ словъ, появляющихся на второй ступени внутренней формы языка, къ словамъ, надѣленнымъ суф-	

стр.

стр.

фиксами, и къ образованію, при помощи послѣднихъ, формальнаго предложения (т. е. соединенія въ нѣчто цѣлое, прежде всего, подлежащаго и сказуемаго, а затѣмъ и attributiv'ныхъ и objectiv'ныхъ словъ); при этомъ указывается на взаимодействие, съ одной стороны, внутреннего мышленія на внѣшній видъ (= грамматичность) словъ и, наоборотъ, внѣшняго вида словъ на развитіе внутреннего мышленія, дѣлающагося, такимъ образомъ, грамматическимъ (32—35). Разъясненіе Герbartовскаго мусора, имѣющаго въ виду части рѣчи, и опредѣленіе задачи для лексикографа — выяснять значеніе «корней», и для грамматика — выяснять значеніе суффиксовъ и т. п. (35—36). Общее разсужденіе по поводу ученія Штейнталя и указаніе, какъ на помѣху къ дальнѣйшему развитію его теоріи, на традиціонное пониманіе имъ какъ частей рѣчи, такъ и частей предложения (37—41), вслѣдствіе чего самое отношеніе частей рѣчи къ частямъ предложения не выяснено, равно какъ не выяснена достаточно «грамматичность» (какъ со стороны внѣшняго вида словъ, такъ и со стороны связаннаго съ ними «грамматическаго» мышленія) subject'овъ, object'овъ etc. (41). Нѣтъ никакихъ разъясненій на этотъ счетъ и у Heuze и у Paul'a (41—44).

25—44

Теорія Потебни о грамматическомъ мышленіи: Изложеніе теоріи Потебни, заключающей въ себѣ попытку выяснитъ, съ точки зрѣнія грамматическаго мышленія, отношеніе между частями рѣчи и частями предложения (44—54). Общее разсужденіе по поводу этой теоріи, съ указаніемъ, какъ на препятствіе правильному ея развитію, на привлеченіе въ нее частей предложения какъ категоріи, которая якобы должна вести къ выясненію частей рѣчи и сама должна быть черезъ нихъ выяснена (54—59). Отъ такого связыванія частей рѣчи съ частями предложения не освободился и Дельбрюкъ (60—61).

44—61

Что такое синтаксисъ? Миклошичъ опредѣляетъ его какъ науку о значеніи частей рѣчи или, какъ онъ выражается, о значеніи разрядовъ словъ и ихъ формъ (62). О неправильномъ исполненіи Миклошичемъ той задачи, которую онъ себѣ поставилъ какъ задачу синтаксиса (62—64). Наукою о значеніи разрядовъ словъ и ихъ формъ или, какъ мы выражаемся, симасіологіею частей рѣчи и ихъ формъ не исчерпывается весь синтаксисъ (64—65). Дѣленіе грамматики у Reisig'a, съ введеніемъ, въ видъ отдѣльной части грамматики, «симасіологіи», имѣющей, однако, лексикальный характеръ, съ примѣсомъ, быть можетъ, стилистическаго (65—66). Дѣленіе грамматики у Шлейхера: — морфологія, наука о функціяхъ и синтаксисъ, причѣмъ подъ синтаксисомъ разумѣется наука о предложеніи, а наука о функціяхъ должна изслѣдовать тѣ вопросы, рѣшеніе которыхъ Штейнталь возлагаетъ на лексикографа совмѣстно съ грамматикомъ (66—67). Симасіологія нашею времени есть наука болѣе лексикальнаго характера (67—68). Дѣленіе грамматики у Риза; симасіологія частей рѣчи и ихъ формъ получаетъ здѣсь особое мѣсто, но только какъ часть синтаксиса, послѣ которой долженъ слѣдовать высшій синтаксисъ (68—72).

62—72

Предварительныя замѣчанія къ симасіологіи частей рѣчи и ихъ формъ: Такая симасіологія должна быть разрабатываема на почвѣ одного языка, и для этого избранъ мною языкъ греческій (72—73). *Λέξις* (= слово) можетъ сдѣлаться предметомъ изслѣдованія какъ высшая единица, состоящая изъ частей, или какъ низшая, являясь сама частью цѣлаго, т. е. частью рѣчи (73). Опредѣленіе рѣчи; въ связи съ этимъ опредѣляется часть рѣчи, какъ выраженія «представленія», или «отношенія», или, наконецъ, того и другого вмѣстѣ (73—78). Не всякое «представленіе» и не всякое «отношеніе» находятъ себѣ выраженіе въ словѣ; вообще языкъ — бѣднѣе мысли (78—82). Хотя симасіологія синтаксиса имѣетъ дѣло съ словомъ, какъ низшею единицею, однако, не долженъ игнорировать и состава слова (82—83). Отношеніе синтаксической симасіологіи къ симасіологіи лексикальной; та и другая изслѣдуетъ «значеніе» (83). Объ употребленіи въ языкѣ одного средства для нѣсколькихъ значеній (83—85). Послѣсловіе 85—87).

72—87

II. Отдѣлъ:

Глаголь въ смыслѣ verbi finiti . . . . . 88—157

Главные положенія о глаголь: Глаголь въ смыслѣ verbi finiti или, какъ мы его впредь будемъ просто называть, «глаголь» — является выраженіемъ присужденія чего-то одному изъ трехъ лицъ, какъ «предмету» (88—90). Такъ называемые безличныя глаголы оказываются по содержанію дѣйствительно безличными (т. е. предметъ, которому что нибудь присуждается, въ нихъ не выраженъ), а только по формѣ они суть глаголы третьяго лица (90—95). Глаголь, какъ часть рѣчи, служитъ выраженіемъ не только «представленій» (ихъ — два: представленіе того, что присуждается, и лица, которому нѣчто присуждается), но и «отношенія»; послѣднее заключается въ самомъ актѣ присужденія, имѣющаго разныя степени квалитативности, которая всѣ сводятся къ «познавательному» и «желательному» сужденіямъ (95—96). Представленіе того, что присуждается лицу, является признакомъ лица, или «дѣйствіемъ, относящимся къ нему», и не только его присужденіе должно быть отнесено къ извѣстному времени, но и само оно представлено въ глаголь въ той или иной, разумѣется, — временной, стадіи своего развитія, что мы называемъ «видовыми отгѣнками» дѣйствія (97—100). Кромѣ того, дѣйствіе представлено въ глаголь присуждающимся лицу въ такомъ или иномъ залоговомъ отгѣнкѣ; залоговыхъ отгѣнковъ дѣйствія — пять, и всѣ они такъ или иначе удовлетворены залоговыми формами глагола (100—110). Наклоненіе выражаетъ не только квалитативность сужденія, но и время, къ которому относится сужденіе, и извѣстный видовой отгѣнокъ дѣйствія (110). Мнѣніе H. D. Müller'a о значеніи наклоненія и критическій разборъ этого мнѣнія (110—113).

88—113

Imperativus является наклонением, въ которомъ выражено желательное сужденіе по отношенію къ будущему времени, притомъ съ видовыми отгѣнками дѣйствія, располагающими для своего выраженія тремя разными грамматическими формами; разъясненіе этихъ видовыхъ отгѣнковъ . . . . . 113—115

Indicativus является наклонениемъ, въ которомъ выражено познавательное сужденіе по отношенію къ настоящему, будущему и прошедшему времени, притомъ всегда съ видовыми отгѣнками дѣйствія, располагающими для своего выраженія — въ настоящемъ времени двумя (*praesens* и *perfectum*), для будущаго также двумя (*futurum simplex* и *exactum*), а для прошедшаго тремя разными грамматическими формами (*imperfectum*, *pluperfectum* и *aoristus*); разъясненіе этихъ видовыхъ отгѣнковъ (116—127). Особому обсужденію подвергается *aoristus gnomicus* (127—130) и *indicativus* историческихъ временъ съ *ἄν* (130—133) . . . . . 116—133

Conjunctivus, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ встрѣчается исключительно у Омипра, служитъ для выраженія познавательнаго, высказаннаго съ сомнѣніемъ, сужденія, относящагося къ будущему времени, притомъ съ тѣми же видовыми отгѣнками дѣйствія, какіе замѣчены въ *Imperativus* (133—136). Такими же, въ сущности, остаются всѣ *Conjunctivus*-ы, которыхъ на общесинтаксической почвѣ конструируется пять, а именно: *Conjunctivus finalis* (135—138), *Conjunctivus dubitativus* (138—139), *Conjunctivus imperativ'nyj* (139—142), *Conjunctivus condicionalis*, при которомъ часто будущее время сужденія переходитъ въ «нераскрытое настоящее» (142—143) и *Conjunctivus* съ *μῖ*, при которомъ также приходится имѣть дѣло съ «нераскрытымъ настоящимъ» временемъ (143—145) . . . . . 133—145

Optativus, употребляющійся внѣ всякой зависимости отъ общесинтаксическихъ конструкций, служитъ для выраженія желательнаго сужденія по отношенію къ будущему времени, съ видовыми отгѣнками *Imperativus*-а; отличается отъ *Imperativus*-а тѣмъ, что въ немъ не обращаемся за исполненіемъ желанія къ опредѣленному лицу (145—146). Такими, въ сущности, остаются: *Optativus condicionalis*, только что послѣдній часто заходитъ съ отгѣнкомъ нераскрытаго факта въ прошедшее время, т. е. будущее время сужденія становится лишь *relativno* будущимъ (146—148), и *Optativus finalis*, также относящійся къ *relativno* будущему времени (148—149). Особому обсужденію подвергаются, по вопросу о выраженіи въ нихъ желательнаго сужденія, *Optativus potentialis* съ *ἄν* (149—150) и *Optativus orationis obliquae*; послѣдній, впрочемъ, какъ замѣняющій собою *indicativus*-ныя формы и долженствующій, казалось бы, располагать грамматическими формами не для одного будущаго или «нераскрытаго настоящаго», а для всѣхъ временъ, рассматривается особо по вопросу о его видовыхъ отгѣнкахъ дѣйствія: въ виду того, что средствъ для выраженія *indicativus*-ныхъ временъ на дѣлѣ въ немъ нѣтъ, а есть только средства для выраженія видовыхъ отгѣнковъ дѣйствія, онъ долженъ увеличить послѣдніа

сравнительно съ *Imperativus*-омъ, *Conjunctivus*-омъ и съ прежними подразрядами *Optativus*-а (150—154) . . . . . 145—154
Заключеніе о глаголѣ . . . . . 154—157

III. Отдѣлъ:

Общая положенія объ имени . . . . . 158—239

Имя, какъ названіе предметовъ, внѣ рѣчи и противопоставленіе его въ этомъ отношеніи глаголу, немислимому внѣ рѣчи, такъ какъ онъ всею своею сущностью есть сама рѣчь; указаніе на роды имени, соответствующіе родамъ предметовъ . . . . . 158—163

То же имя, при переходѣ его въ связную рѣчь, въ именительномъ падежѣ: Общее замѣчаніе о падежахъ, какъ принадлежности именъ (163—165). Ономатическія предложенія, состоящія изъ одного имени (165). Ономатическія предложенія, состоящія изъ двухъ именъ, изъ которыхъ одно служитъ поименованіемъ предмета, а другое — обозначеніемъ или большаго логическаго объема, въ который входитъ поименованный раньше предметъ съ своимъ меньшимъ логическимъ объемомъ, или вообще его признака, причѣмъ оба имени «относятся къ одному предмету» (165—166). Какъ нужно понимать «отнесеніе двухъ именъ къ одному предмету, когда внѣ рѣчи оба они служили названіемъ разныхъ предметовъ?» (166—168). Психологическія и логическія подлежащее и сказуемое (169—171). Синтаксическія подлежащее и сказуемое (172—176). Ономато-риматическія предложенія, состоящія изъ одного имени и одного глагола: разборъ ихъ по разнымъ подлежащимъ и сказуемымъ и выясненіе ихъ отношенія къ ономатическимъ предложеніямъ (176—184). Особо подвергается обсужденію вопросъ о согласованіи, замѣченномъ и въ ономатическихъ и ономато-риматическихъ предложеніяхъ: логическое равенство и отношеніе его къ разнымъ подлежащимъ и сказуемымъ (184—186). О согласованіи вообще, поставленномъ не въ связи съ именительнымъ падежемъ, и о логическомъ опредѣленіи, въ которомъ опредѣляющее имя исполняетъ роль признаковаго слова по отношенію къ имени опредѣляемому (186—191) . . . . . 158—191

Признаковое имя, какъ особая грамматическая форма, въ противопоставленіи существительному, и отношеніе его къ подлежащимъ и сказуемымъ, равно какъ и къ логическому равенству и къ логическому опредѣленію . . . . . 191—195 ✓

Материальное имя вообще, въ противопоставленіи формальному или мѣстоименію (195—197). Дѣленіе матеріальнаго имени: глагольное имя (*infinitivus*) и его двусторонность по вопросу о томъ, принадлежитъ ли оно къ существительнымъ или признаковымъ именамъ, а также синтаксическій, а не этимологическій характеръ его падежей (197—202); глагольное признаковое имя или такъ называемое *participium* (202—203); качественное и количественное признаковое, какъ подразряды простаго (т. е. не глагольнаго) признаковаго имени (203—205); выдѣленіе счетной части рѣчи (205—207) . . . . . 195—207

Звательный падеж и отношение его къ именительному падежу . . . 208

Общая положения о настоящих или такъ называемыхъ косвенныхъ падежахъ: Настоящихъ падежей въ именахъ — шесть; разборъ мнѣнія о постепенности ихъ развитія (209—218). Опровергается теорія о значеніи падежей, стоящая на почвѣ Беккероваго «организма» языка (219—222). Опровергается локалистическая теорія (222—225); вдобавокъ къ падежамъ, какъ выражающимъ не-локальныя «отношенія», нужны предлоги, какъ особая часть рѣчи, предназначенная для выраженія прежде всего локальных, а затѣмъ и другихъ «отношеній» (225—234). Какія «отношенія» выражаются самими падежами? — синкретическая теорія Hübschmann'a (235—236); учение Дельбрюка о падежахъ (236—238); послѣсловіе (238—239) . . . . . 209—239

IV. Отдѣлъ:

**Предлоги и опредѣленіе значенія падежей, поскольку послѣдніе на-
ходятся въ связи съ предлогами** . . . . . 240—341

Опредѣленіе значенія предлоговъ, указывающихъ первоначально на мѣстное отношеніе предмета къ предмету, а затѣмъ вообще служащихъ для сопоставленія предмета съ предметомъ, причемъ одинъ изъ сопоставляемыхъ предметовъ показанъ въ самомъ предлоговомъ оборотѣ (т. е. въ томъ падежѣ, который присоединяется къ предлогу), а другой находится внѣ предлоговаго оборота и долженъ быть часто извлекаемъ изъ признаковаго слова, включая сюда и глаголъ, т. е., собственно ту первую его часть, которая какъ признакъ (дѣйствіе то жъ) присуждается лицу. Значеніе каждаго въ отдѣльности предлога, въ связи съ присоединяющимся къ нему тѣмъ или инымъ падежемъ, опредѣляется по слѣдующему порядку:

1. *ἐν-εἰς-ἐξ* . . . . . 240—249

Эпизодически объясняется:

**Отношеніе означенныхъ предлоговъ къ формамъ на *ἐν-ἐν-δε*,
причемъ указывается, въ отлчїе отъ предлоговыхъ оборотовъ,
на просторовое значеніе упомянутыхъ формъ, т. е. на обо-
значеніе ими предмета какъ пространства, гдѣ — откуда появля-
ется —, и куда направляется — дѣйствіе (246—249).**

2. *ὀν-μετά* . . . . . 249—260

Эпизодически объясняется:

Accusativus, какъ вещный падежъ, т. е. падежъ, указывающій на отмѣченный въ немъ предметъ, какъ на вещь, которая по-
ступаетъ въ чье нибудь распоряженіе, причемъ цѣль движенія,
также иногда обозначаемая этимъ падежемъ, является лишь
метафорой перваго значенія (255—259).

3. *πρό-ἀντί-πρός* . . . . . 260—275

Эпизодически объясняются:

Genitivus, какъ генитивный или родовой падежъ, не имѣющій ника-
кого спеціальнаго оттѣнка (262—264) и употребляющійся при
предлогахъ лишь тамъ, гдѣ падежа съ спеціальнымъ оттѣнкомъ

не подыскивается, такъ какъ предлоги, вмѣстѣ съ глаголами,
глагольными именами и глагольными признаковыми, — вообще,
вмѣстѣ съ глаголовыми словами, — составляютъ особую группу
частей рѣчи, требующую къ себѣ, если это оказывается воз-
можнымъ, спеціальнаго падежа, который бы спеціальнымъ от-
тѣнкомъ своего значенія шелъ навстрѣчу ихъ собственному
значенію (265—266).

Ablativus, какъ падежъ первоначально этический, т. е. обозначаю-
щій предметъ, какъ этическую исходную точку дѣйствія
(267—268).

Localis, какъ падежъ первоначально этический, т. е. обозначающій
предметъ, какъ этическую сферу, въ которой дѣйствіе враща-
ется, и только лишь благодаря нѣкоторому огрубѣнію сдѣлав-
шійся падежемъ просторовымъ, наравнѣ съ формою на *δε*
(271—273), и заслужившій по этому названію мѣстнаго падежа.

4. *παρά* . . . . . 275—285

Эпизодически объясняется:

Dativus, какъ падежъ личный, въ противоположность Accusativ'у,
какъ падежу вещному; между косвенными падежами онъ
исполняетъ такую же роль, какая при другомъ построеніи
фразы и въ другой зависимости словъ принадлежитъ имени-
тельному падежу (277—281).

5. *κατά-ἀνά* . . . . . 285—301

Эпизодически объясняется:

Ablativus, какъ удалительный падежъ, въ смыслѣ дальнѣйшаго его
развитія, имѣющаго начало въ его этическомъ значеніи
(286—287).

6. *ἀμφί-πери* . . . . . 301—307

7. *ἀπό-ἐπί* . . . . . 307—313

8. *ὕπερ-ὕπο* . . . . . 313—315

9. *διά* . . . . . 315—316

10. о нестоящихъ (?) предлогахъ (?) . . . . . 317—318

Опровергается мнѣніе о «нарѣчности» предлоговъ указаніемъ на
весь смыслъ какъ, съ одной стороны, такъ называемаго само-
стоятельнаго употребленія предлоговъ, т. е. безъ падежей
(318—321), такъ и, съ другой, составныхъ съ предлогами словъ,
причемъ послѣднія раздѣляются на три категоріи: 1. *composita*,
закрывающія въ себѣ обозначеніе предмета, который въ пред-
логовомъ оборотѣ показанъ былъ въ падежѣ, присоединяю-
щемся къ предлогу (322—324); 2. *composita*, заключающія въ
себѣ иногда обозначеніе предмета, который при предлоговыхъ
оборотахъ показанъ былъ внѣ оборотовъ (324—333); 3. *com-
posita*, въ которыхъ предлогъ перестаетъ чувствоваться пред-
логомъ и служитъ лишь для видоизмѣненія значенія второй
части *composita* (333—340). Заключение (340—341) . . . . . 318—341

V. Отдѣлъ:

Окончательное опредѣленіе значенія падежей . . . . . 342—410

Славянский творительный падежъ: Разные типы примѣровъ, въ ко-
торыхъ встрѣчается творительный падежъ (343—344), причемъ

стр.

выдѣляются, какъ нѣчто особое, предлоговые съ творительнымъ падежемъ обороты, противопоставляемые въ славянскомъ же языкѣ предловымъ оборотамъ съ мѣстнымъ падежемъ (344 и 345). О такъ называемомъ творительномъ »уподобленіи«: творительный падежъ является здѣсь указателемъ на отмѣченный въ немъ предметъ, какъ на создающій чей нибудь признакъ или, скорѣе, видъ чьего нибудь признака (345—348). Это значеніе творительнаго падежа оказывается настоящимъ и единственнымъ значеніемъ творительнаго падежа вообще, такъ какъ оно примѣнимо ко всѣмъ типамъ примѣровъ на творительный падежъ (349—351). Противопоставленіе предлоговаго оборота, какъ чего то одного и служащаго прежде всего для сопоставленія предмета съ предметомъ, чистому падежу, какъ чему то другому и служащему прежде всего для дополненія признаковъ словъ, въ томъ числѣ и глагола (351 и 356) . . . . . 342—356

Омировскій падежъ, оканчивающійся на *φει*, является, собственно, творительнымъ падежемъ (356), но принявъ на себя легко соединяющіяся съ его значеніемъ функций личнаго и мѣстнаго падежей при признаковыхъ словахъ (356—360): формы на *φει*, встрѣчающіяся въ предловыхъ оборотахъ, сводятся также то къ личному, то къ мѣстному, то къ творительному падежамъ (360—366). Определеніе значенія греческаго творительнаго падежа въ согласіи съ значеніемъ творительнаго славянскаго (366) . . . . . 356—366

Личный падежъ: Личный при признаковыхъ словахъ и личный этический; хотя послѣдній относится къ синтаксическому сказуемому, а не къ признаковому слову, но и синтаксическое сказуемое является въ извѣстномъ смыслѣ признакомъ (367). Личный падежъ также зависитъ отъ существительныхъ словъ, указывая тогда на лицо, въ противоположность подчиненной ему вещи, отмѣченной въ падежѣ, отъ котораго зависитъ личный падежъ (367—368) . . . . . 366—368

Значеніе вещнаго падежа до сихъ поръ выяснено въ слѣдующемъ смыслѣ: 1. онъ указываетъ на предметъ какъ на вещь, находящуюся въ чьемъ нибудь распоряженіи; 2. въ предметѣ обозначена имъ цѣль движенія; 3. предметъ отмѣченъ имъ какъ законченный и какъ служащій основаніемъ распоряженій (послѣдній оттѣнокъ выясняется на 316 стр. нашего сочиненія). Всѣ эти оттѣнки представляютъ собою нѣчто единое (369). Въ чистомъ своемъ видѣ, т. е. не въ предловомъ оборотѣ, личный падежъ зависитъ исключительно отъ признаковъ словъ, причемъ, въ виду вышеприведеннаго замѣчанія о глаголовыхъ словахъ, слѣдуетъ отдѣлить глагольныя признаковыя слова отъ простыхъ (369). Въ зависимости отъ первыхъ, вещный падежъ является указателемъ объекта дѣйствія (369—370), а въ зависимости отъ послѣднихъ — вещнымъ простираемымъ (371). Между объектами дѣйствія слѣдуетъ различать внѣшній объектъ и внутренній (372). Греческій языкъ допускаетъ послѣ глаголовыхъ признаковъ словъ соединеніе двухъ объектовъ

(372), что даетъ возможность выяснитъ связь между вещнымъ объектомъ дѣйствія и вещнымъ простираемымъ (373—374). Больше оттѣнковъ въ вещномъ падежѣ пѣтъ (374—375), и всѣ, которые въ немъ есть, сосредоточиваются въ опредѣленіи его какъ указателя на предметъ, поступающій цѣликомъ въ чье нибудь распоряженіе: что значить »цѣликомъ«? (375). Отступленіе о психологическомъ вещномъ падежѣ этимологическихъ формъ именительнаго и вещнаго падежа именъ средняго рода и противопоставленіе этихъ формъ формамъ звательнаго падежа, какъ пополненіе изложеннаго на стр. 208 и 211 нашего сочиненія (375—377). Чередуваніе вещнаго падежа съ другими падежами и предловыми оборотами; послѣднее возможно въ виду того, что признаковое слово, отъ котораго зависитъ чистый падежъ, допускаетъ извлеченіе изъ него имени существительнаго (377—381) . . . . . 369—381

Родовой падежъ, не проявляющій никакого specialнаго оттѣнка послѣ признаковъ словъ (381—383), не проявляетъ его и послѣ существительныхъ именъ, съ которыми онъ также соединяется, заявляя и съ этой стороны о себѣ какъ падежѣ »родовомъ«, обозначающемъ просто, что нѣчто одно имѣетъ »отношеніе« къ чему то другому (383—386). Чередуваніе родоваго падежа съ другими падежами и съ предловыми оборотами (385—386) . . . . . 381—386

Удалительный и мѣстный падежи. Хотя удалительный падежъ свое этическое значеніе потерялъ и »огрубѣлъ«, хотя онъ въ своемъ »огрубѣніи« дошелъ до способности вытѣснять формы на *φει*, но это его огрубѣніе — далеко не такое, какое мы замѣчаемъ въ мѣстномъ падежѣ (386—387), оказавшемся способнымъ, послѣ потери этического значенія, не только вытѣснять формы на *φει*, но и принять на себя значеніе предлоговаго съ *εν* оборота (388—389). Въ удалительномъ падежѣ вытѣсненіе формъ на *φει* составляетъ рѣдкость; его настоящее мѣсто при сравнительныхъ степеняхъ (389—391) и при другихъ признаковыхъ словахъ, гдѣ удалительный падежъ указываетъ на удаленіе признака отъ отношенія къ предмету для того, чтобы самому признаку можно было осуществиться (391—394); при такомъ его значеніи родовой падежъ могъ принять на себя его функцію (394). Если мѣстный падежъ, при своемъ огрубѣніи, не исчезъ совсѣмъ, то этимъ онъ обязанъ своей (въ нѣкоторыхъ случаяхъ) этимологической обособленности (394—395) . . . . . 386—395

Дополнительныя къ ученію о падежахъ замѣчанія: о genitiv'ѣ absolut'номъ, о падежахъ при глагольномъ имени и о падежахъ при отглагольномъ существительномъ. Такъ называемый genitivus absolutus оказывается обыкновеннымъ родовымъ падежемъ послѣ признаковъ словъ (395—396). Двустороннее глагольное имя оказывается признаковымъ постольку, поскольку оно само дополняется падежами по способу признаковъ словъ, а существительнымъ — постольку, поскольку само, какъ падежъ, дополняетъ собою другія слова (398—399). Слѣдуетъ разборъ падежей глагольнаго имени, въ которыхъ послѣднее выступаетъ въ роли существительнаго (397—403). Отступленіе о замѣнѣ

глагольного имени в этой его роли глагольным признаковым (403—405). О конструкции *accusativi cum infinitivo* (405—407). Указание в отглагольных существительных на ту же двусторонность, какая замечается в глагольном имени, и объяснение тех надежных дополнений, при которых отглагольное существительное выступает в роли признакового слова (407—408). Заключение о падежах (409—410) . . . . . 395—410

VI. Отдѣлъ.

Мѣстоименіе или, что то же, формальное имя . . . . . 411—452

Формальное имя дѣлится, съ одной стороны, какъ матеріальное имя, на существительное и признаковое, а съ другой, — на цѣлый рядъ группъ, а именно: вопросительное (412—413); отрицательное, являющееся только существительнымъ (признакового отрицательного нѣтъ) и не имѣющее собственной этимологической темы, а составленное изъ вспомогательныхъ словъ (413—414); неопредѣленное, т. е. энклитированное вопросительное (414—415); обобщающее, составленное изъ вспомогательныхъ словъ (415), диктическое (415—417), анафорическое (417—429) и эпифорическое (429—430), причемъ роль анафорического исполняетъ также возвратное *οὐ-οἱ-ἐ* (423—425) и вмѣшавшееся въ борьбу за эту роль совершенно со стороны *αὐτός* (423). Отдѣльно подвергается изслѣдованію анафорико-эпифорическое *ὁ-ἡ-τό*, такъ называемый членъ, съ его шестью значеніями: *ὁ* историческаго намека (431—434), анафорическое *ὁ* въ болѣе узкомъ смыслѣ этого слова (434—436), контекстивное *ὁ* (436—437), раздѣлительное *ὁ* (437—438), *ὁ* синтаксическаго подлежащаго (438) и *ὁ* эпифорическое или грамматическое (438—441). Затѣмъ идетъ мѣстоименіе относительное, вышедшее изъ значенія тождественности и также вмѣшавшееся въ борьбу за роль анафорирования; одновременно съ нимъ разбирается мѣстоименіе соотносительное (441—447). Слѣдуетъ восклицательное мѣстоименіе (447—448), а кончается отдѣлъ о мѣстоименіяхъ разборомъ признаковыхъ формальныхъ именъ *αὐτός* и *ἄλλος* (448—452)

VII. Отдѣлъ.

Частицы и «нарѣчія» . . . . . 453—533

О вопросительной частицѣ. Вопросительная частица противопоставляется вопросительнымъ формальнымъ именамъ (453—456). Не вопросительную частицу, а «нарѣчіе» мы должны усматривать въ *ἄρα-ἄρα* (455—456) и въ *οὐκ οὐκ* (456—457). Вопросительною частицею оказывается *ἦ*, которое употребляется и въ двучленномъ вопросѣ, ослабляясь при этомъ обыкновенно въ *ἦ* (457—460). И *disjunctiv*ное, и «сравнительное» *ἦ* вышло изъ вопросительнаго *ἦ* (460—464); то же самое нужно сказать объ «утвердительномъ» *ἦ* (464—466). Вопросительная частица *ἦ*

противопоставляется «нарѣчію» *εἰ*, которое, представляя собою окаменѣлый падежъ отъ темы *υα* (греческое *δς-ἡ-δ*), употребляется въ выраженіяхъ желанія, условія и косвенныхъ вопросахъ (466—471) . . . . . 453—471

Объ отрицательныхъ частицахъ: разница между *οὐ* и *μή* выясняется въ томъ смыслѣ, что *οὐ* слѣдуетъ считать отрицаніемъ говорящаго, а *μή* — отрицаніемъ посторонняго лица . . . . . 471—488

Объ утвердительныхъ частицахъ. Послѣ эпизодическаго разъясненія «нарѣчій»:

<i>ἀλλά</i>	489—490
<i>ἄν-κέν</i>	490—491
<i>ἄτε-δτι</i>	491—492
<i>αὖ, αὐτῶ, αὐθίς, ἐξαυτίς, εἰδαυτίς, αὐτάρ</i>	492—495
<i>εἴτα</i> и <i>ἐπειτα</i>	495—496
<i>ἐμπης</i>	496—497
<i>ὅμως</i> и <i>ἄρα</i>	497—498
<i>τοι</i>	499—500

указывается на разницу въ значеніи между утвердительными частицами: *μήν-μέν* (501), *ὅ-ἡ-δέ* (501—503), *γε* (503) и *περ* (503—504). Примѣчаніе о *ὅ-ἡν-θεν* и *μά-νή* (504) . . . . . 501—504

О соединительной частицѣ. Хотя соединительныя частицы вообще могли бы выйти изъ утвердительныхъ (504), но греческая частица *καί* во всѣхъ своихъ четырехъ отбѣнкахъ (505—506) является соединительною въ корнѣ (507), а только частица *τε*, употребляющаяся въ соединительномъ значеніи, въ корнѣ называется частицею утвердительною (507—508). Частицы *τε* и *καί* противопоставляются «нарѣчію» *ἔτι* (508—510) . . . . . 504—510

Заключеніе о частицахъ, какъ части рѣчи, имѣющей отношеніе всегда лишь къ синтаксическому сказуемому и не представляющей собою, въ отличіе отъ «нарѣчій», окаменѣлаго падежа ни отъ темы матеріальнаго, ни отъ темы формальнаго имени . . . . . 510—513

О «нарѣчіяхъ» вообще: Нарѣчія оказываются послѣднимъ членомъ въ ряду частей рѣчи; «союзомъ» нѣтъ (513). «Нарѣчія», происходящія отъ именъ существительныхъ, — матеріальныхъ, не формальныхъ, — и являющіяся сами косвенными падежами существительныхъ (513—514). «Нарѣчія», происходящія отъ простыхъ именъ признаковыхъ и являющіяся субстантивированными косвенными падежами (515—518). «Нарѣчія», относительно которыхъ колеблются, считать ли родоначальниками ихъ матеріальныя существительныя, или простыя признаковыя имена (518—519). Вообще всякое «нарѣчіе» является «окаменѣлымъ» косвеннымъ падежемъ, имѣющимъ характеръ субстантивный (519—521), и родоначальниками ихъ нужно считать вообще существительныя и признаковыя имена, простыя ли, или глагольныя, матеріальныя ли, или формальныя, это безразлично (521—522); слѣдуетъ разборъ нѣкоторыхъ «нарѣчій» (522—526). И тѣ «нарѣчія», которыя этимологически связаны съ предлогами, собственно происходятъ, положимъ не отъ существительныхъ, но — отъ признаковыхъ именъ (527—529). Разборъ отношенія «нарѣчій», этимологически связанныхъ съ предло-

гами, къ самимъ предлогамъ, какъ отдѣльной отъ «нарѣчій» части рѣчи: указывается на то, что предлоги могутъ дополняться разными падежами, тогда какъ «нарѣчія», наравнѣ съ существительными, дополняются родовымъ падежемъ (529 и 530; въ случаяхъ, идѣ «нарѣчье» дополняется другимъ падежемъ, или даже предлоговымъ оборотомъ, этотъ падежъ или предлоговый оборотъ зависитъ отъ признаковой его части (531). Разъясняется неправильность употребленія термина «нарѣчія» объ окаменѣлыхъ субстантивныхъ косвенныхъ падежахъ, которыя, по зависимости ихъ отъ другихъ словъ, совершенно уравниены съ живыми косвенными падежами существительныхъ (531—532). Слово «окаменѣлый», принятое въ опредѣленіе части рѣчи, занявшей у насъ послѣднее мѣсто въ ряду другихъ, свидѣтельствуетъ о незаконченности нашей симасіологической теоріи (532—533) . . . . . 513—533

Списокъ сочиненій, обозначеннымъ въ нашемъ изслѣдованіи съ сокращеніями ихъ заглавій.

Aken *οὐ* u. *μή* = Aken, *οὐ* und *μή* im Zusammenhange mit den Modalformen (Neue Jahrbücher für Philologie und Paedagogik: 1858 (Bd. 78) S. 546 folg. — 1859 (Bd. 80) S. 49 u. 129 folg. — 1860 (Bd. 82) S. 204 folg.

Baeumlein Partik. = Untersuchungen über griechische Partikeln von W. Baeumlein, Stuttgart 1861.

Becker Org. = Organism der Sprache, als Einleitung zur deutschen Grammatik von K. F. Becker, Frankfurt 1827.

Bopp Vergl. Gramm. = Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Zend, Armenischen etc. von Franz Bopp, 3. Ausgabe, Berlin 1870.

Bréal Mel. = M. Bréal, Mélanges de mythologie et de linguistique, Paris 1877.

Bruchmann Psych. Stud. = Psychologische Studien zur Sprachgeschichte von Kurt Bruchmann in Berlin, Leipzig 1888.

Brugmann Grundr. = Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Kurzgefasste Darstellung der Geschichte des Altindischen, Altiranischen etc. etc. von Karl Brugmann und Berth. Delbrück, Strassburg 1886. —

Brugmann Handb. = K. Brugmann, Griechische Grammatik, in Ivan Müller's Handbuch der classischen Alterthumswissenschaft, Band II, 2. Auflage, München 1890.

Curtius Erl. = G. Curtius, Erläuterungen zu meiner griechischen Schulgrammatik, Prag 1863.

Curtius Verbum = G. Curtius, das Verbum der griechischen Sprache seinem Baue nach dargestellt, Leipzig 1873—76.

Curtius Grundz. = G. Curtius, Grundzüge der griechischen Etymologie, 5. unter Mitwirkung von Ernst Windisch umgearbeitete Auflage, Leipzig 1879.

Delbrück Grundr. (смотри выше: Brugmann Grundr.)

Delbrück Synt. Forsch. = Syntaktische Forschungen von Delbrück und Windisch, Halle 1871 folg.

Delbrück Sprachst. = Einleitung in das Sprachstudium, ein Beitrag zur Geschichte und Methodik der vergleichenden Sprachforschung von B. Delbrück, Leipzig 1880.

Ebeling Lex. Hom. = Lexicon Homericum composuerunt F. Albrecht, C. Capelle, A. Eberhard etc. etc., edidit H. Ebeling, Lipsiae 1885 sequ.

Gaedicke Accus. = Accusativ im Veda von Gaedicke, Breslau 1888.

Grimm D. Gramm. = Jac. Grimm, Deutsche Grammatik, neuer vermehrter Abdruck, Gütersloh 1890.

Hartung Casus = J. A. Hartung, über die Casus, ihre Bildung und Bedeutung in der griechischen und lateinischen Sprache, Erlangen 1831.

Hartung Partik. = J. A. Hartung, Lehre von den Partikeln der griechischen Sprache, Erlangen 1832.

Heerdegen Untersuch. = Ferdinand Heerdegen, Untersuchungen zur lateinischen Semasiologie, Heft I, Einleitung, Erlangen 1875.

Heerdegen Grundz. = Ferdinand Heerdegen, Grundzüge der lateinischen Bedeutungslehre (смотри: Vorlesungen über lateinische Sprachwissenschaft von Chr. K. Reisig, II. Band, neu bearbeitet von Ferd. Heerdegen Berlin 1890, Seite 39—154).

Hermann Opusc. = Opuscula God. Hermanni, Lipsiae 1827.

Hey Sem. Stud. = Oskar Hey, Semasiologische Studien im 18. Supplementband der Jahrbücher für classische Philologie, Leipzig 1892 (S. 83—212).

Heyse Sprachw. = System der Sprachwissenschaft von K. W. L. Heyse, nach dessen Tode herausgegeben von H. Steinthal, Berlin 1856.

Hübschmann Casusl. = H. Hübschmann, zur Casuslehre, München 1875.

Humboldt Kawispr. = Über die Kawisprache auf der Insel Java von Wilh. v. Humboldt, Berlin 1836.

Jolly Infinitiv = J. Jolly, Geschichte des Infinitivs im Indogermanischen, München 1873.

Krüger Griech. Spr. = K. W. Krüger, Griechische Sprachlehre für Schulen, Berlin 1842—46.

Kühner Ausf. Gramm. = R. Kühner, Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache, 2. Auflage in durchweg neuer Bearbeitung, Hannover 1869—72.

Lange Partik. *ei* = L. Lange, der homerische Gebrauch der Partikel *ei* (Abhandlungen der kön. saechsischen Gesellschaft der Wissenschaften, Band IV, Leipzig 1873).

Miklosich Vergl. Gramm. = Vergleichende Grammatik der slawischen Sprachen, Band IV: Syntax, Wien 1874.

Miklosich Et. Wört. = Fr. Miklosich, Etymologisches Wörterbuch der slawischen Sprachen, Wien 1886.

Müller Vorles. = Max Müller, Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache, für das deutsche Publicum bearbeitet von Carl Böttiger, autorisirte Ausgabe, Leipzig 1866.

H. D. Müller Indog. Sprachb. = Heinrich Dietrich Müller, der indogermanische Sprachbau in seiner Entwicklung, I, Göttingen 1879.

Mutzbauer Tempusl. = Die Grundlage der griechischen Tempuslehre und der homerische Tempusgebrauch, ein Beitrag zur historischen Syntax der griechischen Sprache von Karl Mutzbauer, Strassburg 1893.

Paul Princip. = Principien der Sprachgeschichte von Hermann Paul, 2. Auflage, Halle 1886.

Потебня Зап. = Записки по русской грамматикѣ А. Потебни, 2ое издание, Харьковъ 1888.

Pott Etym. Forsch. = A. F. Pott, Etymologische Forschungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, Lemgo 1833—36.

Prellwitz Wörterb. = Prellwitz, Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache, Göttingen 1892.

Reisig Vorles. = Reisig's Vorlesungen über lateinische Sprachwissenschaft, gehalten 182⁶/₇, veröffentlicht durch Haase, Leipzig 1839.

Ries Wis = Was ist Syntax? ein kritischer Versuch von John Ries, Marburg 1894.

Rumpel Casusl. = Th. Rumpel, Casuslehre in besonderer Beziehung auf die griechische Sprache, Halle 1845.

Scherer Kl. Schr. = Wilhelm Scherer, kleine Schriften zur altdeutschen Philologie, herausgegeben von Burdach, Berlin 1893.

K. E. Schmidt Beitraege = Karl Ernst Schmidt, Beitraege zur Geschichte der Grammatik des Griechischen und Lateinischen, Halle 1859.

Schömann γενική = G. F. Schömann: Was bedeutet γενική πτώσις? (Höfer's Zeitschrift für die Wissenschaft der Sprache, Band I und II) Leipzig 1845—47.

Schömann Redeth. = Die Lehre von den Redetheilen nach den Alten dargestellt und beurtheilt von G. F. Schömann, Berlin 1862.

Steinthal Gramm. etc. = Grammatik, Logik und Psychologie, ihre Principien und ihr Verhaeltniss zu einander von H. Steinthal, Berlin 1855.

Steinthal Gesch. = Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen und Römern von H. Steinthal, Berlin 1863.

Trendelenburg Accusativus = F. A. Trendelenburg, Accusativi nomen quid sibi velit (Acta societatis graecae, Vol I, edd. Westermannus et Funkhaenel, Lipsiae 1836).

Wegener Untersuch. = Untersuchungen über die Grundlagen des Sprachlebens von Ph. Wegener, Berlin 1855.

Zierner indogerm. Compar. = Vergleichende Syntax der indogermanischen Comparation, insbesondere der Comparationscasus der indogermanischen Sprachen und sein Ersatz, von Hermann Zierner, Berlin 1884.

ОПЫТЪ СИМАСІОЛОГІИ

ЧАСТЕЙ РѢЧИ И ИХЪ ФОРМЪ

НА ПОЧВѢ ГРЕЧЕСКАГО ЯЗЫКА.

I.

Опредѣленіе задачи.

Языковѣды нашего столѣтія создали великую науку «сравнительнаго языкознанія»; создали ее тѣмъ, что начали изучать санскритскій языкъ, оказавшій услугу ключа къ уразумѣнію «индоевропейскихъ» языковъ. Принявшись затѣмъ за изслѣдованіе не только индоевропейскихъ, но и другихъ языковъ и *языка вообще*, они — въ большей, чѣмъ прежде, степени — ставили изученіе языковъ (да и должны были ставить, если хотѣли оправдать «ключъ» и, вообще, уразумѣть связь явленій въ языкахъ) на почву *историческаго развитія* языка.

Особенно важнымъ для успѣховъ сравнительнаго языкознанія является начавшееся съ первыхъ же поръ рожденія нашей науки привлеченіе къ сравненію *роднаго* языка и изслѣдованіе его на *исторической* же почвѣ. Родной языкъ открытъ для всякаго не только въ книжной, но и народной словесности; родной языкъ вообще живо чувствуется всякимъ, а потому не въ примѣръ чужому языку даетъ въ руки изслѣдователю гораздо больше средствъ для *протрѣпки**) добываемыхъ на пути изслѣдованія результатовъ.

*) Wegener, Untersuch. 7: Wie der Physiologe nicht an altaegyptischen Mumien oder an Petrefacten seine Studien machen wird, sondern am lebendigen Thier- oder Menschenleibe, ebenso müssen wir die Gesetze vom Leben und Wachsen der Sprache an den uns durchsichtigsten Spracherscheinungen der lebendigen Muttersprache erst kennen lernen, um hieraus den grossen Trümmerhaufen der Überlieferung von den ausgestorbenen Sprachen sichten, ordnen, verstehen zu lernen.

Все это направление въ языковѣдѣніи не могло не про-
извести громаднаго переворота во взглядѣ и на ту сторону
языка, которая называется синтаксисомъ.

Правда, сравнительное языкознаніе въ самомъ началѣ
своего существованія сосредоточилось на *фонетической* и
морфологической сторонахъ языка. Да и до сихъ поръ
наши языковѣды обращаютъ главное вниманіе на выработку
законовъ *фонетическихъ* и *морфологическихъ*. Нѣтъ со-
мнѣнія, что уже этими изысканіями косвенно оказана большая
услуга и *синтаксису*. Но и *непосредственно* въ синтаксисѣ
сравнительнымъ языкознаніемъ сдѣлано немало.

Wilhelm von Humboldt, имѣвшій понятіе не только
объ индоевропейскихъ, но и о многихъ другихъ языкахъ,
проникшій въ свое время глубже всѣхъ языковѣдовъ во
внутренній смыслъ языка вообще, провозгласившій — какъ
извѣстно — языкъ не за *продуктъ* дѣятельности человѣ-
ческаго духа, а за самую его *дѣятельность*, въ своемъ
знаменитомъ введеніи къ Kawispr. доводитъ глубокомыслен-
нѣйшее изслѣдованіе этой дѣятельности духа человѣческаго
до глубокомысленнѣйшихъ положеній и въ области синтаксиса.

Указавъ, что языки при связываніи «элементовъ» въ одно
осмысленное цѣлое пользуются *тремя* методами, а именно:
флектирующимъ, агглютинирующимъ и спайнымъ*), онъ на-
ходитъ, что тотъ или иной *конкретный* языкъ обыкновенно
прибѣгаетъ ко *всѣмъ* имъ — съ *преобладаніемъ*, впрочемъ,
какого-нибудь одного изъ нихъ**). Подъ «элементами»
Гумбольдтъ разумѣетъ или отдѣльныя *части* слова, и тогда

*) Что слѣдуетъ разумѣть подъ терминами «флектирующій» и «агглю-
тинирующій», — всякому извѣстно. Для выясненія термина «спайный (ein-
verleibend) Гумбольдтъ, между прочимъ, приводитъ выраженіе *o-ni-c-te-ta-sa-s*.
Это выраженіе принадлежитъ мексиканскому языку; въ немъ заключаются
въ порядкѣ послѣдовательности, слѣдующія части: приращеніе (т. е. указатель
прошедшаго времени) + я + это + кому-то + дать + обозначеніе про-
шедшаго времени. Первая и послѣдняя части являются какими-то скобками,
придающими всему выраженію видъ одного какъ-бы слова (См. Kawispr. I. 182).

**) Kawispr. I. 180: Von allen drei Methoden finden sich in den meisten
Sprachen einzelne stärkere oder schwächere Spuren. Wo aber eine derselben
bestimmt vorwaltet und zum Mittelpunkt des Organismus wird, da lenkt sie
auch den ganzen Bau, in strengerer oder loserer Consequenz, nach sich hin.

«осмысленнымъ цѣлымъ» является *слово*, или же самыя слова,
составляющія изъ себя *высшее* осмысленное цѣлое, которое
мы назвали бы «*рѣчью*».

Въ языкахъ «санскритскихъ», какъ ихъ называетъ Гум-
больдтъ, т. е. родственныхъ санскриту, преобладаетъ
флектирующій методъ, и многочисленныя флектировки словъ
ведутъ къ тому, чтобы слова, какъ *единицы*, возможно
больше были приспособлены къ составленію изъ нихъ «пред-
ложенія, какъ одного *цѣлаго* (das sorgfältige grammatische
Zurichten des Wortes zur Satzverknüpfung; см. Kawispr.
I. 180).

Можно сказать, что всякое, хотя бы и самое неполное
на первый взглядъ выраженіе, въ которомъ замѣчается какой-
нибудь изъ упомянутыхъ методовъ связыванія, есть воплощеніе
законченной мысли.*) Конечно, — такъ, приблизительно, раз-
суждаетъ Гумбольдтъ, — не къ чему были бы всѣ флекти-
ровки, агглютинировки и спайки, не будь въ насъ *особой*,
чисто *духовной* силы, которая сообщаетъ этимъ внѣшнимъ
показателямъ единенія настоящій смыслъ, и которая въ сущ-
ности *сама* создаетъ единеніе. Эту духовную силу Гум-
больдтъ называетъ Setzen (какъ бы *усаживаніе на мѣсто*
чего то, бродившаго врозь), создаваемое же ею единеніе
внѣшнихъ «элементовъ», — будь это части *слова*, или части
какого-нибудь *сложнаго* выраженія, — Synthesis'омъ. За-
мѣчательно высказывается Гумбольдтъ по этому поводу Ka-
wispr. I. 268: Da die Synthesis, von welcher hier die Rede
ist, keine Beschaffenheit, nicht einmal eine Handlung, sondern
ein wirkliches, immer augenblicklich vorübergehendes Handeln
ist, so kann es für sie kein besonderes *Zeichen* an den
Wörtern geben, und das Bemühen ein solches Zeichen zu
finden, würde schon an sich den Mangel der wahren Stärke
des Actes durch die Verkennung seiner Natur bekrunden.

*) Kawispr. I. 179: Jede, noch so unvollständige Aussage, macht in
der Absicht des Sprechenden einen geschlossenen Gedanken aus. Подъ «un-
vollständige Aussagen» Гумбольдтъ разумѣетъ, очевидно, не только «эллипти-
ческія» и «брахилогическія» выраженія въ родѣ *Quos ego!* или *vonъ отсюда!*,
но и всякія, какъ ихъ называли Греки, *φράσεις*, входящія въ составъ такъ
называемаго предложенія, въ родѣ *добрый человекъ, рубить лѣсъ* п т. п.

Die wirkliche Gegenwart der Synthesis muss gleichsam immateriell sich in der Sprache offenbaren, man muss inne werden, dass sie, gleich einem Blitze, dieselbe durchleuchtet und die zu verbindenden Stoffe, wie ein Gluth aus unbekannten Regionen, in einander verschmolzen hat. Dieser Punkt ist zu wichtig, um nicht eines Beispieles zu bedürfen. Wenn in einer Sprache eine Wurzel durch ein Suffix zum Substantivum gestempelt wird, so ist das Suffix das materielle Zeichen der Beziehung des Begriffes auf die Kategorie der Substanz. Der synthetische Act aber, durch welchen, unmittelbar beim Aussprechen des Wortes, diese Versetzung im Geiste wirklich vor sich geht, hat im Worte selbst kein eignes einzelnes Zeichen, sondern sein Dasein offenbart sich durch die Einheit und Abhängigkeit von einander, zu welcher Suffix und Wurzel verschmolzen sind, also durch eine verschiedenartige, indirecte, aber aus dem nämlichen Bestreben fließende Bezeichnung. . . . . Man kann diesen Act überhaupt den Act des *selbstthätigen Setzens durch Zusammenfassung* (Synthesis) nennen. — Мы бы предложили перевести слово *Setzen* словомъ *укладываніе*.

Такимъ образомъ, то, что нѣмцы въ болѣе тѣсномъ смыслѣ называютъ Satz'омъ, а мы — предложениемъ, поучаетъ въ устахъ Гумбольдта особенно глубокое значеніе. Это — тоже «укладываніе» (Setzen) «черезъ собираніе воедино» (durch Zusammenfassung oder durch Synthesis) чего-то, бродившаго врозь, причемъ это «уложенное» является здѣсь *въ видѣ болѣе законченномъ*, сравнительно съ какимъ-нибудь «неполнымъ выраженіемъ» (unvollendete Aussage). Am deutlichsten und offenbarsten — говоритъ Гумбольдтъ Kavispr. I. 266 — erkennt man den Act des selbstthätigen Setzens durch Synthesis in der Satzbildung.

Душою всего «предложенія» въ санскритскихъ, да и другихъ языкахъ является то флектируемое извѣстнымъ образомъ слово, которое Гумбольдтъ наравнѣ со всѣми, прибѣгающими къ латинской терминологіи, называетъ verbum. Устанавливая для verbum родовое наименованіе, Гумбольдтъ не измѣняетъ традиціи и называетъ его «частью

рѣчи» (Redetheil). Если это Гумбольдтъ сдѣлалъ сознательно, то тогда *высшее* цѣлое, являющееся результатомъ «укладыванія черезъ собираніе воедино» (des selbstthätigen Setzens durch Synthesis), должно бы быть, собственно, не предложение (Satz), а именно, какъ мы выше сказали, рѣчь (Rede).

Душою «предложенія» называетъ Гумбольдтъ данную часть рѣчи по слѣдующимъ соображеніямъ. Verbum рѣзко отличается отъ именъ и другихъ частей рѣчи, могущихъ попасть въ простое предложеніе, тѣмъ, что ему одному «актъ синтетическаго укладыванія присущъ какъ *грамматическая функція*». Само verbum, совершенно наравнѣ съ склоняемымъ именъ, обязано этому акту своимъ *возникновеніемъ* (т. е. тѣмъ, что въ немъ «слились воедино» корень, суффиксы и пр.). Но въ свою очередь оно, т. е. его *грамматическая форма*, будучи *продуктомъ* синтетической работы, дальше явится ея производителемъ и, захватывая своею сцѣпляющею силою все болѣйшій районъ, обниметъ ея все предложеніе. Такимъ образомъ, между нимъ и остальными словами, попадающими въ простое предложеніе, опредѣляется разница, которая не позволяетъ ставить его на одну доску съ ними. Всѣ остальные слова предложенія представляютъ собою, такъ сказать, *мертвый*, еще только подлежащій соединенію матеріалъ, одно verbum является не только живымъ, но и *животворящимъ средоточіемъ*. Когда мы произносимъ слово *есть*, или слово *думаетъ*, — а разница между *есть* и *думаетъ* та, что въ послѣднемъ «бытіе» (т. е. то, что выражено въ *первой части* слова *есть*) соединяется съ нѣкимъ «движеніемъ», переходя, такимъ образомъ, въ выраженіе «дѣйствія» — то въ этихъ двухъ словахъ «слиты воедино» въ одномъ — «бытіе», а въ другомъ — «дѣйствіе» со *сказуемымъ* (*есть* и *думаетъ* суть «сказуемая»), но *этотъ же* синтетическій актъ (т. е. то обстоятельство, что слова *есть* и *думаетъ* чувствуются нами какъ сказуемая) ведетъ насъ вмѣстѣ съ тѣмъ и къ *подлежащему*. Что значитъ «ведетъ къ подлежащему»? Это значитъ, что и «бытіе», и «дѣйствіе» рисуются уже *присвоенными* подлежащему; другими словами, то, что

прежде, до произнесенія словъ *есть* и *думаетъ*, мыслилось только какъ *соединимое*, во время произнесенія ихъ уже *соединено*. Мы не «мыслимъ» больше ударъ + молнію, а сама *молнія* есть то, что ударяетъ. Выражаясь образно, черезъ произнесеніе *verbi* наша мысль выходитъ изъ *мастерской*, гдѣ она только еще *собиралась*, въ *дѣйствительность*, гдѣ она уже закончена.

Эта истина является великимъ открытіемъ Гумбольдта въ языкѣ. Въ настоящее время она, конечно, представляется намъ рутинною, хотя нельзя сказать, чтобы она произвела коренную перемѣну въ системѣ нашего синтаксиса. Вотъ подлинныя слова, въ какихъ эта мысль возвѣщена была ея авторомъ (Kawispr. I. 267): Das Verbum unterscheidet sich vom Nomen und von den anderen, möglicherweise im einfachen Satze vorkommenden „Redetheilen“ mit schneidender Bestimmtheit dadurch, dass ihm allein der Act des *synthetischen Setzens* als grammatische Function beigegeben ist. Es ist ebenso, als das declinirte Nomen, in der Verschmelzung seiner Elemente mit dem Stammworte durch einen solchen Act entstanden, es hat aber auch diese Form erhalten, um die Obliegenheit und das Vermögen zu besitzen, diesen Act in Absicht des Satzes wieder selbst auszuüben. Es liegt daher zwischen ihm und den übrigen Wörtern des einfachen Satzes ein Unterschied, der, diese mit ihm zur gleichen Gattung zu zählen, verbietet. Alle übrigen Wörter des Satzes sind gleichsam todt da liegender, zu verbindender Stoff, das Verbum allein ist der Leben enthaltende und Leben verbreitende Mittelpunkt. Durch einen und ebendenselben Act knüpft er durch das *Sein* das *Prädicat* mit dem *Subjecte* zusammen, allein so, dass das *Sein*, welches mit einem *energischen* Prädicate in ein *Handeln* übergeht, dem Subjecte selbst beigelegt, also das bloss als verknüpfbar *Gedachte* zum Zustande oder Vorgange in der *Wirklichkeit* wird. Man denkt nicht bloss den einschlagenden Blitz, sondern der Blitz ist es selbst, der herniederfährt... Der Gedanke, wenn man sich so sinnlich ausdrücken könnte, ver-

lässt durch das Verbum seine innere Wohnstätte und tritt in die Wirklichkeit über.

Та же сила творящаго языкъ духа (dieselbe Kraft des sprachbildenden Geistes), которая вызвала къ жизни *verbum*, создала и *conjunctiones*. *Conjunctio* (= союзъ), указывая на взаимное отношеніе *двухъ* предложений, даетъ возможность подняться на *высшую* ступень синтеза, — сдѣлать его болѣе сложнымъ (es liegt in der Conjunction ein doppeltes Zusammenfassen, eine verwickeltere Synthesis). Благодаря союзу, предложеніе возвышается до періода, причемъ союзы распадаются на болѣе легкіе (*leichtere*), которые изъ нѣсколькихъ предложений дѣлаютъ одинъ *многочленъ*, — *многочленъ* или соединительный или различительный (*verbindend und trennend*), — и на болѣе тяжелые или вѣскіе (*schwierigere*), которые подчиняютъ (*machen abhängig*) одно предложеніе другому (Kawispr. I. 292).

Особенную роль въ «синтезѣ» играетъ *pronomen relativum*. Черезъ *pronomen relativum* соединяются между собою два предложенія такъ, что одно изъ нихъ служитъ выраженіемъ *качества* какого-нибудь *номен*, заключающагося въ другомъ предложеніи (*macht einen blossen Beschaffenheitsausdruck eines Nomens des anderen Satzes*). Такимъ образомъ въ *pronomen relativum* слиты воедино — съ одной стороны *собственное* *pronomen*, какъ представитель и замѣститель въ *своемъ* предложеніи *nominis*, заключающагося въ другомъ предложеніи, а съ другой — *conjunctio*, *управляющая* этимъ предложеніемъ (*die den Satz regiert*), т. е. опредѣляющая ему мѣсто по отношенію къ другому предложенію (Kawispr. I. 293).

Въ Kawispr. I. 107—117 помѣщено общее разсужденіе объ отношеніи внѣшней, *звуковой* стороны языка и его *грамматическихъ* формъ къ той духовной дѣятельности, которую Гумбольдтъ, какъ то уже отмѣчено, по частному ея проявленію назвалъ *das selbstthätige Setzen*, а въ общемъ называетъ *Kraft des sprachbildenden Geistes*. Это разсужденіе, по крайней мѣрѣ въ первой его половинѣ (стр. 107—112),

до того для насъ важно, что мы считали бы большимъ про-
блѣмой, если бы не помѣстили здѣсь посильное его истолко-
ваніе.

Упомянутое разсужденіе носить заглавіе *innere Sprach-
form*, — заглавіе, показывающее, какіе глубокіе вопросы
рѣшалъ, и притомъ рѣшалъ *первымъ*, Wilhelm v. Humboldt,
хотя *болѣе* соотвѣтствующимъ содержанію разсужденія было
бы заглавіе «объ отношеніи внутренняго языка къ внѣшнему».

Самое художественное и самое богатое развитіе звука
въ голосовыхъ органахъ человѣка — разсуждаетъ Гум-
больдтъ — не могло бы создать внѣшняго, т. е. *звуковаго*
языка, если бы звукъ не былъ одухотворяемъ внутреннею
идеєю языка (Гумбольдтъ имѣетъ здѣсь въ виду, очевидно,
нѣчто въ родѣ *Платоновской* идеи). Эта идея, или можно
даже сказать «идеи» (*die auf die Sprache bezogenen Ideen*),
эта чисто «интеллектуальная» сторона языка (*rein intel-
lectueller Theil der Sprache*), есть нѣчто, у чего, такъ сказать,
только лишь въ услуженіи находится*) творящая языкъ
сила (*die Spracherzeugung*), пользующаяся для исполненія
своей задачи звукомъ.

Свойства «интеллектуальной» стороны языка стоятъ
въ зависимости отъ согласія и взаимодѣйствія (*Übereinstim-
mung und Zusammenwirkung*), въ которомъ *ея собственные*
законы (*die sich in ihr offenbarenden Gesetze*) находятся не
только по отношенію *другъ къ другу*, по и по отношенію къ за-
конамъ *мысленія и чувствованія*.

Въ звукахъ, какъ явленіи «тѣлесномъ и чувственномъ»
(*körperlich und sinnlich*), вполне понятна возможность без-
конечнаго разнообразія, и у разныхъ народовъ звуки раз-
виваются различно. Но и сама «интеллектуальная» сторона
языка, этотъ *внутренній* языкъ, не у всѣхъ народовъ раз-
вивается одинаково. Съ одной стороны, одинаковому развитію
ея мѣшаетъ та творящая внѣшній языкъ сила, которая, на-
ходясь у нея въ услуженіи, не вездѣ и не всегда служитъ

*) Хотя эти слова не сказаны у Гумбольдта прямо, но мы не погрѣ-
шаемъ противъ него, вводя ихъ въ истолкованіе его мыслей.

ей съ достаточною вѣрностью и энергіею (Гумбольдтъ тутъ
употребляетъ слово *Abstufungen*), что объясняется въ осо-
бенности неодинаковостью взаимодѣйствія участвующихъ
въ ней факторовъ (*sowohl überhaupt, als in dem gegenseitigen
Verhältniss der in ihr hervortretenden Thätigkeiten*). Кромѣ
того не слѣдуетъ забывать, что «интеллектуальная» сторона
языка находится въ зависимости не только отъ разума (*Ver-
stand*), но и отъ фантазіи и чувства*), а фантазія и чувство
есть нѣчто, что способно индивидуализировать не только
народы, но и отдѣльныхъ людей.

Даже тамъ, гдѣ духовная сторона языка зависитъ ис-
ключительно отъ разума, даже тамъ она не развивается оди-
наково. Казалось бы напр., что *modi* въ *verbum* (Гум-
больдтъ имѣетъ въ виду выраженія, черезъ которыя от-
тѣняется нѣчто одно, что «*непремѣнно* должно случиться»,
отъ чего-нибудь другого, что «*должно бы*, судя по всему,
случиться», и отъ третьяго, что «*можетъ быть*, случится»
и т. д., словомъ, — выраженія, оттѣнки которыхъ касаются
исключительно только *разсудочной* дѣятельности), — каза-
лось бы, — говорить Гумбольдтъ, — что эти *modi* должны
быть развиты во всѣхъ языкахъ одинаково, а между тѣмъ
нельзя въ этомъ отношеніи и сравнивать, напр. санскритскій
языкъ съ греческимъ.

Вообще языки (*разумѣй внѣшніе*) — не безъ недо-
четовъ: въ одномъ языкѣ недочетъ такой, въ другомъ иной,
и часто случается, что одинъ языкъ долженъ прибѣгать
къ *пространному описанію* чего-нибудь, выраженнаго
въ другомъ кратко, или что форма одного языка замѣнена
въ другомъ формою, совершенно ей не соотвѣтствующею
и т. д. Причины этихъ явленій разные. Не послѣднюю роль
играетъ въ такихъ несоотвѣстствіяхъ между языками —
звукъ. Языкъ, привыкшій уже къ извѣстнымъ звуковымъ
сочетаніямъ, — одинъ къ тѣмъ, а другой къ инымъ (звуч-
ная разрозненность въ языкахъ, какъ то уже отмѣчено,

*) Какъ видно изъ настоящаго толкованія, Гумбольдтъ понимаетъ свой
терминъ «интеллектуальный» слишкомъ широко. Мы бы въ виду этого толко-
ванія предпочли терминъ «*духовная* сторона языка».

есть нѣчто вполне естественное), — при новыхъ образованіяхъ находится *подъ вліяніемъ* этой привычки, и если въ одномъ языкѣ или въ одномъ случаѣ эта привычка благоприятствуетъ новому образованію, то въ другомъ она можетъ оказаться настоящимъ тормазомъ для него*). Можетъ случиться и то, — на это *тоже* уже указывалось, — что творящая внѣшній языкъ сила (Spracherzeugung) *сама по себѣ* въ томъ или иномъ случаѣ дѣйствуетъ вяло (собственно сказано: *der ideelle Bau der Form, sein innerer, vollständiger, in seine verschiedenen Theile gesonderter Organismus entfaltet sich nicht in hinreichender Klarheit vor dem bildenden Geiste der Nation*), а разъ такая сила *разрѣшила что-нибудь* во *внѣшнемъ языкѣ* слабо, то этого *слабago* разрѣшенія поправлять уже не приходится, тѣмъ болѣе, что языкъ, повторимъ, *вовсе не стѣсняется* — разными описаніями и тому подобнымъ возмѣстить этотъ свой недостатокъ и это *слабое разрѣшеніе*.**)

Въ общемъ, соотвѣтствіе между звуковымъ и внутреннимъ языкомъ слѣдующее.

И здѣсь, и тамъ мы можемъ говорить объ «обозначеніи понятій» (Bezeichnung der Begriffe) и о «законахъ связыванія цѣлой рѣчи изъ отдѣльных словъ или о «сочиненіи рѣчи» (Redefügung), какъ о двухъ существенныхъ (hauptsächliche) отдѣлахъ языка.

Что касается *перваго* изъ упомянутыхъ отдѣловъ, т. е. обозначенія «понятій» (der Begriffe), то, хотя тутъ приходится строго различать *два* стороны дѣла, а именно: исканіе выраженія (Ausdruck) для индивидуальныхъ предметовъ (individuelle Gegenstände), какъ нѣчто *одно*, и обозначеніе такого или иного отношенія, въ которомъ находятся эти предметы, какъ нѣчто совершенно *другое*, однако и предметъ, и отношеніе есть нѣчто такое, о чемъ я, говорящій, долженъ составить такое или иное «*понятіе*» (вотъ что, собственно, Гумбольдтъ разумѣлъ подъ сло-

*) На это Гумбольдтъ указываетъ не только на стр. 110, но и на стр. 102.

**) И эта мысль не выражена у Гумбольдта непосредственно, а только вытекаетъ изъ его разсужденій.

вомъ *Begriff*, когда онъ говорилъ о «Bezeichnung der Begriffe!»), и въ самомъ языкѣ приходится «обозначать» (bezeichnen) *именно* то, что я о предметѣ или объ отношеніи «*понялъ*», причемъ одинъ народъ или даже одинъ человекъ можетъ понять что-нибудь такъ, а другой иначе. И вотъ, въ то время какъ во *внѣшнемъ языкѣ* извѣстное «*понятіе*» о предметѣ и объ отношеніи вызываетъ появленіе того или иного слова, или, выражаясь иначе, въ то время какъ во *внѣшнемъ языкѣ* «обозначеніе понятій» (Bezeichnung der Begriffe) ведетъ къ словообразованію (Wortbildung), во *внутреннемъ языкѣ* само *составленіе* этихъ понятій (Begriffsbildung) и есть ихъ «обозначеніе».

Переходя къ другому главному отдѣлу языка, къ «сочиненію рѣчи» (Redefügung), Гумбольдтъ указываетъ на то, что «сочиненіе рѣчи» отражается во *внѣшнемъ языкѣ* прежде всего на *измѣненіяхъ* словъ въ ихъ *формахъ* (Wortbeugung; имѣются въ виду склоненія, спряженія, степени сравненія и т. п.). Но такъ какъ всякая такая Wortbeugung въ сущности указываетъ на измѣненіе опять таки только «отношенія», то *внутренняя* форма языка *въ этомъ* отдѣлѣ, т. е. въ «сочиненіи рѣчи», совпадаетъ съ *внутреннею* формою языка *второй* стороны *перваго* отдѣла, и дѣло сводится опять таки къ «*составленію понятія*» о разныхъ «отношеніяхъ» или, другими словами, къ полному и правильному различенію того, что *нужно* выразить въ языкѣ (die Vollständigkeit und richtige Absonderung des zu Bezeichnenden), въ то время какъ во *внѣшнемъ языкѣ* приходится слѣдить за *способомъ выраженія* этихъ отношеній (die für solchen Begriff ideell* gewählte Bezeichnung). Прослѣдить за «отношеніями» и за «способомъ ихъ выраженія» не трудно, такъ какъ, гдѣ идетъ рѣчь объ «отношеніяхъ», тамъ все зависитъ отъ *общихъ* «формъ воззрѣнія» (allgemeine Formen der Anschauung) и отъ того, какъ относящіяся сюда «*понятія*» (разумѣй такое или иное *пониманіе* этихъ отношеній)

*) Слово *ideell* кажется намъ немного неточнымъ съ точки зрѣнія самого Гумбольдта; не *идея* избираетъ способъ выраженія, а подчиненная ей «творящая внѣшній языкъ сила».

логически *сгруппировались* между собою (logische Anordnung der Begriffe). Вообще, въ «отношеніяхъ» нужно предположить поддающуюся обзорѣнію систему (ein übersehbares System).

Таково, въ общемъ, разсужденіе Гумбольдта въ первой половинѣ статьи о внутренней формѣ языка. Последними словами онъ какъ нельзя точнѣе опредѣляетъ задачу синтаксиса въ языкахъ вообще, а въ флектирующихъ въ особенности. Уяснить, какъ изъ отдѣльныхъ словъ связывается рѣчь (Redefügung), какія при этомъ связываніи наблюдаются «отношенія», и какъ эти отношенія выражены во *внѣшнемъ* языкѣ, — вотъ первоначальная задача синтаксиса. Но такъ какъ рѣчь связывается изъ *словъ*, и эти слова *также* выражаютъ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ (въ окончаніяхъ), — а то и *цѣликомъ* (напр. conjunctio), — «отношенія»; такъ какъ въ флектирующихъ языкахъ сами *слова*, вообще, отличаются приспособленностью (Zurichtung) къ тому, чтобы изъ нихъ могла составиться рѣчь: то синтаксисту надлежитъ, за одно съ изслѣдованіемъ самого «сочиненія рѣчи» (Redefügung), сгруппировать самыя слова по упомянутой *приспособленности* ихъ какъ *частей* рѣчи (Redetheile).

Самъ Гумбольдтъ не только не брался, но и не могъ взяться за такое изслѣдованіе. Изъ его же разсужденій явствуется, что оно можетъ имѣть успѣхъ только на *конкретной* почвѣ, въ области какого-нибудь *одного* языка (ибо каждый языкъ, по крайней мѣрѣ во *внѣшнемъ* своемъ проявленіи, хозяйничаетъ по своему), а Гумбольдтъ во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ обнимаетъ такую массу языковъ!

Это постоянное пареніе въ высотахъ и невозможность опуститься на конкретную почву произвело то, что Гумбольдтъ во всѣхъ своихъ блестящихъ разсужденіяхъ о синтаксисѣ не успѣлъ даже выбраться изъ заколдованнаго круга не только традиціонной синтаксической терминологіи, но и традиціонныхъ, связанныхъ съ этою терминологіею, понятій. А между тѣмъ нужно сказать, что эти традиціонныя синтаксическія понятія, какъ они держались при Гумбольдтѣ, и какъ они держатся, по крайней мѣрѣ *въ школѣ*, до сихъ

поръ, представляли и представляютъ собою даже не сохраненіе, а положительное искаженіе того, чему о «частяхъ рѣчи» и о «сочиненіи рѣчи» учили еще Александрійцы по отношенію къ *греческому* языку. Однакожъ, за всѣмъ этимъ введеніе Гумбольдта къ языку *каві* остается до сихъ поръ во *многихъ* отношеніяхъ поучительнымъ для синтаксиста и, во всякомъ случаѣ, *первымъ* опытомъ истолкованія живаго, такъ сказать, «организма» языка.

Сочиненіе, съ которымъ мы только что познакомились постольку, поскольку оно относится непосредственно къ нашему дѣлу, издано, какъ извѣстно, не самимъ Вильгельмомъ Гумбольдтомъ, а братомъ его Александромъ, послѣ смерти автора, въ 1836 году, — издано безъ всякихъ перемѣнъ въ редакціи, хотя къ *печати* самъ Вильгельмъ успѣлъ, да и то только кое-какъ, приготовить лишь первую часть.

Если у Гумбольдта положены только *начала* для научнаго синтаксиса, — положены на почвѣ изслѣдованія *языка вообще*, то за девять лѣтъ передъ выходомъ въ свѣтъ его сочиненія появилась книга съ вполне разработанною синтаксическою системою и съ весьма претенціознымъ названіемъ «организма языка». Синтаксическая система разработана здѣсь на почвѣ *нѣмецкаго* языка, причемъ для сравненія, какъ и *подобало* такому труду при вполне развитомся тогда уже направленіи подобныхъ изслѣдованій, привлекались разные другіе языки, въ томъ числѣ и славянскій. Мы разумѣемъ книгу К. Ф. Веcker'a.

Мы не упоминали бы объ этой книгѣ, не будь того обстоятельства, что она положительно завладѣла постановкою *учебнаго* дѣла по изученію языковъ, и уже благодаря этому мѣшаетъ надлежащему развитію *научной* разработки синтаксиса по тѣмъ началамъ, которыя положены для него Гумбольдтомъ.

Беккеръ исходитъ изъ того положенія, что каждое слово въ «организмѣ» языка мыслимо только какъ часть *предложенія*.

Есть слова, — разсуждаетъ онъ, — которыя своимъ этимологическимъ корнемъ обозначаютъ «понятіе» (Begriff),

а своимъ этимологическимъ окончаніемъ указываютъ на такое или иное »отношеніе« (Beziehung), съ которымъ само »понятіе« (Begriff) входитъ въ какое нибудь *сочлененіе* предложія, какъ въ его *часть* (zum Satzverhältniss), или въ самое *предложеніе* (Satz), какъ въ нѣчто *цѣлое* (Org. 130).*)

Этимъ словамъ, получившимъ у Беккера названіе *Begriffswörter*, противопоставляется рядъ другихъ словъ, которыя исполняютъ роль лишь этимологическихъ окончаній, т. е. служатъ исключительно только для обозначенія »отношеній« (Beziehungen). Такія слова Беккеръ называетъ формальными (Formwörter) и относитъ къ нимъ:

1. Pronomina; они попали у Беккера въ Formwörter главнымъ образомъ на томъ основаніи, что одни изъ нихъ, такъ называемыя *личныя* мѣстоименія, въ иныхъ языкахъ и въ *известныхъ* случаяхъ, при »глаголѣ« даже не ставятся, а заключаются въ окончаніи самого глагола (laudo, laudas etc.)

2. Numeralia, какъ опредѣленныя, такъ и неопредѣленныя (напр. *два*, *много* и т. д.); они только ближе опредѣляютъ собою то, что обозначено окончаніями единственного, двойственного и множественнаго чиселъ.

3. Praepositiones; являются, *какъ будто*, — а въ многихъ изъ языковъ и во многихъ случаяхъ *несомнѣнно*, — замѣстителями падежныхъ окончаній.

4. Conjunctiones; почему *этотъ* рядъ словъ попалъ въ Formwörter, станетъ яснѣе ниже.

5. Verbum substantivum seu abstractum; является »служебною« частью въ такихъ формахъ, какъ »*laudatus sum*«, или въ такихъ предложеніяхъ, какъ »*die Rose ist roth*« (связка).

6. Наконецъ, къ Formwörter отнесены еще какіе-то (т. е. не какіе-то; школа ихъ прекрасно знаетъ) » вспомо-

*) Такимъ образомъ, у Беккера нужно понимать терминъ *Begriff* не много иначе, чѣмъ у Гумбольдта: въ то время какъ по ученію Гумбольдта, истолкованному въ его статьѣ объ *innere Sprachform*, нужно имѣть »*Begriff*« (понятіе) т. е. нужно такъ или иначе »*begreifen*« (понять) и »*Gegenstand*« (предметъ), и »*Beziehung*« (отношеніе), у Беккера слово »*Begriff*« относится лишь къ тому, что Гумбольдтъ обозначилъ терминомъ *Gegenstand*.

гательные глаголы»; они, по мнѣнію Беккера, замѣняютъ собою разныя окончанія »наклоненій« (»*er darf nicht sprechen*« есть *запрещеніе*, и слово *darf* исполняетъ роль, одинаковую съ Imperativ'омъ).

Вотъ какіе Formwörter устанавливаются у Беккера Org. 136—153. Въ принципѣ мы не можемъ имѣть ничего противъ составленія какихъ бы то ни было группъ изъ словъ. Если слово, какъ *низшая* единица, должно быть частью *рѣчи*, то есть частью выраженія законченной *мысли*, то эту роль оно можетъ исполнить только потому, что *само по себѣ* имѣетъ такое или иное »значеніе« (Bedeutung), а въ данномъ случаѣ Беккеръ и руководился »значеніемъ«, когда устанавливалъ »Formwörter«. Но только *у него* все это выдѣленіе der Formwörter получаетъ такой видъ, какъ будто онъ, желая развить передъ читателемъ свою теорію объ »организмѣ« языка, предварительно долженъ былъ *освободиться* какъ-нибудь отъ тѣхъ словъ, которыя ему въ этомъ мѣшали, — другими словами, онъ долженъ былъ освободиться отъ того, на почвѣ чего, какъ совершенно правильно учить Гумбольдтъ, только и можно рѣшить одинъ изъ самыхъ капитальныхъ вопросовъ, а именно, *какъ* изъ низшихъ единицъ составляется цѣлая *рѣчь*. Ибо этими низшими единицами могутъ быть только слова, Беккеръ же, установивъ свои Formwörter, въ *дальнѣйшемъ* разъясненіи своей теоріи какъ будто и *забылъ* совершенно о »словахъ«. Установивъ Formwörter, онъ начинаетъ толковать о *предложеніи* (Satz) и о такихъ или иныхъ *сочлененіяхъ* предложенія (Satzverhältniss), — толковать объ этомъ всемъ, какъ онъ самъ всюду объявляетъ, съ *логической* точки зрѣнія (по его мнѣнію, грамматика есть *логика*), устанавливаетъ какія то *логическія* схемы *языка*, а въ каждую изъ этихъ схемъ втискиваетъ *различныя* части *рѣчи*, притомъ въ ихъ *традиціонномъ* видѣ и съ *традиціоннымъ* ихъ пониманіемъ. Онъ не то что не *устыж*ся провѣрить традицію, а о такой провѣркѣ и не думаетъ. Провозглашенный имъ тезисъ, что при разъясненіи языка *надобно исходить отъ предложенія, получаетъ совершенно искаженный смыслъ*. Не слова, какъ *части рѣчи*, освѣщаются

у него предложеніемъ, какъ законченною рѣчью, а само предложеніе, какъ законченная рѣчь, освѣщается совершенно постороннимъ, «логическимъ», по его словамъ, началомъ, причеиъ части рѣчи играютъ роль только матеріала, затыкающаго, какъ пришлось, пустыя пространства, затыкающаго пустыя кѣтки той рамки, которая совершенно извнѣ наложена на рѣчь.

Впрочемъ, выдѣленіе формальныхъ словъ всетаки немного помѣшало при построении его теоріи. Большою тяжекою звучитъ, когда Беккеръ, напр. по поводу выраженія *der Bruder liebt dich*, говоритъ (Org. 184), что въ *dich* надобно усматривать не настоящій, а только прономинальный объектъ, такъ какъ въ этомъ словѣ выражено не «понятіе» (Begriff), а лишь «отношеніе» (Beziehung). Что собственно Беккеръ хотѣлъ сказать настоящею замѣткою, видно изъ сопоставленія ея съ другою замѣткою, помѣщенной Org. 141. Пропомен, — разсуждаетъ здѣсь Беккеръ, — само исполняя роль этимологическаго окончанія, собственно не должно быть флектируемо. Ибо флектировать слово значить: къ «понятію», обозначенному въ корнѣ слова, присоединить еще нѣчто, могущее обозначить такое или иное отношеніе этого «понятія» къ чему-нибудь другому. А такъ какъ пропомен не есть «понятіе», а слѣдовательно, и не корень, то не можетъ быть въ немъ флексіи. (Das Pronomen ist, weil es selbst die Natur einer Endung hat, eigentlich keiner Flexion fähig. Ein Wort wird flectirt, indem die Beziehung des Begriffes durch eine Endung an dem Stamm ausgedrückt wird. Da aber das Pronomen keinen Begriff hat und kein Stamm ist, kann es nicht flectiert werden.) Такимъ образомъ, для того чтобы языкъ не погрѣшалъ противъ требованій Беккероваго «организма», нужно бы ему измѣнить выраженіе *der Bruder liebt dich* такъ, чтобы *dich* какъ нибудь вошло въ этимологическое окончаніе слова *liebt*.

На такія разсужденія натолкнулъ Беккера, оказывается, не иной кто, какъ самъ Борр. Боппъ, какъ извѣстно, въ своей Vergl. Gr. развиваетъ — съ большимъ остроуміемъ, по замѣчанію Беккера (mit vielem Scharfsinn, Org. 153), — такую

теорію, что разныя окончанія въ глагольных формахъ представляютъ собою въ этимологическомъ отношеніи, въ сущности, тѣ же прономіна, то же *sint* и, вообще, тѣ же Formwörter, только уже вполне агглютинированныя къ глагольной темѣ и составляющія съ нею одно слово. Правъ ли Боппъ, или нѣтъ, — въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ несомнѣнно преувеличиваетъ, какъ впоследствии выяснила теорія «дифференцировки,*)» принятая въ этимологию, — но его «остроуміе», къ сожалѣнію, цѣликомъ осталось при немъ и не оказало никакой услуги Беккеру. Въ томъ то и дѣло, что какое нибудь *ἀνδρῶπιος* составлено изъ *ἀνδρῶπι* и, какъ полагаетъ Боппъ и многіе съ нимъ, слова *ὁ — ἡ — τό* путемъ агглютинативнымъ. Но какъ слово водовозъ, составленное также путемъ агглютинативнымъ, не даетъ намъ права не считаться съ словомъ вода какъ самостоятельнымъ словомъ, такъ и слова *егат, ὁ — ἡ — τό* и т. п., когда они въ рѣчи дѣйствительно появляются какъ самостоятельныя слова, а не какъ окончанія въ формахъ *legerat* и др., должны попасть на-равнѣ со всеми остальными словами въ тотъ матеріалъ, о приспособленности котораго къ со-

*) Хотя Дельбрюкъ (Sprachst. 61—101) и не произноситъ самого слова „Differenzierungstheorie“, какъ не произноситъ и простаго „Differenzierung“, и хотя онъ, разбирая различныя теоріи объясненія этимологическихъ формъ, въ концѣ концовъ приходитъ къ убѣжденію, dass das Princip der Agglutination das einzige sei, welches eine verständliche Erklärung der Formen gewährt (стр. 100), тѣмъ не менѣе онъ тутъ же ставитъ вопросъ: Hat sich denn nun die Agglutinationstheorie im Einzelnen bewährt? Отвѣтъ на этотъ вопросъ у него подготовленъ цѣлымъ рядомъ основательнѣйшихъ разсужденій и получилъ слѣдующій видъ: Ich möchte kaum glauben, dass der geduldige Leser, welcher mir durch die ganze vorstehende Ausführung gefolgt ist, mit einem zuversichtlichen Ja antworten wird; denn im besten Falle hat sich uns für die Einzelanalysen eine gewisse Wahrscheinlichkeit, nicht selten das kahle non liquet ergeben. Такое non liquet Дельбрюкъ видитъ, напр., въ попыткѣ объяснить окончанія *ми — баи — таи* черезъ «удвоеніе прономіновъ» (*ми = ма + ми = и жени или и себя*) и въ многихъ другихъ формахъ. И такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ агглютинативный путь, провозглашенный Дельбрюкомъ за единственно надежный, не примѣнимъ; такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ вообще unser Material nicht ausreicht, um zwischen den verschiedenen Möglichkeiten der Entwicklung, die sich darbieten, eine sichere Wahl zu treffen (стр. 98: то только и остается сказать, что напр. формы *ἰστέμι* и *ἰσταναι* и *ἐντιμί* «дифференцированы», согласно различію ихъ внутреннему содержанія, а какіе, вышніе же, элементы кроются въ этой дифференцировкѣ, это приходится оставлять безъ отвѣта.

ставленію изъ него цѣлой *речи* только и долженъ думать если не изслѣдователь «организма» языка, то по крайней мѣрѣ составитель синтаксической системы, разъ ему съ такою ясностью намѣчена дорога, съ какою это сдѣлалъ Гумбольдтъ своими терминами *Redetheile* und *Redefügung*.

Рамка, въ которую Беккеръ втискиваетъ языкъ, слѣдующая.

Главнымъ «сочлененіемъ» предложенія (*Satzverhältniss*) является *prädicativ*'ное. Оно состоитъ изъ *двухъ* элементовъ: сказуемаго, выражающаго нѣкую «дѣятельность» (*Thätigkeit*), и подлежащаго, заключающаго въ себѣ нѣкій «предметъ», что ли (*Sein*)*. Напр. *der Bruder liebt, die Rose ist roth, der Knabe soll herkommen*.

«Логически» *первымъ* Беккеръ считаетъ въ этомъ сочлененіи «сказуемое» (*Prädicat: liebt, ist roth, soll herkommen*), какъ *привлекаемое* въ отношеніе (*das bezogene*), причемъ пониманіе чего-нибудь какъ «дѣятельности» (*Thätigkeit*) дано самимъ актомъ *предицированія*; ибо предицированіе — по толкованію Беккера — предполагаетъ нѣкое *движеніе* т. е. такое или иное *видоизмѣненіе* того, что въ *одномъ* видѣ привлекается къ *одному* *Sein*, а въ другомъ — къ другому.

«Логически» вторымъ въ *prädicativ*'номъ сочлененіи предложенія является «подлежащее» (*Subject*), какъ *привлекающее* въ отношеніе (*das beziehende*).

«Логически» второй элементъ *prädicativ*'наго сочлененія предложенія, т. е. подлежащее, можетъ заключаться въ окончаніи глагола, напр. *amas*.

Въ примѣрѣ *die Rose ist roth* слово *ist* является связкою; но оно можетъ быть и самостоятельнымъ сказуемымъ, напр. *der Mann ist hier* (здѣсь слово *ist* имѣетъ значеніе выраженія *befindet sich*).

Все *prädicativ*'ное сочлененіе предложенія можетъ оказаться достаточнымъ для *полнаго* предложенія, и тогда предложеніе называется простымъ.

* Такимъ образомъ, «*Thätigkeit*» и «*Sein*» оказываются подраздѣленіями того, что выше Беккеръ обозначалъ *однимъ* терминомъ *Begriff*.

Подлежащее *prädicativ*'наго сочлененія предложенія въ свою очередь можетъ войти въ *новое* сочлененіе (*in ein neues Satzverhältniss*), именно *attributiv*'ное. Въ *attributiv*'номъ сочлененіи является «логически» первымъ само «опредѣленіе» (*Attribut*). И «*опредѣленіе*» обозначаетъ нѣкую дѣятельность (*Thätigkeit*), *привлекаемую* въ отношеніе (*bezogen*) къ подлежащему, какъ къ предмету (*Sein*). Какъ Беккеръ представляетъ себѣ эту *Thätigkeit* въ *attributiv*'ѣ, видно изъ слѣдующаго. Хотя — разсуждаетъ Беккеръ — въ выраженіи *Brief des Bruders* оба слова *Brief* и *Bruder* обозначаютъ *предметы* (*das Sein*), по все же форма *des Bruders* указываетъ на заключающееся въ ней «*Sein*», т. е. на выражаемый въ ней «предметъ», какъ на *дѣйствующій* (*thätiges*; самъ *братъ* шипеть), а потому и объ *опредѣленіи* можно утверждать, что оно выражаетъ «дѣятельность» (*Thätigkeit*; см. Org. 168 и др.). Какъ въ *prädicativ*'номъ сочлененіи подлежащее могло быть поглощено сказуемымъ (*amat*), такъ и въ *attributiv*'номъ — «опредѣляемое» можетъ быть поглощено *опредѣленіемъ* (*Gelehrte* вмѣсто *ein gelehrter Mann*; см. Org. 125). Если подлежащимъ въ *prädicativ*'номъ сочлененіи было преимущественно *Substantivum*, то *опредѣленіемъ* въ *attributiv*'номъ сочлененіи бываетъ, по преимуществу, *Adjectivum*.

Сказуемое *prädicativ*'наго сочлененія можетъ *также* войти въ новое сочлененіе, а именно *objectiv*'ное (*Objectives Satzverhältniss*). Въ этомъ сочлененіи «логически» *первымъ* элементомъ является само «дополненіе» (*Object*), поглощающее иногда сказуемое (напр. вмѣсто *er fängt Fische* говорятъ *er fischet*; Org. 126). Въ *objectiv*'номъ сочлененіи привлекается не *дѣятельность* къ *предмету* (*nicht die Thätigkeit zum Sein*), какъ это было въ *praedicativ*'номъ и *attributiv*'номъ сочлененіи, а *наоборотъ*, предметъ къ дѣятельности. «Дополненій» можетъ быть *нѣсколько*. Ибо «дополненіе» составляетъ съ сказуемымъ органическую единицу, и эта органическая единица можетъ принять къ себѣ *новое* дополненіе, срастающееся съ прежнею органическою единицею въ *новую*, способную *опять* принять дополненіе,

напр.: (rühmt) den König; (rühmt den König) allem Volke; (rühmt den König allem Volke) wegen seiner Gerechtigkeit (Org. 183).

»Дополненіемъ« бываетъ прежде всего Substantivum, въ томъ или иномъ падежѣ, а то и Pronomen; послѣднее въ такомъ случаѣ обозначаетъ уже не »Begriff«, а »Beziehung«. Но можетъ встрѣтиться въ роли »дополненія« и Adverbium. Въ сущности, Adverbium есть окаменѣлый падежъ того-же Substantivum, или того-же Pronomen. Есть *разныя* objectiv'ныя »отношенія« (Beziehungsverhältnisse), какъ это можно было видѣть на примѣрѣ *rühmt den König allem Volke wegen seiner Gerechtigkeit*; изъ нихъ нѣкоторыя выражаются *только* черезъ Adverbia, другія же не получаютъ своего выраженія въ Adverbium *никогда*. Въ виду послѣдняго обстоятельства слѣдуетъ выдѣлить, какъ *особую группу* objectiv'ныхъ сочлененій, такъ называемыя adverbial'ныя: времени, мѣста, вообще »обстоятельства« (circumstantiae), и — способа, что ли (Weise—qualitas; см. Org. 267—8).

Больше перечисленныхъ трехъ сочлененій (Satzverhältnisse) въ предложеніи не бываетъ; но каждое »опредѣленіе« (Attribut) *само по себѣ* можетъ войти въ новое »objectiv'ное« отношеніе, — напр. »das vom Hunde gebissene Kind ruft«, — и каждое »дополненіе« (Object) можетъ войти въ новое »attributiv'ное« отношеніе, — напр. »er ruft das gebissene Kind«, — а если »опредѣленіе« *послѣдняго* примѣра — т. е. »опредѣленіе« *gebissene* — вступить въ новое »objectiv'ное« отношеніе, то выйдетъ »er ruft das vom Hunde gebissene Kind« (Org. 158—9).

Придаточное предложеніе есть, въ сущности, выраженный *цѣлымъ предложеніемъ* элементъ какого-нибудь сочлененія *главнаго* предложенія: это бываетъ либо »подлежащее« главнаго предложенія (dass er hereintrat, erschreckte mich), либо »дополненіе« (ich bat ihn, er möge helfen), либо »опредѣленіе« (der Knabe, welcher sehr fürchtete, schrie). Такъ какъ въ *главномъ* предложеніи подлежащее выражается преимущественно черезъ Substantivum, дополненіе — черезъ Substantivum и Adverbium, а опре-

дѣленіе — черезъ Adjectivum, то мы различаемъ: substantiv'ныя придаточныя предложенія, adjectiv'ныя и adverbial'ныя (Org. 310—312). Когда мы говоримъ: *dass die Erde sich um ihre Axe bewegt, ist gewiss*, то Conjunctio *dass* указываетъ на все вводимое ею предложеніе какъ на *Substantivum* главнаго предложенія, а потому и *Conjunctio* есть Formwort.

Больше всего замѣняются *цѣлыми* (разумѣй *придаточными*) предложеніями всѣ, попадающія въ главное предложеніе въ качествѣ элементовъ такого или иного »сочлененія«, gerundia, gerundiva, supina, participia, infinitivi, — словомъ, всякія, какъ ихъ Беккеръ называетъ, participialia. О participial'яхъ много распространяется Беккеръ Org. 285—306. Придаточныя предложенія онъ на стр. 306 прямо называетъ аналитическими выраженіями participial'ий (analytische Ausdrücke der Participialien). Эта фраза Беккера въ школьномъ языкѣ переведена на фразу: всякое participiale есть *сокращенное* придаточное предложеніе, и школьники, прекрасно на практикѣ привившіе себѣ сознаніе Беккероваго »analytischer Ausdruck«, преспокойно »разлагаютъ« выраженіе *онъ читаетъ лежа* на выраженіе *онъ читаетъ, когда онъ лежитъ*. Это ли не порча языка, которою не только наша школа обязана Беккеровскому »организму«, но которою ему обязанъ Беккеръ *самъ*. Ибо и онъ, какъ мы видѣли, считаетъ возможнымъ настаивать на противорѣчащей *всякому* чутью языка фразѣ *der Knabe, welcher sehr fürchtete, schrie*.

Мы не станемъ разсуждать о томъ, насколько приличествуетъ называть синтаксическую систему Беккера результатомъ изслѣдованія des »Organism« der Sprache. Во всякомъ случаѣ, то, что мы отъ него слышали, есть полная *Desorganisation der Sprache*. Ибо помимо всякихъ »analytische Ausdrücke«, помимо всякихъ *der Knabe, welcher sehr fürchtete, schrie*, кто изъ говорящихъ на какомъ бы то ни было языкѣ при произнесеніи выраженія *цѣмъ волосъ* подумаетъ о томъ, что *волоса* есть »Thätigkeit«, а *цѣмъ* — »Sein«? (смотри выше *Brief des Bruders*): на это не на-

толкнетъ ни одна «логика», въ какой дозѣ ни приправлялъ бы ея Беккеръ свою синтаксическую систему. Кстати, на счетъ «логики», есть ли въ самомъ дѣлѣ грамматика логика, какъ то проповѣдуетъ Беккеръ, и какъ то проповѣдывали всѣ его предшественники, начиная съ схоластиковъ? Ибо и они старались подвести подъ «логическое» начало всѣ части рѣчи (смотри Delbrück, Grundr. III. Einleitung), насилау ихъ первоначальный смыслъ именно подъ вліяніемъ этого «логического» начала.

Итакъ, есть ли грамматика логика? Самъ языкъ есть несомнѣнно историческое явленіе, такъ какъ онъ, по ученію Гумбольдта, есть сама дѣятельность *духа* человѣческаго, и такъ какъ онъ рождается, развивается и вымираетъ не съ рожденіемъ, жизнью и смертію *одного* челоуѣка, *одного* организма, а растетъ и исчезаетъ вмѣстѣ съ ростомъ и исчезновеніемъ *цѣлыхъ* *человѣческихъ* *обществъ*, оставляя, быть можетъ, слѣды своего существованія въ языкѣ *другихъ*, такихъ же *человѣческихъ* *обществъ*. Самъ языкъ есть выраженіе *мысли*, выраженіе челоуѣческаго *мысленія*, а *мысленіе* бываетъ у кого *логичное*, а у кого и *нелогичное*, но, во всякомъ случаѣ, то и другое есть актъ *психологическій*, а потому и языкъ можно назвать явленіемъ *психологическимъ*. Что же касается *грамматики*, то въ ней, конечно, какъ во всякой наукѣ, должна быть *логика*, или скорѣе *логичность*, но логика ли она *сама*, это большой вопросъ. Скорѣе *математику* можно назвать логикою, нежели *грамматику*. Ибо *математическое* мышленіе должно быть непременно *логичнымъ*, иначе оно перестаетъ быть и математическимъ.

Этимъ нашимъ разсужденіемъ мы вовсе не хотимъ сказать, что логика должна быть совершенно выведена изъ грамматики. Прекрасно выражается на счетъ этого Paul (Princip. 33): In der Opposition gegen eine früher übliche Behandlungsweise der Sprache, wonach alle grammatischen Verhältnisse einfach aus den logischen abgeleitet wurden, ist man soweit gegangen, dass man eine Rücksichtnahme auf die logischen Verhältnisse... von der Sprachbetrach-

tung ausgeschlossen wissen will. Das ist nicht zu billigen. Grammatik und Logik treffen zunächst deshalb nicht zusammen, weil die Ausbildung und Anwendung der Sprache nicht durch streng logisches Denken vor sich geht, sondern durch die natürliche, ungeschulte Bewegung der Vorstellungsmassen, die je nach Begabung und Ausbildung mehr oder weniger logischen Gesetzen *folgt* oder *nicht folgt*. Aber auch der *wirklichen* Bewegung der Vorstellungsmassen mit ihrer bald grösseren, bald geringeren logischen Consequenz ist die sprachliche Form des Ausdrucks nicht immer congruent. Auch *psychologische* (въ которыхъ *logische* составляютъ часть) und grammatische Kategorien decken sich nicht. Daraus folgt, dass der Sprachforscher beides (т. е. категории грамматическія и психологическія, частью которыхъ являются и *логическія*) *auseinander halten* muss, aber *nicht*, dass er bei der Analyse der menschlichen Rede auf psychische Vorgänge, die sich beim Sprechen und Hören vollziehen, ... *keine Rücksicht* zu nehmen braucht.

Что касается въ частности «логико-грамматическихъ» категорій Беккера, то онѣ, во всякомъ случаѣ, крайне ошибочны. Ибо отъ всякой грамматики, на какомъ бы принципѣ она ни была построена, нужно требовать, чтобы она знакомилась съ средствами языка, съ его схемами и объясняла цѣлесообразность этихъ средствъ и схемъ. Но что пользы для языка, какое пониманіе его выражается въ томъ, если я знаю, что такое то предложеніе есть *adverbial'ное*, т. е. что оно можетъ быть замѣнено, *если это допускаютъ средства языка*, *adverbіемъ*, или чѣмъ нибудь другимъ, могущимъ замѣнить собою *самое adverbium*, опять таки если это *допускаютъ средства языка*? И зачѣмъ я, когда говорять напр. *честные люди будутъ всегда видѣть въ его поступкѣ величайшую низость*, — зачѣмъ я долженъ непременно искать подлежащее въ словѣ *люди* (даже не въ *честные люди*; ибо *честные* есть уже «опредѣленіе»), а сказуемое въ *будутъ видѣть*, и почему я не могу признать подлежащимъ *его поступокъ*, а сказуемымъ — *величайшую низость*? Мы уже не говоримъ о томъ, что, при-

нимая даже за подлежащее его *поступокъ* и за сказуемое *величайшую низость*, слѣдовательно нѣчто, что какими-нибудь синтаксическими схемами совершенно даже не можетъ быть предупреждено, мы еще не удовлетворяемъ вполне чистую, *формальную* логику. Ибо о нашихъ «подлежащемъ» и «сказуемомъ» можно сказать то же, что сказалъ Heyse, Sprachw. 391: Der so entstehende Satz hat die Form des Urtheils, ohne deshalb seinem Inhalte nach dem philosophischen Begriffe des Urtheils entsprechen zu müssen. Denn das *logische* Urtheil entspringt aus der *Zerlegung* eines Begriffes und die Verbindung von Subject und Praedicat ist darin eine *wesentliche, nothwendige*; es ist Ausdruck eines Allgemeinen, z. B. *Gott ist absoluter Geist*. Der Satz aber kann bloss aus der Zerlegung einer *subjectiven, einzelnen Anschauung* eines *Factischen* entspringen; er kann einen *Zustand* aussagen, eine *Handlung*, etwas bloss *Zufälliges*, nichts *Nothwendiges*, welches wohl wirklich, aber nicht wahr im höheren Sinne des Wortes ist.

Н. Steinthal, великій ученикъ только что упомянутого Heyse (къ нему онъ и относится съ большою признательностью), въ своемъ трудѣ Gramm. etc. много занимается Беккеромъ и посвящаетъ ему цѣлыя 105 страницъ этого сочиненія.

Не разбирая, какъ мы, самихъ *результатовъ*, до которыхъ Беккеръ дошелъ въ своемъ «организмѣ» по отношенію къ синтаксису, и ограничиваясь критикою *принциповъ*, которыхъ держится послѣдній въ разработкѣ языка вообще, Штейнталь съ полнѣйшею убѣдительною доказываетъ всю безпринципность этихъ принциповъ, ловя Беккера на каждомъ шагу въ нелогичности его разсужденій, и съ удивленіемъ ставитъ вопросъ: Wie ist es möglich, dass ein Mann einerseits seit Jahrzehenden als Gründer der neuen Grammatik anerkannt wird, und andererseits dir in einem Lichte erscheint, dass du Mühe hast ihn von denen zu unterscheiden, die man geisteskrank nennt (Gramm. etc. VI.).

Самъ Штейнталь въ наукѣ о языкѣ является продолжателемъ Гумбольдта. Указавъ на то, что Гумбольдтъ прибѣгаетъ

къ слову *Organismus* только *иногда*, притомъ въ смыслѣ скорѣ поэтическомъ, чѣмъ философскомъ, и что у Гумбольдта «организмъ» вовсе не выставленъ точкою исхода и руководящею нитью въ разсужденіяхъ о языкѣ (Gramm. etc. 128), какъ то сдѣлано Беккеромъ, не сознающимъ, однако, и не опредѣлившимъ значенія этого слова, Штейнталь высказывается объ этомъ словѣ и объ отношеніи его къ языку слѣдующимъ образомъ (Gramm. etc. 379): Насъ спросятъ, желаемъ ли мы назвать языкъ организмомъ. Но къ чему намъ, спрашиваю я, слово, которое на своей домашней почвѣ никогда яснаго смысла не имѣло и съ давнихъ уже поръ все больше и больше угрожаетъ потерю *всякаго* значенія. Однако, не считаясь и съ этимъ, какой смыслъ можетъ имѣть для насъ слово «органический»? Оно немислимо безъ *противоположности*, безъ «неорганическаго», и гдѣ же для языка такая противоположность? Въ области языка это слово можетъ имѣть только *переносное* значеніе, такъ какъ языкъ принадлежитъ существенно *духу* человѣческому, есть порожденіе *духа*. Чисто *естественнаго* значенія оно ни въ какомъ случаѣ получить не можетъ. Должно ли оно обозначать, что начало языка кроется въ *естественномъ*, не волею чьей-нибудь вызванномъ процессѣ развитія духа и, еще частнѣе, въ неразложимомъ взаимодействіи тѣла и души? Да будетъ мнѣ позволено надѣяться или, если угодно, возмнить, что я понялъ все относящееся сюда гораздо опредѣленнѣе и изложилъ гораздо основательнѣе, чѣмъ то способно выразить слово «органический», и что я вмѣстѣ съ тѣмъ освободился отъ ходульности, къ которой это слово давало поводъ. Оно *отжило* свой вѣкъ. Вотъ подлинныя слова Штейнталя: Man wird uns fragen, ob wir die Sprache einen Organismus nennen wollen? Was soll uns aber, frage ich, ein Wort, das auf seinem einheimischen Boden niemals einen klaren Sinn gehabt hat und schon seit langer Zeit alle Bedeutung mehr und mehr zu verlieren droht? Doch sehen wir davon ab, welchen Sinn kann für uns das Wort „organisch“ haben? Es kann nicht bestehen ohne seinen Gegensatz, das „Unorganische“, und wo läge für die Sprache ein solcher Gegen-

satz? Das Wort „organisch“ könnte für uns einen übertragenen Sinn haben, denn die Sprache gehört wesentlich dem Geiste, ist ein geistiges Erzeugniss. Eine rein natürliche Bedeutung könnte es sicherlich nicht haben. Soll es uns nun andeuten, dass der Ursprung der Sprache in dem notwendigen Gange der geistigen Entwicklung liegt? und noch specieller, im Zusammenhange von Seele und Leib? Man gestatte mir die Hoffnung oder, wenn man will, die Einbildung, dass ich diese Punkte viel bestimmter erfasst und gründlicher erörtert habe, als das Wort „organisch“ auszudrücken vermag, und sie zugleich von allen Schiefheiten und Übertreibungen gereinigt habe, zu denen das Wort veranlasst hatte. Dieses Wort hat seine Epoche ausgelebt.

То, что Гумбольдтъ назвал *innere Sprachform*, Штейнталь (Gramm. etc. 304—314) разъясняет слѣдующимъ образомъ*): Человѣкъ видитъ въ душѣ нѣчто, слышитъ и т. д. Это видимое въ душѣ, слышимое и пр. онъ *невольно* «сознаетъ». Онъ «сознаетъ» не *объектъ*, находящійся *внѣ* его и подлежащій его воспріятію, а «сознаетъ» *именно* это *видимое въ душѣ*, — сознаетъ не *такъ*, какъ онъ видитъ, а само сознание вноситъ въ видимое нѣчто *отъ себя*, невольно какъ-то избирая изъ видимаго одно и пропуская другое, такъ что сознание не *соотвѣтствуетъ* «*видимому*»*) въ душѣ, какъ и видимое въ душѣ, въ свою очередь, не соотвѣтствуетъ предмету, который человѣкъ воспринимаетъ. Чѣмъ же обнаруживается такое «невольное» сознание? Содроганіемъ нервовъ, улыбкою, выраженіемъ ужаса на лицѣ и т. д. и, наконецъ, «невольно» прорывающимся звукомъ.

Всѣ ли звуки, издаваемые человѣкомъ, являются обнаруженіемъ одной и той же степени «невольнаго сознания»

*) Читатель, надѣмся, не упрекнетъ насъ за то, что мы и здѣсь, какъ это сдѣлали кое гдѣ относительно Гумбольдта, замѣнимъ иногда точную передачу словъ Штейнталья своимъ истолкованіемъ его мысли. Точная передача словъ Штейнталья не обошлась бы безъ *комментирования* этихъ словъ, и это напрасно увеличивало бы объемъ и безъ-того пространнаго введенія.

*) Быть можетъ, слово *видимый* употреблено здѣсь не кстати; быть можетъ, подъ «видимымъ» читатель разумѣетъ уже то «сознание», которое мы въ нашемъ контекстѣ *отличаемъ* отъ «видимаго», но у насъ нѣтъ подъ рукою другого слова, *болѣе* подходящаго.

(des instinctiven Bewusstseins)? Нѣтъ. Когда у меня отрѣзываютъ ногу, и я отъ боли кричу и издаю звукъ, то въ этомъ звукѣ, хотя онъ и артикулированный, не сказывается еще та степень «невольнаго сознания», которая дала бы ему право называться рѣчью. Но есть другіе звуки, хотя бы тоже чисто «interjectional'ные», которые невольно прорываются въ моментъ возникновенія у меня *пониманія*, что «вотъ то отрѣзываніе ноги, которое теперь на мнѣ совершается, ужъ очень больно, и какъ я отъ боли неистово кричу!» Такимъ и притомъ вполне еще «interjectional'нымъ» можетъ быть выраженіе «ого!» Такое «ого!» есть уже *рѣчь*.

При чѣмъ же тутъ, однако, *innere Sprachform*? *Innere Sprachform*, это есть *самосознание* (*Selbstbewusstsein*), тоже, невольное (*instinctiv*). Это есть сознание того, что такой-то, прорвавшійся у меня невольно звукъ имѣетъ такое то *значеніе* (*Bedeutung*), или, примѣняясь къ данному примѣру, что «interjectional'ное» выраженіе «ого» прорвалось у меня какъ символъ мысли «*однако это ужъ очень больно, и какъ я неистово кричу!*» Самый звуковой комплексъ «ого!» есть *äussere Sprachform*, — есть «выраженіе» (*Ausdruck*); его «значеніе» есть то, что я, произнося слово «ого!», «представляю» (*Vorstellung*), а *innere Sprachform* есть *сознание* «значенія», выражаемаго въ *внѣшней* формѣ языка (*in der äusseren Sprachform*), — есть нѣчто, *посредничающее* между звукомъ, какъ *внѣшнею формою* языка, и самимъ «представленіемъ» (*Vorstellung*), какъ *матеріею* этой внѣшней формы. Если въ проявленіи звука «ого» мы должны усматривать *обнаруженіе* «акта невольнаго сознания» или, лучше сказать, *самый* «актъ невольнаго сознания», то «*внутренняя форма языка*» есть «невольное сознание этого «акта невольнаго сознания», — есть, такъ сказать, невольное сознание въ квадратѣ. Черезъ *внутреннюю* форму языка, т. е. черезъ установленіе «представленія» какъ *содержанія* внѣшняго звука, *душа* человѣческая (*Seele**) превращается въ *духъ* (*Geist*), пробуждаясь какъ бы отъ сна.

*) До слѣхъ поръ — сказали бы напр. Неузе и др. — душа человѣческая почти что не отличалась отъ души иного животнаго.

На первой ступени внутренняя форма языка посредничает между *очень сложным* »представлением« и *очень коротким* »выражением«. Это бывает в interjectional'ных выражениях, в родъ приведенного *ого!*», и в дѣтских выражениях, в родъ *гавз-гавз*. Ни *ого!*, ни *гавз-гавз* не суть еще »слова«. *Гавз-гавз* сознается ребенкомъ какъ выражение *очень* сложнаго »представления«. Внутренняя форма языка упрочиваетъ у ребенка за *гавз-гавз* представление прежде всего *известной* собаки, — положимъ, большой, черной, подпрыгивающей къ ребёнку, виляющей хвостомъ, ворчащей и лающей на приближающихся къ нему чужихъ людей и отгоняющей ихъ отъ него. Не безъ основанія можно утверждать, что дѣтское *гавз-гавз*, точно такъ же, какъ и interjectional'ное *ого!* суть цѣлая *предложенія* (мы бы сказали »суть цѣлая *речь*«).

На первой ступени проявленія внутренней формы языка, звукъ стоитъ — можно сказать — *исключительно* на почвѣ *ономатопоэтической*. Штейнталь совершенно правильно указываетъ на то (Gramm. etc. 312), что въ ономатопоэтической сторонѣ языка не слѣдуетъ усматривать первоначально *подражанія* звукамъ внѣшняго явленія,*), такъ какъ *подражаніе* есть нѣчто, совершаемое съ *намереніемъ*, между тѣмъ какъ *невольный актъ сознанія*, обнаруживаемый звукомъ, — а то и прямо въ немъ заключающійся, — предполагаетъ въ звукѣ чистый рефлексъ, — рефлексъ, состоятельность котораго основывается на нѣкоемъ *подобіи* звука самому тому »представленію«, которое въ немъ отражается,**) такъ что голо-

*) Это невозможно уже потому, что въ такомъ случаѣ нужно бы предположить, что человѣкъ »воспринималъ« внѣшніе объекты *исключительно* только при посредствѣ *слуха*, между тѣмъ какъ *первымъ* органомъ чувства остается всетаки *зрѣніе*.

**) О чемъ-то подобномъ думалъ и Платонъ. Сравни Plato, Crat. 426 d — 427 b: τὸ δ' οὖν ὥς τὸ στοιχεῖον, ὡς περὶ λέγω, καὶ δὲν ἔδοξεν ὄργανον εἶναι τῆς κινήσεως τῶν τὰ ὀνόματα τιθεμένων πρὸς τὸ ἀφομοιοῦν τῇ φορᾷ πολλὰ τοῦ ὄντος χρῆται αὐτῶν εἰς αὐτὴν πρῶτον μὲν ἐν αὐτῶ τῶν εἶναι καὶ ὅ οἱ διὰ τοῦτον τοῦ γράμματος τὴν φορὰν μιμνῆται, εἴτα ἐν τῶ τρῶμι, εἴτα ἐν τῶ τραχεῖ, ἐπεὶ δὲ ἐν τοῖς τοιοῖσδε ἥματιν οἷον κρούειν, θραύειν, ἐρείκειν, θρούπτειν, κερματίζειν, ὑμβεῖν πάντα ταῦτα τὸ πολὺ ἀπὸ κάλει διὰ τοῦ ὥς ἰῶρα γάρ, οἶμαι, τὴν γλῶτταν ἐν τούτῳ ἥμισυ μένουσαν, μάλιστα δὲ ὀνομαίνην διὸ φαίνεται μοι τούτῳ πρὸς ταῦτα καταχρῆσθαι τῶν δ' αὖ ἰῶτα

совые органы представляютъ собою въ этомъ отношеніи нѣчто въ родѣ зеркала или сѣтчатой оболочки глаза, отражая въ себѣ то, что на нихъ дѣйствуетъ.

На второй ступени, проявленіе внутренней формы языка выступаетъ какъ *поименованіе* »представленія« по его *главному* или *характерному* »признаку«. Тутъ то ужъ появляются *дѣйствительныя* »слова«, обозначающія (опять таки по большей части *ономатопоэтически*, въ выясненномъ только что *широкомъ** смысле этого слова) не только *предметы*, — собственно »представленія« о нихъ, — по тѣмъ или инымъ *качествамъ* или *дѣйствіямъ*, »представля-

πρὸς τὰ λεπτὰ πάντα ἃ δὴ μάλιστα διὰ πάντων τοῖς ἀνδράσι διὰ ταῦτα τὸ εἶναι καὶ τὸ ἔσθαι διὰ τοῦ ἰῶτα ἀπομιμνῆται... ὅτι δὲ ὀλιθῶναι μάλιστα ἐν τῶ λάβδᾳ ἢ γλῶττᾳ κατιδόν, ἀφομοιοῦν ὀνόματι τὰς λέξεις καὶ αὐτὸ τὸ ὀλιθῶναι, καὶ τὸ λιπαρὸν καὶ τὸ κολλῶδες καὶ τὰλλα πάντα τὰ τοιαῦτα... τὸ δ' αὖ ἄλφα τῶ μεγάλῳ ἀπέδωκε, καὶ τῶ μήκει τὸ ἦτα, ὅτι μεγάλα τὰ γράμματα κ. τ. ἄ. Мысль Платона развиваетъ дальше на почвѣ фактовъ Heuze Sprachw. (115—127), ссылаясь часто на Платона.

*) Такимъ образомъ, и Штейнталь не признаетъ той Bau — wau und Pah — pah Theorie, съ которою Max Müller съ такимъ успѣхомъ борется Vorles. I. 9. Не отвергая при образованіи словъ принципа звукоподражанія и, какъ онъ выражается, »interjectional'ности« *безусловно*, — онъ самъ приводитъ *примеры* образованія словъ по этому принципу, да и отчего не могъ быть »чистый рефлексъ« на »сѣтчатой оболочкѣ голосовыхъ органовъ« при всей *instinctiv'ности* и звукоподражательномъ? — Мюллеръ, однако, въ концѣ концовъ задаетъ себѣ вопросъ: Wie wurde die abstracte Idee des Messens durch mā, die Idee des Denkens durch man ausgedrückt? Wie kam gā dazu gehen, sthā — stehen, sad — sitzen, dā — geben, mar — sterben, char — wandeln, kar — thun zu bezeichnen? На этотъ вопросъ онъ въ поэтически философскомъ настроеніи отвѣчаетъ такъ: Jede Substanz hat ihren eigenthümlichen Klang. Wir können auf die mehr oder weniger vollkommene Structur der Metalle aus ihren Vibrationen schliessen, aus der Antwort, die sie erteilen, wenn man sie nach ihrem Naturklange fragt. Gold erklingt anders als Zinn, Holz anders als Stein, und verschiedene Klänge entstehen, je nachdem die Erschütterung des Körpers verschieden ist. Ebenso war es mit dem Menschen, dem vollkommensten Organismus unter den Werken der Natur. Auch der Mensch erzeugt Klänge. Der Mensch war in seinem vollkommenen Urzustande nicht wie die Thiere allein mit dem Vermögen begabt, seine Empfindungen durch Interjectionen und seine Wahrnehmungen durch Onomatopoesie (разумѣи ономатопоэзію въ болѣе узкомъ смыслѣ этого слова) auszudrücken, er besass auch das Vermögen, seinen abstracten Vorstellungen einen besser, feiner articulierten Ausdruck zu geben. Dieses Vermögen hatte er nicht selbst herangebildet. Es war ein Instinct, ein Instinct des Geistes eben so unwiderstehlich, wie jeder andere Instinct (Vorles. I. 339).

ющимися *главными* въ этихъ предметахъ (волкъ — влекущій), но и самыя *дѣйствія* и *качества*, гдѣ, въ свою очередь, въ цѣломъ рядѣ видѣннаго и слышаннаго выступаетъ и «представляется» нѣчто *одно* главнымъ и характернымъ для «поименованія» ихъ.

Настоящее замѣчаніе Штейнталя о «поименованіи» предметовъ, качествъ и дѣйствій по ихъ характернымъ признакамъ мы должны дополнить однимъ, на нашъ взглядъ, очень важнымъ указаніемъ Мах'a Müller'a. Мюлеръ, примиряя теорію Locke, Adam'a Smith'a и др., по которой каждое слово было первоначально названіемъ предмета — *индивидуума* и, такъ сказать, *собственнымъ именемъ* этого индивидуума, съ теорією Leibniz'a, по которой всѣ слова были первоначально *нарицательными* названіями *родовъ*, а не индивидуумовъ, говоритъ такъ (Vorles. I. 331): Всѣ «имена» выражаютъ первоначально *одно* изъ *многихъ* «свойствъ» предмета, и это «свойство», будь это качество или дѣйствіе, есть непременно *общая идея*. Рожденное такимъ путемъ слово было рассчитано первоначально на *одинъ* предметъ, хотя, естественно, почти что одновременно распространилось на весь *родъ*, которому этотъ предметъ принадлежалъ, — принадлежалъ, разумеется, по свойству, выраженному въ самомъ словѣ. Во многихъ случаяхъ слово оставалось *собственнымъ* названіемъ, не поднимаясь никогда до значенія *нарицательнаго* имени. Такъ, *Rhenus* обозначаетъ *текущій* = *рѣка*, но слово это осталось названіемъ *одной* рѣки. *Всякое* наименованіе есть классификація, — есть подведеніе единичнаго подъ родовое, и все, что мы «знаемъ», — эмпирически ли, или научно, — мы знаемъ черезъ зеркало нашихъ *общихъ* идей. Всякое «слово» есть первоначально «*сказуемое*» предмета. (Die Nomina drücken ursprünglich eines der vielen Attribute eines Gegenstandes aus, und dieses Attribut, mag es nun eine Qualität oder Thätigkeit sein, ist nothwendiger Weise eine *allgemeine Idee*. Das so gebildete Wort war zuerst nur auf *einem* Gegenstand berechnet, obzwar es naturgemäss fast augenblicklich auf die ganze Klasse ausgedehnt wurde,

welcher dieser Gegenstand angehören schien*).... In vielen Fällen blieb ein Wort... der Eigennamen eines Gegenstandes, ohne sich je zu der Würde eines Appellativ's zu erheben. So bedeutet *Rhenus* der Fliessende, der Fluss, aber das Wort blieb an *einem* Flusse haften.... Alles Benennen ist Classification, Einordnen des Individuellen unter das Generelle, und alles, was wir entweder empirisch oder wissenschaftlich kennen, kennen wir nur vermöge unserer allgemeinen Ideen.... Jedes Wort ist ursprünglich ein *Prädicat* des Gegenstandes.) Но возвратимся опять къ Штейнталю.

Со второю ступенью проявленія внутренней формы языка приходится имѣть дѣло этимологу, собственная задача котораго въ томъ и заключается, чтобы раскрыть, какое «представленіе» внутренняя форма языка соединяла или соединяетъ съ тѣмъ или инымъ «корневымъ» словомъ (Wurzelwort). Почему здѣсь упоминается о «Wurzelwort», а не просто о «Wort», — это выяснится скоро. До сихъ поръ говорилось вообще о «словахъ» (Woerter); оказывается, что подъ этими «словами» на *второй* ступени проявленія внутренней формы языка нужно разумѣть *именно* «корневые» слова (Wurzelwörter).

И *поименовываніе* — предмета ли, качества ли, или дѣйствія — по *главной* какой-нибудь чертѣ есть, въ сущности, Satz. Когда я, замѣчая предметъ, поименовываю его, то я рѣшаю *цѣлую, законченную*, задачу произнесеніемъ *одного* слова, такъ какъ это слово и есть само *имя* того, что я *хотѣлъ* поименовать.

Какойнибудь дальнейшей, третьей, ступени проявленія внутренней формы языка собственно нѣтъ.*) Поименовавъ на второй ступени ея проявленія тотъ или другой предметъ словомъ *γυνή* (рождающая), *filius* (сосущій) и т. д., я впо-

*) Впрочемъ, приблизительно то же имѣть въ виду и Штейнталь, когда онъ говоритъ (Gramm. etc. 321): es giebt nur *eine* Vorstellung vom Wolfe und von *jeder* Anschauung (разумѣнн von jeder Anschauung des Wolfes), und sie ist das *Allgemeine*, das Wort bezeichnet die Art.

**) А гдѣ же та *innere Sprachform*, которая у Гумбольдта соединяла нѣсколько словъ въ *цѣлую рѣчь*? Отвѣтъ на этотъ вопросъ послѣдуетъ немного ниже.

слѣдствіи — уже, такъ сказать, на *исторической* почвѣ — «сознаю» «характерныя черты», которыя у «*γυνή*» и «*filius*» (собственно, и *здесь* идетъ рѣчь только о «*Wurzelwörter*») *поважныя* рожденія и сосанія, но оставляю за предметомъ упрочившееся за нимъ названіе, рѣшивъ однако, что подъ этимъ названіемъ нужно «понимать» нѣчто совершенно другое, чѣмъ я «понималъ» прежде.

Внутренняя форма языка, на *этой* стадіи развитія словъ, сводится къ какой то точкѣ, безъ широты и содержанія (*ohne Ausdehnung und Inhalt*), — къ точкѣ. въ которой просто приводятся въ *соприкосновеніе* значеніе и звукъ (= ассоціація по смежности). Внутренняя форма языка превращается здѣсь въ «психическій *механизмъ*», т. е. въ *привычку* соединять со звукомъ такое или иное значеніе, а самосознаніе, которое мы прежде называли «сознаніемъ въ квадратѣ», является здѣсь не «невольнымъ» (*instinctiv*), а «дѣйствительнымъ» (*wirkliches Selbstbewusstsein*); ибо человѣкъ, перемѣняя значеніе слова, говоритъ себѣ: нѣтъ, *filius*, это не столько сосунъ, какъ у меня прежде *почему-то* выходило, а это, какъ я теперь вижу, младшій членъ моей семьи, по отношенію къ которому я имѣю извѣстныя обязанности и права. Что послѣ перемѣны значенія *первоначальное* значеніе совершенно *забывается*, и что само слово, по отношенію къ внутренней формѣ языка, *цѣликомъ* переходитъ со своимъ значеніемъ на почву «психического механизма», это не требуетъ дальѣйшихъ разъясненій.

Но мысль человѣка развивается и за предѣлы устанавливанія значеній словъ. Также и языкъ развивается за предѣлы *образованія* словъ. Нельзя сказать, чтобы языкъ на этой ступени своего развитія слѣпо слѣдовалъ за развитіемъ мысли. Получая отъ послѣдняго извѣстное направленіе въ своемъ *собственномъ* развитіи, языкъ, въ свою очередь, своимъ развитіемъ вліяетъ и на направленіе развитія самой мысли. Можно сказать, что мы «мыслимъ» извѣстнымъ образомъ не *черезъ* языкъ, а *благодаря* языку: so scheint sich nur die *eine* Annahme zu empfehlen, dass auch *die Sprache*

ein eigenthümliches Denken sei, und sich nach gewissen, nur *diesem* Denken besonders angehörigen, Gesetzen und Kategorien entfalte (Gramm. etc. 224). Это мышленіе Штейнталь называетъ «грамматическимъ» (собственно, ein Denken, das sich nach grammatischen Gesetzen bewegt*; см. Gramm. etc. 341).

Человѣкъ называетъ извѣстный предметъ, выражая этимъ свое «представленіе» о предметѣ, *собакою*. Реальный міръ наталкиваетъ человѣка на это «представленіе» очень часто, и каждая новая, *дѣйствительная* собака находится въ совершенно другомъ положеніи, чѣмъ прежняя, какъ по отношенію къ ея качествамъ, такъ и по отношенію къ ея дѣйствіямъ. Человѣку нужно *выразить* эти разныя положенія собаки, и вотъ онъ начинаетъ о *собакѣ* или, скорѣе, о *собакахъ* «говорить». Начинаетъ онъ о нихъ говорить *формальными* предложеніями т. е. выраженіями, состоящими не изъ *одного* слова, какъ прежнія «предложенія» *гавъ-гавъ*, или какъ прежнія «наименованія» предметовъ, провозглашенныя Штейнталемъ тоже за «Satz» (см. выше стр. 31). Въ рѣчи о *собакѣ* или о *собакахъ* сама *собака* является «подлежащимъ» не въ *логическомъ* смыслѣ, а именно въ томъ *грамматическомъ*, въ рамкахъ котораго движется das Denken. Съ другой стороны то, что говорится о *собакѣ*, является грамматическимъ «сказуемымъ». И вотъ, *не-рѣдко*, — а такой способъ мышленія можетъ совершаться, дѣйствительно, *именно* только *благодаря* языку, — подлежащее, т. е. это слово *собака*, становится даже не выраженіемъ «представленія», а какою то точкою «приложенія силъ», какимъ то безсодержательнымъ, *пустымъ звукомъ*, къ которому человѣкъ *присоединяетъ* выраженіе «представленія». Когда мы говоримъ *собака лаетъ*, то часто мы желаемъ высказать не больше не меньше, какъ то, что есть

*) Не есть ли это «грамматическое» мышленіе, т. е. мышленіе, которое совершается *благодаря* языку, — не есть ли оно та Гумбольдтовская *innere Sprachform*, которую мы немного выше искали у Штейнталья? Непосредственно: ибо объ *немъ-то*, объ *этомъ грамматическомъ* мышленіи, можно повторить то же, что приведено изъ Гумбольдта на стр. 3.

на свѣтъ нѣчто, что лаетъ. Другими словами, то «представленіе», которое на *второй* ступени проявленія внутренней формы языка выражалось черезъ «поименованіе» предмета, теперь мы выражаемъ черезъ грамматическое сказуемое. И если прежде «корневое слово» было выраженіемъ «представленія», то предложеніе, это *формальное* предложеніе, въ *данномъ случаѣ*, является выраженіемъ «представленія» о «представленіи». Меня спрашиваютъ: что ты разумѣешь подъ *собакою*? И я отвѣчаю: Подъ *собакою* я «представляю» вотъ что: собака *лаетъ*, собака—*животное*, собака—*вѣрное животное*, собака *защищаетъ* отъ воровъ и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ слово *собака* есть *пустой звукъ*, а какъ я «представляю» собаку, это я высказываю *другими* словами, уже не *пустыми звуками*, а выраженіями «представленій» (Gramm. etc. 326—331). Такое «представленіе о представленіи» (Vorstellung der Vorstellung) есть чисто *психологическое* сужденіе. Какъ *простое* «представленіе», (т. е. простое *поименованіе* предмета), — то же «чисто психологическое», — возводится въ логическое «понятіе, и какъ «представленіе о представленіи», это «психологическое *сужденіе*, возводится въ «логическое» сужденіе, — объ этомъ Штейнталь много распространяется, но мы этого здѣсь излагать не будемъ, такъ какъ оно не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ нашему дѣлу.

Чрезвычайно важно для насъ мѣсто Gramm. etc. 347. Въ немъ уже идетъ рѣчь не о «корневыхъ» словахъ, а о словахъ нашего *развитаго* языка. Какая разница между одними и другими, — у насъ все еще осталось не выясненнымъ. Во всякомъ случаѣ подъ «словами *развитаго языка*» нужно разумѣть тѣ всевозможныя, надѣленные разными суффиксами и т. п. грамматическія формы, которыя образовались подъ вліяніемъ Гумбольдтовской *innere Sprachform* и Штейнталеваго грамматическаго мышленія. Мѣсто это слѣдующее:

Такъ какъ одно и то же подлежащее приходится соединять съ очень многими сказуемыми и, наоборотъ, одно и то же сказуемое съ очень многими подлежащими; такъ какъ

сужденія, высказываемыя формальными предложеніями, постоянно при этомъ перекрещиваются, т. е. въ однихъ случаяхъ, при сопоставленіи ихъ, *подлежащее* бываетъ общее и *сказуемая* разная, а въ другихъ — наоборотъ: то, благодаря этому постоянному перекрещиванію, предложенія разрѣзываются на части, такъ что слова подлежащаго, а равно и слова сказуемаго, *выпадаютъ*, какъ отдѣльныя *единицы*, изъ того единаго и цѣлаго, которое представляло собою сужденіе, выраженное формальнымъ предложеніемъ*). То же самое дѣлается съ «attributivными» и «objectivными» словами. Такимъ образомъ, черезъ постоянное *говореніе*, черезъ *говореніе формальными предложеніями*, въ душѣ человѣка образуется, по остроумному выраженію Herbart'a, какой то *мусоръ* отъ цѣльнаго строенія висящихъ другъ на другѣ сужденій.

Этотъ мусоръ представляетъ собою кучу валяющихся, какъ попало и безъ всякаго порядка, камней и бревенъ, однако со слѣдами ихъ спайки. При этомъ одинъ и тотъ же камень имѣетъ на себѣ слѣды *нѣсколькихъ* спаекъ (камень, вѣдь, въ общемъ строеніи касался *всѣми* своими сторонами другихъ камней), и отдѣльные слѣды спайки повторяются и на другихъ камняхъ. По этому есть возможность совершенно *выдѣлить* «чистый» матеріалъ и *отдѣльно* наблюдать за «спайками» и за *методами* спаиванія. Въ моментъ говоренія, душа всегда обращается къ этому мусору, спаивая изъ него цѣлое зданіе по тѣмъ «спайкамъ», которыя остались на матеріалѣ.

Мусоръ изслѣдуется какъ лексикографомъ, такъ и грамматикомъ. И тотъ, и другой имѣютъ дѣло, въ сущности, съ *однимъ* и *тѣмъ же* предметомъ изслѣдованія, а только трактуютъ его не одинаково. Лексикографъ разбираетъ мусоръ по его «чистому матеріалу», хотя и не обходится безъ того, чтобы не указывать на отдѣльныхъ камняхъ или бревнахъ на самыя спайки, а грамматикъ исходитъ въ своемъ изслѣдова-

*) Разсуждающій такъ представляетъ себѣ внѣшнее выраженіе сужденія, т. е. формальное предложеніе, какъ бы *слитымъ* въ неразрывное цѣлое. Оно можетъ слиться въ неразрывное цѣлое *именно* благодаря Гумбольдтовской *innere Sprachform* и Штейнталеваго «грамматическому мышленію» и, конечно, *при помощи* суффиксовъ, префиксовъ и т. п.

нии отъ разсматриванія *метода* спайванія, но не можетъ при этомъ не указывать и на матеріаль, на которомъ *находятся* слѣды спайванія.

Буквально это мѣсто у Штейнтала гласитъ слѣдующее:

Indem dasselbe Subject mit vielen Prädicaten, dasselbe Prädicat mit vielen Subjecten verbunden wird; indem sich die Urtheile durchkreuzen: so zerschneiden sie sich, und Subjects- und Prädicatswörter zerfallen im Bewusstsein aus der Einheit des Urtheils. Eben so ergeht es den Attributen, den Objecten. So bildet sich also durch das Sprechen in der Seele ein „Schutt“, nach einem geistreichen Ausdrucke Herbarts, lauter Material, das ehemals ein Gebäude von an einander hängenden Urtheilen bildete; das Gebäude ist im Laufe der Zeit verfallen und nur die Steine und Balken liegen ohne Ordnung und Zusammenhang durch einander. Jedes Stück dieses Materials aber trägt noch die Spuren seines Zusammenhanges an sich. Nun zeigt aber derselbe Stein einen vielfältigen Zusammenhang, und dieselbe Verbindungsweise zeigt sich an mehreren Steinen und Balken in gleicher Weise. So trennt sich der Stoff, das Material selbst, von der Methode, nach welcher es gefügt war. Zum Sprachschutte gehört also Material und Fugen. Im Augenblicke des Redens greift die Seele immer von neuem nach diesem Schutte, und verwendet das Material, den daran befindlichen Fugen folgend. Das Sprachmaterial wird dargestellt in der Grammatik sowohl, als im Wörterbuche. Beide haben genau genommen denselben Inhalt, aber in verschiedener Weise behandelt. Das Wörterbuch stellt das Material auf und weist an jedem Stücke besonders seine mögliche Fügung auf; die Grammatik geht von der Fügungsweise aus und zeigt, wie alle Stücke gefügt werden müssen (? мы бы просто сказали: *gefügt werden*). Die Praxis hat der Bequemlichkeit wegen dieses Verhältniss, wonach alles zweimal gesagt werden müsste, so umgestaltet, dass sie das Ueberflüssige weglässt und dem Wörterbuche vorzugsweise das Material, der Grammatik vorzugsweise die Fügungsweise zuertheilt.

Приведенное мѣсто, въ связи со всѣмъ предыдущимъ, наводитъ на слѣдующія размышленія.

»Слова«, какъ мы ихъ теперь застаемъ въ какомъ нибудь *вполнѣ развитомъ* языкѣ, эти *камни* со слѣдами спайки, выпавшіе изъ того общаго »строенія-предложенія«, которое Штейнталемъ опредѣлено какъ выраженіе »представленія о представленіи«, не суть то же, чѣмъ могли быть »слова«, которыя на *низшей* ступени развитія языка, исполняя *тоже* роль »предложеній«, хотя и не »формальных«, служили выраженіемъ *непосредственного* представленія о чемъ-нибудь. Мы употребляемъ часто и *наши* слова — слова *вполнѣ развитыя* — въ роли »неформальных« предложеній; и они, подобно словамъ *первоначальнымъ*, служатъ иногда выраженіями »непосредственных« представлений« (ближе объ этомъ въ самомъ нашемъ изслѣдованіи), но мы понимаемъ, что послѣднія могли не имѣть тѣхъ префиксовъ, суффиксовъ и инфиксовъ, какіе имѣютъ слова *вполнѣ развитаго* языка. Первоначальныя слова, выраженія »непосредственного представленія«, *вполнѣ самостоятельныя* и не »выпадавшія« ни откуда, не нуждались въ тѣхъ спайкахъ, о которыхъ мы только что слышали. Первоначальныя слова могли быть *всѣ* похожи на то *гавъ-гавъ*, которое мы приводили выше, и на слова теперешняго дѣтскаго языка вообще, отличающіяся *именно* отсутствіемъ окончаній и т. п. Въ виду этого, терминъ »корневые слова« (Wurzelwörter), который Штейнталь устанавливалъ тогда, когда онъ объяснял внутреннюю форму языка, получаетъ *особый* смыслъ.

Истолковывать эти корневые слова, истолковывать ихъ *значеніе*, Штейнталь предоставляетъ этимологу, считая это его исключительною задачею. Такимъ образомъ этимологъ, исполняя свою задачу, подготавливаетъ почву для лексикографа, если, какъ приходится, судя по всему, предполагать, эти корневые слова вошли въ матеріаль *вполнѣ развитаго* языка, облѣпившаго этотъ матеріаль спайками.

У насъ слова *этимологъ*, *этимологія* понимаются немногимъ иначе, чѣмъ ихъ предлагаетъ понимать Штейнталь. У насъ подъ *этимологіею* разумѣютъ то, что обыкновенно

раздѣляется на двѣ части, на морфологию и фонетику т. е. науку о звуках,*) приче́мъ сама морфологія можетъ разпа-
даться еще дальше на морфологию въ болѣе *тѣсномъ*
смыслѣ и на «словообразованіе». Подъ морфологіею въ бо-
лѣе *тѣсномъ* смыслѣ мы разумѣемъ разборъ «склоненій»
и «спряженій» съ ихъ *формальной, звуковой* стороны,
а подъ «словообразованіемъ» — выясненіе того, какъ изъ
«этимологическаго корня», добываемаго уже чисто *научнымъ*
путемъ (въ живомъ языкѣ его нѣтъ), образовалась съ зву-
ковой же стороны «этимологическая тема» или «основа»,
какъ изъ послѣдней, добываемой также чисто научнымъ
путемъ, образовалось живое слово, и какъ, наконецъ, изъ
двухъ словъ языкъ образуетъ слово *составное*. Что въ эти-
мологическихъ корняхъ приходится часто различать пер-
вичные отъ вторичныхъ, и что въ этимологическихъ осно-
вахъ приходится признавать нѣсколько разрядовъ, разви-
вающихся одинъ изъ другого, объ этомъ нечего распростра-
няться.

Такимъ образомъ, этимологія, какъ мы ее понимаемъ,
является частью той грамматики, которую Штейнталь, толкуя
о разборѣ мусора, противопоставляетъ лексикографіи. Эти-
мологія, по *нашему* пониманію, устанавливаетъ «фонети-

*) Что такое *фонетика*, опредѣляется яснѣ всего у Wegener'a, указы-
вающего при этомъ и на ближайшія задачи этой науки: Die Erzeugung der
Laute im Munde eines Menschen darf eben so wenig zu seinen rein phy-
siologischen Thätigkeiten gerechnet werden, wie die Finger- und Handbewe-
gung des Clavierspielers, die technische Bewegung des Schnitzers, Töpfers,
Schreibers u. a. Was man hier physiologisch nennt, ist nichts weiter, als eine
mechanisch und automatisch gewordene ursprünglich spontane Bewegung. Das
Physiologische bei der Sache ist nur die Natur der Organe, ihre Stellung und
Bewegungsform, dagegen der Impuls und die Regelung der Bewegung derselben
hat mit der Lautphysiologie nur insofern zu thun, als die Natur der Organe
der Intention des Menschen gewisse Schwierigkeiten und Hemmungen ent-
gegengesetzt. . . . Die physiologischen Bedingungen des Sprechens sind mit Glück
und Erfolg in der sogenannten Lautphysiologie oder Phonetik behandelt, welche ihre
Untersuchungen selbstverständlich am lebenden Menschen angestellt hat. Dass auch
diese Wissenschaft noch in ihren Anfängen steht, scheint mir gewiss. Sie
grenzt offenbar die Lautvorgänge noch zu sehr nach den in der alten Gram-
matik unterschiedenen Lauten ab, offenbar sehr complicirten Gebilden. . . . Viel
zu thun bleibt ferner der Lautphysiologie in ihrer Anwendung auf die Sprach-
geschichte, richtiger würde diese Aufgabe allerdings der Sprachgeschichte
selbst zuzuweisen sein (Untersuch. 4—5.).

ческіе» законы, какъ они выступаютъ при образованіи
Гербартовскаго мусора, разлагаетъ, по возможности, каждый
камень и каждое бревно этого мусора на самостоятельныя
части, оправдывая свои фонетическіе законы не только тамъ,
гдѣ отдѣльныя части *соединяются* (*τιμήν = τίμα + μεν*),
но и *внутри* той или иной самостоятельной части (въ *έρ-
ρω-α* и въ *φύ-νμι* одна и та же самостоятельная часть
подвергается *внутри* себя фонетическимъ измѣненіямъ).

Само собою разумѣется, что эти «части» должны быть
«частями» всего бревна или камня не только въ фонети-
ческомъ смыслѣ, но, судя по всему, что до сихъ поръ вы-
яснилось, и въ смыслѣ *симасіологическомъ*, содѣйствуя,
каждая *отъ себя*, достиженію того *общаго* значенія (*σημασία*),
съ которымъ выпавшее изъ строенія бревно вновь входитъ
въ создаемое душою «строеніе». И какъ лексикографъ не
можетъ не коснуться «спакъ», такъ и этимологъ не можетъ
не коснуться въ своей морфологіи, особенно же въ своемъ
«словообразованіи», *симасіологической* стороны частей слова
и не можетъ не приготовить почвы для *слѣдующей* части
грамматики.

Какая же это дальнѣйшая часть грамматики? Какъ эти-
мологъ склеиваетъ изъ отдѣльных частей «слово», такъ син-
таксистъ долженъ склеивать изъ отдѣльных словъ *рѣчь*. Онъ,
«синтаксистъ», долженъ *прежде всего* обратить вниманіе
на *приспособленность* спаекъ къ тому, чтобы «матеріалъ»,
облѣпленный этими спайками, могъ создать новое строеніе,
и въ этомъ отношеніи онъ и *находитъ* большую помощь
у этимолога, который, если бы даже *совсѣмъ* не касался
симасіологической стороны спаекъ, однако самъ только и
можетъ сказать синтаксисту: вотъ *эта* часть слова есть
«спайка». Не напрасно мы въ началѣ введенія говорили, что
этимологія, исполняя исключительно *свою* задачу, не могла
не оказать громадной услуги синтаксису.

Прекрасное выясненіе получило у Штейнталья то, что
Беккера такъ сбило съ толку, именно, что при изслѣдованіи
языка, какъ *выраженія мысли*, нужно исходить отъ «предло-
женія», отъ «Satz'a», отъ «рѣчи». Мы бы, съ точки зрѣнія

самого Штейнталя, охотнѣе сказали: нужно исходить отъ »грамматическаго мышленія«. Въ самомъ дѣлѣ: рѣчь состоитъ изъ »словъ«, а »слово«, если оно не есть Wurzelwort, — тогда оно *само* представляетъ собою »рѣчь«, — оказывается выпавшимъ изъ цѣлаго строенія мусоромъ, цѣлое же строеніе чувствуется »цѣлымъ« *именно* благодаря »грамматическому мышленію«, какъ и съ другой стороны, *опять таки* благодаря »грамматическому мышленію«, каждая часть этого цѣлаго является облъпленною »спайками«. По этимъ спайкамъ, съ ихъ *симасіологической* стороны, синтаксистъ долженъ *прежде* всего *группировать* »слова«, другими словами, онъ долженъ *прежде* всего заняться *симасіологіею* »частей рѣчи« какъ *разрядовъ* словъ или же, *еще* иначе выражаясь, долженъ *опредѣлнить* »части рѣчи« по ихъ роли въ самой *рѣчи*.

Какъ Гумбольдтъ не занялся »опредѣленіемъ« частей рѣчи, такъ не занялся имъ и Штейнталь, хотя послѣдній вполнѣ сознаетъ *необходимость* такой задачи: wir hätten — пишетъ онъ Gramm. etc. 362 — oben bei der Darstellung des Satzes die Redetheile der Sprache zu entwickeln gehabt, oder hätten es weiter unten zu thun. Das würde uns aber weiter in das Einzelne geführt haben, als hier unsere Absicht ist darauf einzugehen. *Wir setzen also die Redetheile hier voraus.*

Очень жаль, что Штейнталь »предположилъ« части рѣчи, и что и онъ держался по отношенію къ нимъ традиціи. Если бы онъ ихъ не »предполагалъ«, а развернулъ бы этотъ вопросъ самъ, то, вѣроятно, его теорія предложенія получила бы совершенно другой видъ, чѣмъ она его имѣетъ. Хотя Штейнталь довелъ дѣло развитія рѣчи на почвѣ *чисто* психологической отъ »корневыхъ« словъ къ формальному предположенію, а въ этомъ формальномъ предположеніи дошелъ *опять таки* на почвѣ *чисто* психологической до subject'a и praedicat'a, но *грамматичности* этихъ subject'a и praedicat'a, т. е. ихъ *внѣшняго облика*, поскольку онъ является выраженіемъ самого »грамматическаго мышленія«, у Штейнталя не видать. Равно не видать и »грамматичности« тѣхъ об-

ject'овъ и attribut'овъ, о которыхъ онъ упоминаетъ въ Гербартовскомъ мусорѣ. Они у него остались тѣмъ же, чѣмъ они были у Беккера, т. е. чѣмъ то, наложеннымъ *извнѣ* на *рѣчь*, безъ отношенія къ частямъ рѣчи съ ихъ »спайками«. Только *логическая* почва въ нихъ — именно почва *формальной* логики — Штейнталемъ *опровергается*, — опровергается убѣдительными доводами въ родѣ слѣдующихъ: Der wesentliche Punkt ist die Unterscheidung zwischen der praedicativen und attributiven Verbindung. Was lehrt also die Logik über diesen Unterschied? Die Logik? gar nichts; sie kennt ihn gar nicht (Gramm. etc. 185). Или: Kommen wir jetzt zum Object. Die Logik kennt weder den Begriff, noch das Wort Object (Gramm. etc. 189). Видно, всѣ эти subject'ы, praedicat'ы, object'ы, attribut'ы чувствуются у нашихъ грамматиковъ какою то тяготящею надъ языкомъ, традиціонною ли, или *дѣйствительно* внутреннею, *необходимостью*, — необходимостью, съ которою приходится такъ или иначе считаться.

Да, »грамматичность« subject'овъ, object'овъ etc., недостаточно выясненная Штейнталемъ, и установленіе частей рѣчи, совершенно имъ пропущенное, вотъ что на *первомъ* планѣ должно интересоватъ синтаксиста послѣ прекраснѣйшихъ разъясненій о языкѣ, данныхъ Штейнталемъ. По обоимъ вопросамъ мы находимъ кое что поучительное у самого учителя Штейнталя, Heyse (Sprachw.) и у Paul'я (Princip.); насколько важно для синтаксиста установленіе частей рѣчи, — это во всей силѣ даетъ намъ чувствовать Miklosich; но ни у кого не находимъ ни о грамматичности subject'овъ etc., ни о частяхъ рѣчи столько положительнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣткого, какъ у Потебни.

Что касается самого Heyse, то въ его Sprachw. очень много встрѣчается такого, что Штейнталю вполнѣмъ пришлось лишь надлежаче развить въ своей Gramm. etc. И онъ, не избѣгая, однако, разсуждать о »logische Verhältnisse« въ языкѣ, почти тѣмъ же путемъ, какъ Штейнталь, доводитъ дѣло до »формальнаго предложенія«, т. е. до Subject'a и Praedicat'a, а затѣмъ — и это уже *plus* сравнительно съ вы-

ясненнымъ у Штейнталя — переходить къ логическому опредѣленію частей рѣчи, устанавливая и *отношеніе* ихъ къ Subject'амъ etc. (этотъ отдѣлъ сочиненія у него озаглавленъ »System der grammatischen Wortarten«), а въ концѣ, довольно сжато и . . . . . довольно *нестроно* (стр. 413—417), онъ изслѣдуетъ «слово» въ томъ его ограниченіи, какое оно получаетъ при такой или иной своей формѣ, т. е. въ томъ или иномъ »падежѣ«, въ томъ или иномъ наклоненіи и т. д., для того чтобы войти въ связь съ *другими* словами въ *цѣлой рѣчи* (es wird das Wort betrachtet nach seiner Begränzung durch die Beziehungsform, unter welcher es in den Zusammenhang der Rede eintritt). Для насъ важна *первая* часть этого plus'a, но отдѣльно мы объ ней разсуждать не будемъ *именно* потому, что мы ее находимъ разработанною гораздо лучше у Потебни. Когда будемъ излагать теорію Потебни, упомянемъ, гдѣ это нужно будетъ, и о Heuse.

Не будемъ долго останавливаться и на Paul'ѣ. Да не упрекаетъ насъ читатель за то, что мы отводимъ въ нашемъ введеніи столь скромное мѣсто такому ученому, какъ Paul. Если бы намъ пришлось больше распространяться о самихъ тѣхъ созидательныхъ началахъ языка, степень пониманія которыхъ у Штейнталя главнымъ образомъ отразилась въ теоріи о внутренней формѣ языка, то мы, конечно, имѣли бы дѣло преимущественно съ Paul'емъ, такъ какъ онъ является въ настоящее время лучшимъ знатокомъ и руководителемъ по той мастерской, въ которой, такъ сказать, изготовляется языкъ. Съ Paul'я намъ слѣдовало бы *начать*, если бы мы, думая вращаться въ области языка вообще, хотѣли заняться истолкованіемъ *неизмѣняющагося* въ исторически *проходящемъ* и *основного* въ *разнообразномъ*; съ Paul'я слѣдовало бы *начать*, если бы мы хотѣли заняться тѣмъ, что собственно Paul своею книгою *впервые* привелъ въ ясность и поставилъ въ правильное отношеніе къ другимъ наукамъ и дисциплинамъ въ теоріи о языкѣ вообще. Самое *заглавіе* его книги, чрезвычайно выразительное (*Principien der Sprachgeschichte*), показываетъ ту точку зрѣнія,

на которую сталъ Paul не только по отношенію къ другимъ наукамъ, но и по отношенію къ господствовавшей до него въ тѣхъ вопросахъ, въ которыхъ онъ вращается, но неопредѣленной по содержанію, а потому и не выработавшей никакихъ вѣрныхъ методовъ, такъ называемой Sprachphilosophie. Однако, на томъ пути, по которому *мы* идемъ, и при той цѣли, къ которой *мы* стремимся, встрѣча съ Paul'емъ не можетъ насъ особенно задерживать *здесь*, въ введеніи. Вопросъ о »грамматичности« subject'овъ, object'овъ и т. д. у него связанъ съ вопросомъ о »грамматическихъ категоріяхъ« вообще, причемъ приходится слышать отъ него лишь нѣкоторыя *общія* замѣчанія, въ родѣ слѣдующихъ: Jede grammatische Kategorie erzeugt sich auf Grundlage einer psychologischen. Die erstere ist ursprünglich nichts, als das Eintreten der letzteren in die äussere Erscheinung. Sobald die Wirksamkeit der psychologischen Kategorie in den sprachlichen Ausdrucksmitteln erkennbar wird, wird sie zur grammatischen. Die Schöpfung der grammatischen Kategorie hebt aber die Wirksamkeit der psychologischen nicht auf. Diese ist von der Sprache unabhängig. Wie sie *vor jener* da ist, wirkt sie auch *nach deren Entstehen* fort. *Dadurch kann die anfänglich zwischen beiden bestehende Harmonie im Laufe der Zeit gestört werden* (Princip. 219). . . . . *Es ist auch bereits angedeutet, dass geradezu ein Gegensatz zwischen dem psychologischen (logischen) Verhältniss der Satzbestandtheile unter einander und ihrem rein grammatischen Verhältniss entstehen kann* (Princip. 235). Все это, какъ уже сказано, слишкомъ *обще* и требуетъ даже открытія *новыхъ методовъ изслѣдованія* для того, чтобы могло быть въ окончательномъ своемъ выводѣ или опровергнуто, или признано.

Въ вопросѣ о *частяхъ рѣчи* мы находимъ у Paul'я изложеніе, и притомъ чрезвычайно обстоятельное, одной лишь *отрицательной* стороны. Разрушая *готовое* по этому вопросу, онъ самъ не только не даетъ ничего новаго, но и отрицаетъ возможность какихъ бы то ни было рѣшеній. Все дѣло сводится у него къ слѣдующему утвержденію:

Die übliche Scheidung der Redetheile in den indogermanischen Sprachen, wie sie von den antiken Grammatikern überkommen ist, beruht nicht auf consequent durchgeführten logischen Principien, sie ist vielmehr zu Stande gekommen unter Berücksichtigung sehr verschiedener Verhältnisse. Sie trägt daher den Charakter der Willkürlichkeit an sich. Ihre Mängel lassen sich leicht zeigen. Es würde aber nicht möglich sein, etwas besseres an die Stelle zu setzen, so lange man darauf ausgeht, jedes Wort in eine bestimmte Klasse unterzubringen. Der Versuch ein streng logisch gegliedertes System aufzustellen ist überhaupt undurchführbar. (Paul Princip. 299.)

Проходя пока мимо Миклошича, съ которымъ придется имѣть дѣло ниже, обратимся къ Потебнѣ.

Изъ его »Зап.« для насъ самая важная 10-я статья »введенія (члены предложенія и части рѣчи). На ней мы и остановимся.

Первобытное »слово-предложеніе« — говорить этотъ глубокий мыслитель-филологъ (подъ »словомъ-предложеніемъ« нужно разумѣть Штейнталевское *Wurzelwort*, составляющее само по себѣ »Satz«) — есть сказуемое къ невыраженному подлежащему (дѣтское »мама!«). Оно можетъ обойтись безъ опредѣленной грамматической формы (не требуетъ никакого грамматическаго окончанія), между тѣмъ какъ простѣйшее предложеніе нашихъ *развитыхъ* языковъ должно заключать въ себѣ грамматическую форму. Напр. личный глаголъ (*verbum finitum*) въ многочисленныхъ языкахъ, каковъ русскій, *сложенъ* по строенію и, хотя имъ *однимъ* можетъ ограничиться предложеніе (глаголь-сказуемое), неизмѣримо удаленъ отъ первобытнаго »слово-предложенія« (»слова-сказуемаго« то — жъ) *чистою формальностью**) заключенныхъ въ немъ отношеній къ лицу, не говоря уже о другихъ, возникшихъ позднѣе, категоріяхъ, каковы напр. въ славянскомъ языкѣ совершенность и несовершенность и степень длительности (Зап. 75—76).

*) Какъ понять выраженіе *чистою формальностью*?

Измѣнять »предложеніе«, *хотя бы и безъ измѣненія въ немъ мысли*, значить измѣнить *грамматическія формы*, которыя, такимъ образомъ, составляютъ *формальное, грамматическое* содержаніе предложенія. Въ языкѣ не только, говоря а priori, не *можетъ быть*, но и а posteriori *нѣтъ* ни одной грамматической *формы* въ смыслѣ грамматической *категоріи*, т. е. въ смыслѣ грамматической *части рѣчи*, которая не могла бы перейти въ другую; нѣтъ ни одной *неподвижной грамматической категоріи* (Зап. 76).

На вопросъ, что такое »глаголь-сказуемое«, этотъ »minimum« предложенія, и чѣмъ отличается онъ отъ ближайшей къ нему части рѣчи, имени, прежде всего слѣдуетъ отвѣчать такимъ образомъ: если содержаніе предложенія есть чисто *формальное, грамматическое*, то и свойство составныхъ его членовъ вообще, и въ частности различіе имени и глагола, должно быть только *формальное*, т. е. должно состоять не въ *мысленномъ содержаніи*, а въ *способѣ передачи* (Зап. 81).¹⁶² Глаголь сказуемое »изображаетъ« (слово *изображаетъ*, очевидно, избрано Потебнею для соотвѣтствія прежнему выраженію *способъ передачи*) признакъ во время *возникновенія* отъ дѣйствующаго лица (Зап. 84).*) — Мы бы сказали, согласно всему тому, что Потебня толкуетъ о *залогахъ* глагола, и во исправленіе выраженія »*возникновеніе* признака«, — глаголъ, вѣдь, »изображаетъ« признакъ на *всякой* ступени его развитія, — *мы*, я говорю, сказали бы, что глаголъ-сказуемое изображаетъ признакъ въ такой или иной стадіи его развитія *на лицѣ* (слово *на* избрано нами въ виду разныхъ *залоговъ* глагола).

Согласно съ опредѣленіемъ глагола-сказуемаго, какъ признака во время его возникновенія отъ дѣйствующаго лица, легко опредѣляется и *подлежащее*. Потебня разумѣетъ подъ »подлежащимъ« »грамматическую« форму, *прилажи-*

*) Heyse. Sprachw. 392: Das verbale Attribut (подъ Attribut'омъ Heyse разумѣетъ слово, служащее для »изображенія« *признака вообще*) erscheint immer als energisches, sich bewegendes, ein Zeitmoment ausfüllendes oder sich durch die Zeit hin erstreckendes.

вающуюся къ «грамматической» же формѣ глагола-сказуемаго; ибо «грамматическое» предложение можетъ «грамматически» *измѣняться*, а *измѣняется* оно «грамматически», если *иначе* «прилаживаются» другъ къ другу» грамматическія формы, *сами* «грамматически» *измѣняясь*. Опредѣляется же подлежащее слѣдующимъ образомъ: оно есть *вещественное* (ниже будетъ опредѣлено слово *вещь*) указаніе на непосредственнаго «производителя» (въ виду разныхъ *залоговъ* глагола мы сказали бы лучше «носителя») признака, означеннаго сказуемымъ (Зап. 93). Въ нашихъ языкахъ единственные падежи (разумѣй *грамматическія формы*), способные выражать подлежащее, суть именительный и звательный (Зап. 94).

Не всякое «имя» можетъ быть грамматическимъ подлежащимъ; имъ можетъ быть только или имя *существительное* (substantivum) и вообще всякое субстантивированное слово (Зап. 96), или личное мѣстоименіе.

Имя существительное есть названіе «грамматической» субстанціи или вещи, совершенно отличной отъ метафизической. Последняя есть вещь, *сама по себѣ* отдѣленная отъ *всѣхъ признаковъ* и представляемая недоступною никакому разложенію и изслѣдованію *причиною*. Не то мы видимъ въ существительномъ какъ «грамматической» субстанціи. Само слово *субстанція* въ данномъ опредѣленіи имени существительнаго очень важно; оно даетъ понять, что имя существительное, какъ особая *грамматическая* форма, способно на то, что въ словѣ «субстанція» *кроется*, другими словами, — позволяетъ *говорить* о чемъ нибудь какъ о «вещи» т. е. *присоединять* къ «вещи» глаголь-сказуемое и другія части предложения, которыя дальше откроются. Она, эта грамматическая субстанція, въ отличіе отъ метафизической, есть совокупность признаковъ, совершенно однородныхъ съ тѣмъ, который въ существительномъ *данъ этимологически* (Зап. 92—93). Утвержденіе Потепни, что только *одинъ* признакъ въ существительномъ можетъ быть данъ этимологически, напоминаетъ намъ слова Макса Мюллера, приведенныя выше на стр. 30. Уже по одному тому, что

обозначеніе предмета совершается средствомъ, *кроющимся именно въ языкѣ*, т. е. поименованіемъ *одного* изъ его признаковъ, можно опредѣлить существительное какъ названіе *грамматической* субстанціи, хотя больше оправдывается это опредѣленіе тѣмъ, на что указано выше, т. е. что *есть* особая грамматическая форма, которая позволяетъ *говорить* о чемъ нибудь какъ о «вещи».

Личное мѣстоименіе выражаетъ тоже *вещь*, и будучи подлежащимъ, оно есть тоже *вещественное* обозначеніе непосредственнаго носителя признака, означеннаго сказуемымъ (Зап. 93—94), но это обозначеніе совершается не путемъ «названія совокупности признаковъ» (собственно, не путемъ какого нибудь *одного, характернаго* признака), а путемъ *указанія на мѣсто нахожденія* вещи по отношенію къ *говорящему** (Зап. 83).

Грамматическій объектъ («дополненіе») сходенъ съ субъектомъ въ томъ, что тѣмъ и другимъ *стремится* быть лишь существительное (стало быть, — добавимъ мы, — и личное мѣстоименіе!) или другая часть рѣчи, употребленная substantive. Разница между субъектомъ и объектомъ та, что субъектъ есть ни съ чѣмъ несогласуемый *именительный* или *звательный* падежъ, а объектъ — несогласуемый ни съ чѣмъ *косвенный* падежъ (итакъ, опять *грамматическая* форма, и уже по одному этому объектъ можетъ быть названъ *грамматическою* категоріею). Это *отсутствіе согласованія* въ объектѣ, черта чисто *грамматическая*, служитъ указаніемъ на то, что онъ, грамматическій объектъ, означаетъ предметъ *внѣшній*, т. е. предметъ, совершенно *иной* по отношенію къ субъекту и *другимъ*, могущимъ попасть

*) Какъ вообще у Потепни, такъ особенно въ усматриваніи имъ *указательной* роли личнаго мѣстоименія мы находимъ болѣе правильное пониманіе этой части рѣчи, чѣмъ у Heyse, который разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: Die substantivischen Pronomina sind substantivische Formwörter. Ihr ganzer Inhalt ist Form: die Form der Substantialität in ihrer abstracten Allgemeinheit, verbunden mit der formellen Bestimmung der grammatischen Person, welche nichts anderes ist, als der Ausdruck des Verhältnisses, in welchem das Subject (? Heyse, вѣроятно, хотѣлъ сказать *die redende Person*) zu der Rede steht, gleichsam der Rolle, welche es (т. е. этотъ „Subject“) in der Rede spielt. (Sprachw. 392).

въ предложеніе, объектамъ. О *всякомъ* косвенномъ падежѣ существительнаго (или личнаго мѣстоименія) можно сказать, что онъ есть грамматическій объектъ. Даже въ выраженіи *домъ отца* слово *отца* есть грамматическій объектъ; или развѣ *домъ отца* все равно, что *отцовскій домъ*? Часто падежъ объекта или «дополненія» прямо *указанъ* «формальнымъ» значеніемъ (т. е. значеніемъ, выраженнымъ самою грамматическою *формою*; — форма *люблю* выражаетъ нѣчто другое, чѣмъ форма *любовь*), — падежъ «дополненія», говорю, *указанъ* формальнымъ значеніемъ «дополняемаго» (напр. *люблю отца*; само *люблю* требуетъ къ себѣ «дополненія»). Но иногда этого не бываетъ (напр. *добродѣтель воина*; здѣсь слово *добродѣтель* могло бы быть сказано совершенно самостоятельно, и никто не будетъ спрашивать ни о воинѣ, ни о чемъ-нибудь подобномъ). Такимъ образомъ связь между дополняемымъ и дополненіемъ можетъ быть болѣе тѣсная и болѣе отдаленная (Зап. 115).*) / 77.

Грамматическій атрибутъ («опредѣленіе») есть названіе признака, представляемаго въ выражающемъ его словѣ, какъ нѣчто данное въ субстанціи, обозначенной другимъ словомъ. Его грамматическая форма есть *согласованіе*. «Согласуются» не только *имена прилагательныя* (*новая часть рѣчи!*), но и *имена существительныя*, напр. *рѣка-Донецъ*

*) Гораздо уже понимаетъ объектъ Heyse: Ursprünglich ist der verbale Vorgang auf das Subject beschränkt, ohne Beziehung nach aussen: *subjectives Verbum*. Andere Verbalbegriffe hingegen gestatten oder fordern eine Beziehung auf einen Gegenstand ausser dem Subjecte. Diese begründen die *objectiven Verba*, welche meist später entwickelt sind, als die *subjectiven*, und daher nicht reine Stämme, sondern Ableitungen sind. Genauer nennt man *Transitiva* diejenigen *objectiven Verba*, die eine direkte Beziehung oder Einwirkung auf ein Object als Ziel (im *Accusativ*) fordern. Hingegen fasst man alle diejenigen *objectiven Verba*, welche zur Ergänzung ihres Begriffes nur eine indirekte Beziehung auf einen Gegenstand (im *Genitiv* oder *Dativ*) zulassen, unter der Benennung *Intransitiva* mit den *subjectiven Verben* zusammen.... Ob der Gegenstand der Beziehung als indirektes oder direktes Object dargestellt wird, hängt von der besonderen Anschauungsweise der einzelnen Sprache ab, so wie von der jedesmaligen Bildungsweise des Verbums..... Man thut daher besser alle Verba, die eine Beziehung auf einen Gegenstand ausser dem Subject in irgend einem *Casus obliquus* gestatten, als *objective Verba* zusammenzufassen, und dann speciellere Entheilungen nach den verschiedenen *Casus* zu machen (Sprachw. 339).

(атрибутъ, но въ которомъ изъ этихъ существительныхъ?). Разница между «атрибутивнымъ» или «опредѣлительнымъ» прилагательнымъ и между опредѣлительнымъ существительнымъ состоитъ въ томъ, что въ послѣднемъ признакъ приписывается субстанціи не прямо, а черезъ посредство другой субстанціи (Зап. 99).*)

Вообще, опредѣленія субъекта, атрибута и объекта должны совпадать съ опредѣленіемъ «имени» (Зап. 85).

Подъ «именемъ» слѣдуетъ разумѣть не только имя существительное и прилагательное, но также «причастіе» и «мѣстоименіе».

«Мѣстоименія» распадаются на имена *субстанцій* (я, ты, онъ, мы, вы, они), соотвѣтствующія именамъ существительнымъ, и на имена признаковъ (тотъ, этотъ, мой, твой), соотвѣтствующія именамъ прилагательнымъ (Зап. 93); субстанціи и признаки обозначаются въ нихъ не черезъ *названіе*, а черезъ *указаніе*.

Прилагательное есть *признакъ*, данный въ *чемъ-то*, что безъ помощи *другого слова*, *неприлагательнаго*, остается со стороны содержанія *неопредѣленнымъ* (Зап. 87).

Причастіе есть то же, что прилагательное, только въ немъ признакъ представляется *возникающимъ* (Зап. 87); *возникновеніе* есть черта «*лагала*» (мы, съ своей стороны,

*) Это и нижеслѣдующее (т. е. все то, что Потебня дальше говоритъ объ «именахъ», «мѣстоименіяхъ», «прилагательныхъ» и «причастіяхъ») куда какъ глубже схвачено и проще истолковано, чѣмъ у Heyse, который говоритъ (Sprachw. 402—405): Betrachten wir nun zuerst die Bestimmungswörter des Substantivs. Sie müssen als in der Natur des Substantivs begründet, aus den Elementen und accidentellen Bestimmungen der Substanz entwickelt und als nothwendig erkannt werden. Die Substanz hat zuerst eigenthümliche innerliche Qualitäten der Attribute, und das Substantiv daher qualitative Bestimmungswörter, Adjectiva und Participia... Formelle Bestimmungsbegriffe des Subjects (а не des Substantivs?) sind Quantität, Ort, Redeverhältnisse... Die Quantität der Dinge bezeichnen die Adjectiva quantitativa, und zwar dienen für die directe Quantität oder Zahl unterscheidbarer Einzelwesen die Zahlwörter... für die continuirliche Quantität oder Ausdehnung die Masswörter (viel, wenig etc.)... Den Ort eines Gegenstandes im Verhältniss zum Redenden drücken die Pronomina demonstrativa aus... Die Bestimmungswörter für Redeverhältnisse sind abstracter Art und gehen in der Sprache nicht von eigenen Wurzeln aus, sondern sind von Ausdrücken für Anschauungsverhältnisse entlehnt oder gebildet. Sie werden Pronomina adjectiva genannt.

говорили бы опять таки не о возникновении, а о *нахождении признака в той или иной стадии развития*.

Если причастия или вообще какія-нибудь выражения дают повод говорить о каких-то «сокращенных предложениях», то надобно сказать, что этот термин вообще неудобен. Он обязан своим происхождением ошибочной теории, что если *логическому* суждению соответствует не предложение, а грамматический член предложения, то это произошло лишь вследствие некоторого помрачения закона, якобы некогда господствовавшего во всей силе, — именно закона, что предложение есть то же, что суждение. Одно из двух: или известный отрывок рѣчи есть предложение, и тогда он должен заключать в себя *личный глагол*, хотя бы и *опущенный*, или в немъ *нѣтъ* личного глагола, а тогда онъ не есть предложение, а только *его часть* (Зап. 117—118).

Какъ личный глаголъ есть *тѣмъ самымъ сказуемое*; какъ «имя» в *прямомъ* падежѣ, *несогласуемое* съ другимъ, есть *подлежащее* (подъ терминомъ *несогласуемое* Потебни сводить въ одно substantiva съ «субстантивированными» словами); какъ «имя» в *косвенномъ* падежѣ, *несогласуемое* съ другимъ, есть дополнение; какъ *согласуемое* «имя» въ *любомъ* падежѣ есть *опредѣленіе**): такъ и «*обстоятельству*» присвоена особая грамматическая форма — *нарѣчіе*. Подъ обстоятельствомъ или нарѣчіемъ разумѣмъ *признакъ, связуемый съ другимъ признакомъ и лишь черезъ его посредство* (напр. *очень большой*) относимый къ подлежащему или дополненію, а самъ по себѣ не имѣющій

съ нимъ никакой связи (Зап. 120).*) Къ нарѣчіямъ принадлежатъ и русскія дѣпричастія (ср. Зап. 121).

Къ глаголу относится нарѣчіе постольку, поскольку оно можетъ находиться при его неопредѣленномъ наклоненіи, напр. *мытъ было* (Потебня хочетъ сказать, что когда говорятъ *я мою хорошо*, то *хорошо* относится собственно не ко всему *я моему*, а только къ заключающемуся въ немъ неопредѣленному наклоненію *мытъ*); и такъ какъ неопредѣленное наклоненіе не можетъ быть атрибутомъ, и такъ какъ, согласно вышесказанному, нарѣчіе есть, въ сущности, атрибутъ атрибута, то ясно, что эта форма (т. е. неопредѣленное наклоненіе), не *будучи* тѣмъ, чѣмъ ее требуетъ къ себѣ нарѣчіе, есть *особая часть* рѣчи, по отношенію къ которой нарѣчіе занимаетъ также *особое* положеніе. Вотъ, что мы могли извлечь изъ замѣтокъ Потебни, помѣщенныхъ Зап. 120.

Когда дополнение, имѣющее, въ свою очередь, *тоже* дополнение (это по теории Потебни возможно: въ выраженіи *облагодѣтельствовалъ друзей отца* слово *друзей* есть дополнение къ слову *облагодѣтельствовалъ*, а *отца* — дополнение къ слову *друзей*, причѣмъ оба дополненія «прямо указаны формальными значеніями дополняемыхъ», такъ что «связь между дополненіями и дополняемыми — болѣе тѣсная»), — когда, повторяю, дополнение, имѣющее свое дополнение, теряетъ значеніе объекта и переходитъ въ *нарѣчіе*,**) напр.: *конѣ приложити конецъ поля Половецкаго* (по представленію Потебни слово *конецъ* есть первоначально дополнение къ слову *приложити*, находясь, конечно, «въ менѣе тѣсной связи» съ нимъ), то тѣмъ самымъ оно стано-

*) Heyse (Sprachw. 408—409): Die Bestimmungsbegriffe des Attributs, sowohl des ruhenden (Adjectivum) als des energischen (Verbum), sind... Adverbia. Подъ Bestimmungsbegriffe Heyse разумѣетъ нѣчто совершенно такое же по отношенію къ атрибутамъ, чѣмъ были выше (смотри стр. 49) Bestimmungen по отношенію къ Substantivum, а въ словѣ *Attribut* заключается и verbum на основаніи замѣтки, сообщенной нами на стр. 45).

**) Тутъ Потебня, несомнѣнно, впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Если «нарѣчія» суть «признаки признаковъ», то они не *имѣютъ мѣста* передъ «дополненіями», которыя «изображаютъ нѣчто какъ вещь». На это противорѣчіе, очевидно, натолкнуло Потебню ходячее мнѣніе, что «пред-

*) Читатель самъ сравнитъ это толкованіе Потебни съ слѣдующимъ мѣстомъ у Heyse (Sprachw. 402): Substantiva und Pronomina als Subjectswörter, Verba und Adjectiva als Praedicatswörter sind die wesentlichen Bestandtheile des einfachen Satzes (послѣ этого Heyse толкуетъ объ атрибутахъ, какъ нами сообщено выше на стр. 49; но гдѣ же Objectswörter?). Если Heyse упоминаетъ объ adjectiv'ахъ какъ о Praedicatswörter, то это относитъ я къ «составнымъ сказуемымъ» Потебни, о которыхъ будетъ сообщено ниже.

вится связкою, *соединяющею* лишь свое прежнее дополненіе (въ данномъ примѣрѣ дополненіе *поля*) съ дополняемымъ (въ данномъ примѣрѣ съ дополняемымъ *приломити*). Связка между дополненіемъ и дополняемымъ есть *предлогъ* (ср. Зап. 123).

Рядомъ съ *простыми* сказуемыми, съ *простыми* дополненіями и т. д. могутъ быть въ языкѣ и *составныя*. При этомъ *имя*, напримѣръ, можетъ быть *частью* «составнаго» сказуемаго, то есть такого, изъ частей котораго ни одна не можетъ быть названа сказуемымъ. Такъ, хотя, въ выраженіи *морозъ показался невеликъ*, въ глаголѣ и заключенъ признакъ *казаться*, развиваемый «дѣятельностью подлежащаго» (мы сказали бы «признакъ, *носителемъ* котораго есть подлежащее»), но *смыслъ предложенія* — не въ этомъ признакѣ, а въ томъ, что представляется «возникающимъ» *другой* признакъ, признакъ *невеликъ* (Зап. 105; «возникающимъ» онъ представляется, согласно всѣмъ толкованіямъ Потебни, *именно* при посредствѣ глагола «показался»). Въ случаяхъ «составнаго сказуемаго» самъ личный глаголъ является лишь «связкою», которую *никакъ* нельзя ограничить, какъ другіе дѣлаютъ, однимъ глаголомъ *есть-былъ* (Зап. 110).

«Составные члены» предложенія и «ихъ замѣна» вызвали у Потебни вторую и большую по объему часть его «Зап.» Этой части мы здѣсь излагать *не станемъ*, такъ какъ она, въ ея *общей* задачѣ, — это, надѣмся, сейчасъ будетъ доказано, — составляетъ *отрицательную* съ точки зрѣнія нашего интереса сторону труда Потебни. На *изложенной* нами части его труда вполнѣ оправдываются наши

логи» суть первоначально «нарѣчія». Heyse (Sprachw. 411) опредѣляетъ предлогъ такъ: Die Praepositionen bezeichnen eine formelle Bestimmung des Ortes, der Zeit und der logischen Verhältnisse, indem sie den Zustand oder das Handeln des Subjects in Beziehung zu einem anderen Gegenstand setzen, so dass sie also den Bestimmungsbegriff nicht, wie die Adverbia, für sich allein erschöpfend ausdrücken, sondern nur in Verbindung mit einem Gegenstandsworte, welches sie in Beziehung zu dem Thun des Subjects setzen, und mit welchem verbunden sie einen reichhaltigen concreten Adverbialbegriff ausmachen: vergleiche er ist drinnen, in der Stube. Недостатки этого опредѣленія предоставляемъ найти самому читателю.

слова, съ которыми мы приступали къ ея изложенію: «грамматичность субъектовъ и пр. онъ *разъяснилъ*, равно какъ принялся и за *группировку* «частей рѣчи». Правда, *группировка* частей рѣчи у него очень ужъ не подробная, и «части рѣчи» устанавливаются лишь постольку, поскольку ихъ установленіе находится въ *связи* съ вопросомъ о «грамматичности» субъектовъ и пр. Но тѣмъ не менѣе и относительно «частей рѣчи» получились *новые* результаты, сравнительно съ традиціею; новымъ, по крайней мѣрѣ, является выдѣленіе «неопредѣленнаго наклоненія» и «причастія», какъ *особыхъ* частей рѣчи.

Что касается «грамматичности» субъектовъ и пр., то нужно сказать, что не столько разъясненіе «грамматическаго мышленія» послужило у Потебни средствомъ для уразумѣнія «грамматичности частей предложенія», сколько скорѣе, наоборотъ, разъясненіемъ «грамматичности частей предложенія» осмысляется терминъ «грамматическое мышленіе». Это вполнѣ понятно: о «грамматичности частей предложенія» можно разсуждать на почвѣ фактовъ, а терминъ «грамматическое мышленіе» есть философскій выводъ.

Разъясненіе «грамматичности» частей предложенія сосредоточено у Потебни на положеніи: въ языкѣ нѣтъ ни одной грамматической *формы*, въ смыслѣ грамматической *категоріи*, которая, *безъ измѣненія смысла*, не могла бы перейти въ другую. Такимъ образомъ, «мыслить» мы можемъ *одно*, а «грамматическое мышленіе» при этомъ можетъ идти по *различнымъ* путямъ, и все зависитъ отъ того, съ какой «категоріи» грамматическое мышленіе *начинается*; ибо къ ней уже потомъ *прилаживаются* остальные. *Всякое* слово въ рѣчи (теорію Потебни о *союзахъ* мы отсюда исключаемъ, какъ ее и раньше не излагали) есть или указательное, или — если такъ можно выразиться — «матеріальное» т. е. обозначающее какой нибудь *признакъ*, — признакъ или «возникающій», или — скажемъ — признакъ «состоянія». Своею «грамматическою» формою оно не только въ состояніи «передать» *признакъ* то въ видѣ «возникающаго», то въ видѣ «состоянія», но и *черезъ* признакъ, а то и *черезъ*

указаніе, можетъ «изобразить» нѣчто какъ «вещь», или какъ «признакъ» вещи (которая, въ такомъ случаѣ, должна быть уже обозначена *другимъ* какимъ нибудь словомъ), или, наконецъ, какъ «признакъ признака». «Вещь», т. е. *грамматическая* вещь, можетъ быть поставлена въ языкѣ для того, чтобы «о ней можно было говорить», или можетъ получить значеніе «дополненія», болѣе «тѣснаго», или болѣе «отдаленнаго». Самою «сложною по строенію грамматическою формою» является личный глаголъ, изображающій «возникновеніе признака *отъ* лица» (жаль, что Потебня не выяснилъ отношенія этого «лица» къ тѣмъ «вещамъ», которыя въ рѣчи «изображаются» *другими* словами).

Все это прекрасно, и Потебня является во всемъ этомъ ученіи достойнымъ продолжателемъ Гумбольдта и Штейнталя, которыхъ онъ и ставитъ высоко въ своихъ сочиненіяхъ. Но... Разъяснимъ это *но*.

1. Намъ представляется страннымъ, что Потебня такъ настаиваетъ на личномъ глаголѣ въ предложеніи, что онъ его считаетъ *minimum*омъ предложенія и что тамъ, гдѣ его нѣтъ, напр. *не велика бѣда* (ср. Зап. 118), онъ его считаетъ опущеннымъ и подразумеваемымъ. Всѣ грамматики-философы, о которыхъ мы здѣсь упоминали и о которыхъ не упоминали, затрогиваютъ вопросъ объ эллипсисахъ и рѣшаютъ его такъ или иначе. Мы понимаемъ, что *следуетъ* «подразумѣвать» слово тамъ, гдѣ оно въ рѣчи разъ уже встрѣчалось и *повторять* его лишній разъ говорящій *не желаетъ* (долго я искалъ это мѣсто въ сочиненіи и, наконецъ, нашелъ; разумѣй его, это *мѣсто*). Мы понимаемъ дальше, что говорящій, нарисовавъ слегка какимъ нибудь словомъ или сложнымъ выраженіемъ ту или иную картину, не распространяется *особыми* словами о ея частностяхъ, *самъ* ихъ подразумевая и предполагая, что ихъ и слушатель подразумеваетъ (оставивъ своихъ друзей на палубѣ, *самъ* отправился внизъ; подразумевай *въ каюту*). Мы понимаемъ, что говорящій, самъ привыкшій противопоставлять одну мысль другой и предполагая ту же привычку у слушателя, часто, на основаніи этой противоположности, заставляетъ

догадываться о чемъ нибудь, *не выражая* этого (это не я сдѣлалъ; подразумевай *это сдѣлалъ кто-нибудь другой*). Мы понимаемъ, что говорящій, въ *риторическомъ* настроеніи, желая произвести эффектъ, останавливается иногда, такъ сказать, на *полусловѣ* (я жъ его! и т. п.). Но мы не понимаемъ, что можно *опустить* и *подразумѣвать* такое слово какъ *личный глаголъ*, разъ безъ него не можетъ обойтись ни одно предложеніе. Прекрасно высказывается на счетъ эллипсисовъ Paul: *Missst man allemal den knapperen Ausdruck an dem daneben möglichen umständlicheren, so kann man mit der Annahme von Ellipsen fast ins unbegrenzte gehen. Bekannt ist der Missbrauch, der damit im 16. und 17. Jahrhundert getrieben ist. Indessen war dieser Missbrauch doch nur die weiter gehende Durchführung von Anschauungen, die auch jetzt noch in unseren Grammatiken vertreten sind. Es gilt diesen Massstab aufzugeben und jede Ausdrucksform nach ihrer Entstehung ohne Hineintragung von Etwas Fremdem zu begreifen. Man wird dann die Ansetzung von Ellipsen auf ein minimum einschränken. Oder aber man müsste den Begriff der Ellipse in viel ausgedehnterem Masse anwenden, als es jetzt üblich ist: man müsste zugeben, dass es zum Wesen des sprachlichen Ausdrucks gehört elliptisch zu sein, niemals dem vollen Inhalte des Vorgestellten adaequat, so dass also in Bezug auf Ellipse nur ein Gradunterschied zwischen den verschiedenen Ausdrucksweisen besteht (Princip. 263.)*... Im grossen und ganzen geht ein gewisser haushälterischer Zug durch die Sprachthätigkeit. Es müssen sich überall Ausdrucksweisen herausbilden, die nur gerade so viel enthalten, als die Verständlichkeit für den Hörenden erfordert. Das Mass der angewendeten Mittel richtet sich nach der *Situation*, nach der vorausgehenden Unterhaltung, der grösseren oder geringeren Uebereinstimmung in der geistigen Disposition der sich unterhaltenden (Princip. 262).

2. Дошедши до установленія «составнаго сказуемаго», Потебня вдругъ вводитъ какое то новое начало въ свои разсужденія. Если раньше «члены предложенія» приводились

въ соотвѣтствіе съ частями рѣчи, то теперь »составное сказуемое« устанавливается по *общему смыслу* предложения. »Общій смыслъ« — чрезвычайно шаткій принципъ для установленія »членовъ предложения« (по «общему смыслу» у насъ на стр. 23 выходило подлежащимъ въ его *поступкѣ*, а сказуемымъ — *величайшую низость*), не говоря уже о томъ, что онъ у Потебни сталкивается съ *другимъ* принципомъ (я разумѣю принципъ соотвѣтствія »частей предложения« »частямъ рѣчи«), тогда какъ *всякая* система требуетъ *одной* точки исхода. Что принципъ *общаго* смысла никакъ не мирится съ тою »грамматичностью« какъ частей предложения, такъ и частей рѣчи, которой такъ долго держался Потебня, это также не подлежитъ никакому сомнѣнію. Вообще, кажется намъ, слѣдуетъ разсуждать такъ, что, во *фразѣ морозъ показался невеликъ*, выраженіе *показался невеликъ* или *есть* »членъ предложения«, а тогда »члены предложения« нужно устанавливать на какойнибудь другой почвѣ, чѣмъ на почвѣ грамматическихъ формъ, или это *не есть* »членъ предложения«. а тогда рядъ *установленныхъ* »членовъ предложения« (подлежащее, сказуемое, дополнение, опредѣленіе и обстоятельство) *не полонъ* и нужно его *увеличить*, такъ чтобы можно было подвести подъ его категоріи *отдѣльно* слово *показался*, и *отдѣльно* слово *невеликъ*, а чѣмъ его увеличить, — сказать даже трудно. Не говорить же, какъ иногда дѣлаютъ, что само *невеликъ* есть сказуемое, и *показался* есть *связка*, и не признавать же »связку« за особый »членъ предложения«. Ибо тогда окажется связкою, какъ дѣйствительно у Потебни и выходить, и слово *конецъ* въ выраженіи *конецъ поля Половецкаго*, и вообще »связокъ« найдется въ языкѣ *много*, притомъ такихъ, что *грамматичность* формъ *исчезнетъ* какъ точка исхода для опредѣленія »частей предложения«. Но можетъ быть, слово *конецъ* является не »связкою«, а просто *предлогомъ*? Въ такомъ случаѣ не всѣ »части рѣчи« подойдутъ подъ »части предложения«, и тогда опять исчезнетъ *соотвѣтствіе между* »частями« рѣчи и »частями предложения«.

3. Мы затрудняемся сказать *по началу* разсужденій Потебни, устанавливаетъ ли онъ »члены предложения« съ точки зрѣнія »частей рѣчи«, или, наоборотъ, »части рѣчи« съ точки зрѣнія »частей предложения«. Если *составные* »члены предложения« представляютъ собою нѣчто такое, что Потебню застало — да и всякаго застанетъ — въ *распложѣ*, то *простые* »члены предложения«, казалось бы, слѣдуетъ устанавливать съ точки зрѣнія »частей рѣчи«, а не наоборотъ. Въ самомъ дѣлѣ: потому ли атрибутъ — прилагательное, что онъ — атрибутъ, или, скорѣе, прилагательное есть атрибутъ потому, что оно — прилагательное? Потому ли объектъ, какъ его толкуетъ Потебня (въ выраженіи *домъ отца* слово *отца* есть, по мнѣнію Потебни, *объектъ*), — потому ли объектъ — существительное, что онъ — объектъ, или существительное есть объектъ потому, что оно — существительное? Потому ли обстоятельство — нарѣчіе, что оно — обстоятельство, или, скорѣе, нарѣчіе есть обстоятельство потому, что оно — нарѣчіе? Да и куда дѣнется вся »грамматичность« »членовъ предложения«, если мы не будемъ исходить отъ того, что въ нихъ только и есть грамматичнаго, т. е. отъ самой *формы* слова, какъ *части рѣчи*. У Потебни, въ *началѣ* его разсужденія, какъ сказано, не знаешь, что онъ беретъ за исходную точку, часть рѣчи, или часть предложения. Въ концѣ же онъ *явственно* исходитъ отъ *членовъ предложения* и результатомъ своимъ доказываетъ всю *неправильность* своего метода. Въ предлогъ »*къ*« никто не станетъ искать »нарѣчіе«, потерявшее значеніе *объекта*, и выяснять предлоги съ точки зрѣнія »членовъ предложения« — стремленіе напрасное, развѣ войдутъ они въ какойнибудь »*составной* членъ предложения«, а о неметодичности »*составныхъ* членовъ предложения« мы высказались выше.

4. Объектъ (дополненіе то-жъ) Потебня, въ концѣ концовъ, опредѣляетъ какъ болѣе или менѣе (»болѣе тѣсная и болѣе отдаленная связь«) вызываемое »формальнымъ значеніемъ« дополняемаго (люблю отца.) Не является ли такимъ же »дополненіемъ« и самъ *субъектъ*, и — возьмемъ напр.

фразу *сынъ любитъ отца* — какая, въ сущности, разница между словомъ *сынъ* и между словомъ *отца*, если послѣднее оказывается объектомъ лишь въ томъ смыслѣ, что оно вызвано «формальнымъ значеніемъ» т. е. значеніемъ *формы* слова *любитъ*? Не вызвано ли въ нашей фразѣ и слово *сынъ* формальнымъ значеніемъ слова *любитъ*? Не являются ли, наконецъ, въ *этомъ* же смыслѣ, если не «дополненіями», то, во всякомъ случаѣ, «дополняемыми» и «прилагательное-атттрибутъ», и «нарѣчіе-обстоятельство», когда *первое* своимъ «формальнымъ значеніемъ» указываетъ на «признакъ субстанціи, выраженной въ *другомъ* словѣ», а *второе* своимъ *формальнымъ значеніемъ* указываетъ на «атттрибутъ» атттрибута, выраженного *другимъ* словомъ? Не есть ли и слово «*къ*» въ выраженіи *къ отцу* не «ослабленное и перешедшее въ нарѣчіе *дополненіе*» (объектъ), а «дополняемое», *вызывающее* къ себѣ «своимъ формальнымъ значеніемъ» слово *отцу*? Не есть ли и слово *отца* въ выраженіи *домъ отца* не «дополненіе», какъ толкуетъ Потебня, при-бѣгая къ *натяжкѣ* въ различеніи выраженій «*домъ отца*» и «*отцовскій домъ*», а скорѣе дополняемое, *вызывающее* къ себѣ «своимъ формальнымъ значеніемъ» слово *домъ*? Не состоитъ ли въ *этомъ* же смыслѣ изъ «дополняемаго» и «дополненія» выраженіе *оказался невеликъ*? Не слѣдуетъ ли толкованіе о «болѣе тѣсной и болѣе отдаленной связи дополненій» (объектовъ) замѣнить толкованіемъ; что «болѣе отдаленное *дополненіе*» есть не «дополненіе», а «дополняемое», *вызывающее* «своимъ формальнымъ значеніемъ» *дополненіе* (въ выраженіи *добродѣтель воина* слово *воина* есть «дополняемое»), а «болѣе *тѣсное* дополненіе» есть *дѣйствительное* «дополненіе», *вызванное* формальнымъ значеніемъ «дополняемаго»? А если такъ, и если Потебня правъ въ томъ (онъ не правъ, какъ видно будетъ изъ нашего изслѣдованія), — если онъ правъ въ томъ, что предположеніе не можетъ обойтись безъ личнаго глагола, и что личный глаголъ есть *минимумъ* всякаго предположенія, то не слѣдовало ли бы опредѣлить «предположеніе» *просто* какъ личный глаголъ съ его «дополненіями» и «дополняемыми»?

Изъ всего нашего разсужденія явствуетъ, что синтаксисту нужно прежде всего разобраться хорошо въ симасіологии (т. е. понять *значеніе* и «дополняемость», *вызванную* значеніемъ) *частей рѣчи* и ихъ *формъ*, а потомъ только видно будетъ, насколько умѣстны и какими окажутся, если они умѣстны, «члены предположенія». Какъ *затруднено* въ настоящее время у *всѣхъ* нашихъ грамматиковъ опредѣленіе *значенія* частей рѣчи и ихъ *формъ*, этихъ по истинѣ «грамматическихъ» категорій, на которыхъ *дѣйствительно* можно узнать «внутреннюю форму языка» Гумбольдта, «грамматическое мышленіе» Штейнталя и «Denkform» Heyse (Heyse употребляетъ именно *этотъ* терминъ; ср. Sprachw. 391 и др.), — какъ, повторяю, *затруднено* опредѣленіе *значенія* частей рѣчи *именно тѣмъ*, что наши грамматикіи въ частяхъ рѣчи все сбиваются на «члены предположенія», можно судить по самому Потебнѣ, который, напр., значеніе *одной* изъ ихъ грамматическихъ формъ, именно *творительнаго* падежа, опредѣляетъ слѣдующими терминами;

1. творительный соціативный;
2. » мѣста;
3. » времени;
4. » орудія;
5. » условленный страдательнымъ сказуемымъ;
6. » условленный именемъ и нарѣчіемъ, и творительный отношенія;
7. » причины;
8. » образа дѣйствія;
9. » аппозитивный (appositio есть особый видъ атттрибута);
10. » предикативный;
11. » на мѣстѣ «предикативнаго имени существительнаго» при глаголахъ болѣе энергичности;
12. именительный и творительный предикативныхъ прилагательныхъ.

Гдѣ тутъ можно толковать о какомъ нибудь *началѣ* для опредѣленія значенія творительнаго падежа?

Отъ апприористическаго внесенія въ синтаксисъ »членовъ предложенія« не освободился до сихъ поръ никто. Послѣдній, Delbrück (Grundr. III., конецъ введенія), хотя и провозглашаетъ Satztheil и Redetheil за одно (Grundr. III. 75), однакожъ навязываетъ себѣ слѣдующія »категоріи« словъ:

1. Слова, служащія субстратомъ предиката (подъ субстратомъ слѣдуетъ разумѣть, по Дельбрюку, субъектъ, объектъ и, вообще, всѣ »отношенія«, выражаемыя *падежами*). Это — substantiva. Такъ какъ substantivum есть не этимологическая, а *синтаксическая* категорія (называя ее *синтаксическою*, т. е. такою, которая *συντάσσεται*, Дельбрюкъ имѣетъ въ виду именно ея »дополняемость«, связанную съ ея »формальнымъ« значеніемъ), то понятно, что въ качествѣ substantiv'овъ могутъ быть употребляемы многіе »разряды« словъ (Wortarten): nomina, pronomina, numeralia и »субстантивированныя« слова.

2. Предикативныя слова: собственное предикативное слово — verbum; но и nomina могутъ функционировать въ роли предикатовъ, напр. οὗκ ἀγαθὸν πολυκοιρανίη.

3. Атрибутивныя слова. Атрибутивное слово можетъ появляться не только при субстратѣ предиката, т. е. при substantiv'ѣ, но и при предикативномъ словѣ. Собственный атрибутъ substantiv'a есть adjectivum, выступающее и въ nomin'ахъ, и въ pronomin'ахъ (напр. εἰμός), и въ numerali'ахъ. Но атрибутами substantiv'овъ могутъ быть и сами substantiv'a; такъ бываетъ въ приложеніяхъ, а также въ genitiv'ахъ substantiv'овъ (или въ dativ'ахъ). Атрибутами при предикативахъ—глаголахъ являются praepositiones (точнѣе praeverbia, сравни ἐγκαλέω) и adverbia. Наконецъ, атрибутъ можетъ появляться и при *другомъ* атрибутѣ; такъ, adverbium появляется при adjectivum.

4. Связки. Сюда относятся: copula, praepositiones, посредничающія между verbum и падежемъ, и нѣкоторыя частицы. Изъ частицъ принадлежатъ сюда тѣ, которыя имѣютъ значеніе *соединяющихъ* словъ; но къ нимъ можно при-

общить и *исключающія* частицы, т. е. какое-нибудь *aut*, *ἢ* и т. п.

5. Усилительныя слова (hervorhebende Wörter). Сюда относится цѣлый рядъ частицъ.

Что Дельбрюкъ, наконецъ, провозглашаетъ отождествленіе Satztheil'a съ Redetheil'омъ, это *громкій* шагъ впередъ, который, насколько намъ извѣстно, впервые сдѣланъ только имъ. Но, какъ видно, это отождествленіе получило у него лишь тотъ смыслъ, что »*составныхъ*« частей предложенія нѣтъ, и что какъ члены предложенія, такъ и части рѣчи являются только »словами«, а затѣмъ »члены предложенія« и »части рѣчи« остаются *отличными* другъ отъ друга понятіями т. е. отличными другъ отъ друга *началами* дѣленія словъ на разряды, и такъ какъ за *исходную* точку для дѣленія словъ на разряды приняты »члены предложенія«, то *части рѣчи* при этомъ дѣленіи перекрещиваются. Очень жаль, что ни infinitivus, ни participium не выступаютъ *самостоятельными* частями рѣчи. Не обращено также никакого вниманія на »предлоги, посредничающіе между падежемъ и тѣми частями рѣчи, которыя *не суть* verbum, напр. πέντε ἐπὶ δέκα, ἀδικία πρὸς τινα и т. п. Впрочемъ, о синтаксисѣ этого великаго знатока языковъ трудно себѣ составить надлежащее представленіе, такъ какъ онъ еще не окончень.

Недавно появилась книжка Ries'a, въ которой авторъ рѣшаетъ вопросъ, что такое синтаксисъ. Указывая на всю ту безсистемность (Systemlosigkeit), которая держится въ нашихъ синтаксическихъ теоріяхъ благодаря тому, что не выяснена до сихъ поръ достаточно ни задача синтаксиса, ни отношеніе его къ другимъ отдѣламъ грамматики, авторъ распознаетъ въ синтаксическихъ изслѣдованіяхъ нашихъ ученыхъ *два* главныхъ направленія. Представителемъ одного остается все тотъ же Беккеръ, а представителемъ другого является Miklosich. Ученые перваго направленія — такъ толкуетъ Ризъ — исходятъ отъ *значенія*, приискивая ему грамматическія формы, а ученые втораго — отъ *грамматическихъ формъ*, приискивая имъ значеніе (WiS. 9: zunächst ist es der bekannte Widerstreit zweier entgegengesetzter

Methoden der Forschung, der in Augen springt: das Ausgehen von der Bedeutung, nach deren Ausdrucksform gefragt wird, und umgekehrt das Ausgehen von den vorhandenen Formen, nach deren Bedeutung gefragt wird).

Miklosich (Vergl. Gr. IV. 1) опредѣляетъ синтаксисъ, какъ симасіологію разрядовъ словъ (подъ разрядами словъ онъ понимаетъ *исключительно* части рѣчи) и ихъ формъ (т. е. падежей, наклоненій и т. п.): jener Theil der Grammatik, welcher die Bedeutung der Wortclassen und der Wortformen darzulegen hat, heisst Syntax.

О такой задачѣ, какую себѣ опредѣлилъ Миклошичъ въ своемъ синтаксисѣ, мечтаемъ и мы, сводя всѣ наши разсужденія къ необходимости разъяснить *симасіологію частей рѣчи* т. е. *разбить на разряды* появляющіяся въ рѣчи слова по ихъ значенію, по ихъ *приспособленности* войти «частями» въ осмысленную рѣчь, причемъ эта «приспособленность» опредѣлялась бы прежде всего всѣми *этимологическими* измѣненіями (падежами, наклоненіями и т. п.) каждаго изъ этихъ разрядовъ, такъ какъ *измѣненія* эти только и находятъ себѣ оправданіе въ томъ, что каждое изъ нихъ вноситъ *особый* оттѣнокъ въ мысль. Однакожъ опять и опять съ сожалѣніемъ приходится замѣчать, что и Миклошичъ, исполняя свою задачу, постоянно находится подъ давленіемъ «членовъ предложенія», которые въ сущности остаются *вездѣ* — мы это видѣли — *Беккеровскими*, какъ бы ихъ ни переворачивали наши грамматикѣ-философы, и уже это *одно* обстоятельство мѣшаетъ Миклошичу *надлежащимъ* образомъ опредѣлить значеніе той или другой Wortclasse, той или другой Wortform. *Надлежащее* опредѣленіе значенія «разрядовъ словъ» и ихъ формъ, повидимому, заключается въ такомъ освѣщеніи дѣла, которое въ каждомъ «разрядѣ словъ» и въ каждой формѣ указывало бы или *одинъ* симасіологическій *центръ*, откуда бы всѣ оттѣнки исходили какъ радіусы, или, если такого *одного* центра нѣтъ, — историческое *передвиженіе* значенія отъ одного симасіологическаго центра къ другому. Миклошичъ, помимо того, что ему мѣшали «члены предложенія, вообще не обнару-

живаетъ особеннаго стремленія къ отысканію *такого* или *такихъ* исторически связанныхъ центровъ. Его синтаксисъ представляетъ собою въ этомъ отношеніи скорѣе магазинъ примѣровъ, сгруппированныхъ подъ цѣлымъ рядомъ ярлыковъ, кое-какъ между собою связанныхъ, а то и вовсе несвязанныхъ. Примѣромъ такого веденія дѣла пусть послужитъ тотъ же творительный падежъ. Миклошичъ его опредѣляетъ такъ (Vergl. Gr. IV. 683): Wie bei den übrigen Casus, so gehe ich auch bei dem Instrumental von dessen *räumlichen* Function aus, diese allen übrigen zu Grunde legend (почему?). An die Vorstellung des Raumes, über den sich eine Handlung ununterbrochen erstreckt, schliesst sich die Vorstellung des *Werkzeuges* und des *Mittels* an, die dem Casus den Namen Instrumental gab. Diese Vorstellungen erweitern sich zu der des *Beisammenseins*, auf der ein anderer Name des Casus, Social, beruht. Am weitesten entfernt sich von der ursprünglichen Bestimmung des Instrumental dessen *prädicative* Anwendung, wo der Instrumental dasjenige bezeichnet, in das ein anderes verwandelt wird oder übergeht, der demnach »local« (значить, *опять* рäumlich? — почему онъ въ такомъ случаѣ такъ *удаленъ* отъ «первоначальнаго значенія?») aufzufassen ist.

Послѣ этого «опредѣленія значенія» идутъ слѣдующіе ярлычки, всегда съ массою примѣровъ: Instrumental des Raumes; Instrumental der Zeit; Instrumental des Werkzeuges; Instrumental des Masses; Instrumental bei verba passiva; Instrumental der Art und Weise; Instrumental der Angemessenheit; Instrumental der Verstärkung; Instrumental des Grundes; Instrumental der *Sorge* (!) u. s. w.; Instrumental der Beziehung; Instrumental der Absicht; Instrumental der Verbindung; Instrumental des Umstandes; Instrumental der Eigenschaft; Instrumental des Praedicats, indem er bezeichnet: 1. dasjenige, wozu *ich* etwas mache, wozu *ich* es verwan-dle, womit *ich* es benenne; 2. dasjenige, wozu *etwas* gemacht, ernannt, wozu *es* verwandelt, wie *es* benannt, wofür *es* gehalten wird u. s. w.; 3. die praedicative

Apposition des Subjects oder des Dativ in der Construction des Infinitivus cum Dativo.

Далѣ слѣдуетъ соединеніе творительнаго падежа съ предлогами, причемъ, напр., объясненіе конструкціи предлога *за* съ творительнымъ падежемъ получаетъ слѣдующій видъ:

Der Instrumental mit der Praeposition *за* bezeichnet: 1. dasjenige, hinter dem etwas ruht (что же тутъ выходитъ на долю самого *за*, и что на долю instrumental'a какъ *падежа*?); 2. die Zeit, nach der eine Handlung vor sich geht; 3. dasjenige, weswegen etwas geschieht oder nicht geschieht; 4. bei Personen das Beisammensein im Allgemeinen.

Каково бы ни было *исполненіе* задачи у Миклошича, сама она поставлена имъ ясно: онъ желаетъ симаціологіею «разрядовъ словъ и ихъ формъ» исчерпать *весь синтаксисъ* языка и стоитъ въ этомъ отношеніи на принципѣ, дѣйствительно, вполнѣ противоположномъ точкѣ зрѣнія Беккера, желавшаго исчерпать синтаксисъ языка истолкованіемъ «сочлененій предложенія». Съ обѣими точками зрѣнія сжились наши синтаксисты — одинаково философы, какъ и техники — до того, что одни хотѣли бы ихъ примирить, а другіе восклицаютъ: или Беккеръ, или Миклошичъ! (Scherer Kl. Schr. 370).

Ни тотъ, ни другой — отвѣчаетъ мы. Впервыхъ, мы думаемъ, что симаціологія «разрядовъ словъ и ихъ формъ» выиграетъ, если ее поставить совершенно независимо отъ «членовъ предложенія». Мы думаемъ, — чтобы высказаться правдѣ, — что если отъ «членовъ предложенія» *совсѣмъ* отказаться, то уясненіе языка отъ этого вовсе не пострадаетъ. Но мы думаемъ также, что симаціологіею «разрядовъ словъ и ихъ формъ» *не исчерпывается* весь синтаксисъ. За симаціологіею «разрядовъ словъ и ихъ формъ», какъ совершенно правильно разсуждаетъ Ризъ (WiS 32), слѣдуетъ еще вся музыкальная сторона языка: темпъ, паузы, удареніе, ритмъ, мелодія,*) и хотя намъ, быть можетъ, скажутъ, что нѣко-

*) Немного определеннѣе говорить объ этомъ предметѣ Paul (Princip. 99): Zum sprachlichen Ausdruck von Vorstellungen gibt es folgende Mittel:

торыя изъ этихъ сторонъ или, точнѣе, многое *въ нихъ* — относится къ *стилистикѣ*, но сама *область* стилистики достаточно ли у насъ раскрыта? Не выяснится ли она лучше, когда не только синтаксисъ тверже будетъ стоять на своей почвѣ, но и другія грамматическія дисциплины будутъ больше упрочены какъ *сами въ себѣ*, въ своихъ *собственныхъ* задачахъ, такъ и по отношенію другъ къ другу.

Объ этомъ то взаимномъ отношеніи грамматическихъ дисциплинъ много толкуетъ Ризъ въ своемъ сочиненіи, и — надобно ему отдать справедливость — онъ много выяснилъ въ этомъ дѣлѣ черезъ введеніе въ свое толкованіе слова *Bedeutungslehre*, что мы переводимъ словомъ *симаціологія* (да и Ризъ употребляетъ иногда слово *Semasiologie*).

«Симаціологію» ввелъ въ грамматику еще Reisig, поставивъ ее посрединѣ между «этимологіею» и «синтаксисомъ». Но его «*Semasiologie oder Bedeutungslehre*» имѣетъ чисто *лексикальный* характеръ съ примѣсю, если угодно, стилистическаго элемента. Онъ въ ней толкуетъ о синекдохѣ, о метафорѣ, о метониміи, о чередованіи *transitiv'ности* и *intransitiv'ности* въ значеніи глаголовъ, о важной роли для значенія глаголовъ тѣхъ предлоговъ, которые съ ними соединяются, объ основахъ правильнаго выбора словъ по ихъ значенію (*Grundsätze über die Wahl der Wörter nach ihrer Bedeutung*), о «синонимологіи», о повтореніи въ рѣчи (*Fülle der Rede*) т. е. о *соединеніи* въ рѣчи синонимическихъ словъ Устанавливая такую «симаціологію» какъ *часть* грамматики, Рейзигъ думалъ пополнить пробѣлъ лексикографовъ

1. die Nebeneinanderstellung der den *Vorstellungen* entsprechenden Wörter an sich; 2. die *Reihenfolge* dieser Wörter; 3. die Abstufung zwischen denselben in Bezug auf die *Energie der Hervorbringung*, die *stärkere oder schwächere Betonung*; 4. die *Modulation der Tonhöhe*; 5. das *Tempo*, welches mit der Energie und der Tonhöhe im engen Zusammenhange zu stehen pflegt; 6. *Verbindungswörter*, wie Praepositionen, Conjunctionen, Hilfszeitwörter; 7. die *flexivische Abwandlung* der Wörter. *Первый* пунктъ по этому распредѣленію какъ сейчасъ будетъ выяснено, относится къ «симаціологіи этимологическихъ основъ или темъ», пункты 6 и 7 — къ симаціологіи «разрядовъ словъ и ихъ формъ», а пункты 2—5 — къ тому, что въ синтаксисѣ должно *слѣдовать* за этою симаціологіею.

(die Lexica sind hierin sehr mangelhaft und unvollkommen; Vorles. 286) и вообще *выяснить* нѣчто, для чего онъ не находилъ мѣста ни въ этимологіи, ни въ синтаксисѣ, а именно: »развитіе *идей* въ словахъ на почвѣ ассоціаціи въ представленіи (die Grundlage der Ideenentwicklung in den Wörtern ist die Gedankenassociation in der Gemeinschaft der Vorstellungen; Vorles. 286).

Надлежащее выясненіе умѣстности симасіологіи въ грамматикѣ встрѣчаемъ у Schleicher'a. У него симасіологія получаетъ *очень широкій* смыслъ, хотя названа она у него не *Semasiologie*, а *Functionslehre*. Онъ раздѣляетъ всю грамматику (см. Deutsche Spr. 126—127) на Lautlehre, Morphologie, Functionslehre и Syntax. Подъ »Syntax« онъ разумѣетъ »Lehre vom Satzbau«. Что же касается Functionslehre, то она, проникая глубже всего во внутреннюю суть языка (dieser Abschnitt der Grammatik greift am tiefsten ins innere Wesen der Sprache ein), должна, по плану Шлейхера, *выяснить* (выясненіе это можетъ относиться или къ *отдѣльнымъ* языкамъ, а то и къ *языку вообще*), какими функциями или значеніями располагаетъ языкъ въ своихъ »этимологическихъ корняхъ«, и какія *грамматическія* функции у него имѣются въ распоряженіи, т. е. какія »отношенія« онъ способенъ выразить и *выражаетъ*, образуя изъ этимологическихъ корней этимологическія темы или основы, а изъ этимологическихъ основъ — полныя слова въ ихъ спряженіяхъ и склоненіяхъ (die Functionslehre hat aufzustellen, welche Wurzelfunctionen oder Bedeutungen, und welche Beziehungsfunktionen oder grammatische Functionen in Stammbildung, Declination und Conjugation *die Sprache*, oder eine *gegebene Sprache* besitzt; Deutsche Spr. 126). Если — говорить Шлейхеръ (Deutsche Spr. 127) — этимологическіе корни *div*, *ruk*, *sva*, *bhag* обозначаютъ *святить*, то нужно предположить, что *первоначальная* функция каждаго изъ этихъ корней была *особая*, что каждый изъ этихъ корней имѣлъ какое нибудь *частное* значеніе, и отыскать это *частное* значеніе должна постараться Functionslehre. То же самое нужно сказать и о функцияхъ »отношеній«: если,

напр., въ настоящее время за цѣлою группою различныхъ суффиксовъ утвердилась одна и та же роль обозначенія *дѣятеля* (die handelnde Person, der Thäter), то первоначально каждый изъ нихъ долженъ былъ имѣть свою *особую*, только *ему* принадлежащую функцію (на declinativныя и conjugativныя окончанія Шлейхеръ этой мысли не распространяетъ, да и распространять — казалось бы на первый взглядъ — не приходится, такъ какъ трудно найти въ развитомъ языкѣ такіе случаи, чтобы нѣсколько »окончаній« имѣло одно значеніе; скорѣе *наоборотъ*: чувствуется, что одно »окончаніе« имѣетъ нѣсколько значеній).

Хотя Шлейхеръ въ своей *собственной* Deutsche Spr. не проводитъ Functionslehre во всей ея широтѣ и отдѣляется какъ отъ морфологіи, такъ и отъ Functionslehre нѣсколькими лишь замѣтками (einige Notizen), соединяя въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ морфологическимъ указаніемъ и указаніе значенія, но что такое его Functionslehre, — это для насъ вполне ясно по тому *опредѣленію* и *объясненію*, которое онъ даетъ о ней: онъ хотѣлъ въ ней соединить лексикографическую часть (значеніе »корней« и »основъ«) съ тою частью, которую мы признаемъ — это вытекаетъ изъ всего нашего разсужденія — за *чисто синтаксическую*. Шлейхеръ, какъ сказано выше, подъ синтаксисомъ разумѣетъ *только* die Lehre vom Satzbau, мы же — повторяемъ — не смотримъ на нашу симасіологію »рядомъ словъ и ихъ формъ« какъ на исчерпывающую *весь* синтаксисъ.

Въ настоящее время подъ »симасіологіею« разумѣютъ обыкновенно Шлейхеровскую Functionslehre »этимологическихъ корней и основъ«. У Heerdegen'a — можно сказать, *перваго* изъ ученыхъ, обосновавшаго эту »симасіологію« какъ науку — отразилось это обоснованіе видоизмѣненіемъ Шлейхеровскаго дѣленія грамматики. Онъ дѣлитъ грамматику на слѣдующія части (Untersuch. I. 47):

I. Lehre vom Wort für sich oder Wortlehre.

1. Formenlehre des Wortes für sich, d. i. *Etymologie*.
2. Functionslehre des Wortes für sich — *Semasiologie*.

II. Lehre vom Wort als Glied des Satzes oder kurzweg Satzlehre.

1. Formenlehre des Wortes im Satze — *Flexionslehre*.

2. Functionslehre des Wortes im Satze — *Syntax*.

Такимъ образомъ, «симасіологія» есть уясненіе *перемѣнъ* въ значеніи «этимологическихъ корней и основъ», какъ онѣ даны *исторически* въ томъ или иномъ языкѣ, — уясненіе, сводящееся, по толкованію Heerdeggen'a, къ уясненію *общихъ началъ* (allgemeine Principien), на которыхъ зиждутся эти перемѣны, въ родѣ Bedeutungsverengung и Bedeutungsübertragung (Grundz. 65) и другихъ, а по толкованію Hey'a, развивающаго *дальше* научность «симасіологіи», — къ уясненію историческихъ и психологическихъ *причинъ* «перемѣнъ» (Sem. Stud. 103). Эта «симасіологія» имѣетъ несомнѣнно громадное будущее, несмотря на то, что въ настоящее время разные симасіологическіе опыты «den Zweifel an der Möglichkeit der Semasiologie als eigener wissenschaftlichen Disciplin noch nicht ganz haben zum Schweigen bringen können» (Hey Sem. Stud. 83). До какихъ результатовъ можно дойти въ такихъ опытахъ, доказалъ Brugmann въ своихъ «Ausdrücke für den Begriff der Totalität in den indogermanischen Sprachen, Leipzig 1894. Надобно только расширить программу этой «симасіологіи» въ самомъ *опредѣленіи* ея такъ, какъ ее расширяютъ и на *практикѣ*, т. е. надобно въ самомъ *опредѣленіи* обозначить, что *эта* симасіологія разъясняетъ не только значеніе «этимологическихъ корней и основъ» въ словахъ *δοξα, ἐπιστήμη* и под., но и значеніе какого-нибудь *μωυ* въ словѣ *ἐπιστήμωυ*, стало быть, вообще симасіологическихъ (т. е. опредѣляющихъ собою значеніе слова) *элементовъ* всякой «этимологической основы.»

Ризъ, не особенно интересующійся *подробною* проверкою Шлейхеровскаго дѣленія грамматики на четыре части, называетъ его *ошибочнымъ* (Schleichers fehlerhafte Vierteilung der Grammatik, WiS. 80), а самъ дѣлитъ грамматику слѣдующимъ образомъ:

I. учение о звукѣ (Lautlehre);

II. учение о словѣ (Wortlehre);

III. учение о сочетаніи словъ (Lehre vom Wortgefüge).

При этомъ онъ подѣляетъ «сочетаніемъ словъ» разумѣетъ не только «предложеніе» и «сочетаніе предложеній», но вообще *φράσις* въ древнемъ смыслѣ этого слова (*alle Wortgefüge und nicht nur die Sätze*: WiS. 143) т. е. все, послѣ чего въ рѣчи слѣдуетъ нѣкоторая пауза. Такъ, выраженіе *въ мысли этого человека всякій долженъ находить большую правильность* можно, пожалуй, разбить на три *φράσεις*, а именно: 1) въ мысли этого человека; 2) всякій долженъ находить; 3) большую правильность (*φράσεις*, впрочемъ, могутъ и *перекрещиваться* другъ съ другомъ: всякій долженъ находить; находить большую правильность, въ мысли долженъ находить и т. д.)

Нѣтъ сомнѣнія, что у Риза *начало* или *основа* дѣленія въ самомъ дѣленіи больше выдержаны, чѣмъ у Шлейхера, и Ризъ дѣйствительно въ правѣ сказать, что *его* части грамматики имѣютъ каждая *своего* героя (*jeder der drei Haupttheile hat seinen eigenen Helden*; WiS. 95), тогда какъ у Шлейхера «герой-слово» (Wort) сейчасъ же въ *первомъ* дѣленіи, т. е. въ дѣленіи на общія *четыре* части, разорванъ на двѣ половины.

Мы не станемъ здѣсь распространяться о *первой* части грамматической системы Риза т. е. объ *ученіи о звукѣ*, считая достаточнымъ то, что сообщено нами на стр. 38; ибо сколько недоумѣній ни вызывало бы опредѣленіе учения о звукѣ какъ Lautphysiologie*), *нашъ* учение о звукѣ непосредственно не касается. Что же касается *второй* части его системы, *ученія о словѣ*, то самъ Ризъ дѣлитъ ее на 1) учение о *формѣ* слова (Lehre von den Formen der Worte) и 2) учение о *значеніи* слова (Lehre von der Bedeutung der Worte)**)

Въ учение о *формѣ* слова Ризъ вноситъ: а) словообразование въ томъ смыслѣ, какъ мы его растолковали на

*) Весьма поучительна въ этомъ отношеніи статья Дельбрюка, озаглавленная «Lautgesetze» и помѣщенная имъ въ Sprachst. стр. 101 — 128, — поучительна въ томъ смыслѣ, что *ослабляетъ* всѣ тѣ недоумѣнія, которыя могутъ возникнуть при опредѣленіи фонетики, какъ «физиологіи звуковъ».

**) См. Ries WiS. 79.

стр. 38 (Wortbildungslehre) и 6) флексии (склонения и спряжения). Хотя въ самой *схемѣ*, помѣщенной у Риза WiS. 83, говорится не о словообразованіи, а о »Wortarten nach formalen Gesichtspunkten«, но что въ его »Wortarten nach formalen Gesichtspunkten« нужно усматривать именно наше »словообразование«, видно изъ мѣста WiS. 90, гдѣ онъ толкуетъ, что *собственно* строгаго различія между »словообразованіемъ« и флексивными измѣненіями слова провести нельзя (ein durchgreifender Unterschied zwischen den sogenannten flexivischen Wortveränderungen, und den übrigen, die gewöhnlich in die Wortbildungslehre, damit also in die Wortlehre, einbezogen werden, laesst sich nicht aufstellen noch durchführen: dieselben Vorgänge, die der Bildung von Flexionsformen zu Grunde liegen, finden sich auch in den übrigen Wortbildungen wirksam. Aenderungen der Stammvocale, Nasalisierung, Reduplication, Vor- und Nachsyblen u. s. w., sie dienen alle ebenso der Wortbildung wie der Flexion). Да не подумаетъ читатель, что Ризъ, толкуя объ отсутствіи строгаго различія между »словообразованіемъ« и »флексивными измѣненіями слова«, противорѣчитъ себѣ и самъ уничтожаетъ то, что создалъ, т. е. подраздѣленіе ученія о *формѣ* слова на двѣ части именно по приведеннымъ двумъ заглавіямъ. Его толкованіе объ »отсутствіи строгаго различія« имѣетъ лишь тотъ смыслъ, что »словообразование« и флексивныя измѣненія словъ съ одной стороны не должны быть отдѣляемы другъ отъ друга вставкою какого-нибудь *третьяго* отдѣла грамматики, а съ другой — должны фигурировать въ системѣ грамматики не какъ два главные, а только какъ подраздѣленія одного главнаго отдѣла; ибо *истолковывать* все разнообразіе, которое въ нихъ обоихъ замѣчается, можно только по *одному* началу, именно такъ называемому »этимологическому.«

Согласно дѣленію ученія о *формѣ* слова дѣлится и ученіе о *значеніи* слова на 1. ученіе о значеніи слова по *элементамъ* его образованія и 2. ученіе о значеніи *рядовъ* словъ и ихъ *формъ*. Это, а не другое что нужно искать въ *схемѣ* Риза на стр. 79, гдѣ говорится о »Lehre

von der Bedeutung der Worte, ihrer Arten und Formen. На стр. 84 самъ Ризъ дѣлитъ ученіе о *значеніи* слова на *три* подразряда, а именно: 1. Lehre von der Bedeutung der Worte; 2. Lehre von der Bedeutung der Wortarten; 3. Lehre von der Bedeutung der Flexionsformen. По поводу *перваго* своего подразряда говоритъ Ризъ на той же стр. 84: Hier findet im System der vollständigen Grammatik die Synonymik, die Lehre vom Bedeutungswandel und was sich sonst auf dem Gebiete der Wortbedeutung der bloss *lexikalischen* Darstellung abgewinnen und einer systematischen Bearbeitung unterwerfen lässt, den angemessenen Platz. Такимъ образомъ, подъ *первымъ* своимъ подразрядомъ Ризъ разумѣетъ то, что мы выше назвали »уясненіемъ *перемѣнъ* въ значеніи этимологическихъ корней и основъ«, и что *вообще* теперь разумѣютъ подъ »симасіологіею«. Второй и третій подразряды Риза мы, какъ видитъ читатель, соединили въ *одинъ*, назвавъ его ученіемъ о значеніи *рядовъ* словъ и ихъ *формъ*. *Первый* подразряд можно бы точнѣе назвать, согласно нашему замѣчанію на стр. 68 о задачѣ *теперешней* симасіологіи, ученіемъ о »значеніи этимологическихъ корней и *симасіологическихъ* элементовъ »этимологическихъ основъ«.

Третью главную часть, ученіе о *сочетаніи* словъ, Ризъ также дѣлитъ на ученіе о *формѣ* этихъ сочетаній и о значеніи ихъ. Эту то третью часть онъ называетъ »синтаксисомъ« (WiS. 142). Стилистику онъ *выдѣляетъ* изъ грамматики, противопоставляя ее не »синтаксису« и не ученію о *словѣ*, а всей *вообще* грамматикѣ, и усматривая въ ней нѣчто, близкое риторикѣ, метрикѣ, пиитикѣ, вмѣстѣ съ которыми она составляетъ ученіе объ *искусствѣ* въ языкѣ; die objective Stilistik (Ризъ ее отличаетъ отъ субъективной т. е. отъ *стиля писателя, эпохи*) verlässt das rein grammatische Gebiet und tritt zusammen mit Rhetorik, Metrik, Poetik der Grammatik zur Seite und bildet mit diesen einen Theil der allgemeinen Kunstlehre, ist ein Theil der Lehre von den Künsten, deren Ausdrucksmittel die menschliche Rede ist (WiS. 127).

Итакъ, — вотъ что представляет собою синтаксисъ по пониманію Риза, постаравшагося раздѣлить всю грамматику такъ, чтобы каждая изъ частей имѣла своего «героя»: синтаксисъ есть наука о *формахъ* и о *значеніи* «сочетаній словъ». Подробнаго плана такого синтаксиса Ризъ дать не можетъ, хотя и посвящаетъ ему стр. 136—145; онъ только и можетъ говорить о томъ темпѣ и о тѣхъ паузахъ, о которыхъ упоминалъ сначала. Да и трудно проникнуть въ этотъ планъ *) (общая идея, впрочемъ, ясна), пока не раскроется, что можетъ дать симасіологія «разрядовъ словъ и ихъ формъ». Хотя въ этой симасіологіи, наравнѣ съ симасіологіею «слова по элементамъ его образованія», Ризъ считаетъ многое «реальнымъ, матеріальнымъ, лексическимъ (reell, materiell, lexikalisch; WiS. 96), а не чисто «синтаксическимъ» т. е. не *прямо* объясняющимъ приспособленность слова привлекать къ себѣ *другое* слово для сліянія съ нимъ въ одинъ общій смыслъ, однакожъ это можетъ раскрыться яснѣе только тогда, когда сама симасіологія «разрядовъ словъ и ихъ формъ» будетъ *вполнѣ разработана*.

Предлагая опытъ такой симасіологіи, я не считаю себя приготовленнымъ распространять его на нѣсколько языковъ сразу. Симасіологія не есть этимологія. Если этимологу можно черпать свой матеріалъ изъ *грамматикъ* разныхъ языковъ, то симасіологъ — синтаксистъ долженъ опираться даже въ *подборѣ матеріала* на собственное *чутъе* языка, а *чутъемъ* въ много языковъ не проникнешь. Я намѣренъ изслѣдовать симасіологію разрядовъ словъ и ихъ формъ на почвѣ одного *греческаго* языка и думаю, что это не будетъ во вредъ самому дѣлу. Напротивъ, на успѣхъ можно тутъ рассчитывать *именно* на почвѣ *одного* языка; ибо какъ изъ

*) Кое что сдѣлано въ *этомъ* «синтаксисѣ» Wegener'омъ въ его Untersuch. Къ сожалѣнію, здѣсь не мѣсто съ достаточною ясностью — краткими замѣтками ничего не выяснишь — разсуждать о правильности его взгляда на вопросы, возникающіе въ *этомъ* «синтаксисѣ», и на услуги, которыя ему оказать, уже самою правильностью *взгляда* на дѣло, Wegener, не выдѣляя, впрочемъ, этихъ вопросовъ во *вторую*, такъ сказать, — *высшую* часть синтаксиса, а, напротивъ, ставя разсужденіе о нихъ въ *основаніе* синтаксической теоріи.

выясненнаго доселѣ явствуетъ, симасіологическія студіи надъ разрядами словъ и ихъ формъ должны вести въ *разныхъ* языкахъ къ *разнымъ* результатамъ. Не отказываюсь, конечно, и не могу отказываться отъ привлеченія къ сравненію и другихъ языковъ, гдѣ это найду полезнымъ и для себя доступнымъ.

Много уже сдѣлано для симасіологіи *греческихъ* разрядовъ словъ и ихъ формъ тѣми *частными* изслѣдованіями (съ ними мы встрѣтимся въ нашемъ *собственномъ* изслѣдованіи), въ которыхъ разработано значеніе того или иного *падежа*, а то и падежей *вообще*, той или иной «частицы» и т. д., но такія *частныя* изслѣдованія не могутъ быть иногда и безъ крупныхъ недостатковъ, разъ они не вытекаютъ изъ *цѣлаго*, а въ какомъ положеніи находилось до *настоящаго* времени это *цѣлое*, нами достаточно выяснено. Изъ этого выясненія видно, что нашъ «опытъ» не лишній, только бы онъ былъ, хотя въ *общихъ* чертахъ, правиленъ. О степени *правильности* его, конечно, будутъ судить другіе.

Переходимъ къ *исполненію* нашей задачи, сдѣлавъ нѣсколько предварительныхъ замѣчаній. Предупреждаемъ, что очень часто будемъ прибѣгать къ новымъ терминамъ. Къ этому насъ побуждаетъ не притязаніе на какія-нибудь нововведенія въ научной терминологіи, нѣтъ; мы въ *этомъ* видимъ средство удержать на время чтенія нашего изслѣдованія вниманіе читателя на тѣхъ *понятіяхъ*, которыя придется вырабатывать въ *этомъ* изслѣдованіи.

Итакъ, слово, какъ мы его знаемъ въ флектирующемъ греческомъ языкѣ, — Александрійцы употребляли терминъ λέξις, — можно разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія: либо это высшая единица, подлежащая разложенію на части, либо это низшая единица, сама составляющая часть чего то *цѣлаго*. Цѣлое, коего частью является слово, есть *рѣчь* (λόγος), и тогда слово называется *частью* *рѣчи* (μέρος λόγου). Наша задача изслѣдовать слова какъ *части* *рѣчи*.

Какъ опредѣляется въ *общемъ* *рѣчь*, и какъ опредѣляется тогда слово, какъ ея часть? *Рѣчь* есть выраженіе связной мысли. Но что такое связная мысль? Связная мысль

есть рядъ представленій въ такомъ или иномъ ихъ отношеніи. Разсуждаютъ, какъ выяснилось выше, о возведеніи представленій въ формально-логическія понятія. Но формально-логическія понятія вводитъ въ опредѣленіе связной мысли не слѣдуетъ. Формально-логическое понятіе есть отвлеченіе отъ цѣлаго ряда однородныхъ представленій. Человѣкъ «представляетъ» индивидуумъ, а «понимаетъ» родъ индивидуумовъ (*γένος*). Какой нибудь *данный* треугольникъ съ *данною* длиною сторонъ, съ углами *даннаго* числа градусовъ и при *данномъ* порядкѣ слѣдованія угловъ и сторонъ, — треугольникъ, нарисованный на *данной* площади и *даннаго* цвѣта линіями, все это — говоритъ формальная логика — «представить» можно, но треугольника *вообще* «представить» нельзя, его можно только «понять». Тѣмъ не менѣе, однако, когда *заговариваютъ* о треугольникѣ *вообще*, то не остается безучастнымъ ни воображеніе того, *кто* заговорилъ о немъ, ни воображеніе того, *кому* о немъ говорятъ. Въ этихъ случаяхъ безучастность воображенія у слушателя значить, что онъ просто не слушаетъ, а у говорящаго, что онъ говоритъ машинально, а оба они — такъ выражаются нерѣдко — «не думаютъ» о томъ, о чемъ идетъ рѣчь.

Да, благодаря способности человѣческаго воображенія быстро перебѣгать отъ одной картины къ другой, выходитъ, что когда заговариваютъ о треугольникѣ *вообще*, то и у говорящаго, и у слушателя рисуется въ представленіи не одинъ, а цѣлый рядъ треугольниковъ, притомъ *известныхъ*, въ вышеозначенномъ смыслѣ этого слова, и срастающихся какъ-бы въ нѣчто одно, пестрое въ его деталяхъ и, благодаря пестротѣ, пожалуй и смутное, расплывчатое. Конечно, этимъ рядомъ *известныхъ* треугольниковъ, рисующихся въ моемъ представленіи, далеко не исчерпывается *весь* формально-логическій объемъ «понятія» *треугольникъ*, тѣмъ не менѣе, однако, этотъ рядъ достаточно обиленъ своею численностью, и отдѣльные его члены, отдѣльныя картины достаточно сплетаются другъ съ другомъ въ моемъ представленіи для того, чтобы «наглядно понять» (т. е. именно при содѣйствіи *воображенія* почувствовать) всю безконечность группы инди-

видуумовъ, заключающихся въ известномъ *γένος*, другими словами, — чтобы рѣчь и въ области формально-логическихъ понятій не должна была сходить съ почвы «представленія». Иногда мы даже положительно стремимся къ тому, чтобы то пестрое, смутное и расплывчатое, о которомъ упомянуто выше, въ нашемъ воображеніи исчезло и замѣнено было въ *этомъ* же воображеніи *одною*, *ясною* картиною, чтобы все разнообразіе, заключающееся въ какомъ нибудь *γένος*, сведено было въ нашемъ же *воображеніи* къ одному, какъ мы выражаемся, идеальному *представителю* (да, къ *представителю*, стало быть, къ *индивидууму*), — къ представителю реальной дѣйствительности, къ одной *идеѣ*, къ чему то *ясно видимому* (отъ того и названіе *идеѣ*) нашимъ *внутреннимъ* глазомъ. Въ обиходномъ языкѣ — а обиходный языкъ въ этихъ случаяхъ является *мѣркою*, какъ нужно смотрѣть на дѣло, — въ обиходномъ языкѣ «онъ *понялъ*» уравнивается съ выраженіемъ *онъ имѣетъ живое представленіе о дѣлѣ*, «онъ не имѣетъ объ этомъ дѣлѣ никакого понятія» все равно что «онъ не имѣетъ о немъ никакого представленія», а если собесѣдники другъ друга *понимаютъ*, то это значить, что они имѣютъ о дѣлѣ одинаковое *представленіе* и т. д. Самыя *отвлеченныя* «понятія», какъ доблесть, зло, справедливость, мы такъ или иначе «представляемъ», — представляемъ или въ видѣ какого-нибудь *реального дѣйствія*, въ которомъ *обнаруживается* доблесть, зло, справедливость, или въ видѣ какого-нибудь «лица», путемъ персонификаціи. Да и куда -- говоритъ Воескh въ одномъ мѣстѣ своей энциклопедіи — дѣвалась бы вся *художественная* сторона нашего бытія, всей нашей сущности, если бы мы не «представляли», а только «понимали». Въ виду всего этого мы не ошибемся, если напомнимъ на *прежнемъ* опредѣленіи «связной мысли», что она есть рядъ *именно* «представленій» въ такомъ или иномъ ихъ отношеніи, а *рѣчь*, служа главнымъ орудіемъ взаимнаго *общенія* и взаимнаго *пониманія* людей, и предполагая, въ виду этой цѣли, говорящаго и слушателя, опредѣляется у говорящаго какъ *отраженіе* его представленій въ такомъ или иномъ ихъ

отношеніи, тогда какъ у слушателя она должна *будить и вызывать* въ его воображеніи параллельный рядъ *тѣхъ же* представлений и *тѣхъ же* отношеній, какія говорящій имѣлъ въ виду при произношеніи этого высшаго символа мысли.*)

Изложенное разсужденіе ведетъ къ *двумъ* замѣчаніямъ. Впервыхъ, спрашивается, каковы «отношенія», въ которыя входятъ въ связной мысли отдѣльныя представленія? Въ общемъ можно различать *чисто сенсуальныя* отношенія, а затѣмъ, опираясь на указаніе Paul'a, сообщенное на стр. 23, отношенія, если не *формально-логическія*, то и не *психологическія*, а скорѣе психо-логическія. Предлогъ «къ» обозначаетъ *направленіе куда*, а существительное «городу», въ выраженіи *къ городу*, обозначаетъ *цѣль* этого направленія. Такое «отношеніе» двухъ «представленій», чисто *пространственное*, можетъ быть «представлено» *непосредственно* и есть чисто сенсуальное. Но какъ представить *непосредственно* причину, выраженную напр. во *φράσις* въ *вслѣдствіе болѣзни*? Это невозможно, а между тѣмъ причина играетъ такую важную роль въ мысли; она должна ее играть, разъ для нея существуетъ особое слово, именно слово «причина». Ее можно представить *только* черезъ «перенесеніе», и въ такомъ случаѣ она «представляется» какъ *исхожденіе* чего нибудь *одного* изъ чего нибудь *другого*. Подобныя «отношенія» мы назовемъ «психо-логическими». Нечего распространяться о томъ, что «отношенія», тоже въ концѣ концовъ «представляемыя», суть, собственно, хотя мы ихъ *противопоставили* и *будемъ* противопоставлять изъ практическихъ видовъ «представленій», —

*) Paul, Princip. 99: Alle Sprachthätigkeit besteht in der Bildung von Sätzen (какъ мы смотримъ на слово *Satz* — мы выяснили выше); der Satz (мы говоримъ «рѣчь») ist der sprachliche Ausdruck, das Symbol dafür, dass sich die Verbindung mehrerer Vorstellungen oder Vorstellungsgruppen (не говоритъ ли Paul о Vorstellungsgruppen въ виду того, на что и мы указывали, разсуждая о треугольникѣ какъ формально-логическомъ понятіи? или у него Vorstellungsgruppen, — низшая степень тѣхъ же Verbindungen von Vorstellungen?) in der Seele des Sprechenden vollzogen hat, und das Mittel dazu, die nämliche Verbindung der nämlichen Vorstellungen in der Seele des Hörenden zu erzeugen. Jede engere Definition des Begriffes Satz muss als unzugänglich zurückgewiesen werden.

суть, повторяю, собственно лишь *особый видъ* «представленій».

Второе наше замѣчаніе относится къ слову *символъ*, употребленному нами въ опредѣленіи «рѣчи». Въ виду всего того, что мы слышали о внутренней формѣ языка и о «грамматическомъ мышленіи», можно, пожалуй, утверждать, что рѣчь и мысль — одно и то же. Древніе Греки, какъ извѣстно, создали тутъ не *два* слова, а *одно*, именно *λόγος*, обозначающее и *рѣчь*, и *мысль*, а Платонъ говоритъ: Мышленіе, это — рѣчь, которую душа ведетъ сама съ собою о явленіяхъ, ею разсматриваемыхъ. Такъ я сказалъ бы, не какъ *вполнѣ* увѣренный въ этомъ, но мнѣ представляется, что душа, когда она мыслить, просто разговариваетъ съ собою, ставя себѣ вопросы и давая на нихъ отвѣты, то положительные, то отрицательные; а когда она, послѣ болѣе или менѣе быстраго обзорѣнія вопроса, остановилась на чемъ нибудь, пришла въ согласіе съ собою и больше не колеблется, то это уже есть ея *готовая* мысль. Такимъ образомъ, *имѣть* готовую мысль есть какъ-бы *объявлять*, а *сама* готовая мысль, это какъ бы *объявленіе*, только объявленіе не другому и не въ слухъ, а объявленіе безъ звуковъ и самому себѣ: τὸ δὲ διανοεῖσθαι λόγον καλῶ, ὃν αὐτὴ πρὸς αὐτὴν ἢ ψυχὴ διεξέρχεται περὶ ὧν ἂν σκοπῇ, ὥς γε μὴ εἰδὼς ἀποφαίνομαι τοῦτο γάρ μοι ἰνδάλλεται διανοομένη, οὐκ ἄλλο τι ἢ διαλέγεσθαι, αὐτὴ ἑαυτὴν ἐρωτῶσα καὶ ἀποκρινομένη, καὶ φάσκουσα καὶ οὐ φάσκουσα, ὅταν δὲ ὀρίσασα, εἴτε βραδύτερον εἴτε καὶ δξύτερον ἐπαίξασα, τὸ αὐτὸ ἤδη φῇ καὶ μὴ διστάξῃ, δόξαν ταύτην τίθεμεν αὐτῆς ὥστ' ἔγωγε τὸ δοξάζειν λέγειν καλῶ καὶ τὴν δόξαν λόγον εἰρημένον, οὐ μέντοι πρὸς ἄλλον οὐδὲ φωνῇ ἄλλα σιγῇ πρὸς αὐτόν (Pl. Theæt. 189 e).

Чтобы всетаки *отличить* рѣчь отъ мысли (русскій и другіе языки выработали тутъ *два* слова, а ниже мы это различіе *установимъ*, — установимъ именно съ *симасіологической* точки зрѣнія), скажемъ, во измѣненіе прежняго опредѣленія и въ вниманіе особенно къ *первой* изъ предыдущихъ замѣтокъ, что рѣчь есть *выраженіе* (словомъ *выраженіе* мы отличаемъ *рѣчь* отъ мысли), — есть выраженіе ряда

представлений, въ такомъ или иномъ ихъ отношеніи, или чисто сенсуальномъ, или психо-логическомъ. Чѣмъ же тогда является слово, какъ *часть* рѣчи? Слово, какъ *часть* рѣчи, должно быть въ такомъ случаѣ выраженіе *одного* какого нибудь представленія, а можетъ быть и одной *группы* представлений, какъ ужъ ни придется толковать *Vorstellungsgruppe*, о которой упоминаетъ Paul (смотри на стр. 76 подстрочную замѣтку), или *одного* какого нибудь «отношенія» (чисто сенсуального, или психо-логического), а можетъ быть и того и другого, т. е. и «представленія», и «отношенія» *вмѣстѣ*. Эту то двоякую сторону *значенія* частей рѣчи, т. е. «представленіе» и «отношеніе», мы должны будемъ имѣть въ виду при разборѣ частей рѣчи, разъ мы хотимъ представить *симвіологію* частей рѣчи. Не будемъ, конечно, въ симвоіологическомъ изслѣдованіи частей рѣчи, т. е. при объясненіи *значенія* частей рѣчи, — не будемъ, я говорю, избѣгать и *общесинтаксическихъ* терминовъ въ родѣ: такое то слово, какъ часть рѣчи, *зависитъ* отъ другого; такое то слово, какъ часть рѣчи, *пополняется* такимъ-то и т. п. Ибо, разъ слово составляетъ только *часть* цѣлаго, то потому оно и *чувствуется* частью, что «пополняется» другою частью, составляя *вмѣстѣ* съ нею цѣлое, и что оно «виситъ» на другой части, точно звено цѣпи, представляющей въ данномъ случаѣ *именно* это цѣлое.

Нельзя утверждать, — это да будетъ сказано во установленіе различія между рѣчью и мыслью съ *симвіологической* точки зрѣнія, — что каждое «представленіе» и каждое «отношеніе» находятъ себѣ въ языкѣ соотвѣтствующее выраженіе, или, если и находятъ, то *должно* быть непременно выражено. Мы не говоримъ здѣсь о тѣхъ эллипсисахъ, о которыхъ разсуждали на стр. 54. Что касается «представлений», то область ихъ является чѣмъ то до безконечности растущимъ, согласно расширенію нашего, ничѣмъ не останавлимаго и ничѣмъ непредупредимаго опыта и согласно развитію нашей фантазіи. Область «представлений» есть нѣчто чрезвычайно живое и текучее, въ чемъ одно другимъ быстро смѣняется, — нѣчто безпредѣльно разно-

образное, тогда какъ слово и вообще выраженіе представляетъ собою что-то довольно косное, вырабатываемое *медленно* и, какъ дорого стоящій намъ продуктъ,*) бережно укладываемое въ запасъ на случай, если бы оно опять понадобилось. Очень часто случается, что для представленія, совершенно для насъ новаго, для представленія, съ которымъ мы прежде не встрѣчались, мы не находимъ даже *приблизительнаго* выраженія въ нашемъ запасѣ и должны разлагать его на части, чтобы хоть эти *части* какъ нибудь выразить, пока наконецъ кто нибудь не *придумаетъ* для новаго представленія новое «выраженіе», или не «измѣнитъ»**) какъ нибудь стараго выраженія.

Вообще нужно предполагать, не говоря уже о языкѣ «кристаллизировавшемся», что языкъ *бѣднѣе* мысли.***)

*) Это, какъ будто, противорѣчитъ Гумбольдтовскому пониманію языка, какъ *ἐνεργείας* души. Мы здѣсь, конечно, имѣемъ въ виду тотъ *кристаллизировавшійся* уже въ извѣстныя формы и воплотившійся языкъ, который прежде *всего* подлежитъ нашему разбору, — тотъ языкъ, который Max Müller противопоставляетъ другимъ, находящимся въ первобытномъ состояніи (im Urzustande) и *дѣйствительно* подвергающимся постояннымъ измѣненіямъ языкамъ, — тотъ языкъ, о которомъ тотъ же Max Müller говоритъ: Die Sprachen hochgebildeter Nationen nähern sich im Gegentheil mehr und mehr einem gewissen Stillstand und scheinen bisweilen ihre Fähigkeit der Umbildung fast gänzlich zu verlieren (Vorles. I. 33). Ihnen hat die Literatur Gebiss und Zaum angelegt (Vorles. I. 52).

**) Bréal (Mél. 304). Nous possédons, il est vrai, des langues artificielles où la seule terminaison du mot indique la place que l'objet désigné occupe dans la classification scientifique: la nomenclature chimique est une sorte de catalogue parlé où tout changement dans la composition d'un corps entraîne un remaniement dans son nom. Mais il faut considérer que parmi la quantité infinie de rapports que peuvent avoir entre eux les objets du monde extérieur la langue de la chimie choisit seulement, un petit nombre et néglige de donner une expression aux autres: c'est un idiome qui n'arrive à la précision que par la plus stricte spécialité. Au contraire, le langage ordinaire (противопоставляется языку *искусственному, дѣланному, условному*), qui doit suffire à l'universalité de nos connaissances, se dispense avec raison de cette rigueur scientifique et, sans viser à un ordre impossible, il fait entrer les idées nouvelles dans les cadres élastiques qu'il tient des âges précédents.

***) Max Müller, въ оптимистическомъ настроеніи, выражается объ этой бѣдности такъ: Dennoch ist die Sprache für ihren Gatten, den menschlichen Geist, eine sehr brave Hausfrau gewesen; mit Wenigem hat sie treu geschaltet und viel geleistet. Aus einem kleinen Vorrath materieller Wurzeln hat sie den zahllosen Sprösslingen des menschlichen Geistes wohl anständige Kleidung geliefert und keine Idee, keine Empfindung unversorgt gelassen, die wenigen etwa ausgenommen, welche, wie uns einige Dichter, versichern, unaussprechlich sind (Vorles. II. 333).

Крайне затруднительно напр. было бы опредѣлить, когда люди, именно въ виду бѣдности языка, освоились съ привычкою прибѣгать къ метониміямъ, синекдохамъ и вообще къ »тропамъ«, *) т. е. къ перенесенію словъ отъ одного представленія на другое, такъ или иначе связанное съ первымъ по содержанію. А такъ называемые термины техническіе (мы теперь не говоримъ о научной номенклатурѣ и о химическомъ языкѣ, о которомъ упоминалъ Bréal), развѣ не представляютъ и они въ цѣломъ рядѣ случаевъ перенесеніе слова отъ одного представленія на другое? — пере-

*) Что касается въ частности метафоры, то мы ее исключаемъ изъ теперешняго разсужденія въ тѣхъ случаяхъ, когда къ ней прибѣгаютъ для обозначенія предметовъ *духовнаго* міра. Духовный міръ, конечно, служить такимъ же богатымъ источникомъ »представленій«, какъ и внѣшній, и слова, относящіеся къ представленіямъ нашего *духовнаго* міра, суть метафоры представлений о *внѣшнемъ* мірѣ. Говорятъ о *мрачномъ* настроеніи чело-вѣка, о *жельтѣмъ* характерѣ и т. д. Да и самое слово *міръ* (духовный) не есть ли метафора слова *міръ* (внѣшній)? — не является ли метафорою само слово *духъ* (дунуть), и не сталъ ли чело-вѣкъ прибѣгать къ метафорѣ съ той поры, когда *созналъ* въ себѣ *духъ*, другими словами, — когда *созналъ* себя чело-вѣкомъ? О латинскомъ словѣ *spiritus* говоритъ Max Müller (Vorles. II. 332) такъ: Spiritus bedeutete im Lateinischen ursprünglich Hauth, wehende Luft. Als man aber das Lebensprincip im Menschen und im Thiere benennen wollte, so wurde dessen äusseres Merkmal, nämlich der Athem des Mundes, naturgemäss gewählt, um es damit auszudrücken... Wenn man dann wieder wahrnahm, dass noch etwas anderes, nicht das blosse animalische Leben, sondern das, was durch dieses animalische Leben erhalten wurde, zu benennen war, so wurde dasselbe Wort gewählt, um das *geistige* Element im Menschen in seinem Gegensatze zu dem rein materiellen oder animalischen auszudrücken. Какъ сказано, мы *исключаемъ* метафоры духовнаго міра изъ разсужденія о бѣдности языка и приписываемъ появленіе ихъ при обозначенія предметовъ *этого* міра тому *общему* положенію языка, по которому послѣдній есть выраженіе »представленій« и по которому и *духовный* міръ нужно такъ или иначе »представлять«, — по которому, стало быть, не *слова*, а сами *явленія* духовнаго міра »переносятся« на чужія имъ »представленія«. Какъ самъ языкъ есть нѣчто *вполнѣ* чувственное т. е. *матеріальное* (звуковое), такъ и выражаемая имъ мысль не сходитъ здѣсь съ почвы, такъ сказать, *чувственной* т. е. съ почвы »представленій«: Alle Elemente der äusseren Sprache sind materiell, sind lautliche Zeichen für Sinnesausdrücke und nur für solche, selbst die abstractesten und erhabensten, und darum indessirt die vergleichende Philologie die Schlüsse, zu denen Locke gelangt ist, — т. е. что названія предметовъ *духовнаго* міра суть метафоры *внѣшняго* міра, — vollständig (Müller, Vorles. II. 320). Благодаря этому обстоятельству, т. е. тому, что сама мысль не сходитъ съ почвы »представленій«, или, говоря точнѣе, благодаря тому, что сама мысль способна *перейти* во всевозможныхъ случаяхъ на почву »представленій«, больше всего и *сближается* внутренний языкъ съ внѣшнимъ.

несеніе нѣсколько *иного* рода, чѣмъ какъ оно совершается черезъ тропы. *) Подъ словомъ *στρατηγός* грекъ разумѣлъ вообще *вождя войска*, т. е. нѣчто, данное уже самимъ составомъ слова, а потомъ, когда по требованію административныхъ формъ въ Аѣинахъ возникли *извѣстные* должностныя лица съ *извѣстнымъ* положеніемъ въ обществѣ и въ администраціи, съ извѣстнымъ отношеніемъ къ военному дѣлу, то и ихъ называли *общимъ* словомъ *στρατηγός*. **)

Нечего долго останавливаться на томъ, что и »отношенія,« сенсиуальныя ли, или психо-логическія, не только *сѣснены* внѣшнимъ языкомъ, — сѣснены въ томъ смыслѣ, что одно и то же »выраженіе« служитъ обозначеніемъ *нѣсколькихъ* отношеній***), но иногда не получаютъ даже *совсѣмъ* никакого выраженія. *Veni, vidi, vici* суть три дѣйствія, слѣдующія *одно за другимъ*. Какое »выраженіе«, въ видѣ слова или части слова, получило это »временное« отношеніе» указанныхъ дѣйствій? Никакого; одинъ *порядокъ*

*) А тотъ »психическій механизмъ«, о которомъ мы слышали отъ Штейнтала (см. выше стр. 32), не зиждется ли и онъ на перенесеніи слова отъ одного представленія къ другому, и не проявляетъ ли онъ и въ *развитыхъ* языкахъ свою силу въ томъ смыслѣ, что въ нихъ *значенія* словъ *мѣняются*; т. е. одно представленіе замѣняется другимъ?

**) Не натакиваемся ли мы въ этомъ разсужденіи о бѣдности языка на возраженіе со стороны того обстоятельства, что, вѣдь, очень часто одинъ и тотъ же предметъ имѣетъ нѣсколько названій (сравни *θάλασσα, πέλαγος, πόντος*)? Нѣтъ. Существованіе синонимовъ въ языкѣ не свидѣтельствуетъ о богатствѣ языка. Оно свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что при воспріятіяхъ предмета въ немъ было усмотрѣно нѣсколько сторонъ, вслѣдствіе чего о немъ создано нѣсколько *идей*, — идей въ томъ смыслѣ, въ какомъ о нихъ толкуетъ Max Müller въ приведенномъ нами на стр. 30. Если языкъ служитъ не средствомъ для названія *предметовъ*, а выраженіемъ *идей*, т. е. представлений, то, конечно, при всей его бѣдности можетъ случиться, что одинъ и тотъ же предметъ, одно и то же явленіе, вызывая въ людяхъ *разныя* представленія, — въ однихъ тѣ, въ другихъ нынѣ, — можетъ вдругъ получить въ языкѣ *нѣсколько* »обозначеній«. При этомъ »представленія«, выраженные первоначально въ этихъ »обозначеніяхъ«, могутъ, при содѣйствіи »психического механизма«, исчезнуть изъ нашего сознанія, и языкъ, благодаря этому, дѣлается изъ бѣднаго богатымъ (сюда относится замѣтка Шлейхера, сообщенная на стр. 66).

***) Кто не знаетъ, напр., что мѣстныя, временныя и причинныя »отношенія« сплошь да рядомъ приходится выражать однимъ и тѣмъ же средствомъ? (сравни выше стр. 76).

смыслованія глаголовъ даетъ намъ почувствовать временное отношеніе обозначенныхъ этими глаголами дѣйствій. »*И не успѣю этого сдѣлать; я теперь боленъ*« суть два заявленія, и вторымъ изъ нихъ обосновывается первое. Какое выраженіе, въ видѣ слова или части слова, получило это »причинное отношеніе« двухъ заявленій! Никакого, развѣ что *тонъ***), т. е. болѣе громкое произнесеніе перваго — и болѣе слабое втораго заявленія даетъ намъ понять, что первое заявленіе содержитъ въ себѣ нѣчто *главное*, а второе — лишь *объясненіе* этого *главнаго*. Какъ извѣстно, разныя »отношенія« обыкновенно выражаются, если вообще выражаются, не *цѣлыми* словами, а лишь *частями* ихъ, т. е. окончаніями, а то и *представками* (удвоеніями, »приращеніями« и т. п.) Какъ это вышло, что языки, при всей своей бѣдности, со степенью своего развитія еще иногда *сокращаютъ* численность одной группы средствъ, служащихъ для выраженія »отношеній,« — сокращаютъ именно численность *окончаній*, — это выяснится въ самомъ нашемъ изслѣдованіи.

Кстати, *ad vocem окончаніе*. Хотя слово и составляетъ *низшую* единицу въ осмысленной рѣчи, тѣмъ не менѣе симасіологъ, разбирающій слова какъ *части* рѣчи, притомъ разбирающій ихъ въ *флектирующемъ* языкѣ, каковъ греческій, не долженъ игнорировать составныхъ частей самихъ словъ. Въ самомъ дѣлѣ**): или *ἀνθρώπου* и *ἀνθρώπων* суть два *разныхъ* слова, а тогда группировка словъ въ *разряды*, группировка ихъ, какъ *частей рѣчи*, по ихъ »при-

*) Вообще языкъ долженъ прибѣгать для достиженія ясности, (иногда онъ это дѣлаетъ и въ цѣляхъ большей живости, — къ *многимъ* средствамъ помимо словъ и »ихъ частей«, — къ разстановкѣ словъ, интонаціи, мимикѣ, жесту, — къ средствамъ, иногда совершенно для языка постороннимъ (изъ перечисленныхъ здѣсь средствъ только *разстановка словъ* и *интонація* имѣютъ непосредственное отношеніе къ языку; ср. выше стр. 65). „Und neben dem Tone her geht die beredte Sprache des Auges, der Mine und des Gestus, der Gefühlsausdruck ist ja nur die weitere Fortsetzung der Reflexe, welche den Sprachton nāncieren, und oft auch die Bewegung von Arm und Hand.“ (Wegener, Untersuch. 17.)

**) Намъ скажутъ, что мы »повторяемся«. Нѣтъ; мы дѣйствительно разсуждаемъ о томъ же, о чемъ разсуждали уже нѣсколько разъ, по немного съ *другой* точки зрѣнія.

способности прилаживаться къ другимъ, словамъ для составленія вмѣстѣ съ ними одного *цѣлаго*«, будетъ крайне затруднена, или это — *одно* слово, а тогда *отдѣляется* въ этомъ *одномъ* словѣ *постоянная* его часть отъ части *измѣняющейся*. Съ другой стороны нельзя не замѣтить, что напр. слова *φίλος* и *ἀνθρώπος*, или слова *καλὸς* и *σαφὴς*, при разнородности своихъ *постоянныхъ* частей, представляютъ однородное въ *измѣняющихся* частяхъ. Нетрудно догадаться послѣ всего, доселѣ выясненнаго, что однородное въ *измѣняющихся* частяхъ будетъ служить *намъ* мѣркою при группировкѣ словъ на разряды, тогда какъ отыскивать однородное въ *постоянныхъ* частяхъ словъ мы предоставимъ тому симасіологу, съ которымъ мы знакомимся выше на стр. 68. У этого симасіолога будетъ заключаться »однородное« въ *вещественномъ содержаніи* выражаемыхъ »постоянную« частью словъ »представленій«, насъ же »постоянные« части словъ будутъ интересовать лишь со стороны того *способа передачи* »представленій, о которомъ толкуетъ Потенія (см. выше стр. 45). Только лишь въ *общихъ* чертахъ коснемся мы *чужаго* для насъ, какъ сейчасъ выяснилось, дѣла, — коснемся его настолько, насколько на немъ отражается наше собственное изслѣдованіе. Какъ бы ни толковали эти другіе симасіологи о всякихъ измѣненіяхъ значеній въ »постоянныхъ« частяхъ словъ, въ общемъ такіа измѣненія движутся въ предѣлахъ слѣдующихъ трехъ отѣнковъ:

1. Поэтическаго. Употребляя выраженіе *поэтическій*, мы имѣемъ въ виду не *ходячій* смыслъ этого выраженія; поэтическою стороною своего значенія слово, т. е. его »постоянная« часть, вызываетъ въ слушатель то *полное* представление, для котораго оно первоначально было *создано* (*ἐποικήθη*),*) не исключая въ данномъ случаѣ и »тро-

*) Эти слова нужно понимать cum grano salis. Wegener (Untersuch. 47) совершенно правъ, когда говоритъ: Das Wort *Löwe* hat allem Anschein nach nur eine Bedeutung. Die Bedeutung dieses, wie aller Wörter, ist die Summe aller Vorstellungen, welche mit ihrer Lautreihe, hier *Löwe*, verbunden werden. — Doch bei und von wem verbunden werden? — Hat wirklich der Zoologe und das Kind, dem man ein Bild des Thieres gezeigt hat, dieselben Vorstellungen

повъ«.*) Такимъ образомъ, и въ нашемъ терминѣ «поэтический» заключается *поэтический* оттенокъ значенія словъ.

2. Историческаго. Въ эту сторону повернуло слово, когда имъ, какъ готовымъ, воспользовались для выраженія какого-нибудь представленія о какомъ-нибудь *культурномъ* явленіи, болѣе сложномъ по *формѣ*, чѣмъ было *общее* первоначальное явленіе, охватываемое словомъ въ его *поэтическомъ* значеніи. Иногда одна культурная форма смѣняется другою, и слово получаетъ такимъ образомъ *нѣсколько* историческихъ значеній. Сколько *историческихъ* значеній должно было послѣдовательно принять на себя, напр., слово *провинція*, начиная съ первой римской провинціи и кончая нашею провинціею-не столицею! Слѣдуетъ также замѣтить, что въ *исторической* сторонѣ симасіологіи словъ та же метонимія и та же синекдоха сыграли весьма важную роль; читатель тутъ припомнитъ постоянно приводимые примѣры о «перѣ» и «чернилахъ».

3. Фразеологическаго. Хотя этого оттенка изъ нашихъ разсужденій пока не видать, но мы упоминаемъ о немъ потому, что, во первыхъ, не хотѣлось бы оставлять начатое неоконченнымъ, а во вторыхъ, мы и въ нашей симасіологіи будемъ съ нимъ имѣть постоянно дѣло. Терминомъ *фразеологическій* мы хотимъ указать на слѣдующее. Слово, встречающаяся постоянно только въ *известномъ* сочетаніи, въ *извест-*

mit diesem Worte associiert? Hat der Africareisende, welcher mehr als einmal mit dem Löwen in Berührung gekommen ist, oder der Thierbändiger nicht andere Vorstellungen bei diesen Namen, als der stille Leser des Reineke Fuchs?... So unterscheidet sich der Inhalt der Worte 1. nach dem Gesichtspunkte der Vollständigkeit der associierten Vorstellungen; 2. nach dem der Ordnung der wirklich associierten Vorstellungen; 3. nach der Art und Stärke der Gefühle, welche die Erinnerung unter den associierten Vorstellungen aufgespeichert hat. Man darf die beiden ersten Gesichtspunkte zusammenfassend die Gesichtspunkte der Erkenntnis nennen, der dritte ist ethisch und ästhetisch.

*) Какъ широко могутъ здѣсь дѣйствовать «тропы», видно изъ таблицы Tobler'a, надлежаще оцененной Bruchmann'омъ (Psych. Stud. 308). Тоблеръ совершенно основательно называетъ «измѣненія значеній» по «тропамъ» *immanente* (очень выразительный и соответствующій нашему пониманію дѣла терминъ) d. h. so, dass die Veränderung aus einer der Sprache selbst innewohnenden, der natürlichen Ordnung der Dinge entsprechenden Anlage zur Entwicklung zu begreifen ist.

номъ «φράσιςъ», и составляя въ этомъ φράσιςъ вмѣстѣ съ другими его членами одно осмысленное цѣлое, — одно какъ-бы слово, — до того уже приспособилось къ этому цѣлому, что, чувствуясь непрѣмнною его частью и какъ-бы частью «слова», *ослабило* въ своихъ поэтическомъ или историческомъ значеніяхъ все то, что въ нихъ, этихъ значеніяхъ, для *даннаго* цѣлаго не важно. Такъ, «неволя» есть нѣчто одно, а «по неволѣ подумаетъ» — нѣчто совершенно другое.*)

Еще одно. Будемъ ли мы *вездѣ* разлагать слова на «постоянную» и «измѣняющуюся» части, откладывая первую часть въ сторону, для *другихъ* симасіологовъ, или же будемъ имѣть иногда дѣло съ *полными* словами? Конечно, послѣднее. Во первыхъ, словъ *οὐ*, *μή*, *ἤ* и т. п. нельзя даже *разложить* на «части», и кромѣ того, хотя въ словѣ, напр., *ἀμφί* и можно усмотрѣть и «постоянную», и «измѣняющуюся» часть, однако это слово *всѣмъ* своимъ составомъ выражаетъ то «отношеніе», которое мы выше, опредѣляя рѣчь, противопоставили «представленію», а потому оно во всемъ своемъ составѣ и *должно* войти въ *наше* разсужденіе.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній мы приступаемъ къ непосредственному рѣшенію нашей задачи, помня

*) Это — одно изъ явленій той Isolierung, которая захватываетъ въ языкѣ столь широкій районъ, и которую такъ прекрасно разъяснилъ Paul (Princip 152—178). Мы не можемъ излагать здѣсь *всю* содержанія означеннаго отрывка у Paul'a, а сообщимъ только то, что относится непосредственно къ нашему мѣсту: Auf syntaktischem Gebiete (*syntaktisch* понимаетъ здѣсь Paul въ смыслѣ *общемъ*, въ смыслѣ сочетанія отдѣльныхъ «словъ» въ одно осмысленное цѣлое) haben wir hier zunächst die Isolierung der verschiedenen Bedeutungen eines syntaktischen Verhältnisses gegen einander. Es werden die syntaktischen Proportionengruppen nicht gestört (подъ *Proportionengruppen* Paul разумѣетъ совершенно *одинаковое* отношеніе «элементовъ», т. е. *значеній* словъ, въ двухъ *разныхъ* «синтаксическихъ» сочетаніяхъ, если сами *элементы* въ этихъ *разныхъ* сочетаніяхъ *однородны*), so lange jede einzelne Function des Verhältnisses lebendig bleibt. Aber jede Erstarrung durch gewohnheitsmäßige Verbindung mit einem bestimmten Worte ist eine Loslösung aus dem allgemeinen Proportionenverbande (Princip. 154)... Vieles ist jetzt auf die Verbindung mit bestimmten Wörtern beschränkt, während früher vielfach noch eine freiere Gebrauchsweise herrschte: zu Grunde gehen, zu rande sein mit etwas etc. (Princip. 156.) Princip. 157 Paul прямо сводитъ такіа явленія «изоляция» къ степени der «uneigentlichen» Compositionen.

о великихъ словахъ Платона, обращенныхъ его Сократомъ къ Протарху: Какъ истинно божескій даръ, — такъ представляется мнѣ, — попало это умѣнье къ людямъ откуда то отъ боговъ, и очень ярокъ, былъ огонь того Проміея, который тутъ дѣйствовалъ. И вотъ давность, которая была выше насъ и ближе къ богамъ, передала намъ его въ видѣ слѣдующаго откровенія. То ли, другое ли, словомъ все, о чемъ мы говоримъ, какъ о существующемъ, всегда представляетъ собою нѣчто единое и вмѣстѣ съ тѣмъ многое. Будучи многимъ, оно носить въ себѣ одновременно и предѣльность, и безпредѣльность. А потому, разъ міръ такъ устроенъ, нужно намъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ полагать и искать во всемъ всегда одну идею; ее мы найдемъ непременно. А разъ мы ее схватили, то дальше, т. е. внутри ея самой, слѣдуетъ искать низшія двѣ, если такъ можно дѣлать, а то и три идеи или, быть можетъ, еще больше; затѣмъ каждую изъ этихъ идей, опять — нѣчто единое, — дѣлать такимъ же порядкомъ, пока наконецъ то, что было для насъ съ самаго начала единымъ, не выяснится не какъ единое и вмѣстѣ съ тѣмъ многое и безпредѣльное, а какъ нѣчто, распадающееся на опредѣленное число частей. Мысли же о безпредѣльномъ не слѣдуетъ допускать по отношенію къ этому многому до тѣхъ поръ, пока не произведемъ всего дѣленія, находящагося посреди между единымъ и безпредѣльнымъ; только тогда каждую единичную часть, вышедшую изъ дѣленія, можно пустить и въ безпредѣльное. Вотъ какъ изслѣдовать, познавать и приводить къ познанію другъ друга завѣщали намъ боги. Θεῶν μὲν εἰς ἀνθρώπους, ὡς γε καταφαίνεται ἐμοί, ποθὲν ἐκ Θεῶν ἐρρίφη διὰ τινος Προμηθέως ἡμᾶ φανοτάτω τινὶ πυρί. Καὶ οἱ μὲν παλαιοί, κρείττονες ἡμῶν καὶ ἐγγυτέρω Θεῶν οἰκοῦντες, ταύτην φήμην παρέδοσαν, ὡς ἕξ ἐνὸς μὲν καὶ πολλῶν ὄντων τῶν αἰεὶ λεγομένων εἶναι, πέρας δὲ καὶ ἀπειρίαν ἐν αὐτοῖς ξύμφυτον ἔχοντων· δεῖν οὖν ἡμᾶς τούτων οὕτω διακεκοσμημένων αἰεὶ μίαν ἰδέαν περὶ παντὸς ἑκαστοῦ Θεμέτους ζητεῖν, εὐρήσειν γὰρ ἐνοῦσαν ἔαν οὖν μεταλάβωμεν, μετὰ μίαν δύο εἴ πως εἰσὶ σκοπεῖν, εἰ δὲ μή, τρεῖς ἢ τινα ἄλλον ἀριθμὸν, καὶ τῶν ἐν ἐκείνων

ἑκαστον πάλιν ὡσαύτως, μέχρι περ ἂν τὸ κατ'ἀρχὰς ἐν μὴ ὅτι καὶ πολλὰ καὶ ἀπειρά ἐστι μόνον ἴδη τις, ἀλλὰ καὶ ὅποσα τὴν δὲ τοῦ ἀπείρου ἰδέαν πρὸς τὸ πλῆθος μὴ προσφέρειν, πρὶν ἂν τις τὸν ἀριθμὸν αὐτοῦ πάντα κατ'ἰδῇ τὸν μεταξὺ τοῦ ἀπείρου καὶ τοῦ ἐνός· τότε δ' ἤδη τὸ ἐν ἑκαστον τῶν πάντων εἰς τὸ ἀπειρον μετέντα χαίρειν ἔαν οἱ μὲν οὖν θεοί, ὅπερ εἶπον, οὕτως ἡμῖν παρέδοσαν σκοπεῖν καὶ μανθάνειν καὶ διδάσκειν ἀλλήλους (Plat. Phileb. 16 с—е).

Конечно, мы не думаемъ изумлять міръ какими-нибудь новыми открытіями, и указаніе Платона не мы первые примѣняемъ къ дѣлу. Его примѣняли къ дѣлу цѣлые вѣка, и самое дѣло разрослось въ крѣпкую въ своихъ основахъ науку. Мы хотѣли бы только эту науку очистить кое гдѣ отъ выросшихъ на ней искусственныхъ наслоеній, насколько у насъ хватитъ силъ.

Въ заключеніе предупреждаемъ, что такъ называемыя междометія *исключаются* изъ нашего разсужденія. Тѣ гласные, которые слышны, когда мы плачемъ, стонемъ, смѣемся, хохочемъ; тѣ гласные и согласные чисто лирическаго характера, которые у насъ невольно вырываются, когда мы восхищаемся чѣмъ-нибудь или чувствуемъ отвращеніе при видѣ чего-нибудь, когда мы довольны или сердимся; тѣ гласные и согласные, на которые мы переводимъ звуки, издаваемые животными и, при паденіи или какомъ-нибудь другомъ движеніи, предметами, — всѣ эти гласные и согласные *не суть* «части рѣчи». Въ лучшемъ случаѣ они, какъ выяснилось, представляютъ собою каждая въ отдѣльности *цѣлую* рѣчь, притомъ цѣлую рѣчь на той *первой* ступени проявленія внутренней формы языка, съ которою въ предстоящемъ изслѣдованіи мы не будемъ имѣть дѣла: Die Sprache fängt da an, wo die Interjectionen aufhören (Max Müller, Vorles. I. 323).

II.

Глаголь въ смыслѣ *verbi finiti*.

Во всемъ *ἄπειρον*, во всей массѣ словъ, въ которыхъ мы усмотрѣли *ἐν* уже тѣмъ, что назвали ихъ, въ ознаменованіе заключающейся въ этомъ *ἐν* «идеи», частями *ῥήματα*, рѣзко выдѣляется одна — *низшая* сравнительно съ только что упомянутою — *ιδέα*, въ силу которой уже древними названа часть этого *ἄπειρον* — *ῥήματα*. У насъ употребителенъ *приблизительно* въ смыслѣ τῶν «ῥημάτων» терминъ «глаголь». Древніе, отдѣляя *δύομα ῥήματος* (наше «неопредѣленное наклоненіе») и *μετοχήν* (наше «причастіе» и «дѣе-причастіе») отъ собственнаго *ῥήμα**, въ теоріи о частяхъ рѣчи шагнули чрезвычайно удачно. Съ одной стороны, они схватили самую *ιδέαν*, выраженную терминомъ «ῥήμα», весьма ясно и *опредѣленно*, а съ другой — открыли этимъ

*) *Μετοχή* выдѣлена древними какъ особая часть рѣчи совершенно твердо. Къ сожалѣнію, нельзя говорить о «твердости» въ ихъ разсужденіяхъ о «неопредѣленномъ наклоненіи» (τὰ ἀπαρέμφατα ἀμφιβάλλεται εἰ ἄρα εἰσὶ ῥήματα ἢ οὐχί — В. А. III. 1274). Съ надлежащимъ пониманіемъ дѣла высказывается объ этомъ вопросъ Apoll. Dysc. de constr. I. 30: καὶ ἔνεκα τοῦ τοιούτου οὐ δύναται εἰσθῆναι ἂν τῷ περὶ ἄρθρων, ὡς τὰ ἀπαρέμφατα ῥήματα πῇ μὲν ὀνόματα ἐστί τῶν ῥημάτων, ὅτε καὶ ὡς ὀνόματα ἄρθρα προσλαμβάνει, . . . χωρὶς μέντοι ἄρθρον λεγόμενα ῥήματα ἂν εἴη . . . Πρόκειται οὖν ὁ λόγος φυσικώτατος, ὅς οὐ παρὰ τὰς ἐλλείψεις τῶν ἄρθρων ἢ παραθέσεις ἐξελέγετο τὸ ἂ μὲν εἶναι ὀνόματα, ἂ δὲ μή. Ἀπαξ γὰρ ἐκείνο ἐστὶ διαλαβεῖν, ὡς πᾶν ἀπαρέμφατον δύομα ἐστὶ ῥήματος, εἴ γε οἱ ἀπὸ τῆς στοᾶς αὐτὸ μὲν καλοῦσι ῥήμα. Такое разсужденіе, исключающее, казалось бы, всякое колебаніе, не помѣшало, однако, Аполлонію употреблять иногда терминъ «ῥήμα», когда идетъ дѣло о «неопредѣленномъ наклоненіи» (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ называетъ неопредѣленное наклоненіе *φυσικώτατον ῥήμα*).

самымъ возможность *правильнаго* дѣленія и въ дальнѣйшемъ *ἄπειρον*: неправильность перваго шага, конечно, исключала бы эту возможность.

Разсуждая о значеніи словъ, мы различаемъ «представленія» и «отношенія» (см. выше стр. 78). Въ словахъ *ἔγραφον, γράφωμεν, γράφε, γράψετε, γράψαντο, γέγραπται*, — все это слова, входящія въ объемъ понятія «ῥήμα», (*γράφειν, γράφω* и т. п. формы *исключаются* изъ этого объема) — *соединены*, какъ можно *прежде всего* замѣтить, *объ* стороны симасіологіи слова, причеъ одна изъ нихъ, именно «отношеніе», есть не сенсуальная, а «психо-логическая». Съ психо-логической стороны, слова *γράφωμεν* и др. представляютъ собою *присужденіе** чего-то кому-то. «Представленій», противопоставляемыхъ нами «отношеніямъ», въ нашихъ *ῥήματα* два: въ нихъ обозначено и то, что присуждается, и тотъ, кому что-нибудь присуждается. Тотъ, *кому* нѣчто присуждается, показанъ въ ихъ окончаніи. Это — или слушатель, или самъ говорящій (τί ποιεῖς; γράφω), словомъ, это — лица (*πρόσωπα*), разговаривающія между собою, какъ бы дѣйствующія *на сценѣ* (отсюда и терминъ «*πρόσωπα*»: драма у грековъ, съ ея *πρόσωπα*, древніе грамматикѣ) и не нуждающіяся въ дальнѣйшихъ языковыхъ средствахъ для ихъ обозначенія. Конечно, тѣмъ, *кому* нѣчто присуждается, можетъ быть не только слушатель и говорящій, но и нѣкто посторонній, а то и *нѣчто* постороннее (*γράφει, γέγραπται*). Этотъ посторонній и это постороннее, хотя и нуждаются въ ближайшемъ опредѣленіи черезъ посредство, напр., словъ *ἀνὴρ* (*ἀνὴρ γράφει*) и *ἐπιστολή* (*ἐπιστολὴ γέγραπται*), все же кое-какъ обозначены и въ окончаніи τῶν ῥημάτων, — обозначены именно какъ посторонніе, т. е. не «*δὲν δὲν δὲν*» на сценѣ», — и называются также «лицами», — терминъ, явля-

*) На стр. 76 мы говорили, что и «отношеніе» «представляется». Въ данномъ случаѣ, психо-логическое *присужденіе* можно представить черезъ *линію, связывающую* два «представленія», или черезъ какое-нибудь →, словомъ, черезъ что нибудь такое, черезъ что «представляемъ» «значеніе самихъ словъ «отношеніе» — «отношу» (*προσφέρω*).

ющійся »синекдохическимъ« въ томъ случаѣ, когда въ качествѣ такого посторонняго »лица« выступает не *нѣкто*, а *нѣчто* т. е. *предметъ*. »Лицамъ« этимъ присваиваются названія: первое, — это говорящій, — второе, — это слушатель, — третье, — это посторонній; всѣ они представляютъ собою какъ-бы *πρωταγωνιστὴν, δευτεραγωνιστὴν* и *τριταγωνιστὴν* въ драмѣ. Такъ какъ »отношеніе«, выражаемое *τοῖς ῥήμασι*, заключается именно въ психо-логическомъ *присужденіи*, то »лицо, указанное въ окончаніи *τοῦ ῥήματος*, можно назвать психо-логическимъ подлежащимъ, а »присуждаемое«, выраженное въ »этимологической темѣ«, — психо-логическимъ сказуемымъ.

Есть, впрочемъ, и вполнѣ »безличная« *ῥήματα*; хотя древніе старались и ихъ подвести подъ »личныя«, толкуя, напр., слово *ῥεῖ* въ смыслѣ фразы *Ζεὺς ῥεῖ*, *) однако это — стараніе напрасное. Въ минуту поэтическаго, скажемъ, — *религіознаго* настроенія, выраженіе *ἀστράπτει* всегда можно переводить на фразу *Ζεὺς ἀστράπτει*, можно переводить мысль на мысль, но переводить мысль на мысль не значитъ еще отождествлять мысли. Выраженіе *ῥεῖ*, какъ выраженіе известной мысли, просто отмѣчаетъ явленіе, безъ рѣшенія вопроса о томъ, откуда оно взялось, и въ этомъ смыслѣ слова *ῥεῖ*, *ἀστράπτει* и т. под. суть настоящія безличныя *ῥήματα*.

На ст. 31 мы привели разсужденіе Штейнталя, — а на стр. 37 сами разсуждали — о томъ, что простое »именованіе представленія« можетъ составлять законченную задачу и можетъ заключать въ себѣ *цѣлую рѣчь*. Эта мысль подлежитъ дальнѣйшему развитію и даже измѣненію. Часто мы видимъ что-то, что-то слышимъ, и задаемъ себѣ вопросъ, что жъ это такое, какъ бы назвать это видимое, слышимое; говоря точнѣе, мы спрашиваемъ себя, подъ какое изъ известныхъ намъ названій (въ словѣ известныхъ заклю-

*) Apoll. Dysc. de constr. II. 101: *ὁρίζοντα γὰρ τὰ ῥήματα κατὰ πρῶτον πρόσωπον καὶ δεύτερον ἀορίστονται κατὰ τὸ τρίτον, τοῦ ἀστράπτει καὶ τῶν τοιούτων ἐποπτελλομένων, καθὼς ἡ τοιαύτη ἐνέργεια ἐξαίρετως τῷ Διὶ ἀνατρέπειται.*

чается *измѣненіе* прежней мысли) подвести то представленіе, которое получается отъ даннаго слуховаго или зрительнаго впечатлѣнія. Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы произносимъ слова »набатъ!«; »громъ!« Нѣтъ сомнѣнія, что, произнося эти слова, мы высказываемъ полную *мысль*, — полное *сужденіе*, — высказываемъ эту мысль и это сужденіе иногда послѣ долгихъ колебаній, прислушиваясь нѣсколько разъ къ раздающимся раскатамъ, къ раздающимся ударамъ колокола, изъ опасенія смѣшать грохотъ грома съ грохотомъ ѣдущаго экипажа, или троекратный ударъ набатнаго колокола съ какимъ нибудь другимъ звономъ. Въ окончательномъ сужденіи, высказываемомъ черезъ слова »набатъ!« — »громъ!«, слова *набатъ* и *громъ* являются психо-логическими *сказуемыми*, однако къ какимъ подлежащимъ? Подлежащими оказываются сами тѣ *представленія*, которыя у насъ получаютъ черезъ чувственные воспріятія, или, короче говоря, — сами наблюдаемыя *явленія*. *) Такія состоящія изъ одного слова сужденія постоянно высказываетъ ребенокъ, когда, при видѣ предмета, старается »опредѣлить« его черезъ присвоеніе ему названія и, нерѣдко протягивая къ самому предмету ручку, восклицаетъ: *икона! лампа!* и т. п. За такія простыя сужденія слѣдуетъ принимать и выраженія *ῥεῖ-ἀστράπτει*; различіе только въ томъ, что »лампа!« есть выраженіе ономатическое (состоящее изъ *ὄνομα*), а *ῥεῖ* — риматическое (состоящее изъ *ῥήμα*).

Намъ возразятъ, что и по *нашему* толкованію слова *ῥεῖ-ἀστράπτει* суть *личныя ῥήματα*, что и *здесь* окончанія, относясь къ тому »наблюдаемому явленію«, которое вызвало эти слова, указываютъ въ немъ на нѣчто постороннее. Намъ отоплютъ къ другимъ языкамъ, которые въ подобныхъ случаяхъ прибѣгаютъ къ выраженіямъ въ родѣ »es regnet«,

*) Paul (Princip. 104): Wenn der Prinz in Lessings Emilia beginnt: *Klagen, nichts als Klagen!* — *Bittschriften, nichts als Bittschriften!*, so sind das nur lauter Praedicate, das Subject wird durch die Briefe gebildet, die er in die Hand nimmt... Für denjenigen, der beim Anblick eines Brandes ausruft *Feuer*, ist die Situation das Subject und der allgemeine Begriff *Feuer* Praedicat.

обозначая словомъ »es« самое явленіе, а словомъ »regnet« — сужденіе о немъ или, какъ мы выражаемся, психо-логическое сказуемое къ нему.**) Нельзя не считаться съ подобнымъ возраженіемъ, хотя все же не слѣдуетъ забывать, что *es regnet* есть выраженіе, принадлежащее нѣмецкому языку, а *ὕει* есть слово греческое, и что психологія послѣдняго можетъ быть и не одинакова съ психологіею перваго. Быть можетъ, впрочемъ, нѣмецкое *es regnet* не выросло непосредственно на свѣжей психологической почвѣ, а сочинено по шаблону, — какъ говорятъ, по »ложной аналогіи«, или просто по »аналогіи«, т. е. составлено, безъ особенно яснаго отчета, по образцу того большинства риматическихъ выраженій,**) въ которыхъ, дѣйствительно, какъ будто и выступаетъ психо-логическое подлежащее какъ нѣчто отдѣльное, а психо-логическое сказуемое какъ нѣчто тоже отдѣльное: во фразѣ *ich schreibe* слово *ich* есть какъ будто подлежащее, а слово *schreibe* — какъ будто сказуемое. Я говорю какъ будто; ниже выяснится смыслъ этой прибавки.

Безличность τὸν ἡμίτων еще виднѣе на словѣ δέϊ. Конечно, *нужда*, которая такъ или иначе выражена въ словѣ δέϊ, можетъ быть »присуждена« кому-нибудь, какъ въ γράφει писаніе »присуждается« кому-нибудь, притомъ кому-нибудь постороннему. Но если при γράφει этотъ посторонній можетъ быть »ближе опредѣленъ« черезъ слово ἀνὴρ

*) Въ такомъ случаѣ, »es regnet« относилось бы къ ὕει, какъ »ich schreibe« относится къ γράφω, т. е. въ томъ и другомъ случаѣ »лицо« выражено въ одномъ языкѣ особымъ словомъ и окончаніемъ τοῦ ἡμίτων (синтаксическая тавтологія; съ нею мы будемъ встрѣчаться часто), а въ другомъ — однимъ окончаніемъ τοῦ ἡμίτων.

**) Такъ понимаетъ и Paul (Princip. 105): Alle Bemühungen dies es auch als logisches (?) Subject zu fassen und ihm bestimmte Bedeutung zu geben haben sich als vergeblich erwiesen. . . . Indem der Satz es rauscht auf die normale Form gebracht ist, hat er ein formelles Subject erhalten, welches mit dem psychologischen nichts zu thun hat. Wir müssen eine ältere Stufe voraussetzen, auf welcher der einfache Verbalstamm (итакъ, даже форма безъ всякаго окончанія) gesetzt wurde. . . . Das psychologische Subject ist also in dem Satze es brennt ebenso wenig ausgedrückt, als in dem Satze Feuer. Auch hier findet eine Verknüpfung zweier Vorstellungen statt. Auf der einen Seite steht die Wahrnehmung einer concreten Erscheinung, auf der anderen die schon in der Seele ruhende Vorstellung von Brennen oder Feuer, unter welche sich die betreffende Wahrnehmung unterordnen lässt.

и именно черезъ данную его форму, черезъ форму, какъ говорятъ, »именительного надежда«, то при δέϊ это »что-нибудь« обозначается черезъ форму, какъ говорятъ, genitiv'a. Мы забѣгаемъ немного впередъ, указывая на то, что самъ внѣшній видъ выраженія δέϊ πράξις вполне опровергаетъ, какъ неумѣстную, всякую попытку искать въ окончаніи формы δέϊ »лицевое« обозначеніе того »что-нибудь«, которому »присуждается« нужда. Нельзя, однако, усматривать въ словѣ δέϊ и того характера, который замѣчается, наравнѣ съ выраженіемъ »набатъ!«, въ словѣ ὕει, гдѣ психо-логическимъ подлежащимъ оказывается само »явленіе«, ищущее себѣ подходящаго »названія«. Разсуждать ли намъ такъ, что въ словѣ δέϊ совсѣмъ не отдѣлено подлежащее отъ сказуемаго? Такое разсужденіе нельзя назвать лишнимъ всякаго основанія. Можно бы сказать, что слово δέϊ просто свидѣтельствуетъ о нуждѣ. Просимъ читателя обратить вниманіе на наше выраженіе: »свидѣтельствуетъ о нуждѣ«. Мы не говоримъ: свидѣтельствуетъ о существованіи или о наличности нужды. Въ послѣднемъ выраженіи уже какъ будто разложено сужденіе на подлежащее и сказуемое, какъ оно разложено, казалось бы, и въ выраженіи *нужда есть* или *нужда на лицо*. Но, — можно бы разсуждать дальше, — какъ нѣтъ разницы въ смыслъ между выраженіемъ »засвидѣтельствовать наличность нужды« и выраженіемъ »засвидѣтельствовать нужду«, и въ послѣднемъ такъ же ясно обозначено движеніе моей мысли, какъ и въ первомъ, такъ и въ словѣ δέϊ можно выразить то же движеніе мысли, оставляя неотдѣленнымъ подлежащее отъ сказуемаго.

А всетаки такое разсужденіе неправильно. Ниже окажется, что въ выраженіи *нужда на лицо*, если и можно говорить о подлежащемъ и сказуемомъ, то въ совершенно другомъ смыслѣ, чѣмъ въ смыслѣ тѣхъ »психо-логическихъ« подлежащихъ и сказуемыхъ, о которыхъ мы толкуемъ теперь. Намъ кажется, что особенной разницы между ὕει и δέϊ нѣтъ. Если ὕει было психо-логическимъ сказуемымъ къ разсматриваемому нами явленію, — такими психо-логическими сказуемыми оказываются, въ сущности, всѣ »названія« пред-

метовъ и явленій, *отдѣльно* взятыя, т. е. не въ связной *речи* появляющіяся (сравни стр. 30), — то *δεῖ* есть психо-логическое сказуемое къ разсматриваемымъ »*обстоятельствамъ*«. Если мы выше риматическое выраженіе *ὅτι* сравнивали съ ономатическимъ »*набатъ!*«, то теперешнее *δεῖ* можно сравнить съ ономатическимъ выраженіемъ »*пора!*« *) Въ словѣ »*пора!*« мы также или »свидѣтельствуемъ« о порѣ, или, какъ мы только что разсуждали, »характеризуемъ« имъ, какъ психо-логическимъ сказуемымъ, разсматриваемымъ нами »обстоятельства«.

Какъ бы то ни было, мы въ правѣ сказать, что *ῥήμα*, со стороны отмѣченного въ немъ »*отношенія*«, — въ данномъ случаѣ не сенсуальнаго, а психо-логическаго, — есть выраженіе сужденія въ трехъ видахъ: 1. выраженіе сужденія, какъ рѣшеніе вопроса, *есть* ли то-то, или *нѣтъ* этого (*δεῖ*); 2. выраженіе сужденія, какъ присвоеніе »представленію« надлежащаго названія (*βροντῆς*); 3. выраженіе *присужденія* чего-нибудь какому-нибудь »лицу« (*γράφει*). Въ первыхъ двухъ случаяхъ *ῥήμα* сводится къ безличному. Что *форма*, предназначенная указывать въ своемъ *окончаніи* на что нибудь, какъ на *постороннее* (третье »лицо«, — говорили мы выше, — есть нѣчто *постороннее*), слѣдовательно, и какъ на *отсутствующее*, могла послужить выраженіемъ и для *несуществующаго*, это, конечно, свидѣтельству о бѣдности языка, но является вполнѣ позволительнымъ обще-симасіологическимъ тропомъ (о тропяхъ смотри выше стр. 80). Если мы обозначимъ черезъ букву *а* то, что въ *ῥήμα* »присуждается«, — черезъ букву *б* то лицо, которому оно присуждается, а черезъ знакъ → психо-

*) Выраженіе »*пора!*« можно произнести *восклицательно*, какъ произносимъ восклицательно и слово »*набатъ!*«. Читатель согласится съ нами въ томъ, что характеръ этихъ восклицаній не одинаковый. Восклицаніе въ словѣ »*набатъ!*« есть выраженіе какой то ошеломленности, тогда какъ въ восклицательномъ »*пора!*« слышится *imperativный* оттѣнокъ. Впрочемъ, мы должны заявить, что восклицанія не касаются симасіологич. частей рѣчи и ихъ формъ. Они относятся скорѣе къ тѣмъ тонамъ, которые должны быть разсматриваемы въ другой, *вышей* части синтаксиса, установленной нами на стр. 64.

логическое »отношеніе«, выраженное въ *ῥήμα*, то *общая* схема тоу *ῥήματος* будетъ *а > б*; въ безличныхъ *ῥήματα* б сводится къ нулю.

Перечисленными тремя видами сужденія не исчерпывается вся психо-логическая сторона »отношенія«, выраженного въ *ῥήμα*. Сама *модальность*, или скорѣе — *квалитативность* сужденія бываетъ различна, и мы можемъ въ этой области построить цѣлую гамму всевозможныхъ оттѣнковъ сужденія. То мы высказываемъ нѣчто съ *полною* *уверенностью*, какъ силлогистическую *необходимость* (*τοιούτων ἄρα*, — говоритъ Платоновскій Сократъ въ видѣ заключенія изъ всего, раньше сказаннаго, — *τοιούτων ἄρα πάθος τῷ τυπτομένῳ ἐστίν, οἷον ἂν τὸ τυπτον ποιῇ; πάντῃ γε*; Plat Gorg. 476 с), то *просто* заявляемъ о чемъ-нибудь, какъ о своемъ *мнѣніи* (*εὐ ἔχει ταῦτα*), или говоримъ о чемъ-нибудь, какъ о *фактѣ*, слышанномъ или видѣнномъ нами (*ἐνίκησαν οἱ ἡμέτεροι σύμμαχοι*), то выставляемъ нѣчто не какъ силлогистически *вѣрное*, а только лишь какъ *могущее* быть, пожалуй, *вѣрнымъ* (къ вложенію такого оттѣнка въ сужденіе можетъ вести наша *скромность*, а то и *ироническое** настроеніе; сравни: *ἀληθὲς ἂν τοῦτο εἴη*), то *сомнѣваемся* въ правильности нашего сужденія и *колеблемся* (быть можетъ, тоже въ силу ироническаго настроенія), высказать ли его, или нѣтъ (*μὴ τοῦτο κακῶς ἀποβῇ*), то примѣниваемъ къ оттѣнку »познавательнаго« сужденія оттѣнокъ сужденія »*желательнаго*«, быть можетъ, даже съ *преобладаніемъ* послѣдняго (*πάλλα φίλ' οὐκ ἂν δῇ μοι ἐφοπλίσειας ἀπηνῆν*; Od. ζ 57 = быть можетъ, ты дашь мнѣ = не дашь ли, быть можетъ = не далъ ли бы ты), а то и прямо, оставляя познавательный оттѣнокъ совершенно въ сторонѣ, выражаемъ въ нашемъ сужденіи одно *желаніе* (*εἶθε τοῦτο γένοιτο*), иногда *рѣшительно*, въ омыслѣ *повѣрлнн*, обращеннаго къ *другому* (*ποιήσον ταῦτα*). Всѣ эти

*) Иронію мы понимаемъ здѣсь въ *древнемъ* значеніи этого слова, какъ ее понималъ Теофрастъ въ своихъ »характерахъ«: »иронически« я настроенъ, когда я только *прикидываюсь* незнающимъ (можетъ быть, *тоже* изъ скромности), а на дѣлѣ *уверенъ* въ своемъ знаніи.

оттѣнки квалитативности сужденія, сводясь къ двумъ главнымъ, именно къ »познавательному« и »желательному«*), получаютъ выраженіе прежде всего въ тѣхъ формальныхъ измѣненіяхъ τὸν ῥημέτιον, которыя мы называемъ »наклоненіями.«

Читатель ожидаетъ отъ насъ теперь симасіологию *наклонений*, въ духѣ разныхъ сочиненій и статей въ грамматикахъ »о наклоненіяхъ«, или »о томъ или иномъ наклоненіи«. Но устанавливать симасіологию »наклонений« *особнякомъ* было

*) Немного иначе Paul (Princip. 107—109): Ich wachle die Bezeichnung *Aufforderungssätze* als die indifferenteste! (Paul, конечно, стоя не на почвѣ симасіологій частей рѣчи, долженъ тутъ разсуждать не о ῥήμα, а о Satz'ѣ). In der Aufforderung ist natürlich Bitte, Gebot und Verbot, Rath und Warnung, Aufmunterung, auch Concession und Ablehnung oder Verbiten enthalten . . . Wir müssen daran noch die Wunschsätze anknüpfen . . . Wir sind jetzt gewohnt den Aussagesatz als den eigentlich normalen Satz zu fassen. Der Aufforderungssatz ist aber ebenso ursprünglich. Den Behauptungs- und Aufforderungssätzen stellt man als eine dritte Klasse die Fragesätze zur Seite. Es lässt sich aber für eine solche Dreitheilung der Sätze kein einheitliches Princip finden, und diese drei Classen können nicht einander coordinirt werden . . . Nicht nur die Behauptungs- sondern auch die Aufforderungssätze haben ihr Pendant in Fragesätzen. Vrgl. lat. *quid faciam* gegen *quid facio*. Man gebraucht dafür den Ausdruck *deliberative Fragen*. Wir können sie geradezu als Fragaufforderungssätze bezeichnen. Что касается *вопросительныхъ* выраженій, то намъ придется ихъ разсматривать ниже. Въ настоящее время мы можемъ только замѣтить, что *вопросительный* оттѣнокъ выражается прежде всего *тономъ*, а тонъ, какъ уже сказано, *не составляетъ* предметъ нашего изслѣдованія, развѣ если онъ вызываетъ въ языкѣ появленіе какого нибудь *особаго слова*, какъ *части* рѣчи, или какой нибудь *особой грамматической формы* въ той или иной части рѣчи. Въ вышеприведенныхъ примѣрахъ мы действительно замѣчали *вопросительный тонъ* (какъ могли замѣтить и *восклицательный тонъ* въ выраженіяхъ εἴθε τοῦτο γένοιτο и ποίησον ταῦτα). Этотъ *вопросительный тонъ* вызвалъ въ рѣчи слова οὐκ и μή (οὐκ ἀνέφοιλλίσσας и μή τοῦτο κακῶς ἀποβῆι), и мы понимаемъ, что этотъ *вопросительный тонъ* тѣсно связанъ съ *тѣмъ сомнѣніемъ и колебаніемъ*, съ тою *нерешительностью* (сомнѣніе есть *вопросъ*), съ которою иногда высказывается сужденіе. — Относительно встрѣчающихся въ приведенномъ разсужденіи Paul'я выраженій *Bitte, Gebot, Warnung* и др. мы должны замѣтить, что въ нихъ не видать той строгой *постепенности*, на которой въ этомъ дѣлѣ наставляемъ мы, и на которой, по нашему мнѣнію, наставлять нужно, такъ какъ »познавательное« и »желательное« сужденія суть нѣчто такое, что только на *полосахъ* выдѣляется рѣзко, а затѣмъ все больше и больше *сближается*, пока не встрѣтится въ одномъ *общемъ узлѣ*, разорвать который столько же трудно, сколько трудно въ концѣ концовъ разграничить и самую *дѣятельность* души въ познаниіи и желаніи: и познание есть въ извѣстномъ смыслѣ проявленіе *воли*, и желаніе — проявленіе *разума*.

бы крайне неправильно, такъ какъ она тѣсно связана съ симасіологією *другой* категоріи формальныхъ измѣненій τὸ ῥήματος, какъ это видно изъ непосредственно слѣдующаго разсужденія.

Разъясненіе »психо-логическаго отношенія«, выраженнаго въ ῥήμα, нами *еще* не кончено. Симасіологическая *схема* τὸ ῥήματος есть, какъ выше выяснено, *a*—>*b*. Если бы мы въ этой схемѣ уничтожили знакъ —>, то изъ *b* выйдетъ особое слово: *я, ты, онъ-она-оно*. Что же касается *a*, то выйдетъ ли и изъ него особое слово? Выйдетъ, но какое? Можно ли подставить подъ *a* любой предметъ, помѣщаемый въ пространствѣ *мѣста*? — напр. *столъ, дерево* и т. п. *Онъ и дерево*; можно ли изъ этого сдѣлать сужденіе, т. е. можно ли внести въ эти два слова »то психо-логическое отношеніе, какое мы усматривали между *a* и *b* въ ῥήμα, а если можно, то выйдетъ ли изъ этихъ двухъ словъ, при *внесеніи* въ нихъ такого »отношенія«, — выйдетъ ли изъ нихъ ῥήμα? Въ выраженіи *онъ — дерево* (слово *онъ* можно »опредѣлить ближе« черезъ слово, напр., *дубъ*) дѣйствительно *тоже* присуждается что то чему-то, но ῥήμα изъ этого не выйдетъ. А напр. *деревенъетъ* (т. е. *онъ, напр. стемель*), это уже ῥήμα. Это ῥήμα показываетъ, что нѣчто принимаетъ на себя *признакъ дерева*, т. е. что *признакъ дерева* превращается въ *признакъ самого этого нѣчто*», причѣмъ »превращеніе« совершается въ пространствѣ *времени* (само *дерево*, какъ сказано, помѣщалось въ пространствѣ *мѣста*), такъ что »деревенъіе« начинается, развивается, доходитъ до извѣстнаго *состоянія*, затѣмъ это состояніе постепенно разрушается и, наконецъ, *исчезаетъ совсѣмъ*. Эти-то *признаки*, въ ихъ *развитіи* и *исчезновеніи*, — вотъ »представленіе«, обозначенное въ нашей симасіологической схемѣ τὸ ῥήματος черезъ *a*. »Рублю« есть *тоже* ῥήμα, но присуждаемое здѣсь первому лицу »рублиеніе« есть ли такой *признакъ*, какимъ было »деревенъіе« въ ῥήμα »деревенъетъ«? Помимо *движенія* въ пространствѣ *времени*, т. е. помимо того, что оно начинается и прекращается, мы »представляемъ« въ »рублиеніи« и *движеніе*

въ пространствѣ *мѣста**), а потому рубленіе мы называемъ не столько «признакомъ», сколько скорѣе «дѣйствіемъ». Мы могли бы его назвать «признакомъ» и, такимъ образомъ, подвести подъ одну категорію съ деревеннѣемъ, имѣя въ виду только развитіе его и исчезновеніе въ пространствѣ *времени*, а не соединенное съ нимъ движеніе въ пространствѣ *мѣста*. Съ другой стороны можно бы также признакъ *деревеннѣе* назвать «дѣйствіемъ», для того чтобы *отличить* его отъ признаковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда мы ихъ не «представляемъ» возникающими и исчезающими въ пространствѣ *времени* (сравни *зеленѣетъ* и *зеленый*). И въ словахъ *есть* — *существуетъ* можно назвать кроющееся въ первой ихъ части *а* (разумѣй *а* нашей симасіологической схемы *той ῥήματος*) «дѣйствіемъ»; ибо хотя «существованіе» есть нѣкое *состояніе*, но состояніе можно «представлять» *срединою* того, что съ одного конца начинается. а съ другого — исчезаетъ въ пространствѣ *времени*.

Причемъ же тутъ «психо-логическое отношеніе» симасіологии *той ῥήματος*, которое мы собирались окончательно разъяснить, и разъясненіе котораго намъ помѣшало перейти къ разбору наклоненій? Пока — ни причемъ: пока мы разъясняли членъ *а* нашей симасіологической схемы *а—б*.

Нѣмецкіе ученые называли *ῥήμα* «Zeitwort». Это — названіе весьма удачное, но слѣдуетъ ли тутъ разумѣть тѣ *моменты* развитія и исчезновенія «дѣйствія», о которыхъ мы говорили какъ объ *общемъ* свойствѣ всего того, что въ нашей симасіологической схемѣ *той ῥήματος* отмѣчено черезъ *а*, и благодаря чему мы это *а* и назвали «дѣйствіемъ», слѣдуя въ данномъ случаѣ Александрійцамъ, толковавшимъ здѣсь о *πρόμα*? Нѣтъ. То время, которое выражено въ «Zeitwort'ѣ», въ *настоящемъ* Zeitwort'ѣ (не въ неопредѣленномъ наклоненіи и не въ причастіи или въ дѣепричастіи, а въ *ῥήμα*),

*) Намъ скажутъ, что и *деревеннѣе* есть движеніе, происходящее въ пространствѣ *мѣста*. Но такое движеніе усматриваютъ въ немъ только *физики-философы*; создавшие же языкъ люди были не *физики-философы*: это были наблюдатели *простые*, а для тѣхъ *деревеннѣе* было движеніемъ только въ пространствѣ *времени*.

есть *прежде всего* элементъ той же психо-логической стороны симасіологии *той ῥήματος*. *Ῥήμα* съ психо-логической стороны обозначаетъ *сужденіе*, съ разными оттѣнками его модальности или квалитативности. Но, когда я *сужу*, — я долженъ относить сужденіе и ко *времени*. Не потому я это долженъ дѣлать, что я въ сужденіи говорю, напр., о *постройкѣ дома*, которая сама совершается въ пространствѣ *времени*, а просто и *прежде всего* потому, что я *сужу*, что я *произношу* сужденіе *вообще*. При этомъ, если это сужденіе «*желательное*», напр. *повелѣніе*, то, хотя я его и произношу въ «*настоящее время*», однако въ *известномъ* смыслѣ оно относится къ *будущему* времени (мое *желаніе имѣетъ* только еще *исполниться*). Если я въ моемъ «сужденіи» заявляю о *фактѣ*, то, хотя я и заявляю о немъ «въ *настоящее время*», но *самый фактъ* относится къ *прошедшему* времени; къ *настоящему* времени онъ можетъ относиться въ *крайнемъ* случаѣ лишь постольку, поскольку это *настоящее* для меня уже *раскрыто*, т. е. поскольку это *настоящее* есть собственно *прошедшее*. Если мое сужденіе *чисто* силлогистическое, то въ смыслѣ времени *опять* выступаетъ нѣчто *новое*: словомъ, — время есть не только въ *общемъ* смыслѣ элементъ психо-логической стороны симасіологии *той ῥήματος*, но является чѣмъ то *тѣсно связаннымъ* съ *квалитативностью* сужденія. Вотъ почему мы отказывались разбирать симасіологию «*наклоненія*» *отдѣльно отъ другой* категоріи формальныхъ измѣненій *той ῥήματος*; этою *другою* категоріею оказывается время.*) Конечно, относя свое сужденіе, напр. къ *прошедшему* времени, я могу въ этомъ *прошедшемъ* времени обозначить и *моментъ развитія* «дѣйствія» въ тотъ промежутокъ времени, къ кото-

*) Греческія времена до сихъ поръ основательнѣе всѣхъ разобралъ Mutzbauer (Tempus.), и мы съ нимъ въ пониманіи ихъ почти что сходимся. Къ сожалѣнію, и онъ, хотя не только подозреваетъ связь временъ съ наклоненіями, но прямо о ней заявляетъ (въ чемъ эта связь, — онъ не разъясняетъ), тѣмъ не менѣе поставилъ себѣ задачу о временахъ *особнякомъ* (наклоненія онъ общаетъ разобрать въ слѣдующемъ томѣ своего труда) и черезъ то вноситъ напрасное затрудненіе въ дѣло.

рому я отношу сужденіе.*) Я могу сказать: »тогда строили домъ«, т. е. »въ то время«, къ которому я отношу сужденіе, дѣйствіе находилось не въ *зачаточной* стадіи, не въ стадіи *состоянія*, не въ стадіи *разрушенія*, а на *пути* своего развитія.

Переходить ли теперь къ симасіологіи »наклоненій« и, стало быть, въ связи съ нею и къ симасіологіи »временъ«, или еще что нибудь мѣшает? Членъ б нашей симасіологической схемы раскрытъ нами достаточно въ самомъ началѣ настоящаго отдѣла; выясненіемъ того, что членъ б означаетъ »лицо«, которое иногда нуждается въ »ближайшемъ опредѣленіи« черезъ добавочныя слова (напр., — *ἀνὴρ* и *ἐπιστολή*), и того, что онъ иногда сводится къ нулю, — сказано о немъ все. Нельзя этого утверждать о членѣ а. Тѣмъ, что а опредѣлилось какъ означеніе »дѣйствія« въ разныхъ стадіяхъ его развитія, оно не раскрыто еще *сполна*. А между тѣмъ хотѣлось бы окончательно выяснить и его, прежде чѣмъ приступимъ къ подробному изслѣдованію того знака →, который нами поставленъ между нимъ и членомъ б.

Извѣстно, что обозначенное буквою а »дѣйствіе« вызываетъ такъ называемыя »залоговыя« измѣненія риматическихъ формъ. До настоящаго времени вопросъ о залогохъ нельзя не назвать крайне запутаннымъ въ нашихъ грамматикахъ. Ученые усердно занимаются разслѣдованіемъ того, какая изъ существующихъ залоговыхъ формъ въ греческомъ языкѣ древнѣе, какая новѣе, но это или мало относится,

*) О различіи временъ сужденія и временныхъ отбѣнковъ дѣйствія (да, въ этомъ заключается все различіе) первый заговорилъ, какъ извѣстно, Curtius. Ему всѣ и приписываютъ заслугу установленія различія въ temporal'ныхъ измѣненіяхъ обще-глагольныхъ формъ (т. е. τὸν φημιτος αἰσθητόςъ съ неопр. накл. и прич.), придерживаясь, въ общемъ, и его толкованія этого различія. Curtius толкуетъ это различіе такъ (Erl. 172): Der Unterschied zwischen Gegenwart, Vergangenheit und Zukunft beruht nur auf dem Verhältniss der Handlung (?) zu dem Sprechenden. Ich nenne diesen Unterschied den der Zeitstufe.... Offenbar muss nun aber die Differenz zwischen γυνέσθαι, γίνεσθαι, γεγονέναι durch ein Wort bezeichnet werden, das sofort andeutet, dass es sich hier um eine innerhalb der Handlung selbst liegende Differenz, nicht bloss um das Verhältniss zu etwas ausser ihr liegenden handelt. In diesem Sinne wählte ich das Wort Zeitart.

или совсѣмъ не относится къ »симасіологіи залоговъ«. Больше всего тутъ успѣла раскрыть русская школа. Хотя русская школа не столько обращаетъ вниманіе на залоговыя формы, сколько скорѣе на внутреннія залоговыя различія, но послѣдняя она, признавая шесть залоговъ, разработала довольно правильно и тѣмъ облегчаетъ наше симасіологическое изслѣдованіе. Наша симасіологическая задача заключается въ данномъ случаѣ въ рѣшеніи вопроса, сколько вообще мыслимо внутреннихъ залоговыхъ различій, и насколько удовлетворяетъ этимъ мыслимымъ различіямъ языкъ своими грамматическими формами.

Что такое залогъ? Само слово залогъ есть, повидимому, довольно неточный переводъ греческаго термина *διαθέσις*. У грековъ, очевидно, этотъ терминъ выросъ на почвѣ вопроса, какъ отзывается, — какъ »располагается« (*διατίθεται*) такое или иное »дѣйствіе« на тѣхъ »лицахъ«, которыя отмѣчаются окончаніями τῶν φημιτων. Греки очень много толковали о *διαθέσις παθητικῆς*, о *διαθέσις διαβιβαστικῆς*, словомъ, — о томъ, что мы, съ нашей точки зрѣнія, опредѣлили бы какъ *ἐνέργεια*, которая проявляется —, а въ другихъ случаяхъ — какъ *πάθος*, которое совершается въ душѣ отмѣченнаго въ риматическомъ окончаніи »лица«, въ случаѣ отнесенія къ нему такого или иного дѣйствія. Отъ чего зависить *ἐνέργεια* или *πάθος* души въ этихъ случаяхъ? Отъ »качества« — отвѣтимъ мы — самого дѣйствія. О качествахъ дѣйствій приходится разсуждать слѣдующимъ образомъ.

Есть дѣйствія, которыя мы »представляемъ« начинающимися, развивающимися и кончающимися, вообще — *движущимися* въ пространствѣ времени и *совершающимися* на »лицахъ« *пожию чьей бы то ни было воли*. Такими можно »представлять« дѣйствія, напр., *ἀσθενέω* (недомогаю) и др. (въ числѣ ихъ и *εἶμι*).

Другія дѣйствія предполагаютъ непременно »двигателя«, т. е. чью нибудь волю, которая привела бы ихъ въ движеніе во временномъ пространствѣ. Такими »представляемъ« дѣйствія *τρέχω*, *περιπατέω* и т. п. Двигателемъ является при

нихъ само то «лицо», которому они присуждаются, такъ что не они «совершаются» на «лицахъ», какъ то было въ первомъ разрядѣ дѣйствій, а сами «лица» ихъ «совершаютъ».

Третьи предполагаютъ не только двигателя, но еще и предметъ, иногда даже не *одинъ* (ср. *δίδωμι τῷ ἐταίρῳ τὸ ἀργύριον*), на который переводится двинутое имъ, этимъ двигателемъ, дѣйствіе. Кто въ этихъ случаяхъ бываетъ отмѣченъ, какъ «лицо», въ риматическомъ окончаніи, т. е. бываетъ ли отмѣченъ какъ «лицо» самъ двигатель, или тотъ предметъ, на который переводится дѣйствіе, это — дѣло грамматической *формы τοῦ ῥήματος* и ... приставляемыхъ къ риматической формѣ такъ называемыхъ «падежей». Пока мы будемъ говорить о тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ риматическомъ окончаніи отмѣчается самъ *двигатель*. Предметъ, на который переводится дѣйствіе, отмѣчается тогда то *accusativ'омъ*, то *другимъ* какимъ нибудь «падежемъ». Когда будемъ разбирать «падежи», то станетъ яснымъ, почему *accusativ'ная* «дополненія» *τοῦ ῥήματος* должны быть выдвинуты *особо* въ противоположность *другимъ* падежнымъ его дополненіямъ. Пока ограничимся — общеизвѣстнымъ, впрочемъ, — замѣчаніемъ, что на этой противоположности зиждется различіе между такъ называемыми «прямымъ» и «косвеннымъ» переводами дѣйствій.

Какъ на особенностъ въ дѣйствіяхъ третьяго разряда можно указать, въ четвертыхъ, на тѣ случаи, когда двигатель или «дѣятель» переводитъ дѣйствіе на самого себя (*λοῦμαι*). Такъ какъ двигатель и предметъ, на который переводится дѣйствіе, въ данномъ разрядѣ дѣйствій *совпадаютъ*, то не можетъ быть рѣчи здѣсь о такихъ дополненіяхъ *τοῦ ῥήματος*, о какихъ мы говорили въ предшествующемъ пунктѣ, развѣ что дѣятель *кромя* себя переводитъ дѣйствіе *еще* на какой нибудь предметъ; ибо сказано выше, что предметъ, на который переводится дѣйствіе, бываетъ иногда *не одинъ* (подробности ниже).

Въ пятыхъ, наконецъ, слѣдуетъ привести тѣ дѣйствія, которыя предполагаютъ *двухъ* дѣятелей или *двѣ* стороны

дѣятелей, совершающихъ дѣйствіе другъ *надъ* другомъ. Такими можно представлять дѣйствія *μάχομαι*, *διαλέγομαι* и т. п. Въ риматическомъ окончаніи могутъ быть отмѣчены *обѣ* стороны дѣятелей (*διαλεγομεθα* = мы бесѣдуемъ другъ съ другомъ, или только *одна*, а тогда *ῥήμα* нуждается опять въ дополненіи (*μάχομαι οὗτῳ* или *μαχομεθα αὐτοῖς* = я воюю съ нимъ или мы воюемъ съ ними).

Такимъ образомъ, по *качеству* дѣйствія распадаются на *пять* разрядовъ: на *самодвижущіяся*, на *непереводно-движимыя*, на *переводно-движимыя*, на *возвратно-движимыя* (короче, — «возвратныя») и на *взаимно-движимыя* (= «взаимныя»). Что касается *грамматическихъ* залоговыхъ формъ *τοῦ ῥήματος*, то языкъ ихъ выработалъ три: *activum*, — во *всѣхъ* наклоненіяхъ съ ихъ временами; *medium*, — во *всѣхъ* наклоненіяхъ съ ихъ временами, и *passivum*, — въ наклоненіяхъ *aoristi* и *futuri simplicis* (въ *futurum simplex*, впрочемъ, не во *всѣхъ* *ῥήματα*; списокъ такихъ *ῥήματα* смотри Kühner Ausf. Gramm. II. 100—102).

Media'ныя грамматическія формы служатъ для выраженія «взаимныхъ» и «возвратныхъ» дѣйствій. Въ русскомъ языкѣ для дѣйствій, *представляющихъ* возвратными или взаимными, имѣются формы: *борюсь*, *сражаюсь*, *дѣлаюсь* (такимъ-то), *моюсь* и т. п. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ «возвратныхъ» дѣйствіяхъ часто приходится имѣть дѣло не съ «прямымъ» переводомъ, — не съ «прямымъ» *возвращеніемъ* дѣйствія къ самому дѣятелю («прямое» возвращеніе мы видимъ въ словахъ: *дѣлаюсь* = дѣлаю себя, *моюсь* = мою себя, *поворачиваюсь* = поворачиваю себя; то же и въ греческихъ словахъ: *γίγνομαι*, *λοῦμαι*, *τρέπομαι*), а съ «косвеннымъ» переводомъ, — съ «косвеннымъ» возвращеніемъ къ дѣятелю, а именно *dativ'нымъ* (такъ иногда и по русски: *сравни стучится въ дверь* = стучить себѣ, для себя; *просится* = просить себѣ, для себя, *молится* = молить себѣ, для себя). Грекъ *очень* любитъ вносить въ представленіе, а затѣмъ и въ рѣчь это *dativ'ное* возвращеніе дѣйствія къ дѣятелю (*ποιεῖται* = онъ дѣлаетъ — подразумѣвай «себѣ», *ἀπέθεται* = онъ отложилъ себѣ), и это, понятно, не мѣшаетъ ему поставить

рядомъ *другой* предметъ, на который онъ *также* переводить дѣйствіе, *помимо* перевода или возвращенія его къ *дѣятелю* (ἀπέθετο ῥαθυμίαν). Особый отгнѣнокъ dativ'наго возвратнаго представляетъ собою такъ называемое «динамическое» возвратное, гдѣ центръ тяжести *именно* въ dativ'ѣ, и гдѣ дѣятель является таковымъ лишь настолько, насколько онъ даетъ толчокъ къ дѣйствию, исполняемому однако *другимъ* (ἐδιδάσκητο — онъ не самъ обучалъ, а далъ *себѣ* обучать — напимѣръ, сына — *другому* лицу. Сравни русское: «*швыль себѣ* платье»). Есть кромѣ того, такъ сказать, genitiv'ныя возвратныя (παρέσχετο πολλά — онъ доставилъ *отъ себя* — своего много; ἀπεφώνητο γνώμην — онъ высказалъ *отъ себя* — свое мнѣніе и т. д.). Accusativ'ныя возвратныя, сравительно съ dativ'ными и genitiv'ными, въ греческомъ языкѣ довольно рѣдки, и замѣчательно то, что въ нихъ даже accusativ' рельефно не чувствуется; тамъ, гдѣ accusativ' рельефно чувствуется, грекъ даже не ставитъ medium, а ставитъ activ' и возвратное мѣстоименіе (такъ и по русски; сопоставъ выраженія «поворачивается», — «моется» и т. д. съ выраженіями «наказываетъ себя», — «освобождаетъ себя» — τρέπεται, λούεται, ζημοῖ ἑαυτόν, ἐλευθεροῖ ἑαυτόν).*)

Medial'ной формѣ, какъ выразительницѣ «*взаимныхъ*» дѣйствій, противопоставлять нечего, такъ какъ *сами* взаимныя дѣйствія только и могутъ быть *взаимными* и ничѣмъ другимъ. Совершенно иначе приходится говорить о medial'ной формѣ, какъ выразительницѣ «*возвратныхъ*» дѣйствій, — иначе уже по одному тому, что въ *представленіи* нашемъ самый *возвратъ* дѣйствія къ дѣятелю можетъ исчезнуть, а тогда и въ рѣчи, вмѣсто medial'ной формы, появляется activ'ная. Уничтожая въ нашемъ представленіи «*косвенный*» возвратъ, мы его ничѣмъ другимъ замѣнить не можемъ, такъ какъ приходится только или *сознавать*, или *несознавать* то внесеніе личнаго интереса дѣятеля въ дѣйствіе, которое

въ концѣ концовъ только и выражено въ «косвенномъ» возвратѣ (παρέχομαι αὐτῷ πολλά — я доставляю ему *изъ своего* много; παρέσχω αὐτῷ πολλά πράγματα — я ему надѣлалъ много хлопотъ; ἀρχομαι — я начинаю *для себя*, чтобы *потомъ* продолжать; ἀρχω — я *первый* что-нибудь дѣлаю, а *продолжаетъ* *потомъ* другой; ἀποφαίνομαι γνώμην — я объявляю свое мнѣніе; ἀποφαίνομαι τι — я объявляю что-нибудь и т. д.). Что же касается accusativ'наго возврата, то онъ не только можетъ исчезнуть въ нашемъ представленіи, но можетъ быть замѣненъ переводомъ (конечно, «*прямымъ*» переводомъ) дѣйствія на какое-нибудь *другое* лицо въ *противоположность* дѣятелю (λούομαι — моюсь, λούω τινά — мою кого). Уничтожая *вполнѣ* accusativ'ный возвратъ и не замѣняя его переводомъ дѣйствія на *другое* лицо, мы очень часто ничего особеннаго не *выгадываемъ* въ *общемъ* значеніи τοῦ ῥήματος. Это особенно замѣтно въ тѣхъ ῥήματα, которыя обозначаютъ «*движеніе или останавливаніе* движенія въ мѣстномъ пространствѣ» (также и въ русскомъ языкѣ нѣтъ особенной разницы между «поворачивайся» и «поворачивай»); мы тутъ *просто* заинтересованы тѣмъ, совершаетъ ли дѣятель, или не совершаетъ такое-то движеніе; а о томъ, что онъ совершаетъ его *надъ собою* (благо и въ medial'ной формѣ accusativ'ный возвратъ чувствуется не особенно рельефно), мы вовсе не думаемъ (все равно, сказать ли «παύου», или «παῦε» — «перестань» или «оставь»; сравни «ѣхе» — «придержи» и «погоди»). Особенно въ composit'ахъ, гдѣ главный интересъ сосредоточенъ на томъ, *въ какую сторону* (она, эта сторона, и показана первою частью composit'a) совершается (= познавательное сужденіе) или желательно, чтобы совершалось (= желательное сужденіе) движеніе въ мѣстномъ пространствѣ, activ'ныя формы могутъ вполнѣ выразить то, что выражаютъ формы medial'ныя (εἰσέβαλε εἰς τὴν πόλιν; въ чешскомъ, напимѣръ, нарѣчіи говорятъ не «вторгнулся въ городъ», а «вторгъ въ городъ»). Что activ'ныя формы, противопоставляемыя accusativ'но-возвратнымъ и не выгадывающія отъ этого ничего въ своемъ значеніи, приближаются къ *второму*, по качеству дѣйствій, разряду, именно къ «не-

*) Это все да будетъ сказано въ разъясненіе тѣхъ «подробностей», на которыя мы намекали, когда были заняты *опредѣленіемъ* «четвертаго разряда дѣйствій».

переводнодвижимымъ», выражаемымъ *также* activ'ными формами, это, кажется, не требуетъ особаго разъясненія.

Passiv'ныя формы »ἐτιμῆθην«, »ἀπαρνηθήσεται« и т. п. возможны лишь въ »переводно-движимыхъ« дѣйствіяхъ и указываютъ въ своихъ окончаніяхъ на то лицо, на которое переведено (и притомъ переведено не »косвеннымъ«, а, говоря вообще, »прямымъ переводомъ«) двинутое дѣятелемъ дѣйствіе. Какъ уже сказано, особыя passiv'ныя формы языка выработались только въ aorist'ѣ да еще, хотя не вездѣ, въ futurum simplex. Во всѣхъ остальныхъ временахъ и наклоненіяхъ таблица passiv'ныхъ формъ пополняется medial'ными формами. Medial'ныя формы могли сыграть роль passiv'ныхъ въ греческомъ языкѣ на такомъ же основаніи, на какомъ и въ русскомъ языкѣ роль passiv'ныхъ сыграли формы »продаются« (книги), »замѣчается« (такое-то обстоятельство) и т. д. Въ сущности, это — тѣ же »accussativ'но-возвратныя« формы, но только съ нѣкоторымъ, тоже своего рода »динамическимъ« отгѣнкомъ (книги не сами себя продаютъ, а продаетъ ихъ *другой*, — книгопродавецъ*).

Passiv'нымъ формамъ опять таки противопоставляются прежде всего activ'ныя, но кромѣ того есть основаніе противопоставлять имъ и medial'ныя формы съ genitiv'но-возвратнымъ и dativ'но-возвратнымъ или, выражаясь однимъ терминомъ, »косвенно-возвратнымъ« отгѣнкомъ. Противопоставляя форму ἡδίκηθην формѣ ἡδίκησα, или форму ἀπεδείχθη (ταῦτα) формѣ ἀποδείξομαι δυνάμιν, мы скажемъ, что въ то время, какъ въ окончаніяхъ формъ ἡδίκηθην и ἀπεδείχθη отмѣчено лицо, надѣ которыми совершается дѣйствіе (= на которое переведено дѣйствіе; не забудемъ здѣсь именно о »прямомъ«

*) Немного иначе Delbrück Synt. Forsch. IV. 75: Seit alter Zeit haben die Medialformen auch passiven Sinn gehabt, der in dieselben, wie es scheint, auf zwei Wegen einziehen konnte, einmal durch die neutrale und sodann durch die reflexive Bedeutung hindurch. Что значить neutrale Bedeutung? Мы часто слышимъ о »среднемъ« залогѣ. Принятіе »средняго« залога отразилось и на терминѣ *medium*, какъ обозначеніи грамматической залоговой формы. Нужно сказать, что грамматика, примирившаяся съ »среднимъ« залогомъ, прежде всего *этимъ* закрыла себѣ путь къ подробному разбору залоговыхъ отгѣнковъ.

переводѣ), въ окончаніяхъ формъ ἡδίκησα и ἀποδείξομαι и т. п. отмѣчено лицо, которое совершаетъ дѣйствіе. При произнесеніи medial'ной съ косвенно-возвратнымъ отгѣнкомъ или activ'ной формъ, противопоставляемыхъ здѣсь passiv'ной формѣ, мы или *чувствуемъ* потребность указать и на то лицо, которое было отмѣчено въ passiv'ной формѣ (= на то лицо, на которое переводится дѣйствіе), или же, какъ напримѣръ иногда въ ἡδίκησα (= я совершилъ безправіе), мы этой потребности *не* чувствуемъ; если ея не чувствуемъ, то эти medial'ныя съ косвенно-возвратнымъ отгѣнкомъ и activ'ныя формы опять таки приближаются ко второму, по качеству дѣйствій, разряду, именно къ непереводно-движимымъ. Точно такъ же мы и при произнесеніи passiv'ныхъ формъ ἡδικήθην, ἀπεδείχθη и т. п. либо *чувствуемъ* потребность указать и на то лицо, которое совершаетъ дѣйствіе (указываемъ мы на него или dativ'омъ, — γέγραπται αὐτῷ — или »предлоговымъ« оборотомъ ὑπὸ τινος, ἔκ τινος, πρὸς τινος), либо мы этой потребности *не* чувствуемъ; если ея не чувствуемъ, то passiv'ныя формы приближаются по своему значенію къ первому, по качеству дѣйствій, разряду, выражаемому черезъ activ'ныя формы, именно къ »самодвижущимся«. Приближеніе activ'овъ *перваго* разряда дѣйствій къ passiv'амъ *третьяго* разряда дѣйствій ведетъ, съ другой стороны, и къ тому, что у самого activ'а получается способность присоединять къ себѣ предлоговые обороты (ἑνέσχω ὑπὸ τινος, ἐκπύτω ὑπὸ τινος), и представленіе о »самодвижущихся« дѣйствіяхъ легко переходитъ, не вызывая перемѣны въ грамматической формѣ τοῦ ζήματος, къ представленію о дѣйствіяхъ »движимыхъ«.

Изъ разсужденій, приведенныхъ въ настоящей статьѣ о залогахъ, явствуетъ, что отношеніе одного качества дѣйствій къ другому, отношеніе одной залоговой формы къ другой, а также отношеніе качествъ дѣйствій къ залоговымъ формамъ, — все это главнымъ образомъ опредѣляется то *отсутствіемъ* »прямого« перевода дѣйствія отъ дѣятеля къ другому лицу, то его *наличностью*, то, наконецъ, *взаимностью* прямого перевода дѣйствія между *двумя* дѣяте-

лями. Тамъ, гдѣ такой прямой переводъ на лицо, мы будемъ говорить о *transitiv'ныхъ* дѣйствіяхъ и о *transitiv'ныхъ* *ῥήματα*, вообще — о *transitiv'ахъ*; для случаевъ, гдѣ его нѣтъ, пусть будетъ имѣть мѣсто терминъ *intransitiva*, а для третьей категоріи въ нашей терминологіи пусть служитъ терминъ *reciproca*. Къ *reciproca*мъ относится весь вышеупомянутый *пятый* разрядъ дѣйствій и выражающія его *media*. *Intransitiv'*ами *должны* быть: 1. «самодвижущіяся» дѣйствія и выражающіе ихъ *activ'ы* (послѣдніе — или безъ прибавки, или съ прибавкою «предлогаго» оборота *ὑπό τινας*); 2. «непереводно-движимыя» дѣйствія и выражающіе ихъ *activ'ы*; 3. *passiv'ы* и дополняющія ихъ *media* тѣхъ *ῥημάτων*, которыя обозначаютъ «переводно-движимыя» дѣйствія; 4. *accusativ'но-возвратныя* дѣйствія и выражающія ихъ *media*. *Transitiv'*ами *могутъ* быть: 1. *activ'ы* обозначающихъ «переводно-движимыя» дѣйствія *ῥημάτων* (они могутъ быть и *intransitiv'*ами, какъ то выше объяснено на *ἀδικέω*); 2. «косвенно-возвратныя» дѣйствія и выражающія ихъ *media* (они могутъ быть и *intransitiv'*ами; сравни *dativ'но-возвратное* *θηρᾶται* = онъ занимается охотою = охотится). Изъ всякаго *intransitiv'a* можно сдѣлать *transitivum*, изъ всякаго *transitiv'a* можно сдѣлать *bitransitivum* (вдвойнѣ *transitiv'ное*) и всякое *reciprocum* можно сдѣлать *reciproce-transitiv'нымъ* 1. — черезъ *любимое* греками (даже въ обыкновенномъ, не высокаго стиля, языкѣ) внесеніе въ текстъ *внутренняго* объекта, т. е. того объекта, который представляетъ собою не *внѣшній* предметъ, существующій *самъ по себѣ*, помимо перехода на него дѣйствія (такимъ «внѣшнимъ» предметомъ будетъ, напримѣръ, «ὁ ἀνὴρ» въ выраженіи «ἀδικέω τὸν ἄνδρα»), а нѣчто такое, что составляетъ только лишь *продуктъ* дѣйствія и возникаетъ, а иногда и исчезаетъ вмѣстѣ съ возникновеніемъ и исчезновеніемъ дѣйствія (*ἕη καλὸν βίον, ἀδικεῖ σε μευάλην ἀδικίαν, λάβας ἐλωβήθη, μαχόμεθα μάχην*; сравни русское «горевать горе»); 2. — черезъ внесеніе въ мысль *factitiv'ности* (я бѣгу — я *заставляю* бѣжать; я узналъ что-нибудь — я *заставилъ* узнать что-нибудь и т. д.). Въ греческомъ

языкѣ обыкновенно *factitiv'ность* не ведетъ къ какимъ-нибудь особеннымъ грамматическимъ формамъ: обыкновенно внесеніе ея въ мысль вызываетъ появленіе въ языкѣ словъ *ποιέω* или *τίθημι* (*ποιέω αὐτὸν πράττειν* и т. п.) Но есть цѣлый рядъ *ῥημάτων*, выработавшихъ въ *perfectum*, *plusquamperfectum* и *aorist'ѣ* такъ называемыя сильную и слабую этимологическія формы. Тогда *слабья* формы отличаются отъ *сильныхъ* *factitiv'ностью* своего значенія (*ἔδυν* = я погрузился, *ἔδυσα* = я заставилъ погрузиться; *ἔγνων* = я позналъ, новоіоническое *ἀνέγνωσα* = я заставилъ познать, я убѣдилъ; *ἀνεβίων* = я ожилъ, *ἀνεβίωσα* = я заставилъ его ожить, я привелъ его въ себя, я привелъ его въ сознаніе; *ἐτραπόμην* = я обратился, *ἐτρέψαμην* = я заставилъ обратиться, я обратилъ въ бѣгство; *ἐγεύομην* = я сдѣлался такимъ-то, я произошелъ, *ἐγενετό με μήτηρ* = родила меня мать и т. д.).

Всякая *medial'ная* и всякая *passiv'ная* форма, — за исключеніемъ *medial'ныхъ* формъ, обозначающихъ *взаимное* дѣйствіе, — должна бы имѣть въ языкѣ соотвѣтствующую *activ'ную* форму. Къ такому заключенію ведетъ все, сказанное выше о залоговыхъ формахъ и ихъ значеніи. Что *обратное* заключеніе (именно — чтобы всякой *activ'ной* формѣ соотвѣтствовала *medial'ная* и *passiv'ная*) не имѣетъ мѣста, — это также ясно изъ предыдущаго. На *практикѣ* не замѣчается, чтобы *всякому* *medium* и *passivum* соотвѣтствовало и *activum*, и въ языкѣ выступаютъ такъ называемыя *deponentia*. Я отношу эту непослѣдовательность только къ *практикѣ* языка; это не значитъ, что ее слѣдуетъ относить и къ *сознанію употреблявшаго* языкъ, по крайней мѣрѣ, не къ *сознанію первоначальному* (съ развитіемъ языка мало ли гдѣ утратилось первоначальное сознаніе значенія и формъ и словъ, и цѣлыхъ оборотовъ). Надо полагать, что *deponentia* первоначально такъ и чувствовались съ тѣмъ значеніемъ, какое имъ принадлежитъ, какъ *medi'амъ* (если это — *medial'ныя deponentia*), или какъ *passiv'амъ* (если это — *passiv'ныя deponentia*). Русское «онъ мается» чувствуется до сихъ поръ какъ *accusativ'но-возвратное*, хотя «маять кого-нибудь» не говорятъ,

развѣ въ *compositum* »замаять лошадь«. Разница между *passiv*'ными и *medial*'ными *deponenti*'ами, въ сущности, не-большая, уже по одному тому, что во многихъ временахъ и наклоненіяхъ *medial*'ныя формы вполне замѣнили собою *passiv*'ныя. Отсюда такое колебаніе въ *aorist*'ахъ между *medial*'ными и *passiv*'ными *deponenti*'ами. Замѣчательно, что въ *ῥήματα*, обозначающихъ *чувство*, преобладаетъ *passiv*'ное *deponens*; очевидно, что здѣсь рѣзко выдѣлялся въ сознаниі образовавшаго форму тотъ *динамическій* оттѣнокъ (чувство возникаетъ во мнѣ *помимо* моей воли), который *passiv*'ной формѣ естественно присущъ, и который въ *medial*'ныхъ формахъ еще только нужно *особо вносить*, для того чтобы онѣ сдѣлались способными сыграть роль *passiv*'ныхъ («я обрадовался» будетъ *ἠσθην*, я испугался — *ἐφοβήθην* и т. д.; сюда же относится и *ἠβουλήθην* = во мнѣ возникло рѣшеніе, *φῆθην* = пришла мнѣ въ голову мысль и т. д.).

Послѣ этихъ замѣтокъ о залогѣ мы перейдемъ, наконецъ, къ общанному разбору *наклоненій*, но непременно въ связи съ разборомъ *временъ*, помня, что наклоненія и времена служатъ прежде всего для удовлетворенія *психологической* стороны *синасіологіи* той *ῥήματος* (стало быть, того → , которое значитъ въ нашей схемѣ *a* → б), но что формальныя измѣненія той *ῥήματος*, относящіяся къ »времени«, хотя и *должны* обозначать прежде всего время, къ которому судящій относитъ свое сужденіе, однако могутъ захватывать и разные оттѣнки развитія »*дѣйствія*« т. е. члена *a* нашей *синасіологической* схемы.

О наклоненіи *вообще* опредѣленіе всѣхъ до настоящаго времени высказался, сколько намъ извѣстно, Н. D. Müller, *Indog. Sprachb.* Вопросу о наклоненіи онъ посвятилъ въ своемъ сочиненіи первую главу, озаглавивъ ее »zur Syntax der griechischen Modi, ein Fragment« (*Indog. Sprachb.* 1—27). Къ сожалѣнію, онъ не связалъ *синасіологіи* наклоненій съ *синасіологіею* временъ, какъ Mutzbauer, въ свою очередь, разбирая *синасіологію* временъ, не связалъ ее съ *синасіологіею* наклоненій (см. выше стр. 99). Вотъ его положенія:

Derjenige Modus, der in allen indogermanischen Sprachen nach Form und Bedeutung die grösste Übereinstimmung zeigt, ist der Modus der assertorischen Behauptung... Nicht alle Formen, welche man unter den Namen Indicativus zu begreifen pflegt, dürfen ohne Weiteres auch *begrifflich* darunter subsumirt werden. So wird man anerkennen müssen, dass das griechische Futurum nur bis zu einem gewissen Grade unter diese Kategorie gehört. Ferner haben in der griechischen Sprache das Imperfectum und Aoristus Indic. im hypothetischen Satzgefüge und in einer gewissen Art von Wunschsätzen ihre indicativische Natur ganz verloren (стр. 2.)

Eine für jede leidlich ausgebildete Sprache nothwendige und darum auch in den indogermanischen Sprachen schon sehr früh ausgeprägte modale Kategorie ist sodann diejenige, welche zum Ausdruck des Wollens dient, — Modus voluntatis. Was wir so benennen, fällt nicht zusammen mit dem Imperativus, obwohl dieser vorzugsweise und fast ausschließlich zum Ausdruck des Willens dient (стр. 3).

Eine ebenfalls für jede gebildete Sprache unentbehrliche und in den indogermanischen Sprachen, wenn auch auf sehr verschiedene Weise, zum Ausdruck gekommene modale Kategorie, die hypothetische Behauptung oder Fallsatzung, bezeichnen wir als Modus fictivus. Man könnte dafür auch die Bezeichnung Conditionalis wählen, wenn diese nicht in den meisten Sprachen an *bestimmte* Formen der hypothetischen Behauptung geknüpft wäre, im Griechischen an Imperfectum und Aoristus Indic. im hypothetischen Satzgefüge, *)... es ist aber auf *diese* Formen der Begriff des Modus fictivus keineswegs zu beschränken (стр. 3).

Endlich bleibt noch eine modale Kategorie übrig, welche genau zu bezeichnen um deswillen so schwer wird, weil der sprachliche Ausdruck für dieselbe ausserordentlich schwankend und mannigfaltig ist. Begrifflich möchte dieselbe wohl am besten definirt werden als Modus der problematischen Behauptung. Da indessen die dafür in den Sprachen

*) Теперь, впрочемъ, любятъ употреблять для этихъ явленій не терминъ *condicionalis*, а терминъ *modus irrealis*.

zur Verwendung kommenden Ausdrücke in der Regel bezeichnen, dass die in diese Form gekleidete Aussage in die Wirklichkeit noch eintreten *könne* oder *gekonnt habe*, so wird dafür der Name *Modus potentialis* um so eher verwandt werden, da derselbe auch sonst schon, wenn auch nicht überall in *diesem* Sinne, unter die Zahl der grammatischen Termine aufgenommen ist (стр. 3).

Andere als diese vier Modalbegriffe wird man in den indogermanischen Sprachen nicht finden, wenn man sich vor dem Fehler zu hüten versteht, gewisse Nüancen modalen Ausdrucks, statt sie unter jene zu subsumiren, als selbstständige Hauptbegriffe hinzustellen (стр. 4).

Den vier gefundenen Modalbegriffen gegenüber stehen nun . . . in der griechischen Sprache vier Modalformen gegenüber . . . — der Indicativus als Modus der assertorischen Behauptung, der Imperativus als Modus voluntatis, der Optativus als Modus fictivus, der Conjunctivus als Modus potentialis . . . Das wird hinsichtlich des Indicativus und Imperativus kaum einem Widerspruche begegnen, die Ansichten dagegen, welche über ursprüngliche Bedeutung des Conjunctivus und Optativus bis jetzt herrschen, stellen sich mit jener Vermuthung in einen scharfen Widerspruch, aber wir hoffen, dass es uns gelingen werde, nicht nur aus der Analyse der Formen, sondern auch aus dem Sprachgebrauche die Richtigkeit derselben zu erweisen (стр. 5).

Въ основаніе всему этому Мюллеръ положилъ слѣдующій методъ: Man hat durch eine Vergleichung der verschiedenen indogermanischen Sprachen festzustellen, welche Modalbegriffe in *allen* zu einer mehr oder weniger scharfen Ausprägung gekommen sind, diese dann als die dem schaffenden Sprachgeiste unbewusst vorschwebenden Ziele der sprachlichen Entwicklung festzuhalten und an ihnen die modalen Formen der Einzelsprache zu messen und in ihren Functionen näher zu bestimmen (стр. 1).

На разборъ теоріи Мюллера мы долго останавливаться не будемъ. Скажемъ только, что напрасно Мюллеръ принялъ какой то *modus fictivus* за »Hauptbegriff«, втиснувъ его

еще вдобавокъ *клиномъ* между »modus der assertorischen Behauptung« и »modus potentialis«, которые, если ихъ ужъ различать, должны быть поставлены *рядомъ*, согласно той лѣстницѣ *квалитативности* сужденія, которую мы выставили на стр. 95. По этой лѣстницѣ только и *можно* устанавливать Hauptbegriffe, а такими являются *только* »познавательное« и »желательное« сужденія. По нимъ мы и будемъ »die modalen Formen der Einzelsprache (въ данномъ случаѣ *греческаго* языка) messen und in ihren Functionen näher bestimmen«. Быть можетъ, мы, принявъ только эти *два* Hauptbegriffe и связавъ ихъ съ симасіологіею времени, скорѣе, чѣмъ Мюллеръ, предотвратимъ необходимость заявлять, что »не всѣ формы, которыя обыкновенно подводятъ подъ названіе такого то наклоненія, могутъ ohne Weiteres auch *begrifflich* darunter subsumirt werden«. Во всякомъ случаѣ странно, что языкъ (какъ это рисуетъ Мюллеръ), выработавшій при наличности четырехъ »Hauptbegriffe« четыре *формы*, долженъ вдругъ для удовлетворенія этихъ Hauptbegriffe пере-скакивать отъ одной формы къ другой.

Присуждая лицу дѣйствіе, какъ личное свое *желаніе*, говорящій употребляетъ прежде всего Imperativ. Что касается вопроса о времени, то самое желаніе, конечно, относится къ моменту произнесенія его говорящимъ, иначе говоря, — къ моменту *рѣчи* (все равно, впервые ли оно возникаетъ въ этотъ моментъ у говорящаго, или же является въ данный моментъ *воспроизведеніемъ*, *прежней* его мысли), но на *фактическое* исполненіе желаемого говорящій разсчитываетъ не въ *самый* моментъ произнесенія желанія, а только лишь *послѣ* его произнесенія, стало быть, по отношенію къ *самому* моменту *рѣчи*, — въ *будущемъ* времени. Въ этомъ смыслѣ всякій Imperativ можно считать *будущимъ* *временемъ*.

Для этого *одного* времени Imperativ'a, которое мы называли *будущимъ*, языкъ располагаетъ *тремя* грамматическими формами: *ἐννόει, ἐννόησον, πέφηνε*. Въ виду такого или иного внѣшняго вида »основы«, заключающейся въ каждой изъ этихъ формъ, — стало быть, съ точки зрѣнія чисто *эти-*

мологической, — мы употребляемъ для различенія указанныхъ трехъ формъ *этимологическіе* же термины: Imperativus praesentis, Imperativus aoristi и Imperativus perfecti. Съ *симасіологической* точки зрѣнія слѣдовало бы всѣ эти три формы называть *будущими* временами, а такъ какъ ихъ три, то каждая изъ нихъ должна служить выраженіемъ такого или иного *видового оттѣнка**) этого будущаго времени. Какіе это видовые оттѣнки?

Черезъ употребленіе Imperativus praesentis говорящій выразительно указываетъ на *процессуальность* дѣйствія въ будущемъ, — на прохожденіе его черезъ *цѣлый рядъ моментовъ* его развитія (λέγε = говори). Употребляя Imperativus aoristi, говорящій никакой процессуальности въ дѣйствіи не видитъ. Видѣть ее не позволяетъ ему или особое *свойство* дѣйствія, которое онъ обозначаетъ Imperativ'омъ, или его личная *тенденція*. Говоря объ особомъ свойствѣ дѣйствія, мы имѣемъ въ виду его *одномоментность*, стало быть, — нѣчто совершенно *противоположное* тому ряду моментовъ, на который указывается черезъ Imperativus praesentis (βάλε = брось). Указывая на личную тенденцію говорящаго, мы имѣемъ въ виду тѣ случаи, когда говорящій, выражая свое желаніе черезъ Imperativ, думаетъ единственно о томъ, чтобы дѣйствіе «осуществилось», видитъ ли онъ это осуществленіе въ томъ, что дѣйствіе дѣлается просто *фактомъ* (εὖξαι = помолись = моленіе да будетъ — affirmativus), или въ томъ, что дѣйствіе это доведено *до конца* (ποιήσον = сдѣлай — finitivus), или, въ третьихъ, въ томъ, что дѣйствіе *вступило* въ дѣйствительность (προφάνηθι = появись — ingressivus). Что же касается, наконецъ, Imperativ'a perfecti, то употребляя его, говорящій относитъ свое желаніе даже не къ дѣйствію, а къ тому *состоянію* (непремѣнно *длительному*, ибо «состояніе» = εἶς, какъ такое, не можетъ быть «одномоментнымъ»), которое является *результатомъ* окончившагося *когда бы то ни было* (когда,

*) Подъ «видовыми оттѣнками» мы разумѣемъ тѣ разныя стадіи развитія дѣйствія, которыя грамматическая форма призахватываетъ къ обозначенію времени какъ принадлежности самого сужденія (см. выше стр. 97 и 100).

— до этого говорящему нѣтъ дѣла) дѣйствія (πέφηνε = будь явившимся = будь тутъ).

Большее сравнительно съ русскимъ языкомъ, въ данномъ случаѣ, стремленіе греческаго языка къ *картинности* повлияло на появленіе Imperativus praesentis, т. е. на выраженіе «процессуальности» дѣйствія тамъ, гдѣ въ русскомъ языкѣ встрѣчается выраженіе простаго «осуществленія» дѣйствія. Такъ, мы иначе и не говоримъ, какъ «передай ему то-то», между тѣмъ какъ въ греческомъ сплошь да рядомъ встрѣчаемъ »ἀπάγγελλε τοῖνυι αὐτῷ ὅτι...« (== ты съ нимъ такъ толкуй...)

Если представленіе «осуществленія дѣйствія» легко могло перейти въ представленіе «доведенія дѣла до конца» (= законченности дѣйствія — finitivus), и если оба эти представленія могли быть выражены *одною* грамматическою формою, именно Imperativ'омъ aoristi, то съ другой стороны, изъ представленія «процессуальности дѣйствія», выражаемой черезъ Imperativus praesentis, особенно при *рѣзкомъ* его противопоставленіи представленію «законченности дѣйствія», легко могло развиться представленіе «незаконченности дѣйствія», — представленіе нѣкоторой лишь «попытки» (sonatus), и послѣднее съ удобствомъ могло быть выражено черезъ тотъ же Imperativus praesentis. Итакъ, нужна была лишь надлежащая дифференцировка формъ, на примѣръ формъ πείθων и πείθε, чтобы, влагая въ первую смыслъ «убѣди» (его), вложить въ послѣднюю смыслъ «возьмись увѣщевать (его)».

Совершенно аналогично русскому языку, въ греческомъ языкѣ отрицаніе (въ данномъ случаѣ отрицаніе μή, а не οὐ) вліяетъ на появленіе Imperativus praesentis предпочтительно передъ Imperativ'омъ aoristi. По русски говорятъ: «позволь мнѣ сдѣлать то-то», но рядомъ съ этимъ: «не позволяй ему этого». Такъ и по гречески: въ положительномъ смыслѣ мы можемъ встрѣтить и »ἔαβόν με«, и »ἔα με« (какъ было выше »πείθων« и »πείθε«), но въ отрицательномъ смыслѣ чаще говорятъ »μή ἔα αὐτόν«. Причина очевидна: μή влечетъ за собою оттѣнокъ sonatus («позволять и не берись»).

Вотъ все, что мы могли сказать объ Imperativ'ѣ. Перейдемъ теперь къ Indicativ'у.

Черезъ Indicativ говорящій присуждаетъ лицу дѣйствіе въ »познавательномъ« смыслѣ. Самое познание, — что касается вопроса о *времени*, — относится, конечно, къ моменту рѣчи (независимо отъ того, впервые ли оно въ этотъ моментъ возникаетъ у говорящаго, или же въ данный моментъ является »воспоминаніемъ« и воспроизведеніемъ познанаго раньше), но присуждаемое дѣйствіе, насколько говорящій познаетъ *фактическое* исполненіе его на томъ лицѣ, которому его присуждаетъ, относится къ разнымъ временамъ. Временъ — три: настоящее, прошедшее и будущее.

Все временное пространство рисуется въ человѣческомъ представленіи, — стало быть, и въ представленіи говорящаго, — безконечною прямою линіею, какою-то прямою дорогою, по которой самъ говорящій какъ-бы шествуетъ. Та часть дороги, которую ему еще предстоитъ пройти, и которая у него передъ глазами, есть будущее время, а та часть, которую онъ уже прошелъ, и которая у него за спиною, есть прошедшее время. Настоящимъ временемъ, разсуждая строго математически, должна бы быть на прямой линіи временного пространства только *точка*. Одна *точка*, строгая *математическая точка*, должна бы собственно отдѣлять прошедшее отъ будущаго. И такъ какъ математическая точка никакого измѣренія и никакого протяженія не имѣетъ, и сама притомъ по линіи временного пространства все движется впередъ и никогда не останавливается; такъ какъ *нѣтъ* минуты, *нѣтъ* секунды, *нѣтъ* полусекунды, въ границахъ которой уже не было бы прошедшаго и будущаго, то настоящаго времени въ *реальномъ* мірѣ, собственно говоря, *нѣтъ*, а есть только *математическое* настоящее, безпространственное, притомъ вѣчно движущееся и неостановимое, а потому реально неуловимое, неосязаемое, непредставимое. Даже въ »одномоментныхъ« дѣйствіяхъ (напримѣръ, въ дѣйствіи »бросить«), которыя, строго разсуждая, для своего совершенія во временномъ пространствѣ требуютъ хотя бы *минимальную* линію, но все же *линію*, а не

математическую точку, — даже въ этихъ »одномоментныхъ« дѣйствіяхъ говорящій, насколько онъ ихъ *чувствуетъ* и хочетъ представить слушателю одномоментными, не уловляетъ настоящаго времени (а если и уловляетъ *глазами*, то все-таки не на протяженіи такого временнаго пространства, чтобы успѣть высказаться о немъ, какъ о настоящемъ *въ самой рѣчи*, требующей для себя опять таки *особаго* времени). Вслѣдствіе этого *грамматическія* выраженія »одномоментныхъ« дѣйствій не имѣютъ настоящаго времени (мы говоримъ: »бросилъ, — бросить« и только; когда же мы говоримъ »бросаетъ«, то уже *чувствуемъ* и представляемъ дѣйствіе и себѣ, и слушателю »многомоментнымъ«). Но, подобно тому какъ математикъ, разсуждая о своихъ точкахъ, на доскѣ рисуетъ въ это время не точки, а цѣлыя тѣла, имѣющія и длину, и ширину, и толщину, такъ и говорящій растягиваетъ математическую точку настоящаго времени въ цѣлую линію. При этомъ растягиваніи математической точки въ линію говорящій поступаетъ относительно *размѣра* самой линіи совершенно произвольно. Настоящее время самого »желанія« и »познания«, выражаемаго грамматически въ *наклоненіи* тоб *ῥήματος*, начинается и кончается тамъ, гдѣ возникаетъ и до-сказывается *мысль*, относящаяся къ выраженному въ *ῥήμα* дѣйствію; но въ дальнѣйшемъ говорящій опредѣляетъ себѣ начало и конецъ настоящаго времени не только тѣмъ временнымъ пространствомъ, которое требуется для произнесенія какой-нибудь одной, а то даже и *нѣсколькихъ* мыслей (— моментъ рѣчи), но идетъ гораздо дальше, растягивая настоящее время на часть, день и т. д. («сегодня», — говорить больной, — «я *чувствую* себя хорошо; вчера мнѣ *было* плохо; не знаю, какъ *будетъ* завтра»). Въ растягиваніи настоящаго времени говорящій доходитъ иногда даже до *безпредѣльнаго*, чѣмъ, конечно, достигаетъ полнаго *уничтоженія* всякаго прошедшаго и будущаго (*πάντα ῥεῖ* = все всегда и вѣчно *движется*). Такимъ образомъ, *настоящее* время есть въ концѣ концовъ произвольная линію во временномъ пространствѣ, для каждаго особаго случая говорящимъ особо устанавливаемая, *прошедшее* время есть

то временное пространство, которое предшествуетъ *начальной* точкѣ, а *будущее* — то, которое слѣдуетъ послѣ *окончательной* точки произвольнаго, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ особо устанавливаемаго говорящимъ настоящаго времени.

Для настоящаго времени въ Indicativ'ѣ греческаго языка существуютъ *два* грамматическія формы: praesens и perfectum; для будущаго — также *два*: futurum simplex и futurum exactum, для прошедшаго — три: imperfectum, plusquamperfectum и aoristus. Такъ какъ для каждаго изъ временъ языкъ располагаетъ *нѣсколькими* грамматическими формами, то ими, этими формами, достигаются *видовые* отличіи временъ. *Видовые* отличіи временъ въ тѣхъ или иныхъ формахъ греческаго Indicativ'a видны изъ слѣдующихъ сопоставленій и замѣчаній.

При сопоставленіи praesentis съ perfectum замѣчается, что perfectum означаетъ настоящее время не дѣйствія, какъ то можно сказать о praesens, а настоящее время состоянія, какъ *результата**) окончившагося когда бы то ни было

*) Дельбрюкъ (Synt. Forsch. IV. 34), больше обращая вниманіе, при опредѣленіи значенія Perfect'a, на самое *дѣйствіе* (Indicativus отъ прочихъ наклоненій тутъ не различается), говорить: der Stamm des Perfectum bezeichnet eine mit Intensität vollzogene oder eine vollendete Handlung. Такое опредѣленіе обыкновенно встрѣчается у нашихъ грамматиковъ. Правильнѣе, по нашему, разсуждаетъ Н. D. Müller, который говоритъ такъ (Indog. Sprachb. 6—7): Wir sind berechtigt zum Schluss, dass den sogenannten secundären Endungen (разумѣй *личныхъ* окончаніе *-ς-ο-μεν-τε-σαν*) die Geltung *praeteritaler* Endungen zukomme. Dem entsprechend werden wir auch den primären Endungen (т. е. *μι-σι-τι-μεν-τε-ντι*) *temporale* Geltung zuschreiben müssen. Dieselben sind als *praesentische* Endungen anzusehen. Das scheint eine gewagte Behauptung, da dieselben ja nicht bloss dem Praesens, sondern auch dem Perfectum und Futurum dienen. Allein dass das Perfectum gemäss der Bedeutung, welche ihm die *griechische* Sprache, — sicherlich darin mehr als die anderen Sprachen das Ursprüngliche bewahrend, — beilegt, ein Tempus der *Gegenwart* genannt werden muss, ist bekannt und von mir in der Abhandlung über die Syntax der griechischen Tempora genauer nachgewiesen. Ohnehin zeigt die Stammbildung des Perfectum *älterer* Bildung (Perf. II.) eine nahe Verwandtschaft zu dem Praesensstamme. Denn nicht nur die Reduplication findet sich wenigstens bei einer Classe von Verben auch im Praesensstamme (Мюллеръ имѣетъ въ виду слова какъ-то: *τίθηνι, γυγνώσκω, πίπτω* и т. п.), sondern auch die Vocalsteigerung ist dem Perfectum mit den Praesensformen gemein (*πέρφω-λέλοιπα, φεύγω-λείπω*; противопоставить слѣдуетъ *ἔφυγον* и *ἔλειπον*) und vergleichen wir z. B. das griechische Per-

(когда, — до этого говорящему дѣла нѣтъ) дѣйствія. Конечно, наше сопоставленіе не относится къ такимъ *ῥήματα*, какъ *ἐμί, κεῖμαι, ἤκω* и т. п., въ которыхъ особой грамматической формы perfect'a нѣтъ, и въ которыхъ, въ силу значенія самого praesentis, переходъ отъ одного чего-нибудь, какъ «дѣйствія», къ другому чему-нибудь, какъ «результату дѣйствія» немислимъ; оно относится къ такимъ *ῥήματα*, какъ *γράφω — γέγραφα*, гдѣ *γράφω* обозначаетъ «пишу», а *γέγραφα* — «у меня нѣчто *написано*». Въ русскомъ языкѣ значеніе греческаго perfect'a лучше всего уловляется не черезъ формы «я написалъ» — «я приготовилъ», а черезъ формы «у меня написано» — «мною приготовлено», или черезъ формы (ихъ приходится слышать иногда) «онъ вставши», «онъ одѣвши» и т. п.

Иногда *ῥήματα*, переходя отъ настоящаго времени «дѣйствія» къ настоящему времени «результата дѣйствія», не переходятъ къ грамматической формѣ perfecti, а остаются при формѣ praesentis. Такъ, «*μικάω*» обозначаетъ не только «я беру верхъ надъ врагомъ во время самой борьбы», но

fectum *ἵστημι* ich stehe mit dem lateinischen Praesens *sto* ich stehe, so erkennen wir deutlich in dem Perfectum nur eine Modification des Praesens, von dem es sich anfänglich nur dadurch unterschied, dass dieses (das Praesens) die Handlung im Stande einer noch fortdauernder Bewegung (status motivus), jenes die Handlung im Stande der Erstarrung oder Ruhe, mit welcher die Bewegung abschliesst (status quietivus) auffasste (если и Futurum, какъ имѣющее *primaere* Endungen, должно быть приурочено къ настоящему времени, то это возможно лишь въ томъ смыслѣ, что значеніе напр. формы *πορεύομαι* будемъ толковать черезъ выраженіе «я собираюсь что то дѣлать» — «я *имѣю* что то сдѣлать»). Такъ же высказывается о греч. Perfectum и Curtius (Verbum II. 120): Es scheint mir kaum einem Zweifel zu unterliegen, dass der Indicativ Perfecti (да, только объ Indicativ'ѣ идетъ рѣчь, какъ и у Мюллера только о *primäre* Endungen) vom Haus aus nichts weiter war, als eine besondere Art der Praesensbildung. Mutzbauer (Tempusl. 38) пишетъ: Der Perfectstamm ist in seiner Verwendung durchaus vom lateinischen Perfectum und dem deutschen zusammengesetzten Praeteritum verschieden. Seiner Bildung nach ein reduplicirtes Praesens, bezeichnet er dieser äusseren Verstärkung des Stammes entsprechend zunächst eine *intensive* Handlung, bietet also eine *gesteigerte* Bedeutung des Praesens- oder Verbalstammes, z. B. *βέβηκα* «ich schreite mit gewaltigen Schritten» mit einer Ausnahme stets von *Göttern* oder grossen *Helden* gebraucht. Eine gesteigerte Bedeutung kann aber im Zustand der Ruhe uns als ein *fertig vorliegender Zustand* erscheinen. Und dies ist die zweite Bedeutung des Stammes, z. B. *ἔλωλα* «ich bin verloren», *τέθνηκα* «ich bin todt».

и «окончательная побѣда за мною» — «я побѣдитель»; «πέμτω» — не только «я отправляю (посольство), но и «мною отправлено (посольство)»; «ἀκούομεν» — не только «мы слышимъ (то-то)», но и «между нами распространенъ слухъ (о томъ-то)»; «ἀγγέλλει» — не только «онъ передаетъ (намъ то-то)», но и «получено черезъ него (такое-то) извѣстiе»; «λέγει» — не только «онъ говоритъ то-то», но и «имъ сказано то-то», «онъ держится такого-то мнѣнія» и т. д. . . . Въ русскомъ языкѣ мы встрѣчаемся, конечно, съ тѣмъ же явленiемъ: во фразѣ — «въ своемъ сочиненiи онъ пишетъ то-то» мы имѣемъ дѣло не съ дѣйствиємъ «писать», а съ *результатомъ* означеннаго дѣйствiя, и фразу «οὐδὲν εἶρηκας», въ коей съ переходомъ «дѣйствiя» въ «результатъ дѣйствiя» языкъ перешелъ и къ грамматической формѣ perfecti, мы всегда вправѣ перевести: «то, что ты говоришь, не имѣетъ значенiя». Причины такого *неперехода* въ perfectum могутъ быть разныя, но всѣ онѣ, конечно, чисто *психологическiя*.*) Мы укажемъ здѣсь на одну, какъ на больше всего бросающуюся въ глаза; говорящiй, присуждая лицу не «результатъ», а «дѣйствiе», — напр. дѣйствiе «онъ говоритъ» вмѣсто «онъ сказалъ», — хочетъ тѣмъ обозначить особое *настроение* даннаго лица, *все еще* находящагося подъ живымъ *впечатлѣнiемъ* этого дѣйствiя, или же готоваго, быть можетъ, во всякую минуту *повторить* дѣйствiе.

Иногда, какъ извѣстно, perfecta, выразительно указывая на то, что дѣйствiе кончилось, въ результатъ чувствуются указателями не *состоянiя*, получившагося отъ окончанiя дѣйствiя, а *прекращенiя* или *исчезновенiя* самого дѣйствiя: *ἔγραφα* — я уже писалъ, теперь больше не пишу.

*) Мы говоримъ здѣсь о причинахъ *психологическxъ*, оставляя въ сторонѣ слово «психо-логическiй», къ которому мы прибѣгали до сихъ поръ. Какъ читатель могъ замѣтить, мы избрали слово «психо-логическiй» исключительно для обозначенiя той *активной* стороны жизни души, которая проявляется въ *сужденiи* и *разсужденiи*. Всякое же другое проявленiе душевной жизни, иногда чисто *пассивное*, какъ напр. разсѣянность и т. п., такъ и должно оставаться «психологическимъ», или скорѣе *психическимъ*. Всѣ тропы, о которыхъ мы разсуждали на стр. 84, представляютъ собою явленiе *психологическое*, а не *психо-логическое*.

Разница между futurum simplex и futurum exactum въ будущемъ времени такая же, какъ между praesens и perfectum въ настоящемъ времени.*)

Черезъ Indicativus imperfecti говорящiй выразительно указываетъ на прохожденiе дѣйствiя въ прошедшемъ времени черезъ *цѣлый рядъ моментовъ его развитiя*, или же, какъ мы это и раньше называли, на «*процессуальность*» дѣйствiя въ прошедшемъ времени, — на ту самую *процессуальность*, которая въ настоящемъ времени сама собою навязывается сознанию говорящаго, когда тамъ, разумѣется, дѣло идетъ именно о дѣйствiи, а не о состоянiи. Если говорящiй такой *процессуальности* дѣйствiя въ прошедшемъ времени не видитъ, то онъ употребляетъ для обозначенiя этого времени Indicativ aoristi, а теперь буквально придется повторить объ Indicativ'н aoristi то, что мы сказали объ Imperativ'н aoristi, а именно: Видѣтъ *процессуальность* дѣйствiя не позволяетъ говорящему или особое *свойство* дѣйствiя, которое онъ обозначаетъ Indicativ'омъ, или его *личная тенденцiя*. Говоря объ особомъ свойствѣ дѣйствiя, мы имѣемъ въ виду его «*одномоментность*» (ἐβαλεν = онъ бросилъ). Говоря о личной тенденцiи говорящаго, мы имѣемъ въ виду тѣ случаи, когда говорящiй, присуждая въ «*познавательномъ*» смыслѣ извѣстному лицу извѣстное дѣйствiе въ *прошедшемъ* времени, думаетъ единственно объ «*осуществленiи*» его въ прошедшемъ времени, видитъ ли онъ это осуществленiе въ томъ, что дѣйствiе было просто *фактомъ* (ἐβούλευσε = онъ былъ булевтомъ — aoristus affirmativus), или въ томъ, что дѣйствiе было доведено до

*) Mutzbauer (Tempusl. 40): Das Futurum liegt bei Homer in drei verschiedenen Bildungen vor: 1. vom Aoriststamm formiert, bezeichnet es die in der Zukunft eintretende oder zum Abschluss gelangende Handlung, z. B. στήσομαι «ich werde mich hinstellen» — «werde hintreten», πεπιθήσω «werde be-reden»; 2. das Futurum des Perfectstammes führt einen in der Zukunft liegenden Zustand vor, z. B. ἐστήξω «ich werde stehen»; 3. die gewöhnliche Form des Futurum ist die vom Praesens- bez. Verbalstamm gebildete. Dieselbe drückt zunächst eine in der Zukunft vor sich gehende Handlung aus, dann auch als Ersatz des seltenen, schon bei Homer im Absterben begriffenen Aoristfuturum die in der Zukunft eintretende Handlung, z. B. λήξωμαι «ich werde liegen» und «ich werde mich hinlegen».

конца (ἐποίησεν — онъ сдѣлалъ — aoristus finitivus*), или въ томъ, что дѣйствіе *вступило* въ дѣйствительность (προ-φανήθη — его узрѣли — aoristus ingressivus**). Что же касается, наконецъ, plusquamperfect'a, то, употребляя его, говорящій не имѣетъ въ виду даже никакого дѣйствія въ прошедшемъ времени, а разумѣетъ то *состояніе* въ прошедшемъ времени, которое является *результатомъ* дѣйствія (παρεδεδώκεσαν τὰ ὅπλα — въ то прошедшее время, о которомъ идетъ рѣчь, оружіе у нихъ оказывалось сданнымъ побѣдителю***). Не лишено основанія называть Indicativi imperfecti, aoristi и plusquamperfecti «историческими» формами (кстати, они и по внѣшнему виду *окончаний* соста-

*) Curtius (Erl. 175) даетъ такому употребленію aorist'a названіе aoristus effectivus, причѣмъ противопоставляетъ его aorist'у ingressiv'ному и, признавая только эти два оттъка въ aorist'ѣ, обобщаетъ ихъ въ терминъ *eintretende Handlung*. Дельбрюкъ (Synt. Forsch. IV. 101 и сл.) говоритъ: Curtius unterscheidet zwei Unterarten des Tempus der eintretenden Handlung, nämlich einmal den ingressiven Aorist... und sodann den effectiven... Es ist den gesammten Gebrauch des Aorist aus dem höheren Begriff der eintretenden Handlung abzuleiten... Ich bleibe bei der bisherigen Annahme, welche den Begriff der eintretenden Handlung an die Spitze stellt... Ich glaube, dass es gut sein wird, die Bezeichnung »eintretende Handlung« beizubehalten, wo aber die Rücksicht auf die Geschmeidigkeit des Ausdrucks es verlangt, parallel damit den Ausdruck »effectuiren« zu gebrauchen. Ich würde also sagen: Der Aorist bezeichnet die *Effectuierung* der Handlung. Затѣмъ, разсматривая подробности употребленія aorist'a, онъ на первомъ мѣстѣ ставитъ такую формулу: Der Indicativ aoristi *constatirt* die Effectuierung einer Handlung in der Vergangenheit. Es wird durch den Aorist *ἀνέθηκα* *constatirt*, dass das Weihgeschenk aufgestellt worden ist. Въ послѣднихъ словахъ Дельбрюка мы находимъ нѣкоторую поддержку для выдѣленія aorist'a affirmativ'наго, какъ *особаго* оттъка; я говорю только *нѣкоторую* поддержку, потому что *вообще* толкованіе Дельбрюка о значеніи aorist'a не отличается ясностью.

**) Mutzbauer (Tempusl. 40): Es lässt sich die Bedeutung des Praesensstammes (разумѣй Praesens и Imperfectum) mit einer Linie, die des Aoriststammes mit einem Punkte vergleichen. Der Punkt kommt aber für die Anschauung in *dreifacher* Beziehung in Betracht: 1. Die ganze Handlung des Verbum erscheint als concentrirte, in einem Moment zusammengefasste, so zu sagen als Mittelpunkt; 2. es wird der Anfangspunkt der Handlung; 3. ihr Schlusspunkt herausgehoben.

***) Mutzbauer (Tempusl. 40): Das Plusquamperfectum ist, seiner Zusammensetzung aus dem Perfectstamm mit dem Imperfectum von *εἰμί* entsprechend, einfaches Imperfectum dieses Stammes. Nirgends in der griechischen Sprache enthält es die Vorstellung der Vorvergangenheit, wie die formal entsprechenden Formen der deutschen oder lateinischen Sprache, sondern es giebt ausser der auf dem Boden der Vergangenheit gedachten *gesteigerten* Thätigkeit einen auf dem gleichen Boden vorliegenden Zustand.

вляютъ особую группу въ противоположность Indicativ'амъ praesentis, perfecti, futuri simplicis и futuri exacti); въ самомъ дѣлѣ, выраженное ими «познавательное» сужденіе говорящаго имѣетъ дѣло съ тѣмъ, что принадлежитъ уже какъ-бы исторіи.

Видно, что термины »imperfectum« (= недовершенное») и »plusquamperfectum« (= »болѣе чѣмъ довершенное») не особенно удачны въ смыслѣ *соотвѣтствія* разъясненной нами симасіологій тѣхъ грамматическихъ формъ, для обозначенія которыхъ они приняты грамматикою. Что касается термина »aoristus«, то онъ установленъ уже *греческими* грамматиками-философами. Оправдывая этотъ терминъ (α — *ὁρίζω* — не опредѣляю), они учили, что, если бы говорящему вздумалось опредѣлить (= охарактеризовать *ближе*) дѣйствіе, обозначенное черезъ aoristus, или, говоря по нашему, если бы вздумалось тотъ несложный *видовой* оттънокъ aorist'a, который мы разъяснили какъ указаніе на простое «осуществленіе» дѣйствія, какъ нибудь болѣе *осложнить*, то aoristus сейчасъ исчезнетъ, и вмѣсто него выступатъ — то imperfectum, то perfectum, то plusquamperfectum. Въ самомъ дѣлѣ, ἐβούλευσε значить «онъ *былъ* булевтомъ»; когда мы захотимъ внести сюда оттънокъ «процессуальности», то изъ ἐβούλευσε сдѣлается ἐβούλευε (= онъ *рядилъ* и *судилъ* и вообще *былъ* занятъ дѣлами въ *βούλη*); когда захотимъ сказать, что «дѣйствіе» окончилось, и что оно перешло уже въ «результатъ», то тогда выйдетъ или βεβούλευκε, если этотъ результатъ относится къ настоящему (= онъ теперь уже не есть булевтъ), или ἐβεβούλευκε, если этотъ результатъ относится къ прошедшему времени (онъ тогда уже не *былъ* булевтомъ).*)

*) Вотъ, собственно, въ какомъ видѣ желательно бы видѣть схолию В. А. П. 891, гласящую: ὁ δὲ ἀορίστος κατὰ τὴν ἀορίστην τῇ μέλλοντι συγγενείᾳ ὡς γὰρ τοῦ ποιῆσαι τὸ πᾶν τοῦ μέλλοντος ἀορίστος, οὕτω τοῦ ἐποίησαι τὸ τοῦ παρρημένου τοῦ ἄρτι τοίνυν τῇ ἀορίστῃ δεδομένου γίνεται παρακείμενος, οἷον ἐποίησα ἄρτι = πεποίηκα τοῦ δὲ πάλαι προδνευμένου ὁ υπερσυντελικὸς γίνεται, οἷον ἐποίησα πάλαι = ἐπεποίηκεν. Дѣло прежде всего не въ ἄρτι и не въ πάλαι. Ибо, когда мы говоримъ «окно *разбито*», то, какъ мы на то уже раньше указывали, никто даже не спрашиваетъ, разбито ли оно *только что*, или *давно*. Точно также не играютъ никакой роли слова

Кто привыкъ смотрѣть на разнообразіе греческихъ Indicativ'овъ съ точки зрѣнія такъ называемыхъ «видовъ» русскаго глагола, тотъ постоянно наталкивается въ греческихъ текстахъ на такіе Indicativi imperfecti, которыми по духу *русскаго* языка можетъ соотвѣтствовать только лишь «совершенный» видъ, и которые переводу черезъ «несовершенный» видъ никакъ не поддаются. Причина — та, что греческій языкъ въ данномъ случаѣ больше стремится къ картинности, чѣмъ русскій. Это стремленіе повліяло на болѣе частое появленіе въ греческомъ языкѣ Indicativ'a imperfecti, т. е. Indicativ'a, выражающаго «процессуальность» дѣйствія, а не простое «осуществленіе» его. Въ русскомъ языкѣ, если ужъ говорящій *желаетъ* выставить предъ воображеніемъ слушателя всю процессуальность дѣйствія, то все прошедшее время передвигается въ область настоящаго, и въ рѣчи появляются такъ называемыя praesentia historica. Вмѣсто того, чтобы сказать «онъ пришелъ ко мнѣ и заявилъ мнѣ, что ты находишься въ опасномъ положеніи», русскій языкъ, желая картинно и живо представить дѣло, прибѣгаетъ къ выраженію: «и вотъ онъ приходитъ и заявляетъ и т. д.». Греческій языкъ, какъ извѣстно, въ видахъ достиженія болѣе картинности, тоже прибѣгаетъ къ praesens historicum (этою то замѣткою и нужно дополнить все то, что мы раньше говорили о praesens); но рядомъ съ praesens historicum ему для этой же цѣли служить и «процессуальное» imperfectum, и въ языкѣ появляется фраза: *Κῦρος τε καταληθῆσας ἀπὸ τοῦ ἄρματος τὸν Θώρακα ἐνεδύετο καὶ ἀναβὰς ἐπὶ τὸν ἵππον* и т. д. (Xen. Anab. I. 8. 3). Для того чтобы выдер-

ἄρτι и *πάλαι*, когда мы говоримъ «окно оказалось (въ то время) разбитымъ». Конечно, въ иныхъ случаяхъ можно, пожалуй, усмотрѣть въ томъ состояніи, которое выражено черезъ Perfectum, Plusquamperfectum, а также и *Futurum exactum*, нѣчто, начавшееся или *имѣющее* начаться съ того момента, когда само дѣйствіе или окончилось, или *окончится*, — можно усмотрѣть нѣчто, наступающее *сейчасъ* послѣ чего то другого; но тогда и въ Perfectum, и въ Plusquamperfectum, а равно и во *Futurum exactum*, должно быть «подразумѣваемо» ужъ не *πάλαι*, а всегда только *ἄρτι* или, вѣрнѣе, его синонимъ: письмо *написано* (= только что его написали); письмо было тогда *написано* (въ то время только что его окончили); когда ты придешь, то письмо уже будетъ написано (= до твоего прихода я успѣю окончить письмо).

жать при переводѣ греческихъ текстовъ русскіе «виды», привыкли прибѣгать въ такихъ случаяхъ, какой представляетъ наше *ἐνεδύετο*, къ выраженію «сталъ надѣвать». Но странно выйдетъ фраза: «сталъ надѣвать панцырь и, вскочивъ на лошадь, сдѣлалъ то-то» (въ чемъ странность, — всякій пойметъ сразу). Не лучше ли сказать, что въ греческомъ языкѣ есть два средства для изображенія картины, именно praesens historicum и «процессуальное» imperfectum, а въ русскомъ — только одно, именно praesens historicum; и не лучше ли тогда ужъ перевести прямо: «надѣваетъ панцырь и, вскочивъ на лошадь, и т. д.»? Полное соотвѣтствіе значеній praesentis historici и такого imperfect'a оправдывало бы для нашего явленія принятіе «imperfecti historici», какъ *особаго* термина. Но такъ какъ не только разсматриваемое въ данномъ случаѣ, но и *всякое* imperfectum уже названо нами историческимъ по другой причинѣ (по причинѣ принадлежности его вмѣстѣ съ aorist'омъ и plusquamperfect'омъ къ одной группѣ, противопоставляемой, при посредствѣ этого термина, другимъ Indicativ'амъ), то, пожалуй, можно будетъ обозначить объясняемый въ настоящее время отгнѣнокъ imperfect'a черезъ терминъ «imperfectum descriptivum».*) Насколько греческій языкъ любитъ свое imperfectum descriptivum, видно изъ *вставочнаго*, дошедшаго почти до значенія «частицы», imperfect'a «ἐφῆ» въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ русскій языкъ употребляетъ свое «говорить» (= praesens). Сравни: «пришелъ ко мнѣ и сказалъ: я, говорить, не могу обижать тѣхъ . . .» *προσῆλθε πρὸς ἐμὲ καὶ ἔλεξεν τάδε ἐγὼ μὲν δὲ, ἐφῆ, . . .*

*) Mutzbauer (Tempusl. 11.): Das Bedürfniss nach Anschaulichkeit hat zum entscheidenden Moment für die Wahl des Tempus die *Art der Handlung*, die sogenannte *actio* werden lassen. Deshalb werden Imperfectum und Aoristus in der Erzählung neben einander gebraucht, weil Homer nicht beabsichtigt, das zeitliche Verhältniss der verschiedenen Gedanken, ihre Gleichzeitigkeit oder Vorzeitigkeit, lauter reflectirte Begriffe, zu bestimmen, sondern weil es ihm allein darauf ankommt, die Handlung *selbst* dem Hörer anschaulich vorzuführen. Er wählt das Imperfectum, wenn er die Handlung in ihren einzelnen Momenten oder Stufen nach ihrem ganzen Verlauf vor unseren Augen vorübergehen lassen will, den Aorist, wenn dieselbe als in ein Moment zusammengefasst erscheinen soll.

Если представление «осуществления дѣйствія» легко могло перейти въ представление «доведенія дѣла до конца» (= «законченнаго дѣйствія» — aoristus finitivus), и если оба эти представленія могли быть выражены *одною* грамматическою формою, именно Indicativ'омъ aoristi, то съ другой стороны, изъ представленія «процессуальности дѣйствія», выраженной черезъ Indicativ imperfecti, особенно при *рѣзкомъ* его противопоставленіи представленію законченности дѣйствія, легко могло развиваться представленіе «незаконченности дѣйствія», — представленіе нѣкоторой лишь «попытки» (conatus), и послѣднее могло быть съ удобствомъ выражено черезъ тотъ же Indicativus imperfecti. Итакъ, нужна была надлежащая дифференцировка формъ, на примѣръ формъ *ἐπεισα* и *ἐπειθον*, чтобы, влагая въ первую смыслъ «я (его) убѣдилъ», вложить въ послѣднюю смыслъ «я взялся убѣщать его» (повтореніе того же, что сказано нами объ Imperativ'ѣ).

Совершенно аналогично русскому языку, въ греческомъ языкѣ отрицаніе (въ данномъ случаѣ отрицаніе *οὐ*, а не *μή*) влияетъ на появленіе Indicativi imperfecti предпочтительно передъ Indicativ'омъ aoristi (говорятъ напр.: «они сдали оружіе», но наряду съ этимъ: «они оружія не сдавали»). Причина ясна: русское «не», равно какъ и греческое «οὐ», влечетъ за собою оттѣнокъ conatus = «и сдавать не думали» (тоже повтореніе сказаннаго объ Imperativ'ѣ).

Сопоставленіе aorist'a и его finitiv'наго оттѣнка съ imperfectum и его процессуальнымъ значеніемъ ведетъ еще къ одному соображенію. Какъ imperfectum, такъ и aoristus суть историческіе Indicativ'ы, и «познавательное» сужденіе, выраженное ими, вращается, такъ сказать, въ «историческомъ» матеріалѣ. Передавая какое-нибудь сложное историческое событіе, говорящій рассказываетъ его обыкновенно въ хронологической послѣдовательности. Во фразѣ *προσῆλθε πάσαις ταῖς δυνάμεσι πρὸς τὴν πόλιν καὶ ἐπολιόρχει αὐτήν* рассказаны два факта одинъ за другимъ такъ, какъ они слѣдовали въ *дѣйствительности*. Но тутъ поставлены рядомъ aoristus и imperfectum, первый — со своимъ fini-

tiv'нымъ значеніемъ, а второе — со своимъ значеніемъ процессуальности. Это значить, что другъ за другомъ не просто слѣдуютъ два факта, а что за *окончаніемъ* перваго слѣдуетъ *прохожденіе* втораго *черезъ цѣлый рядъ моментовъ*. Тутъ то и годится русское «сталъ» (= «подошелъ къ городу и сталъ осаждать его»). Но отнюдь не слѣдуетъ думать, что «сталъ осаждать» есть *переводъ* греческаго imperfect'a. Въ словѣ «сталъ» мы должны видѣть не другое что, какъ выраженіе въ русскомъ языкѣ *особымъ словомъ* того, что въ языкѣ греческомъ вовсе не *выражено*, а только лишь *само собою вытекаетъ* изъ *синтаксическаго* присоединенія, при обозначеніи хронологической послѣдовательности событій, къ finitiv'у processual'a. Выражено только то, что «*окончилось* подхожденіе къ городу и (затѣмъ) производилась *шагъ за шагомъ* осада его». (Въ Imperativ'ахъ можно было, конечно, наткнуться на то же явленіе: *διασχεψαι καὶ πρᾶττε* значить: «обдумай дѣло, а потомъ его дѣлай»).

Слѣдующія замѣчанія о временахъ Indicativ'a относятся уже не столько къ видовымъ оттѣнкамъ дѣйствія, сколько скорѣе къ *психо-логической* сторонѣ симасіологіи τοῦ ῥήματος.

Особый оттѣнокъ Indicativi aoristi есть такъ называемый aoristus gnomicus. Развѣтвіе этого оттѣнка изъ общаго значенія aorist'a уясняютъ черезъ сопоставленіе слѣдующихъ примѣровъ (Krüger Griech. Spr. § 53. 10. 2): *Πολλάκις ἔχων τις οὐδὲ τὰναγκαῖα νῦν αὖριον ἐπλούτησ' ὥστε χετέρους τρέφειν. Πολλὰ στρατόπεδα ἦδη ἔπεσεν ἐπ' ἐλασσόνων. Ἀθυμοῦντες ἄνδρες οὐ πω τρόπαιον ἔστησαν. Μία ἡμέρα τὸν μὲν καθεῖλεν ὑψόθεν, τὸν δὲ ἦρ' ἄνω.*

Послѣдній изъ приведенныхъ только что примѣровъ, гдѣ aoristus выступаетъ дѣйствительно съ *гномическимъ* оттѣнкомъ, отличается, между прочимъ, отъ всѣхъ остальныхъ тѣмъ, что въ немъ нѣтъ того *πολλάκις* и *πολλά*, а въ отрицательномъ смыслѣ — того *οὐ πω*, при которыхъ aorist можно было еще чувствовать въ *общемъ* значеніи aorist'a affirmativ'наго (= *были* такіе то факты, — *не было* такихъ

то фактовъ). Сопоставляя такіе примѣры съ *дѣйствительнымъ* aorist'омъ гномическимъ, хотѣть дать понять, что въ послѣднемъ такое *πολλάκις* или *πολλά* »подразумѣвается«. Но какъ можно »подразумѣвать« такое важное слово какъ *πολλάκις*, тѣмъ болѣе, что, какъ извѣстно, въ *греческомъ* языкѣ слово *πολλάκις* не имѣетъ *никакого* вліянія на *temporal'ную* форму τοῦ ῥήματος: *πολλάκις* ἔδωκα значить »часто случалось что дашь«, а въ ἔδωκα выражено просто я далъ; такъ и *πολλάκις* ἔγραφον *πάσαν τὴν νύκτα* = »часто случалось, что пишешь всю ночь«, а *ἔγραφον πάσαν τὴν νύκτα* = »я писалъ (сегодня, напр.) всю ночь«.

Я бы болѣе склонялся объяснять гномическій aorist при помощи *русской* фразы »смотришь, одного день поднялъ высоко, а другого съ высоты низринулъ« (переводъ вышеприведенной Еврипидовской сентенціи). Я вижу въ aorist'ѣ гномическомъ *выразительное* указаніе на *эмпиристическую* сторону *человѣческихъ γνώμαι*. Въ *русскомъ* языкѣ, въ приведенномъ переводѣ Еврипидовскаго мѣста, этотъ эмпиризмъ выраженъ *двумя* средствами, — во-первыхъ, черезъ »смотришь«, а во-вторыхъ, черезъ самую передачу наблюденнаго факта, въ *греческой* же фразѣ только лишь *последнимъ* средствомъ.

Franke*) объясняетъ гномическій aorist такимъ образомъ, — и это наиболѣе ходячее объясненіе, — что ein Ereigniss ist einmal in der Vergangenheit eingetreten, und deshalb kann es immer wieder in Gegenwart Wirklichkeit werden. Своимъ deshalb Франке даетъ знать, что онъ, а вмѣстѣ съ нимъ и *греческій* языкъ, *употребляющій* aoristum gnomicum, имѣютъ въ виду *силлогистическую* сторону *человѣческихъ* познаній. Но *небывалою* представлялась бы *силлогистика*, которая основывалась бы на томъ, что нѣчто einmal in der Vergangenheit eingetreten ist. А разъ *дѣйствительно* гномическій aorist выражаетъ, что нѣчто einmal in der Vergangenheit eingetreten ist, а не

*) Berichte über die Verhandlungen der kön. sächs. Gesellschaft der Wissenschaften 1854, стр. 63 и слѣд.

πολλάκις, какъ думаетъ Крюгеръ, то нечего *силлогистику* и припутывать къ объясненію гномическаго aorist'a. Силлогистика въ нашихъ γνώμαι ведетъ *просто* къ появленію въ языкѣ praesentis, а то и futuri, послѣднее особенно часто въ *русскомъ* языкѣ (насилъно мнѣ не будешь и др.).

Mutzbauer (Tempusl. 31 и сл.), объясняя гномическій aorist, выходитъ изъ *омировскихъ сравненій*, въ которыхъ нѣчто *случайно* происходящее сравнивается съ *всегдашнимъ*, слѣдовательно, *тоже* съ чѣмъ то »гномическимъ«, и въ которыхъ это *всегдашнее* обыкновенно выражается черезъ ὧς δ' ὅτ' ἔν или съ *Conjunctiv'омъ* praesentis, или съ *Conjunctiv'омъ* aoristi. По его пониманію, *греческій* *Conjunctiv* есть нѣчто *не имѣющее* времени (zeitloses, стр. 32) и *вполнѣ* *природное* для рисовки этого *всегдашняго* или »гномическаго«, такъ какъ при такой *рисовкѣ* всего только и нужно, что einen Vorgang anschaulich machen und die Handlung als eintretende (это *Conjunctiv* praesentis?) oder als ihr Ziel erreichende (это *Conjunctiv* aoristi?) zu bezeichnen. Соотвѣтственно этому въ *сравненіяхъ*, а слѣдовательно и въ *гномическихъ* *выраженіяхъ* употребляются то *Indicativi* praesentis, то *Indicativi* aoristi, причемъ *Indicativus* aoristi, хотя ему и присуще значеніе *прошедшаго* времени, употребляется *просто* по »аналогіи« *Conjunctiv'a* aoristi, такъ какъ само *настоящее* время, котораго въ *Indicativ'ѣ* aoristi *нѣтъ*, *не располагаетъ* средствами для выраженія того же оттѣнка, который заключался въ *Conjunctiv'ѣ* aoristi, и такъ какъ грекъ *вообще* обращаетъ мало вниманія на »временныя отношенія« (und da der Grieche überhaupt geringen Wert auf die zeitlichen Beziehungen legt, so ward er durch die Analogie des Conjunctivus Aoristi dazu bestimmt, den Indicativ Aoristi... zur Bezeichnung der gleichen Art der Handlung zu verwenden, ohne Rücksicht auf die zeitliche Bedeutung der Vergangenheit, die demselben zugleich noch eigen ist; стр. 35). — Нетрудно понять, что *разсужденіе* Mutzbauer'a звучитъ *натяжкою*, заключающеюся *прежде* *всего* въ томъ, что законъ »аналогіи« привлеченъ въ вопросъ о *времени* къ такимъ *двумъ* *наклоненіямъ*, какъ *Indicativ*

и Coniunctiv, которыя именно въ отношеніи времени совершенно расходятся. О времени Coniunctiv'a мы будемъ разсуждать ниже.

Да, мы думаемъ, что въ гномическомъ aorist'ѣ мы имѣемъ дѣло съ чистою эмпиристикою, какъ чѣмъ то совершенно противоположнымъ силлогистикѣ *) и не входящимъ ни въ какую связь съ послѣдней (это да будетъ сказано въ выражение Franke), — съ эмпиристикою, передающей нѣчто какъ наблюденный фактъ, и облекающей въ форму чистаго повѣствованія. Въ сущности, гномическій aorist не передаетъ даже общую сентенцію, а воплощаетъ общую мысль именно въ пережитый фактъ. Часто мы, желая представить собесѣднику какое нибудь общее разсужденіе, вмѣсто этого вспоминаемъ сказку и говоримъ: да, да, лягушка захотѣла сравняться съ воломъ и лопнула. Точно такъ же, вмѣсто «дѣло мастера боится» грекъ могъ сказать, въ смыслѣ чисто повѣствовательномъ «дѣло мастера побоялось». И именно «побоялось», а не «боялось», такъ какъ процессуальность дѣйствія выражать здѣсь нечего. Въ вышеприведенномъ русскомъ переводѣ «смотришь, одного день поднялъ высоко...» да и во фразѣ «дѣло мастера побоялось» приходится даже думать о томъ, что разсказанные въ этихъ выраженіяхъ факты стоятъ передъ нашимъ опытомъ какъ результаты чего то совершившагося, и не безъоснованія можно у потребить въ греческомъ языкѣ и Perfectum. Что Perfecta дѣйствительно употребляются «гномически», на это указываетъ самъ Крюгеръ въ томъ же 53 параграфѣ (10, 2).

Нѣкоторое видоизмѣненіе толкованія симасіологіи историческихъ Indicativ'овъ вызывается появленіемъ при нихъ слова *ἄν*. По всей вѣроятности, слово *ἄν* имѣетъ общій корень съ словами *ἀνόθεν*, *ἀπό*, *ἀποδί*, *οὐδαμῶς*. Нужно думать, что все это — слова съ прономинальнымъ корнемъ такого же «неопредѣленнаго» значенія, какое заключается

*) Силлогистика и эмпиристика, какъ два различныхъ принципа, сыграли нѣкоторую роль въ нашей гаммѣ отгнковъ *каллитативности* сужденія (смотри выше стр. 95).

въ *ἐγκλίται*хъ: *τις*, *πῶς*, *ποτέ* и т. д. *) Такія слова могли принять, конечно, и локальное, и темпоральное, и модальное значеніе, само же *ἄν* есть непременно модальное и, присоединяясь къ выраженіямъ полнаго сужденія, т. е. къ *ῥήματα*, указываетъ на возможность сужденія. Я говорю «возможность сужденія», а не «сужденіе о возможности». Если присужденіе кому-либо писанія облекается въ выраженіе *γράφει*, то присужденіе ему возможности облекается въ выраженіе *δύναται*. А тутъ рѣчь идетъ не о присужденіи возможности, а о возможности = вѣроятности = правдоподобности самого сужденія. Такимъ образомъ, выраженія «ὅτι *ἄν* ἐφείδου», — «ἀπεκρίνατο *ἄν*» и т. д. обозначаютъ: «можно было думать, что онъ не будетъ говорить лжи» — «можно было ожидать, что онъ отвѣтитъ» и т. д. Въ болѣе широкихъ контекстахъ этотъ общій смыслъ нашего оборота развивается въ два отдѣльно другъ отъ друга стоящіе отгнки. «Судя по всему», — такъ приходится иногда разсуждать — «можно было ожидать, что коль скоро наступило бы такое-то обстоятельство, онъ непременно отвѣтитъ такъ-то». Оборотъ «ἀπεκρίνατο *ἄν*» служитъ тогда выраженіемъ сужденія, «относящагося къ прошедшему времени и высказаннаго на всякій случай, т. е., на случай, если бы въ прошедшемъ времени получило мѣсто то обстоятельство, которымъ говорящій обуславливаетъ осуществленіе въ прошедшемъ времени своего сужденія. Это —

*) Читателю извѣстно все разногласіе между этимологами относительно производства такъ называемыхъ «частицъ» *κεν* и *ἄν*, принимаемыхъ обыкновенно за слова разнаго происхожденія и вызывающихъ, именно благодаря предположенію о неодинаковости ихъ происхожденія, массу разсужденій по части ихъ синонимическаго отношенія. Такія маленькія словца, какъ *κεν* и *ἄν*, легко этимологизируются какъ кому угодно; въ концѣ концовъ каждый этимологъ, въ подобныхъ случаяхъ, ищетъ опоры для своей этимологіи въ томъ, какъ онъ лично понимаетъ значеніе словъ. Мы, руководясь также личнымъ пониманіемъ значенія словъ *κεν* и *ἄν*, предпочитаемъ предложенную этимологію слова *ἄν*, причемъ допускаемъ, что оно, пожалуй, и сокращено изъ какого-нибудь *ἀν αὖ* или чего нибудь подобнаго. Мы считаемъ, такимъ образомъ, *ἄν* за слово одинаковаго происхожденія съ словомъ *κεν* — въ томъ смыслѣ, что у обоихъ ихъ этимологическій корень — прономинальный, съ такъ называемымъ «неопредѣленнымъ» значеніемъ (въ словѣ *κεν*, какъ извѣстно, большинство этимологовъ ищетъ корень *κα*, появляющійся въ «неопредѣленныхъ» прономин'ахъ *τις* *αὐτίς* и др.).

одинъ оттѣнокъ, и по этому оттѣнку оборотъ ἀπειρίνατο ἄν называютъ »итеративнымъ«, — терминъ немного неудачный, такъ какъ рѣчь идетъ не о повтореніи явленія въ прошедшемъ времени, а о сужденіи именно на случай, — на случай, котораго могло и не быть на самомъ дѣлѣ. Если бы шелъ вопросъ о дѣйствительной итеративности, тогда въ языкѣ появится *imperfectum*, а именно *imperfectum протое*, безъ всякаго ἄν. Ибо *imperfectum*, какъ форма, указывающая на »многомоментность« дѣйствія, способно было,*) если языкъ не нашелъ возможнымъ прибѣгнуть къ другому какому-нибудь средству (къ какому-нибудь πολλὰκις напр.; сравни также омировскій риматическій суффиксъ *οκ*), выразить и »повторяемость« въ прошедшемъ времени, какъ къ тому способно и *praesens* по отношенію къ настоящему, а *futurum simplex* по отношенію къ будущему времени. Интересно мѣсто Хеп. Anab. IV. 2. 16: καὶ παρὰ τὴν ζώνην μαχαίριον εἶχον, ᾧ ἔοφатτον, ὣν κρατεῖν δύναιτο, καὶ ἀποτέμνοντες ἄν τὰς κεφαλὰς ἔχοντες ἐπορεύοντο = которою убивали всякаго, кто..., и тогда могли отрѣзать и голову и...

Итакъ, одинъ оттѣнокъ Indicativ'i историческихъ временъ съ ἄν есть выраженіе познавательнаго сужденія въ прошедшемъ времени »на случай«. Другой оттѣнокъ виденъ изъ слѣдующаго контекста: »Можно было думать при другихъ условіяхъ, чѣмъ настоящія, что ты не будешь говорить лжи (= ты могъ не говорить лжи), но теперь (νῦν δὲ) ты противъ ожиданія ужъ слишкомъ хитринь, а потому и неудивительно, что говоришь или говорилъ**) ложь. Такимъ

*) Mutzbauer (Tempusl. 28): In wie weit in späterer Zeit der griechischen Sprache das Imperfectum seine ursprüngliche Natur modificiert hat, in wie weit es dazu gekommen ist, als Tempus der... Wiederholung... empfunden zu werden, darüber kann ich ein abschliessendes Urtheil nicht abgeben, da sich meine Sammlungen nicht auf diese Periode erstrecken. Doch ist dies immerhin möglich (въ Омирѣ онъ этотъ оттѣнокъ Imperfect'a отрицаетъ; да Омиръ въ немъ и не нуждался, такъ какъ онъ располагалъ своимъ итеративнымъ *οκ*: φεύγεσκεν = »pflegte zu fliehen«, verlaufende Handlung: ἐπαίξασκε = »pflegte darauf loszuspringen«, Schlusspunkt; см. Mutzbauer, Tempusl. 25).

**) Обыкновенно утверждаютъ, что въ »противоположной« мысли Imperfect'y съ ἄν соответствуетъ только настоящее время. Это неправда. Mutzbauer (Tempusl. 7) замѣчаетъ: So wird überall das Imperfectum verwendet in irre-

образомъ, оборотъ οὐκ ἄν ἐφεύδου служить выраженіемъ сужденія, противорѣчащаго дѣйствительности, причемъ правильность этого сужденія поставлена въ зависимость отъ условія, также противорѣчащаго дѣйствительности. По этому оттѣнку оборотъ историческихъ Indicativ'овъ съ ἄν называютъ *modus irrealis* (*modus недѣйствительности*); дѣло, конечно, не въ »недѣйствительности«, а именно въ противорѣчии дѣйствительности. Какимъ образомъ самое условіе, которое противорѣчитъ дѣйствительности, могло подлежать передачѣ черезъ историческіе Indicativ'ы, — а это, кажется, послѣдній оттѣнокъ этихъ Indicativ'овъ, съ которымъ приходится симасіологу имѣть дѣло, — это мы можемъ выяснитъ не теперь, а при другомъ случаѣ, ниже.

Настоящихъ замѣтокъ, быть можетъ, достаточно для надлежащаго усвоенія симасіологіи грамматическихъ формъ Indicativ'a и его временъ. Если когда-нибудь въ греческомъ текстѣ встрѣтится такое явленіе, котораго мы не предупредили предложенными замѣтками, — если въ живомъ греческомъ языкѣ придется наталкиваться на какую-нибудь Indicativ'ную форму, полная соответствія которой въ живомъ же русскомъ языкѣ нѣтъ подъ рукою, то, надѣмся, нетрудно будетъ, нисколько не отступая, а напротивъ, непосредственно исходя отъ выясненныхъ нами значеній той или иной Indicativ'ной формы, самому дойти до сознанія того психологическаго мотива (другого мотива, кромѣ психологическаго, для объясненія такихъ случаевъ и быть не можетъ), которымъ языкъ руководился при употребленіи данной формы.

alen Bedingungssätzen der Vergangenheit oder in den dieselben vertretenden Satzgefügen, wo die lateinische und deutsche Sprache ihr *Plusquamperfectum* setzen. Ein Paar Beispiele mögen dies zeigen:

II. τ. 271: οὐκ ἄν δὴ ποτὲ θυμὸν ἐνὶ στήθεσιν ἐμοῖσιν
'Ατρείδης ὄρινε διάμπερες, οὐδέ κε κοῦρην
ἦ γ' ἐν ἐμεῦ ἀκνοντος ἀλλὰ ποθὶ Ζεὺς
ἦ θεὸν 'Αργεῖοισιν θάνατον πολλέσσι γένεσθαι.

Выраженію ἦ γ' ἐν ἄν, конечно, нужно въ данномъ случаѣ противопоставить мысль *увелъ*, а не *уводитъ*. Да и нѣтъ основанія, почему непременно Imperfect'y ὄρινε ἄν нужно бы противопоставлять настоящее время: οὐκ ἄν ἐφεύδου значитъ »ты могъ не говорить лжи«, οὐκ ἄν ἐφεύδῃ — »онъ могъ не сказать ложь, οὐκ ἄν ἐφεύβμενοι ἦμεν — »мы могли оказаться не сказавшими лжи« и только; а что слѣдуетъ »противопоставлять«, это дѣло болѣе широкаго контекста.

Нечего распространяться, напр., о явленіяхъ въ родѣ »Τί οὐ καὶ Πρόδικον καὶ Ἰππίαν ἐκάλεσάμεν, ἵνα ἐπακούσωσιν ἡμῖν« (Plato, Protag. 317a; смыслъ: »въ такомъ случаѣ позвать бы намъ и Продика, и Иппія, чтобы они послушали насъ«). Психологическій мотивъ появленія въ греческомъ языкѣ формы »ἐκάλεσάμεν« ясенъ. То поощреніе, — тотъ совѣтъ, который въ діалогѣ Платона одинъ изъ собесѣдниковъ даетъ присутствующему обществу, въ греческомъ языкѣ сообщенъ въ формѣ удивленія: почему же то, что кажется этому собесѣднику самымъ подходящимъ, не было уже давно исполнено.

Перейдемъ къ Coniunctiv'у.

На правильное уясненіе симасіологии Coniunctiv'a наводятъ насъ случаи его употребленія, встрѣчающіеся исключительно у Омира, вслѣдствіе чего мы можемъ принять терминъ »омировскій Coniunctiv«, какъ особый терминъ для обозначенія этихъ случаевъ. Я имѣю въ виду мѣста какъ то: εἰ ἐμοὶ οὐ τίθεισι βοῶν ἐπιμυθεῖ ἀμοιβήν, δύσομαι εἰς Αἶδα καὶ ἐν νεκρῶσι φασίνω (Od. μ 382); οὔπω τοίους ἴδον ἀνέρας οὐδὲ ἴδωμαι (Il. α 262) и др. Слова φασίνω—ἴδωμαι, очевидно, выражаютъ »познавательное« сужденіе, относящееся къ будущему времени. Но для »познавательнаго« сужденія въ будущемъ времени у насъ уже есть другія грамматическія формы, именно Indicativi futuri simplicis и futuri exacti, и трудно предположить, чтобы языкъ, не такъ богатый въ концѣ концовъ разнообразіемъ своихъ формъ, какъ богата разнообразіемъ оттѣнковъ сама мысль, вдругъ сталъ бы проявлять такую роскошь, что для одного и того же оттѣнка мысли выработалъ бы двѣ, ничѣмъ другъ отъ друга по значенію своему не отличающіяся грамматическія формы. Поэтому мы должны постараться разыскать разницу значенія между futurum simplex и exactum съ одной стороны и между »омировскимъ Coniunctiv'омъ« — съ другой. Разница эта напрашивается здѣсь сама собой: она можетъ заключаться единственно въ томъ, что черезъ futurum simplex и exactum я, говорящій, высказываю свое сужденіе по отношенію къ будущему времени съ увѣренностью, а

черезъ Coniunctiv высказываю то же съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ: »οὐδὲ ἴδωμαι« будетъ по русски: »и врядъ ли увижу«.

Итакъ, »омировскій Coniunctiv« есть будущее время познавательнаго сужденія, высказаннаго съ сомнѣніемъ, причемъ, такъ какъ Coniunctiv'овъ у насъ три (»этимологическіе« терминъ для нихъ: Coniunctivus praesentis, Coniunctivus aoristi и Coniunctivus perfecti), различіе между ними по отношенію къ »познавательному« сужденію будетъ такое же, какое мы установили между Imperativ'ами по отношенію къ »желательному« сужденію (смотри выше стр. 114). Заявляемъ, что такимъ остается Coniunctivus во всѣхъ случаяхъ его употребленія. Это поняли уже греки, называя наше наклоненіе »διστακτική« (διστακτός = сомнѣніе).*) Латинскій терминъ »Coniunctivus« представляетъ собою нѣчто слишкомъ внѣшнее. Имъ имѣлось въ виду указать на то обстоятельство, что наше наклоненіе появляется обыкновенно (далеко не всегда) въ соединеніи (conjungo) съ подчиняющими одно предложеніе другому союзами. На то же указываетъ и греческій терминъ »ἐπιστακτική«, выработавшійся рядомъ съ терминомъ »διστακτική«. Замѣчательно, что этимологическая форма греческаго Coniunctiv'a, представляющаго почти тотъ же Indicativ (хотя и ограми-

*) О существованіи этого выразительнѣйшаго термина у древнихъ сообщаетъ намъ Аполлоній Дисколъ, хотя самъ онъ относится къ нему не особенно сочувственно. Вотъ его слова (de constr. III. 264): ἐξ ἧς ῥήτεον περὶ τῆς ἐπιστακτικῆς ἐκτίθεσθαι, ἥν τις καὶ διστακτικὴν ἀποφαίνεται ἀπὸ τοῦ ἐκ αὐτῆς δηλουμένου, ... σαφὲς γὰρ ὅτι τὸ ἐὰν γράφω καὶ τοῦτοισι ὅμοια διστακτικὴν τοῦ ὡς ἐσομένου πράγματος σημαίνει ἀλλ' ἵδως ἀντικείμεται τὸ μὴδὲ αὐτὰ ἔχειναι τῆς ἐννοίας τοῦ διστακτοῦ, τὸν δὲ παρακείμενον σύνδεσμον αἰτιον γίνεσθαι τῆς διστακτικῆς ἐννοίας. Нѣтъ сомнѣнія, что »ἐὰν« усиливаетъ собою διστακτόν; но чтобы отъ нея только зависѣлъ дισταктический смыслъ фразы ἐὰν γράφω, или даже, какъ Аполлонію хотѣлось бы утверждать, отъ всего ἐὰν, это едва ли такъ. Ужъ не потому ли Аполлоній здѣсь спорить что онъ вообще любитъ спорить? Наши теперешніе грамматикѣ тоже недоумѣваютъ на счетъ греческаго Coniunctiv'a, какъ и Аполлоній. Замѣчательно уклончивый отвѣтъ по этому вопросу даетъ Brugmann (Handb. II. 190): Als Grundbedeutung des Coniunctivs wird jetzt gewöhnlich mit Delbrück die des Willens, des machtbewussten Begehrens angesehen, aus der sich allerdings alle Functionen ohne Zwang entwickeln lassen. Der Coniunctiv enthielt immer eine Hinweisung auf Verwirklichung des im Sinn liegenden, ein Moment, das dem Optativ in der Regel abging. Затѣмъ Бругманъ различаетъ три значенія: 1. die voluntative Bedeutung; 2. die deliberative Bedeutung и, наконецъ,

черный во временномъ отношеніи, такъ какъ онъ имѣетъ исключительно только futural'ное значеніе), даже своими окончаніями похожа на Indicativ (только такъ называемыя »соединительныя гласныя« въ Coniunctiv'ѣ — долгія, да у Омира и то не вездѣ). — Остальные случаи употребленія Coniunctiv'a (кроме, стало быть, »омировскаго« Coniunctiv'a) можно раздѣлить на пять симасіологическихъ группъ. Группы эти — слѣдующія.

1. *Coniunctivus finalis* (ἐλεγον ταῦτα, ὅπως μάθῃτε...). Въ сущности, усматриванье цѣли въ разбираемыхъ нами въ настоящее время случаяхъ вытекаетъ непосредственно лишь изъ общаго впечатлѣнія, получаемого не отъ одного futural'наго значенія Coniunctiv'a (это futural'ное значеніе не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ вмѣсто Coniunctiv'a можно прямо и встрѣтитъ въ нашихъ случаяхъ Indicativus futuri), но вмѣстѣ съ этимъ отъ синтаксической, а стало быть, непосредственно ужъ и психо-логической »подчиненности« выраженія, въ которомъ находится самъ Coniunctiv, другому выраженію. Фраза «ἐλεγον ὑμῖν ταῦτα, ὅπως μάθῃτε» обозначаетъ, собственно, если разбирать слово за словомъ, »я говорилъ вамъ это (такимъ образомъ), какимъ (= ὅπως) вы авось поймете«. Чѣмъ же собственно отличается нашъ Coniunctiv самъ по

3. die futurische Bedeutung, т. е. нашъ »омировскій Coniunctiv« (порядокъ, какъ видно, совсѣмъ не »историческій«!) Еще болѣе нерѣшительно высказывается самъ Дельбрюкъ (Synt. Forsch. IV. 116): Endlich habe ich als Grundbegriff des Coniunctivs den Willen, als Grundbegriff des Optativs den Wunsch angenommen. Ich gebe jetzt zu, dass ich nicht vermag den Begriff des Willens oder einen anderen Grundbegriff mit der Form des Coniunctivs in einen etymologischen Zusammenhang zu bringen, und auch die Analyse der Optativform steht nicht so fest, dass ich an ihr ein syntaktisches Gebäude errichten möchte. Es bleibt also nur übrig, die Grundbegriffe aus der Betrachtung der Gebrauchsweisen zu gewinnen, wenn man nicht vorzieht, auf diesen Versuch überhaupt zu verzichten. Unternimmt man den Versuch der Darstellung von einem Grundbegriff aus, so wird man sich, glaube ich, immer noch am meisten durch meine Formulierung Wille und Wunsch befriedigt fühlen. Eine andere Möglichkeit wäre, in beiden Modi den futurischen Sinn zu finden, und zwar im Coniunctiv die Bezeichnung der nahen, im Optativ die der ferneren Zukunft. Ближе къ истинѣ понялъ Coniunctiv H. D. Müller, придерживаясь своего »potentialis« (смотри выше стр. 112). Der griechische Coniunctiv — говоритъ онъ Sprachb. 17 — ist also der Modus potentialis der Gegenwart, der aber als solcher auch die Zukunft mit umfasst.

себя отъ »омировскаго« Coniunctiv'a? Ничѣмъ, за исключеніемъ именно психо-логической его подчиненности другому выраженію другого сужденія. Быть можетъ, стануть оспаривать въ нашемъ Coniunctiv'ѣ значеніе »познавательнаго« сужденія и захотятъ въ немъ усматривать значеніе сужденія »желательнаго«: быть можетъ, первое будутъ оспаривать въ виду того, что при нашемъ Coniunctiv'ѣ, когда высказывается отрицательная цѣль, въ языкѣ появляется *μή* а не *οὐ*. Конечно, нельзя не согласиться съ тезисомъ, что появленіе въ языкѣ слова *μή* или слова *οὐ* зависитъ, между прочимъ, отъ познавательнаго или желательнаго характера рѣчи, но это только между прочимъ, и зависимость эта касается только характера рѣчи, т. е. того общаго впечатлѣнія, которое должна произвести на насъ вся фраза, а вовсе не симасіологіи наклоненія. Ужъ трудно оспаривать за Indicativ'омъ значеніе именно познавательнаго сужденія, а между тѣмъ тотъ же Indicativ, когда замѣняетъ собою нашъ final'ный Coniunctiv, получаетъ отрицаніе *μή*, а не *οὐ*.*) Вообще, симасіологія словъ *μή* и *οὐ* представляетъ собою нѣчто до того своеобразное и до того сложное, что въ синтаксисѣ, строящемся на симасіологической почвѣ, она должна получить особое мѣсто и не можетъ быть рѣшаема совмѣстно съ симасіологіей наклоненій, такъ какъ съ послѣднею, какъ окажется, она имѣетъ очень мало общаго. Отказываясь отъ дальнѣйшаго связыванія симасіологіи отрицаній съ симасіологіей наклоненій и тоу ῥήματος вообще (если въ настоящемъ отдѣлѣ замѣтокъ придется имѣть дѣло съ *οὐ* или *μή*, то мы появленіе такого или иного отрицанія просто будемъ принимать къ свѣдѣнію), мы дѣлаемъ въ данномъ случаѣ исключеніе только потому, что пришлось затронуть самый вопросъ объ отношеніи одной симасіологіи къ другой. Очевидно, языкъ руководится въ постановкѣ отрицанія при final'номъ Coniunctiv'ѣ не значеніемъ самого

*) Въ виду этого и подобныхъ ему случаевъ употребленія Indicativ'a, между прочимъ, H. D. Müller и нашъ нужнымъ (см. выше стр. 111) заявить, что nicht alle Formen, welche man unter den Namen Indicativus zu begreifen pflegt, dürfen ohne Weiteres auch begrifflich darunter subsumirt werden.

Conjunctiv'a, а тѣмъ упомянутымъ выше цѣльнымъ впечатлѣніемъ *всей* фразы (это бываетъ не только при отрицаніяхъ, но и вообще часто въ языкѣ);*) это цѣльное впечатлѣніе *всей* фразы, пожалуй, *дѣйствительно* опредѣляется въ концѣ концовъ, какъ *желаніе* чего-нибудь *достигнуть* или чему-нибудь *воспрепятствовать* (соотвѣтственно этому въ нашихъ фразахъ появляется рядомъ съ final'нымъ Conjunctiv'омъ и Optativus finalis; но объ Optativ'ѣ рѣчь впереди, и тогда придется снова вернуться и къ Conjunctivus finalis). Остается еще замѣтить, что къ final'ному Conjunctiv'у, въ видахъ усиленія (симиологическая тавтологія!) того нерѣшительнаго тона, которымъ говорящій выражаетъ свое сужденіе черезъ Conjunctiv, языкъ прибавляетъ еще выражающее «возможность» слово *ἄν* (ὡς ἂν μάθῃς, ἄκουσον — чтобы ты *авось*, *можетъ быть*, понялъ, ты послушай).

2) *Conjunctivus dubitativus* (οἶσθα, διότι θαυμάζεις, ἢ ἐγὼ σοι εἶπω). То присужденіе дѣйствія, которое при употребленіи Conjunctiv'a *вообще* говорящій высказываетъ всегда съ *нерѣшительностью* въ познавательномъ смыслѣ по отношенію къ *будущему* времени, въ данномъ случаѣ онъ относитъ къ *самому себѣ* (Conjunctivus dubitativus имѣетъ мѣсто лишь въ *первомъ* лицѣ). Черезъ это въ нашемъ Conjunctiv'ѣ говорящій рисуется передъ слушателемъ колеблющимся не только въ *присужденіи* дѣйствія, но, разъ онъ это дѣйствіе присуждаетъ *себѣ*, и въ самомъ своемъ *дѣйствіи*. Представленіе такого колебанія усиливается въ глазахъ слушателя *вопросительнымъ характеромъ* выраженія, заключающаго въ себѣ dubitativ'ный Conjunctiv. Вопросительный характеръ есть такая же condicio sine qua non для dubitativ'наго Conjunctiv'a въ помѣщающихъ его

*) Ужъ никто не станетъ отрицать, что напр. обороты *βαρὺς φέρω* — *πρῶτος φέρω* должны бы, по смыслу заключающихся въ нихъ *ῥημάτων*, дополняться Accusativ'омъ; а между тѣмъ, благодаря общему впечатлѣнію, производимому каждымъ изъ этихъ оборотовъ во *всей* его сложности, языкъ свернулъ въ падежномъ дополненіи на дорогу словъ *ἄχθεται*, *ῥαθυμῶ* и т. п., и поэтому появляются — правда, *рядомъ* съ Accusativ'омъ, — выраженія *βαρὺς φέρω τοῖς παρόνσι* (Хер. Анаб. I. 3. 3) — *πρῶτος φέρουσι ἐπὶ τοῖς ὑπομένουσιν* (Дем. 58. 55).

въ себѣ *выраженіяхъ*, какою является первое лицо въ его собственномъ грамматическомъ *окончаніи*. Черезъ этотъ характеръ *выраженій* самое *присужденіе* остается подъ вопросомъ, который не только еще *долженъ* такъ или иначе *рѣшить* самъ говорящій, но къ рѣшенію котораго онъ, говорящій, привлекаетъ очень часто и *слушателя*. Привлекая *слушателя* къ рѣшенію вопроса, я могу вызвать въ немъ опять-таки не только *познавательное*, но и *желательное* сужденіе. Поэтому то нашъ Conjunctiv и соединяется такъ часто съ *ῥήματι* *βούλεσθε*, *θέλεις* и др. (*Θῶ, βούλεσθε, δωδεκάτην ὑμᾶς εἰσφέρειν*; *желаніе* слушателя въ данномъ случаѣ выражено не черезъ какое-нибудь *наклоненіе*, а черезъ особое слово, черезъ особое *ῥήμα*).

3) *Conjunctivus imperativ'ный* (ἵωμεν — *μηδὲν πλέον αὐτῷ γένηται*). Въ выраженіи *ἵωμεν* я, говорящій, обращаюсь собственно къ *другимъ*, и черезъ отождествленіе другихъ съ собою (это отождествленіе и дѣлаетъ возможнымъ появленіе въ языкѣ *перваго* лица множ. числа) выставляю себя лишь инициаторомъ и *соучастникомъ* того дѣла, которое я приказываю совершить другимъ. Никто не сомнѣвается, что русское «пойдемъ» есть, по *собственному* его значенію, Indicativus futuri, служащій для *категорическаго* заявленія о чемъ-то, — для выраженія *познавательнаго* сужденія о томъ, что то-то будетъ. Если форма, служащая для *категорическаго* заявленія о томъ, что то-то будетъ, психологически могла быть перенесена на *желаніе*, чтобы то-то было (это бываетъ часто; такъ, учитель иногда говоритъ ученикамъ: «сначала прочитаете текстъ, а потомъ и т. д.»), то тѣмъ паче это могло случиться съ греческимъ Conjunctiv'омъ, служащимъ не для *категорическихъ* заявленій о будущемъ, а заявленій *нерѣшительныхъ*, сопровождаемыхъ *сомнѣніемъ* на счетъ осуществимости заявляемаго. Форма *ἵωμεν* не обозначаетъ собственно «пойдемъ», а равняется русскому «пойдемъ, можетъ быть» = «пойдемъ, что-ли».

Укажутъ, быть можетъ, и на то, что въ *ἵωμεν* слышится отбѣнокъ *вопроса*, и припомнятъ по этому поводу

Conjunctivus dubitativus. Но если этотъ оттѣнокъ и слышится въ *ἴωμεν*, то онъ въ выраженіи *μηδὲν πλεον αὐτῷ γένηται* совсѣмъ заглушается (заглушается, впрочемъ, благодаря внесенію новаго, сравнительно съ прежнимъ, элемента, именно — отрицанія), и во всякомъ случаѣ слышенъ этотъ оттѣнокъ лишь настолько, насколько онъ данъ самимъ понятіемъ *непринимательности*, выражаемой въ Conjunctiv'ѣ; формально, какъ бы то ни было, въ Imperativ'номъ Conjunctiv'ѣ онъ не поставленъ. — Выходить изъ всего, что нашъ Conjunctivus сталкивается въ языкѣ съ Imperativ'омъ.

Разъ мы сопоставляемъ Imperativ'ный Conjunctiv съ самимъ Imperativ'омъ, то нужно замѣтить, что въ первомъ лицѣ множественнаго числа возможенъ только Conjunctiv, и языкъ даже не выработалъ никакой Imperativ'ной формы для этого случая. Въ виду того, что въ этомъ Conjunctiv'ѣ я, говорящій, выставленъ инициаторомъ и *соучастникомъ* дѣла, самъ Conjunctiv не безъ основанія получаетъ названіе Conjunctivi adhortativi — Conjunctivus поощренія.*) Усиливается онъ черезъ Imperativi: *ἄγετε, φέρε* и т. д. (такъ и по русски: «давайте, пойдемъ»). Conjunctiv первого лица единственнаго числа былъ бы невозможенъ (ибо «приказывать» самому себѣ я не могу, развѣ, если *раздвояю* себя на два лица, — одно, *которое* приказываетъ, а другое, *которому* приказываютъ), — Conjunctiv первого лица единственнаго числа, я говорю, былъ бы невозможенъ, если бы не было того обстоятельства, что приказаніе можетъ относиться къ *другимъ* лицамъ, а ко мнѣ лишь пассивная сторона дѣйствія (*μη ἀδικήσω*), или что поощреніе, на которое мы указывали при разъясненіи формы множественнаго числа,

*) H. D. Müller (Sprachb. 19.): Bei dem adhortativen Gebrauch der ersten Person Pluralis darf nicht ausser Acht gelassen werden, dass in der Regel derjenige, welcher sie gebraucht, gar nicht in der Lage sein wird, einen auch die übrigen Personen bindenden und zwingenden Entschluss auszusprechen. Er kann nur einen Vorschlag machen und muss es dahin gestellt sein lassen, ob die anderen seinem Vorschlage beitreten werden oder nicht. Es ist also auch hier nur eine gewisse *Wahrscheinlichkeit* vorhanden, dass die Thätigkeit *werde realisiert werden*. Ursprünglich würde demnach z. B. *ἴωμεν* etwa dem deutschen *wir gehen wohl, wir könnten wohl gehen* ziemlich genau entsprechen.

я вижу въ *другихъ* для себя. Это то поощреніе прямо и выражено въ русскомъ оборотѣ «дай — лягу»; сравни греческіе примѣры: — *φέρ' ἀναλάβω* — *ἐπίσχετ' αὐδὴν τῶν ἔσωθεν ἐκμάθω* — *λέγε δὲ ἴδω*. — *μη τρέσης μίσματος τοῦμοῦ μετασχεῖν, ἀλλ' ἔλευθέρως θάνω*. Не замѣчаетъ ли тутъ читатель связи съ Conjunctiv'омъ final'нымъ, особенно же въ виду такой фразы, какъ Платоновское *λέγε δὲ ἴδω* или какъ Soph. Trach. 802: *πόρθμευσον ὡς τάχιστα μηδέ αὐτοῦ θάνω* (= и не давай умирать здѣсь; собственно: и да не будетъ того, что я, быть можетъ, здѣсь уму).*)

Что касается второго и третьяго лица, то въ *aorist'ѣ* при отрицаніи, обыкновенно (не вездѣ) появляется Conjunctiv, въ остальныхъ же случаяхъ, *еще обыкновенно* (но тоже не всегда**), — Imperativ. Эта то наша замѣтка находится въ связи съ сказаннымъ объ Imperativ'ѣ на стр. 126. Тамъ мы разъяснили, что появленіе отрицанія при Imperativ'ѣ влечетъ за собою Imperativ'ную форму *praesentis*. Оттѣнокъ *sonatus*, какъ мы тогда говорили, удобно влагается въ самый Imperativ, какъ выраженіе, — при соединеніи съ нимъ отрицанія, — прямого «запрещенія» самой *затѣи* такого или иного дѣла. Не то приходится утверждать о нашемъ Imperativ'номъ Conjunctiv'ѣ, и не о *sonatus* можетъ быть въ этой формѣ рѣчь, когда она соединена съ отрицаніемъ. Если Conjunctivus Imperativ'ный *дѣйствительно* связанъ съ Conjunc-

*) Немного иначе H. D. Müller (Sprachb. 18). Was zunächst die erste Person Sg. betrifft, so ist es klar, dass wenn ich durch den Gebrauch dieser die Vollziehung irgend einer Thätigkeit, deren Subject ich selbst bin, als möglich oder wahrscheinlich ausspreche, ich damit auch ausdrücke, dass es meine Absicht sei, dieselbe eventuell zu realisiren; denn jene *Wahrscheinlichkeit* beruht doch nur auf einem noch nicht völlig zum Durchbruch gekommenen — gewissermassen noch zögernden — Entschlusse. Anschaulich wird uns dies, wenn wir z. B. *ἴω* übersetzen: *ich gehe wohl, ich gehe vielleicht, ich möchte wohl gehen* — Ausdrücke, welche auch im Deutschen zunächst potentialen Sinn haben, aber doch ungefähr so viel bedeuten wie *ich will gehen*, nur dass beim Gebrauch des letzteren Ausdrucks eine kategorische Willenserklärung abgegeben wird, die man beim Gebrauch der ersteren auszusprechen vermeidet.

**) Что ни то, ни другое не есть *всегдашнее*, а только лишь «обыкновенное» явленіе, въ этомъ можно убѣдиться у Kühner'a Ausf. Gramm. II. 202-3.

tiv'омъ final'нымъ*), то выраженное въ немъ желаніе чего-нибудь *достигнуть* сводится, при отрицаніи, къ желанію чему-нибудь *воспрепятствовать* т. е. воспрепятствовать «осуществленію» чего-нибудь, а потому при отрицаніи умѣстенъ именно aorist, какъ форма, указывающая *прежде* всего на «осуществленіе» дѣйствія.

4. *Conjunctivus condicionalis* (ἐὰν ἔχωμεν, χρήματα, ἔξομεν φίλους — ἢν ἐγγὺς ἔλθῃ θάνατος, οὐδεὶς βούλεται θνήσκειν. — τοῦτοις μάλιστα ἐθέλουσι πείθεσθαι, οὓς ἂν ἠγῶνται βελτίστους εἶναι. — ἂν γνῶς τί ἐστὶ ἀνθρώπος ἡδίων ἔσει). Читатель догадывается, что ἂν, прибавляемое здѣсь къ союзу или вообще къ слову, играющему роль союза, представляет собою лишь *второе* симасіологическое средство (опять симасіологическая тавтологія!) для обозначенія того же, что намѣчено самимъ Conjunctiv'омъ. Въ аттической прозѣ, — въ языкѣ, стало быть, конверсационномъ, привыкшемъ уже къ шаблоннымъ *схематизмамъ* и менѣе *сознательно* относящемся къ своимъ собственнымъ средствамъ, — это ἂν сдѣлалось почти обязательнымъ; въ оми-

*) Н. D. Müller, не устанавливая никакого особаго Conjunctiv'a final'наго, точно также какъ не устанавливаетъ и Conjunctiv'a condicional'наго, вѣроятно, изъ боязни впасть въ противорѣчіе съ дѣленіемъ греческихъ наклоній, сообщеннымъ нами на стр. 112, думаетъ, что *настоящее* «μὴ» и *настоящій* Conjunctiv связаны съ *тѣмъ* «μὴ» и съ *тѣмъ* Conjunctiv'омъ, которые мы ставимъ ниже подъ 5-ымъ пунктомъ, и для которыхъ онъ предлагаетъ терминъ *Warnungsausdruck*, причемъ напр. *μὴ τι κακὸν ἐξέωβι καὶ ἡμέας ἐξελάσσωσιν* (Od. π. 308) онъ объясняетъ такъ (Sprachb. 24): „sie möchten (könnten) wohl etwas Schlimmes thun und uns . . . treiben . . .“ Das vorausgeschickte *μὴ* dient also, ähnlich wie in den indirekten Fragesätzen nur dazu, die durch den Conjunctiv ausgedrückte Möglichkeit von vorn herein gewissermassen in Sicht zu stellen und dadurch stärker hervorzuheben . . . Kurz, *μὴ* hat hier so gut wie bei der Einführung indirekter Fragesätze indefinite Bedeutung, dient nicht der Verneinung, sondern der Hervorhebung und Bekräftigung der *Wahrscheinlichkeit*. Что касается самого final'наго Conjunctiv'a, то онъ и *его* подводитъ подъ этотъ Warnungsausdruck (это, конечно, возможно лишь въ *отрицательныхъ* final'ныхъ выраженіяхъ). Такъ, на стр. 25 у него сказано: Es wird auch unsere Erklärung dadurch nicht beeinträchtigt, dass solche abhängige Sätze mit *μὴ* und dem Conjunctiv Aoristi oft scheinbar finalen Sinn ausdrücken und in solchen Fällen *μὴ* sich auch durch *damit nicht* übersetzen lässt. Z. B. Od. ω. 24 ἀλλ' ἵωμεν, μὴ φθίωσι παρωθέντες ἐκείνοι kann man übersetzen „lasst uns gehen, *damit* jene nicht zuvorkommen“; eben so gut aber kann man den zweiten Satz als unabhängigen Hauptsatz fassen in dem Sinne „es könnten jene wohl gar zuvorkommen.“

ровскомъ и поэтическомъ языкѣ. болѣе вольномъ и болѣе *сознательно* относящемся къ каждому слову, которое произносится, можно и встрѣтить ἂν, — respective κε, — но *очень часто* можно и не встрѣтить его. — Въ нашемъ Conjunctiv'ѣ придется обратить вниманіе на одно обстоятельство. Что *его* можно и *слѣдуетъ* переводить будущимъ временемъ, — всякому извѣстно («буде узнаешь = въ случаѣ, если узнаешь, — а можетъ выйти и такъ, что не узнаешь, — то . . . = ἐὰν γνῶς»). Но часто приходится переводить и настоящимъ временемъ («кто изъ насъ, быть можетъ, думаетъ, что надобно иначе разсуждать, тотъ ошибается = ὅστις ἂν οἴηται»). Мы уже говорили, что, строго разсуждая, настоящаго времени нѣтъ. Въ русской фразѣ «кто изъ васъ, быть можетъ, думаетъ» и *есть* настоящее время, и *нѣтъ* его. Настоящее — оно по формѣ, а будущее оно — постольку, что какъ *настоящее*, т. е. какъ *фактъ*, въ настоящее время *вполнѣ сознаваемый* и *познаваемый* говорящимъ, оно *вовсе не раскрыто*. Въ приведенной русской фразѣ я говорю только *на случай*; быть можетъ этого случая и не окажется, а если окажется, то только въ *будущемъ* времени. Да, мы имѣемъ основаніе говорить о *нераскрытомъ настоящемъ* времени, какъ о чемъ то особенномъ, и языкъ *имѣетъ* основаніе отнести къ такому *нераскрытому* настоящему времени, какъ къ *будущему*. Грамматика относитъ такой condicional'ный Conjunctiv подъ особый терминъ *iterativ'a*. Но объ этомъ *iterativ'ѣ* мы должны повторить то же, что говорили объ *iterativ'ныхъ* историческихъ Indicativ'ахъ съ ἂν (смотри выше стр. 132).

5. *Conjunctiv* съ *μὴ*, или лучше, — *μὴ* съ *Conjunctiv'омъ* (*μὴ τοῦτο κακῶς ἀποβῇ* — *μὴ ταῦτα οὕτως ἔχῃ*). Слово *μὴ* есть въ данномъ случаѣ чисто риторическое, а именно *риторически-вопросительное* (*μὴ τοῦτο κακῶς ἀποβῇ* = не выйдетъ ли это худо), и *усиливаетъ* собою *оттѣнокъ сомнѣнія*, намѣченный самимъ Conjunctiv'омъ. Я говорю о *риторически-вопросительномъ* *μὴ* и противопоставляю его *прямому* вопросу, въ которомъ требуется отъ слушателя *отвѣтъ*, между тѣмъ какъ при нашемъ *μὴ* и при внесеніи

въ него вопросительнаго тона, обращеннаго къ слушателю, послѣдній дѣлается лишь *соучастникомъ* недоумѣнія говорящаго. Это — съ одной стороны; съ другой — риторически-вопросительное *μή* нужно противополжить *дѣйствительному* отрицанію, относящемуся къ *содержанію* сужденія. Если бы *содержаніе* сужденія въ разбираемыхъ нами »Conjunctiv'ахъ съ *μή*« было *дѣйствительно* отрицательное, тогда должно появиться въ текстѣ кромѣ *μή* еще и *οὐ* (*μή τοῦτο οὐ κατορθώσῃς* = не выйдетъ ли такъ, что ты этого дѣла, быть можетъ, не справишь). Далѣе; если бы само *сомнѣніе*, вносимое уже *начальнымъ* словомъ оборота, именно словомъ *μή*, — еслибъ это сомнѣніе захотѣлось говорящему уничтожить, то въ языкѣ появится *οὐ μή* (*οὐ μή τοῦτο γένηται* = нѣтъ того опасенія, что это, быть можетъ, случится = »не бывать этому«; этотъ оборотъ, какъ *выразительно* уничтожающій черезъ *οὐ* всякое сомнѣніе, обозначенное въ языкѣ черезъ *μή* и черезъ Conjunctiv, *сильнѣе* простой фразы »этого не будетъ«). Въ виду того, что само *μή* вноситъ въ рѣчь отгѣнокъ сомнѣнія и при Conjunctiv'ѣ является *вторымъ* симасіологическимъ средствомъ для выраженія одного и того же отгѣнка, мы можемъ встрѣтить при *μή* и Indicativus будущаго времени, такъ что отгѣнокъ сомнѣнія, выраженный было и въ Conjunctiv'ѣ, всецѣло передвигается на *μή* (*μή συμφυρὰ γενήσεται τὸ πρῶμα*). Этотъ Indicativ дѣлается при *μή* обязательнымъ, конечно, тамъ, гдѣ языкъ не *выработалъ* особаго наклоненія для познавательнаго сужденія съ отгѣнкомъ сомнѣнія, — т. е. въ прошедшемъ времени (*μή δὲ πάντα νῦν μετέα εἶπεν*). Что же касается *настоящаго* времени, то при *μή* съ Conjunctiv'омъ мы опять таки имѣемъ дѣло лишь съ »*нераскрытымъ*«, *фактически*, »*настоящимъ* *временемъ*« (*μή ἤμᾳς φενακίζῃ ὁ σοφιστής* = не окажется ли = не будетъ ли тутъ обмана со стороны софиста). О *дѣйствительному* настоящемъ времени можно заговорить лишь въ томъ случаѣ, когда самый фактъ уже *прошелъ*, и мы считаемся въ нашей мысли не съ нимъ, съ фактомъ, а съ его *результатомъ*, который и *начинается* съ момента

окончанія факта, проходя *дѣйствительно* черезъ *настоящее* время. Языкъ въ этихъ случаяхъ употребляетъ *μή ἡμαρτή-καμεν* (т. е. опять таки Indicativ) = не сдѣлана ли тутъ ошибка, — хотя теорія допускаетъ и *здесь* Conjunctiv (на практикѣ его трудно найти; *μή ἡμαρτηκότες ὦμεν* будетъ имѣть смыслъ »не *окажется* ли, что тутъ сдѣлана ошибка?«

Остается разобрать Optativ.

Optativus, какъ то сознано было уже составителями *термина* для этой грамматической формы (по гречески — *ἐβλητική*), есть наклоненіе *желательнаго* сужденія. Въ виду разныхъ симасіологическихъ отгѣнковъ Optativ'a, мы можемъ толковать о выраженіи *чистаго* желательнаго сужденія, какъ о первомъ *отгѣнкѣ* Optativ'a, и назвать его по этому отгѣнку »Optativus κατ' ἐξοχήν«. Сравни: *ὀλοίμην* = да погибну я = *εἴθε ὀλοίμην* (*εἴθε* есть *второе* симасіологическое средство для выраженія того же желанія). Отъ Imperativ'a отличается »Optativus κατ' ἐξοχήν« тѣмъ, что въ Imperativ'ѣ говорящій обращается за исполненіемъ своего желанія къ *другимъ*, а въ Optativ'ѣ онъ лишь *передъ* другими высказывается о своемъ желаніи, ища исполненіе его *помимо* ихъ. Какъ Imperativ, такъ и Optativ, являясь выраженіемъ желанія *говорящаго* (мы нарочно подчеркиваемъ слово »говорящаго« въ виду слѣдующаго ниже), есть всегда или »будущее«, или же, — скажемъ теперь, — »нераскрытое настоящее« время (»нераскрытое настоящее« можно найти и въ Imperativ'ѣ; сравни фразу »ну, пиши же, пиши!«), и сохраняетъ въ своихъ разнообразныхъ грамматическихъ формахъ (»этимологическіе« термины для нихъ: Optativus praesentis, Optativus aoristi, Optativus perfecti) тѣ же *видовые* отгѣнки времени, какъ и Imperativ. Внося въ толкованіе видовыхъ отгѣнковъ времени Optativ'a терминъ »нераскрытое настоящее«, — тоже, въ сущности, будущее, — мы можемъ противопоставить этому термину лишь терминъ »раскрытое настоящее« (представляя себѣ нѣчто раскрытое какъ *фактъ*), т. е. *грамматически*, — а затѣмъ и *психо-логически* — »прошедшее« время (относящійся къ *настоящему* времени

результатъ факта можетъ быть также представленъ *нераскрытымъ* для говорящаго, и въ языкѣ встрѣчается тогда Optativ perfecti. Сравни фразу »εἰ σεσωσμένος εἴη = о если бы въ будущемъ оказалось, что онъ спасенъ«. Относить желаніе къ чему-нибудь уже прошлому — по меньшей мѣрѣ напрасно (сдѣланнаго не передѣлаешь). Поэтому мы въ языкѣ употребляемъ въ такихъ случаяхъ выраженія *познавательныхъ* суждений и говоримъ »ἀλλ' ὄφελε Κύρος ζῆν (слѣдовало жить Киру = жить было Киру), или же, передавая желаніе не черезъ наклоненіе, а черезъ особое слово εἶθε, прибавляемъ къ »εἶθε« Indictiv'ы историческихъ временъ, и выходитъ фраза »εἶθε ταῦτα ἐγένετο«. Этотъ Indictiv мы имѣли въ виду на стр. 133. Имѣли мы тамъ въ виду, собственно, только Indicativus condicionalis. Но условіе, противорѣчащее дѣйствительности, есть въ сущности *желаніе*, противорѣчащее дѣйствительности; пожалуй, можно рядомъ съ condicional'нымъ Indictiv'омъ принять еще, какъ *особый* терминъ, Indicativus optativ'ный. — Другіе отгѣнки Optativ'a, кромѣ разясненнаго Optativ'a κατ' ἐξοχήν, суть слѣдующіе:

1. Optativus condicionalis (εἰ ταῦτα γένοιτο = если бы это случилось, то...). Въ сущности, Optativus condicionalis есть тотъ же »Optativus κατ' ἐξοχήν«, какъ былъ только что упомянутый Indicativus condicionalis тождественъ съ Indictiv'омъ optativ'нымъ. Optativus condicionalis отличается отъ Optativ'a κατ' ἐξοχήν развѣ только »подчиненностью« тому, что выражено въ аподозисѣ, и мы бы его не выставляли за *особое* явленіе въ языкѣ, если бы не было одного обстоятельства.

Дѣло въ томъ, что рядомъ съ condicional'нымъ Optativ'омъ языкъ выработалъ, какъ мы видѣли, и Coniunctivus condicionalis. Въ виду того, что Coniunctivus condicionalis, какъ *наклоненіе*, выражаетъ *познавательное* сужденіе и, въ силу этого, указываетъ въ условіи на нѣчто, чего говорящій »на всякій случай« *ждетъ* въ будущемъ или »нераскрытомъ настоящимъ«, языкъ воспользовался condicional'нымъ Optativ'омъ, выражающимъ, какъ наклоненіе, простое *желаніе*, для указанія на условіе лишь *теоретическаго* характера.

Во фразѣ »εἰ τοῦτο γένοιτο« я не указываю на что-нибудь такое, къ осуществленію чего я *готовлюсь* (не передаю русское »буде это случится«), а выражаю простую fictio-нем, — нѣчто такое, что не только въ настоящемъ *не раскрыто*, какъ фактъ, но раскрытіемъ чего, какъ факта, я вовсе и не интересуюсь, такъ какъ заинтересованъ только правильностью опять таки лишь »теоретическаго« *вывода* изъ такого условія (»положимъ«, разсуждаемъ мы, — »этотъ уголъ — прямой; — прямой ли онъ въ дѣйствительности, до этого намъ дѣла нѣтъ, но *положимъ*, что онъ прямой; — что изъ этого выйдетъ?«) Съ отгѣнкомъ »нераскрытаго факта« — замѣчательно! — забирается нашъ Optativ въ область *прошедшаго* времени, доводя чрезъ то до конца параллель съ condicional'нымъ Coniunctiv'омъ: тамъ гдѣ Coniunctivus condicionalis по отношенію къ нераскрытому настоящему или будущему времени заслужилъ — по нѣкоторому недомыслию, какъ оказывается (см. выше стр. 143) — название iterativ'наго Coniunctiv'a, тамъ въ области *прошедшаго**) времени употребляется Optativus, уступая мѣсто Coniunctiv'у въ области настоящаго и будущаго. Мы говоримъ напримѣръ: εἰ τις αὐτῷ καλῶς ἐπερετήσειεν, οὐδενὶ πώποτε... (по русски — тоже замѣчательно! — употребляется въ нашихъ случаяхъ *другое* наклоненіе желанія, именно Imperativ: »служи ему кто-нибудь, — тогда онъ вотъ что дѣлалъ«; въ русскомъ языкѣ, впрочемъ, употребленіе Imperativ'a не ограничивается этими случаями).

Если въ Coniunctiv'ѣ condicional'номъ проза сдѣлала для себя обязательнымъ ἄν, то при Optativ'ѣ condicional'номъ она его систематически изгоняетъ, хотя въ *Омирѣ* мы его

*) Mutzbauer (Tempusl. 23.): Ebenso wird fälschlich dem Optativ in denselben Sätzen (о Coniunctiv'ѣ онъ въ этомъ отношеніи высказывается неясно и неопредѣленно) die Bedeutung einer unbestimmten Frequenz zugeschrieben, die er nicht hat.... Vrgl. Thuk. II. 49: καὶ ὅποτε ἐς τὴν καρδίαν στήριξαι ὁ πόσις, ἀνίστασθαι τε αὐτήν »sobald das Leiden den Magen befiel, kehrte es denselben um«. Der Optativ bezeichnet bloss den Eintritt der Handlung, der Indicativ die nach und nach sich vollziehende Umkehrung, während es dem Hörer überlassen bleibt, zu denken, dass dies jedesmal bei der Seuche im bestimmten Fall geschah.

встрѣчаемъ и принимаемъ его появленіе, конечно, *опять* такі симасіологической тавтологіи. Сравни Od. о. 545:

Τηλέμαχ' εἰ γάρ κεν σὺ πολλὸν χρόνον ἐνθάδε μῖνονας
Τόνδε δ' ἐγὼ κομῶ, ξενίων δέ οἱ οὐ ποθὶ ἔσται (другіе

примѣры смотри Lange Partik. εἰ 493—520).

2) *Optativus finalis* (въ синтаксически подчиненныхъ выраженіяхъ). Что къ понятію цѣли прекрасно идетъ наклоненіе *желательнаго* сужденія, на это мы указали на стр. 138. Но тамъ же было указано и на столкновеніе — въ *final'номъ* значеніи — *Optativ'a* съ *Conjunctiv'омъ*. Въ чемъ же разница между этими наклоненіями? Дѣйствіе, представляемое въ *final'ной* роли, предполагаетъ какое-нибудь *другое* дѣйствіе (поэтому и *Conjunctivus finalis*, и *Optativus finalis* синтаксически *подчинены*), при совершеніи котораго оно само имѣется непремѣнно въ виду *именно* какъ цѣль, т. е. какъ нѣчто, что только лишь должно *послѣдовать* за этимъ другимъ дѣйствіемъ. Согласно съ этимъ, въ *ῥήμα*, имѣющемъ *final'ное* значеніе, мы можемъ толковать всегда, конечно, о *будущемъ* времени, но это будущее время вполнѣ опредѣляется, какъ будущее, не съ момента *рѣчи*, а съ момента того *«другого» дѣйствія*, при которомъ наше *ῥήμα* получило *final'ное* значеніе. Съ момента *рѣчи* это будущее можетъ оказаться иногда и *прошедшимъ*: если я, изучая исторію, «познаю» и передаю слушателю теперь, по истеченіи слишкомъ 2000 лѣтъ, что въ Афинахъ Драконъ написалъ законы для того, чтобъ и подсудимые знали, чѣмъ руководятся судьи, то дѣйствіе «знать» представляется, конечно, будущимъ съ момента дѣйствія «написать», но съ момента моей *рѣчи* оно относится къ *прошедшему* времени. Словомъ, при *final'ныхъ ῥήματα*, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, приходится различать *absolut'ное futurum*, которое и съ момента *рѣчи* является будущимъ, отъ *relativ'наго futurum*, которое лишь съ момента дѣйствія является будущимъ, а съ момента *рѣчи* представляется прошедшемъ. И не былъ ли нашъ *«iterativ'ный» Optativus conditionalis* такое же *relativ'ное futurum* («и вотъ, по тогдашнимъ условіямъ, скажи кто-нибудь, когда-нибудь въ *будущемъ*, то-то,

то непремѣнно выходило тогда вотъ что»)? Что же касается нашихъ *final'ныхъ Conjunctiv'a* и *Optativ'a*, то спрашивается, гдѣ болѣе умѣстно предположить у говорящаго недоумѣніе (= опасеніе, колебаніе), что цѣль, *можетъ быть*, будетъ достигнута, но, чего добраго, останется и *недостигнутою* (*Conjunctivus finalis*), и гдѣ онъ, говорящій, склоненъ болѣе выставить цѣль просто какъ желаніе, быть *можетъ*, даже не свое, а *вообще* дѣйствующаго лица, на какое бы въ текстѣ ни было указано (*Optativus finalis*)? Что вызываетъ *скорѣе* чувство сомнѣнія и даже страха, дѣйствительное ли, *absolut'ное*, будущее, или только *relativ'ное*, *недѣйствительное*? — Конечно, *absolut'ное*, а потому *Conjunctivus finalis* приходится встрѣчать при *absolut'номъ* —, а *Optativus finalis* при *relativ'номъ* «будущемъ цѣли». Иногда при *relativ'номъ* будущемъ говорящій прямо такі чувствуетъ потребность выставить желаніе (цѣль), имѣвшееся въ виду при такомъ то дѣйствіи, *недостигнутымъ* и противорѣчающимъ тому, что на дѣлѣ было, и тогда, согласно приведенному на стр. 146, появляется въ языкѣ *optativ'ный Indicativ* (я хотѣлъ было сдѣлать то-то, чтобъ вы поняли, но . . . = ἡβουλόμην τοῦτο ποιεῖν, ἵνα ἔγνωτε, νῦν δέ . . .)

3. *Optativus potentialis* съ *ἄν* (*φαίην ἄν* и т. д.). Будущее время въ нашемъ *Optativ'ѣ* почувствовать нетрудно (и въ русскомъ языкѣ, вмѣсто «это, пожалуй, такъ и есть», мы можемъ сказать «да, это такъ и *будетъ*»); труднѣе почувствовать въ немъ наклоненіе *желательнаго* сужденія; въ этомъ виновато прежде всего *ἄν*, такъ какъ оно, подерживая представленіе *возможности осуществленія факта*, навязываетъ фразѣ вмѣстѣ съ этимъ представленіемъ и характеръ *познавательнаго* сужденія. Но, если принять во вниманіе, что *Optativus potentialis* часто выражаетъ передъ слушателемъ *скромность* (иногда и иронію, но иронія есть притворное незнаніе, — притворная скромность), и что выражать скромность значить, какъ говорятъ, не «настаивать» на чемъ-нибудь, а представлять то или другое лишь какъ свое *desiderium*, то и можно до нѣкоторой степени вникнуть въ смыслъ *Optativ'a* въ нашихъ случаяхъ, и ужъ конечно

вполнѣ объяснить себѣ прибавку къ этому Optativ'у слова *ἄν**) съ его ролью указывать лишь на *возможность*, а не на прямую, раскрытую дѣйствительность.

4. *Optativus orationis obliquae*. Косвенная рѣчь, это — передача говорящимъ слушателю не *своего* собственного »познавательнаго« или »желательнаго« сужденія, вообще не *своего λόγος'а*, а *λόγος'а чужаго* лица. При этой передачѣ говорящій можетъ почувствовать потребность *выразительно* указать слушателю на чужой *λόγος*, какъ на нѣчто, отвѣтственности за *правильность* чего онъ на себя не принимаетъ; другими словами, онъ можетъ почувствовать потребность *выразительно* указать на *субъективность* мысли, передаваемой имъ отъ имени чужаго лица. Я говорю, что потребность эту онъ *можетъ* почувствовать: это не значить, что она при передачѣ чужой мысли у говорящаго eo ipso появляется. При *непоявленіи* ея, косвенная рѣчь не имѣетъ никакого вліянія на наклоненія τοῦ ῥήματος; въ противномъ же случаѣ представленіе о такомъ же лишь *desiderium* чужаго лица, — *desiderium* съ точки зрѣнія самого *говорящаго*, не *ручающагося* ни за что, — о какомъ мы говорили въ potential'номъ Optativ'ѣ, становится *руководящимъ* для выбора наклоненія въ косвенной рѣчи, т. е. для появленія въ ней Optativ'a. Но тогда, если ужъ роль Optativ'a — выражать субъективность мысли (рѣчь идетъ, конечно, о *познавательныхъ* сужденіяхъ — »хотя и *desideri'ахъ* только« — въ *чужой* мысли), послѣдовательность требуетъ, чтобы

*) Какъ въ выраженіи εἴθε ἐρένοτο ταῦτα только слово εἴθε придало фразѣ характеръ желанія, хотя ἐρένοτο было формою *познавательнаго* сужденія; какъ въ final'номъ μή ταῦτα γένηται характеръ желанія »*трагически*« выражень только черезъ μή, а γένηται остается формою *познавательнаго* сужденія: такъ и въ фразѣ τοῦτο γένοιτο ἄν только ἄν придаетъ выраженію характеръ *познаванія*, а γένοιτο остается формою *желательнаго* сужденія. Да не подумаетъ читатель, что мы позволяемъ себѣ въ этихъ нашихъ объясненіяхъ какую нибудь натяжку. Возможность соединенія *познавательныхъ* выраженій съ *желательными* для достиженія въ общемъ контекстѣ одного какого нибудь изъ этихъ отгѣнковъ, — возможность эта становится *виднѣе*, если самое соединеніе устроится при помощи болѣе *крупныхъ* синтаксическихъ комплексовъ: »о если бы случилось такъ, что, вотъ, — человѣкъ пришелъ, поговорилъ по душѣ и т. д.«; это выраженіе, кажется намъ, *способно* выразить собою *степень* такой »возможности«.

Optativ не оставался наклоненіемъ лишь будущаго или »не-раскрытаго« настоящаго времени, но чтобы онъ располагалъ формами для *всѣхъ* временъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ онъ какъ бы замѣняетъ собою Indicativum orationis rectae. Для какихъ же временъ? Конечно, не для настоящаго, прошедшаго и будущаго, такъ какъ эти времена измѣняются лишь моментомъ рѣчи *говорящаго*, а казалось бы, — для *современности*, *преждевременности* и *послѣвременности*, т. е. для такихъ временъ, которыя измѣняются моментомъ рѣчи того лица, отъ имени котораго я, говорящій, передаю рѣчь (»онъ мнѣ говорилъ, что онъ пишетъ«; слово »пишетъ« указываетъ не на *настоящее* время, а на *современность* глаголу »говорилъ«).*) На дѣлѣ выходитъ иначе. Греческій языкъ не столько располагаетъ optativ'ными формами для выраженія *современности*, *преждевременности* и *послѣвременности*,**) сколько скорѣе употребляетъ свои Optativ'ы въ oratio obliqua по слѣдующимъ *видовымъ* отгѣнкамъ времени.

а) Этимологическія формы Optativi praesentis и perfecti, — послѣдняя съ отгѣнкомъ обозначенія *результата* дѣйствія, — указываютъ на *длительность* какъ »современную«, такъ и »преждевременную«.***) Во фразѣ »Гло-

*) Такъ понимаетъ и Бругманъ (Berichte der philos. hist. Classe der kön. sächs. Gesellschaft der Wissensch. 1863, стр. 174) и Paul (Princip. 228). Послѣдній довольно далеко заходитъ въ разборъ временъ *вообще*, и *именно* въ связи съ наклоненіями. Нельзя, впрочемъ, сказать, что его толкованіе правильно. Много можно бы ему возразить, хотя онъ, признавая, въ общемъ, что die modalen und temporalen Verhältnisse nicht unabhängig von einander sind (стр. 231), совершенно согласно съ нами утверждаетъ, что der Imperativ seiner Natur nach immer futurisch ist, desgleichen der Conjunctiv und Optativ, soweit sie bezeichnen, dass etwas geschehen *soll* (?) oder gewünscht wird.

**) Mutzbauer (Tempusl. 9): Die Darlegung zeigt gewiss so viel, dass die homerische Sprache das zeitliche Verhältniss der Handlungen zu einander, mag dies nun die Beziehung zum früher Geschehenen, oder die Vorstellung der ... Gleichzeitigkeit sein, ... nicht bezeichnet hat. Überhaupt hat niemals in der griechischen Sprache das Bestreben, die zeitlichen Beziehungen der Gedanken zu einander klar zu legen, bestimmenden Einfluss auf den Gebrauch der Tempora gewonnen.

***) Разъ онъ указываетъ и на современность, и на преждевременность (почему не упоминается здѣсь о *послѣвременности*, это выяснится ниже), то это значить, что *современность*, *преждевременность* и т. д. не суть категоріи, по которымъ различаются »временныя« формы Optativ'a.

σαφέρνῃς διέβαλλε τὸν Κῦρον πρὸς τὸν ἀδελφόν, ὡς ἐπιβουλεύει αὐτῷ» форма »ἐπιβουλεύει« должна быть понята въ смыслѣ современности по отношенію къ ῥήμα »διέβαλλε«, между тѣмъ какъ въ извѣстномъ »ἔλεγον, ὅτι τυγχάνοιεν φρούρανα συλλέγοντες κἀπειτα κατίδοιεν γέροντα« (Хен. Анаб. IV. 3. 11) форму »τυγχάνοιεν« слѣдуетъ понимать въ смыслѣ преждевременности по отношенію къ ῥήμα »ἔλεγον«.

б) Этимологическая форма Optativi aoristi указываетъ на одномоментность» (съ ея finitiv'нымъ, affirmativ'нымъ, и ingressiv'нымъ отгѣнками), — на одномоментность какъ современную, такъ и преждевременную. Во фразѣ ἔλεγε, ὅτι τοῦτο οὐκ ἐπὶ κακῇ τῆς πόλεως γένοιτο можно понимать форму γένοιτο въ смыслѣ преждевременности по отношенію къ ῥήμα »ἔλεγε«, но не исключается возможность толковать приведенную фразу и въ такомъ смыслѣ, что »то, что случилось во время его объясненій съ нами, онъ провозглашалъ за безвредное для города«.

в) Этимологическія формы Optativi futuri simplicis и futuri exacti (тутъ то онѣ, эти futural'ныя формы Optativ'a, встрѣчаются въ первый и послѣдній разъ, причемъ форма futuri exacti, конечно, — съ отгѣнкомъ обозначенія результата дѣйствія), обыкновенно принимаются за указателей послѣвременности, какъ чего то, противопоставляемаго современности съ одной, и преждевременности съ другой стороны. Такого взгляда на дѣло держался и я, пока не выяснилъ себѣ того, что во »временныхъ« измѣненіяхъ риматическихъ формъ нужно строго различать времена, какъ психо-логическую сторону симасіологіи τοῦ ῥήματος, — ту сторону, которая въ принятой нами схемѣ а—>б обозначена черезъ —>, — и »видовые отгѣнки« дѣйствія, которое въ нашей схемѣ обозначено черезъ букву а. Современность, преждевременность и послѣвременность, — все это, хотя и представляетъ собою времена relativ'ныя, а не absolut'ныя, т. е. времена, измѣряемая не говорящимъ, а тѣмъ, отъ имени кого говорящій передаетъ мысль, тѣмъ не менѣе относится къ психо-логической сторонѣ симасіологіи τοῦ ῥήματος, и мнѣ всегда казалось страннымъ, съ какой стати въ oratio obliqua, когда

Optativi praesentis, aoristi и perfecti, какъ »временныя« формы, не имѣютъ никакого дѣла съ этою психо-логическою стороною симасіологіи τοῦ ῥήματος, различаясь между собою только по видовымъ отгѣнкамъ дѣйствія, вдругъ должны съ нею считаться Optativi futuri simplicis и exacti.

Объяснить все это дѣло чрезвычайно трудно, но мы попытаемся, насколько возможно, истолковать его. Всѣ Optativ'ы, вплоть до Optativ'a orationis obliquae, были съ психо-логической стороны симасіологіи τοῦ ῥήματος futural'ными съ точки зрѣнія времени, къ которому относится сужденіе, и выраженіями желанія съ точки зрѣнія квалитативности сужденія. Эти два вопроса только и рѣшаются психо-логическою стороною симасіологіи τοῦ ῥήματος (смотри выше стр. 110). Нѣтъ сомнѣнія, что Optativus orationis obliquae свою futural'ность, т. е. способность выражать извѣстное время, къ которому относится сужденіе, потерялъ, оставаясь, какъ показатель desiderii, только при способности выражать квалитативность сужденія. Видовые отгѣнки дѣйствія у насъ до сихъ поръ были: вступленіе въ дѣйствительность (ingressiv'ность), процессуальность, а то и простая affirmativ'ность, законченность (finitiv'ность), переходъ дѣйствія въ состояніе (мы прибѣгли къ термину »результатъ« дѣйствія), исчезновеніе (βεβούλευκε значитъ »пересталъ быть булевтомъ«); а гдѣ же противоположность »исчезновенію«? — гдѣ же тотъ моментъ, когда »дѣйствіе« только еще собирается вступить въ дѣйствительность? При общей futural'ности Imperativ'a, Coniunctiv'a и Optativ'a его нечего было особо отмѣчать, потому что онъ былъ данъ самою futural'ностью этихъ наклоненій. Но когда эта futural'ность исчезла, — а это произошло именно въ Optativ'ѣ orationis obliquae, то его пришлось отмѣтить особо, и тогда и пригодились этимологическія формы Optativ'a futuri simplicis (въ дѣйствительность тутъ »собирается« вступить само дѣйствіе) и Optativ'a futuri exacti (въ дѣйствительность тутъ собирается вступить состояніе какъ результатъ дѣйствія).*)

*) Что съ этимъ моментомъ, т. е. съ тѣмъ, когда дѣйствіе или его результатъ только еще собирается вступить въ дѣйствительность, — что

Читатель, навѣрно, подмѣтилъ, что то же самое придется повторить при *ὅνομα ῥήματος* (при такъ называемомъ »неопредѣленномъ наклоненіи«). *ὅνομα ῥήματος*, не выражающее сужденія, не имѣетъ и времени, которыхъ требуетъ психо-логическая сторона сужденія. Временныя измѣненія его формъ относятся только къ видовымъ отбѣнкамъ *δυνάμει*; и вотъ, когда по контексту все дѣйствіе относится къ futur'u (напр. *βούλεται πράττειν*), тогда *ὅνομα ῥήματος* представляетъ только формы *πράττειν*, *πράξει*, *πείραχέναι* (только въ смыслѣ симасіологической *тавтологии* встрѣчается иногда *βούλεται πράξειν*), а когда этой futur'ности въ контекстѣ нѣтъ, тогда выступаетъ наряду съ упомянутыми тремя формами еще и форма *πράξειν*. То же самое мы видимъ и въ *μετοχή* (въ »причастіи«).

Изложеннаго, кажется намъ, достаточно, чтобы почувствовать въ *ῥήμα* все богатство средствъ для выраженія разныхъ отбѣнковъ мысли и все его преимущество передъ остальными частями рѣчи. Это преимущество *τοῦ ῥήματος* доходитъ даже до полной его самостоятельности — въ томъ смыслѣ, что его одного, какъ выраженія *при-сужденія* чего то чему то, и какъ выраженія такой или иной *каллитативности* сужденія, относящейся къ такому или иному времени, совершенно достаточно для выраженія довольно сложной мысли, особенно, разъ само присуждаемое »что-то«, т. е. самъ присуждаемый »признакъ« или »дѣйствіе«, надѣлено и залоговыми отбѣнками, и способностью выступать въ *ῥήμα* въ разныхъ моментахъ своего развитія: *δεῖ*, *βέι*, *ὑράφω* и т. д., это все — цѣлая рѣчь. Трудно было придумать для *ῥήμα* болѣе удачный терминъ: слово *ῥήμα* образовано отъ основы *ῥε*, появляющейся въ *εἰρηκα*, *ἐρρηθήν* и др., — образовано оно такъ, какъ образовано *ὑράμια* (= писанное — писаніе) отъ *ὑράφ*, и значитъ *реченное, реченіе, рѣчь*. Въ русской терминологіи мы остаемся при терминѣ *глаголь*, исключая изъ него, какъ къ тому

съ этимъ моментомъ вполне совпадаетъ »послѣвременность«, и что, стало быть, она не могла имѣть мѣста при Optativ'ахъ praesentis, aoristi и perfecti, само собою разумѣется.

ведетъ все наше изслѣдованіе, »неопредѣленное наклоненіе« и »причастіе«.

Но преимущество »глагола« передъ другими частями рѣчи замѣчается еще и въ другомъ отношеніи. Какъ уже сказано на стр. 58, для тѣхъ, которые въ »глаголь« видятъ minimum »предложенія« и думаютъ, что »предложеніе не можетъ обойтись безъ »глагола«, мы можемъ опредѣлить »предложеніе«, какъ *глаголь съ его симасіологическими дополненіями*. Правда, »предложеніе« есть нѣчто, предѣлы чего обозначаются довольно крупными »паузами«, а слѣдить за »паузами« есть дѣло другого, *высшаго* синтаксиса, который мы установили на стр. 64, и который долженъ слѣдовать за нашею симасіологіею частей рѣчи и ихъ формъ; но отчего не захватить изъ этого синтаксиса то, что изъ нашей симасіологіи вытекаетъ непосредственно, тѣмъ болѣе что опредѣленіе »предложенія« имѣетъ и для насъ нѣкоторое значеніе: оно *указываетъ на предѣлы нашей задачи*. Вообще же наше настоящее разсужденіе ведетъ къ двумъ слѣдующимъ замѣчаніямъ:

1. И выраженія »пора!« — »набатъ!« были законченною рѣчью и заставляютъ насъ рядомъ съ риматическими или глагольными предложеніями признавать и ономатическія (сравни объ этомъ выше стр. 91.) Ниже мы убѣдимся, что ономатическія предложенія не ограничиваются выраженіями, состоящими изъ одного слова, а что они допускаютъ и »осложненіе«.

2. Выраженія »молчать!« »на плечо!« представляютъ изъ себя тоже законченную рѣчь, суть тоже выраженія, сопровождающіяся крупною паузою, суть тоже предложенія, но . . . . Что *глагольного* характера они не имѣютъ, это читатель видитъ съ перваго разу. Однако и ономатического характера усматривать въ нихъ нельзя. Въ выраженіи »на плечо!« хотя и встрѣчается *ὄνομα*, именно слово *плечо*, но оно не имѣетъ ни того *самостоятельнаго* положенія, какое мы должны приписать *ὄνομα* въ выраженіи »пора!«, ни той *господствующей* роли, въ силу которой оно захватывало бы къ себѣ другія симасіологическія допол-

ненія, напротивъ, оно *само* зависить симасіологически отъ *другого* слова, — отъ слова «*на*». Что же касается выраженія «молчать!», то останется ли оно, какъ *ὄνομα ῥηματος*, въ *ὀνόματ'α*хъ, или нѣтъ (все это выяснится ниже), тѣмъ не менѣе, однако, характеръ «предложенія» оно получаетъ *только* благодаря его *imperativ'ному* тону. Нельзя не замѣтить, что этотъ *imperativ'ный* тонъ вложенъ въ наше выраженіе *извнѣ*, что онъ вовсе не данъ самою грамматическою *формой* слова *молчать*, и что, не будь этого тона, слово *молчать* будетъ чувствоваться *вырваннымъ* изъ цѣльной рѣчи, — будетъ чувствоваться, правда, «*частью*» рѣчи, но *частью* рѣчи *неопредѣлимою*, такъ какъ самой *рѣчи* нѣтъ на лицо. Это не то, чѣмъ было выше слово «пора!» (см. стр. 94.). Последнее и *помимо* восклицательнаго тона было выраженіемъ *сужденія*, наше же «молчать!» представляетъ собою одинъ изъ тѣхъ случаевъ, о которыхъ Wegener (Untersuch. 68—9) говоритъ: So wenig die Gesellschaft bestehen kann, wenn ihre Glieder von ihren rein selbstischen Zwecken beherrscht werden, ebensowenig die auf der Gesellschaft ruhende Sprache; denn die Sympathie ist die fundamentalste Voraussetzung alles Sprachverständnisses. Keine Mutter würde das Weinen des Kindes als Aufforderung verstehen, ihm zu helfen. Niemand würde das weinerlich gesprochene «Butterbrod», «meine Stiefeln» als *Imperativ* fassen . . . . Aber ebensowenig wäre Sprachverständniss möglich, wenn uns der selbstische Trieb fehlte, wenn wir nicht bei jeder sprachlichen Aeußerung eines Anderen nach dem Zweck derselben fragten . . . . So *veranlasst uns der selbstische Trieb, das Sprechen eines Anderen als zweckvoll anzusehen, die Sympathie dagegen, auf das Sprechen des Anderen zu achten und dasselbe zu deuten*. Der Massstab und das Schema, nach den Beides geschieht, sind unsere eigenen Zustände des Begehrens und der *Gefühls-erregung*.

Вотъ этотъ *самбстическй* Триб съ одной — и Sympathie съ другой стороны дѣлають часто незаконченную, въ сущности, рѣчь *законченную*, обставляя ее *помимо* плача,

о которомъ упоминаетъ Wegener, и *помимо* всевозможныхъ *другихъ* «Gefühlserregungen», особливо *интонировкою* *произношенія*. Мы уже упоминали о такой рѣчи на стр. 3. въ примѣрахъ «*Quos ego!*» и «*вонъ отсюда!*» ее мы должны усматривать и *здѣсь*, не только въ выраженіи «*молчать!*», но и въ выраженіи «*на плечо!*», и не безъ основанія, какъ оказывается, мы ее на стр. 3. назвали «брахилогическою». Такая «брахилогическая» рѣчь, дѣлающаяся «рѣчью» только благодаря *тону*, слѣдить за которымъ не наше дѣло, не можетъ составлять предметъ *нашего* изслѣдованія, а относится къ *высшему* синтаксису; въ *нашемъ* изслѣдованіи мы будемъ двигаться *только* въ предѣлахъ глагольныхъ и оно-матическихъ «предложеній». А потому *исключаемъ* изъ нашего изслѣдованія такія явленія, какъ *φεῦ τῆς ἀνοίας!*, *ὦ Ζεῦ βασιλεῦ, τῆς λεπτότητος τῶν φρενῶν!* (Aristoph. Nub. 153), «*τῆς τύχης τὸ ἐμὲ νῦν κληθέντα δεῦρο τυχεῖν!*» (Xen. Cyr. II. 2. 3.), «*Ζεῦ ἄνα Τηλέμαχόν μοι ἐν ἀνδράσιν ὄλβιον εἶναι*» (Od. ρ 354), «*δεινὸν γε τὸν κήρυκα τὸν παρὰ τοὺς βροτοὺς οἰχόμενον, εἰ μηδέποτε νοστήσει πάλιν*» (Aristoph. Av. 1269), «*ὥς ἔπος εἰπεῖν*», «*ὀλίγου δεῖν*» и т. д. Пусть тотъ *высшій* синтаксистъ, когда въ предѣлахъ *полной* рѣчи будетъ опредѣлена симасіологія частей рѣчи и ихъ формъ, — пусть онъ займется вопросомъ, какъ могла такая то часть рѣчи или такая то ея форма примириться съ «паузою» и съ «тономъ» и составить, *благодаря* этой паузѣ и этому тону, *законченную* рѣчь. Мы же теперь послѣ разбора *глагола* перейдемъ къ *новой* части рѣчи.

III.

Первый отдѣлъ обѣ имени (nomen).

Какая часть рѣчи должна занять *второе* мѣсто въ разсматриваемомъ нами *ἄλειρον*, это не требуетъ никакихъ глубокомысленныхъ разсуждений и соображеній. *Ὀνόματα* сами напрашиваются на это второе мѣсто. Древнимъ философамъ — грекамъ, когда они еще только приступали къ рѣшенію задачи, за которую взялись мы, и *эта* часть рѣчи до того бросалась въ глаза своею *крупностью* сравнительно съ остальными словами, что они, ставя ее по *вѣсу рядомъ и наравнѣ* съ глаголами,*) все остальное находили возможнымъ отмѣтить однимъ *сборнымъ* терминомъ

*) Schoemann'y (Redeth. 28 п сл.) не правятся указанія, съ которыми постоянно приходится встрѣчаться у греческихъ грамматиковъ (Шеманъ приводитъ самыя мѣста изъ нихъ), и которыя гласятъ, что (см. напр. Aroli. Dysc. de constr. I. 12) *τοῦ ῥήματος ἀναγκαίως πρόκειται τὸ ὄνομα, ἐπεὶ τὸ διατίθεναι καὶ τὸ διατίθεσθαι ὁ ὄματος ἴδιον, τοῖς δὲ ὀνόματιν ἐπικείται ἡ θείσις τῶν ὀνομάτων, ἐξ ὧν ἡ ἰδιότης τοῦ ῥήματος*. По поводу этого и подобныхъ мѣстъ Шеманъ находитъ нужнымъ доказывать древнимъ *«die Priorität des Verbum vor dem Nomen»*. По нашему мнѣнію онъ это дѣлаетъ напрасно. Указаніе древнихъ не относится здѣсь къ степени *важности синтаксическаго значенія* одной изъ этихъ частей рѣчи преимущественно передъ другою, а просто имѣетъ въ виду нѣкоторый *внѣшній порядокъ* въ *перечисленіи* частей рѣчи: въ рѣчи, *соединяющей ῥήμα съ ὄνομα*, мы, какъ будто (да опять таки *только* какъ будто; сравни выше стр. 92) *высказываемся* о предметѣ (о *ὄνομα*), а потому можно разсуждать такъ, что сначала долженъ быть на лицо самый предметъ, а потомъ только можно о немъ высказываться. Этотъ *внѣшній* порядокъ частей рѣчи Аполлоній (de constr. I. 13—18) устанавливаетъ такъ: *ὄνομα, ῥήμα* (неопредѣленное наклоненіе не выставлено въ этой статьѣ какъ *особая* часть рѣчи), *μετοχή* (*ἄτε μετέχουσα καὶ τοῦ ὀνόματος καὶ τοῦ ῥήματος*), *ἄρθρον*, *ἀντωνυμία*, *πρόθεσις*, *ἐπίρρημα* и *οὐνδεσμος*. Аполлоній очень озабоченъ въ указанной статьѣ тѣмъ, чтобы такъ или иначе обосновать этотъ *внѣшній* порядокъ *перечисленія*. Когда же идетъ вопросъ о степени *важности синтаксическаго значенія* частей рѣчи, то тогда Аполлоній, сравнивая *одну* часть рѣчи съ *гласными* звуками слова, а другія — съ *согласными*, выражается слѣдующимъ образомъ (de constr. I. 9): *αἱ μὲν γὰρ*

»ἄρθρον« (средство для склеиванія) или *»οὐνδεσμος«* (союзъ.*) Въ нашемъ дѣлѣ является важною задачею не столько — *замѣтить ὄνομα* какъ отдѣльную часть рѣчи, сколько скорѣе — опредѣлить ея *границы* и произвести надлежащее дѣленіе внутри ея самой.

Если глаголь, двоякостью выраженныхъ въ немъ *»представлений«* (а и б) и всею психо-логическою стороною своей симасіологіи, прямо насъ окунаетъ въ *цѣльную* рѣчь; если глаголь или самъ есть рѣчь, или, по крайней мѣрѣ, представляетъ собою *остовъ* рѣчи, на который, какъ мы замѣтили въ концѣ предыдущаго отдѣла, все остальное въ рѣчи опирается; если глаголь, выражаясь короче, мыслимъ *только* въ рѣчи: то *ὄνομα* отличается отъ глагола *именно* тѣмъ, что оно мыслимо *между прочимъ* — а можетъ быть и *прежде* всего — *внѣ* рѣчи и *внѣ* связной мысли, понимаемая связную мысль какъ *сужденіе* и *разсужденіе*. Я говорю *»между прочимъ«* въ виду того, что на стр. 91-4 мы выясняли слова *»набатъ!«*, *»пора!«* и т. п., какъ выраженія *рѣчи*, и притомъ *цѣльной*, не нуждающейся ни въ какихъ пополненіяхъ. Цѣльную рѣчь мы усматривали въ словахъ *»набатъ!«* и пр. тогда, когда присвоеніе *названія* такому или иному явленію или же засвидѣтельствованіе *существованія* чего нибудь составляло *задачу* для мыслящаго, было *предметомъ* сужденія, такъ что *разрѣшеніе* этой задачи, т. е. дѣйствительное *поименованіе* явленія или дѣйствительное *засвидѣтельствованіе* чего нибудь, — то и другое совершается черезъ *произнесеніе* слова, — представляло собою самое *сужденіе*. Въ массѣ случаевъ, однако, не бываетъ того, чтобы произнесеніе единичнаго слова — глаголь, съ его психо-логическою стороною симасіологіи, тутъ *исключается* — было *вмѣстѣ* съ тѣмъ и *выраженіемъ* сужденія.**)

αὐτῶν (разумѣй *частей рѣчи*) — *τρόπον τιὰ τῶν φωνηέντων ἔηται εἶδε, καθάπερ ἐπὶ τῶν ῥημάτων* (вотъ, что здѣсь на *первомъ* мѣстѣ!) *ἔστιν ἐπινοῆσαι, ὀνομάτων, ἀντωνυμῶν, ἐπίρρημάτων*.

*) Обѣ этомъ — впрочемъ, *общезвѣстномъ* — вопросъ можно спрашиваться хотя бы у Steinthal'я (Gesch. 255).

**) Исключеніе тутъ могутъ составлять *отвѣты* (*τί τοῦτο γράφεις: ἐπιστολήν*). Но отвѣты составляютъ *синтаксическое продолженіе* вопросовъ,

Въ массѣ случаевъ произнесение слова является простымъ отраженіемъ того, что рисуется въ представленіи говорящаго, — простымъ вѣншимъ символомъ внутренней картины. Въ массѣ случаевъ произнесение слова является не чѣмъ то искомымъ для представленія, чѣмъ то окончательно формулирующимъ представленіе, какъ это было въ выраженіяхъ «набатъ!» и «пора!», а чѣмъ то даннымъ вмѣстѣ съ представленіемъ и прорывающимся наружу въ силу потребности души нашей, живущей въ тѣлѣ, воплотить свои переживанія въ эти вѣншіе символы. Короче говоря, въ массѣ случаевъ мы, произнося слово, не *вопросъ* рѣшаемъ, а только «выражаемъ» то, что рисуется въ нашемъ представленіи, точно математикъ, который, «представляя» треугольникъ, въ это время проводитъ линіи руками по воздуху или чертитъ треугольникъ на доскѣ.

Какъ же мы опредѣлимъ въ такомъ случаѣ *ὄνομα*, предполагая, что оно есть не выраженіе сужденія, а отраженіе представленія, образующагося притомъ *ἐν* рѣчи и *ἐν* связанной мысли? Пока мы его можемъ опредѣлить, какъ вѣншій символъ «представленій» о личностяхъ или, выражаясь короче, — какъ вѣншій символъ *самихъ* личностей, а также предметовъ и всякихъ явленій вѣншняго и нашего внутренняго міра, словомъ, — всѣхъ тѣхъ *ὄντα*, о которыхъ Платонъ разсуждаетъ *прежде* всего въ Софистѣ. Когда мы — сказано въ Софистѣ (смотри, между прочимъ, 250 а и сл.) — произносимъ фразу *κίνησις καὶ στάσις ἔστιν* (движеніе и стояніе существуетъ), то тутъ есть *три* *ὄντα*: 1. *κίνησις*, 2. *στάσις*, а 3. та *οὐσία*, — то *существованіе*, которое мы, въ данной фразѣ, черезъ слово *ἔστιν* приписываемъ и движению, и стоянію.***) Точно также, — ска-

*) Plat. Soph. 250 а и сл.:

Εἶεν δὲ, κίνησιν καὶ στάσιν ἃ οὐκ ἐναντιώτατα λέγεις ἀλλήλοις;

Πῶς γὰρ οὐ;

Καὶ μὴν «εἶναι» γε ὁμοίως φῆς ἀμφοτέρᾳ αὐτὰ καὶ ἑκάτερον;

Φημί γὰρ οὐν.

Ἄρα κινεῖσθαι λέγων ἀμφοτέρᾳ καὶ ἑκάτερον, ὅταν «εἶναι» συνηρῆς;

Ὁὐδαμῶς.

жемъ мы въ подражаніе Платону, — когда говорятъ *ἡ μὲν ἐπιστήμη τὴν ἀλήθειαν περὶ τῶν ὄντων διακριβοῦται, ἡ δὲ δόξα ψεύδεται περὶ αὐτῶν*, то здѣсь выступаютъ *шесть* *ὄντα*, а именно: 1. *знаніе*, 2. *истина*, 3. *разъясненіе*, 4. *мнѣніе*, 5. *ложь*, а 6. — *ое* *ὄν* Платонъ усмотрѣлъ бы у насъ въ самомъ *ὄντα*, точно такъ же какъ выставляютъ наряду съ «понятіемъ» лошади, дерева и т. д. и «понятіе» самого *понятія*. Сами *ὄντα*, перечисленные здѣсь при помощи ихъ вѣншнихъ символовъ, т. е. при помощи *τῶν ὀνομάτων*, представляютъ собою, каждое въ отдѣльности, нѣчто *вполнѣ самостоятельное*. Они никакого сообщенія другъ съ другомъ не ищутъ и стоятъ рядомъ какъ столбы, которые можно соединить, если кому захочется, въ *связной мысли*. Соответственно этому ихъ вѣншіе символы, *ὀνόματα*, чувствуются каждое про себя чѣмъ то самостоятельнымъ, цѣльнымъ, *не нуждающимся* ни въ какомъ дополненіи, но *поддающимся*, если кто захочетъ, соединенію въ *связной рѣчи*. Вотъ въ какомъ смыслѣ мы говорили, что *ὀνόματα* мыслимы и *ἐν* рѣчи, *ἐν* связанной мысли, и вотъ въ какомъ смыслѣ мы искали ихъ опредѣленія, когда мы говорили, что они въ этомъ опредѣленіи должны фигурировать не «какъ выраженія сужденія», а какъ стоящія *ἐν* рѣчи и *ἐν* связанной мысли.

Приведенное разсужденіе ведетъ прежде всего къ двумъ примѣчаніямъ, изъ которыхъ каждое въ отдѣльности, въ свою очередь, должно послужить исходною точкою наблюдений, немаловажныхъ въ предпринятой нами задачѣ.

Въ поискахъ нашихъ за логическимъ объемомъ термина «*ὄντα*» мы руководились тѣмъ, чтобы «личности», т. е. сами носители мысли или *мыслящія* существа, не выступали *господствующими* въ этомъ объемѣ, а чтобы они скорѣе

Ἄλλ' ἐστάναι σημαίνει, λέγων αὐτὰ ἀμφοτέρᾳ «εἶναι»;

Καὶ πῶς;

Τρίτον ἄρα τι παρὰ ταῦτα τὸ ὄν ἐν τῇ ψυχῇ τιθεῖς, ὡς ὅπ' ἐκείνου τὴν το στάσιν καὶ τὴν κίνησιν περιχομένην συλλαβὴν καὶ ἀπιδὼν αὐτῶν πρὸς τὴν τῆς οὐσίας κοινωρίαν, οὕτως «εἶναι» προείπες ἀμφοτέρᾳ;

Κινδυνεύομεν ὡς ἀληθῶς τρίτον ἀπομαντεύεσθαι τι τὸ ὄν ὅταν «κίνησιν καὶ στάσιν εἶναι» λέγωμεν.

составляли минимальную его часть. Въ дѣйствительности оно такъ и есть, но совершенно иначе рисуется дѣло въ *представленіи* этихъ носителей мысли, на которое мы такъ намираемъ въ нашемъ изслѣдованіи. Мы говоримъ здѣсь не о томъ періодѣ придумыванія словъ вообще, а τῶν ὀνομάτων въ частности, когда люди, при совершенно уже установившемся типѣ языка, начали вводить новыя слова для новыхъ предметовъ и явленій просто по образцу уже готовыхъ словъ, такъ сказать, по *шаблону*, не только не вдумываясь особенно, но и не думая вдумываться въ тотъ процессъ, черезъ который получился самый шаблонъ, и замѣнивъ *сознательное* отношеніе къ дѣлу болѣе или менѣе бессознательною *рутиною*. Итакъ, не объ этомъ періодѣ образованія словъ идетъ рѣчь. Но ему предшествовалъ иной, хотя и лежащій въ сѣдой доисторической давности, а потому трудно поддающійся изслѣдованію, но несомнѣнно *глубоко* поэтический періодъ самого *творчества* языка, когда люди, надо думать, не только сами являлись живыми и «личностями», но оживляли и олицетворяли всю окружающую ихъ природу, точно такъ же, какъ оживляли и олицетворяли все то, чѣмъ они въ удовлетвореніе своихъ *духовныхъ* потребностей наполняли свой *внутренній* міръ. Вотъ тутъ то всякое подлежащее наименованію ὄν (былъ ли то οὐρανός, бурный ли потокъ, или какая нибудь πόλις, какая нибудь ἀρετή, какое нибудь яблоко) представлялось людямъ то производителемъ или вообще активной *силою* (иногда даже не плодотворною и сѣющею, а просто разрушительною), то женою, оплодотворяемою, раждающею, или обнаруживающею другія свойства, присущія только ей, въ противоположность мужчинѣ, то, наконецъ, произведеніемъ или плодомъ. Это поэтическое настроеніе творцовъ слова отпечатлѣлось и въ языкѣ, въ самихъ ὀνόματα, дифференцировавшихъ своими окончаніями роды: мужескій (γένος ἀρσενικόν), женскій (γένος θηλυκόν) и «ни тотъ, ни другой» (γένος οὐδέτερον — neutrum).*) Какое значеніе имѣетъ это примѣчаніе для насъ,

*) Известна статья Grimm'a (D. Gramm. III. 311—563), въ которой этотъ великій ученый, выясняя «естественный» родъ въ цѣломъ рядѣ названій

увидимъ ниже; пока пусть оно такъ и остается примѣчаніемъ. Нелишне прибавить еще одно: не всякій языкъ олицетворяетъ одно и то же явленіе одинаково; различіе въ народныхъ міровоззрѣніяхъ отразилось и здѣсь, и въ различныхъ языкахъ внѣшніе символы для однихъ и тѣхъ же явленій не всегда соотвѣтствуютъ другъ *другу* по родовымъ окончаніямъ.

Второе наше примѣчаніе касается слѣдующаго. Ἐπιστήμη, — говорили мы, — ἀλήθεια, διακρίβωσις, δόξα, ψεῦδος, ὄντα, — все это ὀνόματα τῶν ὄντων и чувствуются каждое само по себѣ чѣмъ то самостоятельнымъ, цѣльнымъ, не нуждающимся ни въ какомъ дополненіи, но находящимся *внѣ* связной рѣчи, точно такъ же, какъ сами ὄντα находятся внѣ связной *мысли*. Связная мысль изъ этихъ ὄντα и, соотвѣтственно этому, связная рѣчь (или *просто* «рѣчь», такъ какъ мы подъ «рѣчью» *именно* разумѣемъ выраженіе связной мысли) вышла у насъ такая: ἡ μὲν ἐπιστήμη τὴν ἀλήθειαν περὶ τῶν ὄντων διακρίβωται, ἡ δὲ δόξα ψεύδεται περὶ αὐτῶν. Въ этой «рѣчи» ὀνόματα διακρίβωσις и ψεῦδος превратились въ глаголы. Это значить, что явленія, которыя были прежде обозначены черезъ слова διακρίβωσις и ψεῦδος, отнесены теперь къ извѣстному времени и, какъ «дѣйствія», имѣющія начало, развитіе и конецъ, присуждены — съ *познавательнымъ*, въ данномъ случаѣ, отъѣнкомъ — извѣстнымъ «лицамъ» въ извѣстномъ «залоговомъ» къ нимъ отношеніи. «Лицами», которымъ присуждены эти «дѣйствія», при *ближайшемъ ихъ опредѣленіи* (въ глаголахъ διακρίβωται и ψεύδεται они *просто* отмѣчены какъ *постороннія* бесѣдующимъ) оказываются ἐπιστήμη и δόξα. При этомъ сами слова «ἐπιστήμη» и «δόξα» не поддались въ *связной* рѣчи никакимъ измѣненіямъ и остались, какъ выражались греки, ὁρθαί, т. е. такими, какими они были *внѣ* связной *рѣчи*, когда исполняли

предметовъ на почвѣ олицетворенія (стр. 315—355), высказывается о «грамматическомъ» родѣ (т. е. о томъ, гдѣ за олицетвореніемъ услѣдить нельзя) слѣдующимъ образомъ (114): Das grammatische Geschlecht ist eine, aber im frühesten Zustande der Sprache schon vorgegangene Anwendung oder Übertragung des natürlichen auf alle und jede Nomina.

роль наименованій τῶν ὀντων, находившихся, въ свою очередь, *ἐν* связной мысли. Затѣмъ, при составленіи изъ нашихъ ὄντα связной рѣчи оказалось нужнымъ вставить такія слова какъ: ἡ, μέν, τήν, περί, τῶν, δέ, αὐτῶν, которыя мы, по примѣру древнихъ, назовемъ пока какими то ἄρθρα или σύνδεσμοι. Что же касается словъ ἀλήθεια и ὄντα, то они, хотя и остались въ связной рѣчи тѣми же ὀνόματα, тѣми же наименованіями τῶν ὀντων, какъ ими остались и ἐπιστήμη и δόξα, но, въ сравненіи съ послѣдними, немного измѣнились, — измѣнились, очевидно, потому, что на нихъ отразилась та transitivityность слова διακρίβουται, на которую мы указывали въ статьѣ о залогахъ (стр. 108). Они уже не стоятъ въ связной рѣчи ὀρθῶς, какъ слова ἐπιστήμη и δόξα, а »покосились«, какъ выражались древніе (εἰς πλάγιον ἐκλίθη) *), подѣ влияніемъ слова διακρίβουται, причемъ одно изъ нихъ покосилось подѣ этимъ влияніемъ при посредствѣ ἄρθρ'а περί. **) О разныхъ »паденіяхъ« (такъ еще выражались греки) τῶν ὀνομάτων, т. е. о падежахъ (πτώσεις), — о томъ, какія отношенія выражаются тѣмъ или инымъ падежемъ, намъ и придется распространиться въ настоящее время и оставить неоконченнымъ »опредѣленіе границъ« τοῦ ὀνόματος (словомъ ὄντα ихъ окончательно не опредѣлишь) и дѣленіе τοῦ ὀνόματος внутри его самого. Такъ ужъ сплетается вопросъ съ вопросомъ.

Приступая къ рѣшенію вопроса о значеніи падежей, мы прежде всего должны отмѣтить, что и та форма τοῦ ὀνόματος, въ которой ὄνομα стоитъ ὀρθῶς, названа древними πτώσις. Такъ и математикъ, когда обѣ стороны угла вытянулись въ одну прямую линію, и когда собственно никакого »угла«, никакого *уклона* сторонъ нѣтъ, говорить объ »углѣ«

*) Смотри схоліи къ грамматикѣ Діонисія Тракийскаго (В. А. II. 862. 5), гдѣ само слово ὀρθῶς объясняется такъ, что ὄνομα, которое стоитъ ὀρθῶς, ὀπὸ πλάγιος ἐκλίθη.

**) Читателю можетъ показаться страннымъ различіе отгнѣковъ »при посредствѣ« и »подѣ влияніемъ«. Оно будетъ оправдано въ пятомъ отдѣлѣ нашего изслѣдованія.

(объ углѣ 180°).*) Надежъ, въ которомъ ὄνομα стоитъ ὀρθῶς, — древніе тутъ толковали объ ὀρθῇ πτώσει — названъ ὀνομαστική (именительный). Нѣтъ сомнѣнія, что это названіе очень приличествуетъ нашему падежу *прежде* всего въ виду той его роли, о которой мы только что упоминали, т. е. роли вѣшняго символа τῶν ὀντων, когда послѣднія находятся *ἐν* связной рѣчи. Мы сами, разсуждая о такой ихъ роли, постоянно прибѣгали къ выраженію »наименованія« (= »поименованія« = »названія«) τῶν ὀντων. Какой же смыслъ, спрашивается, приобретаетъ именительный падежъ въ »рѣчи«?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служатъ прежде всего тѣ выраженія »набатъ!« и »пора!«, которыя *сами по себѣ* представляютъ »рѣчь«. Насколько здѣсь »именительный« падежъ — въ своей роли, читатель можетъ усмотрѣть изъ нашихъ разсужденій объ этихъ выраженіяхъ на стр. 90—4: Въ выраженіи »набатъ!« все дѣло заключалось въ »поименованіи« явленія, а что »засвидѣтельствовать« пору можно черезъ ея »поименованіе« (раньше мы говорили: черезъ произнесеніе слова »пора«), это съ психологической точки зрѣнія не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Въ дальнѣйшемъ разборѣ употребленія именительнаго падежа въ »рѣчи« мы переходимъ уже къ выраженіямъ посложнѣе, т. е. къ выраженіямъ, состоящимъ болѣе чѣмъ изъ одного слова. Мы имѣемъ въ виду сложныя выраженія, все еще чисто ономатическія, въ родѣ: *орелъ* — *хищникъ*, *ясень* — *дерево* и т. п. Если мы прибѣгаемъ и здѣсь къ русскимъ примѣрамъ, а не къ греческимъ, то это объясняется тѣмъ, что греческій языкъ вообще относится не особенно благо-

*) Древніе любили поднимать вопросъ: πῶς δ' οἶόν τε εἶναι τὴν ὀνομαστικὴν »ὀρθῶς« καὶ (= и въ то же время) »πλώσειν« λήγεσθαι, и отвѣчали на него слѣдующимъ образомъ (В. А. II. 861): Καθὸ γὰρ πέπτωκεν ἀπὸ τοῦ κοίτου εἰς ἰδιότητα (имѣется въ виду, очевидно, внесеніе именительнаго падежа въ »рѣчь«, т. е. въ связную рѣчь, и приведеніе его въ известное отношеніе къ другимъ словамъ рѣчи), ὀνομάζεται πτώσις· καθὸ δὲ πρὸς ὅσα ἐμὲν καὶ ἔσται, ὥσπερ ἦν ἐν τῷ γυνικῷ (т. е. при появленіи ихъ *ἐν* »рѣчи«), καλοῖτο ἂν ὀρθῇ. . . . ὥσπερ ἐάν τις λάβῃ γραφεῖον καὶ ἀφῇ εἰς γῆν καὶ ὀρθῶν στῇ, καθὸ μὲν πέπτωκε ἀπὸ τῆς χειρὸς, δοκεῖ πεπτωκέναι, καθὸ δὲ πρὸς ὅσα ἔσται, λέγεται ὀρθῶν.

склонно къ *ономатической* рѣчи, хотя не безусловно изгоняетъ ее (сравни: οὗκ ἀγαθὸν πολυκοιρανίη).

Фразу *орелъ—хищникъ* можно понимать двояко: или она обозначаетъ, что предметъ, «поименованный» въ первомъ словѣ (въ словѣ *орелъ*), *принадлежитъ* къ хищникамъ, т. е. что логическій *объемъ* этого перваго слова составляетъ *часть* логическаго объема слова *хищникъ*, или же при произнесении ея *созвѣмъ* не обращается вниманіе на отношеніе логическихъ объемовъ тѣхъ *δυνάμεων*, которыя вошли въ ея составъ. Въ послѣднемъ случаѣ соединены въ цѣльную рѣчь два *δυνάμια* просто для того, чтобы первое изъ нихъ, слово *орелъ*, «поименовывало» предметъ, а второе отмѣчало бы собою присуждаемые этому предмету *признаки*, поскольку они *выражены* въ этомъ второмъ *δυνάμει*, какъ *названіи* *ὄντος*, совершенно *отличнаго* отъ перваго *ὄν* т. е. отъ того *предмета*, которому эти признаки присуждаются. Поймемъ ли мы нашу фразу по первому толкованію, или по второму, въ томъ и другомъ случаѣ два *δυνάμια* относятся къ одному предмету, и, какъ изъ самого толкованія явствуетъ, именительный падежъ въ словѣ *орелъ* нисколько не уклоняется отъ своей *первоначальной* роли, а почему слово *хищникъ* попало въ именительный падежъ, это выяснится ниже.

Итакъ, во фразѣ «*орелъ—хищникъ*» два *δυνάμια* относятся къ одному предмету. Не вызываетъ ли это толкованіе какого нибудь недоумѣнія, и остаются ли въ нашей фразѣ оба *δυνάμια* тѣмъ же, чѣмъ они были *внѣ* рѣчи, т. е. названіями *настоящихъ* *ὄντων* или, какъ мы сказали на стр. 160., внѣшними символами внутренней картины? (что выраженія «набать!» и «пора!» *не суть* такіе внѣшніе символы внутренней картины, на это уже указано на той же стр. 160.). Для уничтоженія всякаго недоумѣнія мы спросимъ: чувствуется ли какая нибудь разница между выраженіями *собака — другъ человѣку* и *собака дружественна человѣку*? Разница, несомнѣнно, *есть*, и довольно большая. Мы не можемъ пока разяснять въ подробностяхъ симасіологическое положеніе въ рѣчи слова *дружественный*, но и непосредственнаго чутья достаточно, чтобы на основаніи этой разницы удер-

жать толкованіе фразы *собака — другъ человѣку* въ слѣдующихъ границахъ: Слово *другъ* было *внѣ* рѣчи поименованіемъ *представленія* объ извѣстномъ предметѣ. «Представленіе» это, если позволено выразиться образно, *оболочка*, которую душа накладываетъ на предметъ и на явленіе, когда съ ними знакомится. Слово «*другъ*» *внѣ* рѣчи есть поименованіе предмета, — *одного* ли *реальнаго*, или *цѣлой группы* однородныхъ *реальныхъ*, или одного *идеальнаго*, *отвлеченнаго* отъ группы реальныхъ, это *рѣшительно* все равно, — слово «*другъ*», повторяю, *внѣ* рѣчи есть поименованіе предмета по той оболочкѣ, которую на него наложила душа, знакомясь съ нимъ. Такимъ, утверждаетъ мы, осталось слово *другъ* и въ нашей фразѣ *собака — другъ человѣку*, и за такое признаетъ его всякій, если съ надлежащею чуткостью сопоставить нашу фразу съ фразою *собака — дружественна человѣку*. Такимъ же «поименованіемъ предмета по его оболочкѣ» представляется въ разбираемой нами фразѣ и слово *собака*. До тѣхъ поръ, пока мы будемъ разсуждать о фразѣ *собака — другъ человѣку* въ такомъ смыслѣ, что въ ней два *δυνάμια*, «*собака*» и «*другъ*», встрѣчаются въ одной математической *точкѣ*, до тѣхъ поръ не теряется сознаніе о нихъ какъ о *настоящихъ* *δυνάμει*, т. е. какъ о названіяхъ *τῶν ὄντων*. Но, когда мы заговоримъ о нихъ, что они «относятся къ одному предмету», то тогда это сознаніе теряется, и мы поневолѣ должны видѣть въ одномъ *поименованіи* предмета, а въ другомъ обозначеніе его признака. А между тѣмъ, послѣднее есть только психологическое *перенесеніе* (тоже своего рода *метафора*) представленія о встрѣчѣ чего то одного съ чѣмъ то другимъ въ одной математической *точкѣ* на «присужденіе чего то одного чему то другому».

Такимъ образомъ, когда мы во фразѣ *орелъ—хищникъ* и тому подобныхъ явленіяхъ языка будемъ говорить объ «отнесеніи двухъ *δυνάμει* къ одному предмету», то такъ и будемъ знать, что это, въ сущности, *метафорическое* выраженіе. Это, впрочемъ, только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ разбираемыхъ нами явленіяхъ не обращается никакого

вниманія на логическій объемъ словъ. Когда же въ нихъ логическій объемъ имѣется въ виду, то мы, конечно, и тутъ можемъ говорить объ »отнесеніи двухъ *ὄνματα* къ одному предмету«, по немного въ другомъ смыслѣ. Во фразѣ *орелъ—хищникъ*, когда она передаетъ мысль, что орелъ есть *одинъ* изъ хищниковъ, представляется *одно ѓи*, завернутое въ оболочку наименованіемъ *орелъ*, *внутри* другого *ѓтос*, опять таки *настоящаго ѓтос*, завернутаго въ оболочку наименованіемъ *хищникъ*, причеъ *первое ѓи* занимаетъ во второмъ только лишь небольшое пространство.

Не знаемъ, удалось ли намъ достаточно выяснитъ то, въ чемъ мы убѣждены, т. е. что во фразѣ *орелъ—хищникъ* мы и въ *рѣчи* имѣемъ дѣло съ *настоящими ѓѓмата* какъ названіями *дѣйствительныхъ ѓтѓѓ*, *дѣйствительныхъ* »предметовъ«, понимая подъ »предметами« и *личности*, и *явленія* — явленія какъ внѣшняго, такъ и внутренняго міра.*)

Итакъ, процессъ образованія *сложнаго* ониматическаго сужденія, представляя его *отвлеченно*, заключаетъ въ себѣ три момента: символы двухъ внутреннихъ картинъ, прорывающіеся въ *рѣчь ѓѓѓѓ*; встрѣча ихъ, стоящихъ все еще *ѓѓѓѓ*, въ одной математической точкѣ; наконецъ, сознание отнесенія ихъ къ одному предмету, при которомъ одно изъ нихъ блѣднѣетъ въ своемъ значеніи самостоятельнаго и начинается чувствоваться признаковымъ словомъ, тогда какъ другое продолжаетъ стоять какъ названіе *настоящаго ѓтос*. Однако, не всѣ моменты этого процесса остаются живыми въ сознании говорящаго. Живо ощущается имъ только послѣдній, и поэтому напр. во фразѣ *орелъ—хищникъ* именительный падежъ слова *орелъ* кажется *естественнымъ*, а именительный слова *хищникъ* — чѣмъ то, подлежащимъ объясненію.

*) Что касается выражений »громъ!« и »пора!«, то въ нихъ *ѓѓмата* предстаютъ передъ нами только еще, такъ сказать, на пути своего образованія. Ими душа наша только еще накидываетъ оболочку (на явленіе *природы* въ выраженіи »громъ!« и на *ситуацію* въ выраженіи »пора!«), — ту оболочку, въ которую предметъ долженъ быть уже облеченъ, для того чтобы *ѓѓѓ* могло быть *настоящимъ ѓѓѓѓ*, т. е. внѣшнимъ символомъ *представленія* о предметѣ или, говоря короче, названіемъ предмета.

Пониманіе фразы *орелъ—хищникъ* въ томъ толкованіи, гдѣ не *обращается* вниманіе на логическіе объемы словъ, даетъ намъ право сопоставить ее съ глаголомъ *хищничаетъ*. Есть ли вообще какая нибудь разница въ *смыслѣ* между выраженіемъ *орелъ—хищникъ* и глаголомъ *хищничаетъ*? Разница есть, но небольшая. »Хищничаетъ« значить, что третье лицо *онъ* — ближе его можно опредѣлить черезъ слово *орелъ* — принимаетъ на себя признаки хищника, обнаруживающіеся на немъ въ пространствѣ *времени* (сравни выше стр. 97), а въ выраженіи *орелъ—хищникъ* приписываются орлу признаки, которые мы или *совершенно* не представляемъ въ пространствѣ времени, или же, если ихъ и *можно* представить, то въ *данномъ* случаѣ, при *данномъ* способѣ выраженія мы *отвлекаемъ* ихъ отъ этого пространства. Эта небольшая разница не вызываетъ никакой необходимости усматривать въ выраженіи *орелъ—хищникъ* какія нибудь другія подлежащее и сказуемое, чѣмъ мы ихъ усматривали въ глаголъ *хищничаетъ*: и *здесь* подлежащее и сказуемое остаются тѣми же »психо-логическими,« причеъ подлежащимъ является *орелъ*, а сказуемымъ — *хищникъ*.

Что же нами руководило, когда мы, не имѣя вовсе въ виду *логическихъ объемовъ* словъ *орелъ* и *хищникъ*, объявили вдругъ слово *орелъ* за подлежащее и слово *хищникъ* за сказуемое, а не наоборотъ? Почему не признали слово *хищникъ* за »поименованіе« предмета, а слово *орелъ* за »обозначеніе признаковъ черезъ названіе *той ѓѓѓѓ*, *носящаго* эти признаки«? Въ глаголъ »хищничаетъ« *нельзя* смѣшать психо-логическаго подлежащаго съ психо-логическимъ сказуемымъ, потому что каждое изъ нихъ выражено грамматически совершенно особо. Но почему мы вдругъ во фразѣ *орелъ—хищникъ* усматривали въ словѣ »орелъ« *настоящій* именительный падежъ, а въ словѣ *хищникъ* что-то, еще подлежащее *объясненію*? Почему не »хищникъ« былъ этимъ *настоящимъ* именительнымъ падежемъ? Тонъ, что ли, навелъ насъ на это, или разстановка словъ? Но вѣдь и при *другомъ* тонѣ и при *другой* разстановкѣ выйдетъ то же самое. Мы можемъ прекрасно сказать: хищникъ — *орелъ* (подразумѣвая,

напр., *а не овца*), и все-таки мы въ словѣ *хищникъ* будемъ видѣть указаніе на *признаки*, а въ словѣ *орелъ* — указаніе на *предметъ*. Поднятый нами вопросъ въ концѣ концовъ разрѣшить *можно*, но, конечно, ужъ *никакъ* не на почвѣ симаціологіи частей рѣчи и ихъ формъ, и разрѣшеніе его повело бы насъ *очень* далеко.*) Да будетъ намъ позволено въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ психо-логическое подлежащее *нельзя* отличить отъ психо-логическаго сказуемаго кромѣ какъ непосредственнымъ — такъ кажется на первый взглядъ — чутьемъ, — да будетъ намъ позволено говорить не о психо-логическихъ подлежащемъ и сказуемомъ, а *просто*, какъ говорили раньше, объ «отнесеніи *двухъ двѣмъ*» (при *двѣмъ* это только и *можетъ* случиться) къ одному *предмету*.»

Другое дѣло, когда фраза *орелъ—хищникъ* вырастаетъ на почвѣ разбора *логическихъ объемовъ* словъ, входящихъ въ ея составъ. Тогда, конечно, подлежащимъ будетъ слово съ *меньшимъ*, а сказуемымъ — слово съ *большимъ* логическимъ объемомъ. Но нельзя не согласиться съ тѣмъ, что *эти* подлежащее и сказуемое — совершенно другого рода, чѣмъ психо-логическія сказуемое и подлежащее *глаголовъ* и *тѣхъ* ономатическихъ выраженій, въ которыхъ мы не только не ищемъ никакихъ отношеній въ логическихъ объемахъ словъ, но иногда не имѣемъ *основанія* искать ихъ, какъ это было напр. въ вышеприведенной фразѣ *собака — другъ человеку*. Когда мы выше толковали о словѣ *другъ*, а по поводу его объ *ѣ*, то мы говорили, что все равно, ищемъ ли мы *ѣ* въ *одномъ* реальномъ предметѣ, или въ группѣ однородныхъ реальныхъ предметовъ, или въ *идеальномъ* предметѣ, какъ *отвлеченіи* отъ реальныхъ. Но *другъ* есть *непрѣменно идеальный* предметъ, отвлеченный не столько отъ реальныхъ *предметовъ*, сколько скорѣе отъ разныхъ видовъ *дружбы*,

*) Обращаемъ вниманіе на то, что затрудненіе, о которомъ идетъ рѣчь, существуетъ только для *слушателя*, а никакъ не для *автора* рѣчи. Послѣдній, конечно, прекрасно знаетъ, какое слово у него служитъ указаніемъ на *предметъ*, и какое — указаніемъ на *признаки*, но только не располагаетъ, повидимому, *внѣшними* средствами для того, чтобы и слушатель не затруднялся.

насколько она проявляется на реальныхъ предметахъ, въ данномъ случаѣ на личностяхъ. Да наконецъ, большой еще вопросъ, отвлеченіе ли это? Не есть ли это *просто* душевный *постулатъ*? Въ глаголахъ, равно, какъ и во фразѣ *собака — другъ человеку*, мы просто, какъ мы прежде всегда выражались, присуждаемъ что-то чему-то, руководясь при этомъ *исключительно* только опытомъ, то болѣе правильнымъ, то менѣе правильнымъ, а то и совсѣмъ неправильнымъ. Собака есть одно *ѣ*, другъ — другое, и опытъ намъ говорить, что оба *ѣ* могутъ *встрѣтиться* въ одной математической точкѣ. Не такимъ представляется дѣло въ случаяхъ, гдѣ обращается вниманіе на логическій объемъ: тутъ не просто что-то присуждается чему-то на основаніи *опыта*, а самъ опытъ, для того, чтобы *можно* было «присуждать», переводится еще на *мотивъ* присужденія, — на мотивъ чисто *логическаго* характера, а потому не лишнимъ будетъ *отличить* подлежащее и сказуемое *этихъ* случаевъ отъ психо-логическихъ подлежащаго и сказуемаго *глаголовъ*. Для указанной цѣли предлагаемъ прибѣгнуть къ терминамъ «логическія подлежащее и сказуемое».

Терминъ «логическія подлежащее и сказуемое» обоснованъ разборомъ *вещественнаго* содержанія словъ, того *вещественнаго* содержанія, на которое мы указывали на стр. 83. Хотя мы за вещественнымъ содержаніемъ словъ слѣдить не обязаны, но за нимъ не будетъ слѣдить, съ цѣлью опредѣлять подлежащее и сказуемое, и тотъ симаціологъ, о которомъ мы говорили на той же стр. 83. Оно должно сдѣлаться предметомъ изслѣдованія синтаксиса, который, какъ нами на то указывалось уже не разъ, долженъ слѣдовать за симаціологіею частей рѣчи и ихъ формъ. Мы бы и не вмѣшивались въ чужое дѣло, если бы установленіе логическихъ подлежащаго и сказуемаго не нужно было для симаціологіи частей рѣчи. Читатель догадывается, что мы, *между прочимъ*, имѣемъ здѣсь въ виду: появленіе или не-появленіе въ рѣчи такъ называемаго «члена» (*ѣ-ѣ-ѣ*) часто находится въ связи — не *непосредственной*, впрочемъ, какъ ниже увидимъ — съ логическими подлежащимъ и ска-

зуемымъ. Та же необходимость, тотъ же «членъ» и многое другое заставляетъ насъ, однако, установить еще *третій* видъ подлежащаго и сказуемаго. На *эти* подлежащее и сказуемое встрѣчаются указанія у нашихъ ученыхъ, хотя послѣдніе не сознаютъ или, по крайней мѣрѣ, не опредѣляютъ разницу между ними и первыми двумя парами, точно также какъ не сознаютъ и не опредѣляютъ разницу между первой парой и второю.*)

Wegener (Untersuch. 20) говоритъ: Das Subject ist das interesselose Bekannte, die Aussage das Interessirende Neue. При этомъ нашъ ученый приводитъ примѣръ *dein Vater hat es gesagt*, въ которомъ, по его толкованію, если произнести слова «*dein Vater*» съ *удареніемъ*, то *dein Vater* будетъ *именно* das Neue und Interessirende, и хотя это — das grammatische Subject (?), но logisch (?) оно — Praedicat.

Дѣло въ томъ, что колы скоро «рѣчь», т. е. выраженіе полной и связной мысли, перепахнула за предѣлы *одного* слова, стало быть за предѣлы выраженій *ѳеи* — *ѳеи* — *набатъ!* — *пора!* — *урафа*, то сейчасъ, уже при составленіи изъ *двухъ* словъ, одно слово интонируется *сильнѣе*, а другое *слабѣе*. При этомъ самое *распределение* *сильнаго* и *слабаго* тона вовсе не находится въ зависимости отъ *категорій* словъ, а появляется по *объимъ* комбинаціямъ *аб* и *ба*. Выразеніе «учитель учитъ» можно интонировать такъ, что *сильный* тонъ появляется въ однихъ случаяхъ на словѣ *учитель*, а въ другихъ — на словѣ *учитъ*. При интонаціи «*ἀνδρεῖα ἐπαίνεῖται*» подразумѣвается какое нибудь *καὶ οὐκ ἀθυρία* (*ἀνδρεῖα ἐπαίνεῖται καὶ οὐκ ἀθυρία*), а при интонаціи «*ἀνδρεῖα ἐπαίνεῖται*» — какое нибудь *καὶ οὐ ψεύεται* (*ἀνδρεῖα ἐπαίνεῖται καὶ οὐ ψεύεται*).**)

Въ обоихъ случаяхъ слово со *слабымъ* тономъ представляетъ

*) Во избѣжаніе возможныхъ недоразумѣній, мы должны оговориться, что наши три вида подлежащаго и сказуемаго не суть конкретныя группы, *исключающія* одна другую, т. е. не составляютъ одного логическаго ряда, а представляютъ собою разныя точки зрѣнія на предметъ.

**) Это не *эллипсисъ*; сравни объ этомъ выше стр. 54.

собою нѣчто *данное* для разсужденія, — нѣчто, какъ-бы между собесѣдниками *условленное* и произносимое или, вообще, *опредѣляемое* черезъ «рѣчь» лишь во *избѣжаніе* *всякихъ недоразумѣній*, а слово съ *сильнымъ* тономъ говорящій произноситъ съ цѣлью *объявить* слушателю что нибудь *отъ себя*, и если *слабо* интонируемымъ словомъ сообщалось нѣчто *данное* въ разсужденіи, то черезъ *сильно* интонируемое слово сообщается нѣчто *искомое* въ разсужденіи.

По мѣрѣ *осложненія* рѣчи, т. е. по мѣрѣ *осложненія* и развитія самого *разсужденія*, слова *менше* сложныхъ выраженій, фигурировавшія въ нихъ въ роли указателей *искомаго*, переходятъ постепенно въ составъ указателей *даннаго*, предоставляя свою прежнюю роль *новымъ* словамъ. Сравни, напримѣръ, слѣдующія выраженія (слова съ *сильнымъ* тономъ мы въ нихъ подчеркиваемъ): онъ *сказалъ*; онъ *сказалъ* *это*; онъ *сказалъ* *это кстати*; онъ *сказалъ* *это очень кстати*; очень кстати *сказалъ* онъ *это ему* и т. д.

Нельзя утверждать, чтобы въ сложной рѣчи «искомое» сосредоточивалось всегда въ *одномъ* словѣ. Въ выраженіи «если онъ это сдѣлалъ, то я вамъ долженъ сказать, что онъ этимъ *затруднилъ* *чрезвычайно* насъ, не сознавая этого» всѣ подчеркнутыя слова сообщаютъ «искомое». Wegener на той же 20. стр. своихъ Untersuch. и въ другихъ мѣстахъ замѣняетъ свой «logisches Subject», выражающій, по его толкованію, das Bekannte, Interesselose, терминомъ «Exposition» (= ознакомленіе съ ситуациею, предшествующее *объявленію новаго*). Если мы угадываемъ причину этой замѣны, и если побудило Wegener'a къ ней то обстоятельство, что терминъ «Subject» скорѣе пригоденъ охарактеризовать *одно слово*, тогда какъ «Exposition» можетъ быть отнесено къ очень сложному выраженію, то ему слѣдовало подумать и о какой нибудь замѣнѣ термина «logisches Prädicat».

Нельзя утверждать и того, что въ рѣчи все *данное* скопляется въ *одномъ* мѣстѣ, а все *искомое* въ *другомъ*. Въ выраженіи «я не думаю, чтобы ты могъ справиться съ *этимъ дѣломъ*» *сильно* интонируемыя слова распределены по *тремъ* мѣстамъ. Сильно-ударяемая слова не только пере-

плетаются съ слабо-интонируемыми, но и подвергаются известному подчиненію *между собою*. Въ выраженіи «если онъ такъ *храбръ*, то его *похвалятъ*» сильно-ударяемая слова относятся другъ къ другу такъ, что слово *храбръ* можно интонировать не такъ сильно, какъ слово *похвалятъ*, и тогда вся фраза «если онъ такъ *храбръ*» по интонаціи подчинена фразѣ «то его *похвалятъ*».

Paul, не подозревая различія въ *видахъ* разныхъ подлежащихъ и сказуемыхъ, дошелъ до установленія подлежащаго и сказуемаго въ «предложеніи» (какъ онъ до него дошелъ, — мы здѣсь излагать не будемъ), а затѣмъ, совершенно въ духѣ Wegener'овскихъ «Exposition» и «logisches Praedicat», продолжаетъ такъ (Princip 111.): Jede andere Art der Satzerweiterung geschieht dadurch, dass das Verhältniss von Subject und Praedicat mehrmals auftritt. Entweder es verbinden sich gleichzeitig zwei Glieder mit einem dritten, d. h. es treten zwei Subjecte zu einem Praedicat, oder zwei Praedicat zu einem Subjecte, was sich etwa durch die Formel (a + (b) + c) ausdrücken liesse, oder es tritt eine Verbindung von Subject und Praedicat als Subject oder als Praedicat zu einem weiteren Gliede, was sich durch die Formel (a + b) + c) ausdrücken liesse. Auch dieses weitere Glied kann natürlich wieder zusammengesetzt sein.... Много поучительнаго въ этомъ отношеніи, но и вмѣстѣ съ тѣмъ много такого, съ чѣмъ трудно согласиться, можно найти у Paul'я въ статьѣ «Verschiebung der syntaktischen Glieder» (Princip. 235—254).

Изъ только что сообщеннаго можно понять, какая сложная задача предстоить тому синтаксису, который долженъ слѣдовать за симасіологіею частей рѣчи и ихъ формъ, и который долженъ изслѣдовать «тонъ, темпъ, паузы, и вообще музыкальную часть языка» (смотри выше стр. 64). Для насъ не требуется, чтобы вся эта сложная задача была передъ нами вполне раскрыта и разрѣшена. Намъ нужно различать *данное* и *искомое* въ предѣлахъ очень коротенькихъ фразъ, а для этого требуется только *установить*

самое различіе, для *установленія* же его вполне достаточно *сообщеннаго*.

Итакъ, отличіе *искомаго* отъ *даннаго* выражается непременно *тономъ*, который мы назовемъ *синтаксическимъ*, такъ какъ появленіе его обусловлено составомъ рѣчи (τῷ συντάττεσθαι τὸν λόγον) по крайней мѣрѣ изъ *двухъ* словъ. Терминомъ *синтаксическій* мы достигаемъ надлежащаго противопоставленія *даннаго* тона всевозможнымъ *δξύτον'амъ*, *παροξύτον'амъ* и прочимъ «удареніямъ» *слоговъ* въ словахъ. То, что *выражается* этимъ синтаксическимъ тономъ, мы могли бы называть такъ, какъ называли до сихъ поръ, — «*искомымъ*», въ противоположность «данному». Но такъ какъ «искомое» и «данное» вообще постоянно сталкиваются, а часто и *совпадаютъ* съ подлежащимъ и сказуемымъ, какъ «психо-логическими», такъ и «логическими», то мы и здѣсь установимъ термины: *синтаксическое* «подлежащее», указывающее на *данное*, и *синтаксическое* «сказуемое», указывающее на *искомое*.

Да, мы будемъ различать *три* пары подлежащихъ и сказуемыхъ, и хотя онѣ *всѣ*, въ сущности, психо-логическія, какъ и вся рѣчь, въ качествѣ выраженія сужденія и разсужденія, есть психо-логическая, но въ частности мы будемъ усматривать — въ психо-логическихъ подлежащемъ и сказуемомъ присужденіе вообще признака предмету, въ логическихъ — отнесеніе меньшаго логическаго объема къ большему, а въ синтаксическихъ — отнесеніе даннаго къ искомому. Первая изъ этихъ паръ, которая нами установлена на почвѣ присужденія признака предмету, можетъ быть, какъ до сихъ поръ выяснилось, или глагольная, или ономатическая: въ глаголѣ γράφω присуждается признакъ, обозначенный въ буквѣ α его симасіологической схемы, лицу, обозначенному въ буквѣ β этой схемы, въ выраженіяхъ ὕει — δεῖ — *набатъ!* — *пора!* присуждается «признакъ» *явленію, не выраженному* въ языкѣ,*) а въ ономатическомъ выраженіи *собака* — *другъ человѣку* два *двѣмѣста* отнесены къ одному предмету, такъ

*) Сравни выше стр. 91.

что одно изъ нихъ *поименовываетъ* предметъ, а другое указываетъ на его *признаки*. Какое изъ *двѣхъ* »поименовываетъ«, и какое принимаетъ на себя »признаковую« роль, это въ нихъ грамматически не показано, какъ то было въ глаголь; грамматически въ нихъ показано *только* отношеніе ихъ къ одному *предмету*, — тѣмъ, что съ однимъ изъ нихъ, поставленнымъ въ *разсмотрѣнныхъ* доселѣ случаяхъ въ *настоящемъ* т. е., соответственно его *роли, именительномъ* падежѣ, второе въ падежѣ согласуется,*) и если бы *двома, именующее* предметъ или, вообще, *указывающее* на предметъ, почему-либо попало въ *другой* какой-нибудь падежъ, то »признаковое« *двома* сейчасъ за нимъ послѣдуетъ. Къ »согласованію«, впрочемъ, мы еще вернемся, равно какъ вернемся и къ »ономатической рѣчи«. А теперь перейдемъ къ новому и *последнему* случаю появленія именительного падежа въ рѣчи, предпославъ небольшое, но весьма важное для дальнѣйшаго, примѣчаніе: Нетрудно понять изъ всего, выясненнаго о подлежащихъ и сказуемыхъ, что только въ »психо-логическихъ« и логическихъ сказуемыхъ можно толковать о *настоящемъ* сужденіи въ смыслѣ »присужденія« признака предмету, въ то время какъ въ *синтаксическихъ* подлежащемъ и сказуемомъ можно лишь говорить объ »отнесеніи« чего-то къ чему-то.»

Послѣдній случай появленія именительного падежа въ »рѣчи« представляютъ собою выраженія въ родѣ *διδάσκαλος διδάσκει, παῖς παίδευεται, Σωκράτης διαλέγεται* и т. п. Какова функція именительного падежа въ *этихъ* выраженіяхъ?

Непосредственный отвѣтъ на нашъ вопросъ подсказанъ на стр. 89: Именительный падежъ *той двѣхъ*, приставляемый въ »рѣчи« къ глаголу, служить, какъ названіе *той двѣхъ*, ближайшимъ опредѣленіемъ того »лица«, на которое въ общемъ уже указано въ самомъ глаголь какъ на носителя *ἐνεργείας* или *πάθους*, отмѣченныхъ въ залоговыхъ

*) Что такая внѣшняя схема, какъ *одинаковость* падежей въ двухъ *одинаковыхъ* частяхъ рѣчи, какъ нельзя лучше могла изобразить отношеніе обѣихъ частей рѣчи къ одному предмету это само собою разумѣется.

оттѣнкахъ глагола и, вообще, какъ на носителя *признака*, представляемого нами во временномъ пространствѣ. Что »ближайшее опредѣленіе лица«, такого же *двѣхъ*, какъ и само *двома*, лучше всего совершается черезъ »поименованіе« *той двѣхъ*, и что, стало быть, и здѣсь именительный падежъ остается въ своей *коренной* роли, это опять таки съ *психологической* точки зрѣнія не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Но не *прямой* отвѣтъ на нашъ вопросъ насъ можетъ останавливать здѣсь. Насъ останавливаетъ скорѣе разборъ *другихъ* отвѣтовъ, которые обыкновенно на него *даются*. Говорятъ здѣсь о »грамматическомъ« подлежащемъ. Уже на стр. 58 мы разсуждали о томъ, что »грамматическое подлежащее« есть, въ сущности, такое же симасіологическое дополненіе глагола, какъ многія другія. »Грамматически« т. е. грамматическою *формой* выражено здѣсь не подлежащее, а *именительный падежъ*, который тѣмъ и отличается отъ другихъ симасіологическихъ дополненій глагола, что только »поименовываетъ« *то двѣ*, тогда какъ *другія* симасіологическія дополненія въ *другихъ* падежахъ *кромя* поименовыванія выражаютъ еще другія »отношенія«. Итакъ, терминъ »грамматическое подлежащее« ни для чего не нуженъ. Гораздо лучше оттѣняется функція словъ *διδάσκαλος, παῖς* и *Σωκράτης* въ нашихъ примѣрахъ отъ *другихъ* словъ, попадающихъ въ рѣчь, черезъ терминъ »именительный падежъ при глаголахъ«. Въ немъ ясно и совершенно *достаточно* отмѣчено, что данная форма назначена для *поименованія* чего то, *подлежащаго* поименованію при глаголахъ, а отмѣчать что-нибудь другое не только не нужно, но и не слѣдуетъ, такъ какъ нѣтъ той системы (я разумѣю *настоящую* систему, единую въ ея *началахъ*), въ которой *другое* какое нибудь обозначеніе этого именительного падежа находило бы себѣ мѣсто. Кто изъ читателей считаетъ нужнымъ возразить намъ здѣсь тѣмъ, что при глаголахъ бывають иногда *два* именительныхъ падежа, и что надобно же какъ нибудь *отличить* одинъ отъ другого, тому мы отвѣтимъ если не сейчасъ, то скоро.

Намъ скажутъ: Какъ же это нѣтъ системы, въ которую «именительный падежъ при глаголъ» вошелъ бы съ какимъ нибудь другимъ терминомъ, въ особенности съ такимъ терминомъ, какъ «грамматическое подлежащее»? Куда, въ такомъ случаѣ, дѣвалось «грамматическое мышление», и не на его ли почвѣ выросъ терминъ «грамматическое подлежащее»? Хотя Paul и говоритъ (эту его замѣтку мы помѣстили выше на стр. 23), что грамматическія и психологическія категоріи не покрываютъ другъ друга, но въ данномъ случаѣ тотъ, кто напираетъ на терминъ «грамматическое подлежащее» на почвѣ «грамматическаго мышления», въ сущности настаиваетъ на терминѣ «подлежащее» на почвѣ «мышления» и имѣетъ въ виду психо-логическую сторону симасіологии самого глагола, къ которому именительный падежъ *τοῦ δνόματος*, какъ мы уже сказали, только лишь *приставляется*. Подъ угломъ зрѣнія психо-логической стороны симасіологии глагола иные, дѣйствительно, если и оставляютъ въ сторонѣ слово *грамматическій*, толкуютъ здѣсь то о *психологическомъ* (мы сказали бы непременно психо-логическомъ), то о *логическомъ* подлежащемъ, то о подлежащемъ вообще, но и это совершенно неправильно. Объ этой неправильности мы предупреждали читателя на стр. 92 и 149, общавъ въ свое время оправдать прибавку слова, къ которому мы тогда прибѣгали, т. е. прибавку слова *какъ-будто*. Приступаемъ къ оправданію этого слова.

Въ самомъ дѣлѣ, выраженіе *Σωκράτης διαλέγεται* представляетъ собою «осложненную» рѣчь въ сравненіи съ выраженіемъ *διαλέγεται*. Само *διαλέγεται* есть нѣчто, что нами превращено въ схему *а—>б*. На стр. 97 мы рассуждали о деревенѣнн, о рубленіи, а на стр. 163 о *διακρίβωσις* и *ψευδος*, и не трудно понять даже безъ этихъ нашихъ рассужденій, что изъ всякаго глагола можно извлечь *δνομα*, что буква *α* въ нашей схемѣ можетъ быть принята за обозначеніе *τοῦ δντος*, соотвѣтственно чему и слово «дѣйствіе» (*πράγμα*), подъ которое мы подводили всякое *α*, есть *δνομα*, какъ имѣ, т. е. *δνόματ'омъ*, представляется и слово *признакъ*, которое у насъ на стр. 98 чередовалось

съ словомъ *дѣйствіе*. Такимъ же *δν*, какъ дѣйствіе или признакъ, является, какъ уже раньше сказано, и «лицо», обозначенное въ нашей схемѣ черезъ букву *б*. Такимъ образомъ, въ глаголъ присуждаются другъ другу два *δнта*, не иначе, какъ присуждались другъ другу два *δнта* и въ оно-матическомъ выраженіи *собака — другъ человеку*, съ тою лишь разницею, что въ глаголъ *грамматически ясно выражено*, что чему присуждается, а въ приведенномъ *оно-матическомъ* выраженіи просто «два *δнта* отнесены къ одному предмету».

Къ выраженію *διαλέγεται*, съ его схемою *а—>б* и съ ономатическимъ значеніемъ *обѣихъ* буквъ, вдругъ присоединяется *новое δνομα*, «*Σωκράτης*». Съ какою изъ этихъ буквъ оно вступаетъ въ *прямое* «отношеніе»? Непремѣнно съ *б*. Каково это «отношеніе»? Признакъ, что ли, выраженъ въ словѣ *Σωκράτης* по отношенію къ тому лицу, которое отмѣчено буквою *б*? Въ такомъ случаѣ *Σωκράτης* было бы даже не подлежащимъ, а психо-логическимъ *сказуемымъ* къ психо-логическому подлежащему *б*, хотя — толковать здѣсь о *сказуемомъ* было бы странно; скорѣе *б*, какъ мы будемъ пока выражаться, «указываетъ» на предметъ, а *Σωκράτης* его «называетъ», — называетъ, конечно, по его *признаку*, въ томъ *смыслѣ*, какъ мы объ этомъ говорили на стр. 30, или по его «оболочкѣ», какъ мы о томъ говорили на стр. 167. Но можетъ быть, слово *Σωκράτης* вступаетъ въ какое нибудь отношеніе къ *б* на почвѣ «логическихъ *объемовъ*» словъ? Въ этомъ смыслѣ можно тутъ толковать не о *логическихъ подлежащемъ и сказуемомъ*, а скорѣе о «логическомъ равенствѣ», — терминъ для насъ не лишній въ *нѣкоторыхъ* случаяхъ, хотя терминъ «*ближайшее опредѣленіе лица*», къ которому мы прибѣгали раньше, способенъ выразить въ *данномъ* случаѣ то же самое. Остается разоб-брать отношеніе слова *Σωκράτης* къ *б* еще съ точки зрѣнія *синтаксическихъ* подлежащаго и сказуемаго. *Синтаксическія* подлежащее и сказуемое, какъ видно изъ выше разъясненнаго, не связаны *никакою* грамматическою формою и опредѣляются *исключительно* «контекстомъ». Они суть

вмѣстѣ съ этимъ и въ связи съ этимъ категоріи, мыслимы только въ сложной рѣчи, какою является въ данномъ случаѣ наше выраженіе $\Sigma\omega\kappa\rho\acute{\alpha}\tau\eta\varsigma\ \delta\iota\alpha\lambda\acute{\epsilon}\gamma\epsilon\tau\alpha\iota$. Но тогда никто не скажетъ, *которое* изъ словъ, вошедшихъ въ составъ этого выраженія, представляетъ подлежащее, и которое — сказуемое. Въ однихъ случаяхъ выйдетъ «*даннымъ*», т. е. подлежащимъ, $\Sigma\omega\kappa\rho\acute{\alpha}\tau\eta\varsigma$, и «*искомымъ*», т. е. сказуемымъ, $\delta\iota\alpha\lambda\acute{\epsilon}\gamma\epsilon\tau\alpha\iota$ ($\Sigma\omega\kappa\rho\acute{\alpha}\tau\eta\varsigma\ \delta\iota\alpha\lambda\acute{\epsilon}\gamma\epsilon\tau\alpha\iota$, καὶ οὐ σοφίζεταί), а въ другихъ наоборотъ ($\delta\iota\alpha\lambda\acute{\epsilon}\gamma\epsilon\tau\alpha\iota\ \Sigma\omega\kappa\rho\acute{\alpha}\tau\eta\varsigma$, καὶ οὐ Πρωταγόρας).*) Вотъ отвѣтъ всѣмъ тѣмъ, которые въ нашемъ выраженіи провозглашаютъ слово $\Sigma\omega\kappa\rho\acute{\alpha}\tau\eta\varsigma$ за такое или иное подлежащее. Укажемъ еще на одно: фраза $\Sigma\omega\kappa\rho\acute{\alpha}\tau\eta\varsigma\ \delta\iota\alpha\lambda\acute{\epsilon}\gamma\epsilon\tau\alpha\iota$ представляетъ собою грамматически до того компактное выраженіе, что «лицо», отмѣченное въ глаголѣ, стало быть, членъ б, чувствуется какимъ то крючкомъ, за который уцѣпляется слово $\Sigma\omega\kappa\rho\acute{\alpha}\tau\eta\varsigma$. Да и нѣтъ ли тутъ тоже своего рода «согласованія» между б и $\Sigma\omega\kappa\rho\acute{\alpha}\tau\eta\varsigma$, похожаго на согласованіе въ выраженіи *орелъ — хищникъ* и показывающаго, что б и $\Sigma\omega\kappa\rho\acute{\alpha}\tau\eta\varsigma$ «относятся — правда, немного иначе — къ одному предмету?» Только и разницы, что б не есть особое слово.

Вернемся теперь опять къ ономатическому выраженію *орелъ — хищникъ*. Въ немъ и ему подобныхъ усматриваютъ

*) Если рѣчь состоитъ изъ одного $\gamma\rho\acute{\alpha}\phi\omega$, которое не допускаетъ «ближайшаго опредѣленія» лица черезъ *δύοις* (по крайней мѣрѣ, мы о такомъ «ближайшемъ опредѣленіи» не можемъ разсуждать *теперь*), то въ ней, какъ состоящей изъ одного слова, не можетъ быть рѣчи о «синтаксическомъ» *тонѣ*, и хотя въ $\gamma\rho\acute{\alpha}\phi\omega$ заключаются два *δύοις*, а и б, но сама звуковая сторона почти цѣликомъ поглощена членомъ а, т. е. его психо-логическимъ сказуемымъ, а потому оно только и можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и синтаксическимъ сказуемымъ. Если бы пришлось передвинуть синтаксическое сказуемое на б, то нужно бы выразить б еще разъ особымъ словомъ, и тогда появилось бы въ рѣчи выраженіе « $\gamma\rho\acute{\alpha}\phi\omega\ \epsilon\gamma\omega$ », а еще лучше « $\epsilon\gamma\omega\ \epsilon\mu\iota\ \delta\ \gamma\rho\acute{\alpha}\phi\omega$ ». Такимъ образомъ, въ выраженіи « $\gamma\rho\acute{\alpha}\phi\omega\ \epsilon\gamma\omega$ » психо-логическимъ сказуемымъ оставалось бы то а, которое кроется въ схемѣ глагола $\gamma\rho\acute{\alpha}\phi\omega$, а сказуемымъ «по контексту» было бы нѣчто совершенно другое. Такъ и въ выраженіяхъ *пора есть — набатъ есть* — *пора на лицо*, если бы кто-нибудь ихъ потребовалъ, или если бы языкъ на нихъ *тупился*, слова *пора* и *нужда* оставались бы психо-логическими сказуемыми, т. е. они оставались бы обозначеніемъ «черты» разсматриваемыхъ явленій или обстоятельствъ, а слова *есть* и *на лицо* были бы синтаксическими сказуемыми (сравни объ этомъ выше стр. 93).

эллипсисъ и говорить, что *орелъ* — *хищникъ* поставлено вмѣсто *орелъ есть хищникъ*. Слово *есть* называется въ такихъ случаяхъ связкою, стало быть, тоже какимъ то *ἄρθρον* или *σύνδεσμος* въ древнемъ общемъ смыслѣ этого слова. Въ греческомъ языкѣ, дѣйствительно, въ подобныхъ случаяхъ появленіе слова *ἐστίν* представляется чѣмъ-то нормальнымъ, а отсутствіе его — явленіемъ рѣдкимъ, и это, съ точки зрѣнія греческаго языка рѣдкое явленіе — въ русскомъ языкѣ какъ будто взяло *верхъ* надъ нормальнымъ. Изъ этого, тѣмъ не менѣе, вовсе не вытекаетъ необходимость привлекать въ качествѣ объясненій эллипсисы. Положимъ, сужденіе, которое дѣйствительно *выражено* во фразѣ *орелъ — хищникъ*, должно быть приурочено, разъ оно *сужденіе*, къ извѣстному времени и должно носить характеръ такой или иной *квалитативности* (смотри выше стр. 99). То же самое, въ сущности, слѣдовало намъ сказать и о сужденіяхъ «*набатъ!*» и «*пора!*» Но нельзя же не принять во вниманіе слѣдующаго: На стр. 95. мы установили цѣлую гамму тоновъ съ точки зрѣнія квалитативности сужденія. Нельзя сказать, чтобы приведенныя тамъ «возможность» или «сомнѣніе» были *мѣркою* для того тона, который мы называли «заявленіемъ о фактѣ»; напротивъ *последній* долженъ быть камертономъ для всѣхъ остальныхъ. То же самое мы утверждали на стр. 117-8 и о времени: не будущее или прошедшее время является точкою исхода для установленія настоящаго времени, а наоборотъ, настоящимъ временемъ измѣряется и прошедшее, и будущее. Что же изъ этого всего слѣдуетъ? А слѣдуетъ то, что *настоящее* время и *простое* *заявленіе* о чемъ *нибудь* какъ о *фактѣ* могутъ оставаться не *выраженными*, какъ всегдашнія единицы, которыя *опредѣляютъ* собою все остальное. Такъ и математикъ, пишущій $3a$, $2a$, $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$ не пишетъ, однако, въ то же время ни $1a$, ни $\frac{1}{1}$. Конечно, если бы въ нашу фразу *орелъ — хищникъ* пришлось внести какой *нибудь* изъ оттѣнковъ, или временныхъ, или квалитативныхъ, которые *измѣряются* этими единицами, то пришлось бы ужъ *непрѣмьнно* прибѣгнуть къ слову, обладающему способностью выразить эти оттѣнки. Этимъ словомъ оказыва-

ется глагольная форма, и тогда пришлось бы говорить *Μυκῆνῃ ἦν πόλις* — ἔστω Κίμων στρατηγός и т. п.; выражать же самую единицу и прибѣгать для нихъ къ слову *ἐστίν* завистло, такъ сказать, отъ желанія языка.

Какъ же мы теперь разберемъ выраженіе *Μυκῆνῃ ἦν πόλις* или, скажемъ, то *Μυκῆνῃ ἐστὶ πόλις*, которое появится въ языкѣ, въ случаѣ если онъ «пожелаетъ» выразить свою *жрчку* временъ и квалитативности сужденія, и какъ мы выведемъ слова *ἦν-ἐστίν* изъ того сборнаго термина ἄρθρον, который только свидѣтельствуетъ о неоконченности симасіологической классификаціи частей рѣчи? Въ выраженіи *Μυκῆνῃ ἐστὶ πόλις* слово *ἐστίν* — несомнѣнный глаголъ, (на это указываетъ вся его форма), и — несомнѣнное синтаксическое подлежащее въ этомъ сложномъ выраженіи т. е. нѣчто данное для того, чтобы къ нему *прискивать* другое. Хотя данное и искомое въ сложныхъ выраженіяхъ опредѣляются тономъ, — данное произносится съ слабымъ тономъ, а искомое съ сильнымъ, — и хотя слѣдить за тономъ мы отказываемся, но въ настоящемъ случаѣ слабый тонъ отразился на удареніи этого «даннаго» какъ слова (*ἐστίν* здѣсь превратилось въ *ἐκклитическое*), а потому мы, не опасаясь выйти изъ рамки своей задачи, провозглашаемъ смѣло слово *ἐστίν* за синтаксическое подлежащее. Такимъ образомъ, въ нашемъ сложномъ выраженіи «отнесены»*) къ «существованію» и *πόλις*, и *Μυκῆνῃ*: существуетъ городъ, существуютъ Микены, причемъ и городъ, и Микены суть именительные падежи, прибавляемые къ глаголу, съ тѣмъ чтобы ближайше опредѣлить «лицо», обозначенное въ окончаніи «глагола». Вотъ, что мы пока можемъ сказать о нашемъ сложномъ выраженіи съ симасіологической точки зрѣнія. При этомъ мы еще разъ убѣждаемся, какъ легко могло быть пропущено слово *ἐστίν*, если не приходилось особо выражать ни время, ни квалитативность сужденія: относить къ «существованію» Микены и городъ можно было черезъ простое произнесеніе самихъ словъ «*Μυκῆνῃ*» и «*πόλις*».

*) Сравни выше стр. 176. строку 23.

Но каково же въ этомъ сложномъ выраженіи отношеніе между самими словами *Μυκῆνῃ* и *πόλις*? Съ симасіологической точки зрѣнія можно опять таки утверждать лишь то, что *Μυκῆνῃ* и *πόλις* суть согласующіяся *διδόματα*, относящіяся къ одному предмету, такъ что одно изъ нихъ, — какое, это симасіологією частей рѣчи опредѣлить трудно,*) — должно быть психо-логическимъ *сказуемымъ*, т. е. *признаковымъ* словомъ, а другое — психо-логическимъ *подлежащимъ*, т. е. должно *поименовывать* предметъ. Если обратить вниманіе на *логическій объемъ* словъ, — въ данномъ случаѣ это возможно, — то *Μυκῆνῃ* будетъ *логическимъ подлежащимъ*, а *πόλις* — *логическимъ сказуемымъ*.

Намъ возразятъ, что мы напрасно приводили въ отношеніе къ слову *ἐστίν* и *πόλιν*, и *Μυκῆνῃν*, и что слѣдовало ставить «въ зависимость» отъ *ἐστίν* (терминъ «зависимость» намъ *позволенъ*; сравни выше стр. 78.) только одно изъ этихъ *διδόματα*, а второе уже «зависитъ» отъ *перваго*. Удовлетвореніе этого возраженія ввело бы насъ въ крайнее затрудненіе: мы не знали бы, устанавливать ли намъ эту зависимость въ смыслѣ фразы *есть городъ-Микены*, или въ смыслѣ фразы *есть Микены-городъ*. Въ выраженіи *Ἀπόλλων νομίζεται θεός* никто не усумнится въ томъ, что и *Ἀπόλλων*, и *θεός* «зависятъ» отъ *νομίζεται*. Мы вообще думаемъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ симасіологическою контаминаціею,**) какъ мы ее на дѣлѣ и провели, уравнивая выраженіе *Μυκῆνῃ ἐστὶ πόλις* съ выраженіемъ *существуетъ городъ* — *существуютъ Микены*. Если бы мы гдѣ нибудь въ греческой литера-

*) Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, имѣется *прямая* примѣта, по которой мы можемъ опредѣлить, какое изъ этихъ словъ — психо-логическое подлежащее, и какое — психо-логическое сказуемое. Согласно разсужденію, сообщенному на стр. 30., мы можемъ дѣлить *διδόματα* на собственные и нарицательныя. Понятно, что если встрѣятся на одномъ предметѣ *собственное διδομα* съ *нарицательнымъ*, то *названіемъ* предмета будетъ *собственное διδομα*, а нарицательное исполнять роль *признаковаго* слова. Впрочемъ, это только при *извѣстной* тенденціи рѣчи; ниже увидимъ, что при *другой* тенденціи рѣчи выйдетъ совершенно *наоборотъ*.

**) Что контаминація — явленіе въ языкѣ обычное, это прекрасно доказываетъ Paul въ своихъ Princip., посвящая ей особую статью подъ заглавіемъ «Über Contamination» стр. 132—151.

турѣ могли найти оборотъ »*Ἀπόλλων νομίζεται ὡς θεός*«, то въ немъ была бы *разрѣшена* эта контаминація; ибо мы могли бы тогда *смыло*, не рискуя, какъ ниже увидимъ, вносить въ дѣло какіе бы то ни было »эллипсисы«, — мы могли бы *смыло* истолковать этотъ оборотъ черезъ »*Ἀπόλλων νομίζεται οὕτως, ὡς θεός νομίζεται*«. На дѣлѣ такого оборота въ греческой литературѣ не находишь (это объясняется, вѣроятно, чистою случайностью, а можетъ быть и недостаточнымъ моимъ знакомствомъ съ памятниками), но зато постоянно встрѣчаешь *равносильную*, въ данномъ случаѣ, фразу *χρῆται Σωκράτει ὡς φίλῳ*, т. е. *χρῆται Σωκράτει οὕτως, ὡς φίλῳ χρῆται*. Насколько въ разбираемыхъ нами случаяхъ оба *ὀνόματα* одинаково »зависятъ« отъ глагола, видно, между прочимъ, также изъ фразы *αἱ Θῆβαι Αἴγυπτος ἐκαλέετο* (Herod. 2. 15), въ которой наши возражатели несомнѣнно примутъ за »сказуемое«, — слѣдовательно за нѣчто, что уже, по смыслу ихъ возраженія, должно »зависѣть« не отъ глагола, а отъ *другого ὀνόμα*, — слово *Αἴγυπτος*, а между тѣмъ языкъ, не имѣя возможности согласовать въ *числѣ* свой глаголъ съ *обоими ὀνόμα*, предпочелъ здѣсь согласовать его въ числѣ съ *нимъ*, со »сказуемымъ«.*)

Окончимъ тутъ же *общій* вопросъ о »согласованіи«. Всѣ наши разсужденія, поскольку мы въ нихъ до сихъ поръ касались этого вопроса, сводятся къ тому, что согласованіе есть грамматическая схема, въ которой черезъ одинаковость падежей достигается отнесеніе двухъ

*) Не такъ свободно языкъ могъ распорядиться въ выраженіи *ἄνθρωποι ἴσμεν ἡμεῖς* или *ἄνθρωποι ἴσμεν*. И этотъ оборотъ представляетъ собою контаминацію изъ *ἄνθρωποι εἰδέναι* и *ἡμεῖς ἴσμεν*. При сведеніи этихъ двухъ выраженій въ одно, словамъ *ἡμεῖς* и *ἄνθρωποι* пришлось, конечно, согласоваться въ падежѣ, причѣмъ одно должно было »обозначить« предметъ (*ἡμεῖς* есть *формальное* существительное), а другое — исполнять роль *признаковаго* слова. Такъ какъ *общимъ* словомъ въ *контаминированномъ* выраженіи оказалось нѣчто, что въ *отдѣльныхъ* выраженіяхъ фигурировало не въ *одинаковой* формѣ (разъ было *ἴσμεν*, а другой — *εἰδέναι*), и такъ какъ *признаковое* слово »лицъ« не *имѣетъ* (признакъ можетъ быть присуждаемъ *есть* »лицамъ«), то при *выборѣ* одной изъ этихъ формъ *общаго* слова для *контаминированнаго* выраженія языку пришлось *считаться* съ »*ἄνθρωποι*«, какъ *признаковымъ* словомъ, и приладить форму *общаго* слова къ *ἡμεῖς*.

ὀνομάτων къ одному предмету въ томъ смыслѣ, что одно изъ нихъ *называетъ* предметъ, а другое *отнѣчаетъ* собою *признакъ* предмета; это совершается или на почвѣ психо-логическаго подлежащаго къ сказуемому, или на почвѣ *логическихъ* *объемовъ* словъ. Въ послѣднемъ случаѣ слово съ *меньшимъ* логическимъ объемомъ представляетъ собою »логическое« *подлежащее* и *названіе* предмета, а слово съ *большимъ* объемомъ — »логическое« *сказуемое* и *признакъ*. Отношеніе »логическаго« *равенства* нами до сихъ поръ въ »согласованіи« не замѣчено, развѣ если принять за »согласованіе« то »ближайшее опредѣленіе«, черезъ *ὄνομα*, личнаго окончанія *глагола*, которое установлено нами въ выраженіи »*Σωκράτης διαλέγεται*«.

Если отношеніе логическаго равенства до сихъ поръ не замѣчено въ согласующихся *ὀνόμα*, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что его нѣтъ. Мы его видимъ въ примѣрѣ *вѣчность* — *безвременность*. Примѣняя къ нашему примѣру объясненіе выраженія *собака* — *другъ человѣку*, сообщенное на стр. 171, мы скажемъ, что здѣсь имѣются два *ὄντα*, какъ имѣются и два *названія τῶν ὄντων*. Если мы тамъ толковали о встрѣчѣ двухъ *ὄντα* въ одной математической точкѣ, то здѣсь мы можемъ толковать о непосредственномъ *совпадении* двухъ *ὄντα* въ одно: то, съ чѣмъ душа наша знакомилась подъ оболочкою *вѣчности* или *непрерывности* времени какъ съ *однимъ* »предметомъ«, и то, съ чѣмъ она же знакомилась подъ оболочкою *безвременности* или *отсутствія* времени какъ съ *другимъ* »предметомъ«, мы послѣ продолжительнаго размышленія находимъ возможнымъ *отождествить*, и это *отождествленіе* и выражено во фразѣ *вѣчность* — *безвременность*. Въ этомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ *отождествленія* двухъ *ὄντων*, можно и при логическомъ *равенствѣ* двухъ согласующихся *ὀνομάτων* говорить объ »отнесеніи ихъ къ одному предмету«.

При логическомъ равенствѣ не можетъ быть рѣчи о какомъ бы то ни было различіи *названія* предмета и *признаковаго* слова. Согласно съ этимъ не можетъ быть и рѣчи о какомъ нибудь подлежащемъ и сказуемомъ въ смыслѣ

или обще-психо-логическомъ, или логическомъ. Тутъ можетъ быть рѣчь только о *синтаксическихъ* подлежащемъ и сказуемомъ. Притомъ, если мы вернемся опять къ нашему примѣру о вѣчности и безвременности, то увидимъ, что въ немъ, какъ и во фразѣ *Σοκράτης διαλέγεται*, нельзя опредѣлить, какое изъ этихъ словъ будетъ синтаксическимъ сказуемымъ, и какое — подлежащимъ. Въ однихъ случаяхъ окажется *вѣчность* » даннымъ и *безвременность* » объявляемымъ, а въ другихъ — наоборотъ.

Вообще въ согласующихся *διόματα*хъ, насколько мы съ ними до сихъ поръ познакомились, можетъ быть рѣчь въ однихъ случаяхъ о логическомъ равенствѣ, въ другихъ о точномъ распредѣленіи между ними *логическихъ* подлежащаго (*название* предмета) и сказуемаго (*признаковое* слово), въ третьихъ о точномъ распредѣленіи между ними психо-логическихъ сказуемаго и подлежащаго (опять *признакъ* съ одной стороны, а съ другой — *название* предмета), но никакъ не о точномъ распредѣленіи между ними *синтаксическихъ* сказуемаго и подлежащаго. Послѣдніе, не имѣя сами по себѣ никакого отношенія къ различію *названія* предмета и *признака*, во *всѣхъ* трехъ случаяхъ могутъ быть распредѣлены между согласующимися *διόματα*ми то такъ, то иначе. Это въ томъ случаѣ, когда изъ нихъ *однихъ* составлена цѣлая рѣчь. А когда согласующіяся *διόματα* входятъ въ рѣчь только лишь какъ *часть* ея, то распредѣленіе синтаксическихъ подлежащаго и сказуемаго можетъ даже *совсѣмъ* ихъ не коснуться, развѣ что они оба *вмѣстѣ* будутъ составлять либо синтаксическое подлежащее, либо синтаксическое сказуемое; можетъ, впрочемъ, случиться и такъ, что *оба вмѣстѣ* войдутъ въ рѣчь какъ *часть* синтаксическаго подлежащаго или синтаксическаго сказуемаго.

Случаевъ, гдѣ согласующіяся *διόματα* входятъ только какъ *часть* въ цѣлую рѣчь, мы, положимъ, не разбирали, за исключеніемъ очень неважнаго въ этомъ отношеніи выраженія *Μυκήνη ἢ πόλις*. Но судя по всему, что до сихъ поръ выяснилось о синтаксическихъ подлежащемъ и сказуемомъ, наше *общее* разсужденіе о положеніи ихъ

въ согласующихся *διόματα*хъ вѣрно. Впрочемъ, не это положеніе насъ теперь интересуетъ; насъ интересуетъ другое.

Случай, гдѣ согласующіяся *διόματα* входятъ только какъ *часть* въ цѣлую рѣчь, представляетъ собою выраженіе за *Москвою-рѣкою*; ибо это выраженіе опредѣляетъ *мѣсто* на вопросъ *гдѣ*, а опредѣленіе мѣста на вопросъ *гдѣ* не есть законченная рѣчь. *Синтаксическія* подлежащее и сказуемое, какъ сказано, могутъ *совсѣмъ* не коснуться здѣсь согласующихся именъ, т. е. могутъ оказаться въ *законченной* рѣчи распредѣленными вовсе не между *ними*. Если бы они ихъ коснулись, то тогда » за *Москвою-рѣкою*« будетъ противопоставлено какой нибудь *другой* рѣкѣ, а » за *Москвою-рѣкою*« будетъ противопоставлено *Москвѣ-городу*. Затѣмъ мы можемъ поставить синтаксическій тонъ на словѣ *за*, причемъ уже *все* » *Москвою-рѣкою*« будетъ синтаксическимъ подлежащимъ (мѣсто за *Москвою-рѣкою* будетъ тогда противопоставляться мѣсту *передъ* *Москвою-рѣкою*), или на *всемъ* *Москвою-рѣкою*, причемъ *все* » *Москвою-рѣкою*« будетъ синтаксическимъ *сказуемымъ*, и мѣсто за *Москвою-рѣкою* будетъ противопоставляться, если проводить дѣло интонаціи съ *точностью*, мѣсту, напр., за *Курскомъ-городомъ*. Наконецъ, въ выраженіи напр. » у насъ, за *Москвою-рѣкою*, совершено *звѣрское убійство*« наши согласующіяся имена войдутъ только какъ *часть* въ сложное синтаксическое подлежащее, въ выраженіи » это случилось за *Москвою-рѣкою*, *недалеко отъ вашего дома*« они войдутъ, какъ *часть*, въ сложное синтаксическое сказуемое, а въ выраженіи » *много разной рухляди* поплыло тогда по *Москвѣ*, — *рѣкѣ*, *протекающей по слѣдующимъ пунктамъ столицы*« одно входитъ, какъ *часть*, въ сложное синтаксическое подлежащее, а другое, какъ *часть*, въ сложное синтаксическое *сказуемое*. Впрочемъ, возможность *последняго* изъ приведенныхъ трехъ выраженій обусловлена такъ называемымъ » *приложеніемъ*« (appositio), *приложеніе*, въ свою очередь, обусловлено синтаксическою *паузою*, а слѣдить за *паузою* не *наше* дѣло и устанавливать въ частности » *приложеніе*«, какъ особую грамматическую категорію, пока, по крайней мѣрѣ, *ничего*.

Итакъ, не это все насъ теперь интересуетъ, и мы бы не распространялись такъ о распредѣленіи синтаксическихъ подлежащаго и сказуемаго при согласующихся *двѣмат*ахъ въ *сложной* рѣчи, если бы это не понадобилось намъ для рѣшенія *новаго* вопроса. Этотъ *новый* вопросъ требуетъ, чтобы *случаи* такого распредѣленія были развернуты передъ нами *всѣ*. Всѣ ли они развернуты? По отношенію къ *Москва-ръка*, повидимому, да. Но *Москва-ръка* представляетъ собою примѣръ тѣхъ согласующихся именъ, гдѣ одно относится къ другому какъ психо-логическое сказуемое къ психо-логическому подлежащему. Изъ за *логическихъ* подлежащаго и сказуемаго особаго вопроса возбуждать не стоитъ, такъ какъ они представляютъ собою въ концѣ концовъ лишь *вариантъ* психо-логическихъ. Но гдѣ же примѣръ на логическое равенство? Предлагаемъ читателю *самому* провести нашъ примѣръ *вѣчность* — *безвременность* по всѣмъ тѣмъ случаямъ распредѣленія синтаксическихъ подлежащаго и сказуемаго, по которымъ мы только что провели примѣръ *Москва-ръка*.

А теперь перейдемъ къ рѣшенію обѣщаннаго *новаго* вопроса. И въ *сложной* рѣчи согласующіяся *двѣмат*а, конечно, продолжаютъ »относиться къ одному предмету, но... Рѣчь есть выраженіе сужденія и рассужденія. Когда оба *двѣмат*а сами составляли это выраженіе сужденія и рассужденія, то одно изъ нихъ должно было быть непременно *сказуемымъ* (о *подлежащемъ* я теперь не говорю), выросло ли это сказуемое на почвѣ логической или психо-логической, или даже, при логическомъ равенствѣ, на почвѣ синтаксическаго тона. Такъ ли это должно непременно быть, когда оба *двѣмат*а составляютъ только *часть* рѣчи? Проводя примѣръ логическаго равенства по всѣмъ синтаксическимъ *тонамъ*, какъ мы провели *Москву-ръку*, мы увидимъ, что выраженіе *вѣчность* — *безвременность* или дѣйствительно *останется* тѣмъ, чѣмъ оно было *въ* *сложной* рѣчи, или что *одно* изъ этихъ словъ лишнее, и дѣлается такъ называемымъ *epitheton ornans*.

Что же касается случаевъ логическаго *неравенства*, стало быть, — нашего выраженія *Москва-ръка*, въ которомъ *въ* *сложной* рѣчи одно слово должно было исполнять роль »*признаковаго*«, а слѣдовательно, и *сказуемаго*, — все равно, на психо-логической ли почвѣ, или на логической (повторяю: о подлежащемъ здѣсь рѣчь не идетъ), — то психо-логическая и логическая почвы только въ *одномъ* случаѣ даютъ возможность говорить о словѣ *ръка*, какъ »сказуемомъ«, по отношенію къ *Москва*, какъ подлежащему. Это именно тамъ, гдѣ слово *ръка* попало въ »приложеніе«: *тамъ* только »*присуждается*«^{*)} признакъ, выраженный въ словѣ *ръка*, слову *Москва*, какъ *собственному имени* предмета. Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ выраженіе *Москва-ръка* чувствовалось какъ будто *однимъ* словомъ. Мы не скажемъ, что все это выраженіе служило »*названіемъ* предмета«; ибо терминъ »*названіе предмета*«^{*)} пригодится намъ для различенія нѣкоторыхъ *оттѣнковъ* среди самихъ словъ, попавшихъ въ это выраженіе. Мы скажемъ, что выраженіе *Москва-ръка* въ нашихъ случаяхъ служило всѣмъ своимъ составомъ для »*обозначенія*«^{*)} предмета, причѣмъ предметъ, иногда, противопоставлялся *другому* предмету. *Москва-ръка* противопоставлялась *Москва-городу*, выраженіе *ръка-Донецъ* употребляется для противопоставленія *ръкѣ-Дону*, а когда *Донецъ-ръка* противопоставляется *Курску-городу*, то прибавочныя слова *ръка* и *городъ* чувствуются въ обоихъ выраженіяхъ даже лишними.^{*)} и это обстоятельство, въ сопоставленіи съ необходимостью или. по крайней мѣрѣ, умѣстностью прибавочныхъ словъ въ раньше приведенныхъ примѣрахъ, служить немаловажнымъ доказательствомъ того, что въ нихъ оба *двѣмат*а поставлены именно для »*обозначенія*«^{*)} предмета.

Чтобы не терять времени, скажемъ прямо, что дѣло идетъ объ установленіи »логическаго опредѣленія«. Есть *два* *Москвы*: *Москва-ръка* и *Москва-городъ*^{**)}. Для того,

^{*)} чувствуются лишними и, если появляются въ рѣчи, составляютъ опять своего рода *epitheta organica*.

^{**)} Пожалуй, примѣръ о *Москва* покажется здѣсь неудобнымъ. Трудно безъ натяжки говорить о *родовомъ* понятіи *Москвы* вообще, распадающемся

чтобы отличить одинъ предметъ отъ другого, нужно *раздѣлить* чѣмъ нибудь логическій объемъ слова *Москва*. Чѣмъ же его раздѣлить? Указаніемъ на отличительную черту или *признакъ* cadaго изъ предметовъ, а въ другихъ случаяхъ — и *группы* предметовъ, составлявшихъ *часть* этого объема. Разъ идетъ рѣчь объ указаніи на черту или признакъ, то слово, исполняющее эту роль, будетъ опять таки *признаковымъ* словомъ, какъ оно было въ обще-психо-логическомъ и логическомъ *сказуемыхъ*, а тогда *второе* изъ «согласующихся» *двоѣматъ* все же останется при терминѣ «непосредственного *названія* предмета». Вотъ почему мы выше нашли нужнымъ толковать о случаяхъ не «названія», а «*обозначенія* предмета всѣмъ составомъ согласующихся *двоѣматъ*».

Признаковое *двома*, появляющееся при логическомъ опредѣленіи, назовемъ «логическимъ опредѣляющимъ», а второе *двома* — «логическимъ опредѣляемымъ». Нельзя сказать, чтобы говорящій, считаясь съ логическимъ объемомъ опредѣляемаго, думалъ въ то же время и о логическомъ объемѣ опредѣляющаго. Въ выраженіи *Москва-рѣка*, когда оно *цѣликомъ* служитъ для обозначенія *предмета*, говорящій вовсе не обращаетъ вниманія на то, что рѣкъ на свѣтѣ *много*, а просто *общею* «идеею» отмѣчаетъ признакъ *одной* части логического объема слова *Москва*. Въ выраженіи *рѣка-Донецъ*, когда оно *цѣликомъ* служитъ обозначеніемъ *предмета*, отличаемаго, въ данномъ случаѣ, отъ другихъ рѣкъ, логическимъ опредѣляемымъ является *рѣка*, а логическимъ опредѣляющимъ — слово *Донецъ*, стало быть нѣчто, въ чемъ «отличительный» признакъ отмѣченъ вовсе даже не общею идеею, а чѣмъ то, составляющимъ исключительную принадлежность *одной* рѣки, т. е. ея *собственнымъ* именемъ. Вотъ та тенденція, которую мы имѣли въ виду на стр. 183, указывая на то, что и *собственное имя* мо-

на *видовыя* — рѣки и города. Тутъ былъ бы удобнѣе примѣръ *земляничка-ягодка* и *ягода-смородина* или что нибудь подобное. Но для соответствія Поттебневскому *рѣкъ-Донцу* (см. стр. 48-49) мы останемся при нашемъ примѣрѣ, тѣмъ болѣе, что съ интересующей насъ точки зрѣнія, нѣкоторая искусственность его не внесетъ неправильности въ наши выводы.

жетъ послужить въ роли *признаковаго* слова. Этою тенденціею оказывается «логическое опредѣленіе».*)

Подведемъ итоги нашему разсужденію о согласующихся *двоѣматъ*. Согласующіяся *двоѣматъ* всегда относятся къ одному предмету. За исключеніемъ случаевъ логического равенства, занимающихъ *особое* положеніе и достаточно выясненныхъ, одно изъ нихъ есть всегда *названіе* предмета, а другое — *признаковое* слово. *Признаковое* слово относится къ *названію* предмета или какъ логическое опредѣляющее къ логическому опредѣляемому, или какъ психо-логическое сказуемое къ психо-логическому подлежащему, или какъ логическое сказуемое къ логическому подлежащему. *Синтаксическое* сказуемое, не знающее вообще предѣловъ въ широтѣ контекстовъ, въ короткихъ контекстахъ можетъ совпасть съ логическимъ опредѣляющимъ (а тогда и синтаксическое подлежащее совпадаетъ съ логическимъ опредѣляемымъ), такъ какъ логическое опредѣляющее появляется въ рѣчи въ силу необходимости *отличать* одинъ предметъ отъ другого, а тамъ гдѣ мы *отличаемъ*, тамъ и *интонируемъ* рѣчь, выставляя *интонируемое* въ рѣчи, какъ ея *искомое*.

Языкъ выработалъ особыя слова въ родѣ *καλός* — *καλή* — *καλόν* и т. п., которыя своею способностью къ *известнымъ* формальнымъ измѣненіямъ обнаруживаютъ свое предназначеніе къ тому, чтобы «согласоваться». Измѣняясь не только по падежамъ и числамъ, но и по родамъ, они такъ и жадутъ того, чтобы быть приуроченными къ какому нибудь *известному* роду, — къ названію *предмета*. Поэтому они исполняютъ въ «согласованіи» роль не *названій* предметовъ, а *признаковыхъ* словъ. Признаковыми ихъ дѣлаетъ не въ меньшей степени ихъ способность из-

*) Установленіе «логического опредѣленія», между прочимъ, важно для растолкованія синасціологии слова *ὁ-ή-το*, и притомъ уже *непосредственно*, а не такъ, какъ мы это отмѣтили о логическомъ сказуемомъ на стр. 171. Конечно, «логического опредѣленія» нельзя было установить внѣ связи съ установленіемъ логического сказуемаго. Въ логическомъ сказуемомъ идетъ рѣчь о «присужденіи» большаго логического объема меньшему, а въ логическомъ опредѣленіи — объ *ограниченіи* логического объема.

мѣняться въ формальномъ отношеніи и по *степенямъ*. Этимъ они приближаются къ *глагольнымъ* признакамъ, т. е. къ тѣмъ признакамъ—дѣйствіямъ, которыя въ глаголѣ присуждаются какъ психо-логическія сказуемая *лицу*, и которыя, нося на себѣ отпечатокъ той или иной стадіи своего *развитія* на этомъ *лицѣ*, только лишь съ болѣею детальною и съ болѣею подвижностью проводятъ въ своихъ формальныхъ измѣненіяхъ то же, что выражается въ такъ называемыхъ положительной, сравнительной и превосходной степеняхъ.

Если *ὀνόματα*, какъ мы съ ними до сихъ поръ познакомились, *внѣ* рѣчи чувствовались чѣмъ-то совершенно самостоятельнымъ, ни въ какомъ дополненіи не нуждающимся, а только *поддающимся* внесенію въ рѣчь и связную мысль, то слова *καλός* — *καλή* — *καλόν* и т. п., поставленные *внѣ* рѣчи, чувствуются прямо изъ нея *вырванными*, — чувствуются тѣмъ Гербартовскимъ мусоромъ, который *внѣ* рѣчи носитъ на себѣ слѣды спайки (см. выше стр. 35). Если *ὀνόματα* были *внѣ* рѣчи всегда *названіями* предметовъ — названіями ихъ по ихъ *признакамъ*, т. е. выраженіями *представлений* о предметахъ или, говоря образно, названіями той *оболочки*, въ которую душа наша завертываетъ самый предметъ, когда съ нимъ знакомится, и если только лишь *въ* рѣчи они *иногда*, по нѣкоторому ослабленію сознанія ихъ первоначальнаго симиологического значенія, дѣлались выраженіями оболочки не какъ *представительницы*, для души, самого *предмета*, а выраженіями ея, именно какъ оболочки, то слова *καλός* — *ή* — *όν* и т. п. уже *внѣ* рѣчи чувствуются выраженіями оболочки какъ таковой. Если *ὀνόματα* въ *самой* рѣчи, будучи выраженіями *»оболочки какъ таковой«*, могли при этомъ быть или логическими опредѣляющими, или психо-логическими сказуемыми, или, наконецъ, *логическими* сказуемыми, то слова *καλός* — *ή* — *όν* и т. п. могутъ исполнять только *первыя* двѣ роли. Да, только *первыя* двѣ роли. Ибо *ὄνομα*, въ роли *логического* сказуемого, дѣлалось выраженіемъ признака только лишь благодаря извѣстному отношенію его логического

объема къ логическому объему *другого* *ὄνομα*, тогда какъ слова *καλός* — *ή* — *όν* уже *сами по себѣ* — *»признаковая«* слова, а потому на *логическій* ихъ объемъ, на которомъ только и зиждется установленіе логического сказуемого, *нечего* обращать вниманіе, тѣмъ болѣе, что его въ сущности въ нихъ *нѣтъ*. Когда говорятъ напр. *дерево* — *красиво* (*καλόν*), то не только никто не думаетъ, — какъ думалъ въ выраженіи *орелъ-хищникъ* или *орелъ есть хищникъ*, — о томъ, что есть еще на свѣтѣ красивые *дома*, красивые *камни* и т. д., но если бы и *хотѣлъ* думать, то будетъ ли онъ въ такомъ случаѣ думать о логическомъ объемѣ слова *καλός*? Не будетъ ли онъ тогда размышлять скорѣе о логическомъ объемѣ того, что должно быть въ языкѣ выражено словами *красивые предметы*, иначе говоря, — не будетъ ли онъ тогда размышлять о *части* логического объема слова *предметъ*?

Слова, грамматически *особо* приноровленные къ согласованію, Александрійцы называли *тоже* *ὀνόματα*, но въ отличіе отъ первыхъ они для нихъ установили терминъ *ἐπιθετικά*, называя тогда первыя — *ὀνόματα οὐσιαστικά*. У насъ, вслѣдъ за Александрійцами, слова *καλός* — *ή* — *όν* и т. п. называютъ *»прилагательными именами«*, противопоставляя ихъ *именамъ* *»существительнымъ«*. Если терминъ *»имена существительныя«*, представляющій собою переводъ греческаго *ὀνόματα οὐσιαστικά*, вполне соотвѣтствуетъ *правильному* пониманію охватываемой имъ группы словъ, какъ *наименованій*, особенно *внѣ* рѣчи, *τῶν ὄντων* или *τῶν οὐσιῶν*, — зато терминъ *»прилагательныя«* — *слишкомъ* общъ. Въ немъ *правильно* отмѣчено, что обнимаемая имъ слова *немыслимы* *внѣ* рѣчи, какъ мыслимы *»имена существительныя«*, что они получаютъ смыслъ только черезъ приложеніе ихъ къ *другимъ* словамъ, но такихъ словъ, получающихъ смыслъ только черезъ *»приложеніе«* ихъ къ другимъ — *очень* много: такимъ можетъ быть какое нибудь *ἐξ*, о которомъ, конечно, *никто* не думалъ, когда созидалъ терминъ *»имена прилагательныя«*. Да мыслимо ли и какое нибудь *ἄνθρωπον* иначе, кромѣ какъ въ *приложеніи* къ другимъ

словамъ, а оно, вѣдь, принадлежитъ къ «именамъ *существительнымъ*». Мы, согласно всему выясненному, находимъ для нашихъ $\kappa\alpha\lambda\acute{o}\varsigma - \eta - \acute{o}\nu$ и под. единственно правильный противовѣсъ «*существительнымъ* именамъ» въ терминѣ «*признаковыя*» слова. Назовемъ ли мы признаковыя слова также «именами»?

Имена существительныя исполняютъ часто, какъ мы видѣли, роль признаковыхъ словъ. Если языкъ, выработавъ особыя грамматическія формы для признаковыхъ словъ, тѣмъ не менѣе, однако, не избѣгаетъ употребленія именъ существительныхъ для той же цѣли, то это только доказываетъ, конечно, большую *тонкость* языка въ различеніи *категорій* словъ, необходимыхъ для выраженія мысли, но вмѣстѣ съ тѣмъ и *легкость*, съ которою мыслящій человѣкъ переносится, какъ мы выше выразились, отъ оболочекъ какъ *представительницъ* предметовъ, къ оболочкамъ какъ таковымъ. Съ другой стороны, кому не извѣстно, что слова $\phi\acute{\iota}\lambda\omicron\iota$, $\acute{\alpha}\gamma\alpha\theta\acute{o}\nu$, $\kappa\alpha\kappa\acute{o}\nu$ и т. д. употребляются въ смыслѣ названій *настоящихъ* $\acute{o}\nu\tau\alpha$ или $\acute{o}\upsilon\sigma\iota\acute{o}\nu$, въ смыслѣ русскихъ словъ *друзья, благо, зло*? Такъ и въ примѣрѣ $\acute{o}\delta\kappa\ \acute{\alpha}\gamma\alpha\theta\acute{o}\nu\ \mu\omicron\lambda\upsilon\kappa\omicron\iota\sigma\tau\omicron\rho\alpha\nu\acute{\iota}\eta$ (см. выше стр. 166) слово $\acute{\alpha}\gamma\alpha\theta\acute{o}\nu$, отказываясь отъ своего грамматическаго *plus'a* сравнительно съ именемъ существительнымъ, то есть отъ согласованія по *роду*, тѣмъ самымъ переходитъ въ имена существительныя, исполняя, конечно, въ *данномъ* случаѣ роль психо-логическаго сказуемаго*). Да и не вполнѣ ли *естественъ* переходъ признаковыхъ словъ въ имена существительныя уже по одному тому, что и имена существительныя обозначаютъ *οὐσίας* *собственно* черезъ «поименованіе» ихъ признака? Да и можемъ ли мы ручаться за то, что

*) Да, примѣры подобнаго рода мы объясняемъ именно такъ, а вовсе не черезъ «подразумѣваніе» какого-то $\tau\acute{\iota}$. Конечно, мысль, выраженная нашею фразою, могла быть передана и словами $\kappa\alpha\kappa\acute{o}\nu\ \tau\acute{\iota}\ \mu\omicron\lambda\upsilon\kappa\omicron\iota\sigma\tau\omicron\rho\alpha\nu\acute{\iota}\eta$, но, во-первыхъ, $\kappa\alpha\kappa\acute{o}\nu$ есть нѣчто одно, а $\kappa\alpha\kappa\acute{o}\nu\ \tau\acute{\iota}$ — нѣчто другое, и во-вторыхъ, мы еще не знаемъ, освободить ли насъ такая передача мысли отъ толкованія слова $\kappa\alpha\kappa\acute{o}\nu$ въ смыслѣ имени существительнаго; мы еще не знаемъ, слѣдуетъ ли $\kappa\alpha\kappa\acute{o}\nu\ \tau\acute{\iota}$ понимать *непрѣменно* въ смыслѣ *нѣчто злое*, или же можно въ немъ усматривать и русское *нѣкое зло*. Быть можетъ,

слова, которыя мы теперь принимаемъ за имена существительныя, не проявляютъ присущаго людямъ стремленія цѣпляться за старое. послѣ того какъ установилась новизна, — въ данномъ случаѣ отдѣленіе *особыхъ* признаковыхъ словъ отъ именъ существительныхъ. На словахъ *тепло, Курскъ* и т. п. мы *ясно* видимъ, что они вышли изъ *признаковыхъ* словъ. Въ виду всего этого мы и *признаковыя* слова будемъ называть «именами», тѣмъ больше, что самое слово «имя», т. е. «поименованіе», не есть настолько узкое слово, которое требовало бы особенной осторожности.

Извѣстно, что *всякое* признаковое имя можно «превратить», какъ обыкновенно *выражаются*, «въ имя существительное *черезъ прибавленіе къ нему* слова $\acute{o} - \eta - \tau\acute{o}$ ($\acute{o}\acute{\iota}\ \acute{\epsilon}\mu\omicron\tau\eta\mu\omicron\nu\epsilon\varsigma$ и т. д.). Въ чемъ тутъ собственно дѣло, мы узнаемъ впоследствии. Пока мы хотѣли бы узнать, что такое въ *общемъ* само $\acute{o} - \eta - \tau\acute{o}$, которому, какъ говорятъ, признаковыя слова обязаны этимъ «превращеніемъ»?

У Александрійцевъ слово $\acute{o} - \eta - \tau\acute{o}$ фигурировало до послѣдняго времени подъ названіемъ $\tau\omicron\upsilon\ \acute{\alpha}\rho\theta\omicron\rho\omicron\nu$, т. е. *связующаго* отдѣльныя слова въ цѣльную рѣчь (у насъ его вслѣдъ за греками, — переводъ нашъ, впрочемъ, немного неточенъ, — называютъ «членомъ»). Этимъ мы не хотимъ сказать, что слово $\acute{o} - \eta - \tau\acute{o}$ не нашло себѣ у грековъ болѣе опредѣленнаго мѣста среди остальныхъ частей рѣчи. Напротивъ, Александрійцы только *называли* это слово по установившейся традиціи, но *понимали* его совершенно иначе. Какъ его собственно понимали Александрійцы, а во главѣ ихъ Аполлоній Дисколъ, къ какой части рѣчи они его причисляли, и къ какой его вслѣдъ за ними причисляютъ наши грамматики, на это читатель отвѣтитъ самъ, но мы бы

противъ *нашего* толкованія фразы $\acute{o}\delta\kappa\ \acute{\alpha}\gamma\alpha\theta\acute{o}\nu\ \mu\omicron\lambda\upsilon\kappa\omicron\iota\sigma\tau\omicron\rho\alpha\nu\acute{\iota}\eta$, т. е. противъ пониманія въ ней слова $\acute{\alpha}\gamma\alpha\theta\acute{o}\nu$ за имя *существительное*, возражать намъ указаніемъ на выраженіе $\beta\acute{\epsilon}\lambda\tau\iota\omicron\nu\ \phi\acute{\iota}\lambda\iota\alpha$. Намъ скажутъ, что въ выраженіи $\beta\acute{\epsilon}\lambda\tau\iota\omicron\nu\ \phi\acute{\iota}\lambda\iota\alpha$ слово $\beta\acute{\epsilon}\lambda\tau\iota\omicron\nu$ есть сравнительная степень, за которую мы же сами ухватились какъ за нѣчто такое, что въ *особенности* отличается признаковыя слова отъ именъ существительныхъ. Но въ *данномъ* случаѣ $\acute{\alpha}\mu\epsilon\lambda\iota\omicron\nu$ отличается отъ $\acute{\alpha}\gamma\alpha\theta\acute{o}\nu$, какъ напр. слово *книжница* отъ *книга*, а послѣднія слова суть несомнѣнно имена *существительныя*.

хотѣли предупредить его отвѣтъ небольшимъ *общимъ* разсужденіемъ.

Σοφία, σοφός суть *имена*, одно существительное или, какъ греки говорили, *οὐσιαστικόν*, а другое признаковое. Но что такое *ἐγώ, τοῦτο, τοιοῦτος*? Это, собственно, не «имена», такъ какъ они ничего не «поименовываютъ» и не имѣютъ никакого *матеріальнаго* содержанія. Слова *ἐγώ, τοιοῦτος, οὗτος, ἐκεῖνος* только *направляютъ* глазъ слушателя, — иногда глазъ чисто духовный, т. е. *память*, къ чему то, имѣющему еще *наполнить* его воображеніе живымъ представленіемъ, причемъ *ἐγώ, οὗτος* и *ἐκεῖνος* ведутъ къ *οὐσία*, а *τοιοῦτος* ведетъ къ *признаку τῆς οὐσίας*. Греки называли эти слова «*ἀντωνυμίας*», а наши грамматики вслѣдъ за ними называютъ ихъ «*мѣстоименіями*» т. е. словами, употребляющимися *вмѣсто* именъ. Строго разсуждая, это совершенно правильно, и мы сами нисколько не намѣрены *избѣгать* въ нашемъ изслѣдованіи терминовъ *мѣстоименіе, мѣстоименный, прономінальный* и т. п., такъ какъ, повторяемъ, всѣ эти слова, въ сущности, ничего не «поименовываютъ», но... Какъ математикъ различаетъ *физическій* шаръ, сдѣланный изъ дерева, мѣди и т. д., отъ математической *схемы* для шара, имѣющей еще быть *наполненною* какимъ нибудь веществомъ, и не избѣгаетъ при этомъ называть и самую *схему* «шаромъ», такъ и мы не сдѣлаемъ ошибки, если, различая *матеріальныя*, такъ сказать (т. е. наполняющія наше воображеніе *живымъ, вещественнымъ* содержаніемъ) имена отъ ихъ, какъ-бы, *схемъ*, назовемъ и *последнія* «именами», — именами, разумѣется «*формальными*», въ противоположность «*матеріальнымъ*».*) Къ этимъ то *формальнымъ* именамъ принадлежитъ и *ὅ-τι-τό*.

*) Вмѣсто термина «*матеріальныя имена*» читатель, быть можетъ, предпочтетъ терминъ «*реальныя*». Этого намъ не хотѣлось бы. Реальное, *res*, есть въ сущности только *οὐσία*, представляетъ ли она, какъ мы выше разсуждали, индивидуумъ, или *группу* индивидуумовъ, или *идеальнаго* представителя индивидуумовъ, или, наконецъ, идею какъ чисто душевный нашъ *постулатъ*. *Σοφία, ἀνθρώπος, Σокράτης, ἔχθρα* — все это -- *res*, все это — *ὄντα* по Платоновской терминологіи, и слово *реальный* (= *вещественный*), которымъ читатель хотѣлъ бы обнять и существительное, и признаковая *неформальная*,

Раздѣливъ «имя» съ одной стороны на существительное и признаковое, а съ другой — на матеріальное и формальное, мы подвергнемъ окончательному разбору еще *одинъ* вопросъ, прежде чѣмъ приступать къ прерванному разсужденію о падежахъ, а именно, какъ далеко, т. е. на какія *λέξεις* и на какія категоріи *τῶν λέξεων* простираются *матеріальныя* существительныя и признаковыя. Въ общихъ чертахъ этотъ вопросъ былъ уже рѣшенъ до насъ. Особенно много имъ занимается Schömann Redeth. Мы хотѣли бы только кое-гдѣ строже *формулировать* это рѣшеніе, съ *сидіологической* точки зрѣнія, и кое-гдѣ его исправить.

Больше всего затрудненій въ нашемъ вопросѣ представляетъ та категорія *τῶν λέξεων*, которую наша грамматика называетъ *infinitiv*ами.

Разсматривать *infinitiv*ы *внѣ* связной рѣчи мы пока не будемъ. Что же касается *связной рѣчи*, то прежде всего бросаются въ глаза тѣ случаи появленія *infinitiv*овъ, въ которыхъ послѣдніе чувствуются не только «именами» *вообще*, но прямо именами *существительными*. Въ случаяхъ этихъ можно различать, *въ общемъ*, три типа: 1) *βούλομαι παιδεύειν*; 2) *παιδεύειν καλόν*; 3) *παιδεύειν ἐστὶ πράττειν*.

Въ первомъ типѣ, будетъ ли *infinitiv* «зависѣть» отъ глагола, какъ въ приведенномъ примѣрѣ *βούλομαι παιδεύειν* (= желаю воспитыванія), или отъ какого нибудь признаковаго имени (*ἡδιστος πίνειν* = весьма пріятенъ для питья), или отъ имени существительнаго (*ἐν ᾧρα ἐστὶ τοῦ παιδεύεσθαι* = онъ въ порѣ воспитыванія), — вездѣ *infinitiv* чувствуется въ роли косвеннаго падежа, вездѣ онъ имѣетъ значеніе русскаго такъ называемаго *отглагольного* существительнаго, вездѣ онъ есть дѣйствительное названіе «вещи»

мы предпочли бы сохранить для однихъ *существительныхъ*, какъ *формальныхъ*, такъ и *неформальныхъ*, въ противоположность *признаковымъ* именамъ. Мы бы это сдѣлали тѣмъ охотнѣе, что при сведеніи термина «существительное» къ слову *существо* или *суть* или *сущность* выгадывается для пониманія дѣла гораздо меньше, чѣмъ при сведеніи термина *вещественный* къ слову *вещь*. Но терминъ *существительное* уже освященъ вѣками, а толковать, что напр. Сократъ есть *вещь*, какъ то кажется намъ *страннымъ*, хотя съ той точки зрѣнія, съ которой намъ приходится разсматривать «Сократа», это толкованіе было бы правильно.

вообще (въ томъ смыслѣ, какъ мы толковали слово *»вещь«* въ непосредственно предшествующемъ подстрочномъ примѣчаніи), а въ частности, совершенно наравнѣ съ именемъ существительнымъ, оканчивающимся на *οις* (напр. *παῖδευσις*), — представляетъ собою названіе *»явленія въ пространствѣ времени«*. Въ подробностяхъ мы этого типа разбирать не можемъ, такъ какъ о *»косвенныхъ«* падежахъ не было еще рѣчи.

Въ примѣрѣ *παῖδεύειν καλόν* (примѣръ этотъ допускаетъ слово *ἐστίν*, но можетъ обойтись и безъ него) признаковое имя *καλόν*, какъ *согласующееся* имя, есть психологическое сказуемое къ слову *παῖδεύειν*, само же *παῖδεύειν* есть или психо-логическое подлежащее къ слову *καλόν*, если фраза обходится безъ *ἐστίν*, или *»ближайшее опредѣленіе«* лица, показаннаго въ глаголѣ *ἐστίν*, если послѣднее дѣйствительно *появляется* во фразѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ оно есть, несомнѣнно, *»поименованіе«* вещи вообще, а въ частности — *»поименованіе«* явленія въ пространствѣ времени, есть *именительный падежъ* и имя *существительное*. Въ сущности, этого примѣра не слѣдовало бы даже *отдѣлять* отъ *»перваго типа«* явленія въ рѣчи infinitiv'овъ, не будь того обстоятельства, что намъ по ходу изслѣдованія пришлось оторвать именительный падежъ отъ косвенныхъ падежей.

Разсмотримъ теперь примѣръ *παῖδεύειν ἐστὶ πράττειν*. Если во фразѣ *орелъ — хищникъ* легко ослаблялось сознаніе слова *хищникъ* какъ названія *τοῦ ὄντος, τῆς οὐσίας* или, какъ мы теперь имѣемъ возможность сказать, *»вещи«*; если во фразѣ *орелъ — хищникъ* легко чувствовалось слово *хищникъ* въ роли простаго признаковаго имени, въ роли поименованія одной лишь оболочки для предмета, поименованнаго въ *другомъ* словѣ. то со словомъ *πράττειν* во фразѣ *παῖδεύειν ἐστὶ πράττειν* дѣло стоитъ совершенно иначе. По русски можно бы передать смыслъ этой фразы словами *воспитывать значить хлопотать = воспитывать, это — хлопотать*. Трудно, какъ то отвязаться отъ представленія, что *πράττειν* въ данной фразѣ есть

такое же поименованіе *»вещи«* вообще, а явленія въ пространствѣ времени *въ частности*, какъ и *παῖδεύειν*. Если тутъ можно разсуждать о *»подлежащемъ«* и *»сказуемомъ«*, то только на почвѣ *логическихъ объемовъ* (логическій объемъ *τοῦ παῖδεύειν* — меньше, а *τοῦ πράττειν* — больше), и тогда *πράττειν* будетъ *логическимъ* сказуемымъ къ *παῖδεύειν*, какъ къ *логическому* подлежащему, и всю фразу можно сопоставлять съ выраженіемъ *орелъ — хищникъ* лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы объ этомъ выраженіи разсуждали на стр. 168, когда въ немъ подлежащее и сказуемое устанавливались на почвѣ *логическихъ* объемовъ. А если фразу *παῖδεύειν ἐστὶ πράττειν* перевести на выраженіе *τοῦτο ἐστὶ παῖδεύειν*, то тутъ даже не можетъ быть рѣчи *ни о какомъ* подлежащемъ и сказуемомъ (кромѣ развѣ *синтаксическаго*); тутъ замѣчается просто *логическое равенство*, а тогда подавно *παῖδεύειν* будетъ *поименованіе* вещи т. е. имя *существительное* (смотри выше стр. 185), а *τοῦτο* будетъ при немъ хотя и не *поименованіе* вещи, но все же *существительное*, — *существительное формальное*. Кромѣ того и *τοῦτο*, и *παῖδεύειν* будутъ *именительные падежи*. Этотъ типъ примѣровъ надобно *непрерывно* выдѣлять особо, такъ какъ въ немъ infinitiv, на почвѣ *обще-синтаксической*, т. е. на почвѣ *»согласованія«*, легко могъ перейти въ *признаковое* слово, а между тѣмъ оказывается, что онъ держится своего *οὐσιαστικескаго* значенія тверже, чѣмъ само слово *хищникъ*, т. е. чѣмъ само *»матеріальное существительное«*.

Въ приведенныхъ трехъ типахъ явленія infinitiv'a въ связной рѣчи мы толковали о разныхъ падежахъ infinitiv'a, то о *»косвенныхъ«*, то объ *именительномъ*. Извѣстно, что съ *этимологической* точки зрѣнія на греческій infinitiv смотрять какъ на *косвенный* падежъ, то такой, то иной. Извѣстенъ въ этомъ отношеніи основательный трудъ Jolly (*Geschichte des Infinitivs im Indogermanischen*, München 1873). Въ свое время мы къ этому труду вернемся, а пока сообщимъ весьма *важное* для насъ наблюденіе Дельбрюка, указывающее на то, что всѣ эти разсужденія объ *этимоло-*

логическихъ падежахъ греческаго infinitiv'a для насъ не имѣютъ никакого значенія. Дельбрюкъ говоритъ (Synt. Forsch. IV. 122): Es sind also auch diese griechischen Infinitive genau so wie die indischen zu beurtheilen (т. е. должны считаться съ *этимологической* точки зрѣнія тѣмъ или инымъ падежемъ), nur dass die Entwicklung in Griechenland noch einen Schritt weiter gegangen ist, insofern jede Erinnerung an die Substantivnatur von »Formen« wie »*δόμεναι*« *geschwunden ist*, sie also im Bewusstsein der Sprechenden gänzlich auf die verbale Seite herübergezogen sind... Über die Etymologie... können wir nicht mit solcher Sicherheit urtheilen... doch ist es wahrscheinlich, dass der Infinitiv auf — dhyai Dativ, der auf — sani Localis eines Substantivums sei. Jedenfalls aber war schon *in der Grundsprache jeder innere Zusammenhang dieser Bildungen mit irgend welchen Nominalstämmen verloren*, sie waren bereits in der Grundsprache da angekommen, wo wir im Griechischen *δόμεναι* u. s. w. finden.

Такимъ образомъ, мы можемъ разсуждать о »падежахъ« infinitiv'a не на почвѣ *этимологической*, а лишь на почвѣ *обще-синтаксической*. Это не то, что слово *ἄνθρωπος*. Слово *ἄνθρωπος* было именительнымъ падежемъ въ *этимологии*, такимъ оно осталось и въ синтаксической *симасіологии* т. е. въ симасіологии »частей рѣчи и ихъ формъ« (*синтаксической* мы ее называемъ въ противоположность симасіологии, установленной на стр. 68), такимъ оно остается и въ самомъ *синтаксисѣ*, т. е. въ самой *связной рѣчи*. Поэтому синтаксическую симасіологию именительнаго падежа слова *ἄνθρωπος* можно было вести *отъ этимологии* и переводить ее на почву *обще-синтаксическую*. Въ infinitiv'ахъ, какъ видно, нужно падежную симасіологию вести *отъ обще-синтаксическаго* ихъ положенія, а съ *этимологиею* ихъ приходится даже не считаться.

Въ виду этого особаго положенія infinitiv'овъ естественно рождается вопросъ: Не чувствуются ли они существительными только лишь потому, что они на почвѣ *обще-синтаксической* попадаютъ въ такой или иной падежъ? Не

случилось ли съ ними и съ ихъ ролью quasi-»существительныхъ« нѣчто похожее на то, что случается съ *дѣйствительными* »матеріальными« существительными, когда они чувствуются *признаковыми* именами *только* лишь благодаря тому, что попали въ »согласованіе«? Infinitiv, въ концѣ концовъ, представляетъ собою *полное* выдѣленіе въ особое слово того *а*, которое попало у насъ въ глагольную симасіологическую схему *а —> б*. Мы говоримъ »полное« въ томъ смыслѣ, что infinitiv заключаетъ въ себѣ обѣ симасіологическія стороны, которыя мы открыли въ свое время въ *а*: онъ имѣетъ и *заложенные* оттѣнки, и оттѣнки »видовые« т. е. оттѣнки, указывающіе на разные моменты въ *развитіи* дѣйствія (сравни выше стр. 97). Этого не имѣли ни слова *деревенные* и *рубленіе*, о которыхъ мы говорили на стр. 98, ни слова *διακρίβωσις* и *φεῦδος*, о которыхъ мы говорили на стр. 163. Разъ infinitiv представляетъ собою *полное а*, то это *полное а* есть настоящая *часть* глагола, есть дѣйствительно тотъ особый *признакъ* (см. выше стр. 100), который черезъ линію —>, т. е. въ такой или иной »квалитативности« и въ томъ или иномъ *времени* (см. выше стр. 110) присуждается »лицу«, обозначенному въ нашей схемѣ черезъ *б*.

Въ виду всего этого мы назвали бы его скорѣе *признаковымъ* именемъ. Да и не чувствуется ли оно *внѣ* рѣчи такимъ же »вырваннымъ изъ рѣчи«, какъ чувствовалось слово *καλός* — *καλή* — *καλόν*? О *ποιεῖν*, *ποιῆσαι*, *πεποιηκέναι*, *ποιήσῃν*, *ποιεῖσθαι* и т. д. трудно, сказать, что это *внѣ* рѣчи »столбы, стоящіе самостоятельно и не нуждающіеся ни въ какихъ пополненіяхъ, но поддающіеся соединенію«, какъ то мы утверждали въ свое время объ *δόμεναι*хъ, оказавшихся потомъ »матеріальными именами существительными.« Да и въ *самой рѣчи*, не приходится ли постоянно прибѣгать къ такъ называемой конструкціи Accusativi cum infinitivo, въ которой Accusativ обозначаетъ »лицо«, принимающее на себя выраженный въ Infinitiv'ѣ »признакъ«? Къ сожалѣнію, мы не можемъ въ настоящее время распространиться объ этой конструкціи и должны

ждать болѣе *удобнаго* для разъясненія всего этого вопроса случая.

Да, при разборѣ трехъ типовъ появленія infinitiv'a въ связной рѣчи онъ оказался существительнѣе, чѣмъ само существительное, а теперь онъ оказывается какъ будто *исключительно* признаковымъ словомъ. Древніе, какъ на то указано уже не разъ, называли его *ὄνομα ῥηματός*. Мы, въ виду его двусторонности не причислимъ его ни къ *признаковымъ*, ни къ *существительнымъ* именамъ, а назовемъ его *просто*, по примѣру древнихъ, *«глагольнымъ именемъ»*.

Несомнѣнными именами, и притомъ несомнѣнно *признаковыми*, являются participia. Слово «participium» есть переводъ греческаго *μετοχή*. Терминомъ *μετοχή* греки хотѣли указать на то, что слова, охватываемыя этимъ терминомъ, «причастны» (*μετέχει*) съ одной стороны къ глаголу,* такъ какъ они, наравнѣ съ глаголомъ, измѣняются по залогамъ и «видовымъ отгѣнкамъ дѣйствія». Съ другой стороны они, измѣняясь еще и по падежамъ, причастны и къ *имени*, — разумѣется *признаковому*, такъ какъ кромѣ падежей имѣютъ роды и, совершенно наравнѣ съ словомъ *καλός-ή-όν* и под., «ждутъ того, чтобы быть приуроченными къ *известному* роду, — къ известной *οὐσία*, къ известной «вещи». И они «особо выработаны языкомъ для того, чтобы согласоваться», а въ согласованіи могутъ исполнять роль *только* лишь психо-логическихъ сказуемыхъ и логическихъ опредѣленій (сравни выше стр. 192).** И они черезъ присоеди-

* Dionysius Thrax (A. В. II. 659): *μετοχή ἐστὶ λέξις μετέχουσα τῆς τῶν ῥημάτων καὶ τῆς τῶν ὀνομάτων ἰδιότητος*.

** Говорятъ о какихъ то причастіяхъ причины, цѣли, условія, времени и проч. Все это не касается насъ и не касается симасіологій частей рѣчи, а касается паузъ, тоновъ, темповъ и вообще широкаго контекста. Если мы въ симасіологій глагола толковали о разныхъ Conjunction'ахъ final'ныхъ, conditional'ныхъ и т. п., то это нужно было сдѣлать потому, что *единое* значение Conjunction'a не видно было сразу, и его пришлось извлекать изъ разныхъ контекстовъ. Здѣсь же оно сразу замѣтно. И во фразѣ *οἱ λαοὶ τῆς γῆς* бояться можно толковать слово *τῆς γῆς* какъ *причинное* слово, особенно если его прочесть среди паузъ, — если его прочесть, какъ мы разсуждали на стр. 187., appositional'но. Для насъ же слово *τῆς γῆς* есть «согласующееся» имя существительное со всѣми тѣми послѣдствіями, которыя *вытекаютъ* нами въ «согласованіяхъ». Такъ и во фразѣ *καὶ ὁ θεὸς ἐποίησεν ὁ ἀνὴρ ὑπὸ τῆς*

неніе слова *ὁ-ή-τό* «превращаются» въ существительныя. Есть между ними и такія, которыя и *безъ* *ὁ-ή-τό* дѣлаются существительными, чѣмъ напоминаютъ то *φίλοι* и *ἀγαθόν* и пр., о которомъ мы говорили на стр. 194.)* Словомъ, отъ *простыхъ* признаковъ они отличаются *только* своею измѣняемостью по залоговымъ**) и видовымъ отгѣнкамъ «дѣйствія» (признака тожъ; сравни выше стр. 98), а потому мы правильно поступимъ, если ихъ въ отличіе отъ *простыхъ* признаковъ именъ назовемъ *глагольными* признаковыми именами.

Итакъ, мы установили съ одной стороны имя *материальное* и *формальное*, не разбиравъ, впрочемъ, послѣдняго въ подробностяхъ, а съ другой — *простое* существительное, *простое* признаковое, глагольное *имя* и глагольное *признаковое*. Въмѣсто этого грамматика предлагаетъ намъ имя существительное, имя прилагательное, мѣстоименіе, а затѣмъ

мы считаемъ выраженнымъ не болѣе, не менѣе, какъ только слѣдующее: «плохо сдѣлалъ человекъ, признакомъ котораго *было* (слово *было* помѣщаемъ здѣсь согласно стр. 151., пункту а.), что у него дѣйствіе *υπάγειν* находилось (слово *находилось* мы помѣщаемъ здѣсь на томъ же основаніи, на какомъ раньше помѣстили слово *было*) въ *такой* то стадіи своего развитія и въ *такомъ* то, по отношенію къ нему, залоговомъ отгѣнкѣ». При этомъ слово *υπάγειν* есть психо-логическое *сказуемое* по отношенію къ *ὁ ἀνὴρ*: причину можно въ немъ усматривать только по *общему* контексту.

*) На такое существительное указываетъ Аполлоній Дисколъ (de constr. I. 75): *ἐντεῦθεν οὐκ ἀναγκαῖον, ὡς τὸ ἐρωμένῃ ὀνομαστικῇ ἔχει σύνταξιν ἴδον γὰρ χωρὶς ἀρθρου φαίνεσθαι... τὴν ἐρωμένην ἐστὶ θεῖονος; ὡς εἰ καὶ φαίη τις τὴν δοῦλὴν ἐστὶ θεῖονος; ὑπερὸν οὐ παρακολουθήσει ἐν μετοχῇ* (сравни русское *возлюбленная*).

**) Да, именно *измѣняемостью*, т. е. flexiv'ностью. Другія «имена» этой измѣняемости не обнаруживаютъ, хотя мы въ нихъ *тоже* влагаемъ то transitiiv'ность, то intransitiiv'ность, т. е. тѣ два главныхъ отгѣнка, въ которыхъ въ концѣ концовъ сосредоточиваются залоговыя измѣненія (сравни стр. 108); такъ, *убійственникъ* мы чувствуемъ въ transitiiv'номъ, *милый* въ intransitiiv'номъ, а греческое *φοβερός* (= пугающій — боящійся) въ *томъ* и *другомъ* смыслѣ. Такъ и *убійца* и *утопленникъ* чувствуются одно въ transitiiv'номъ, а другое въ intransitiiv'номъ смыслѣ. Известно, что именно *греческія* простыя матеріальныя имена, въ особенности *признаковыя*, любятъ допускать transitiiv'ное толкованіе *совмѣстно* съ intransitiiv'нымъ; примѣръ такого *совмѣстнаго* толкованія представляеть наше *φοβερός*. Кому приходится комментировать греческихъ поэтовъ, тотъ наталкивается *постоянно* на такіе случаи, и стоитъ привыкнуть къ этой *гибкости* греческихъ словъ, т. е. къ этой *способноти* ихъ, внѣ флексіи измѣняться по двумъ *главнымъ* залоговымъ отгѣнкамъ, чтобы избѣгнуть *большаго* затрудненія въ комментированіи.

уже не «имена», а причастіе и неопредѣленное наклоненіе. Зато она выдвигаетъ еще одно «имя», это — имя *числительное*. Куда же мы дѣнемъ имя числительное?

Мы говоримъ, что «есть нѣчто *μέγα*», что «есть нѣчто *μικρόν*», и эти *μέγα* и *μικρόν* являются *признаками* этого «нѣчто», выражаемыми въ обоихъ случаяхъ черезъ *признаковые* имена. Но это «нѣчто» мы можемъ воспринять какъ составленное изъ нѣсколькихъ, быть можетъ, даже совершенно *одинаковыхъ* частей. Такою *сразу* представляется намъ *толпа*, или что нибудь подобное. Тогда *μέγα* превращается въ *многочисленное*, а *μικρόν* — въ *малочисленное*, и эта *многочисленность* или *малочисленность* является опять таки «*признакомъ*» толпы, и, соотвѣтственно этому, выражающія ее слова *πολύ* (иногда *ἄπειρον*) и *ὀλίγον* (иногда даже *ἓν*) будутъ *признаковыми* именами. Въ общемъ, качество (о которомъ до сихъ поръ шла рѣчь въ признаковыхъ словахъ) и количество представляются настолько нераздѣльными среди тѣхъ «категорій», о которыхъ, какъ извѣстно, еще Платонъ толкуетъ какъ о *врожденныхъ* нашей душѣ, а не извлекаемыхъ ею изъ опыта (это доказывается въ «*Θεαίτητῳ*»), что мы и въ «вещахъ» всегда невольно ищемъ *вмѣстѣ* то и другое. Но количество, заключающееся собственно въ величинѣ *измѣреній* «вещи», значитъ въ чемъ-то геометрическомъ, легко превращается въ нѣчто арифметическое т. е. число. При этомъ мы можемъ сказать не только *многочисленная толпа*, *στράτευμα πολύ*, *στράτευμα ὀλίγον*, но рядомъ съ этимъ и *στρατιῶται πολλοί*, *στρατιῶται ὀλίγοι* и т. д. Разница между *στράτευμα πολύ* и *στρατιῶται πολλοί* заключается въ томъ, что въ имени существительномъ *στράτευμα* мы, представляя толпу чѣмъ то единымъ, выражаемъ наше представленіе черезъ имя *единственного* числа, тогда какъ во фразѣ *στρατιῶται πολλοί* мы уже самимъ именемъ существительнымъ указываемъ на то, что это единое представляется намъ *раздробленнымъ* на *нѣсколько*, и притомъ совершенно *одинаковыхъ* частей. Слова же *πολλοί*, *ὀλίγοι*, *πολλαπλάσιοι* должны оставаться здѣсь такими

же «признаковыми» именами, какъ были *πολύ*, *ὀλίγον*, *ἄπειρον*, *ἓν*, и какъ было *μέγα* и *μικρόν*. Такими же признаковыми является цѣлый рядъ количественныхъ словъ, обнаруживающихъ свою принадлежность къ этой части рѣчи уже во внѣшнемъ своемъ видѣ. Таковы:

всѣ слова, указывающія на повтореніе въ «единомъ» сотенъ (*διακόσιοι*, *τριακόσιοι* и т. д.);

слово *μύριοι* съ его повтореніями (*δισμύριοι* и т. д.); не только слово *εἷς*, но и *δύο*, *τρεις* и *τέσσαρες*, указывающія на *малую* численность;

слова *πᾶς* и *ὅλος*, изъ которыхъ первое указываетъ на полноту «единого» какъ на его «признакъ», если мы это единое представляемъ *раздробленнымъ* на части, а второе — на цѣльность его, если мы въ немъ ищемъ *геометрическое* количество;

дроби этого *πᾶς* и *ὅλος*, какъ то *ἡμισυ*, *ἡμιόλιον* (= полуторное) и т. д.*)

Другая сторона дѣла, совершенно отличная отъ указанія на численность чего нибудь какъ на *признакъ* его, есть *счетъ* этой численности. «Вотъ тамъ я вижу» — говоритъ *разскащикъ*, употребляя *признаковое* имя — *πολλοὺς ἄστῆρας*. «*Πόσους*», — спрашиваетъ его собеседникъ, прибѣгая къ *формальному* признаковому слову, только еще *ищущему* матеріальнаго содержанія, а *разскащикъ*, вѣсто того, чтобы *сразу* опредѣлить требуемое отъ него число, начинаетъ считать, произнося при этомъ, если онъ русскій, слова: *разъ*, — даже не пользуется при счетѣ *выработаннымъ* «признаковымъ» словомъ *одинъ* — *одна* — *одно*, — *два*, *три*, *четыре*, *пять*, *шесть*, *семь* и т. д. Слова *два* — *три* — *четыре* суть, также какъ и греческія *δύο*, *τρεις*, *τέσσαρες*, по внѣшнему виду, слова *признаковые*; что же касается словъ *пять* — *шесть* — *семь* и т. д., то они сбиваются, по внѣшнему виду, на простыя существительныя, но на практикѣ русскій языкъ иногда ихъ согласуетъ на подобіе *признаковыхъ* словъ (напр. *семью ударами*), а иногда употребляетъ какъ насто-

*) Математики по этому же пути выработали признаковыя имена: *ἐπί-τριτον* = $1\frac{1}{3}$ = $\frac{4}{3}$ = 4:3, *ἐπίτεταρτον* = $1\frac{1}{4}$ = $\frac{5}{4}$ = 5:4 и т. д.

ящія имена существительныя (напр. *семь ударовъ*, все равно что *куча розъ*), словомъ, рѣшается на какой-то компромиссъ, разсматривать который, во всякомъ случаѣ, дѣло для насъ совершенно постороннее, такъ какъ мы заняты не русскимъ, а греческимъ языкомъ. Греческія *πέντε* — *ἑξ* — *ἑπτά* и т. д., вплоть до самого *ἐκατόν*, непохожи по внѣшнему виду ни на имена существительныя, ни на имена признаковыя, и если ихъ приходится употреблять въ связной рѣчи, то грекъ, совершенно какъ если бы они стояли *вне* рѣчи, *прибрасываетъ* ихъ, не считаясь ни съ какою конструкціею, къ названіямъ тѣхъ «вещей», численность которыхъ ему приходится опредѣлять: *ὁρῶ ἑπτὰ ἀστέρων πέντε* — вижу звѣзды, *счетомъ*, — грекъ прямо прибавляетъ иногда слово *ἀριθμῶ*, какъ бы давая знать, что онъ перестаетъ излагать связную мысль и начинаетъ считать, — итакъ «вижу» — говоритъ грекъ — «звѣзды, счетомъ разъ, два, три, четыре, пять».

Да, въ такъ называемомъ числительномъ имени мы должны непремѣнно выдѣлить, какъ нѣчто особое, *счетную* часть рѣчи,*) все же остальное причислить къ «простому признаковому имени», причемъ, пожалуй, «простое признаковое имя» можно дѣлить на качественное и количественное, относя къ послѣднему и чисто-числовыя *εἷς, δύο, τρεῖς, τέσσαρες, διαχόσιοι, τριακόσιοι, ... χίλιοι, διςχίλιοι, ... μύριοι, διςμύριοι, ...* Замѣчательно, что грекъ выработалъ признаковыя *количественныя* т. е., въ частности, признаковыя *числовыя* имена только при численной *неопредѣленности* (*ὀλίγοι, πολλοί, ἄπειροι*), при очень *низкихъ* единицахъ, которыя можно замѣтить *сразу, не занимаясь* отдѣльно счисленіемъ и *не прерывая* изъ за этого связную рѣчь (*εἷς, δύο, τρεῖς, τέσσαρες*; дальше грекъ не пошелъ: гдѣ нибудь, конечно, нужно было остановиться; латинскій языкъ остановился на *трехъ*), и при очень *высокихъ* единицахъ, съ одной стороны вполне *закрученныхъ* (слово *μύριοι*, — правда, не съ *этими* удареніемъ, но это чисто *экономическая* часть языка, — употребляется даже въ значеніи

*) Это разсужденіе о *счетной* части рѣчи нуждается въ дополненіи, но до этого дополненія мы доберемся не скоро.

неопредѣленнаго числа), а съ другой — предполагающихъ, по ихъ громадности, какъ-бы *предварительное*, т. е. *предшествующее* изложенію связной рѣчи, занятіе счисленіемъ и *предварительную группировку* «вещей» по сотнямъ, тысячамъ и миріадамъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что изъ каждой «*счетной* части рѣчи» можно сдѣлать «простое существительное имя» (*ἑβδομάς* — *δεκάς* и т. д.), также предполагающее *предварительное занятіе* счисленіемъ. *Признаковымъ* именемъ можетъ сдѣлаться каждое слово, обозначающее число, въ качествѣ «*порядковаго*». Это вполне понятно. Нѣчто подобное мы увидимъ въ предлогахъ, до которыхъ мы скоро дойдемъ. Тамъ *тоже* изъ *ἀντί* дѣлается *ἐναντίος* (стоящій *лицомъ* къ *лицу* съ чѣмъ нибудь). И отъ такъ называемыхъ «нарѣчій» могутъ образоваться признаковыя слова: отъ *ἐκός* (далеко) образуется *ἐκαστος* (даже съ окончаніемъ *превосходной* степени = стоящій *совершенно* отдѣльно отъ другого = *въ* *отдѣльности* каждый). Такъ и отъ *πέντε* («счисленіе» должно быть здѣсь *тоже* предварительно готово) образуется признаковое *πέμπτος* (= стоящій *пятымъ* въ ряду другихъ или по мѣсту, или по времени, или по степени достоинства), а то и *πεμπταῖος* (= приходящій на пятый день). Замѣчательно, что *πρῶτος* образовано не отъ *εἷς*, а отъ предлога *πρό* (= *передъ* къ чѣмъ нибудь): *πρῶτος*, какъ извѣстно, есть *превосходная степень* отъ *πρό* (= стоящій на *самомъ* *переднемъ* мѣстѣ). — Что такое *ἄλλας, δις* и т. д., т. е. къ какой части рѣчи относить *эти λέξεις*, мы пока разбирать не можемъ. Читатель самъ ихъ отнесетъ къ такъ называемымъ «нарѣчіямъ».

Итакъ, рядомъ съ *простыми* существительными именами, матеріальными или формальными, съ *простыми* признаковыми именами, матеріальными или формальными, съ глагольнымъ именемъ, съ глагольными признаковыми именами, мы будемъ еще различать какъ *особое μέρος λόγου* «*счетную часть* *рѣчи*» (не «*имя*»). Перейдемъ теперь къ дальнѣйшему разсматриванію падежей.

Непосредственно послѣ именительнаго падежа, нами уже оконченнаго, слѣдуетъ *звательный* (κλητικῆ). Значеніе его опредѣлить очень легко. Звательный падежъ стоитъ цѣлкомъ *вне* рѣчи. Имъ говорящій опредѣляетъ *собесѣдника*, для того чтобы, опредѣливши его, начать и самую рѣчь къ нему. Конечно, чтобы *опредѣлить* собесѣдника, для этого можно *просто* «назвать его по имени» т. е. «поименовать его»; такъ дѣлаетъ въ школѣ учитель, вызывая ученика. Поэтому въ очень многихъ случаяхъ звательный падежъ даже *не отмѣченъ* этимологически какъ падежъ *особый*, и сходится съ именительнымъ, точнѣе говоря, — *замѣняется* имъ. Можно разсуждать и наоборотъ: психологически было бы вполне понятно, если бы форма, которою мы «зовемъ» и *привыкли* звать какое нибудь лицо, опредѣляя его какъ собесѣдника, — если бы эта форма оставалась неизмѣнною и въ тѣхъ случаяхъ, когда мы просто должны бы «поименовать» это лицо. Другими словами, психологически было бы вполне понятно, если бы звательный падежъ употреблялся и въ роли именительнаго. Говорятъ же напр. «у собаки такая то *кличка*», вмѣсто «у собаки такое то *имя*», а слово *кличка* указываетъ на употребленіе въ языкѣ *звательнаго*, а не *именительнаго* падежа. Такъ, можетъ быть, малорусское *ванько* (= одноконный извозчикъ, собственно уменьшительное отъ *Ваня*) есть форма *звательнаго* падежа.*) Что и звательный падежъ не есть *настоящій* падежъ, что и онъ не «падаетъ» передъ другими словами, этого относительно его, какъ стоящаго *именно* *вне* рѣчи, никто отрицать не станетъ.

Приступаемъ къ весьма сложному отдѣлу, къ симасіологіи *настоящихъ* падежей.

*) Аполлоній Дисколь (de constr. III. 214.) сообщаетъ намъ объ употребленіи звательнаго въ смыслѣ именительнаго, какъ объ ἑθος Μακεδονικὸν ἢ Θεσσαλικὸν (ἢ κλητικῆ ἀντ' ἐνθου παρὰλαμβάνεται κατὰ Μακεδονικὸν ἑθος ἢ Θεσσαλικὸν), и въ качествѣ примѣра такого употребленія приводитъ форму Θυέστα вмѣсто Θυέστης изъ Омира. Наши этимологи (сравни Brugmann, Handb. II. 117) тоже считаютъ форму *μητέρα* и т. п. за *звательный* падежъ (indem man diese als nominativisch gebrauchte Vocative ansehen kann).

Настоящихъ падежей греки насчитывали у себя *три* и называли ихъ γενική, δοτική ἢ τοι ἐπισταλτική и αἰτιατική πτωσίς. По этимологи, сопоставляя окончания греческихъ падежей съ окончаниями санскритскихъ, совершенно вѣрно замѣчаютъ, что то, что обыкновенно называется *δοτική* πτωσίς, въ сущности представляетъ собою этимологическую смѣсь изъ *собственной* *δοτική* — изъ *собственного* «дательнаго» — и, выражаясь латинскимъ терминомъ, изъ *local'a*. Такъ, дѣйствительнымъ дательнымъ оказываются лишь формы οἴκῳ — γλώσσῃ, а формы ποδί — χόρῳσιν — οἴχοισιν и ποσὶν суть *local'y*.*)

Съ другой стороны, греческія формы λύκοιο и μένε(σ)ος находятъ себѣ въ санскритскомъ склоненіи вполне соотвѣтствующіе, съ *этимологической* точки зрѣнія, *genitiv'y* *vrkasya* и *manasas*. Но санскритское *as*, равняющееся греческому *ος*, появляется въ нѣкоторыхъ группахъ санскритскихъ склоненій и въ *ablativ'y****) (*удалительномъ* падежѣ). Другими словами, въ санскритскомъ языкѣ въ *нѣкоторыхъ* группахъ склоненій *ablativ* исчезъ, и функцію его принялъ на себя *genitiv*. Можно предположить, что и *греческая* *γενική* захватила къ себѣ функцію *чужаго* падежа, — функцію *ablativ'a*.

Такимъ образомъ, по *нѣкоторымъ* даннымъ можно утверждать, что греческія *αἰτιατική*, *γενική* и *δοτική* соотвѣтствуютъ этимологически, — а слѣдовательно, надо думать, и *симасіологически*, — санскритскимъ *accusativ'y*, *genitiv'y-ablativ'y*, *dativ'y-local'y* и — скажемъ еще — *instrumental'y*, если Бругманъ правъ въ объясненіи формы *λύκοις*, которое мы сообщили въ только что приведенномъ подстрочномъ примѣчаніи. Но даже если онъ не правъ, то и тогда въ нашемъ тезисѣ измѣнять нечего. Извѣстны омировскія формы, оканчивающіяся на *φιν*. Имъ находятъ этимоло-

*) Объ этомъ — общепзвѣстномъ, впрочемъ — вопросѣ смотри Brugmann Handb. II. 121 и 128. Тутъ же, однако (на стр. 128.), Бругманъ указываетъ и на то, что форма *λύκοις* не произошла изъ *λύκοιςι*, а что это форма *instrumental'a pluralis*. Въ такомъ случаѣ *такъ называемая* *δοτική* была бы смѣсью изъ *dativ'a*, *local'a* и *instrumental'a*.

**) Brugmann Handb. II. 119—120.

гическое соотвѣтствіе въ санскритскомъ instrumental'ѣ.*) Впослѣдствіи эти формы исчезли, и ихъ функцію приняла на себя — такъ, по крайней мѣрѣ кажется съ перваго взгляда — *именно дотихѣ*; такимъ образомъ, она по отношенію къ instrumental'у занимаетъ такое же положеніе, какъ *уевихѣ* по отношенію къ ablativ'у.

Въ славянскомъ языкѣ мы находимъ столько же падежей, сколько и въ санскритскомъ, за исключеніемъ удалительнаго падежа (ablativ'a), котораго въ первомъ нѣтъ. Въ этомъ отношеніи славянскій языкъ послѣдовательно провелъ у себя то, что, какъ сказано, въ санскритскомъ языкѣ замѣчается лишь въ *нѣкоторыхъ* группахъ склоненій: славянскій »родительный«¹ принявъ на себя *вездѣ* функцію удалительнаго падежа.

Иначе распорядился своими падежами *латинскій* языкъ. Если греческій соединилъ въ одну форму съ одной стороны genitiv и ablativ, а съ другой — dativ, local и instrumental, — зато латинскій, повидимому, слилъ въ одну форму local, ablativ и instrumental, назвавъ свою форму ablativ'омъ.

Въ общемъ, на вопросъ о симасіологическомъ соотвѣтствіи падежей, въ указанныхъ четырехъ языкахъ отвѣчаетъ, — казалось бы съ перваго взгляда, — слѣдующая таблица:

греч.	<i>αἰτιατική</i>	<i>δοτική</i>	<i>ὑετική</i>
слав.	винит.	дат. предл. творит.	родит.
санскр.	accus.	dat. local. instrum.	ablat. genit.
лат.	accus.	dat. ablat.	genit.

По поводу приведенной таблицы нельзя обойтись безъ одного замѣчанія. Мы указали на то, что даже въ санскрит-

*) Окончаніе *phi* Бругманъ *рѣшительно* провозглашаетъ за окончаніе instrumental'a: Grundr. I. 267; II. 626, 637, 715, 717, 719, 794. Что касается того обстоятельства, что въ окончаніи *phi* не различены единственное и множественное числа, то Бругманъ, вполне соглашаясь съ Дельбрюкомъ (Synt. Forsch. IV. 61), объясняетъ это устарѣlostью даннаго окончанія или вообще данной формы даже для *омировскаго* языка (es war die Form auf *phi*, wie die Beziehung derselben auf Singular und Plural zugleich zeigt, schon für homerische Dichter eine Antiquität; Handb. II. 212).

скомъ языкѣ, въ которомъ больше всего развита численность падежей, ablativ съ genitiv'омъ этимологически отождествляются. Это касалось, однако, только *нѣкоторыхъ* этимологическихъ темъ¹ (тема *açva*, напр., образуетъ *особую* форму для genitiv'a, *açvasya*, и особую для ablativ'a, *açvât*) и только *единственнаго* числа. Во множественномъ числѣ *рѣшительно* вездѣ замѣчается этимологическое отождествленіе уже не genitiv'a съ ablativ'омъ, а ablativ'a съ dativ'омъ (какъ въ dativ'ѣ, такъ и въ ablativ'ѣ мы находимъ въ множественномъ числѣ окончаніе *bhyas*). Что же касается *двойственнаго* числа, то этимологическая дифференцировка падежей даже въ санскритскомъ языкѣ достигаетъ высшей степени упрощенности. Мы не говоримъ уже о полнѣйшемъ этимологическомъ сходствѣ nominativ'a, vocativ'a и accusativ'a. Оно наблюдается — то въ болѣе узкой комбинаціи (nominativ съ vocativ'омъ), то въ *такой* же полнотѣ — и въ единственномъ и множественномъ числахъ какъ санскритскаго, такъ и, подавно, другихъ языковъ. Это сходство имѣетъ причину чисто *психологическую*, какъ то отчасти уже выяснено (относительно отождествленія nominativ'a съ vocativ'омъ), отчасти же выяснится и позже (относительно отождествленія accusativ'a съ nominativ'омъ въ среднемъ родѣ); не осталась безъ вліянія на него и морфологическая случайность. Судить о морфологической случайности въ *санскритскомъ* языкѣ мы не считаемъ себя компетентными, но въ греческомъ языкѣ мы ее видимъ ясно: такъ, форма nominativ'a множественнаго числа *πόλεις* — совершенно другого происхожденія, чѣмъ такая же форма accusativ'a множественнаго числа.

Итакъ, насъ интересуетъ въ двойственномъ числѣ, въ *настоящее* время, не сходство nominativ'a, vocativ'a и accusativ'a, — изъ нихъ, собственно, одинъ accusativ и есть *настоящій* падежъ, — насъ интересуетъ въ двойственномъ числѣ *вліяніе* другихъ падежей. Если санскритскій языкъ въ единственномъ числѣ кое-гдѣ отождествилъ genitiv съ ablativ'омъ, — зато въ двойств. числѣ онъ отождествилъ genitiv съ local'омъ (окончаніе тутъ вездѣ *os*); что же каса-

ется замѣннаго въ множественномъ числѣ отождествленія *dativ'a* и *ablativ'a*, того же *ablativ'a*, который сливается въ единственномъ числѣ съ *genitiv'омъ*, то оно въ *двойственномъ* числѣ распространяется и на *instrumental* (окончание для *dativ'a*, *ablativ'a* и *instrumental'a* въ двойственномъ числѣ *bhyam*). Такимъ образомъ оказывается, что *genitiv*, *dativ*, *local*, *ablativ* и *instrumental* этимологически между собою перемѣшались въ *разныхъ* комбинаціяхъ, и что изъ *всѣхъ* косвенныхъ т. е. *настоящихъ* падежей одинъ только *accusativ* остается *вне* слиянія съ другими *косвенными* или *настоящими* падежами. Въ *греческомъ* языкѣ двойственное число располагаетъ для *всѣхъ* этихъ *настоящихъ* падежей, за *исключеніемъ* опять таки *accusativ'a*, только *одною* *общей* формою.

Къ какому же заключенію ведетъ тотъ фактъ, что этимологически смѣшались между собою съ одной стороны *всѣ* *настоящіе* падежи кромѣ *accusativ'a*, а съ другой — *accusativ* съ *nominativ'омъ* и *vocativ'омъ*? Сказать ли намъ, несмотря на вышеприведенную — правда, неоконченную — замѣтку о *психологической* причинѣ этимологическаго отождествленія *одной* изъ этихъ группъ, именно *nominativ'a*, *vocativ'a* и *accusativ'a*, — сказать ли намъ, что *всѣ* смѣшавшіеся другъ съ другомъ падежи первоначально были *чѣмъ* то *однимъ*, и что только *впослѣдствіи* они дифференцировались этимологически, быть можетъ, иногда и не во *всѣхъ* типахъ склоненія, но *симасіологически* ужъ непременно *всюду*? Съ мнѣніемъ о *постепенномъ* развитіи падежей мы дѣйствительно встречаемся въ литературѣ, но находить ли оно себѣ поддержку въ этимологическомъ смѣшеніи падежей, и какъ вообще слѣдуетъ смотрѣть на это мнѣніе?

О *постепенномъ* развитіи падежей опредѣленіе *всѣхъ* говоритъ Н. D. Müller (Sprachb. 333—353).*) Da scheint mir — разсуждаетъ онъ — nur soviel für sicher gelten

*) Поднять былъ этотъ вопросъ, какъ извѣстно, Курциусомъ; смотри „zur Chronologie der indogermanischen Sprachforschung“, Abhandlungen der kön. sächs. Gesellschaft der Wissenschaften, phil. hist. Classe 5. (1867). стр. 187 и слѣд.

zu müssen, dass die Entwicklung der Casusflexion nicht der allfrühesten Periode der Sprachbildung angehört . . . Auch das muss von vornherein für wahrscheinlich gelten, dass die Casusformen nicht alle auf einmal entstanden sind, sondern sich erst nach und nach entwickelt haben. Später als die Casus des Sing. sind meiner Ansicht nach die pluralischen Casusformen entstanden, aus dem einfachen Grunde, weil der Pluralis selbst einer verhältnissmässig späten Periode anzugehören scheint (333). Auch die singularischen Casus sind in ältere und jüngere zu scheiden. Als die ältesten müssen natürlich die gelten, welche für die Bildung des Satzes durchaus unentbehrlich sind. Das ist zunächst der Nominativ, denn dieser dient zur Bezeichnung des Subjectes und ohne Subject kann kein Satz zu Stande kommen. Sodann der Accusativ, soweit derselbe zur Bezeichnung des reinen Objects dient, also mit Ausschluss seiner Functionen zur Bezeichnung des Ziels und der räumlichen und zeitlichen Erstreckung. Denn so lange es keinen Ausdruck für das Object gab, konnten die Verbalbegriffe nur intransitiv gebraucht werden, was dem Gedankenausdruck sehr enge Grenzen gesetzt haben würde.

Mit diesen beiden Casus konnte sich die Sprache lange Zeit begnügen, da, wenn etwa andere Casusverhältnisse ausdrücklicher zu bezeichnen waren, dem Accusativ Pronominaladverbia als Präpositionen oder damals wohl als Postpositionen hinzugefügt werden konnten . . . So lange aber nun diese beiden Casus bestanden, bedurfte es zu ihrer Unterscheidung gar keiner lautlichen Mittel, es genügte dazu . . . schon die Verschiedenheit der Stellung vor oder hinter dem Prädicate (335). Als nun aber die übrigen Casus anfangen sich zu entwickeln, da gab der Accusativ nach und nach an diese diejenigen Functionen ab, für deren specielle Bezeichnung dieselben geschaffen waren! . . . Werfen wir die Frage auf, für welches Casusverhältniss eine besondere suffixale Form zu schaffen die Sprache zunächst sich gedrungen fühlen musste, so wird ohne Zweifel das Verhältniss des attributiven Genitivs ge-

annt werden müssen. Denn um dieses Verhältniss zu bezeichnen, bot die *Stellung* im Satze kein ausreichendes Mittel . . . Andererseits ist es nicht zu verkennen, dass die Sprache, so lange ihr eine Form für den attributiven Genitiv fehlte, selbst für höchst einfache Gedanken, wenn sie Zweideutigkeit vermeiden wollte, zu einer schwerfälligen Breite sich gezwungen sah, die auf die Dauer nicht zu ertragen gewesen wäre (345).

War nun aber die Genitivform einmal geschaffen, so hinderte nichts dieselbe auch noch anderweitig zu verwerthen. Zunächst konnte sie nach allen den Verbalbegriffen, die sich aus der Kategorie der Possessivität entwickeln, auch zur Bezeichnung des Objects dienen . . . (347). Es war der Genitiv der erste und längere Zeit hindurch der einzige suffixale Casus und konnte, eben so wie vorher der Accusativ, so lange die Casusbildung noch nicht vorgeschritten war, alle casuellen Abhängigkeitsverhältnisse . . . vertreten (352).

Затѣмъ Мюллеръ строить схему предложія, для того чтобы доказать постепенность перехода корней *формальнаго* значенія къ значенію *матеріальному* (den Übergang der *Pronominal*wurzeln zu *Begriffswurzeln*), и это все дѣлается съ цѣлю выставить тезисъ, что падежи, окончанія которыхъ суть собственно корни *формальнаго* значенія, — что эти падежи, »mit Ausnahme des Vocativs, der aber eigentlich gar kein Casus ist, ihre Functionen *nur innerhalb des Satzes üben können*, der Satz aber, *dessen Hauptelement das Prädicat ist*, konnte eine wenn auch noch so elementare Form erst dann gewinnen, *als die Pronominalwurzeln schon anfangen sich in Begriffswurzeln umzuwandeln*.

Во всемъ этомъ разсужденіи нѣтъ, кажется, ни одного положенія, которое не вызывало бы массу недоумѣній. На выясненіи этихъ недоумѣній мы не станемъ останавливаться. Скажемъ одно: заниматься *постепеннымъ развитіемъ* падежей значитъ забираться въ темныя области *палеонтологіи* языка, гдѣ окажешься, пожалуй, безъ почвы подъ ногами. Единственно доступная почва здѣсь не можетъ имѣть строго *фактическаго* характера, а должна оставаться при характерѣ

обще-философскомъ; на обще-философской почвѣ, однако, раскрывается нѣчто совершенно противоположное тому, что проповѣдуетъ Мюллеръ. Естественнo предполагать, что если число »представленій«, какъ мы о нихъ, въ противоположность »отношеніямъ«, толковали на страницахъ 74-6, — если число »представленій«, долженствовавшихъ найти выраженіе въ языкѣ, было сначала невелико, а потомъ все увеличивалось съ развитіемъ человѣческаго *опыта* прежде всего, и человѣческой *мысли вообще*, — зато тѣхъ »отношеній« между »представленіями«, которыя пришлось дифференцировать языку, — а сюда принадлежать и »отношенія«, выражаемыя падежами, — было больше *именно* сначала, а только впоследствии они упростились и сведены были къ немногимъ. Естественнo полагать, что именно *сначала* эти »отношенія« напрашивались представленію мыслящаго челоука какъ нѣчто совершенно разнообразное, одно съ другимъ *никакой* связи не имѣющее, а только *вслѣдствіи* то, что прежде стояло порознь и одиноко, что представлялось различнымъ, оказывалось *близкимъ* и *примыкающимъ* одно къ другому. Что численность этимологическихъ формъ эволюціе языка сокращается, это не вымыселъ, а постоянно наблюдаемая живая *дѣйствительность*, и эта живая дѣйствительность говорить за насъ, а не за Мюллера. Такъ бываетъ, пожалуй, и съ »представленіями«, которыя вызываются окружающимъ насъ непосредственно *физическимъ* міромъ: что сначала »представлялось« намъ какъ *поллѣ*, то впоследствии оказывается *ѣу*. Но нельзя не указать на *большую разницу* между *поллѣ* *физическаго* міра и между *поллѣ* »отношеній«. Въ вопросѣ объ »отношеніяхъ« челоукъ никогда съ такимъ *поллѣ* дѣла не имѣлъ, если разумѣть то *подавляющее* своею многочисленностью и своимъ разнообразіемъ *поллѣ*, которое *нашелъ* онъ, какъ нѣчто *готовое* и *ожидавшее* его при вступленіи въ физическій міръ, и среди котораго онъ является только наблюдателемъ, вѣчно колеблющимся, до безконечности мѣняющимъ свои взгляды и теряющимся отъ невозможности справиться съ этимъ разнообразіемъ сущаго. И если онъ, какъ мы раньше указали,

кое когда въ *πολλὰ* и усматриваетъ *ἐν* (на этомъ и основываются и логическія равенства, и логическія опредѣленія и логическія сказуемыя, о которыхъ мы рассуждали выше), то это не освобождаетъ отъ встрѣчи съ новыми «представленіями» и отъ необходимости искать и новыя *выраженія* для этихъ представлений.

Да, не такимъ представляется намъ *πολλὸν* въ вопросѣ объ «отношеніяхъ». Тутъ человѣкъ былъ не наблюдателемъ чего то внѣшняго, существующаго безъ него и помимо него, тутъ онъ былъ *творцомъ* новаго, — творцомъ, который рѣшалъ свои вопросы какъ бы *разъ на всегда* въ той мѣрѣ, въ какой его понуждала необходимость, выступающая не извнѣ, но изъ *самой сущности его мысли*. И вотъ отдѣльные факты сталкиванія съ этою необходимостью, факты, отмѣчаемые имъ въ *данномъ* случаѣ, т. е. въ вопросѣ о *падежахъ*, не болѣе, не менѣе какъ *флексією* слова, должны были казаться сначала гораздо болѣе разрозненными, чѣмъ впоследствии. Надо думать, что и въ санскритскомъ, и во всякомъ другомъ флектирующемъ языкѣ первоначально *всѣ* падежи были разнородны по формамъ, и только *впоследствии* нѣкоторые изъ нихъ слились въ одну форму. *) Кромѣ *соединимости* «отношеній», сліянію формъ, вѣроятно, немало способствовали или, точнѣе говоря, самую соединимость «отношеній» *черезъ* сліяніе формъ немало поддерживали: внѣшнее *созвучіе* окончаній, излишняя *длиннота* той или иной формы, *авторитетъ* виновника этимологической упрощенности и другія, трудно поддающіяся разысканію и опредѣленію причины. Нельзя не подчеркнуть, хотя бы и лишній разъ, что упрощеніе касалось *именно* формъ, а не *самой мысли*. Сама мысль, при позднѣйшей формальной упрощенности языка, могла *не переставать* различать тѣ оттѣнки, которые были выражены различіемъ формъ *до* упрощенія ихъ, и которые она же сама признавала соединимыми. Я говорю *«могла не переставать»*. Это не значить, что *не*

*) Очень можетъ быть, что не всѣ падежи даже нами раскрыты: die Untersuchung über die einstigen Casus des Indogermanischen ist noch nicht abgeschlossen (Delbrück Synt. Forsch. IV. 62).

переставала. Иногда эти оттѣнки могли такъ сростись, что сознаніе ихъ первоначальной розни могло исчезнуть. Однако и тутъ, если сама *внутренняя* необходимость, т. е. *сущность* мысли не удерживала эту рознь постоянно на виду, заставляя сознать первоначальные оттѣнки въ «отношеніяхъ», то оставался еще одинъ факторъ. Это — характерность оборотовъ, т. е. постоянно потворявшіяся, уже застывшія *извѣстныя* сочетанія *извѣстныхъ* словъ, — сочетанія, которыми она дорожила какъ своимъ историческимъ достояніемъ, и которыя она всегда чувствовала въ *извѣстномъ* смыслѣ, хотя бы и при немного измѣнившейся *внѣшней* формѣ какого нибудь изъ вошедшихъ въ это сочетаніе элементовъ.

Мы слышимъ возраженіе. Намъ скажутъ, что флексіи, какъ онѣ замѣчаются не только въ падежахъ, но *вообще* въ языкѣ, все же не появились *всѣ сразу*, и что если различіе «отношеній», какъ оно выражено въ падежахъ, и было, такъ сказать, *врождено* въ мыслящую душу человѣка, то оно долго могло быть выражаемо какъ нибудь иначе, чѣмъ падежными флексіями. И въ дѣтскомъ языкѣ — скажутъ намъ — мало ли какія «отношенія» получаютъ такое или иное выраженіе *совершенно* безъ флексіи. Если такъ, то мы согласны, что Мюллеръ правъ, какъ правы всѣ, которые ставятъ подобный вопросъ. Но тогда они правы *именно* только въ постановкѣ вопроса, а не въ его рѣшеніи. Рѣшать его вообще врядъ ли возможно. Мало ли недочетовъ въ такомъ языкѣ, какъ дѣтскій, и мало ли какъ онъ отъ нихъ отдѣливается; объ этихъ недочетахъ только и можно повторить то, что мы сообщили изъ Wegener'a на стр. 156. по другому поводу: es veranlasst uns der selbstische Trieb, das Sprechen eines Anderen als zweckvoll anzusehen, die Sympathie dagegen, auf das Sprechen des Anderen zu achten und dasselbe zu deuten. Во всякомъ случаѣ, мы изслѣдованіемъ дѣтскаго языка *не занимаемся*. Мы къ нему можемъ присматриваться, если возникаетъ какое нибудь недоумѣніе по уразумѣнію *развитаго* языка, но предметомъ нашего изслѣдованія все же остается *онъ*, языкъ *развитой*, языкъ,

развившійся *именно* по флектирующей системѣ, и у насъ вопросъ о *постепенной* дифференцировкѣ падежей не имѣетъ мѣста.

Если это такъ, то къ чему насъ интересовала поддержка или неподдержка теоріи о постепенномъ развитіи падежей наблюденнымъ нами выше этимологическимъ смѣшеніемъ падежныхъ формъ? Мы имѣли въ виду слѣдующее. Очень можетъ быть, — мы продолжаемъ разсуждать на той же обще-философской почвѣ, — что множественное число, какъ то признаетъ и Мюллеръ, *позднѣе* единственного. Очень можетъ быть, что такими словами какъ *толпа*, *бабье*, *отрѣтѣвма* языкъ сначала *обходился* безъ множественнаго числа. Если и приходилось заниматься счисленіемъ *отдѣльныхъ* единицъ чего нибудь цѣлаго, то, какъ мы уже указывали на то по поводу числительнаго имени, «*счетная* часть рѣчи» оставалась какъ будто *внѣ* языка, *внѣ* связной мысли, а тѣ «*неопредѣленные*» количественно — или численно-признаковыя слова могли съ полнымъ удобствомъ присоединяться и въ *единственномъ* числѣ къ словамъ *толпа* и *отрѣтѣвма*, указывая на *многочисленность* или *малочисленность* этой толпы и этого *отрѣтѣвма*. Быть можетъ, что двойственное число развилось *еще* позднѣе множественнаго, и тутъ открывается чрезвычайно интересная сторона дѣла, говорящая опять таки больше въ нашу пользу, чѣмъ въ пользу Мюллера: Множественное число, въ общемъ, имѣетъ — это мы наблюдали только надъ *санскритскимъ* языкомъ — меньше этимологическихъ падежныхъ варіацій, чѣмъ единственное; а двойственное, — это мы подмѣтили и на греческомъ языкѣ, — еще меньше, чѣмъ множественное. Не значить ли это, что во время образованія множественнаго числа падежныя отношенія уже *сливались*, и что это сліяніе пошло еще дальше во время образованія двойственного числа? Мы тутъ не думаемъ ничего рѣшать, мы ставимъ только вопросъ.

Но возвратимся къ нашей непосредственной темѣ и спросимъ: какія же «*отношенія*» выражались первоначально и продолжали выражаться въ греческомъ языкѣ падежами? — *настоящими* или такъ называемыми косвенными падежами?

По этому вопросу выработана цѣлая теорія, извѣстная подъ именемъ локалистической.

Существуетъ, впрочемъ, еще другая теорія по вопросу о значеніи падежей. Это — теорія, стоящая на почвѣ Беккеровскаго «*Organism der Sprache*». Ее не безъ неимоверныхъ натяжекъ старается провести черезъ всю область фактическихъ данныхъ греческаго языка Kühner во *второмъ* изданіи своей *Ausf. Gramm.* (первоначально онъ былъ *тоже* локалистъ). Впрочемъ, Kühner, какъ онъ самъ о томъ заявляетъ (*Ausf. Gramm.* II. 249), въ данномъ случаѣ шелъ лишь по стопамъ *другихъ*, *настоящимъ* же авторомъ этой теоріи является Rumpel, возставшій въ своей *Casusl.* противъ локалистовъ.

Кюннеръ опредѣляетъ значеніе падежей слѣдующимъ образомъ. *Sowie das attributive Satzverhältniss zur näheren Bestimmung des Subjectes oder überhaupt eines Substantivbegriffes* (смыслана часть предложенія съ частью рѣчи) *dient*, so *dient das objective Satzverhältniss zur Ergänzung oder näheren Bestimmung des Prädicats.* Unter Object verstehen wir hier im weiteren Sinne alles das, was dem Prädicate gleichsam gegenübersteht (objectum est), d. h. auf das Prädicat bezogen wird »und dasselbe *ergänzt* oder bloss näher *bestimmt*« (повтореніе того же). Die objectiven Beziehungen... bezeichnet die Sprache a) durch die *Casus*; 2. durch die Präpositionen in Verbindung *mit* den *Casus*; 3. durch den Infinitiv; 4. durch das Particip (какъ это?); 5. durch das Adverb (248).

Der Accusativ bezeichnet die unmittelbare Ergänzung (das *unmittelbare Object*) eines Verbs (а куда же дѣвался «*Prädicat*»? — или Verbum и Prädicat одно и то-же? — и не долженъ ли Кюннеръ подъ «*Verbum*» понимать и Infinitiv, *также* дополняющійся Accusativ'омъ, — тотъ Infinitiv, который выше самъ попалъ у него въ «*Object*»?), und zwar zunächst Ergänzung eines *transitiven* Verbs, sodann auch eines *intransitiven* Verbs und «*intransitiven*» (это — что?) *Adjectivs* (развѣ Adjectiv всегда есть Prädicat?). Такова одна формулировка явленій (см. Kühner, стр. 249).

Sowie der Accusativ zunächst die unmittelbare Ergänzung (das unmittelbare Object) eines transitiven Verbs ausdrückt, so dient der Genitiv zunächst dazu den Begriff eines Substantiv (Subject'a, что ли? — и тогда, стало быть, Genitiv является Attribut'омъ?) qualitativ oder wesentlich (это — что?) zu bestimmen. Sowie aber der Gebrauch des Accusativ sich erweiterte, und auch intransitive Verben und Adjective ihr unmittelbares Object im Accusative zu sich nehmen, so geschah diess auch bei dem Genitive und er wurde auch gebraucht, um ein *Adjectiv* (какой? — »transitiv'ный« или »intransitiv'ный« и въ какой его роли? — въ роли Prädicat'a или Attribut'a? — и куда дѣвался тутъ Subject, который, очевидно, Кюнерь выше подразумѣвалъ или *долженъ* былъ подразумѣвать, чтобы остаться вѣрнымъ »системѣ«, подъ Substantiv'омъ) — итакъ, um ein *Adjectiv* näher zu bestimmen (а гдѣ же остался Genitiv послѣ Verbum?). Такова вторая формулировка явленій (см. у Кюнера стр. 284).

Während der Accusativ und der Genitiv sich nur auf einzelne Satzglieder beziehen, indem jener das Prädicat ergänzt, dieser *das Subject oder Object oder Prädicat* (этого всего мы выше не слышали) näher (*qualitativ*; а гдѣ же осталось »wesentlich«?) bestimmt, bezieht sich der Dativ auf die ganze *Satzsubstantz* (т. е. Subject, Object, Prädicat, Attribut, — все это вмѣстѣ?*) und dient zur näheren Bestimmung derselben. Im Gegensatze zu dem Accusative, dem Casus des unmittelbaren Objectes, kann der Dativ der Casus des *entfernteren* oder *mittelbaren Objectes* genannt werden; denn während der Accusativ den Gegenstand ausdrückt, der in unmittelbarer Beziehung zu dem Prädicate steht und dasselbe ergänzt, bezeichnet der Dativ den Gegenstand, der zu der im Satze ausgedrückten Handlung (развѣ Satz, или какъ выше сказано, »Satzsubstantz« служить для выражения einer Handlung?) nur eine *mittelbare* Beziehung hat. Такова третья формулировка явленій (смотри у Кюнера стр. 347). А гдѣ же во всѣхъ этихъ формулировкахъ осталось Ad-

*) У Румпеля, какъ ниже увидимъ, подъ »Satzsubstantz« разумѣется Subject, соединенный съ Prädicat'омъ.

verbium съ его падежами? Объ Infinitiv'ѣ и Participium'ѣ мы уже не говоримъ, такъ какъ у Кюнера, несмотря на то, что онъ отождествляетъ Verbum съ Prädicat'омъ, они входятъ въ Verbum.

Такой видъ приняла на себя, въ примѣненіи къ *дѣйствительности*, т. е. въ примѣненіи къ *фактамъ*, та, казалось бы, простая и весьма стройная теорія, которую, для освѣщенія падежей, предложилъ Rumpel.

Rumpel говоритъ (Casusl. 127 и сл.): Den Accusativ, den Träger des Objects, erkennen wir als ein nothwendiges Postulat des Transitivums... Mit der Entwicklung des Transitivums aus dem Intransitivum tritt das Bedürfniss eines Objects ein; Subject und Intransitivum gestaltet sich in Subject, Transitivum und Object. Indem aber in dieser Gestaltung *das* in *zwei* gesonderte Glieder (Transitiv und Object) aus einander getreten ist, was zuerst in dem *einen* Intransitiv lag, hat *der Gedanke* (т. е. то, что выражается Satz'омъ) die Möglichkeit, sich mehr zu individualisiren, *konkreter* zu werden, als es dort möglich war. Das substantzartige, auf sich *selbst* bezogene Intransitivum hat sich dirimirt, das Prädicat stellt sich dar in einem Transitivum und dem ihm zugehörigen Object... Auch das Subject hat sein Sein mehr entwickelt und besondert; vergleiche *Cajus stirbt* und *der Sohn liest das Buch*... Soll nun der Gedanke des letzten Satzes eine bestimmtere Gestalt gewinnen, so muss ich entweder *den Sohn* oder *das Buch* näher bestimmen. Soll diese nähere Bestimmung durch ein Substantivum geschehen — und diese Seite der Entwicklung des Satzes durch *Substantiva* betrachten wir unserer Aufgabe gemäss hier *allein* (тутъ Румпель разсуждаетъ вѣрно; ибо падежъ привязанъ *прежде всего* къ существительному) — so ist es nur durch einen Genitiv möglich... Dass das Verbum auch in dem Genitiv eine nähere Bestimmung erhalten kann, gilt für unsere gegenwärtige Betrachtung soviel als die Verbindung des Transitiv mit dem Object. Es bleibt jetzt nur noch die Möglichkeit übrig, dass Subject und Prädicat als Einheit gedacht, d. h. als Satzsubstantz noch eine nähere Bestimm-

mung durch das Substantiv erhalte, in der Weise also, dass dieses Substantiv sich weder vorzugsweise dem Substantiv als Subject oder Object, noch dem Verbo anschliesse, sondern dieser als *Einheit* gedachten Verbindung des Subjects und Prädicats. Dieser Casus ist der Dativ (Ablativ), als dessen nothwendige Voraussetzung wir demnach die *Satzsubstanz* zu betrachten hätten. Затѣмъ Румпель разъясняетъ, что *больше* падежей языку не нужно.

Подробно разбирать учение Румпеля мы не станемъ. Изъ самого того способа, какимъ его пришлось Кюннеру примѣнять къ фактамъ, можно убѣдиться въ его несостоятельности. Кромѣ того мы должны его объявить несостоятельнымъ и потому, что весь Беккеризмъ съ самаго начала объявленъ нами такимъ же. Займемся подробнѣе разборѣмъ локалистической теоріи.

Локалистическая теорія, какъ извѣстно, подробно разработана Hartung'омъ (Casus)*) и въ свое время находила очень много приверженцевъ. Да и не встрѣчаемся ли мы съ нею до сихъ поръ? Оно и понятно. Мыслящее существо *прежде всего* видитъ нѣчто, слышитъ и осязаетъ, причемъ видимое, слышимое и осязаемое, являясь въ видѣ представленія и служа источникомъ его мысли, прежде всего усваивается или «сознается» въ такомъ или иномъ *локальномъ* отношеніи.

Говорятъ, что человѣкъ «живетъ» въ пространствѣ *мысли* и *времени*. Это значитъ, что онъ «представляетъ» все въ указанныхъ двухъ пространствахъ, но *собственно* говоря, второе, т. е. пространство времени, въ нашемъ представленіи не располагаетъ другими средствами, кромѣ тѣхъ же *локальных*. Нами уже сказано было на стр. 176, что время представляется человѣку линіею, стало быть, — *мыслнымъ* протяженіемъ, раздѣленнымъ подвижными границами на три части, изъ коихъ одна есть настоящее, вторая — прошедшее, а третья — будущее. Такимъ образомъ,

*) Въ сущности, локалистика — теорія давняя; сравни: И. В. Негушилъ, о падежахъ, Харьковъ 1886 (стр. 15 и сл.).

временныя отношенія являются въ нашемъ представленіи метафорою отношеній *мѣстныхъ*.

А причину, — чтобы возвратиться къ тому же предмету, о которомъ мы разсуждали на стр. 76., — развѣ не «представляемъ» мы *тѣми же* средствами? Не рисуется ли она нашему воображенію чѣмъ то, отъ чего нѣчто «исходитъ» или «проистекаетъ», не рисуется ли она *точкою*, отъ которой *движется* и какъ-бы *удаляется* въ пространство *мысли* (времени то-жъ), само то другое, что мы, по отношенію къ *причинѣ*, называемъ «слѣдствіемъ»?

Такимъ образомъ, *мѣстныя* отношенія являются въ *человѣческой* мысли, какъ что-то *коренное* и какъ-бы *первоначальное* не только *само по себѣ* (естественно полагать, что *человѣкъ*, наблюдая *внѣшній міръ*, развиваетъ сначала способность *локализовать*, а потомъ уже *начинаетъ* и *темпорализировать*), но и какъ *опора* разныхъ метафоръ для представленія другихъ, уже *не мыслныхъ*, отношеній.

Кромѣ указанного обстоятельства, локалистовъ поддерживала въ ихъ теоріи троица греческихъ настоящихъ падежей, — троица, которая не только своимъ числомъ, но и массою случаевъ *дѣйствительнаго* употребленія, какъ нельзя больше шла на встѣчу удовлетворенію *именно* трехъ вопросовъ, представляющихся какъ будто главными въ опредѣленіи *мѣстныхъ* отношеній. Это — вопросы *идѣ*, *откуда* и *куда*. На вопросъ *идѣ* представляется отвѣчающею *дотихѣ*, на вопросъ откуда — *гехихѣ*, а на вопросъ куда — *аттихѣ*. На дѣлѣ оказывается, что вся эта локалистика была не болѣе, не менѣе какъ увлеченіемъ, противъ котораго выступаютъ *вѣскія* вопервыхъ, вовторыхъ и втретьихъ.*)

Вопервыхъ, если *дотихѣ*, *гехихѣ* и *аттихѣ* *дѣйствительно* отвѣчали первоначально на вопросы *идѣ*, *откуда* и *куда*, то зачѣмъ понадобились языку еще особыя формы съ окончаніями *ѣи* — *ѣев* — *ѣе*? Не выступаетъ ли ясно

(*) Итакъ, еще однимъ возраженіемъ болѣе противъ локалистовъ. Мы, впрочемъ, въ нашемъ возраженіи поворачиваемъ въ совершенно иную сторону, чѣмъ другіе ихъ противники.

изъ нашихъ разсужденій, что языкъ вообще не склоненъ образовывать двѣ этимологическія формы для обозначенія одного и того же, а напротивъ, готовъ скорѣе *сокращать* число этимологическихъ формъ, если то оказывается возможнымъ, т. е. если какая нибудь форма, черезъ примѣненіе къ ней того или иного тропа, не усмотрѣннаго, быть можетъ, раньше, или вообще черезъ открытіе «близости» двухъ отношеній, способна принять на себя функцію *другой* этимологической формы. Правда, *впоследствии* греческій языкъ тоже «сокращалъ», и его «сокращеніе» коснулось именно формы на *θι* (менѣе формъ на *θευ* и *δε*), но какой тутъ «тропъ» былъ примѣненъ къ дѣлу, и какая вообще близость отношеній была открыта, это *большой* вопросъ, который и придется имѣть въ виду при изслѣдованіи падежей.

Вовторыхъ, если греческій языкъ въ своихъ трехъ падежахъ (забудемъ на время о ихъ этимологическомъ происхожденіи, показывающемъ, что ихъ собственно больше, чѣмъ три; забудемъ и о существованіи формъ на *θι* — *θευ* — *δε*), — если онъ былъ способенъ черезъ примѣненіе метафоръ и другихъ троповъ выводить временныя, причинныя и, можетъ быть, еще какія-нибудь другія «отношенія» изъ локальныхъ, то почему не сдѣлали того же, а напротивъ, развили у себя столь много падежей языка славянскій и санскритскій, восходящія вмѣстѣ съ греческимъ къ *одному* праязыку? Почему же самъ греческій языкъ не провелъ своего дѣла до конца и образовалъ еще какую то форму на *φιν*, функцію которой уже *впоследствии* приходилось перенимать другому падежу? Или падежъ на *φιν* былъ *тоже* первоначально локальный, и вмѣсто *трехъ* падежей нужно принимать въ греческомъ языкѣ *четыре*, такъ что на какой нибудь изъ *трехъ* главныхъ вопросовъ въ греческомъ языкѣ первоначально отвѣчали два падежа сразу? Такъ, дѣйствительно, объясняетъ дѣло Hartung, который и въ латинскихъ *четырехъ* падежахъ видитъ вопросы *идъ, куда и откуда*, но его объясненіе не можетъ не звучать *большою* натяжкой. Не станемъ разбирать этой натяжки, она вытекаетъ изъ сущности дѣла. Есть *три* главныхъ вопроса, представляющіе собою строгій и вполнѣ

законченный логическій рядъ, въ который не вложишь ничего четвертаго, могущаго выступить какъ выдающійся оттѣнокъ въ одномъ изъ этихъ вопросовъ. А если бы что нибудь такое нашлось, то зачѣмъ долженъ оттѣняться *особымъ* падежемъ только *одинъ* вопросъ, и почему это недоступно и для другихъ двухъ?

Въ третьихъ, наконецъ, нельзя не упрекнуть локалистовъ въ томъ, что они недостаточно внимательно обсудили вопросъ: какую, въ самомъ дѣлѣ, роль приходится играть локальности въ *мысли*, и съ *какими* собственно *задачами* нужно было справляться языку въ виду этой ея роли? Только послѣ удовлетворительнаго отвѣта на *этотъ* вопросъ, собственно, — на вторую его половину, можно рѣшить, *какъ* языкъ на *дѣлѣ* справился съ этими задачами, и тогда локалистическая теорія, какъ сейчасъ видно будетъ, рушится сама собою.

Какъ уже выяснено въ свое время, отдѣльныя *части* временнаго пространства опредѣляются *настоящимъ* временемъ, настоящее же время, въ свою очередь, опредѣляется *прежде всего* моментомъ рѣчи, стало быть, — чѣмъ то, чего нѣтъ нужды отмѣчать *особымъ* словомъ, *особымъ* средствомъ языка, и что достаточно отмѣчено самимъ *фактомъ* говоренія, самимъ *произнесеніемъ* мысли. Затѣмъ все, что мы *попытаемъ* въ той или иной части временнаго пространства, съ тѣмъ или инымъ видовымъ оттѣнкомъ *развитія* «дѣйствія», — все что мы *хотимъ* или почему-либо *должны* обозначить въ языкѣ съ такою или иною временною особенностью, мы выражаемъ прежде всего черезъ *глаголь*, т. е. черезъ ту часть рѣчи, которая въ самихъ своихъ этимологическихъ формахъ располагаетъ всевозможными средствами для того, чтобы дѣйствительно *выразить* эту временную особенность.

Конечно, время *чего нибудь, представляемаго* во временномъ пространствѣ, можно измѣрять не только моментомъ рѣчи (дождь идетъ, — идетъ въ то время, когда я *произношу* самую эту мысль, — дождь шелъ, пойдетъ дождь), но и, говоря *вообще* и имѣя въ виду не *одну* oratio obliqua,

какъ то было выше на стр. 151., какимъ нибудь *событіемъ*, также представляемымъ во временномъ пространствѣ (когда мы сидѣли дома, то шелъ дождь, — шелъ какъ разъ въ это время). Какъ ни затруднительно отыскать въ греческомъ глаголѣ *особыя* средства для выраженія современности, преждевременности и послѣвременности,*) тѣмъ не менѣе, однако, всякій знаетъ, что и для *этихъ* отгнѣнковъ языкъ не нуждается въ какихъ нибудь *особыхъ* словахъ, которыя должны бы добавляться еще къ *имѣющимся* этимологическимъ формамъ глагола, и вопросъ только въ томъ, дѣйствительно ли оба событія, время которыхъ измѣняется другъ черезъ друга, — дѣйствительно ли они оба *выражены* глаголами.

Другое дѣло, когда событіе, когда *проѣзжа*, служащее опорой для временнаго опредѣленія чего нибудь другого, выражено *именемъ*; конечно, это будетъ непременно имя *существительное*, — матеріальное ли, или формальное (какое нибудь *тоѣто*), это рѣшительно все равно (о *глагольномъ* имени мы здѣсь говорить не *будемъ*, — отчасти по причинѣ его двусторонности, отчасти потому, что оно только осложнило бы наше разсужденіе *понапрасну*, такъ какъ результатъ долженъ получиться одинаковый какъ *при* немъ, такъ и *безъ* него). Возьмемъ случай, гдѣ событіе, служащее опорой для измѣренія временной особенности чего нибудь другого, выражено черезъ существительное *эпоха* (напр., эпоха *возрожденія*). Благодаря этому существительному, языкъ становится въ новое, сравнительно съ прежнимъ, положеніе. Въ чемъ заключается это положеніе, мы выяснимъ скоро, а пока ограничимся заявленіемъ, что оно, въ смыслѣ *сложности*, является *крайнимъ* предѣломъ всѣхъ тѣхъ возможностей, съ которыми языку приходится считаться при обозначеніяхъ временныхъ отгнѣнковъ и отношеній.

Совершенно иначе приходится разсуждать, когда дѣло идетъ о *мѣстномъ* пространствѣ: что составляло крайній предѣлъ и конечную сложность при обозначеніяхъ *времен-*

ныхъ отношеній, съ того при обозначеніяхъ отношеній *мѣстныхъ* приходится *начинать*.

Прежде всего замѣтимъ, что если временное пространство рисовалось въ нашемъ представленіи безпредѣльною *линіею*, то мѣстное пространство должно рисоваться какимъ то безпредѣльнымъ *шаромъ*, т. е. чѣмъ то, идущимъ въ безконечность по *всѣмъ тремъ* измѣреніямъ. Затѣмъ, если безпредѣльная линія временнаго пространства сразу и какъ-бы сама собою распадается въ нашемъ представленіи на *три* части, то раздѣлится ли самъ собою на части безпредѣльный шаръ *мѣстнаго* пространства? Найдемъ ли мы въ этомъ шарѣ что нибудь, похожее на «моментъ рѣчи, отмѣчаемый самимъ *фактомъ* говоренія», — найдемъ ли въ пустомъ шарѣ что-нибудь, что раздѣляло бы его такъ, какъ моментъ рѣчи раздѣляетъ линію временнаго пространства? Нѣтъ, и уже поэтому безпредѣльный шаръ даже *не можетъ служить* мѣрою для обозначенія мѣстныхъ отношеній. Но, быть можетъ, мы этотъ безпредѣльный шаръ какъ нибудь *ограничимъ*; быть можетъ, мы его сведемъ къ какому нибудь шару *извѣстнаго* радіуса, къ какой нибудь плоскости, *тоже* ограниченной, къ *линии* предѣльной, или даже къ *точкѣ*? Тогда пришлось бы этотъ шаръ, эту плоскость, линію и точку *опять* гдѣ нибудь помѣщать, *опять* въ чемъ-то предѣльномъ, и это предѣльное въ *новомъ* предѣльномъ, и такъ до безконечности, словомъ, мы очутились бы опять въ безпредѣльномъ шарѣ и всетаки оставались бы безъ *мѣры* для обозначенія мѣстныхъ отношеній. Мы не говоримъ уже о томъ, что эти всѣ пустыя пространства нужно бы въ рѣчи обозначить какимъ нибудь *особымъ словомъ*, и что въ этомъ случаѣ никакіе глаголы не освободили бы насъ отъ приискиванія *этихъ* особыхъ словъ, какъ они освобождали отъ необходимости отмѣчать особымъ словомъ линію *временнаго* пространства.

Да, какъ уже сказано, при обозначеніяхъ мѣстныхъ отношеній языкъ долженъ начинать съ того, чѣмъ онъ при обозначеніяхъ отношеній временныхъ кончалъ. Какъ тамъ, измѣнялось время одного событія черезъ время другого, —

*) Сравни объ этомъ выше ту же стр. 151, подстрочное примѣчаніе.

это можно утверждать объ опредѣленіи временныхъ отношеній вообще, ибо и *фактъ говоренія*, черезъ который измѣряется время, есть *событіе*, только событіе, не нуждающееся въ томъ, чтобы его отмѣчать особымъ словомъ, — какъ тамъ, повторяю, измѣрялось время одного событія черезъ время другого, — я говорю »*событія*«, т. е. чего то, что само *помѣщается* въ пространствѣ времени, — такъ и здѣсь мѣсто чего нибудь одного измѣряется мѣстомъ чего нибудь другого, причѣмъ, разумѣется, и измѣряющее и измѣряемое должны представлять собою нѣчто, что дѣйствительно *помѣщается* въ пространствѣ мѣста. Рѣка и лѣсъ, домъ и садъ, *вотъ* предметы, настоящія *οὐσίαι*, черезъ которыя можно опредѣлить отношенія въ мѣстномъ пространствѣ, и разъ это *οὐσίαι*, то въ языкѣ опредѣляется мѣсто *всегда* уже при помощи именъ существительныхъ, и опять таки скажемъ, что если при обозначеніяхъ временныхъ отношеній мы *эпохою* кончили, то при обозначеніяхъ отношеній мѣстныхъ мы съ *сада* начинаемъ, т. е. начинаемъ съ имени существительнаго, да не съ одного, а съ двухъ сразу. Можно, пожалуй, разсуждать, что во фразѣ *мальчикъ играетъ въ комнатѣ* приводится въ мѣстное отношеніе слово *играетъ* къ слову *комната*, но играть долженъ *кто-нибудь*, а потому и въ этой фразѣ обозначеніе мѣстнаго отношенія сводится къ двумъ *οὐσίαι* (мальчикъ и комната), которыя *сами*, и притомъ *объ*, представляются нами въ мѣстномъ же пространствѣ.

Спрашивается: какіе оттѣнки приходится отличать при сопоставленіи двухъ, представляемыхъ въ пространствѣ мѣста, предметовъ и при опредѣленіи черезъ это сопоставленіе, мѣстныхъ отношеній? Очень разнообразны: то предметъ, мыслимый въ мѣстномъ пространствѣ, находится *передъ* домомъ, то *за* домомъ, то *надъ* домомъ, то *подъ* домомъ, то въ самомъ *домѣ*, то, вообще, *у* дома или, какъ говорятъ, *около* дома, то *между* домами, то *придвигается* къ дому, то *отодвигается* отъ дома, словомъ, оттѣнковъ здѣсь столько, — и притомъ они дѣйствительно разнообразны и не поддаются переводу одного на другой черезъ какую

нибудь метафору, — что языку никакъ не справиться съ ними при помощи однихъ своихъ падежей, даже въ томъ благопріятномъ случаѣ, если они, какъ это видимъ въ санскритскомъ языкѣ, встрѣчаются въ бѣльшемъ числѣ; не говоримъ уже о троицѣ греческихъ падежей, не говоримъ о томъ, что эта троица оказалась состоятельною лишь благодаря сведенію нѣсколькихъ »отношеній« къ одному, — сведенію, которому, какъ сказано, оттѣнки *мѣстныхъ* отношеній не поддаются.

Языку, такимъ образомъ, понадобились слова новыя, новая часть рѣчи, которую древніе греки сначала подводили подъ общій, сборный терминъ *ῥήματα* или *οὐδεσμοί*, но потомъ, весьма правильно, выдѣлили подъ особый, весьма выразительный терминъ *προθέσεις* = предлоги.

Я говорю, что предлоги *понадобились* языку; ихъ дѣйствительно замѣнить нечѣмъ, — нечѣмъ въ томъ, по крайней мѣрѣ, *готовомъ* уже языкѣ, который мы изслѣдуемъ, и въ тѣхъ *готовыхъ* уже языкахъ, которые мы привлекаемъ къ *сравненію*. Когда языкъ еще только создавался, то мало ли какъ онъ могъ распорядиться. Онъ могъ дѣйствительно создать столько падежей, сколько бы ихъ понадобилось въ-замѣнъ всѣхъ этихъ предлоговъ, но онъ распорядился иначе, и прибѣгъ *именно* къ предлогамъ. Положимъ, можно напр. сказать, что предлогъ *въ*, встрѣтившійся у насъ въ выраженіи *въ домѣ*, указываетъ на *средину*. Слово *средина* есть уже *имя*, есть поименованіе *τῆς οὐσίας*, чего то *самостоятельно* мыслимаго *внѣ* рѣчи и только *поддающагося* соединенію въ связной мысли, — есть *имя существительное*, есть *названіе* *внѣ* рѣчи того, на что предлогъ »въ« *въ рѣчи* только *указываетъ*. Разъ такое названіе нашлось, то можно *имѣ* или, точнѣе говоря, какимъ нибудь его падежемъ, замѣнить предлогъ. Такъ, вмѣсто *въ саду* русскіе говорятъ, хотя все же съ нѣкоторымъ новымъ оттѣнкомъ, *среди сада*; *среди* есть несомнѣнно *падежъ* имени *существительнаго*, — существительнаго *средѣ*, образованнаго по аналогіи существительныхъ *глубѣ*, *ширѣ* и др. Но есть такіе предлоги, — между приведенными выше они со-

ставляютъ большинство, которые *»указываютъ въ рѣчи«* на нѣчто, чему *»вънъ рѣчи названія«* не приищешь. Какъ напр. назвать именемъ существительнымъ то, на что указываетъ предлогъ *надъ* въ выраженіи *надъ домою*?

А теперь мы и можемъ вернуться къ нашей *»эпохѣ (возрожденія)«,* чтобы окончить, чего мы раньше не досказали. Если средства, которыми наше воображеніе располагаетъ для представленія *самого временнаго пространства,* въ сущности одинаковы съ тѣми, черезъ которыя мы представляемъ пространство мѣста; если линія, черезъ которую мы представляемъ *самое время,* есть та же геометрическая величина, какъ пустой шаръ или иное въ этомъ родѣ, черезъ что мы представляемъ самое пространство мѣста: то и временныя *»отношенія«,* т. е. такое или иное сопоставленіе *событій,* помѣщаемыхъ въ пространствѣ времени (сравни выше стр. 226), могутъ быть выражены черезъ тѣ же синтаксическія схемы, *если только* сами событія обозначены черезъ имена существительныя, а не при посредствѣ *глаголовъ*; я говорю *»при посредствѣ«* глаголовъ, а не *»черезъ«* глаголовъ, такъ какъ глаголь *кромя* событія или *дѣйствія»* отмѣчаетъ въ себѣ еще и лицо, которому это событіе приписывается, и служитъ выраженіемъ самого *присужденія,* съ отнесеніемъ его къ тому или иному времени и съ обозначеніемъ той или иной его *квалитативности.* Такимъ именемъ существительнымъ является наша *»эпоха (возрожденія)«. А* потому мы и при измѣненіи времени *одного* событія черезъ время другого можемъ употребить предлоги и сказать: *до эпохи (возрожденія) случилось то-то, въ эпоху (возрожденія) случилось то-то* и т. д. Для обозначенія *мѣстныхъ* отношеній необходимы были *два* имени существительныхъ, такъ какъ требовались для этого и двѣ *обѣи;* здѣсь *второе* существительное не есть *conditio sine qua non.* Хотя въ приведенныхъ нами примѣрахъ и можно, пожалуй, найти второе существительное, — во фразѣ *въ эпоху возрожденія случилось то-то* слово *то-то* есть формальное имя *существительное,* — но мы могли бы также сказать *въ эпоху (возрожденія) развилось (искусство въ та-*

комъ то направленіи); ибо предлогъ ставится и при обозначеніи *временныхъ* отношеній только при *одномъ* существительномъ, не иначе какъ и при обозначеніи *мѣстныхъ* отношеній, а потому тутъ только *одно* существительное и необходимо, *второе* же событіе можетъ перейти въ *глаголь,**) т. е. въ такую часть рѣчи, въ которую ужъ никакъ не можетъ перейти предметъ, представляемый въ *мѣстномъ* пространствѣ, другими словами, — въ которую ужъ никакъ не можетъ превратиться *второй* предметъ, необходимый при опредѣленіи *мѣстныхъ* отношеній.**)

Разумѣется, во фразѣ *въ эпоху (возрожденія) развилось (искусство въ такомъ то направленіи)* само *опредѣленіе временныхъ отношеній,* о которомъ въ настоящее время идетъ рѣчь, относится не ко *всему* глаголу *развилось,* а только къ слову *развитіе,* т. е., чтобы возвратиться къ нашей симасіологической схемѣ глагола, къ члену *а* этой схемы, даже, пожалуй, безъ залоговыхъ и видовыхъ ея отгѣнковъ.

Вотъ гдѣ, собственно, языкъ получаетъ *настоящее* средство для обозначенія преждевременности, современности и послѣвременности; это — въ самихъ *предлогахъ,* когда хоть *одно* изъ сопоставляемыхъ между собою *дѣйствій»* или *событій* выражено именемъ *существительнымъ* (*до эпохи, въ эпоху, метὰ τῇ κατὰστασι*). Сопоставляя событіе съ событіемъ, мы часто думаемъ не только о *временныхъ* отношеніяхъ этихъ событій, но еще и кое о чемъ другомъ, и предлоги, такимъ образомъ, дѣлаются невольными, выразителями этого другого. Что же мы вносимъ еще въ такое сопоставленіе событія съ событіемъ? Это —

1. при отгѣнкѣ преждевременности *причинная* связь, т. е. психо-логическая ***) *последовательность* (*послѣ-*

*) Въ переводѣ на языкъ механическихъ правилъ это значить, что *»предлоги могутъ встрѣчаться и послѣ глаголовъ.«*

**) На стр. 97 мы, — выражаюсь брахилогически, — не изъ дерева дѣлали глаголь, а только изъ его признаковъ.

***) Мы сказали бы *»логическая«,* но логика, *формальная* логика, *»причины«* не знаетъ. Греческихъ примѣровъ я тутъ не привожу потому, что мы греческихъ предлоговъ еще не разбирали.

этихъ словъ я ожидаю отъ него самаго правильнаго отношенія къ дѣлу), а то и психо-логическая *непослѣдовательность* (послѣ этихъ словъ, дышащихъ честностью, онъ совершилъ такое грубое *вѣроломство*).

2. При отгнѣкѣ современности — также причинная связь *обоихъ* родовъ (*закитѣла* у него работа *при* спокойномъ настроеніи духа; какъ это онъ, *при* свойственной ему *энергіи*, выказалъ такую *нервнительность* въ данномъ дѣлѣ!), но кромѣ того и представленіе «сопутствующаго обстоятельства», т. е. чего то, *подчиненнаго* главному событію и придающаго послѣднему извѣстную окраску (эти слова были сказаны при большомъ стеченіи народа), а то и просто представленіе «образа» дѣйствія (эти слова были сказаны *съ раздраженіемъ*).

3. При отгнѣкѣ послѣвременности — опять таки *причинная* связь, которая въ данномъ случаѣ сводится къ представленію *цѣли*, если само послѣвременное событіе еще не исполнилось (*мѣропріятія* къ уничтоженію зла), или же къ представленію *слѣдствія*, если послѣвременное событіе уже исполнилось (онъ *трудился* съ большою пользою для дѣла); возможно тутъ и представленіе *предѣловъ* «образа» дѣйствія (онъ *занимается* до изнеможенія).

Конечно, временныхъ отгнѣковъ гораздо меньше, чѣмъ отгнѣковъ мѣстныхъ, которыхъ такъ много, что даже предлоговъ не хватаетъ для ихъ обозначенія. Хорошо еще, если въ языкѣ находится слово, *поименовывающее* то отношеніе, которое нужно выразить въ мѣстномъ отгнѣкѣ. Выше мы нашли слово *среди*, падежемъ котораго можно было замѣнить до *нѣкоторой* степени или, точнѣе говоря, съ *нѣкоторымъ плюсомъ* въ отгнѣкѣ, *существующій* предлогъ. Въ иныхъ случаяхъ выступили такіа «названія» отношеній, что въ предлогѣ языкъ даже не ощущалъ нужды и не *выработалъ* ихъ, полагаясь на имена существительныя, т. е. на эти «названія отношеній». Примѣръ такого явленія представляетъ русское *кругъ* въ выраженіи *кругомъ* стола. Въ большинствѣ же случаевъ, — особенно, когда нужно выразить болѣе сложный отгнѣнокъ, — приходится сочетать тотъ же

предлогъ съ именемъ существительнымъ. Такъ, говорятъ *вблизи* (въ + близъ) *стола*, *около* (о + коло) *стола*, *посреди* (по + средѣ) *стола*, а то даже *вдали отъ* (въ + даль + отъ) *стола*. Сочетаютъ и предлогъ съ предлогомъ; сравни *изъ-подъ* *стола*. Этимъ же приемомъ пользуется языкъ (нужды особенной въ этомъ не было, но разъ приемъ выработался въ одномъ случаѣ *по необходимости*, то почему же имъ не воспользоваться и для другихъ случаевъ), — пользуется, повторяю, и для обозначенія *временныхъ* отгнѣковъ: *по окончаніи* войны, *во время* войны и т. д.

Мы слышимъ возраженіе: оборотъ *по окончаніи* не есть то же самое, что выраженіе *около*; слово *окончаніе* есть самостоятельное и *дѣйствительное* имя существительное, а слово *коло* въ смыслѣ *самостоятельнаго* имени существительнаго *не употребляется*. Да, не употребляется, но и только, а *предположить* его во всякомъ случаѣ можно, дальнѣйшее же можетъ быть выяснено лишь въ концѣ нашего изслѣдованія, когда мы дойдемъ до такъ называемыхъ «нарѣчій».

До сихъ поръ мы говорили о сопоставленіи, при посредствѣ предлоговъ, предметовъ, мыслимыхъ въ *мѣстномъ* пространствѣ, и событій или дѣйствій, мыслимыхъ въ *временномъ* пространствѣ. А если сопоставить *качество* съ *качествомъ*, или *количество* съ *количествомъ*, или *число* съ *числомъ*, не въ видѣ *признаковъ* чего нибудь и не въ формѣ *признаковыхъ* именъ, а какъ *общая*, *самостоятельно* мыслимая и выраженная черезъ имена *существительныя*; если сопоставить напр. доброту (одного человѣка) съ добротой (другого), или широту (одного предмета) съ широтой (другого), вообще *геометрическую* величину съ *геометрическою* же величиною, или пятерку съ сотнею: то представимо ли, чтобы доброта-широта-такое то число стояли *надъ* другими добротою-широтою-числомъ, или *подъ* ними, или *шли* съ ними рядомъ, или *за* ними, или *приближались* къ нимъ, или *удалялись отъ* нихъ? Конечно — да, и не только доброта-широта-число могутъ быть *измѣряемы* другъ черезъ друга при посредствѣ предлоговъ, но и сами *люди*, сами *пред-*

меты, сами *кучи* могутъ, при посредствѣ предлоговъ, быть сравниваемы другъ съ другомъ по качеству, количеству и числу. Такъ далеко заходитъ метафористика предлоговъ, придуманныхъ первоначально для обозначенія *мѣстныхъ* отношеній.

Да, мы такъ таки не избѣгли этихъ крайне деликатныхъ вопросовъ о *постепенномъ* развитіи, если не надеждъ, то частей рѣчи, и хотя мы не рискуемъ утверждать, что предлоги были выработаны языкомъ раньше другихъ частей рѣчи, но мы въ правѣ сказать, что предлоги удовлетворяютъ самую *примитивную* потребность въ движеніи человѣческой мысли; ибо локализованіе есть нѣчто, что у человѣка, кажется, не только предшествуетъ темпорализованію, но вообще, какъ у ребенка, такъ и, надобно полагать, въ *историческомъ* человѣкѣ развивается и развивалось очень рано и чуть ли не сразу во *всей* той сложности, которую мы нарисовали, быть можетъ, и не сполна, на стр. 228. Согласно тому, что предлоги должны были быть, такъ сказать, изготовлены на скорую руку, чтобы удовлетворить насущную и первую потребность человѣка, — согласно этому они и носятъ характеръ *неразвитыхъ*, если такъ можно выразиться, словъ. Какое нибудь *за*, или *по*, *въ*, *о*, *на* и т. д. не имѣютъ ни *малѣйшаго* признака флексіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ они чувствуются какими то *чисто* указательными словами, чуть ли не требующими, чтобы ихъ сопровождалъ жестъ, *наглядно* показывающій то мѣстное отношеніе, которое ими самими выражено. И конечно, разъ они были на лицо, то въ падежахъ, какъ выразителяхъ *мѣстныхъ* отношеній, языкъ *не нуждался*, а если онъ все-таки выработалъ падежи, то это значитъ, что они ему были нужны для чего то другого. Для чего?

Теорію Румшеля мы отвергли. Теорію Hartung'a тоже. Другіе теоретики представляютъ намъ по вопросу о падежахъ какую то смѣсь изъ локалистики и Беккеризма, быть можетъ, и съ прибавленіемъ еще чего то *третьяго*, но во всякомъ случаѣ желательно было бы — и отъ локалистики, и отъ Беккеризма *совсѣмъ* освободиться. При этомъ нужно

замѣтить, что упомянутая смѣсь проявляется въ теоріи о падежахъ не въ томъ смыслѣ, что одинъ падежъ опредѣляется съ Беккеровской точки зрѣнія, другой съ локалистической, третій съ третьей, а что въ каждомъ отдѣльномъ падежѣ проведены *разныя* начала. Это разнообразіе началъ доводитъ до слѣдующаго разсужденія: Es ergiebt sich von selber, — говоритъ Курциусъ (Erl. 160), — dass wir uns vor allzu scharfen Definitionen der einzelnen Casus und vor dem Wahne zu hüten haben, als bestände die Wissenschaftlichkeit der Darstellung darin, die Mannigfaltigkeit des Gebrauchs durch gewaltsame Mittel auf eine strengfesthaltene eng umgränzte Einheit zurückzuführen. *Плачевное* состояніе der wissenschaftlichen Darstellung!

Лучше всего справляется съ этимъ разнообразіемъ Hübschmann. Онъ накладываетъ на всѣ падежи схему очень строго выдержанную и простую. Разобравъ всю исторію теоріи падежей, начиная отъ греческихъ грамматиковъ-философовъ и вплоть до нашего времени, онъ говоритъ (Casusl. 131-7): Die Casus zerfallen in grammatische und nicht grammatische. Erstere sind Nominativ, Accusativ, Genitiv, letztere Locativ, Dativ und Instrumental. Zu welchen von beiden der Dativ seiner ursprünglichen Bedeutung nach gehört, ist noch zweifelhaft. Durch den Nominativ wird das Nomen als Subject des Satzes bezeichnet . . . Der Accusativ giebt das Wort in seiner allgemein abhängigen, obliquen Stellung im Satze, durch die es ganz allgemein als zum Prädicat gehörig bezeichnet wird. Welcher Art diese Zugehörigkeit sei, welche die logisch bestimmte Beziehung des Nomens zum Verbum sei, wird durchaus nicht angedeutet und ist aus der grammatischen Form schlechterdings nicht zu ersehen . . . Im Genitiv erscheint etymologisch der Nominalbegriff nicht rein an sich, sondern in *Beziehung* und zwar in enger Beziehung zu *etwas Anderem*. Dieses Andere ist ein Demonstrativ-Pronomen und deutet als solches naturgemäss auf ein Nomen (стало быть, когда я говорю *дерева*, то слово *дерева* имѣетъ отношеніе къ словамъ *то-то*, *вотъ это*, *вотъ что*, и эти слова *то-то* и т. д. указы-

ваютъ на какое нибудь *кусокъ*, *ростъ* и т. п.). Je nachdem dieses Nomen gesetzt ist oder nicht, erscheint der Genitiv als adnominal oder adverbial, ist aber doch *eigentlich adnominal* (стало быть, если я говорю *дай хлѣба*, то слово *хлѣба*, хотя и зависитъ отъ глагола *дай*, но собственно имѣетъ отношеніе къ слову, напр., *кусокъ*) . . . . Die nicht-grammatischen Casus, Locativ, Ablativ, Instrumental dienen zum Ausdruck des *Wo*, *Woher*, *Womit* in räumlicher, zeitlicher und übertragener Beziehung . . . Der Dativ könnte in einigen seiner Gebrauchsweisen sehr gut als Wohincasus gefasst werden. Er würde dann den neben den Casus des *Wo* und *Woher* uns fehlenden Casus des *Wohin* ersetzen und seinen Gegensatz im Ablativ finden . . . . In anderen Fällen erscheint freilich der Dativ als der Casus, welcher ausdrückt, dass dem Nomen die Aussage des Prädicats oder des ganzen Satzes gelte, und es ist schwierig diese Bedeutung aus der des *Wohin* plausibel herzuleiten.

Какъ видно, Hübschmann справляется со всѣмъ разнообразіемъ въ теоріи падежей такимъ образомъ, что для однихъ онъ отводитъ Беккеровское, а для другихъ локалистическое начало. Мы сказали, что онъ справился съ нимъ *хорошо*. Но послѣ нашихъ разсужденій, я думаю, всякій скажетъ, что онъ сдѣлалъ въ сущности то же, что дѣлаютъ съ гнилымъ зданіемъ, когда подставляютъ подъ него *подпорки*. Только *подпорки* у него хороши, а зданіе осталось гнилымъ. Мы уже не говоримъ о томъ, что если бы пришлось эту теорію провести по всѣмъ *фактамъ*, то съ нею выйдетъ почти то же самое, что вышло у Кюнера съ примѣненіемъ къ фактамъ теоріи Румпеля.

Послѣдній синтаксистъ нашего времени, Дельбрюкъ, весьма обязанный многимъ изъ своего ученія о падежахъ, какъ на то самъ указываетъ, знаменитому Pāṇini и постоянно ссылающійся на высокоцѣнимое имъ сочиненіе своего же ученика Gädicke (Accus.), высказывается о падежахъ такъ (см. Grundr. III. 182—188):

Der Ablativ bezeichnet den Ausgangspunkt der Handlung.

Der Locativ bezeichnet das *in innerhalb* des Raumes.

In den Instrumentalis trat derjenige Substantiv-begriff, mit dem zusammen der Träger der Handlung diese vollzog.

Особенно слѣдуетъ обратить вниманіе на слова Дельбрюка, относящіяся къ Dativ'у (Grundr. III. 185): Ich habe K. Z. 18. 100 ff. ausgeführt, dass die Grundlegung des Dativs sei: die körperliche Neigung nach etwas hin, und habe deutlich zu machen gesucht, wie dieser Casus oder eigentlich die in ihm enthaltene *Präposition* wohl in der Urzeit entstanden sein möchte. Da ich jetzt *ein entschiedenes Misstrauen gegen glottogonische Hypothesen* hege (ими вообще злоупотребляютъ въ области синтаксиса) und nicht mehr glaube, dass sich aus den Casus Präpositionen loslösen lassen (да *предложу* ли, въ самомъ дѣлѣ, падежныя окончанія?), so fällt diese Darlegung jetzt für mich nicht mehr ins Gewicht. *Auch von einer allgemeinen Vorliebe für lokalistisch gefärbte Erklärungen*, die ich damals wohl hatte, *weiss ich mich jetzt frei*; und ich sehe mich daher jetzt bei der Entscheidung zwischen den beiden Möglichkeiten der Auffassung lediglich auf eine Befragung der Überlieferung angewiesen. Diese aber scheint mir für die *geistige* Auffassung zu entscheiden. Es spricht für sie der Umstand, dass in den Dativ ganz überwiegend *Personen* treten.*

Въ Genitiv'ѣ Дельбрюкъ различаетъ употребленіе при глаголахъ и употребленіе при именахъ. При глаголахъ, по его мнѣнію, Genitiv имѣетъ мѣсто, wenn der Verbalbegriff nicht auf den *vollen* Umfang des Substantivs bezogen werden sollte (стр. 187.), а о Genitiv'ѣ при именахъ онъ выражается такъ (стр. 333.): Von der Kategorie des partitiven Genitiv kann sich der sonstige adnominal Genitiv entwickelt haben. Wer mir in dieser Auffassung nicht folgen mag, wird wenigstens so viel zugestehen, dass es nicht angeht, zum Verständniss des adnominalen Genitiv einen allgemeinen schattenhaften Begriff der Zugehörigkeit an die Spitze zu stellen, aus dem dann die einzelnen Gebrauchsweisen zu deduciren wären.

In den Accusativ tritt derjenige Substantivbegriff, welcher von dem Verbalbegriff *am nächsten und vollständigsten betroffen wird*. In dieser Fassung liegt zugleich ein

Gegensatz gegen andere Casus angedeutet, und zwar in dem Worte *betroffen* der Gegensatz gegen Nominativ (въ Nominativ'ѣ Дельбрюкъ видитъ нѣчто, что не есть *betroffen*, а само «*betrifft*»), im *nächst* gegen Dativ (на Dativ указывается черезъ это противопоставленіе какъ на «*дальнѣйшее* дополненіе»), im *vollständigst* gegen Genitiv (имѣется въ виду *partitiv'ность* Genitiv'a).

Итакъ, — нѣчто, какъ *точка исхода* для дѣйствія; *внутреннее пространство* того или иного «нѣчто» (нельзя сказать, чтобы тутъ имѣлся въ виду вопросъ *идъ*; на вопросъ *идъ* можно отвѣтить и указаніемъ на *поверхность* и мало ли еще чѣмъ); нѣчто, какъ *содѣйствующее* дѣятелю; нѣкто (in den Dativ treten ganz überwiegend *Personen*), какъ *имѣющій «дальнѣйшее отношеніе»* къ дѣйствию (собственно, тутъ сказано не къ дѣйствию, а *zum Verbalbegriff*); нѣчто въ *частичномъ* своемъ видѣ (это, впрочемъ, сказано о Genitiv'ѣ не съ достаточною твердостью, по крайней мѣрѣ, не съ достаточною твердостью въ случаяхъ *adnominal'наго* положенія Genitiv'a); нѣчто, какъ *непосредственно и сполна затронутое* дѣйствіемъ (von dem Verbalbegriff), — вотъ формулировки Дельбрюка для выясненія значеній Ablativ'a, Locativ'a, Instrumental'a, Dativ'a, Genitiv'a и Accusativ'a. Тутъ *впервые*, т. е. впервые въ разработкѣ всѣхъ падежей *вмѣстѣ*, всей падежной системы, нѣтъ ни Беккеризма, ни локалистики.

Нельзя сказать, чтобы спекулятивная сторона въ трудѣ Дельбрюка была особенно развита. Что же касается самихъ *фактовъ*, т. е. того *фразеологическаго* матеріала, который имѣетъ отношеніе къ опредѣленію значенія падежей, то употребленіе *предлоговъ* съ тѣмъ или инымъ падежемъ у Дельбрюка *совсѣмъ* не принято во вниманіе, когда онъ рѣшаетъ эту важную симасіологическую задачу. Дельбрюкъ въ данномъ случаѣ поступаетъ такъ, какъ поступаютъ обыкновенно составители грамматикъ. Предлоги и у него разбираются тогда, когда задача объ опредѣленіи значенія падежей уже рѣшена. Мы намѣрены съ предлоговъ и ихъ падежей *начать*. Съ одной стороны мы думаемъ черезъ

это воздержаться отъ локалистическихъ увлеченій въ теоріи *падежей*, такъ какъ локалистику, судя по всѣмъ нашимъ разсужденіямъ, вполне удовлетворяютъ *сами предлоги*, а съ другой — группа предлоговъ — очень невелика, по численности своей совершенно опредѣленна, слѣдовательно, — и вполне *обозрима*, а это чрезвычайно важно для самихъ падежей. Намъ представляется, что если мы пойдемъ по намѣченному здѣсь плану, то все наше дѣло сведется къ формулѣ математическаго уравненія $A = b \times x$. Буква *A* въ этой формулѣ обозначаетъ общую мысль, выраженную предлогомъ и его падежемъ, и эту общую мысль, кажется намъ, легче будетъ усвоить въ «*предлоговыхъ*» оборотахъ, чѣмъ въ остальномъ фразеологическомъ матеріалѣ, — легче будетъ его усвоить въ нихъ опять таки по *обозримости* ихъ фразеологическаго матеріала.*) Подъ буквою *b* въ нашей формулѣ отмѣчены *сами предлоги*, легко опредѣлимые *помимо* падежей (раньше сказано, что предлоги какъ будто въ падежныхъ флексіяхъ и не нуждаются). Такимъ образомъ, буква *x* въ нашей формулѣ легко можетъ оказаться *настоящимъ* *x*, то есть *дѣйствительно однимъ* только «неизвѣстнымъ» во всемъ уравненіи, и очень можетъ быть, что намъ удастся кое-гдѣ хоть отчасти *рѣшить* это неизвѣстное. Правильнѣ ли будетъ нашъ результатъ или нѣтъ, но мы предупреждаемъ, что онъ будетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ иной, чѣмъ у Дельбрюка.

Итакъ, мы не окончили еще *одной* части рѣчи и переходимъ къ другой. Такъ насъ ведетъ самое дѣло. Поэтому мы и назвали настоящій отдѣлъ *первымъ* отдѣломъ объ имени. За разборомъ предлоговъ послѣдуетъ *второй* отдѣлъ объ имени. Переходимъ къ предлогамъ.

*) Этотъ фразеологическій матеріалъ прекрасно подготовленъ всевозможными словарями, начиная съ капитальнѣшаго труда Н. Etienne.

IV.

Предлоги.

Ἐν — εἰς — ἐξ. Ἐν указывает на нахождение чего-нибудь въ предметѣ, εἰς, — на движеніе — опять таки *»чего нибудь«* — въ предметъ, а ἐξ — на движеніе чего нибудь изъ предмета. Во всѣхъ трехъ случаяхъ самъ предметъ, — а къ названію его, т. е. къ его имени *существительному*, и присоединяется тотъ или иной изъ нашихъ трехъ предлоговъ, — оказывается *»помѣщающимъ«* въ себѣ то *»что-нибудь«*, о которомъ мы въ каждомъ изъ этихъ случаевъ упоминали рядомъ съ *»предметомъ«*.

Если *»помѣщающимъ«* предметомъ является рядъ индивидуумовъ, то *»помѣщаемое«* представляется чѣмъ-то, *разрѣзающимъ* этотъ рядъ: ἐν ἀνδράσι = среди мужей, εἰς ἀνδρας = среди мужей, ἐξ ἀνδρῶν = изъ среды мужей.

Если *»помѣщающій«* предметъ является плоскостью (такую напр. можетъ представляться земля), или линіею (напр. какое-нибудь *»событіе«*, совершающееся во *временномъ* пространствѣ; точно также напр. подъ πόντος Евξείνως можно разумѣть не море, а *берегъ* моря, т. е. линію), то *»помѣщеніе«* на немъ относится къ *центру* или, лучше сказать, не къ *краю* этой плоскости и не къ конечной точкѣ этой линіи: ἐν τῇ γῇ = на землѣ, ἐκ τῆς γῆς = съ земли, εἰς τὴν γῆν = на землю, ἐν τῷ δείπῳ = во время обѣда, πόλις οἰκουμένη ἐν τῷ Евξείνῳ πόντῳ = городъ, устроившійся на Евксинскомъ понтѣ, т. е. на его берегу.

Но *»предметъ«*, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, можетъ представляться и точкою. Тогда вообще о *»помѣщеніи«* трудно говорить (ибо какъ можетъ *»помѣщать«* въ себѣ что нибудь *точка?*), и ἐξ указываетъ просто на *»предметъ«* какъ на terminus a quo, а εἰς — на *»предметъ«* какъ на terminus ad quem (предлогъ ἐν до такого *ослабленія* или, лучше сказать, полного *уничтоженія* представленія о *»помѣщеніи«* не дошелъ). Такъ, говорятъ напр.: ἐκάλυψε νεκὸν εἰς πόδας ἐκ κεφαλῆς (II. ψ 168) = съ головы до ногъ; ἐκ ῥαθυμίας = отправляясь отъ легкомыслія = вслѣдствіе легкомыслія; ἐκ δείπνου = съ обѣда = послѣ обѣда; εἰς ἑσπέραν = до (самаго) вечера. Точкою представляется, несомнѣнно, та цифра, которою мы опредѣляемъ крайній предѣлъ какого нибудь числа, когда мы его не *протырили* и не *сосчитали* по единицамъ (εἰς χιλίους = до тысячи = не больше тысячи = около тысячи). Представленіе *точки*, повидимому, вызывалось у грековъ всѣми тѣми случаями въ родѣ *»ἀμέλεια εἰς τὸ πρᾶγμα«*, въ которыхъ εἰς чувствуется въ значеніи русскаго *»касательно чего нибудь«* (русское *касательно*, думаемъ, исполнѣ способно нарисовать ту картину, которую въ данномъ случаѣ рисуетъ греческое εἰς).

При ἐξ ставится *γεινῆ*, при ἐν — *δοτικῆ*, а при εἰς — *αιτιατικῆ* πτῶσις. Было бы опрометчиво выводить изъ этого заключеніе, что *γεινῆ* обозначаетъ *удаленіе*, *δοτικῆ* — *спокойствіе* и *αιτιατικῆ* — *придвиженіе*. Удаленіе, спокойствіе и придвиженіе обозначены самими предлогами ἐξ, ἐν и εἰς, а если при одномъ изъ нихъ стоитъ такой, а при другомъ иной падежъ, то это обстоятельство имѣетъ для насъ лишь тотъ смыслъ, что *γεινῆ*, *δοτικῆ* и *αιτιατικῆ* идутъ своими значеніями, такъ сказать, *навстрѣчу* предлогамъ и, съ своей стороны, содѣйствуютъ нарисованію *общей* картины, вызвавшей появленіе *предлога*. Они идутъ, — такъ нужно разсуждать *пока*, чтобы не сдѣлать ошибки, — *навстрѣчу* предлогамъ не иначе, чѣмъ идутъ имъ навстрѣчу *сами глаголы*, появляющіеся при нихъ. Можно ли сказать, что *»ἐπαί-ζον«* въ выраженіи *»ἐπαίζον ἐν τῇ παλαιστρᾷ«* есть глаголъ

спокойствія? И если бы мы, позволивъ сбить себя предлогомъ *ἐν*, даже и рѣшились согласиться съ этимъ, то насъ бы застала врасплохъ фраза *ἔπειτα εἰς τὴν ἐσπέραν*. А въ выраженіи *ἦλθον ἐκ τῆς πόλεως*, можно ли *ἦλθον* назвать глаголомъ удаленія? Хорошо, если *ἦλθον* осложнится въ *ἐξῆλθον*; но стоитъ послѣднему появиться въ сочетаніи *ἐξῆλθον εἰς τὴν πόλιν* (*ἐξέπεσον εἰς τὰ ὄρη*), и мы опять въ недоумѣніи. Кстати замѣтимъ, что этихъ глаголовъ можетъ и не оказаться. Сравни *οἱ ἐν τῇ πόλει, οἱ ἐκ τῆς πόλεως γῆς* = *нѣкіе люди* (это выражено въ формальномъ существительномъ *οἱ*; объ этомъ, впрочемъ, ниже), *πребывающіе въ* (это выражено въ *ἐν*) *городъ*, — *исшедшіе изъ* (это выражено въ *ἐκ*) *непріятельской земли*.

Да, изъ того, что падежи своими значеніями «идутъ навстрѣчу предлогамъ ради достиженія общей картины», не нужно пока *ничего* извлекать для *опредѣленія* этихъ значеній. Есть даже случаи, гдѣ мы недоумѣваемъ, какъ *понять* эту общую картину, и падежи, несмотря на то, что «идутъ навстрѣчу предлогамъ» и могли бы насъ освободить отъ этого недоумѣнія своимъ значеніемъ, молчатъ, — по крайней мѣрѣ, *пока*. Мы не знаемъ, напр., какъ толковать извѣстное омировское *τρὶς δὴ τέκτει μῆλα τελεσφόρον εἰς ἐνιαυτόν* (Od. δ 89). Или *ἐνιαυτός* есть точка, т. е. подъ *ἐνιαυτός* нужно разумѣть *окончаніе* года, а тогда *εἰς ἐνιαυτόν* имѣетъ значеніе *вышеприведеннаго εἰς ἐσπέραν* (= три раза до окончанія года), или это *линія*, т. е. подъ *ἐνιαυτός* нужно разумѣть *полный* годъ. Въ послѣднемъ случаѣ, конечно, *εἰς*, обозначая вхожденіе троекратнаго рожденія въ эту линію, получило бы отъ *падежа* слова *ἐνιαυτός*, т. е. отъ самой *αἰτιατικῆς*, нѣчто весьма *цѣнное* для *нарисованія* общей картины, а именно, что *все* протяженіе линіи, намѣченной словомъ *ἐνιαυτός*, только *три раза* имѣетъ соприкосновеніе съ *τόκοι*; другими словами, *αἰτιατικῆς* обозначала бы, что выраженнымъ въ ней предметомъ, во *всемъ* его объемѣ и *цѣликомъ* распорядилось *извѣстнымъ* образомъ то явленіе, которое указано *ἐν τῇ αἰτιατικῇς*. Въ самомъ дѣлѣ, если

принять *ἐνιαυτός* за линію, то вся фраза несомнѣнно имѣетъ смыслъ русскаго *три раза «въ годъ» рождаются μῆλα*, т. е. на *всемъ* протяженіи *происходитъ нѣчто три раза*, и внесеніе въ общую картину представленія о *всемъ* протяженіи ужъ никакъ не было бы вызвано предлогомъ *εἰς*, а выпало бы на долю *именно* «идущей ему на встрѣчу» *αἰτιατικῆς*.

Все это разсужденіе объ *ἐν — εἰς — ἐξ* ведетъ къ слѣдующимъ замѣчаніямъ:

Предлоги *ἐν — εἰς — ἐξ*, говорили мы, прибавляются къ названіямъ *предметовъ*, т. е. къ именамъ существительнымъ. Умѣстность предлоговъ *исключительно* только передъ существительными вытекала также изъ *всѣхъ* разсужденій, помѣщенныхъ выше на стр. 228. А между тѣмъ здѣсь мы наткнулись на фразу *εἰς χιλίους* (*εἰς χιλίους ἐγένοντο οἱ στρατιῶται*), гдѣ *εἰς* прибавлено къ *признаковому* слову. Что появленіе этого признаковаго слова не подрываетъ общаго положенія о предлогахъ, выяснить нетрудно. Какъ мы на стр. 231 извлекли изъ слова *развилась* слово *развитіе*, такъ и здѣсь изъ слова *χιλίοι* можно извлечь то, чего въ русскомъ языкѣ даже *извлекать* не нужно, такъ какъ въ немъ *нѣтъ* другого слова кромѣ *существительнаго* «тысяча». На стр. 207. мы указывали на то, что *всякое* число, даже если оно не принадлежитъ къ *признаковымъ* словамъ, а относится къ «*счетной*» части рѣчи, можетъ превратиться въ *существительное*, совершенно наравнѣ съ словами *добрый, красивый*, превращающимися въ *доброта, красота*. Никто не станетъ сомнѣваться въ томъ, что во фразѣ *εἰς χιλίους ἐγένοντο οἱ στρατιῶται* самый *предѣлъ*, выраженный въ словахъ *εἰς χιλίους*, касается «*числа*» какъ *таковаго*, а вовсе не *числа* какъ *признака*. А если бы кому нибудь захотѣлось отнести его, этотъ предѣлъ, *именно* къ признаку, то онъ его долженъ отнести къ признаку *чего нибудь*, и тогда не можетъ не примѣнить къ примѣру, вызвавшему настоящее разсужденіе, той формулировки, которую мы сообщили на стр. 233.: не только *доброта — широта — число* могутъ быть *измѣряемы*

другъ черезъ друга при посредствѣ предлоговъ, но и сами люди, сами предметы, сами кучи могутъ, при посредствѣ предлоговъ, быть сравниваемы другъ съ другомъ по качеству, количеству и числу. Другими словами, если фраза *οἱ στρατιῶται ἐγένοντο εἰς χίλους* (разумѣй *στρατιῶτας*) не заставила слушателя (точнѣе: во время произнесения ея не успѣла заставить) извлечь изъ *«χίλοι»* число какъ таковое, то онъ долженъ отнести предлогъ *εἰς* къ существительному *στρατιῶτας* *) и относитъ его съ такимъ же правомъ, съ какимъ во фразѣ наши ученики довели себя до хорошихъ учениковъ всякій отнесетъ предлогъ до къ существительному *учениковъ* (положимъ, такой фразы никто не говоритъ, но общему смыслу языка она не противорѣчитъ).

То «что-нибудь», которое при посредствѣ предлога сопоставляется съ предметомъ, присоединяющимъ этотъ предлогъ къ своему «существительному», — должно быть также *ὅν*, хотя бы это *ὅν* пришлось извлекать изъ глагола, что и наблюдается въ вышеприведенныхъ примѣрахъ на *ἐν — εἰς — ἐξ*: съ головы до ногъ идетъ *καλῦψις*; до вечера тянется *παιδιά*; въ городъ и въ горы двинулись они, т. е. «лица» формъ *ἡλθον* и *ἐξέπεσον*; въ городѣ находятся и изъ непріятельской земли «исходятъ» *οἱ*, а это, какъ сказано, *формальное* существительное; до «*ἐναντός*», — если «*ἐναντός*» принять за точку, — до *ἐναντός*, говорю, «доходятъ» *разы* (въ нашемъ примѣрѣ этихъ «разовъ» *τρεῖς*, но ихъ могло быть или больше, или меньше), а если «*ἐναντός*» принять за *линію*, то въ немъ опять помѣщаются «разы» (да, слово *τρεῖς*, какъ увидимъ въ отдѣлѣ о такъ называемыхъ «нарѣчіяхъ», есть имя *существительное*, и мы нарочно прибѣгли здѣсь къ русскому *разъ — раза — разы***, такъ какъ и оно есть существительное). Словомъ, *вездѣ* мы или находимъ, или можемъ извлечь — *опредѣленное* существительное, являющееся не-

*) Хотя слово *στρατιῶτας* п «подразумѣвается», но это — не эллинизмъ (ср. стр. 54).

** Эти «разы», въ свою очередь, относятся въ нашемъ примѣрѣ *τρεῖς* *τίκται εἰς ἐναντόν* къ «рожденію».

обходимымъ спутникомъ того, которое приставлено къ предлогу. Только въ примѣрѣ *ἐπαίζον ἐν τῇ παλαίστρᾳ* мы не знаемъ, помѣщать ли въ палестрѣ играющихъ, стало быть, — *лицо*, показанное въ *ἐπαίζον*, или игру. Тамъ и на стр. 228. у насъ возникло недоумѣніе, помѣщать ли въ комнатѣ *мальчика*, или его дѣйствіе. Положимъ, тамъ мы склонялись къ тому, что *комната*, какъ предметъ, помѣщающійся въ пространствѣ мѣста, можетъ быть сопоставлена съ такимъ же предметомъ (въ данномъ случаѣ съ *личностью*), а не съ *дѣйствіемъ*, представляемымъ въ пространствѣ *времени*, но правы ли мы были? И да, и нѣтъ. Что событіе можетъ быть «измѣряемо» только событіемъ, качество только качествомъ и т. д., это, конечно, совершенно правильно. Но не забудемъ, что напр. предлогъ *εἰς*, въ извѣстныхъ случаяхъ (именно, когда «предметъ» при немъ представляется *точкою*), выражаетъ просто «касательство», и хотя и тутъ, строго говоря, *физическаго* тѣла (т. е. чего то, помѣщаемого въ пространствѣ *мѣста*) можетъ касаться *опять* только *физическое* тѣло, событія — только событіе, качества — только качество и т. д., и хотя въ выраженіи, напр., *ἀμέλεια εἰς τὸν ἄνθρωπον* сама *ἀμέλεια* должна быть *олицетворена* для того, чтобы самое выраженіе могло состояться; но кто же, произнося его, *думаетъ* о подобномъ олицетвореніи? Не забудемъ, что и предлоги имѣютъ въ языкѣ свою *исторію*, и сознаніе ихъ *первоначальной* роли могло быть *ослаблено*. Въ этомъ *ослабленномъ* значеніи можно связать посредствомъ предлога «игру» (дѣйствіе, помѣщающееся въ пространствѣ *времени*) съ «комнатой» (предметомъ, помѣщающимся въ пространствѣ *мѣста*), но это, такъ сказать, *вторичное* явленіе языка. Склоняясь связывать «*мальчика*» съ «комнатой», мы *больше* считались съ *первоначальною* ролью предлоговъ.

Она заключалась въ удовлетвореніи примитивной потребности — *опредѣлять мѣстныя* и, пожалуй, временныя отношенія. Въ началѣ, конечно, эта роль ихъ сознавалась *живо и исключительно*, и всякое «отношеніе» *x, y, z . . .*, стоявшее *внѣ* опредѣленія *указанныхъ* двухъ отношеній,

казалось, не допускало употребленія предлоговъ, требуя *другихъ* средствъ для своего выраженія. Такая исключительность, конечно, обусловлена тѣмъ, что »отношенія« х, у, z... выступили также, какъ *примитивная* потребность, *одновременно* съ поводомъ, который вызвалъ къ жизни предлоги, когда творецъ языка не успѣлъ, такъ сказать, опомниться и привыкнуть къ мысли, что х, у, z... *соединимы* съ опредѣленіемъ мѣстныхъ и временныхъ отношеній и могутъ быть *также* удовлетворены предлогами. Нѣтъ сомнѣнія, что х, у, z... въ постепенномъ развитіи человѣческой мысли *дѣйствительно не заставили* себя долго ждать.

Человѣку приходилось сопоставлять *физическое* тѣло съ *физическимъ* тѣломъ, событіе съ событіемъ, чтобы опредѣлить мѣстныя и временныя отношенія: *οὐρανὸν* онъ сопоставлялъ съ *γῆ* для того, чтобы можно было сказать, что *οὐρανὸς* находится *надъ* *γῆ*, а *γῆ* находится *подъ* *οὐρανός*. А если вдругъ ему пришлось замѣтить, что на *οὐρανός*ъ или *ἐν* *οὐρανός*ъ (*οὐρανὸς* есть шаръ, или плоскость) что нибудь *»дѣлается«* или *»происходитъ,«* — если вдругъ у него являлось желаніе помѣстить на *»предметъ«*, представляемомъ имъ въ пространствѣ *мѣста*, событіе, представляемое имъ въ пространствѣ *времени*, — если *подъ οὐρανός*омъ онъ начиналъ представлять не *физическое* тѣло, имѣющее быть сопоставляемымъ съ *физическимъ* тѣломъ, а *мѣстный просторъ* для *временнаго дѣйствія*, что тогда? Тогда это могло показаться ему *новою* задачею для языка, и если гдѣ было мѣсто формамъ *οὐρανὸς*и, *οὐρανὸς*ев, *οὐρανὸν*δε, *) то именно здѣсь: *οὐρανὸς*и обозначало просторъ, *идѣ* происходитъ дѣйствіе, *οὐρανὸς*ев — просторъ, *откуда* ъеи, а *οὐρανὸν*де — просторъ, *куда* человѣкъ *поднимаетъ* свои *молящія* взоры, т. е. куда направляется и стекается его *»дѣйствіе«*. Да, мы думаемъ, что вопросы *идѣ-куда-откуда* прежде всего не искали удовлетворенія

*) Замѣчательно, что языкъ воспользовался для образованія формы на *δε* готовою *αἰτιατικῇ πτῶσι*, хотя не всегда, какъ это видно на формѣ *οἴκα*δε. Или *οἴκα* есть *αἰτιατικῇ πτῶσι*, образованная отъ предполагаемаго Nominativ'a *οἶ*? Такъ думаетъ Бругманъ (Grundr. II. 449.).

въ *обыкновенныхъ* падежныхъ формахъ. Но мы думаемъ также, что вопросы *идѣ-куда-откуда* не имѣли непосредственнаго отношенія и къ предлогамъ. Ибо хотя *ἐν* указываетъ на *»пробываніе«*, *εἰς* на *»придвиженіе«* и *ἐξ* на *»удаленіе,«* однако, если бы эти *»пробываніе,«* *»придвиженіе«* и *»удаленіе«* имѣли непосредственную цѣль удовлетвореніе вопросовъ *идѣ-куда-откуда*, и если бы въ такомъ удовлетвореніи состояло назначеніе *предлоговъ*, то, во первыхъ, языкъ не имѣлъ бы надобности въ другихъ предлогахъ кромѣ трехъ *указанныхъ*, и, во вторыхъ, не было бы того явленія, что напр. *»οἶ κατὰ χθονός»* обозначаетъ *»тѣ, что подъ землею,«* а *»κατὰ στήθος βαλεῖν«* — *»ударить по груди,«*; другими словами, на помощь предлогамъ не должны были бы являться *падежи*, которыми достигается не столько *отвѣтъ* на вопросъ *идѣ* или *куда*, сколько скорѣе *спеціальный* отвѣтокъ, котораго даже не имѣешь *въ виду*, когда ставишь вопросы *идѣ-куда-откуда*. Вотъ объ этомъ то *развѣтвленіи* вопросовъ *идѣ-куда-откуда* на *всевозможные* отвѣтки можно сказать, что оно имѣетъ *»непосредственное отношеніе,«* — однако, *не только* къ предлогамъ, но и къ *падежамъ*, которые къ нимъ присоединяются. Что же касается *самыхъ* этихъ вопросовъ *безъ* развѣтвленія ихъ на отвѣтки и *въ* *возможности* такого развѣтвленія, то они имѣютъ мѣсто *только* при обозначеніи вышеразъясненныхъ отношеній *простора* къ *дѣйствію*. Ихъ *три*, и на нихъ отвѣчаютъ *три* грамматическія формы. Такова наша, если не *ἐπιστήμη*, то *δόξα* о формахъ *οἶ-οἶεν-οἶε*. И игра въ *комнаты*, и *пαιδιά* въ *палестрѣ*, какъ *»дѣйствія«* въ *»просторѣ,«* должны бы вызвать въ языкѣ форму *οἶ* — *собственно*. А *несобственно*?

Какъ уже выше сказано (стр. 215), то, что творецъ языка первоначально считалъ *разнороднымъ*, въ послѣдствіи оказалось сводящимся къ однородному, и языкъ могъ *сокращать* свои средства. Сокращенію, однако, естественно предшествуетъ борьба за существованіе. Формы языка, изъ которыхъ какая нибудь одна оказывается лишнею, *вытѣсняя* другъ друга, стараются каждая занять господствующую роль,

и, такимъ образомъ, языкъ, хотя въ общемъ бѣдный, въ моментъ борьбы оказывается обладающимъ нѣсколькими средствами для выраженія «одного и того же», — роскошь, которую онъ сохраняетъ на долго, быть можетъ, и на всегда. Такъ случилось и здѣсь. Представленіе одного предмета какъ *простора*, а другого — какъ *дѣйствія*, было сведено къ представленію «сопоставленія предмета съ предметомъ» вообще, причемъ и *предлоги*, съ своей стороны, *тоже* понемногу привыкали къ новой роли — сопоставлять не физическое тѣло съ физическимъ тѣломъ (ради опредѣленія *мѣстныхъ* отношеній), и не событіе съ событіемъ (ради опредѣленія отношеній *временныхъ*), а именно «предметъ» съ «предметомъ» вообще, такъ что, *дѣйствительно*, въ выраженіи *ἀμέλεια εἰς τὸν ἀνθρώπον* о *разнородности* обозначенныхъ здѣсь «предметовъ» и о необходимости *привести* ихъ къ одному знаменателю путемъ *тропы* не нужно было и думать. Такимъ образомъ, рядомъ съ *Τροίηθεν* появлялось *ἐκ Τροίης*, рядомъ съ *οὐρανόθι* — *ἐν οὐρανῷ*, а вмѣсто того, чтобы говорить *παλαίστρῃθι*, говорили *παῖζειν ἐν παλαίστρᾳ*. Болѣе того: сами формы *Τροίηθεν* и *οὐρανόθι*, борovníя за свое существованіе, подчинились роли «*надежей при предлогахъ*», и рядомъ съ *ἐκ Τροίης* появляется *ἐκ Τροίηθεν*, рядомъ съ *πρὸ οὐρανοῦ* — *οὐρανόθι πρὸ* и т. д. Даже тамъ, гдѣ *предлоговъ* нѣтъ, появляются наши формы: *σέθεν δ' ἐγὼ οὐκ ἀλείψω χωρόμενης* (II. 9. 477).

Замѣчательное явленіе представляетъ въ этомъ случаѣ форма на *δε*. Въ формѣ *οὐρανόνδε* Омиръ уклонился отъ первоначальной ея роли именно лишь въ томъ смыслѣ, что обозначеніе *простора* для *дѣйствія* перевелъ на обозначеніе *сопоставленія предмета съ предметомъ*, что, съ другой стороны, *также* при ослабленіи сознанія первоначальной роли, выражалось при посредствѣ *предлога*. Въ виду этого, сознавая, что въ *первой* части формы *οὐρανόνδε* онъ имѣетъ дѣло съ *готовымъ* надежемъ, Омиръ придаетъ *второй* его части, т. е. самому *δε* роль *предлога* и какого-нибудь *новаго* предлога къ формѣ «*οὐρανόνδε*» не прибавляетъ,

т. е. не дѣлаетъ того, что мы выше замѣтили въ выраженіи *ἐκ Τροίηθεν*, или даже въ *οὐρανόθι πρὸ* (тутъ есть нѣкоторая *разница* между прибавленіемъ предлога *πρὸ* и предлога *ἐκ*; читатель, надѣмся, опредѣлитъ эту разницу самъ). Если мы и встрѣчаемъ II. т. 118 и п. 188 такое выраженіе какъ *ἐξ ἀγαγε πρὸ φόωδε* (= *вывелъ* = *произвелъ на свѣтъ*), то предлогъ *πρὸ* относится не къ *φόωδε*, а къ глаголу *ἐξ ἀγαγε*.*)

Σύν — *μετά*. *Σύν* указываетъ на то, что предметы, сопоставляемые при помощи этого предлога, съ *разныхъ концовъ***) сходятся въ одинъ пунктъ.

Въ предложенномъ опредѣленіи значенія предлога *σύν* мы уже, согласно выясненному, толкуемъ о «сопоставленіи предметовъ вообще», не считаясь съ *первоначальною* ролью предлоговъ. И хотя нетрудно вдуматься при предлогѣ *σύν* и въ его *первоначальную* роль, т. е. роль показателя сопоставленія физическихъ тѣлъ для обозначенія *мѣстнаго* отношенія (тогда *σύν*, какъ указывающее на собраніе предметовъ съ *разныхъ* концовъ, вызываетъ представленіе *движенія*, какъ его вызывалъ предлогъ *εἰς*), но обыкновенно мы при *σύν* думаемъ даже не о «сопоставленіи предметовъ вообще», т. е. не объ отнесеніи какого *угодно* предмета, напр. *качества*, къ какому *угодно* предмету, напр. *событію*, а о *сдѣланіи* чего нибудь, имѣющемъ въ виду известную *цѣль*. Мы могли бы сказать, что *σύν* указываетъ на соеди-

*) Это выраженіе, какъ известно, надѣлало уже древнимъ комментаторамъ много хлопотъ (смотри Homeri Ilias ed. La Roche, adnotatt. crit. ad п. 188 и т. 118, а также Ebeling Lex. Hom. sub voce δε). Наши комментаторы не затрудняются отнести *πρὸ* къ *ἐξ ἀγαγε* (Pierpon, Faesi и др.). Конечно, немного необычна postpositiv'ная постановка предлога *πρὸ*. Но намъ кажется, что если Омиръ могъ сказать *ἐν ἀριζὼν ἀπ' ἔντα* (II. п. 195), *τίθῃ πάρα πᾶσαν ἐδωδὴν* (Od. г. 196), *εἰ μὲν κε λίπω χάτα τεύχεα καλὰ* (II. г. 91) *ἔδαιτι νύζοντες ἀπο βροτόν* (II. г. 425), *τότε δ' ἔθῃ ἔχεν χάτα γαῖα* (разумѣя ея, Протесилая; II. β. 699), то онъ могъ сказать и *ἐξ ἀγαγε πρὸ* вмѣсто *προεξ ἀγαγε*, тѣмъ болѣе, что соединять «*проекъ*» какъ-бы въ одно слово Омиръ не привыкъ (у него встрѣчаются только соединенія *παρεξ*, *ὑπεξ*, *ἀπεξ*, *δισξ*). О предлогахъ при глаголахъ мы, впрочемъ, будемъ разсуждать ниже.

**) На выраженіи «*съ разныхъ концовъ*» мы настаиваемъ; оно нагляднѣе всего выступаетъ въ глагольныхъ сопроівахъ; сравни *διπύρχοντα*, *διπύχου* и т. д.

неніе »предметовъ,« и что это соединеніе преслѣдуетъ извѣстную цѣль.

Какая можетъ быть цѣль въ соединеніи предметовъ? Единственно та, чтобы эти »предметы« дѣйствовали заодно. И такъ какъ они должны, »дѣйствовать« заодно, то это должны быть не столько »предметы,« сколько скорѣе и преимущественно лица. Я говорю »преимущественно« въ виду того, что нельзя отрицать и возможность соединенія неодушевленныхъ предметовъ — прутьевъ напр. — въ одинъ пучекъ, причемъ цѣль выражена именно въ словахъ »въ одинъ пучекъ«: прутья должны составлять одинъ пучекъ (»составить изъ себя нѣчто цѣлое« значить тоже, какъ бы, »дѣйствовать заодно«).

Падежъ, приставляемый къ $\sigma\upsilon\nu$, бываетъ всегда дотихі. Поддерживая своимъ значеніемъ значеніе слова $\sigma\upsilon\nu$, или, какъ мы раньше выражались, идя навстрѣчу слову $\sigma\upsilon\nu$ для того, чтобы создать вмѣстѣ съ нимъ одну общую картину, онъ и долженъ съ своей стороны внести въ эту общую картину то, чего не могъ внести въ нее самъ предлогъ. Предлогъ $\sigma\upsilon\nu$ могъ указывать только на соединеніе предметовъ, т. е. только на движеніе ихъ съ разныхъ концовъ въ одинъ пунктъ, иначе онъ пересталъ бы быть предлогомъ (просимъ читателя вдуматься въ его первоначальную роль, какъ мы ее обрисовали выше), сама же цѣль, т. е. дѣйствование заодно, очевидно, выражена тѣ дотихі.

Мы сказали выше, что »дѣйствующими заодно« должны быть преимущественно лица. Нѣтъ сомнѣнія, что »олицетвореніе«, къ которому мы должны прибѣгнуть, чтобы оправдать это наше положеніе о лицахъ, на дѣлѣ практикуется при $\sigma\upsilon\nu$ въ довольно широкихъ размѣрахъ. Такъ, въ примѣрѣ » $\eta\ \kappa\tau\eta\sigma\iota\varsigma\ \tau\omega\nu\ \pi\iota\sigma\tau\omega\nu\ \xi\omicron\tau\iota\nu\ \omicron\upsilon\delta\alpha\mu\omega\varsigma\ \sigma\upsilon\nu\ \tau\eta\ \beta\iota\alpha$, $\alpha\lambda\lambda\alpha\ \mu\alpha\lambda\lambda\omicron\nu\ \sigma\upsilon\nu\ \tau\eta\ \epsilon\upsilon\epsilon\rho\chi\epsilon\sigma\iota\alpha$ « (Хен. Сугор. I. 3. 17) $\beta\iota\alpha$ и $\epsilon\upsilon\epsilon\rho\chi\epsilon\sigma\iota\alpha$ рисуются настоящими помощниками въ дѣлѣ пріобрѣтенія друзей.

Иначе нужно смотрѣть на предлогъ $\mu\epsilon\tau\acute{\alpha}$. Остановившіеся на этимологіи этого слова хотѣли усматривать въ немъ связь съ греческимъ $\mu\acute{\epsilon}\sigma\omicron\varsigma$ (Hartung Casus 39, Pott Etym.

Forsch. II. 151), слѣдовательно, и съ латинскимъ *medius*, а послѣднее, въ свою очередь, приводится въ связь съ русскимъ *межа* (Curtius Grundz 332). Но въ общемъ такая этимологія не находитъ поддержки. Чаше и несомнѣнно правильнѣе — слова $\mu\acute{\epsilon}\sigma\omicron\varsigma$, *medius*, *межа* принимаются за особую группу, не имѣющую ничего общаго съ $\mu\epsilon\tau\acute{\alpha}$ (Miklosich, Et. Wört. 185), самое же $\mu\epsilon\tau\acute{\alpha}$ одни считаютъ этимологически связаннымъ съ нѣмецкимъ *mit* (Delbrück Grundr. III. 734, Curtius Grundz. 209), а другіе разсматриваютъ еще иначе (Ebeling Lex. Nom. sub voce $\mu\epsilon\tau\acute{\alpha}$). Связано ли $\mu\epsilon\tau\acute{\alpha}$ съ словомъ *mit* или нѣтъ, во всякомъ случаѣ, оно указываетъ не на »собираніе съ разныхъ концовъ«, а только лишь на сосѣдство предмета съ предметомъ, причемъ мы слово *сосѣдство* понимаемъ въ болѣе широкомъ смыслѣ, когда предметъ не только дѣлается »смежнымъ« другому предмету, но и врывается въ него, раздвигая его по обѣимъ сторонамъ.

Что касается падежей при словѣ $\mu\epsilon\tau\acute{\alpha}$, то тутъ наблюдаются два рода явленій, рѣзко обособленные другъ отъ друга. Случаи *перваго* рода, это — тѣ, когда »сосѣдніе« въ какомъ бы то ни было смыслѣ предметы представляются идущими или находящимися вмѣстѣ, съ самаго начала, такъ что о моментѣ, когда они стали сосѣдними, нѣтъ и помину. Въ этомъ случаѣ у Омира (а у позднѣйшихъ поэтовъ, вѣроятно, лишь въ видѣ поэтическихъ *архаизмовъ*), встрѣчается не только та *уенихі*, которую мы видимъ у прозаиковъ, но и наряду съ нею *дотихі*. Поневоѣ призадумываешься, не чувствовалось ли въ старину какое нибудь различіе между этими падежами при $\mu\epsilon\tau\acute{\alpha}$, и не объясняется ли сведеніе ихъ у прозаиковъ къ одному падежу, быть можетъ, даже не обычнымъ стремленіемъ къ »упрощеніямъ«, а прямо таки потерей *сознанія* этого различія?

Замѣчательно, что у Омира *дотихі* встрѣчается вездѣ, гдѣ рѣчь идетъ не о »смежности«, а именно о нахожденіи предмета среди другихъ, причемъ эти другіе располагаются по обѣимъ сторонамъ врывающагося въ нихъ предмета. Такъ, у Омира считается уже разъ на всегда установившимся оборотомъ

μετὰ χερσὶν ἔχειν (напр. πηδάλιον, ср. Od. γ 286); известны также омировскія выражения ὅς κεν ἐπ' ἱματι τῷδε πέσῃ μετὰ ποσσὶ γυναικὸς (Π. τ. 110), μετὰ γαμφηλῆσιν, μετὰ γναμπτῆσι γένυσσι и т. п.

О томъ значеніи τῆς δοτικῆς, о которомъ мы толковали при σύν, въ приведенныхъ омировскихъ примѣрахъ нѣтъ и помину, какъ не могло быть рѣчи о немъ при ἐν. Это вполнѣ понятно, такъ какъ греческая δοτικὴ есть не *одинъ* падежъ, а сборная форма для *нѣсколькихъ* падежей (см. выше стр. 209).

Искать ли намъ при μετὰ и ту δοτικὴν, которую мы замѣтили при σύν, и которую мы пока будемъ называть »δοτικὴ при σύν«? Конечно, искать ее мы должны *прежде всего* у того же Омира, такъ какъ *прозаическій* языкъ при предлогѣ μετὰ совершенно вывелъ *всякую* δοτικὴν изъ употребленія. Не провозгласить ли за »δοτικὴν при σύν« тотъ dativ, который встрѣчается въ примѣрѣ ὄφρα δ' ἐγὼ μετ' Ἀχαιοῖσιν πολέμιζον (Π. ι. 352), и не толковать ли его въ такомъ смыслѣ: »*обокъ* съ Ахейцами и *вмѣстѣ* съ Ахейцами, *дѣйствуя* съ ними заодно«? Трудно, конечно, возражать тому, кто настаивалъ бы на толкованіи нашего примѣра въ смыслѣ »*посреди* Ахейцъ« и уравнивалъ бы его съ вышеприведеннымъ μετὰ χερσὶν. Есть даже соображеніе, по которому *последнее* толкованіе заслуживаетъ предпочтенія, но объ этомъ соображеніи рѣчь впереди.

Съ примѣромъ μετ' Ἀχαιοῖσιν πολέμιζον, равно какъ и съ выраженіемъ μετὰ χερσὶν (оттѣнокъ dativ'a въ μετὰ χερσὶν мы будемъ называть, *тоже* только пока, »δοτικὴ при ἐν«), — интересно сравнить мѣсто изъ Одиссеи (π. 140): ἦ καὶ Λαέρτη αὐτὴν ὁδὸν ἄγγελος ἔλθω δυσμόρῳ, ὅς τείως μὲν Ὀδυσσεὺς μέν' ἀχεύων ἔργα τ' ἐλόπτευσκε, μετὰ δμῶων τ' ἐνὶ οἴκῳ πίνε καὶ ἦσθε, ὅτε θυμὸς ἐνὶ στήθεσσι ἀνῶροι. Въ этомъ мѣстѣ, *вопервыхъ*, мы не усматриваемъ оттѣнка »δοτικῆς при ἐν«: поэтъ, вовсе не думая *выразительно* рисовать картину, будто Лаэртъ въ качествѣ *чужаго* элемента ворвался въ средину слугъ, такъ что они очутились *по обѣимъ сторонамъ* его, просто указываетъ

»на сосѣдство« (я не говорю — »на сосѣдей«) или, какъ выражаются по русски, *на среду*, въ которой находился Лаэртъ. Далѣе нѣтъ здѣсь и того оттѣнка »δοτικῆς при σύν«, который мы, — правильно ли, нѣтъ ли, — замѣтили въ примѣрѣ μετ' Ἀχαιοῖσιν πολέμιζον, и которымъ объясняли появленіе dativ'a послѣ μετὰ. Очевидно, важнымъ мотивомъ для появленія такой »δοτικῆς при σύν« нужно считать *равноправность* »дѣйствующихъ заодно *лицъ*«: если наше толкованіе примѣра μετ' Ἀχαιοῖσιν πολέμιζον было правильно, то ἐγὼ μετ' αὐτῷ будетъ по русски »*мы* вмѣстѣ съ нимъ«, т. е. »я да онъ, какъ *одинаковые* дѣятели«, тогда какъ ἐγὼ μετ' αὐτῶν обозначаетъ просто »я, находясь *по сосѣдству* съ ними« = »я, находясь въ такой то *средѣ*«, а эта мысль, какъ сказано, только и *выражена* въ нашемъ μετὰ δμῶων πίνε καὶ ἦσθε Λαέρτης. Нечего говорить, что если мы ослабимъ представленіе *равноправности* дѣятелей, то μετὰ τινος, при его смыслѣ »*по сосѣдству* съ кѣмъ«, окажется совершенно достаточнымъ для обозначенія *совмѣстной* съ кѣмъ *нибудъ дѣятельности*, и что омировское μετ' Ἀχαιοῖσιν πολέμιζον безъ *особеннаго* ущерба для смысла могло перейти въ утвердившееся *впоследствии* »μετ' Ἀχαιῶν ἐπολέμου«.

Изъ нашихъ разсужденій нетрудно усмотрѣть, что языку не было особенной надобности *удерживать* μετὰ съ δοτικῆς. Вмѣсто μετὰ съ »δοτικῆς при ἐν« можно было прямо ставить ἐν (μετὰ χερσὶν — все равно, что ἐν χερσὶν = *межъ* рукъ, какъ ἐν ἀνδράσι = *среди* мужей), а то и μεταξὺ (что, какъ ниже увидимъ, относится къ *совершенно* другой части рѣчи, чѣмъ μετὰ), или же *сложный* оборотъ ἐν μέσῳ (ἐν μέσῳ τῶν ποταμῶν). Что же касается оборота μετὰ съ »δοτικῆς при σύν«, то его не только можно было замѣнить *самимъ* σύν, но, какъ сказано, перевести, безъ *особеннаго* ущерба для дѣла, на оборотъ μετὰ съ γενική. Известенъ громадный трудъ Tycho Mommsen'a »Beiträge zu der Lehre von den griechischen Präpo-

sitionen«.*) Вопросъ тутъ идетъ о *σύν*, *μετά* и *ἄμα*. Объ *ἄμα* намъ самимъ пока рано разсуждать. Что же касается *σύν* и *μετά*, то мы вполне понимаемъ, что, когда конструкции *μετά* съ *δοτική* исчезли, выборъ оборота *σύν* съ *δοτική* и *μετά* съ *γενική* вполне зависѣлъ отъ вкуса времени и лицъ: *σύν* — таковъ результатъ изслѣдованія Mommsen'a, сообщенный имъ на 1ой же страницѣ. — gehört in guter Zeit fast nur der edlen Dichtersprache und dem Xenophon an, während *μετά* cum Genitivo fast nur bei Prosaikern zu finden ist oder in solchen Dichtern und Dichterstellen, welche sich der Prosa nähern.

Остается разсмотрѣть *другіе* случаи падежныхъ конструкций при *μετά*. Мы имѣемъ въ виду соединеніе предлога *μετά* съ *αιτιατική*.

Можно различить *четыре* типа въ общей семьѣ тѣхъ явленій, гдѣ *μετά* соединяется съ *αιτιατική*. Представителями этихъ типовъ могутъ послужить: 1. *πέμπειν μετά Κῆρον* — *ἵεναι μεθ' ὕδαρ*; 2. *μετά δέϊπνον* въ смыслѣ *послѣ обѣда*; 3. *μετά θεοῦς ψυχὴ θεϊότατον*; 4. *τοῖσι δὲ θυμὸν ἐπὶ στήθεσιν ὀρίεν μετὰ πληθύν* (Π. β. 142).

Въ примѣрахъ перваго типа говорится о *приближеніи* лица въ смежность съ предметомъ, съ тѣмъ чтобы этотъ предметъ поступилъ *весь* въ *полное* распоряженіе приближающагося къ нему лица. Какъ при *σύν*, обозначающемъ соединеніе предметовъ, *цѣль* этого соединенія выражена была *»δοτική* при *σύν*», такъ и при *μετά*, обозначающемъ смежность предметовъ, *цѣль* этой смежности выражена тѣ *αιτιατική*. Этою *цѣлью* въ *αιτιατική* оказывается *поступленіе предмета цѣликомъ въ чью нибудь власть*. Это, повидимому, и есть значеніе *τῆς αιτιατικῆς πτώσεως* самой по себѣ. Его можно прослѣдить и выше, не только въ примѣрѣ *τῶν δὲ τίχτει μήλα τελεσφόρον εἰς ἐνι-*

αὐτόν, когда мы принимаемъ *ἐνι αὐτόν* за линію, но и вообще во *всѣхъ »εἰς«*: если *εἰς* указываетъ на движеніе *внутри* предмета, то *αιτιατική*, съ своей стороны, *выставляетъ* обозначенный ею предметъ какъ *нѣчто*, поступающее въ *распоряженіе* движущагося *внутри* его *лица* или *»олицетвореннаго предмета*.

Мы вовсе не намѣрены отвергать и такое толкованіе *τῆς αιτιατικῆς*, въ силу котораго она, напр. во фразѣ *εἰς τὴν γῆν ἔπλεσεν ἡ λίθος*, обозначаетъ также *цѣль движенія*. Но, съ другой стороны, не думаемъ этимъ толкованіемъ поддерживать локалистовъ; напротивъ, принимая его, мы еще больше *разрушаемъ* ихъ теорію. Вопросъ въ томъ, является ли *»поступленіе предмета въ чье нибудь полное распоряженіе«* метафорою *цѣли движенія*, или же, наоборотъ, послѣднее нужно считать метафорою перваго? Рѣшить этотъ вопросъ на *исторической* почвѣ опять таки трудно. Исторія греческаго языка раскрыта передъ нами вообще лишь въ *послѣдней*, сравнительно очень небольшой стадіи его развитія, когда нашъ и подобные ему вопросы не только давнымъ давно были рѣшены, но, быть можетъ, при стремленіи языка *сократить* средства для выраженія мысли, даже перепутались между собою. Рѣшать нашъ вопросъ можно только на почвѣ *обще-философской*, а исходя отъ нея, нужно предположить, что *цѣль движенія* есть метафора *поступленія предмета въ чье-нибудь распоряженіе*.

Въ самомъ дѣлѣ, человекъ, живя, долженъ былъ прежде всего не только питаться, но и *сознавать*, что онъ питается, и *какъ* онъ питается. Онъ долженъ былъ срывать плоды съ деревьевъ, вырывать корни изъ земли, убивать животныхъ, иногда особо *приготавливать* для себя пищу, чтобы не принимать ее сырымъ, дѣлить ее съ другими, класть въ ротъ, жевать, проглатывать; неужели же, продѣлывая все это, — неужели, проглатывая напр. кусокъ мяса, онъ въ это время воображалъ, что производитъ какое то движеніе, на подобіе какого нибудь путешествія, и что проглатываемый кусокъ мяса есть конечная *цѣль* этого путешествія?

*) Трудъ этотъ, наконецъ, появился въ *завершенномъ* видѣ въ 1895 году. Это единственный трудъ о предлогахъ, который удостоенъ Дельбрюкомъ упоминанія въ его Grundr., причемъ онъ выставленъ als ein Muster geschichtlicher Bearbeitung, wie sie allen Präpositionen zu Theil werden sollte (Grundr. III. 645.)

Правдоподобнѣе предположить, что человекъ, не только самъ одушевленный, но и одушевлявшій всю природу, видѣлъ и въ себѣ, и кругомъ себя не движеніе и цѣль, а дѣятелей и подлежащее обработкѣ, побѣдителей и побѣждаемое, разрушителей и разрушаемое, зиждителей и матеріалъ, сносимый и обрабатываемый для строенія. Человекъ видѣлъ, что одно животное *ловитъ* другое и *пожираетъ* его, что животное *грызетъ* кору, *разрушаетъ* и *уничтожаетъ* то, что встрѣчается ему по пути, — иногда *просто* по дикости, а иногда и затѣмъ, чтобы *самому* не быть уничтоженнымъ, чтобы *самому* существовать. Солнце, по его представленію, производило не движеніе лучей, цѣлью которыхъ былъ онъ, человекъ, а просто его *грѣло*, морозъ его *леденилъ*, дождь его *мочилъ*, вѣтеръ его *обвѣвалъ* и т. д. Вѣроятно, онъ очень рано научился охотиться, и тутъ то онъ пускалъ стрѣлы, конечно, «въ звѣря» (онъ выражался тутъ какъ-нибудь въ *этомъ* родѣ; простая *αἰτιατική* не годилась, такъ какъ рѣчь идетъ не о *дѣйствіи*, цѣль котораго — уничтоженіе или созиданіе, а о придвиженіи *предмета* къ предмету, т. е. стрѣлы къ звѣрю), причемъ ему удавалось самого *звѣря* (тутъ уже наступаетъ простая *αἰτιατική*) и *застрѣлить*. Трудно исчерпать всѣ тѣ случаи, которые у *самаго* первобытнаго человека, *сознающаго*, конечно, что въ немъ и кругомъ него дѣлается, вызывали представленіе не *движенія* и его *цѣли*, а *дѣйствія* и «объекта» этого дѣйствія.

Дѣйствія, конечно, многочисленны и разнообразны. Одно изъ этихъ дѣйствій есть движеніе въ грубомъ значеніи этого слова, т. е. дѣйствительное переходеніе, въ пространствѣ времени, *съ мѣста на мѣсто*. И какъ движеніе въ этомъ смыслѣ есть особый видъ дѣйствія, такъ *цѣль движенія*, т. е. тотъ предметъ, къ которому нѣчто придвигается, могло представляться особымъ видомъ «объекта» дѣйствія. *Ищу*, *ловлю* можно принять за такое движеніе, а то, что я *ищу* или *ловлю*, представляетъ *цѣль* движенія. На томъ же основаніи, на которомъ русскій говоритъ *ловлю звѣря*, грекъ могъ сказать *λέναι πόλιν*, и римлянинъ — *eo*

Rotam. На томъ же основаніи и *eis*, «указывающее» на движеніе *во-внутрь* чего нибудь или *къ* какой нибудь точкѣ, — выражено ли при немъ это движеніе еще какимъ нибудь *λέναι* или нѣтъ, это все равно, — могло соединяться съ *αἰτιατική*.

Вотъ въ какомъ смыслѣ *цѣль* движенія представляетъ собою метафору «объекта дѣйствія» или, какъ мы выше выразились, «поступленія предмета *цѣликомъ* въ *чье* нибудь распоряженіе». Падежъ, *указывающій* на нѣчто какъ на «объектъ» дѣйствія, и есть наша *αἰτιατική πτῶσις*. Едва ли греки, придумывая для него терминъ *αἰτιατική*, имѣли въ виду глаголь *αἰτιάομαι*, и *неправильно* поступили латинскіе грамматикѣ, переводя греческое *αἰτιατική* черезъ accusativus.*) Скорѣе греки исходили отъ слова *αἰτία*, обозначающаго *причину*, т. е. причину *дѣйствія***) = *пред-*

*) Однако, къ *αἰτιάομαι*, наряду, впрочемъ, еще съ другимъ словомъ, именно съ словомъ *αἰτίομαι*, прибѣгали и схоласты Діонисія Фракійскаго для объясненія термина *αἰτιατική*. Смотри В. А. II. 362: κατὰ αἰτιασίν φησιν (разумѣя Діонисію) ἥτοι αἰτίαν, ἐπεὶ περ αὐτοῦ μὲν οἱ λαβεῖν τι ἢ αἰτιώμενοι ταύτην προφερόμεθα, ὥς ἂν εἰποῖς αὐτοῦ καὶ οὐδὲν αὐτοῦ καὶ πάλιν αἰτιώμαι Ἀρίσταρχον. Конечно, если такъ рассуждаетъ схоластъ, то это еще не значить, что такъ думалъ самъ изобрѣтатель этого термина. Черезъ объясненія схоластовъ мало ли что могло не только измѣлчать, но и совершенно потерять свой первоначальный, хотя бы очень глубокий смыслъ. Такова ужъ судьба всего, что переходить въ традицію не въ видѣ *полной, конструктивно раскрытой* теоріи, а въ видѣ простаго термина. — По поводу термина *αἰτιατική* Штейнталь указываетъ (Gesch. 622) на *Ἀπολλωνία Δίσκολα*, объясняющаго (de constr. I. 9) оборотъ *δι' Ἀπολλωνίου* словами *ὥς ἂν αὐτοῦ αἰτίου ὄντος*. Но если Штейнталь, приводя это мѣсто изъ Дискалы, имѣлъ въ виду какую нибудь связь между словомъ *αἰτίος* и *αἰτιατική*, то онъ сильно ошибается. Словами *ὥς ἂν αὐτοῦ αἰτίου ὄντος* Дискаль объясняетъ не терминъ «*αἰτιατική*», даже не значеніе Accusativ'a, а *просто* предлогъ *διὰ*, имѣя въ виду два разныхъ оборота этого предлога, — оборотъ съ Accusativ'омъ и оборотъ съ Genitiv'омъ: *διὰ Ἀπολλωνίου* — рассуждаетъ Дискаль тутъ же — имѣетъ смыслъ *ὥς εἰ γινώσκοντος Ἀπολλωνίου*, а смыслъ оборота *διὰ Ἀπολλωνίου* такой, «какъ если бы сказать, что онъ виновенъ». Когда Дискаль *дѣйствительно* занятъ Accusativ'омъ, а не предлогомъ *διὰ* (смотри de constr. III. 283—290, гдѣ онъ разбираетъ весь фразеологическій матеріалъ Accusativ'a), то онъ, не разъясняя нисколько термина этого падежа, постоянно только указываетъ на *παθητικήν διὰ φασιν*, какъ на нѣчто, имѣющее объяснять значеніе его.

**) Такъ понимаетъ дѣло и Trendelenburg (Accusativus 123), опредѣляя Accusativъ какъ casus, qui ad actionis effectum indicandum ratus est, ut eum non accusativum, sed potius effectivum vel causativum reddi oportuerit. Быть можетъ, эту *αἰτία* имѣетъ въ виду самъ Діонисій Фракійскій, когда гово-

метъ или объектъ дѣйствія. Мы бы назвали *αἰτιατικὴν πῶσιν* вещнымъ падежемъ, указателемъ *мертвого материала* для дѣйствія.*)

Итакъ, «вещный падежъ», какъ мы его впредь будемъ называть, возможенъ и при *ἵεναι* (*ἵεναι Τροίην*), не измѣняя своему значенію. Это не значитъ, что *εἰς* съ вещнымъ падежемъ *равняется* простому вещному падежу. *Εἰς* съ вещнымъ падежемъ, какъ предлоговый оборотъ, остается средствомъ для сопоставленія предмета съ предметомъ, а *простой* вещный падежъ остается падежемъ объекта дѣйствія. Во фразѣ *ἴασι ἐκεῖνοι εἰς τὴν πόλιν* приводятся въ извѣстное, — *мѣстное*, въ данномъ случаѣ, — отношеніе предметы *ἐκεῖνοι* и *πόλις*, причемъ вещный падежъ *πόλιν*, какъ падежъ объекта дѣйствія и *цѣли* движенія, идетъ навстрѣчу предлогу *εἰς*, который, съ своей стороны, «указываетъ» на движеніе *внутрь*, — на движеніе, которое въ нашей фразѣ еще разъ, въ болѣе общемъ смыслѣ, безъ отгѣнка «внутри», выражено словомъ *ἴασι*. Во фразѣ же *ἦσαν πόλιν* падежъ *πόλιν*, какъ падежъ объекта дѣйствія и *цѣли* движенія, своимъ значеніемъ идетъ навстрѣчу самому дѣйствию, заключающемуся въ *ἦσαν* и *ищущему*, по самой своей *сущности*, этого объекта дѣйствія или этой *цѣли* движенія. Конечно, вся разница заключается тутъ скорѣе въ *путяхъ*, которыми шла мысль въ каждой изъ этихъ фразъ, а не въ *результатъ*, который въ обѣихъ фразахъ въ данномъ случаѣ получается *одинаковый*.

Мы предупреждали читателя, что въ нашемъ толкованіи вещнаго падежа, какъ выразителя *цѣли* движенія, приобрѣтается вѣскій плюсъ, разрушающій локалистическую теорію падежей. Въ самомъ дѣлѣ, если *цѣль* движенія есть только *метафора* «объекта дѣйствія», и даже не метафора, а просто,

речь (В. А. II. 636): λέγεται δὲ ἡ μὲν ὀρθὴ ὀνομαστικὴ καὶ εὐθεῖα, ἡ δὲ γενικὴ κτητικὴ καὶ πατρικὴ, ἡ δὲ δοτικὴ ἐπισταλτικὴ, ἡ δὲ αἰτιατικὴ κατ' αἰτίαν, ἡ δὲ κλητικὴ προσαγορευτικὴ (Trendelenburg, Accusativus 123: itaque ἡ δὲ αἰτιατικὴ κατ' αἰτίαν nihil aliud significat nisi effectivum vel causativum ad causae rationem esse dictum).

*) Отъ представленія чего нибудь, какъ *причины* дѣйствія, къ представленію того же, какъ *предмета* или *объекта* дѣйствія, — недалеко.

какъ впоследствии оказалось, *отдельный видъ* «объекта дѣйствія»; если въ вещномъ падежѣ объ отвѣтѣ на вопросъ *куда*, какъ о *первоначальномъ* значеніи падежа, не можетъ быть рѣчи, то какъ же другіе падежи будутъ отвѣчать на вопросы *идъ* и *откуда*? Вопросы *куда*, *идъ* и *откуда*, какъ сказано, составляютъ *полный* логическій рядъ, а разъ *одинъ* изъ членовъ этого ряда не имѣетъ мѣста въ объясненіи падежей, то его теряютъ и другіе два члена.*) Они, съ одной стороны, *не могутъ* имѣть мѣста въ «обыкновенныхъ» падежахъ, а съ другой — могутъ его *не имѣть*, такъ какъ для нихъ выработались *особыя* формы *θι-θεν-δε*. Мы говоримъ, повторяю, о *первоначальномъ видѣ* организаціи языка, а не о томъ его состояніи, когда понятія съ понятіями *перемѣшивались*.

Возвратимся къ нашему *μετὰ* съ вещнымъ падежемъ и къ его «четыремъ типамъ». *Μεθ' ὕδαρ ἵεναι*, какъ сказано, значитъ «идти въ смежность съ водою, чтобы завладѣть ею».

Въ примѣрѣ «τοῖσι δὲ θυμὸν ἐνι στήθεσσι δρῖνεν παρὰ πληθύν» (II. β. 142) слово *μετὰ* — немного забѣгаемъ впередъ — употреблено такъ, что безъ особеннаго ущерба для смысла можно бы поставить и *κατά*. Если бы было поставлено *κατά*, то это указывало бы на *поверхность* всей толпы, и вещный падежъ былъ бы вполне понятенъ, такъ какъ *именно* весь предметъ попадалъ бы въ распоряженіе какъ самого *κατά* (и *ἐνι αὐτός* попадаетъ весь въ распоряженіе предлога *εἰς* въ примѣрѣ «εἰς ἐνι αὐτόν τιχτες τρίς μῆλα», если подъ *ἐνι αὐτός* понимать *лицо*), такъ и того «предмета», съ которымъ «*πληθύν*» сопоставляется при посредствѣ предлога *κατά* (здѣсь *этимъ* предметомъ является само *δρῖνεν*). Въ нашемъ примѣрѣ сказано «*μετὰ πληθύν*», т. е. выражено не «*по поверхности*, *всей* толпы», а «*по сосѣдству со всею* толпою», и имѣется въ виду *воздѣйствіе* τοῦ δρῖνεν θυμὸν, исходившаго отъ Агамемнона и *проходившаго* по всему этому «сосѣдству».

*) Со временемъ, впрочемъ, придется нѣсколько *ослабить* это разсужденіе.

Въ *μετὰ δεῖπνον* (временное «послѣ») и въ *μετὰ θεοῦς ψυχῇ θεϊότατον* («послѣ», указывающее на порядок слѣдованія одного предмета за другимъ по степени ихъ важности) вещный падежъ чувствуется въ смыслѣ указателя на нѣчто законченное, готовое, отходящее какъ-бы на задній планъ, смежно съ чѣмъ выступаетъ на сцену другое. Связь этого значенія вещнаго падежа съ только что объясненнымъ пока усмотрѣть трудно; придется выжидать новаго случая. Перейдемъ къ другимъ предлогамъ.

Πρό — ἀντί — πρός. Предлогъ *πρό* указываетъ на помѣщеніе чего нибудь *передъ* тѣмъ предметомъ, къ названію котораго онъ приставленъ, будь это въ смыслѣ *мѣстномъ*, или *временномъ*, или въ смыслѣ предпочтенія по *качеству*, или, наконецъ; въ смыслѣ счѣтнаго *порядка слѣдованія*. Падежъ ставится при этомъ предлогѣ *генической* (*πτῶσις γενική*).

Съ этимъ же падежемъ соединяется и предлогъ *ἀντί*. Для того, чтобы установить разницу въ значеніяхъ словъ *πρό* и *ἀντί*, нужно *олицетворить* предметы, которые «составляются» при посредствѣ этихъ предлоговъ, и тогда получается слѣдующее: при *πρό* лицо стоитъ или движется *передъ* другимъ лицомъ такъ, что глаза обоихъ направлены въ *одну* сторону (именно въ ту, въ которую направлено само *движеніе*, если только о движеніи идетъ рѣчь; сравни *πρὸ τῆς φάλαγγος ἀναβαίνει ὁ στρατηγός*), а при *ἀντί* лицо стоитъ *въ упоръ* другому (*ἀντὶ τῆς φάλαγγος ἔστηκε ὁ στρατηγός*). Метафористика въ словѣ *ἀντί*, конечно, другая, чѣмъ въ *πρό*. Становясь *въ упоръ* кому нибудь, я могу составить ему *противовѣсъ* (на чашкахъ вѣсовъ *пря* кладется *ἀντί* = въ *противовѣсъ* *вѣсу*), а *противовѣсъ* переходитъ въ *равенство* (сравни *compositum ἀντίθεος* = *богоравный*) и въ способность *замѣнить* что нибудь (*ἀντὶ τούτου* = *вмѣсто* этого).

Съ предлогомъ *ἀντί* слѣдуетъ сравнить предлогъ *πρός*. Не напрасно этимологи отождествляютъ греческое *πρός* съ славянскимъ *противъ* (Brugmann Grundr. I. 491). Но если *ἀντί* обозначало *въ упоръ*, то *πρός* — гораздо слабѣе.

Ἀντί относится къ *πρός*, какъ латинское *adversus* къ *versus*. Не *въ упоръ* стоимъ мы къ лицу, когда появляется въ латинскомъ языкѣ слово *versus*, не *бѣтсь* хотимъ мы съ этимъ лицомъ, не *парализовать* его дѣйствія, не *равняться* съ нимъ, не *замѣнять* его, а просто «поворачиваемся лицомъ» въ такую то сторону, къ такому то предмету. Въ этомъ смыслѣ, — въ смыслѣ *ослабленнаго*, сравнительно съ *ἀντί*, значенія, — можно бы съ греческимъ *πρός* сопоставить не столько русское *противъ*, сколько скорѣе *супротивъ* (метафористика этого *супротивъ* видна будетъ изъ отдѣльных примѣровъ). — Такъ какъ слово *πρός* соединяется и съ *γενική*, и съ *δοτική*, и съ вещнымъ падежомъ, то на немъ придется остановиться подольше.

Что касается явленій употребленія предлога *πρός* съ *γενική*, то ихъ можно обозрѣть по слѣдующимъ примѣрамъ: 1. ὥσπερ Χαλκὶς τῆς Εὐβοίας πρὸς τῆς Βοιωτίας κεῖται, οὕτω Χερσοννήσου κεῖται πρὸς τῆς Θράκης ἢ Καρδιανῶν πόλις (Dem. 23. 182); 2. πρὸς τῶν ἐχόντων, ὃ Φοῖβε, τὸν νόμον τίθης (Eur. Alc. 57); 3. Κροῖσος ἐλπίας πρὸς ἐωυτοῦ τὸν χρησμὸν εἶναι (Herod. 1. 75); 4. πρὸς ἀνδρὸς ἡ τέκνων φοβουμένη (Soph. Trach. 149); 5. πρὸς ἄλλης ἴστον ὑφαίνεις (Il. ξ 207); 6. πρὸς παίδων καὶ γυναικῶν καὶ θεῶν ἐκετεύω ὑμᾶς καὶ ἀντιβολῶ, ἐλεήσατέ με (Lys. 4. 20); 7. οὐκ ἦν πρὸς τοῦ Κύρου τρόπον ἔχοντα μὴ δίδοναι (Xen. Anab. I. 2. 11); 8. Καλλίας μοι δοκεῖ πρὸς Πρωταγόρου εἶναι (Plat. Prot. 336 d); 9. ὅτι δίκαιόν ἐστι καὶ πρὸς θεῶν καὶ πρὸς ἀνθρώπων τοῦτο πράξαι (Xen. Anab. I. 6. 6); 10. Ἀθηναίων ὄντα καὶ τὰ πρὸς πατρός καὶ τὰ πρὸς μητρός (Dem. 57. 17); 11. οὐ πρὸς σοφοῦ λατροῦ θρηνεῖν (Soph. Ai. 579); 12. τὰς ἡδονὰς πρὸς σοῦ λαβοῦσα ἐκτησάμην (Soph. El. 1295); 13. μή τις δόλος με πρὸς κασιγνήτου κτάνη (Eur. Phoen. 362); 14. λέγεται πρὸς σοφῶν.

Толковать приходится эти примѣры слѣдующимъ образомъ.

1. Въ какомъ смыслѣ Евбейская Халкида находится супротивъ Веотіи (= обращена къ Веотіи), въ такомъ Херсонисская Кардія находится *супротивъ* Θρακίи.

2. Ты, Фебъ, даешь законъ *супротивъ* имущихъ = поворачиваясь къ имущимъ = въ пользу (?) имущихъ. Вотъ метафористика слова *πρός*: если *ἀντί* обозначало *враждебное* отношеніе, то *πρός* указываетъ на отношеніе совершенно *противоположное*. Ярче выступаетъ это «отношеніе» въ непосредственно *смыдующемъ* примѣрѣ.

3. Крезъ полагалъ, что предсказаніе дано *супротивъ* него, что оно имѣетъ въ виду *его* = дано *въ пользу* его.

4. Она боится *супротивъ* мужа и дѣтей = поворачивая свои взоры къ мужу и дѣтямъ, она начинаетъ чувствовать страхъ = передъ мужемъ и дѣтьми ей страшно.

5. Ты ткешь пряжу *супротивъ* чужой = во вниманіе (?) къ чужой, — въ то время когда должна бы (?) ткать чужая, — по приказанію (?) чужой.

6. Умоляю васъ, *супротивъ* дѣтей, женъ и боговъ, сжалитесь надо мною! = въ виду = ради дѣтей, женъ и боговъ.

7. Не было *супротивъ* характера Кира, когда самъ имѣлъ, не давать другимъ = не мирилось съ характеромъ Кира.

8. Каллій, кажется, сталъ *супротивъ* Протагора = обращается къ Протагору = держитъ сторону Протагора.

9. Сдѣлать то, что *супротивъ* боговъ и людей справедливо = что справедливо передъ богами и людьми.

10. Онъ Аѳинянинъ и *супротивъ* отца, и супротивъ матери = онъ Аѳинянинъ и со стороны отца, и со стороны матери.

Приостановимъ пока толкованіе примѣровъ. Во всѣхъ тѣхъ, которые мы разъяснили до сихъ поръ (нѣкоторое сомнѣніе возбуждаетъ *пятый* примѣръ, если, то есть, принять толкованіе «по приказанію»), — во всѣхъ ихъ представленная къ *πρός γενική πτώσις* ничего не прибавляетъ отъ себя къ общей картинѣ, выраженной всѣмъ этимъ предлоговымъ оборотомъ. Въ ней, въ этой *γενική πτώσις*, не чувствуется никакого *спеціального* оттѣнка, — ничего, похожего на то, на что мы указывали въ вещномъ падежѣ

вообще, а въ *δοτική* — тамъ, гдѣ она соединялась съ *σύν*; всѣмъ разнообразіемъ, которое мы замѣчали въ нашихъ примѣрахъ, мы обязаны метафористикѣ самого *πρός*. То же самое мы должны сказать о *γενική πτώσις* при *πρό* и *ἀντί*. Въ предлогѣ *μετά* мы также можемъ увидѣть, что коль скоро нѣтъ мѣста спеціальному оттѣнку, вызываемому вещнымъ падежемъ, коль скоро *μετά* съ одною *δοτική* *совсѣмъ* исчезло, будучи замѣнено предлогомъ *ἐν* съ *δοτική*, а въ *μετά* съ *другою* *δοτική* ослабленъ былъ спеціальный оттѣнокъ самой *δοτική*, на сцену тотчасъ выступила *γενική πτώσις*. Въ этомъ отношеніи *γενική πτώσις* представляется *истинно* геническою, *родовою*. сравнительно съ вещнымъ падежемъ и, если не со *всякою* *δοτική* *вообще* (*пока*, по крайней мѣрѣ, утверждать что нибудь подобное было бы опрометчиво), то во всякомъ случаѣ съ «*δοτική* при *σύν*».

Это то *родовое*, противоположное спеціальному (*γενικόν*, противоположное *τῷ εἰδικῷ*), греки, повидимому, и имѣли въ виду, когда созидали терминъ для нашего падежа. Латинскіе грамматикіи едва ли поняли грековъ, назвавъ этотъ падежъ Genitiv'омъ. Да и сами греки утратили это пониманіе. Діонисій Θρακίѣскій сообщаетъ, что *γενική* называется также *κτητική* и *πατρική*, а схолиастъ не нашелъ замѣтить по этому поводу ничего иного, кромѣ того, что *τὴν πτώσιν ταύτην* *εἶπε* (разумѣй Діонисій) *κτητικὴν καὶ πατρικὴν*, *ὅτι πᾶν κτητικὸν ἢ πατρωνυμικὸν ἀπὸ γενικῆς ἐστὶ καὶ εἰς αὐτὴν ἀναλύεται* (В. А. II. 862). Аполлоній Дисколъ (de constr. I. 62), толкуя о такъ называемомъ «притяжательномъ» мѣстоименіи, указываетъ на то, что *πᾶσα κτητικὴ ἀντωνυμία μετὰ τοῦ κτήματος εἰς γενικὴν ἀναλύεται*, и объясняетъ это *τῇ κτητικῇ ἐννοίᾳ τῆς γενικῆς πτώσεως*, а при разборѣ значенія *τῆς γενικῆς πτώσεως* по *φразеологическому* матеріалу (de constr. IV. 290–4) ограничивается указаніемъ на ту же *κτητικὴν ἐννοιαν* (по поводу оборотовъ *ἄρχω τινός* и т. п.) и на *αὐτοπάθειαν* въ genitiv'ныхъ дополненіяхъ въ противоположность *τῇ ἐνεργείᾳ* въ accusativ'ныхъ дополненіяхъ (сравнивается оборотъ *φιλῶ σε* съ оборотомъ *ἐρῶ σου*).

Присцианъ (V. 13. 72), правда, перевелъ слово γενική словомъ *generalis*, но объясненіе, которое онъ даетъ по этому поводу, — неправильно (*generalis esse videtur hic casus, ex quo fere omnes derivationes et maxime apud Graecos solent fieri*). Неправильно оно потому, что ставитъ дѣло на *этимологическую* почву, между тѣмъ какъ терминъ γενική, очевидно, — терминъ *давній* (иначе онъ не былъ бы такъ плохо понятъ греческими грамматиками-техниками) и принадлежитъ *стоикамъ*, а стоики были философами-синтаксистами, а не этимологами. Schömann (γενική I. 84), по нашему, совершенно правъ, понимая γενικήν πτωσίῳ въ томъ смыслѣ, что der Genitiv das Allgemeine der Casusbedeutungen in sich vereinige (разумѣй значенія косвенныхъ или, какъ мы выражаемся, *настоящихъ* падежей). Напрасно Schmidt (Karl Ernst) возстаетъ противъ такого пониманія термина γενική. Schmidt, самъ смѣшивая «родовой» падежъ (такъ мы его будемъ называть и впредь) съ Ablativ'омъ, т. е. съ чужою функциею, которую родовой падежъ только присоединилъ къ своей собственной, обращаетъ вниманіе на то, что 1. die γενική πτωσίς mit Präpositionen verbunden wird, die sich auf den Ausgang beziehen; 2. die γενική πτωσίς mit Adverbien dieses Sinnes (т. е. съ нарѣчіями, обозначающими Ausgang) dergestalt wechselt, dass man von Worten derselben Form nur um ihres Stammes willen in einem Falle sagt, sie seien Adverbien, die das Woher angehen, im anderen — sie seien Genitive; 3. die sogenannten partitiven Genitive ebenfalls das aussprechen, aus dem ein anderes kommt. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній онъ полагаетъ, что черезъ γενική πτωσίς обозначается нѣчто, aus dem etwas hervorgehe (Beiträge 328), и призываетъ разныхъ комментаторовъ древней грамматико-философской терминологіи, даже Глику, во свидѣтели того, что стоики имѣли въ виду при γενική πτωσίς γένος — γέννημα — das Werden.

Все это разсужденіе, быть можетъ, читатель найдетъ правильнымъ и только въ одномъ потребуеъ отъ насъ объясненій. Εἰς — скажутъ намъ — въ большинствѣ случаевъ

тоже не приобретаетъ ничего въ присоединяемомъ къ нему вещномъ падежѣ, какъ не приобретало πρὸς въ своемъ родовомъ падежѣ. Εἰς, обозначая движеніе *внутрь* предмета, этимъ самымъ рисовало съ достаточною интенсивностью и картину *завладѣванія* предметомъ, и вмѣсто вещнаго падежа съ удобствомъ могъ быть поставленъ при немъ падежъ родовой.

Такое возраженіе отчасти справедливо, но только отчасти. Если бы вмѣсто εἰς поставить εἰς ω, то, дѣйствительно, оборотъ εἰς τὴν γῆν сейчасъ превратится въ εἰς ω τῆς γῆς. Но дѣло въ томъ, что εἰς ω — не предлогъ (какая часть рѣчи εἰς ω, объ этомъ ниже), а εἰς — предлогъ. Такъ и слово *убилъ*, само своимъ значеніемъ предполагающее *объектъ дѣйствія* и *тоже*, въ сущности, ничего не выгадывающее изъ присоединенія къ нему *вещнаго* падежа, все же, однако, дополняется именно *этимъ* падежемъ, тогда какъ слово *убійца* принимаетъ къ себѣ падежъ *родовой*. Вообще, когда *есть* на лицо падежъ съ специальнымъ отгѣнкомъ, и этотъ же специальный отгѣнокъ выраженъ въ словѣ, «*требуемомъ*» вообще падежа, то языкъ распоряжается и такъ, и иначе: онъ или *повторяетъ* этотъ специальный отгѣнокъ въ падежѣ и вообще *поддерживаетъ* значеніемъ падежа значеніе слова, присоединяющаго къ себѣ этотъ падежъ, или же дѣйствительно, какъ то требуется возражающими, ставитъ общій родовой падежъ. Но при этомъ языкъ строго различаетъ части рѣчи. При простыхъ существительныхъ именахъ, напр., онъ ставитъ общій родовой падежъ, а при глаголахъ, глагольныхъ именахъ, глагольныхъ *признаковыхъ* и, какъ оказывается, при *предлогахъ* — *повторяетъ* въ падежѣ тотъ специальный отгѣнокъ, который обозначенъ въ *дополняемыхъ* этимъ падежомъ и *поименованныхъ* здѣсь частяхъ рѣчи. Разумѣется, если въ значеніи *дополняемаго* слова *совсѣмъ* нѣтъ этого специального отгѣнка, и въ *пополняющемъ* его падежѣ онъ является *плюсомъ*, *необходимымъ* для общей картины, то не имѣетъ мѣста само *возраженіе*, вызвавшее настоящее объясненіе, а слѣдовательно, нечего считаться и съ «*объясненіемъ*».

Предупреждаемъ, впрочемъ, что это объясненіе — не полно, что оно дано *только* ad hoc. А теперь будемъ продолжать разборъ нашихъ четырнадцати примѣровъ на *πρὸς* съ *уеиηή* (смотри выше стр. 261).

Изъ приведенныхъ на стр. 261 примѣровъ остались неразобранными четыре: *οὐ πρὸς σοφοῦ ἱατροῦ θρηνεῖν, τὰς ἡδονὰς πρὸς σοῦ ἔλαβον, δόλος πρὸς κασιγνήτου κτείνει με, λέγεται πρὸς σοφῶν*. Какъ же ихъ толковать? Оставаясь при томъ способѣ толкованія, который мы примѣнили къ другимъ десяти примѣрамъ, мы получимъ слѣдующія выраженія: *супротивъ* мудраго врача нѣтъ плача (со стороны, обращенной къ мудрому врачу, плача нѣтъ); я испытывала радость *супротивъ* тебя (со стороны, обращенной къ тебѣ, я получила радость — у тебя я нашла радость для себя); коварство, что *супротивъ* брата, убиваетъ меня; *супротивъ* мудрецовъ (съ той стороны, которая обращена къ мудрецамъ) ходятъ разсужденія. Правильно ли будетъ это толкованіе? Отвергать его нѣтъ основанія, хотя, кажется, въ немъ не съ достаточною ясностью передана та, несомнѣнно заключающаяся въ нашихъ примѣрахъ, сторона мысли, что *плачь* (*θρηνεῖν*), *радость* (*ἡδοναί*), *коварство* (*δόλος*) и *разсужденія* (*τὸ λέγεσθαι*) исходятъ непосредственно отъ врача (*ἱατρός*), отъ *тебя* (*σύ*), отъ *брата* (*каσιγνήτος*) и отъ *мудрецовъ* (*σοφοί*). Скажутъ, что наше исканіе болѣе яснаго выраженія *этой* стороны мысли есть не болѣе, не менѣе какъ желаніе навязать родовому падежу, — во что бы то ни стало и какъ можно скорѣе, — функцію другого падежа, — желаніе, объясняемое, быть можетъ, тѣмъ, что мы сами уже слишкомъ привязались къ мнѣнію о принятіи имъ на себя функции Ablativ'a, а теперь не можемъ дожидаться появленія въ немъ этой функціи, хотя сами еще не знаемъ, что такое, собственно, этотъ Ablativ и, если мы его примемъ, — внесетъ ли онъ въ наши примѣры искомую нами «ясность»^{*)}.

^{*)} Главнымъ, конечно, во всемъ этомъ разсужденіи остается вопросъ, нужна ли эта «ясность». Греческое *ἔλαβον πρὸς σοῦ τὸ δεῖνα* мы можемъ перевести по русски «я взялъ у тебя то-то», и никто не будетъ пскать того непосредственно удаленія предмета отъ лица *ты* (*σύ*), внесение котораго въ мысль мы именно и имѣемъ въ виду, когда думаемъ объ ablativ'ной функціи родового падежа.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое Ablativ? *Настоящій* Ablativ, т. е. дѣйствительная этимологическая форма Ablativ'a, сохранилась въ греческомъ языкѣ, какъ то признано этимологами,^{*)} въ формахъ *καλῶς, σαφῶς, ἀκριβῶς* и т. п. Что эти формы суть имена *существительныя*, это мы въ свое время докажемъ. Что же онѣ могли обозначать при первоначальной организаціи языка? Удаленіе предмета отъ предмета? Для этого существовали предлоги, соединяющіеся либо съ родовымъ падежемъ, либо съ падежомъ «спеціальнымъ», смотря по тому, *нуженъ ли* имъ, или *не нуженъ* въ общей картинѣ какой нибудь спеціальнотѣнокъ, котораго сами предлоги выразить *не могутъ*, а иногда — въ зависимости отъ того, *имѣется ли*, или *не имѣется* въ падежахъ тотъ спеціальнотѣнокъ, который сами они *выражаютъ*. Но, быть можетъ, Ablativ обозначаетъ «исхожденіе событія изъ простора»? Для этого первоначально существовали формы на *θεν*, а когда онѣ исчезли, то роль ихъ переняли опять таки *предлоги*, при которыхъ «исхожденіе событія изъ простора» превратилось въ «удаленіе предмета отъ предмета». Единственное, что могъ выражать Ablativ при первоначальной организаціи языка, это — *этическое* начало дѣйствія: *ποιεῖ καλῶς* значить «онъ дѣйствуетъ, исходя отъ прекраснаго». Конечно, когда впослѣдствіи грамматическія средства *перепутывались* между собою и, въ связи съ этимъ, *перемѣнивались* между собою и *понятія*, для которыхъ эти грамматическія средства первоначально были предназначены, легко могло стать, что

^{*)} Brugmann (Grundr. I. 589): Inwieweit im Griechischen die Adverbia der Art und Weise wie *τῶς, ὁδε, ὧς, οὕτω, οὕτως, καλῶς*, nach deren Analogie die Formen von Nicht — ο — Stämmen wie *διαφερόντως, βαρέως, σαφῶς* geschaffen waren, hierher (т. е. къ Ablativ'y singularis) gehören, oder instrumentalis singularis auf idg. *ō* waren, ist schwer zu sagen, da die Bedeutung sich ebenso gut aus ursprünglicher ablativischer Function als auch aus ursprünglicher instrumentaler Function ableiten lässt. — Delbrück (Grundr. III. 559): Sodann stelle ich hierher (т. е. къ Ablativ'y singularis) die Formen auf *ως*. Ich weiss wohl, dass noch lautliche Bedenken bestehen, aber die Uebereinstimmung des *Gebrauches* zwischen *tād* (а это несомнѣнный Ablativ, въ которомъ Дельбрюкъ, какъ сообщено на стр. 236, видитъ den Ausgangspunkt der Handlung) und *τῶς, γὰρ* und *ὧς* scheint mir zwingend.

первоначальное значение Ablativ'a, именно «этическая исходная точка дѣйствія», такъ сказать, *огрубѣло*, если только это огрубѣніе *нужно* было языку (*τοῦτο μέντοι οὐχ ὡς εἰδῶς ἀποφαίνομαι, ἀλλ' ἰνδάλλεται μοι ἡ γλῶσσα τοιοῦτό τι παθεῖσα*, сказалъ бы Платонъ).

Нужно ли оно? — въ этомъ весь вопросъ. При предлогѣ «*πρός*» особенной надобности въ немъ нѣтъ. Да и вообще ея въ греческомъ языкѣ *пока* не видать. Въ славянскомъ языкѣ она какъ то больше бросается въ глаза. Предлогъ «*съ*» дополняется разными падежами: говорятъ «*съ нимъ* не справиться», «огурецъ *съ гору*» и «летитъ *съ крыши*». О «творительномъ» падежѣ въ первой фразѣ мы пока разсуждать не можемъ, фразу *огурецъ съ гору* мы понимаемъ такъ, что огурецъ, поставленный *тѣсно* *возмъ* (= *съ*) горы, занимаетъ всю высоту горы (потому и вещный падежъ), а *летитъ съ крыши* есть ужъ не «этическая точка исхода» дѣйствія, а несомнѣнное *удаленіе* предмета отъ предмета. Это удаленіе внесено въ рѣчь не *предлогомъ* «*съ*», такъ какъ этотъ предлогъ указываетъ *только* на отсутствіе промежутка между однимъ предметомъ и другимъ; оно внесено несомнѣнно *падежемъ*, именно *родовымъ* падежемъ «крыши», а это значитъ, что въ *славянскомъ* языкѣ *нужно* признать за *родовымъ* падежемъ, кромѣ его обще-родоваго характера, еще и специальный, а именно «огрубѣвшій» *ablativ'ный* отгѣнокъ. Если его почему-нибудь необходимо будетъ признать за *греческимъ* родовымъ падежемъ,* то казалось бы, что его можно примѣнить и къ нашимъ четыремъ примѣрамъ съ *πρός*: *οὐκ ἔστι θρηρεῖν πρὸς σοφοῦ ἰατροῦ* = не ожидаешь плача *отъ* мудраго врача,**) *ἡδονὰς πρὸς σοῦ ἔλαβον* = я получила удовольствіе *отъ* тебя; *δόλος πρὸς κασιγνήτου* *ἵκτειναι* *με* = коварство, исходящее *отъ* брата, убиваетъ меня; *λέγεται πρὸς σοφῶν* = разсужденія исходятъ *отъ*

*) Предлогъ *ἐξ* на эту необходимость не указываетъ: указывая самъ на удаленіе предмета отъ предмета, онъ не нуждается въ специальномъ, «огрубѣвшемъ» *ablativ'номъ* отгѣнкѣ падежа.

**) Собственно: не ожидаешь плача *супротивъ* мудраго врача и *отъ* него; первое (*супротивъ*) пришлось бы видѣть въ *предлогѣ*, а второе (*отъ*) — въ *падежѣ*.

мудрецовъ. Тогда и выраженіе *πρὸς ἄλλης ὑφαίνεις* (II. § 207), если его толковать въ смыслѣ «*ткешь по приказанію* чужой», представляло бы примѣръ *ablativ'наго* отгѣнка родоваго падежа (твоя работа идетъ *отъ* чужой). Не можемъ умолчать о томъ, что соображеніе, на которое мы намекали при разборѣ примѣра *μετ' Ἀχαιοῖσιν πολέμιζον* (стр. 252), выступаетъ и здѣсь, и что въ виду *его* едва ли можно будетъ согласиться на «огрубѣвшій» *ablativ'ный* отгѣнокъ въ нашихъ примѣрахъ. Сообщить это соображеніе будетъ болѣе уместно ниже.

Но *πρός* соединяется еще и съ *δοτική*. Въ примѣрахъ на *πρός* съ *δοτική* мы должны различать три типа явленій: *ἄσέν με πρὸς ἑταροῖσι κακοῖσιν ἕλνος σχέτλιος* (Od. κ. 68); *ὡς ὁ Αἰῶς κατασφαγεῖν πρὸς τριπλαῖς ἀμαξιοῖς* (Soph. Oed. г. 130); *μή πῶς μ' ἐμβαίνοντα βάλῃ λίθαι ποτὶ πέτρῃ κῆμα μετ' ἀρπάξαν* (Od. ε. 415).

Въ первомъ примѣрѣ, пожалуй, опять таки можно было бы усмотрѣть «*δοτικὴν*» при *сύν*», какъ мы ее усматривали въ *μετ' Ἀχαιοῖσιν πολέμιζον*: сбиль меня *сонтъ* *супротивъ* злыхъ товарищей и *наравнъ* *съ* *ними* (*супротивъ* достигалось бы *предлогомъ*, а *наравнъ* — падежемъ). Обыкновенно передаютъ разбираемый нами предлоговый оборотъ черезъ русское *вдобавокъ къ чему* (*πρὸς τούτῳ* = *вдобавокъ къ* этому, т. е. *кромѣ* этого). Конечно, выраженіемъ *вдобавокъ къ чему* какъ нельзя лучше указывалось бы на «добавляемое», какъ на совершенно *равноправное* съ «*пополняемымъ*» этою «добавкою». Но тутъ *опять* выступаетъ то же «соображеніе».

Въ другихъ двухъ изъ приведенныхъ нами примѣровъ на *πρός* съ *δοτική* (Soph. Oed. г. 130 и Od. ε. 415) нѣтъ отгѣнка «*δοτικῆς*» при *сύν*», а есть отгѣнокъ «*δοτικῆς*» при *ἐν*». Когда мы устанавливали терминъ «*δοτικὴ*» при *ἐν*», — терминъ лишь *временный*, — то мы еще не знали того чрезвычайно важнаго положенія, что предлоги принадлежатъ къ тѣмъ частямъ рѣчи, которыя, если *имѣется* падежъ съ специальнымъ отгѣнкомъ, выражаемымъ самими ими, то они соединяются съ *этими* падежемъ, а не съ общимъ

родовымъ. Если въ выраженіи $\epsilon\nu\tau\eta\gamma\eta$ нѣтъ отбѣнка » $\delta\omicron\tau\iota\chi\eta$ при $\sigma\acute{\upsilon}\nu$ «, и если » $\epsilon\nu$ « всетаки соединяется съ $\delta\omicron\tau\iota\chi\eta$, а не съ общимъ родовымъ падежомъ ($\epsilon\nu\tau\acute{o}s$, какъ »нарѣчіе«, соединялось бы уже съ общимъ родовымъ падежомъ), то это значитъ, что $\delta\omicron\tau\iota\chi\eta$ при $\epsilon\nu$ заключаетъ въ себѣ тотъ же спеціальнѣйшій отбѣнокъ, на который указывается и въ $\epsilon\nu$. Мы здѣсь имѣемъ въ виду local'ную функцію греческой $\delta\omicron\tau\iota\chi\eta$ (сравни выше стр. 210.).

Что такое localis? Гдѣ сохранилъ его греческій языкъ въ его настоящемъ, этимологически самостоятельномъ видѣ, и каково его первоначальное значеніе? Слова $\omicron\iota\chi\omicron\iota$, $\chi\alpha\mu\alpha\iota$, — вотъ этимологически самостоятельные local'ы. Но эти слова симиологически чувствуются какъ указатели простора, гдѣ что нибудь происходитъ, а это, казалось бы, не настоящая ихъ функція, а функція чужая, перенятая ими (вслѣдствіе »стремленія къ сокращенію грамматическихъ средствъ«) отъ собственно-просторовыхъ формъ на $\theta\iota$. Такимъ образомъ, формы $\omicron\iota\chi\omicron\iota$, $\chi\alpha\mu\alpha\iota$ и т. п. оказываются не особенно выгодными при опредѣленіи первоначальнаго значенія local'a. Другихъ словъ, болѣе удобныхъ, положительно не находишь въ греческомъ языкѣ, по крайней мѣрѣ, — не съ перваго разу.

Въ славянскомъ языкѣ имѣется во всѣхъ группахъ склоненія особый, этимологически отчеканенный localis, но только мы, чувствуя его лишь во вторичной роли, обыкновенно даже не называемъ его »мѣстнымъ« падежомъ, а приписываемъ къ нему терминъ »предложный падежъ.« Въ такой роли (т. е. въ роли падежа, соединяющагося съ предлогами и употребляющагося исключительно для »сопоставленія предмета съ предметомъ«) даже не желательно его изслѣдовать, такъ какъ мы тутъ не находимъ характерныхъ чертъ, которыми онъ въ свою очередь шелъ бы навстрѣчу предлогамъ для пополненія той картины, которую долженъ нарисовать весь предлоговый оборотъ. Мы говоримъ — »нѣтъ характерныхъ чертъ«, кромѣ, пожалуй, одной: это — та, которая отличаетъ старинный славянский local, употреблявшійся самостоятельно т. е. безъ предлоговъ. Въ ста-

рину говорили Киевъ, лѣтъ и т. д. Но это опять таки не больше, не меньше какъ то же просторовое значеніе греческихъ $\chi\alpha\mu\alpha\iota$ $\omicron\iota\chi\omicron\iota$ и т. п. *) Этимъ просторовымъ значеніемъ, т. е. самымъ тѣмъ гдѣ, которое въ немъ заключается, нашъ »предложный« падежъ дѣйствительно идетъ навстрѣчу предлогамъ (напр. въ $\rho\eta\kappa\eta$), точно также какъ вещный падежъ часто шелъ навстрѣчу предлогамъ своимъ куда (напр. въ $\rho\eta\kappa\upsilon$), однако это »куда« было лишь метафорой »объекта дѣйствія«, а »гдѣ« можетъ ли быть выведено какъ метафора чего-нибудь?

Но, можетъ быть, намъ слѣдуетъ принимать это просторовое значеніе на вопросъ гдѣ за первоначальное значеніе local'a? Нѣтъ. Тогда мы очутились бы въ томъ же заколдованномъ кругу, изъ котораго уже нѣсколько разъ старались выйти. Тогда и между остальными падежами пришлось бы отыскивать такіе, въ которыхъ просторовыя значенія на вопросы куда и откуда можно бы провозгласить за первоначальныя (вопросы гдѣ, куда и откуда не могли не пользоваться »первоначально« однородными средствами языка. **) Но такихъ падежей, — не говоря о томъ, что, найди мы ихъ, формы на $\theta\iota$ - $\theta\epsilon\nu$ - $\delta\epsilon$ потеряли бы всякій смыслъ, — положительно нѣтъ. Не провозглашать же просторовое значеніе на вопросъ откуда за первоначальное въ Ablativ'ѣ, такъ какъ, напр., въ славянскомъ языкѣ — Ablativ'a не то что »первоначально«-просторового, а вообще никакого нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ склоненіяхъ славянскаго языка не видать особыхъ формъ Ablativ'a, а въ просторовомъ смыслѣ на вопросъ откуда онъ всегда прибѣгаетъ къ предлогамъ. А между тѣмъ, будь просторовое значеніе первоначальнымъ значеніемъ Ablativ'a, — этотъ про-

*) Въ просторовомъ значеніи можно встрѣтить въ греческомъ языкѣ даже »этимологически неотчеканенные« local'ы. Сравни: $\Delta\eta\lambda\phi\delta\epsilon\nu\epsilon\omicron\nu\epsilon\rho\nu\omicron\varsigma\delta\epsilon\nu\epsilon\rho\chi\omicron\theta\epsilon\nu\omicron\nu\epsilon\nu\omicron\theta\eta\sigma\alpha$ (Od. ξ . 224). Собственно, даже не знаешь, принимать ли $\Delta\eta\lambda\phi$ за просторъ, гдѣ происходило $\delta\epsilon\nu\epsilon\rho\chi\epsilon\theta\alpha\iota$, или даже за нѣчто, что сполна равняется предлоговому обороту, и въ чемъ просто сопоставляется предметъ съ предметомъ, т. е. $\nu\epsilon\omicron\nu\epsilon\rho\nu\omicron\varsigma$ съ $\Delta\eta\lambda\omicron\varsigma$.

**) Вторично предупреждаемъ, что этотъ аргументъ придется въ свое время ослабить, или, по крайней мѣрѣ, видоизмѣнить.

сторовой Ablativ непременно отыскался бы в славянском языке, раз последний имеет такие local'ы, как *Киевъ*, с просторовым значением. — Что же касается простороваго значения на вопрос *куда*, то в лучшем случае ему можно отвести в греческом языке падеж *вещный*, с его отглагольным движением, а в славянском — *dativ* (Новугорода). Но можно ли его провозгласить за первоначальное значение этих падежей? Обстоятельство, что на вопрос *куда* отвечают в двух родственных языках разные падежи, не служит ли прямым доказательством того, что просторовое значение на вопрос «куда» навязано падежам (иначе языки сошлись бы в выбор падежа). Мы уже не говорим о том, что вопрос о метафористике, как мы его поставили на стр. 255, был бы неразрешимым.

Славянский язык, преимущественно чешское наречие, представляет целую группу характерных local'ов. Это — формы *dobře*, *věrně*, *blaze* и т. д. *) Хотя их грамматика называется «наречиями», но мы о них должны повторить то же, что сказали на стр. 267 о греческих формах *καλῶς* и др., являющихся substantiv'ными *ablativ'*ами. Не имел ли первоначально и *localis* этического смысла? Если *καλῶς ταῦτα ἐποίησε* значит «онъ это сдѣлалъ, исходя отъ прекраснаго», то *οὐ σπουδὴν ἐνερῆ* могло бы обозначать: онъ служить, вращаясь въ области вѣрности. Конечно, это этическое значение могло впоследствии опять таки «огрубѣть», да и *οὐρυνό* на дѣлѣ, перейдя въ просторовое значение, и даже, быть можетъ, въ значение, составлявшее первоначально функцию *предлоговыхъ* оборотовъ, какъ это мы замѣтили на выражении *Ἀλλὰ νόον ἔρως ἀνερχόμενον ἐνόησα* (смотри подстрочное примѣчаніе на стр. 271). Въ этомъ «огрубѣвшемъ» видѣ мы можемъ назвать, пожалуй, нашъ падежъ падежемъ «мѣстнымъ».

*) Delbrück (Grundr. III, 573): Locativische Adverbien von Adjectiven liegen zwar auch in den von mir herangezogenen slavischen Sprachen vor, sind aber besonders häufig im czechischen; затѣмъ Дельбрюкъ приводитъ примѣры въ родѣ нашихъ *добръ* и др. (сравни также Miklosich Vergl. Gramm. IV. 652.)

Этотъ то мѣстный падежъ мы и встрѣчаемъ въ *δοτικῇ* при *ἐν* *). Въ другихъ двухъ примѣрахъ на *πρὸς*, приведенныхъ на стр. 269, мы также должны усматривать мѣстный падежъ, и притомъ *необходимый*, вносящій въ мысль нѣчто новое отъ себя, а не то что «поддерживающій» лишь своимъ значеніемъ значеніе предлога, какъ это было при *ἐν*: *Ὡς δὲ Λάιος κατασχαγεῖν πρὸς τριπλαῖς ἀμαξίταις* значитъ «*супротивъ* перекреста и на немъ», и то же самое мы видимъ въ *μή με βάλῃ ποτὶ πέτρῃ κῆμα*. Мы бы не отличали втораго примѣра отъ перваго, если бы не то обстоятельство, что на *πέτραν* можно смотрѣть еще какъ на *цѣль движенія*, и тогда придется объяснить, почему здѣсь поставленъ не *вещный* падежъ, а мѣстный.

Дѣло въ томъ, — это извѣстно, впрочемъ, читателю и безъ нашего объясненія, — что часто при выраженіяхъ движенія языкъ въ симасіологическихъ ихъ дополненіяхъ указываетъ не на *цѣль*, а на *результатъ* этого движенія. Такъ и по русски говорятъ *куда ты кладешь книгу*, и рядомъ съ этимъ встрѣчается выраженіе *идъ ты положилъ книгу* (*куда ты двалъ это* и *идъ ты двалъ это* и т. д.).

А теперь сообщимъ и соображеніе, о которомъ мы уже нѣсколько разъ предупреждали читателя, и на которое въ первый разъ наткнулись при разборѣ примѣра *μετ' Ἀχαιοῖσιν πολέμῳ* (стр. 252). Правильно ли, что мы въ предлоговый оборотъ, имѣющій одну падежную форму, вносимъ два симасіологическихъ отглагольных? Правильно ли, что въ *μετὰ* съ *dativ'*омъ и въ *πρὸς* съ *dativ'*омъ мы искали — то мѣстный падежъ, то «*δοτικῇ*» при *σύν*, а *πρὸς* съ *genitiv'*омъ сводили то къ *родовому* падежу, то къ «огрубѣвшему» *ablativ'*ному отглагольному? Если при *ἐν* соединяющійся съ нимъ *dativ* былъ падежемъ *мѣстнымъ*, а при *σύν* — совершенно другимъ падежемъ, то это вполне понятно: само *ἐν* и самъ *σύν* искали себѣ падежей согласно своему собственному смыслу, и если эти искомые ими и *неодинаковые* падежи встрѣтились въ одной этимологической формѣ, то это чистая

*) Теперь ясно, что *δοτικῇ* при *ἐν* есть не *собственная доτικῇ*, а мѣстный падежъ, функцию котораго приняла на себя *δοτικῇ*.

случайность, не приводящая въ языкѣ ни къ какимъ недоразумѣніямъ, такъ какъ всякія недоразумѣнія разрѣшаетъ именно »собственный« смыслъ самихъ предлоговъ. Русское »отъ« требуетъ »огрубѣннаго« ablativ'наго отгѣнка, русское »у« требуетъ родоваго падежа, и никто никогда не смѣшаетъ этихъ падежей, если ему придется сопоставить выраженіе *отъ брата* съ выраженіемъ *у брата*. Но чтобы известная падежная форма, приуроченная къ известному предлогу получала въ однихъ выраженіяхъ одно, а въ другихъ — другое значеніе, это едвали возможно. Тогда предлоговый оборотъ не составлялъ бы нѣчто совершенно самостоятельное въ языкѣ, находящее оправданіе для своего появленія лишь въ предметъ (стало быть, въ существительномъ, — извлеченномъ ли, или дѣйствительно данномъ, — это другой вопросъ), съ которымъ отмѣченный при самомъ предлогѣ предметъ »сопоставляется«, а зависѣлъ бы въ своей симасіології, т. е. въ своихъ симасіологическихъ отгѣнкахъ, отъ какихъ нибудь другихъ словъ. Проверимъ еще разъ толкованіе четырехъ, а то даже пяти примѣровъ на *πρός*, въ которыхъ мы искали »огрубѣнный« ablativ'ный отгѣнокъ на стр. 268–9. Не былъ ли тамъ навязанъ этотъ отгѣнокъ родовому падежу словами *ожидаетъ, получила, исходящій и по приказанію, исходящему отъ...*? Не имѣютъ ли всѣ эти *ожидаетъ* и подобныя (они даны то въ текстѣ, а то лишь въ контекстѣ) — не имѣютъ ли они для предлога и для его падежа такъ же мало значенія, какъ имѣли глаголы *ἤλθον* и другіе для *εἰς* и его вещнаго падежа? (смотри выше стр. 242). И кто будетъ искать въ выраженіи *я отнялъ книгу у брата* »огрубѣнный ablativ'ный отгѣнокъ« — даже въ томъ случаѣ, если тутъ идетъ рѣчь не о »сопоставленіи« книги съ братомъ, а о »сопоставленіи« отнятія съ братомъ (въ русской фразѣ »отними это у брата« рисуется отнятіе происходящимъ у брата)? Въ виду всего этого мы не можемъ настаивать на »огрубѣвшемъ ablativ'номъ отгѣнкѣ« въ нашихъ пяти случаяхъ появленія Genitiv'a при *πρός*. Что касается нашего предположенія искать въ нѣкоторыхъ случаяхъ при *πρός* и *μετά*

»δοτικῇν при *οὖν*«, то о нихъ можетъ быть рѣчь только тогда, когда мы ближе познакомимся съ самою этою *δοτικῇ*.

Остается разобрать *πρός* съ вещнымъ падежемъ. Эти явленія не представляютъ собою ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что намъ уже извѣстно, а потому ограничимся толкованіемъ типичныхъ примѣровъ:

πρός ἡδονήν — супротивъ удовольствія, достигая его, или стремясь къ нему — ради удовольствія.

πρός τί ταῦτα λέγεις — супротивъ чего и желая чего достигнутъ, ты это говоришь?

πρός τὰ πάτρια ἔθνη ζῆν — жить супротивъ старинныхъ обычаевъ, достигая ихъ — подражая имъ — жить по обычаямъ старины.

ἐβουλεύοντο πρὸς τὴν παροῦσαν συμφοράν — они разсуждали супротивъ (= въ виду) настоящаго интереса, разрабатывая его въ своихъ разсужденіяхъ — они разсуждали соотвѣтственно настоящимъ интересамъ.

πρὸς ἑσπέραν — супротивъ вечера, съ достиженіемъ вечера, или, по крайней мѣрѣ, съ стремленіемъ къ нему.

ἔλεγε πρὸς ἐμέ — говорилъ супротивъ меня, затрогивая меня словами.

ὀρχεῖσθαι πρὸς αὐλόν — плясать супротивъ флейты, принимая во вниманіе и въ руководство весь ритмъ и всю мелодію, какую даетъ флейта.

ἄλιστον τὸ πλῆθος λέγεται ἀπολέσθαι ὡς πρὸς τὸ μέγεθος τῆς πόλεως (Thuc. 3. 113) — говорятъ, погибло число людей, неимовѣрное супротивъ величины города, принимая во вниманіе эту величину всю, отъ начала до конца.

Παρά. Этотъ предлогъ указываетъ на помѣщеніе чего нибудь возлѣ предмета. При отсутствіи всякихъ постороннихъ отгѣнковъ этотъ предлогъ долженъ, судя по прежнему, соединяться съ родовымъ падежемъ. И, дѣйствительно, мы его встрѣчаемъ въ этомъ сочетаніи (Soph. Antig. 1124: *Βαχχεῦ, Βαχχᾶν μητρόπολιν ναϊέτων παρ' ἐγρόων Ἰσμήνοῦ ἢ ἐξ Ἰφρών* и др.). Родовой падежъ послѣ *παρά* встрѣчается особенно часто при названіяхъ тѣхъ предметовъ или, въ данномъ случаѣ, скорѣе лицъ, у которыхъ мы что нибудь бе-

решѣ, узнаемъ и т. п.: *τάδ' εἴομαι Κρέων ἄλλον παρ' ἀνδρός*. Послѣ данныхъ нами разъясненій мы не станемъ здѣсь искать »огрубѣвшаго« ablativ'наго отгѣнка, какъ его ищутъ нѣмецкіе грамматики, руководясь своимъ оборотомъ »von Jemandem etwas lernen«. Русскій оборотъ *учится у кого*, — оборотъ *цѣльный, не нуждающийся* ни въ какихъ пополненіяхъ (назову ли я предметъ, которому я учусь, или нѣтъ, это для »оборота« все равно), — показываетъ намъ, что *у кого* »зависитъ«, отъ *учится*. Переводя это на нашъ языкъ, мы скажемъ, что здѣсь »сопоставляется« *ученіе* съ лицомъ, у котораго я учусь, а не предметъ, которому я учусь, и не лицо, которое учится. Ученіе это представляется происходящимъ *возль**) лица, у котораго я учусь, въ его, какъ бы, *сосѣдствѣ*, а потому и поставлено въ греческомъ языкѣ *παρά* съ родовымъ падежемъ на общемъ основаніи.

Παρά соединяется съ *мѣстнымъ* падежемъ, когда приходится обозначать не столько нахождение предмета *возль* предмета, сколько скорѣе то, что предметъ *примыкаетъ* къ предмету; сравни: *ὀρμίζεσθαι παρὰ Χερρονήσου* (Xen. Anab. V. 10.2), *τὴν λαυγὴν παρ' ὀχθῆς ἵστο* (Soph. Trach. 524) и др. Иногда *παρὰ* съ мѣстнымъ падежемъ просто обозначаетъ мѣстное пространство, *гдѣ* что нибудь происходитъ (*παρὰ βομφὶ δύνει*; Soph. Oed. Col. 1158); что предлоговой оборотъ получилъ *просторовое* значеніе, это не должно удивлять читателя послѣ всего, *разъясненнаго* нами.

Въ объясненіи явленій, гдѣ *παρά* соединяется съ падежною формою *dativ'a*, очень часто приходится думать о *собственной дотикѣ*. Когда говорятъ *ἄτιμος ἔσει παρ' αὐτοῖς*, то *παρ' αὐτοῖς* чувствуется какъ-то равносильнымъ простому *αὐτοῖς* (будешь безчестнымъ *у нихъ*, для *нихъ*, въ *ихъ* глазахъ; *αὐτοῖς* есть *формальное* существительное), а простое *αὐτοῖς* мы называли бы, по принятому

Нѣмецкое *lernen von Jemandem etwas* представляетъ дѣло иначе; тамъ само то *etwas*, которому я учусь, рисуется *переходящимъ* къ учащемуся отъ лица, у котораго онъ учится.

въ грамматикѣ, въ данномъ случаѣ очень *мѣткому* выраженію, *этическимъ dativ'омъ*. Нѣтъ сомнѣнія, что *этический dativ'* представляетъ собою одинъ изъ отгѣнковъ *собственной дотикѣ* (не искать же въ *ἄτιμος ἔσει αὐτοῖς* *мѣстнаго* падежа, а *instrumentalis**, хотя нами еще не разобранъ, но въ *общемъ* онъ долженъ обозначать предметъ какъ нѣчто такое, *чѣмъ* что нибудь совершается, а это тоже къ нашему *ἄτιμος ἔσει αὐτοῖς* не примѣнимо).

Что такое *собственная дотикѣ*? Это — та же *дотикѣ*, которую мы до сихъ поръ называли »*дотикѣ* при *σύν*« (ибо и при *σύν* ни о мѣстномъ падежѣ, ни объ *instrumental'ѣ* не можетъ быть рѣчи), и которая до сихъ поръ выступала какъ указатель *дѣятеля* (мы говорили, что это преимущественно *лицо*, а не неодушевленный *предметъ*), *равноправнаго* съ другими дѣятелемъ. Но этимъ ея значеніе не исчерпывается.

Говоря о глаголѣ, мы неоднократно называли или *могли* называть предметъ, стоящій при немъ въ именительномъ падежѣ, носителемъ той *ἐνεργεία* или того *πάθος*, которыя отмѣчены въ залоговомъ отгѣнкѣ глагола. Именительный падежъ, этотъ »ближайшій опредѣлитель лица, обозначеннаго въ окончаніи самого глагола«, и находящійся, какъ мы въ свое время выяснили, въ отношеніи *логическаго равенства* съ лицомъ глагола (смотри выше стр. 179), — именительный падежъ, какъ выразитель *носителя τῆς ἐνεργείας* или *τοῦ πάθους*, въ риматическомъ предложеніи можетъ встрѣтиться только *разъ*, такъ какъ риматическое предложеніе имѣетъ только *одинъ* глаголъ съ *однимъ* лицомъ въ окончаніи (случаи, гдѣ *нѣсколько* именительныхъ падежей или *нѣсколько* глаголовъ *соединены* между собою черезъ какое-нибудь *καί* или *ἤ*, *исключаются* изъ настоящаго разсужденія).

А если вдругъ понадобятся для осуществленія дѣйствія, выраженнаго въ глаголѣ, *два* носителя *τῆς ἐνεργείας* (о *πάθος* мы пока умалчиваемъ), — если понадобятся *два* дѣятеля или, скажемъ, — въ виду *множественнаго* числа глагола, — двѣ

*) Въ греческой падежной формѣ *dativ'a*, какъ выяснено на стр. 210, только и могутъ заключаться три падежа: *собственная дотикѣ*, *мѣстный падежъ* и *instrumentalis*.

стороны дѣателей? Взаимно-движимое дѣйствіе (смотри выше стр. 103) потому, вѣдь, только и мыслимо, что дѣатель переводитъ свое дѣйствіе на другое лицо, а это лицо, въ свою очередь, переводитъ свое дѣйствіе на дѣателя. Словомъ, »взаимно-переводное« дѣйствіе мыслимо только при *двухъ* дѣателяхъ или при *двухъ* сторонахъ дѣателей. Положимъ, взаимно-переводное дѣйствіе можетъ обойтись *именительнымъ* падежемъ: во фразѣ *οἱ φίλοι διαλέγονται* слово *οἱ φίλοι* можетъ выражать *обѣ* стороны дѣателей. Но если бы мы пожелали выразить въ *именительномъ* падежѣ нашей фразы только *одного* изъ дѣателей или *одну* изъ сторонъ, то должны будемъ сказать: *Σοκράτης διαλέγεται τοῖς συνοῦσι, οἱ Ἀθηναῖοι μάχονται τοῖς Λακεδαιμονίοις; τοῖς συνοῦσι* и *τοῖς Λακεδαιμονίοις* суть, несомнѣнно, *собственные дотихі*.

Все это разсужденіе представляетъ собою лишь болѣе подробное изложеніе того, что сказано нами на стр. 253. Имъ мы ничего новаго не выгадываемъ для *собственной дотихі* сравнительно съ тѣмъ, что о ней уже сообщено: *дотихі* и въ *взаимныхъ глаголахъ* указываетъ на лицо, какъ на *равноправное* съ лицомъ, показаннымъ въ »именительномъ падежѣ при глаголѣ« (объ этомъ терминѣ сравни выше стр. 177): мы говоримъ здѣсь о »лицѣ«, такъ какъ носитель *τῆς ἐνεργείας* есть непременно *лицо*, или *олицетворенный* предметъ.

А теперь возьмемъ случай, гдѣ въ *именительномъ падежѣ* при глаголѣ обозначенъ носитель *τοῦ πάθους*. Чѣмъ же тогда обозначить самого дѣателя, если его *нужно* почему либо опредѣлить? Хотя и говорятъ »ἡ ἐπιστολὴ γέγραπται ὑπὸ Ξενοφώντος« (дѣло переводится на »сопоставленіе предмета съ предметомъ«, т. е. на сопоставленіе писанія съ Ксенофонтомъ, отъ котораго самое писаніе *удаляется*), однако *рядомъ* съ этимъ мы слышимъ »ἡ ἐπιστολὴ γέγραπται Ξενοφῶντι«. Dativ *Ξενοφῶντι* является здѣсь указателемъ не *равноправного* съ кѣмъ нибудь другимъ дѣателя, а *просто* »дѣателя«, на котораго, въ силу особаго приѣма въ конструкціи предложенія, нельзя было указать *именительнымъ* падежемъ.

Есть ли *dativ*, появляющійся во фразѣ *ἐπιστολὴ γέγραπται Ξενοφῶντι*, *собственная дотихі*, или нѣтъ? Едва ли. Русское выраженіе »письмо написано Ксенофонтомъ« скорѣе указываетъ на *instrumentalis*. О *собственной дотихі* мы могли бы въ нашей фразѣ толковать тогда, если бы она получила смыслъ »письмо написано Ксенофонту« (= для Ксенофонта). Но тогда Ксенофонтъ былъ бы ужъ носителемъ не *τῆς ἐνεργείας*, а чего то, что совершилось помимо всякаго участія съ его стороны, т. е. онъ былъ бы носителемъ *настоящаго πάθους*. Онъ былъ бы такимъ же носителемъ *πάθους*, какимъ онъ является во фразахъ *μέλει μοι τοῦ δεῖνα*, *δεῖ μοι τοῦ δεῖνα* (вообще въ *безличныхъ глаголахъ*) *ἐρέετο μοι ταῦτα* и т. п.

Выходитъ, что *собственная дотихі* въ *риматическихъ* предложеніяхъ обозначаетъ носителя и *ἐνεργείας* и *πάθους*, другими словами, что она между *косвенными падежами* можетъ оказать глаголу такую же услугу, какъ »*именительный падежъ* при глаголѣ«. Она появляется при глаголѣ либо какъ *помощница* *именительному падежу* (когда нужно указать на *двѣ* стороны дѣателей), либо — вслѣдствіе какой нибудь синтаксической необходимости, — *вмѣсто* *именительнаго падежа* (при *μέλει μοι* и под.), либо, вообще, чѣмъ то *въ родѣ* *именительнаго падежа* (*γίνεται μοι τοῦτο*). Она, хотя и »падаетъ«, но ея »паденіе« не является такимъ *ἐπιπλέον*, какимъ оно оказалось въ *вещномъ падежѣ* (гдѣ, такъ сказать, съ предметомъ можно было дѣлать что угодно) а представляетъ лишь небольшое уклоненіе, происшедшее отъ случайнаго обстоятельства: въ предложеніи нѣтъ *мѣста* для того, чтобы она стояла *δρῶς*, какъ *именительный падежъ*.

Что касается *этической дотихі*, то она не имѣетъ того непосредственнаго отношенія къ глаголу, о которомъ мы говорили до сихъ поръ, по этимъ только *расширяетъ* роль *собственной дотихі* въ рѣчи. Если *дотихі* при глаголѣ указываетъ на носителя *ἐνεργείας* или *πάθους*, выраженныхъ въ самомъ глаголѣ, то въ *этической дотихі* указывается, какъ извѣстно, на *главнаго судью*, на носителя, какъ бы, той мысли, которая выражена во *всей рѣчи*, заключающей

въ себѣ эту *δοτικήν*. И въ *δοτική* при глаголѣ, и въ этической *δοτική* — предметъ, выраженный падежемъ, рѣзко выступаетъ какъ *лицо*, т. е. какъ нѣчто *одушевленное*. Лицомъ по преимуществу являлся предметъ и въ *δοτική* при *ὄν*, и этою олицетворенностью предмета нашъ падежъ отличается *положительно* отъ всѣхъ косвенныхъ падежей. О ней, какъ о преобладающей, нельзя говорить ни въ *родовомъ* падежѣ, ни въ «огрубѣвшемъ» *ablativ'номъ* его отгѣнкѣ, если таковой придется признавать за греческимъ родовымъ (до сихъ поръ не было въ немъ надобности), ни въ *instrumental'ѣ* (хотя въ *Ξενοφῶντι γέγραπται* — признанное нами за *instrumentalis* *Ξενοφῶντι* оказывается *лицомъ*, но все же *instrumentalis* долженъ оставаться выразителемъ того, *чѣмъ*, а не *къмъ* что нибудь дѣлается). Что же касается *вещнаго* падежа, то онъ составляетъ въ этомъ отношеніи прямую *противоположность* нашей *δοτική*. Когда я говорю *ζημιῶ αὐτόν*, то не представляется ли наказываемый *именно* вещью, съ которою я, какъ мы выразились выше, дѣлаю, что мнѣ угодно. Съ другой стороны, когда говорятъ *этому дѣлу не поможешь*, то не представляется ли самое *дѣло* чѣмъ то *главнымъ* въ отнесенной къ нему мысли? — не является ли оно *тоже*, какъ бы, носителемъ *πάθους*, совершаемаго черезъ дѣйствіе *помогать*, и въ то же время *руководящимъ* моими дѣйствіями, — такъ сказать, *хозяиномъ* ихъ, точно *одушевленное* существо, имѣющее свои интересы, которые я соблюдаю. Мысль о руководствѣ и хозяйничаніи мы прибавили по *двумъ* причинамъ. Съ одной стороны это нужно было прибавить по *существу*. Ибо и въ этомъ *хозяйничаніи* и *руководствѣ* проявляется, да и прямо *чувствуется* «личность» лица, показаннаго въ *δοτική*, не иначе чѣмъ она проявляется и *чувствуется* въ этомъ падежѣ, когда я въ немъ указываю на кого нибудь, *съ кѣмъ* я *борюсь*, *кому* я (форма *кому* есть *собственная δοτική*) «*противоположительно*». Съ другой стороны нужно было упомянуть о «хозяйничаніи», о «соблюденіи интересовъ», — съ этою цѣлью мы говорили и о «противодѣйствіи», — чтобы выразить *полную* противоположность *τῆς δοτικῆς* *вещному* падежу.

Если бы мы не упоминали объ этихъ обстоятельствахъ, если бы мы, въ толкованіи фразы *этому дѣлу не поможешь*, оставались при одномъ терминѣ «носителя *τοῦ πάθους*», то намъ можно было бы возразить, что и въ *ζημιῶ τὸν παῖδα*, стало быть, и въ *вещномъ* падежѣ, *παῖς* является «носителемъ *τοῦ πάθους*», хотя болѣе правильно и болѣе согласно съ значеніемъ падежей будетъ, если мы *здесь* на *παῖδα* будемъ смотрѣть *именно* какъ на *вещь*; *носителемъ* *τοῦ πάθους*, т. е. чѣмъ то *главнымъ*, на чемъ все сосредоточивается, и *настоящею личностью* будетъ *παῖς* только во фразахъ *ὁ παῖς ἐζημιώθη* и *ταῦτα ἐγένετο τῷ παιδί*.

Греки, назвавъ *всякую* падежную форму *dativ'a* «*δοτική*» или «*ἐπιστατική*», повидимому, при созиданіи этого термина имѣли въ виду глаголы *δίδομι* и *ἐπιστέλλω*, которые имъ показались *представителями* глаголовъ, дополняющихся этою падежною формою. Это — терминъ, несомнѣнно, болѣе слабый и менѣе философскій, чѣмъ другіе термины, характеризующіе падежи. Но также несомнѣннымъ оказывается и то, что этимъ терминомъ падежная форма *dativ'a* обозначена какъ *собственная δοτική*. Ибо и *δίδομι*, и *ἐπιστέλλω* предполагаетъ *двухъ* дѣятелей: когда я *даю*, то другой *принимаетъ*, и когда я «поручаю», то другой исполняетъ. Мы, на основаніи всего сказаннаго, назвали бы *собственную δοτικήν* *личнымъ**) падежемъ, въ *противоположность* *вещному*. Не будемъ, конечно, терять изъ виду того, что для *оправданія* этихъ терминовъ нужно часто олицетвлять одно и олицетворять другое.

Что же теперь дѣлать съ примѣромъ *ἄτιμος ἔσει παρ' αὐτοῖς*? Признавать ли въ немъ личный падежъ, или нѣтъ? То соображеніе, что *известная* падежная форма,

*) Усматриваніе въ собственной *δοτικῇ* *личнаго* преимущественно падежа мы встрѣчаемъ и у Дельбрюка (см. выше стр. 237.), и не только у него, но еще раньше. Жаль только, что это осталось безъ послѣдствій для опредѣленія *значенія* этого падежа. Kühner (Ausf. Gramm. II. 349) замѣчаетъ: Dass der Dativus recht eigentlich der Personencasus ist, geht aus der Erscheinung vor, dass es Sprachen giebt, die, wenn eine Person Gegenstand eines sonst transitiven Verbs ist, den Dativus gern statt des Accusativs gebrauchen.

приуроченная къ *известному* предлогу, едва ли может раздваиваться въ своей падежной симасіологіи, говорить *против* личного падежа въ нашемъ примѣрѣ, такъ какъ признаніе за dativ'ною формою *другого* падежа, именно *мѣстнаго*, при предлогѣ *παρά* является симасіологическою *необходимостью*. Не переводить же *ὁρίεσθαι παρά Χερρονήσου* или *ἵστοι παρ' ὅχθου*, или *παρά βωμῷ θύειν* (см. стр. 276) на *личный* падежъ! Но нельзя ли *наоборотъ*? — нельзя ли то, изъ за чего мы въ *ἄτιμος ἔσσει παρ' αὐτοῖς* думали о *личномъ* падежѣ, вывести изъ значенія *мѣстнаго* падежа? Мѣстный падежъ оказался огрубѣніемъ *этической почвы*, на которой совершается —, или *этической области*, въ которой вращается дѣйствіе. Другими словами, мѣстный падежъ указывалъ на предметъ какъ на нѣчто такое, къ чему что нибудь другое непосредственно *примыкаетъ*, — съ чѣмъ что нибудь другое непосредственно *связывается*. Такъ было при *ἐν*, такъ было и въ *μετά χερσίν*, и въ *πρός τριπλαῖς ἀμαξιτοῖς ἐσφάγη*, и въ *παρά βωμῷ θύειν*. Если толковать о *локальности* въ мѣстномъ падежѣ, то эту *локальность* придется принимать въ *ограниченномъ* смыслѣ. И въ выраженіи *птица надъ крышею* есть *локальность*, но это — не локальность, вытекающая изъ «огрубѣнія» *этической почвы*, на которой что нибудь совершается или *этической области*, въ которой что нибудь вращается. О такой локальности можно толковать лишь въ выраженіяхъ «труба на крышѣ», «стропила непосредственно подъ крышею» и т. п. И не выходитъ ли то, изъ за чего мы думали въ *ἄτιμος ἔσσει παρ' αὐτοῖς* о *личномъ* падежѣ, *метафорой* такой локальности? Если какое нибудь лицо является *главнымъ судьей* въ чемъ нибудь, или распорядителемъ и вообще *хозяиномъ* чего нибудь, или просто, какъ мы говорили, *носителемъ τῆς ἐνεργείας* или *τοῦ πάθους*, то не сосредоточивается ли на немъ или въ немъ все то, о чемъ оно судить, чѣмъ оно распоряжается, носителемъ чего оно является? И не есть ли само *выраженіе* «сосредоточиваться на комъ или въ комъ» — не есть ли и оно метафора локальности *мѣстнаго* падежа, и не свидѣтель-

ствуетъ ли и оно о томъ, какъ легко «личность» лица перевести на локальность *мѣстнаго* падежа?

Да, мы думаемъ, что въ *ἄτιμος ἔσσει παρ' αὐτοῖς* мы имѣемъ дѣло *только* съ локальностью, — съ локальностью *мѣстнаго* падежа, съ локальностью *метафоризированною*, и что *ἄτιμος ἔσσει παρ' αὐτοῖς* слѣдуетъ толковать: ты будешь безчестенъ въ ихъ *сосѣдствѣ*, непосредственно примыкающемъ къ нимъ. И въ *πρός ἑταροῖσι καχοῖσιν ὕπνος* (см. стр. 269) мы должны видѣть простое *примыканіе* чего то къ чему то. Что касается *μετ' Ἀχαιοῖσιν πολέμιζον*, то и его, конечно, можно перевести на *мѣстный* падежъ, какъ мы это на стр. 252 и сдѣлали, хотя не знаемъ, не свернуло ли тутъ *μετά* на путь *аналогіи* съ словомъ *οὕν*. Эта «аналогія», — эта *ложная* аналогія, которая такъ часто беретъ верхъ надъ явлениями языка, это *забвеніе* собственной роли предлога *μετά* въ *нѣкоторыхъ* случаяхъ, пожалуй, способно *ослабить* соображеніе, что *известная* падежная форма, приуроченная къ *известному* падежу, не должна бы симасіологически раздваиваться. Но если и въ *μετ' Ἀχαιοῖσιν πολέμιζον* мы имѣемъ дѣло съ *мѣстнымъ* падежемъ, то *единственнымъ* случаемъ *явленія личного* падежа при предлогахъ остается до сихъ поръ *только* случай съ *οὕν*. При *οὕν* мы отъ *личнаго* падежа не можемъ отказаться, такъ какъ въ *личномъ* падежѣ мы видимъ здѣсь, какъ о томъ въ свое время толковали, лучшее и *необходимое* пополненіе *предлога*, для достиженія той *общей* картины, которую рисуетъ *весь* предлоговый оборотъ.

Возвратимся къ предлогу *παρά*. При немъ осталось разобрать еще *только* *вещный* падежъ. Какъ въ *πρός* съ *вещнымъ* падежемъ, такъ и здѣсь не придется открывать ничего новаго по вопросу о падежахъ, и вся наша задача будетъ состоять въ томъ, чтобы исчерпать, по возможности, всю *метафористику* этого предлоговаго оборота.

ἐρχεται παρά Προταγόραν — становится возлѣ Протагора, дѣлая Протагора *цѣлью* движенія.

παρὰ ποταμόν — вдоль рѣки, отъ начала ея до конца, то есть, отъ начала до конца на известномъ разстояніи — вдоль рѣки.

παρὰ τὴν ἐκείνου ἀρχήν = вдоль его начальствованія, отъ начала до конца = во все время —, а то и просто »во время« — его начальствованія (разстояніе тутъ можно сократить, какъ его можно было сократить а при παρὰ ποταμόν).

ταῖς ἐκ τῶν νόμων τιμωρίαις παρ' αὐτὰ τὰ ἀδικήματα χοῖοθαι (Dem. 18. 13) = наказанія, вытекающія изъ законовъ, примѣнять вдоль преступленій, рядомъ, параллельно съ преступленіями = сейчасъ, не откладывая ихъ.

παρὰ τὴν δόξαν = вдоль ожиданія, не встрѣчаясь нигдѣ съ нимъ, минуя его = противъ ожиданія.

παρὰ τὴν Βαβυλῶνα παρίεναι = идти все лишь вдоль Вавилона = обойти Вавилонъ.

παρὰ τέτταρας ψήφους μετέσχε τῆς πόλεως (Isocr. 3. 37) = минуя четыре голоса = помимо нихъ = не будь четырехъ голосовъ, онъ могъ попасть въ распорядители общественныхъ дѣлами.

ἐκαστος οὐ παρὰ τὴν ἑαυτοῦ ἀμέλειαν οἶται βλάψειν (Thuc. 1. 41) = каждый думаетъ, что вредъ возникнетъ не вдоль его безпечности, что вредъ, если возникнетъ, то не рядомъ, не черезъ его собственную безпечность.

ὁνομάζειν τι παρὰ τι (Plat. Crat. 339 a) = поименовать что нибудь вдоль чего нибудь = рядомъ съ чѣмъ нибудь = соответственно чему нибудь (русское соответственно предполагаетъ параллельность, а параллельность указываетъ на линію, вдоль которой что нибудь идетъ).

παρὰ τὰ ἄλλα ζῶα ὥσπερ θεοὶ οἱ ἄνθρωποι βιοτεύουσιν (Xen. Memorab. I. 4. 14) = рядомъ съ остальными животными = сравнительно съ остальными животными люди живутъ словно боги.

ὥς παρ' οὐδέν ἄγειν τὸ πρᾶγμα (Soph. Ant. 35.) = вести дѣло такъ, какъ оно ведется рядомъ ни съ чѣмъ = вести дѣло такъ, какъ оно ведется сравнивая его ни съ чѣмъ = считать дѣло ничѣмъ, считать его пустымъ.

παρὰ μῆνα τρίτον = всегда рядомъ съ третьимъ мѣсяцемъ, минуя остальные два = каждый третій мѣсяць.

παρ' ἐνιαυτόν = минуя*) годъ = черезъ годъ, каждый второй годъ (это не значить, что нѣчто должно происходить весь второй годъ; тутъ, какъ и въ предыдущемъ примѣрѣ, вопросъ идетъ только объ опредѣленіи времени; ближе объ этомъ при предлогѣ κατά).

παρ' ἡμέρα = всегда рядомъ съ днемъ = что день, то дѣло = ежедневно (здесь παρὰ указываетъ опять на прикосновенность »дѣла« къ времени**).

Κατά — ἀνά. Κατά указываетъ на движеніе чего-нибудь сверху внизъ. Для рѣшенія вопроса о надеждахъ при κατὰ, мы должны имѣть въ виду четыре разныхъ отношенія.

1. Если верхъ и низъ является верхомъ и низомъ одного и того же предмета, такъ что движеніе, указанное въ словѣ κατὰ, совершается по предмету, т. е. по его поверхности, сверху до низу, то κατὰ, согласно всему, что выяснено до сихъ поръ о надеждахъ, должно соединяться съ вещнымъ надежемъ. Конечно, для того, чтобы поверхность имѣла верхъ и низъ, она не должна быть непременно вертикальною или покатою. И поверхность моря, совершенно

*) Однако, что же это такое? Въ однихъ случаяхъ παρὰ указываетъ на то, что дѣло касается линіи временнаго пространства, а въ другихъ, что оно минуетъ ее. Таково ужъ свойство метафористики, приводить въ многихъ случаяхъ къ двумъ совершенно противоположнымъ результатамъ. Славянское запоминать имѣетъ и такой смыслъ, что нѣчто зашло за память, т. е. осталось въ памяти, и такой, что нѣчто застряло за память, т. е. удержалось въ памяти. Разнообразие смысла въ нашемъ παρὰ зависитъ отчасти отъ вопроса, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ мысленно противопоставляется тому, на которое указано въ самомъ παρὰ. »Возлѣ« подчеркиваетъ или отбѣнокъ »не вдали отъ предмета«, а тогда παρὰ указываетъ какъ бы на соприкосновеніе чего нибудь съ предметомъ, или »отбѣнокъ« — не въ самомъ предметѣ, а тогда въ »παρὰ« отрицается соприкосновеніе съ предметомъ. Такъ и чешское vedle (= возлѣ): то говорятъ vedle toho se musíš říditi (= этимъ ты долженъ руководиться), то — jdi vedle (= обойди).

**) И объ этомъ примѣрѣ будетъ еще рѣчь при предлогѣ κατά. Вопросъ относительно послѣднихъ трехъ примѣровъ — не только въ томъ, что въ нихъ не весь день, весь годъ и весь мѣсяць заняты тѣмъ или инымъ дѣломъ; здѣсь еще нужно выяснитъ самую distributiv'ность т. е. пониманіе ихъ въ смыслѣ каждый день, каждый второй годъ, каждый третій мѣсяць.

горизонтальную и ровную, грекъ представлялъ себѣ, соотвѣтственно зрительному воспріятію, вдали отъ берега *выше*, а на самомъ берегу *ниже*.

Объясненное нами *κατά* съ *вещнымъ* падежемъ подается сличенію съ тѣмъ *παρά*, которое, соединяясь съ такимъ же падежемъ, имѣло значеніе русскаго «*вдоль* чего-нибудь». Разница та, что 1. *παρά* рисуется лишь *параллельность* двухъ линий или площадей, а при *κατά* нѣчто одно *покрываетъ* собою другое; 2. при *παρά* само *направленіе* движенія можетъ идти и *сверху* внизъ, и *снизу* вверхъ, а при *κατά* — только *сверху* внизъ: *παρά τὸν ποταμὸν* относится одинаково къ *направленію по теченію* рѣки и *противъ* ея теченія (*просто* «*вдоль берега*»), а *κατά τὸν ῥόον* обозначаетъ *непремѣнно по теченію* рѣки.

2. Если предметъ, съ которымъ что-нибудь сопоставляется при посредствѣ предлога *κατά*, самъ находится *наверху*, такъ что движеніе этого «чего-нибудь» превращается въ *удаленіе* отъ этого предмета, то *κατά* должно соединяться съ *родовымъ* падежемъ. Возникаетъ вопросъ: усматривать ли въ этомъ *родовомъ* падежѣ простое *отрицаніе* занятія *однимъ* предметомъ *всей* поверхности другого предмета, слѣдовательно нѣчто *дѣйствительно* лишь не *спеціальное* и «родовое», или же мы должны наконецъ все таки *признать* за родовымъ падежемъ функцію «огрубѣшаго» *ablativ'a*? Во вниманіе къ *четвертому* пункту нашихъ замѣтокъ о *κατά*, долженствующему разобрать четвертый видъ «*отношеній*», которыя выражаются при помощи этого предлога, мы рѣшаемся во *второмъ* пунктѣ толковать объ «огрубѣшемъ» *ablativ'ѣ*, называя его *удалительнымъ* падежемъ (сравни выше стр. 268).*)

Верхнее положеніе предмета, отъ котораго что-нибудь удаляется, приходится иногда чувствовать такъ же слабо,

*) Читателю, надѣмся, нетрудно будетъ убѣдиться, когда онъ разсмотритъ нашъ четвертый пунктъ, что *κατά* въ сочетаніяхъ *второго* типа никакъ нельзя свести къ *κατά* въ сочетаніяхъ *четвертого* типа, т. е. съ нимъ никакъ нельзя сдѣлать того, что мы сдѣлали съ *нѣкоторыми* оборотами предлоговъ *πρός* и *παρά*, оставляя ихъ при *обще-родовомъ* падежѣ (см. стр. 274 и 276). Конечно, разъ мы *признаемъ* удалительный падежъ, или, говоря точнѣе,

какъ чувствуется высшее положеніе дальней части моря. И по русски говорятъ одинаково «сошелъ съ горы» и «прибравъ со стола», хотя только въ *первомъ* примѣрѣ движеніе *сверху* *внизъ* чувствуется *рѣзко*, тогда какъ во *второмъ* мы въ сущности выражаемъ то же, что достаточно могло бы быть обозначено простымъ словомъ *прочъ*, безъ особеннаго даже *отчеканиванія* движенія *внизъ*. Сравни слѣдующіе *греческіе* примѣры:

βῆ δὲ κατ' Ἰδαίων ὄρεων εἰς φύλοπιν αἰνὴν (И. п. 677) = съ Идейскихъ горъ *внизъ* въ страшное сраженіе.

Καὶ ἐρρίπτεον ἐντοὺς κατὰ τοῦ τεῖχεος κάτω (Herod. 8. 53) = со стѣны *внизъ*. Здѣсь *низъ* обозначенъ еще особымъ словомъ *κάτω* (симасіологическая тавтологія!). Слово *κάτω* есть *другая* часть рѣчи, чѣмъ *κατά*; оно имѣетъ такое же этимологическое отношеніе къ *κατά*, какъ *εἰσω* къ *εἰς* (сравни выше стр. 265).

ψυχὴ κατὰ χθονὸς ᾤχετο (И. ψ. 100) = съ земли *внизъ* = *подъ* землю = въ подземное царство.

κατὰ τῆς γῆς ὑποδύομαι ὑπὸ τῆς αἰσχύνῃς (Xen. Anab. VII. 8. 11) = съ земли *внизъ* = *подъ* землю = *сквозь* землю проваливаюсь отъ стыда.

Если мы въ толкованіе этого и предыдущаго примѣра внесли русское *подъ*, то этимъ хотѣли указать на способность фразы выразить дальнѣйшее *смысловое* того, что она непосредственно должна выражать своимъ составомъ словъ (*тоже* своего рода *метонимія*, только не метонимія слова, а метонимія фразы): то что *двинуту* съ предмета внизъ, *можетъ* — это еще не значить, что *непремѣнно должно* — очутиться *подъ* предметомъ. Нечего, кажется, особенно распространяться о томъ, что движеніе *подъ предметъ* и нахожденіе *подъ предметомъ* не можетъ быть рассматриваемо, въ *данномъ* случаѣ, какъ нѣчто двойное, долженствующее

7 разъ мы признаемъ за *обще-родовымъ* падежемъ еще и функцію *удалительнаго* падежа, то эта функція должна быть нами принята и по отношенію къ предлогу *ἐξ*, такъ какъ самъ предлогъ *ἐξ* указываетъ на удаленіе и «предлоги принадлежатъ къ тѣмъ частямъ рѣчи, которыя, если могутъ найти спеціальнаго падежъ того же отгѣнка, какой выраженъ въ нихъ самихъ, непремѣнно съ нимъ соединяются».

отразиться на падежъ слова *κατά*: то и другое одинаково представляет собою только метонимию фразы, стало быть нѣчто, не выраженное и могущее оставаться не выраженнымъ въ самой фразѣ и въ самомъ падежѣ слова *κατά*. Только при помощи метонимии фразы выражение *οἱ κατὰ χθονὸς θεοί* получаетъ значеніе »боги, что подѣ землею«.

κατὰ χειρὸς ἦν τὰ πράγματα (Pherecr. Chir. frg. 7) = дѣла или съ рукъ, т. е. не съ рукъ *внизъ*, а съ рукъ *прочь*.

κατὰ νότον — *κατὰ πρόσωπον* = съ тылу — съ фронту. Чтобы понять эти обороты, нужно предположить, что *νότον* и *πρόσωπον* обозначаютъ здѣсь не тылъ и лицо самого человека, самого войска, а въ силу метонимии слова (здѣсь идетъ рѣчь о ней, а не о метонимии фразы) — ту мѣстность, которая находится гдѣ то *вдали* за тыломъ и гдѣ то *вдали* отъ глазъ или отъ »лица« человека и всего войска.

Есть нѣкоторое основаніе отнести сюда же и такіе примѣры, какъ *ὁ καὶ μέγιστος ἐστὶ κατ' ὕψους ἐγκώμιον* и *ψεύδεται κατὰ τινος* (обыкновенно, какъ извѣстно, эти примѣры заключаютъ въ себѣ *talit sensum*). Относить ихъ къ удалительному падежу, т. е. ко второму пункту нашихъ замѣтокъ заставляетъ насъ русскій провинциализмъ »сбѣяться съ кого-нибудь«. Сбѣхъ въ данномъ случаѣ представляется удаляющимся *внизъ* съ того лица, »съ« котораго сбѣются. Мы говоримъ здѣсь лишь о »нѣкоторомъ« основаніи относить подобныя явленія ко второму типу, потому что трудно возражать тѣмъ, которые захотѣли бы связать ихъ съ слѣдующими ниже примѣрами. Для того, чтобы рѣшиться на какую нибудь одну изъ этихъ возможностей, у меня не хватаетъ чувства языка.

3. Предметъ, съ которымъ что нибудь сопоставляется при посредствѣ *κατά*, можетъ помѣщаться и *внизу*. Помѣщающимся *внизу* можетъ представляться тотъ, *надъ* кѣмъ мы смѣемся, — *надъ* кѣмъ мы произносимъ *ἐγκώμιον* (иначе бы и русское *надъ* не имѣло смысла). Нечего говорить, что этотъ *низъ*, о которомъ мы толкуемъ въ данномъ пунктѣ нашихъ замѣтокъ, можетъ оказаться иногда такимъ же осла-

бленнымъ, какимъ былъ верхъ въ предшествующихъ примѣрахъ, и какою была покатость при *κατά* съ *вещнымъ* падежемъ.

Разъ предметъ помѣщенъ *внизу*, то движеніе *сверху* *внизъ*, показанное словомъ *κατά*, превращается въ движеніе къ предмету. При этомъ самъ предметъ опредѣляетъ собою или только *направленіе* движенія (то, что движется, не *попадаетъ* непременно въ предметъ, а идетъ только въ ту *сторону*, гдѣ предметъ находится), или непосредственную *цѣль* движенія. Съ такимъ различіемъ движенія мы встрѣчаемся здѣсь *впервые*, и понятно, что если языку пришлось *выражать* это различіе, то онъ для »непосредственной цѣли« движенія долженъ былъ избрать *вещный* падежъ, а тогда,

4., для обозначенія движенія по *направленію* къ предмету, — къ предмету, находящемуся *внизу*, — у языка остается въ распоряженіи лишь общій *родовой* падежъ.

Итакъ, мы не избѣгли »симасіологическаго раздвоенія извѣстной падежной формы, приуроченной къ извѣстному предлогу«: genitiv'ная форма при *κατά* оказывается во *второмъ* пунктѣ удалительнымъ падежемъ, а въ *четвертомъ* — родовымъ. Но не забудемъ, что если *κατὰ χθονὸς* въ однихъ случаяхъ должно обозначать *съ земли* *внизъ*, а въ другихъ — *по направленію къ землѣ*, то все различіе заключается *именно* въ положеніи земли, а на это положеніе не указываетъ ни »*κατά*«, ни genitiv'ная форма *χθονὸς*; это положеніе внесено въ предлоговый оборотъ *извнѣ*, и оно и управляетъ какъ симасіологіею *предлога*, такъ и симасіологіею присоединенной къ нему *падежной формы*. Нѣтъ сомнѣнія, что соображеніе о симасіологическомъ *раздвоеніи* падежной формы не имѣетъ значенія, разъ самъ предлогъ *κατά* »*растроился*« (предметъ находится то *вверху*, то *внизу*, то *и* *верхъ*, *и* *низъ* *относится* къ *предмету*).

Обозрѣвая примѣры, относящіеся къ 3му и 4му пунктамъ нашихъ »правилъ«, мы сразу замѣчаемъ въ греческомъ языкѣ нѣкоторую, — не скажемъ, неточность, а — вольность, или скорѣе — отсутствіе *педаантизма*. Если вышеприведенные *ἐγκώμιον κατ' ὕψους* и *ψεύδεται κατὰ*

τινος и т. п. принадлежать сюда, то, конечно, можно было представлять дѣло такъ, что похвала, ложь и т. д. попадаютъ въ хвалимаго, оклеветываемаго, а между тѣмъ грекъ представляетъ, что похвала и ложь произносятся только по направленію или, какъ мы выражаемся, по адресу кого нибудь. Мнѣ кажется, что именно выраженіе по адресу способно передать и выяснить, на сколько возможно — передвиженіе представленія о затрогиваніи хвалимаго похвалою къ представленію о простомъ »отнесеніи« похвалы къ хвалимому. Что же могло повліять на это передвиженіе представленія отъ »затрогиванія« къ простому »отнесенію«? Полное устраненіе локальности? (Мы говоримъ здѣсь не о локальности мѣстнаго падежа, о которой толковали на стр. 282, а о той общей локальности, для которой первоначально были придуманы предлоги). Едва ли. Тогда вообще появленіе какого бы то ни было предлога въ рѣчи потеряло бы всякій смыслъ. Не объ устраненіи локальности можетъ быть здѣсь рѣчь, а о ея метафоризированіи. Конечно, въ мысли, выраженной въ κατὰ νηδύος ὕμνε φέρουσα (Ар. Rh. 4. 1328), можно вскрыть и дѣйствительную локальность, но тогда пришлось бы, можетъ быть, употребить даже не предлогъ κατὰ (или возможенъ оборотъ κατὰ νηδύν? — κατὰ θυμόν = по всей области той души — дѣйствительно встрѣчается), а скорѣе предлогъ ἐν (ἐν νηδί φέρουσα ὕμνε = во чревѣ носила васъ). Разъ, однако, сказано κατὰ νηδύος, то это метафоризированная локальность, и »отнесеніе« предмета къ предмету (въ данномъ случаѣ — предмета φέρειν къ предмету νηδύς, ибо при сопоставленіи ὕμνε съ νηδύς трудно не думать о дѣйствительной локальности) является результатомъ этой метафоры. Въ чемъ тутъ дѣло? Врядъ ли мы ошибаемся, утверждая, что представленіе простаго »отнесенія« предмета къ предмету, въ данномъ случаѣ, сводится къ представленію чего то высшаго по отношенію къ чему то низшему. Если я а »отношу« къ b, то b можетъ представляться мнѣ чѣмъ то, лежащимъ внизу, а b — придвигающимся къ нему сверху. А разъ b представляется лежащимъ внизу, то и

оправдывается предлогъ κατὰ, равно какъ оправдывается и родовой падежъ, такъ какъ — на это указано уже выше — »отнесеніе« можетъ представляться метафорою движенія по направленію къ предмету. Простое »отнесеніе« предмета къ предмету мы видимъ еще въ примѣрахъ: ὦμνε κατ' ἐξωλείας (Dem. 21. 119), καθ' ἡμῶν δμνύναι οὐκ ἤθελε (Dem. 29. 26) и, вообще, δμνύναι κατὰ τινος; εὐχὴν ποιήσασθαι κατὰ χιλίων χιμάρων (Ар. Equ, 659); κατὰ παντός τοῦ χρόνου σκέψασθε (Dem. 22. 72); κατὰ κόφους πατάσσειν, κατὰ σκοποῦ τοξεύειν и т. п.

Дѣйствительное направленіе, т. е. представленіе дѣйствительной, не метафоризированной локальности, съ указаніемъ притомъ на предметъ какъ на не-окончательную цѣль движенія, мы видимъ въ примѣрахъ: κατὰ χθονὸς ὄμματα πήξας (Пл. γ. 217), βᾶτε κατ' ἀντιθύρων ὅσον τάχιστα (Soph. El. 1433), τὸν κομποτὸν εἶδε κατὰ τῶν ἰδίων φερόμενον и т. д. Сюда же мы относимъ и примѣры въ родѣ μύρον κατὰ τῆς κεφαλῆς καταχέαντες (Plat. Resp. 3. 398 a), κατὰ τοῦ πυρὸς σπένδειν (Plat. Critias 120 a) и под. Ибо хотя то, что льется, должно прежде всего затронуть самый предметъ, показанный при κατὰ, но оно льется и дальше: καταχέαντες κατὰ τῆς κεφαλῆς не значить »лить на голову«, а »лить по головѣ внизъ«, по чешски — »líti přes hlavu«. Это то přes (= черезъ), предполагающее продолженіе движенія еще послѣ того, какъ затронуть былъ предметъ, по направленію къ которому нѣчто было двинуто (именно по направленію къ предмету, а не въ самый предметъ, иначе о продолженіи движенія за предѣлами предмета не могло бы быть рѣчи), — это přes я вижу и въ примѣрѣ κατὰ τοῦ πυρὸς σπένδειν. Да и по русски, когда приказываютъ »пустить струю воды по огню«, то хотя и рассчитываютъ на то, что струя должна затронуть огонь, но въ языкѣ указываютъ только на направленіе вообще. Меня чрезвычайно затрудняетъ омировское κόπρος κατὰ σπείους κέχυτο μεγὰλ' ἤλθα πολλή (Od. ι 330). Неужели и это мѣсто нужно понимать въ смыслѣ чешскаго přes sluj, т. е. черезъ пещеру и дальше? А можетъ быть, здѣсь идетъ дѣло о простомъ

»отнесеніи« предмета къ предмету? Или самый *текстъ* невѣренъ и требуетъ исправленія? Во всякомъ случаѣ, если тутъ указывается на *κόπρον*, разбросанную по *всей* пещерѣ, отъ начала до конца, то это мѣсто относится къ *первому* пункту нашихъ »правиль«, и естественнѣе было бы ожидать *вещный* падежъ.*)

Указаніе на предметъ какъ на окончательную *црль* движенія, съ внесеніемъ притомъ, во фразу, представленія *локальности*, мы видимъ въ примѣрахъ *κατὰ στήθος βαλεῖν*, *κατ' ἀσπίδα βαλεῖν*, а также въ *στάς κατὰ τὰς πύλας* (Хен. Анаб. V. 2. 16) и въ *κατὰ τὴν ὁδὸν ἐγέροντο* (Хен. Анаб. IV. 3. 21). Трудно возражать тому, кто въ *στάς κατὰ τὰς πύλας* хотѣлъ бы усматривать смыслъ »сталъ *вдоль* воротъ« (*κατὰ* было бы тогда ослаблено въ *παρά*). Что же касается примѣра *κατὰ τὴν ὁδὸν ἐγέροντο*, то отнесеніе его сюда лучше всего объясняется нѣмецкимъ »*sich auf den Weg machen*«. Нѣмецкое »*sich auf den Weg machen*« представляетъ самый путь чѣмъ то, находящимся *ниже* дѣйствія, относящагося къ пути, а разъ путь представляется *ниже*, то оправдывается и *κατά*. Такъ пришлось бы объяснять и *στάς κατὰ πύλας*, если оно принадлежитъ сюда, а не къ *первому* пункту нашихъ »правиль«.

Остается разобрать всю метафористику и вообще фразеологию въ »*κατά*« *перваго* пункта, — въ томъ *κατά*,

*) Если бы это выраженіе принадлежало болѣе позднему языку, а не омировскому, то мы были бы готовы думать о томъ, что предлогъ, допуская по значенію падежей столько разнообразія въ своей конструкціи, наконецъ шаблонизировался въ *господствующую* статистически конструкцію съ ослабленіемъ сознанія значенія падежей, хотя, — замѣчательно! — эта шаблонистика предлоговыхъ конструкцій наступила въ греческомъ языкѣ очень поздно, можно сказать, — лишь въ византийскій періодъ, и если Кримбачеръ, въ своемъ введеніи къ исторіи византийской литературы, не смущается тѣмъ, что такой или иной предлогъ въ византийскій періодъ сталъ появляться не съ тѣми конструкціями, какъ прежде, то онъ, конечно, съ своей точки зрѣнія правъ, мы же должны дорожить тѣмъ, что *классическій* періодъ безо всякихъ грамматикъ, а можетъ быть, скорѣе, *благодаря* отсутствію грамматикъ, до послѣдняго времени сохранилъ величайшую *чуткость* къ своему языку (даже въ *предлоговыхъ* конструкціяхъ).

которое мы сопоставляли съ *παρά*. Метафористика его и вообще фразеологія — широка и трудно объяснима.

ἦρωες κατὰ τὴν χάραν ἰδρυμένοι (Лус. 1. 25) = по всей странѣ, *сверху до-низу* или, при ослабленномъ представленіи покатоѣти, *отъ начала до конца*.

κατὰ δῆμον = по всему народу, *отъ начала до конца* = во всемъ народѣ.

εἴ τι μὴ ὁρθῶς πράττω κατὰ τὸν βίον ἐμαυτοῦ (Plat. Gorg. 489 a) = въ теченіе моей жизни (само выраженіе »въ теченіе« достаточно объясняетъ, что тутъ рѣчь идетъ о *протяженіи*, — такомъ же протяженіи, какъ въ *κατὰ δῆμον*).

κατὰ τοῦτον τὸν χρόνον = въ это время; *κατὰ τοῦτον τὸν πόλεμον* = во время войны; *ἀδελφῷ δύο μίαν καθ' ἡμέραν ἀποκτονοῦντε* (Soph. Ant. 55) = въ теченіе одного дня = въ одинъ день; *τίς τὸν πλανήτην Οἰδίπουν καθ' ἡμέραν τὴν νῦν σπανιστοῖς δέξεται δωρήμασιν* (Soph. Oed. C. 3.) = кто приметъ меня въ этотъ день. На всѣхъ этихъ примѣрахъ придется подольше остановиться.

Въ выраженіяхъ *κατὰ τὴν χάραν*, *κατὰ δῆμον* и *κατὰ τὸν βίον ἐμαυτοῦ* мы толковали вещный падежъ, какъ то было дано самимъ *значеніемъ* падежа, въ смыслѣ указателя на площадь или линію, *црль*комъ занятую чѣмъ нибудь. Въ *только* что приведенныхъ примѣрахъ это выдерживается не вездѣ. Даже первое *κατὰ τοῦτον τὸν χρόνον* не обязательно толковать въ смыслѣ *во все это время*, *отъ начала до конца*, а въ примѣрѣ *Soph. Oed. C. 3.* прямо *нельзя* влагать такого смысла, что Эдипа будутъ принимать *весь* день, *отъ начала до конца*. Въ чемъ тутъ дѣло? Очевидно, здѣсь идетъ рѣчь *только* объ *опредѣленіи* времени. Оно могло быть опредѣлено *минутою* (говорятъ »въ эту минуту«), часомъ (говорятъ »въ этотъ часъ«), а въ данномъ случаѣ днемъ (сказано »въ этотъ день«). Но чѣмъ бы время ни опредѣлялось, всегда оно, какъ время, будетъ представляться *протяженіемъ*, и именно это *протяженіе*, само по себѣ, вызываетъ въ языкѣ, кажется, *прежде*

всего появленіе предлога *κατά*, а затѣмъ и появленіе вещнаго падежа. *Κατὰ τήνδε τήν ἡμέραν τοῦτο γενήσεται* значить: »по этой линіи, если идти по ней сверху внизъ (да, именно *внизъ*, а не *до-низу*, какъ было, быть можетъ въ другихъ вещныхъ падежахъ при *κατά*), ты встрѣтишься съ этимъ явленіемъ.« Русский языкъ употребляетъ въ данномъ случаѣ тоже вещный падежъ (въ *этотъ* день, въ *этотъ* часъ). При выборѣ вещнаго падежа, очевидно, русскій языкъ руководился тѣмъ же мотивомъ, какъ и греческій языкъ при выборѣ своего оборота *κατὰ τήνδε τήν ἡμέραν*. Вообще русское »въ этотъ день« — очень похоже на греческій оборотъ, только *предлогъ* тутъ другой. Если бы русскій языкъ не считался съ протяженіемъ *самимъ по себѣ*, то его предлогъ »въ« долженъ бы соединяться съ падежемъ *мыслнымъ*, а не *вещнымъ*. Это мы можемъ провѣрить на греческомъ языкѣ, который при предлогѣ, *соотвѣтствующемъ* русскому »въ«, не принимая »протяженія« въ расчетъ, а выражая простое сопоставленіе предмета съ предметомъ (при этомъ простомъ сопоставленіи оказался одинъ предметъ *внутри* другого), говорить, напр., не *εἰς τοῦτον τὸν χρόνον*, а *ἐν τούτῳ τῷ χρόνῳ*. Въ виду послѣдняго обстоятельства мы и думаемъ, что, если русскій языкъ, считаясь съ единицею времени какъ съ »протяженіемъ«, началъ при обозначеніи этого »протяженія« прямо съ падежа, примѣняя къ нему *потомъ* уже предлогъ, какъ *пришлось*,*) то греческій языкъ началъ именно съ предлога. Предлогъ, соотвѣтствующій русскому »въ«, не представлялся ему такимъ выразительнымъ, какъ *κατά*. Послѣдній, рисуя движеніе *сверху внизъ*, гораздо больше былъ способенъ обозначить искомую картину »протяженія«, и вещный падежъ *единицы* времени, по которой это протяженіе *идетъ*, опредѣлялся уже, какъ-бы, *самъ собою*. То же самое мы видимъ въ послѣднихъ трехъ примѣрахъ предлога *παρά* (стр. 285); только

*) Въ чешскомъ яз., да и *ц.-славянскомъ*, въ подобныхъ случаяхъ употребляется даже *простой* вещный падежъ безъ всякаго предлога: говорятъ *čento den* (= сей день) и т. д.

тамъ рисовалось »протяженіе« не сверху внизъ, а просто отъ одной точки къ другой.*)

Перейдемъ къ *другимъ* примѣрамъ. На очереди теперь оборотъ *αὐτὸς καὶ ἑαυτὸν*. По русски говорятъ »самъ по себѣ.« Слово »по,« конечно, *способно* указывать на площадь, *цѣликомъ* занятую чѣмъ нибудь, а потому вещный падежъ въ данномъ греческомъ оборотѣ можно выяснитъ и при посредствѣ русскаго перевода. Но для *лучшаго* его выясненія сопоставимъ его съ выраженіемъ *κατὰ σφέας μάχονται* (П. β. 366). *Κατὰ σφέας μάχονται* значить: сражаются, не соединяясь съ другими въ одинъ *общій* рядъ = сражаются, составляя, *отъ начала до конца*, рядъ исключительно изъ *однихъ себя*. Такъ и *αὐτὸς καὶ ἑαυτὸν* обозначаетъ: онъ самъ, составляя, *отъ начала до конца*, нѣчто *цѣлое* изъ *себя самого*.

Примѣромъ *κατὰ σφέας μάχονται* можно объяснить — объяснить черезъ сопоставленіе съ нимъ — еще и *другое* явленіе языка: вмѣсто *κατὰ σφέας* можно поставить *καὶ ἑνα*. *Μάχονται καὶ ἑνα* значить: они сражаются, такъ что *одинъ* составляетъ нѣчто *цѣлое*.

Много толкуютъ о *distributiv'номъ* значеніи слова *κατά*: *κατ' ἑθνη*, *κατὰ τριακοσίους* = поплеменно, по триста. *Distributiv'ность* заключается въ данномъ случаѣ въ *одинаковости рядовъ*. Спрашивается: указываетъ ли *κατά* на *всю* эти ряды, рисуя линію »сверху до низу« по отношенію ко *всѣмъ* имъ, т. е. *съ перваго до послѣдняго*, или же оно поставлено для обозначенія *одного* ряда, рисуя линію отъ *начала* этого ряда до его *конца*? Судя по обороту

*) Намъ скажутъ, что въ примѣрѣ изъ Софокла *κατὰ τήνδε τήν ἡμέραν* мы имѣемъ дѣло съ третьимъ типомъ нашихъ примѣровъ, и что то *δέχεσθαι*, — тотъ приѣмъ, о которомъ здѣсь говоритъ Эдипъ, и который въ данномъ случаѣ сопоставляется при посредствѣ предлога *κατά*, »попадаетъ« въ *ἡμέραν*, причѣмъ она представляется лежащею *внизу*. Словомъ, стануть сравнивать нашъ примѣръ съ вышеприведеннымъ *κατὰ στήθος βαλεῖν* (сравни стр. 282). Въ такомъ случаѣ аналогія съ *παρά*, о которой мы здѣсь толкуемъ, потеряла бы весь смыслъ, а ея нужно непремѣнно держаться не изъ за *κατά*, но и изъ за самого *παρά*; ибо иначе *παρ' ἑναυτὸν*, *παρὰ τρίτον μῆνα*, *παρ' ἡμέρ* было бы необъяснимо. А разъ *παρά* допускаетъ только изложенное объясненіе, то нечего отступать отъ него и при *κατά*.

μάχονται καθ' ἑνα и по связи его съ выраженіями μάχονται κατὰ σφέας и αὐτὸς καθ' ἑαυτόν, слѣдуетъ рѣшить нашъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что κατὰ относится къ обозначенію одного ряда. Но изъ чего же тогда можно заключить, что этихъ рядовъ нѣсколько? Въ оборотѣ μάχονται καθ' ἑνα это ясно видно изъ противопоставленія множественнаго числа μάχονται единственному числу καθ' ἑνα. Въ другихъ случаяхъ это выражается множественнымъ числомъ, стало быть, — указаніемъ на повтореніе самихъ тѣхъ единицъ, которыя составляютъ каждая по себѣ рядъ (говорять »κατ' ἑθνη«, а не »κατ' ἑθνος«, причемъ рядъ состоитъ изъ одного ἑθνος). Иногда это достигается черезъ внесение въ текстъ слова ἑκαστος (καθ' ἑκάστην ἡμέραν). Но по большей части приходится объ этомъ догадываться при помощи другого соображенія. Что это за соображеніе?

Distributiv'но, какъ извѣстно, понимается и καθ' ἡμέραν (μάχονται καθ' ἡμέραν = сражаются день за днемъ). Мы уже разсуждали о томъ, что въ καθ' ἡμέραν не нужно впадать непременно тотъ смыслъ, будто все ἡμέραν занято извѣстнымъ дѣйствіемъ, но что ἡμέραν есть только единица времени, опредѣляющаяся въ данномъ случаѣ днемъ, но могущая опредѣляться также и часомъ и т. д. Все зависитъ отъ подчеркиванія или неподчеркиванія представленія единицы. Когда Софокловскій Эдипъ говоритъ τίς με δέξεται καθ' ἡμέραν τὴν νύν, то онъ выражаетъ не больше, не меньше какъ вопросъ: »кто меня приметъ въ тотъ промежутокъ времени, который я опредѣляю, или который опредѣляетъ сама ситуация нынѣшнимъ днемъ? Въ distributiv'номъ же μάχονται καθ' ἡμέραν я вижу слѣдующее: сражаются извѣстное время, причемъ единицу времени, т. е. ту единицу, которою измѣряется время, составляетъ день. Такъ я толкую и три примѣра, оставшіеся неоконченными разборомъ на стр. 285): о »παρ' ἡμέραν« я бы повторилъ то же, что сказано о »κατ' ἡμέραν«; παρὰ τρίτον μῆνα указываетъ на то, что единицу, которою измѣряется время, составляетъ третій мѣсяцъ, а въ παρ' ἐνιαυτόν этою единицею

оказывается время по прошествіи года, т. е. второй годъ. Это толкованіе, конечно, непримѣнимо къ выраженію μάχονται κατὰ τριακοσίους, такъ какъ τριακοσίους есть число, опредѣленіе котораго обходилось безъ такихъ случайныхъ единицъ, какими являются день или часть при опредѣленіи времени. Первое впечатлѣніе отъ оборота »μάχονται κατὰ τριακοσίους« дѣйствительно — такое, какъ будто κατὰ рисуетъ верхъ и низъ не одного ряда, а всей группы, составившейся изъ рядовъ (много, впрочемъ, зависитъ отъ того, какъ поставлены эти ряды, одинъ ли за другимъ, или одинъ возмъ другого). Но если присмотрѣться къ дѣлу ближе, то μάχονται κατὰ τριακοσίους составляетъ полную аналогію обороту καθ' ἡμέραν. Если въ καθ' ἡμέραν все заключалось въ подчеркиваніи или неподчеркиваніи единицъ, то здѣсь все заключается въ подчеркиваніи или неподчеркиваніи линіи; μάχονται κατὰ τριακοσίους значить: сражаются, при чемъ линія, по которой, согласно предлогу κατὰ, нужно идти, составляетъ число 300 (подразумѣвается, что этихъ линій нѣсколько).

Переходимъ къ разбору дальнѣйшихъ примѣровъ.

Διούρω μὲν νυν τῷ ἐκ Σεμέλης τῆς Κάδμου λεγομένῳ γενέσθαι κατὰ ἐξακόσια ἔτεα καὶ χίλια μάλιστα ἐστὶ ἐς ἐμέ (Herod. 2. 145) = я считаю тутъ лѣтъ, начиная съ первого и идя все ниже, приблизительно (приблизительность здѣсь выражена прежде всего словомъ μάλιστα = скорѣе всего = едва ли больше, или меньше, чѣмъ) 1600.

οὐ γὰρ ἦν κατὰ τὴν πόλιν (Plat. Theaet. 142a) = не было его по всему городу = не было его въ городѣ.

οἱ δὲ Πέρσαι ὡς εἶδον ἐπιφανείσαν τῶν Σκυθέων τὴν ἵππον, ἐπῆσαν κατὰ στίβον αἰεὶ ὑπαρόντων (Herod. 4. 122) = или по всей линіи слѣдовъ = по слѣдамъ; такъ и κατὰ πόδα = по всей линіи движенія ноги = вслѣдъ за кѣмъ (или выражено тутъ просто по ногѣ, т. е. накрывая ногу?)

κατ' ἄλλους δ' αὖ τοιάδε ἔλεγεν (Xen. Cyrop. VII. 1. 12) = по рядамъ другихъ, отъ начала рядовъ до конца, раздавались такіа то слова.

κατὰ τοὺς Λακεδαιμονίους ἔστησε Πέρσας (Herod. 9. 31.) = по линии, гдѣ стояли Лакедемоняне, онѣ поставилъ Персовъ.

Примѣръ изъ Софокла (Antig. 761), гдѣ сказано ἀγαγε τὸ μῖσος (т. е. Антигону), ὡς κατ' ὀμματα αὐτίκα παρόντι θνήσκη πλησία τῷ νυμφίῳ, представляетъ собою, если ходячее толкованіе — правильно,*) метафору предыдущаго примѣра. Чѣмъ были выше ряды Лакедемонянъ, тѣмъ являются здѣсь ὀμματα νυμφίου, а передъ этими ὀμματα стоитъ умирающая Антигона; она должна умереть на глазахъ жениха. И русское выраженіе «на глазахъ» рисуетъ почти такую же картину: «на глазахъ» значить, какъ бы, «на всей площади взоровъ». Впрочемъ, κατ' ὀμματα можно принять и за усиленіе слова αὐτίκα. Можетъ быть, рѣчь идетъ просто о быстромъ исполненіи дѣйствія: «αὐτίκα κατ' ὀμματα» значило бы тогда «сейчасъ, такъ чтобы нельзя успѣть и глазъ отвернуть». Въ этомъ случаѣ, конечно, нужно бы примѣнить къ «κατ' ὀμματα» второе толкованіе выше приведеннаго κατὰ πόδα = какъ бы — накрывая глаза. У меня не развито чувство языка настолько, чтобы настаивать на предложенномъ толкованіи даннаго мѣста. Противъ перваго толкованія, какъ будто, говоритъ вся разстановка словъ. При второмъ толкованіи я нахожу болѣе естественнымъ тотъ отвѣтъ, который влюбленный сынъ даетъ Креонту: «не такъ быстро это исполнится, какъ тебѣ, отецъ, хотѣлось бы, и въ моемъ присутствіи (т. е. пока я буду свидѣтелемъ твоихъ поступковъ съ нею) она не умретъ»; такъ я понимаю слова: οὐ δῆτ' ἔμοιγε (разумѣй ἔμοιγε κατ' ὀμματα = не моихъ глазъ касается та быстрота, о которой ты говоришь), τοῦτο μὴ δόξης ποτέ, οὔθ' ἦδε ὀλεῖται πλησία.

κατὰ θυμόν = по всей области сердца = въ сердцѣ.

ἐμήδιζον κατ' ἄλλο μὲν οὐδέν, κατὰ δὲ τὸ ἔχθος τῶν Θετταλῶν (Herod. 8. 30) = руководясь не другимъ чѣмъ,

*) Schneidewin — Nauck: Die Leidenschaftlichkeit Kreons haeuft die Ausdrücke κατ' ὀμματα πλησία παρόντι τῷ νυμφίῳ.

какъ только враждою = не почему либо другому, какъ только вслѣдствіе вражды къ Θεσσαλίцамъ. Само слово руководясь предполагаетъ представленіе параллельности чего съ чѣмъ, а разъ идетъ рѣчь о параллельности, то умѣстно не только παρὰ съ вещнымъ падежемъ, но и сравненное нами съ нимъ выше κατὰ.

κατ' ὀμφάς τὰς Ἀπόλλωνος δότε πέραςιν (Soph. Oed. C. 102) = руководясь волею Аполлона = согласно волѣ Аполлона.

κατὰ τάχος = быстро. Рядомъ съ «поступаетъ хорошо» говорятъ «поступаетъ по хорошему»; такъ и въ выраженіи κατὰ τάχος слышится «по быстрому». Слово «по» въ данномъ случаѣ, кажется, достаточно объясняетъ весь смыслъ предлога κατὰ и вещнаго падежа при немъ.

προσέχόμενον αὐτῷ κατὰ τὴν μητέρα (Thuc. I. 127) = приближеннаго къ нему или родственнаго ему по матери.

ὁμολογῶ οὐ κατὰ τοῦτους εἶναι ῥήτωρ (Plat. Apol. 17, b) = я согласенъ, что я — ораторъ не по ихнему = что я — не ораторъ, соотвѣтствующій (опять параллельность) тому, что они представляютъ изъ себя, какъ ораторы.

τοῦργον τόδε μείζον ἀν εἶη ἢ κατ' ἐμὰν ῥώμαν (Soph. Tr. 1018) = дѣло это — выше, чѣмъ по моимъ силамъ = чѣмъ соотвѣтствуетъ моимъ силамъ.

κατὰ τὸν αὐτὸν λόγον = соотвѣтственно тому же разсчету.

τὰ κατὰ τὸν πόλεμον = все, относящееся къ войнѣ; πόλεμοςъ представляется здѣсь площадью, которая вся занята вещами, обозначенными здѣсь словомъ τὰ.

Такова фразеологія предлога κατὰ съ вещнымъ падежемъ, когда онъ, этотъ предлогъ, имѣетъ отношеніе къ первому пункту нашихъ «правилъ» о немъ. Разборомъ этой фразеологіи мы заканчиваемъ и разборъ всего κατὰ. Что касается предлога ἀνά, составившаго у насъ вмѣстѣ съ παρὰ одну группу, то на немъ не придется долго останавливаться. Предлогъ ἀνά указываетъ на нахожденіе чего нибудь (κατὰ былъ предлогъ движенія) на верху предмета и, какъ истый предлогъ, т. е. какъ такая часть рѣчи, которая пользуется

оттѣнками падежей для повторенія въ нихъ того же, что выражено въ ней самой, должно дополняться *мѣстнымъ* падежемъ.

На дѣлѣ, конструкція *ἀνά* съ *мѣстнымъ* падежемъ встрѣчается *только* у Омира. Если же мы ее кое-гдѣ встрѣчаемъ и у болѣе позднихъ поэтовъ, то они уже пользуются ею скорѣе какъ поэтическимъ архаизмомъ. Проза къ этой конструкціи не прибѣгаетъ, такъ какъ нашла другіе предлоги, которые способны передать то же. Изъ разобранныхъ до сихъ поръ — такимъ замѣстителемъ слова *ἀνά* можетъ являться предлогъ *ἐν*. Что *ἐν* могло собою замѣнить *ἀνά* только по стремленію къ *упрощенности* средствъ языка, всякому понятно: *ἐν* могло указывать на *поверхность*, и притомъ лишь подъ тѣмъ условіемъ, если самъ *предметъ*, къ названію котораго приставляется *ἐν*, представлялся »поверхностью«¹ или *плоскостью*, тогда какъ *ἀνά*, указывая на *верхъ* предмета, — хотя бы то былъ верхъ горизонтально растущаго *дерева* и т. под. предметовъ, — только черезъ этотъ *верхъ* можетъ указывать и на *поверхность*. Сравни: *στέμματ' ἔχον ἐν χερσὶν ἡκηβόλου Ἀπόλλωνος χρυσοῦ ἀνὰ σκήπτρῳ* (II. α. 15); *εἶδε ἀνὰ Γαργάρῳ ἄκρῳ* (II. ξ. 352); *κηφαλὴν πῆξαι ἀνὰ σκολόπεσσι* (II. σ. 177); *ἀθηρηλοῦδον ἔχειν ἀνὰ φαδίμῳ ὄμῳ* (Od. λ. 128); *ἄρματα δ' ἄν βομοῖσι τίθει* (II. θ. 441) и др.

Но *ἀνά* встрѣчается и съ *вещнымъ* падежемъ. Вещный падежъ тогда прибавляетъ нѣчто *отъ* себя для созданія той общей картины, которая должна быть выражена всѣмъ оборотомъ. Онъ указываетъ на то, что *вся* площадь предмета, поставленнаго при *ἀνά*, занята чѣмъ-нибудь, а такъ какъ само *ἀνά* обозначаетъ *только* верхъ, который является *конечною* цѣлью приведенія въ отношеніе двухъ предметовъ, то всею конструкціею предлога *ἀνά* съ *вещнымъ* падежемъ подчеркивается, что *вся* площадь занята чѣмъ-нибудь по направленію *снизу доверху*. Такимъ образомъ, *ἀνά* съ *вещнымъ* падежемъ составляетъ полную противоположность обороту *κατά* съ *вещнымъ* падежемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ послѣднемъ идетъ рѣчь не о *цѣли*

движенія, а *именно* о занятіи чѣмъ-нибудь *всей* площади или *всей* линіи *сверху до низу*. Тамъ, гдѣ покатость площади слишкомъ замѣтна и *должна* быть замѣчена, тамъ эта противоположность отзывается и на различіи *смысла* обоихъ сопоставленныхъ нами здѣсь оборотовъ. Такъ, *κατά ῥόον* обозначаетъ *по теченію* рѣки, а *ἀνά ῥόον* — *противъ* теченія. Если же покатость площади и *направленіе* этой покатоности не имѣетъ значенія въ общей картинѣ, то *ἀνά* и *κατά* въ разсматриваемыхъ нами оборотахъ *совпадаютъ* по выраженному въ нихъ смыслу; въ общемъ, *ἀνά* встрѣчается здѣсь рѣдко, и нѣтъ ни одного фразеологическаго явленія, въ которомъ *рядомъ* съ *ἀνά* нельзя бы встрѣтить и *κατά*. Сравни: *ἀνὰ τοῦτον τὸν χρόνον* и *κατὰ τοῦτον τὸν χρόνον*;*); *ἀν' ἐκαστὸν ἄνδρα* и *κατὰ τριακοσίους ἄνδρας* (въ смыслѣ *distributiv'номъ*); *ἀν' ἐκάστην ἡμέραν* и *καθ' ἐκάστην ἡμέραν* (тоже *distributiv'но*); *ἡ ὁδὸς ἀνὰ διηκόσια στάδια συμβέβηται* (Herod 4. 101) и *Λιονύσῳ γενομένῳ κατὰ ἐξακόσια ἔτεα καὶ χίλια μάλιστα ἐστὶ ἐς ἐμέ;***); *ἀνὰ στόμα ἔχειν* (II. β. 250) и *κατ' ὄμματα θνήσκει*; *ἀνὰ θυμόν* и *κατὰ θυμόν*; *ἀνὰ τάχος* и *κατὰ τάχος* и т. д.

Ἀμφί — περί. Въ предлогѣ *ἀμφί* видятъ этимологическую связь съ *ἀμφω* (такъ, Бругманъ, Grundr. II. 520, осторожно умалчивая объ *ἀμφί* какъ *падежѣ*, — извѣстна склонность этимологовъ искать въ предлогахъ *падежные* формы, — признаетъ »ein etymologisches Nebeneinander von ἀμ-φί und ἄμ-φω) и, согласно съ этимъ, толкуютъ данный предлогъ въ смыслѣ *съ обѣихъ сторонъ* = *съ той и другой стороны*.

»*Съ той и другой стороны* какого-нибудь *круглаго столба*«¹ значить »*кругомъ* столба«. Но и фраза »*съ той и*

*) Здѣсь сопоставляется не то *κατὰ τοῦτον τὸν χρόνον*, о которомъ мы толковали на стр. 293, а то, которое относится къ *первому* пункту нашихъ четырехъ замѣтокъ о *κατά*, т. е. когда *дѣйствительно* *χρόνος* представляется линіею, *цѣликомъ* занятою чѣмъ-нибудь.

**) На стр. 297 мы толковали о томъ, что приблизительность выражена »прежде всего«¹ словомъ *μάλιστα*. Но выраженіе приблизительности можно, пожалуй, найти и въ самомъ предлогѣ *κατά*, а слѣдовательно, и въ сопоставленномъ съ нимъ *ἀνά*. Такъ и *εἰς χίλιος* обозначало приблизительность, однако, благодаря лишь *закругленности* цифры (сравни выше стр. 241).

другой стороны какойнибудь *многосторонней* площади — часто получает смысл *«кругом»* площади. В последнем случае мы как бы закрываем глаза на *многосторонность*, и «закругляем» самую площадь; это бывает *именно* и особенно там, где площадь имеет больше —, или меньше *четырёх* сторон (даже *четыре* стороны площади мы любим «закруглять», если не имеем дѣло съ квадратомъ или oblong'омъ).

При столбѣ, площади и тому подобныхъ предметахъ — кругъ, какъ мы его выяснили, т. е. кругъ какъ метонимія *«обѣихъ сторонъ»*, рисуется *горизонтально*, и этимъ, быть можетъ, въ случаѣ метониміи, слово *ἀμφί* и отличается отъ *περί*, которое намѣчаетъ скорѣе *шаръ* или окружность *вертикальную*, проходящую въ своемъ зенитѣ и вообще въ *верхней* своей части *надъ* предметомъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, становится понятнымъ, почему *περί*, во фразѣ напр. *περί δὲ θεῶν ἀνθρώπων ἐστὶ Ζεὺς* (П. v 374), получаетъ значеніе *«надъ смертными»* = *«выше смертныхъ»* (*ἀμφί* до такого значенія не дошло). Такимъ образомъ, въ стихѣ *θεὸς δ' ἄρ' ἀμφ' ἀκτὰς περὶ τ' ἀμφὶ τ' κύματα μακρὰ* (Hes. Theog. 848) можно бы усматривать картину *«около основанія волнъ (ἀμφί) и по ихъ поверхности (περί)»*.

Не во *всѣхъ* случаяхъ сочетанія словъ *περί* и *ἀμφί* можно *настаивать* на этомъ различіи. Есть случаи такого ихъ сочетанія, гдѣ *ἀμφί* возвращается къ своему *первичному* значенію *«съ обѣихъ сторонъ»*, а *περί* указываетъ тогда *просто* на «окружность», безъ обозначенія ея положенія. Такъ, быть можетъ, слѣдуетъ толковать мѣсто *ἡμεῖς δ' ἀμφὶ περὶ κρήνην ἱεροῦς κατὰ βωμοῦς ἔρδομεν ἀθανάτοισι τελέεσσας ἐκατόμβας καλῇ ὑπὸ πλατανίστῳ, θθεν ῥέειν ἀγλαὸν ὕδωρ* (П. β 305) = съ обѣихъ сторонъ *кругомъ* источника, по *всей* линіи жертвенниковъ. Или мы въ *данномъ* мѣстѣ имеемъ дѣло съ такъ называемымъ *τῆσις*-омъ (о *τῆσις*-ѣ — рѣчь впереди), и *ἀμφί* слѣдуетъ отнести къ глаголу *ἔρδομεν*? Тамъ, гдѣ *нѣтъ* разбираемаго нами «сочетанія», тамъ ужъ, конечно, можетъ

поблекнуть или даже *совсѣмъ* исчезнуть представленіе о *различіи* положенія круга, т. е. представленіе вертикальности въ *одномъ*, а горизонтальности въ *другомъ* предлогѣ, и тогда *περί* и *ἀμφί* до того *уравниваются* между собою, что могутъ *замѣнять* другъ друга, *кроме* значенія *«выше»*, въ которомъ *«περί»* *возстановливаетъ* свой первоначальный смыслъ, и до котораго, какъ сказано, слово *ἀμφί* не дошло.

Что касается надежей, то прежде всего слѣдуетъ указать на *умѣстность* обще-родоваго надежа при предлогѣ *περί* въ исключительно *ему* принадлежащемъ значеніи *«выше чего-нибудь»*: *περί δὲ θεῶν καὶ ἀνθρώπων ἐστὶ Ζεὺς* = Зевсъ — выше боговъ и людей (скуда же относится извѣстный оборотъ *περὶ πολλοῦ ποιεῖσθαι*).

Удалительный падежъ при *περί* и *ἀμφί* не имеетъ мѣста, такъ какъ само представленіе «окружности» не *мируется* съ представленіемъ удаленія чегонибудь *прочъ* отъ предмета.

Мыслимъ ли при *«περί»* и *«ἀμφί»* *личный* падежъ? Повидимому, да. Ибо какое вообще «сопоставленіе предмета съ предметомъ» можетъ быть *выражаемо* предлогами *περί* и *ἀμφί*? Или *«нахожденіе»*, а то и *«обхожденіе»* чегонибудь *кругомъ* *всего* предмета, или *нахожденіе* чегонибудь на *части* окружности предмета. Въ первомъ случаѣ всѣ права — за *вещнымъ* падежемъ, во второмъ же случаѣ не исключена возможность представлять себѣ *«лицо»*, «около» котораго я нахожусь, *руководящимъ* моими дѣйствіями, *также* находящимися «около» него (русское слово *около* я въ данномъ объясненіи разумѣю именно въ смыслѣ *нахожденія на части* окружности = *вблизи*). Но *нахожденіе на части* окружности можетъ быть понято и *особымъ* образомъ. Самъ *предметъ*, къ названію котораго приставлено *ἀμφί-περί*, можетъ представляться шаромъ или кругомъ, а тогда «окружностью» могутъ оказаться его *собственная* поверхность и его *собственные* края, и «находиться на *части* окружности» будетъ обозначать *«находиться на немъ»* или *«находиться непосредственно при немъ»*. Выражать отношеніе на предметъ или *непосредственно при предметѣ*

является функцией *мѣстнаго* падежа, а разъ мы признаемъ при предлогахъ *ἀμφί-περί* *мѣстный* падежъ, то, согласно соображенію, выясненному на стр. 273., нѣтъ мѣста при нихъ падежу *личному*. Тогда, конечно, все то, что даетъ такой или иной поводъ думать о *личномъ* падежѣ при нашихъ предлогахъ, должно быть истолковываемо какъ метафора «локальности» падежа *мѣстнаго* (см. выше стр. 282). Наконецъ, нахождение на *части* окружности можетъ получить смыслъ нахождения гдѣ нибудь *подалѣе* отъ предмета, и тогда выступаетъ *родовой* падежъ. Это — *тоже* локальность, но локальность *родоваго* падежа. И она можетъ быть метафоризирована, и тогда *родовой* падежъ обозначаетъ ту или иную *общую* связь предмета съ предметомъ или, какъ мы выразились по поводу нѣкоторыхъ случаевъ при *κατά* (см. стр. 290-1), указываетъ на «отнесение» предмета къ предмету. *) Такова теорія о падежахъ предлоговъ *ἀμφί-περί*, насколько она вытекаетъ изъ всего, разъясненнаго до сихъ поръ. Разсмотримъ теперь, въ какой мѣрѣ она оправдывается на практикѣ.

οἱ περὶ Ἡράκλειτον, οἱ ἀμφὶ Πρωταγόραν = школа Ираклита, ученики Протагора. Языкъ тутъ, очевидно, нѣсколько поэтизируетъ, представляя главныхъ лицъ окруженными со *всѣхъ сторонъ* (какъ бы облѣпленными) ихъ противниками.

ὥσπερ προβάτια μεσημβριάζοντα περὶ τὴν κρήνην εὔδειν (Plat. Phaedr. 259 a). И тутъ немного спозитизировано (= *ездѣ*, куда ни посмотришь = *кругомъ* источника), такъ какъ кое гдѣ, особенно гдѣ *вода* мѣшаетъ (*κρήνη*, *вѣдь*, въ очень рѣдкихъ случаяхъ бываетъ колодезь или озерцомъ), этихъ *пробѣгѣ* нѣтъ (смѣшно было бы — отъ воображенія, которое *руководитъ* языкомъ, требовать *математической* точности).

*) Кто сказалъ бы, что «отнесение» предмета къ предмету не должно быть объясняемо путемъ метафоры такой или иной *локальности*, а должно вытекать непосредственно изъ значенія самого *родоваго* падежа, тому мы отвѣтимъ разсужденіемъ, изложеннымъ на стр. 290 по поводу предлога *κατά*: тогда бы появленіе предлоговъ *περί-ἀμφί* въ рѣчи теряло всякій смыслъ.

ἀμφὶ Σικελίαν τρόπαια στήσαντες (Plat. Men. 242 c) = по всей Сициліи *кругомъ*; здѣсь сама *Сицилія* представлена кругообразною площадью (= по *всѣмъ окраинамъ* Сициліи), тогда какъ выше, при *κρήνη*, нужно было особо *обводить* кругъ.

τρίποδας γὰρ εἴκοσι πάντας ἔτευχεν ἐστάμεναι περὶ τοῖχον εὐσταθέος μεγάροιο (II. σ. 374); сама *стѣна* представлена кругообразною *линіею*.

αὐτὸς δ' ἐν μέσῳ τούτων τὴν διαίταν ποιησάμενος τὸν μὲν ἀμφὶ χειμῶνα χρόνον διήγεν ἐν Βαβυλῶνι ἑπτὰ μῆνας (Хер. Сугор. VII. 6. 22) = время, обхватывающее *всю* «зиму», семь *мѣсяцевъ*.

Сюда же мы относимъ и то *περί-ἀμφί*, которое обозначаетъ *приблизительность*. Настоящіе предлоги «приблизительности» — *именно* эти, а не предлоги *εἰς, κατά* и *ἀνά*, при которыхъ представленіе приблизительности вытекало только изъ закругленности цифръ (см. стр. 301). Мы имѣемъ здѣсь въ виду выраженія какъ то: *περὶ τοῦτον τὸν χρόνον*, *) *ἀμφὶ τεσσαράκοντα ἔτη*, *ἀμφὶ πλήθουσιν ἀγοράν* и т. п. Здѣсь, очевидно, *ὁ τοῦτος ὁ χρόνος, τεσσαράκοντα ἔτη* и *πλήθουσα ἀγορά* противопоставляются, какъ *центръ*, — своей *окружности*: — не *части* окружности (*части* окружности можно противопоставить *другую* часть окружности), а *именно* «цѣлой» окружности (потому и поставленъ вещный падежъ).

περὶ δειπνον πένοντο (Od. δ 624); *αἱ νομοθεσίαι καὶ τὸ ὠφέλιμον περὶ τὸ μέλλον ἐστί* (Plat. Theaet. 179 a) и др. Здѣсь представлено *вращающимся* — въ одномъ случаѣ *τὸ πένεσθαι* кругомъ *всего* «*δειпносъ*», а въ другомъ — *νομοθεσίαι* и *ὠφέλιμον* кругомъ *всего* «*μέλλονъ*».

Присмотримся къ мѣсту изъ Протода 7. 61: *περὶ μὲν τῇσι κεφαλῇσι εἶχον τήρας καλεομένους, περὶ δὲ τὸ σῶμα*

*) Что только лишь *περί* и *ἀμφί* суть настоящіе предлоги пр. близительности, видно изъ того, что эту «приблизительность» можно отнести и къ такому выраженію какъ *περὶ τοῦτον τὸν χρόνον*; выраженія «*εἰς τοῦτον τὸν χρόνον*», «*κατά* или *ἀνά τοῦτον τὸν χρόνον*» такого смысла не допускаютъ, такъ какъ въ нихъ не только закругленной, но и вообще никакой цѣлы нѣтъ.

κιδῶνας χειριδωτοὺς ποικίλους, περὶ δὲ τὰ σκέλεα ἀναξυρίδας. Здѣсь мы встрѣчаемъ «περὶ» и съ *вещнымъ*, и съ *мѣстнымъ* падежами. Какая тутъ разница? Можно указать на то, что σῶμα (понимается тѣло безъ *оконечностей*) и σκέλεα окутаны одѣяніемъ *совѣстьмъ*, а κεφαλῇ — только *сверху*. Но выставявъ это различіе за мотивъ для появленія въ одномъ случаѣ *вещнаго*, а въ другомъ — *мѣстнаго* падежа было бы, можетъ быть, слишкомъ педантично, хотя такое же отношеніе предмета къ предмету, о которомъ мы толкуемъ въ τήρας περὶ κεφαλῇσι, замѣчается и въ извѣстномъ χρέα ἄμφ' ὀβελοῖσιν ἔπειραν и въ πεπτῶτα τῷδε περὶ νεορράντῳ ξίφει (Soph. Ai. 828). Не *возобладало* ли *тутъ* (т. е. и въ περὶ κεφαλῇσι, и въ ἄμφ' ὀβελοῖσι, и въ ἄμφι ξίφει) — не *возобладало* ли тутъ *просто* представленіе обозначенія *мѣста* надъ представленіемъ нахожденія чего-нибудь кругомъ *всего* предмета (все же и мечъ, и вертелъ, и голова находятся *по-среди* сопоставляемыхъ съ ними предметовъ)? Только *возобладаніемъ* — въ однихъ случаяхъ желанія *просто* обозначить *мѣсто*, а въ другихъ — представленія о «нахожденіи чего-нибудь кругомъ предмета» можно объяснить то *чередованіе* мѣстнаго съ *вещнымъ*, которое замѣчается въ выраженіяхъ ἐλπὼν ἄμφ' Ὀδυσῆϊ (Od. ξ 364; слова, на которыя указываетъ глагольное признаковое ἐλπὼν, «помѣщаются,» какъ бы, на Одиссеѣ) и περὶ οἷα λέγεις (Plat. Gorg. 490 с; слова вращаются *кругомъ* такого то предмета). Такъ чередуются и обороты «φοβεῖσθαι — μάχεσθαι περὶ τινά» (страхъ — борьба вращаются *кругомъ* кого) съ оборотами «φοβεῖσθαι — μάχεσθαι περὶ τινί» (страхъ — борьба помѣщаются *на комъ*) и т. д. Вполнѣ понятно, что не можетъ быть никакого чередованія мѣстнаго падежа съ *вещнымъ* въ такихъ примѣрахъ какъ κείται νεκρὸς περὶ νεκρῷ (Soph. Ant. 1240), ἄμφ' αὐτῷ ἦριπε (Il. δ 493) и под., гдѣ предметомъ можетъ быть захвачена *только* часть «окружности» другого предмета, и гдѣ περὶ и ἄμφι могутъ указывать *только* на сосѣдство, разумѣется, въ смыслѣ тѣснаго *примыканія* предмета къ предмету.

Чередованіе падежей при φοβεῖσθαι περὶ, μάχεσθαι περὶ и другихъ доходитъ даже до *родоваго* падежа: въ выраженіи «φοβεῖσθαι περὶ τινος» мы видимъ уже не вращеніе страха *кругомъ* кого-нибудь, и не помѣщеніе страха *на комъ*, а простое «отнесеніе» страха къ кому (φοβοῦμαι περὶ αὐτῶν — а боюсь *на-счетъ* ихъ). Родовому падежу *неметафоризированной* локальности мы *не находимъ* яркаго примѣра. Случайность — это? Едва ли: языкъ тутъ прибѣгалъ къ *другимъ* средствамъ (къ какому-нибудь ἐγγύς, или къ чему-нибудь подобному).

Ἀπό — ἐπί. Группа ἀπό — ἐπί напоминаетъ собою ту, съ которой мы *начали* разборъ предлоговъ, именно группу ἐξ — ἐν — εἰς. Правда, въ послѣднюю вошли *три* предлога, но въ сущности они сводятся къ двумъ. Наши этимологи совершенно правильно указываютъ на то, что εἰς есть только измѣненное ἐν. Бругманъ (Grundr. II. 590) даже говоритъ такъ: jedenfalls aber halte ich daran fest, dass nach Analogie von ἐξ die Form ἐνς (=εἰς) neben ἐν entstanden war. Если дѣйствительно ἐν относится къ ἐνς, какъ ἐκ къ ἐξ, то языкъ выказалъ въ ἐν и εἰς только лишь свойственную ему экономію, въ силу которой онъ двумя *случайными* внѣшними видами одной и той же *формы*, одного и того же слова, воспользовался для разныхъ симасіологическихъ ролей. Какія это разные роли? Разъ εἰς указываетъ на *движеніе* чего-нибудь внутрь предмета, то ἐν, обозначая *нахожденіе* внутри предмета, является выражителемъ лишь результата *того же* «движенія». Можно сказать, что по симасіологической роли — εἰς относится къ ἐν, какъ praesens къ perfectum (сравни выше стр. 118).

Ἀπό отличается отъ ἐξ, а ἐπί — отъ εἰς — ἐν тѣмъ, что при ἐξ — εἰς — ἐν имѣлась въ виду *внутренность* предмета, а при ἀπό — ἐπί имѣется въ виду его *поверхность*. Ἀπό указываетъ на удаленіе *отъ* предмета, а ἐπί — или на *движеніе* къ предмету (сравни εἰς), или на *результатъ* этого движенія (сравни ἐν). Ἀπό соединяется *всегда* съ удалительнымъ падежемъ, а ἐπί — или съ *вещнымъ*

(сравни εἰς), или съ *мѣстнымъ* (сравни ἐν). Не придется ли измѣнить эту теорію при разборѣ фактовъ?

Фразеологія предлога ἀπό — проста и не представляетъ никакихъ затрудненій. Ὀλωλας, ὦ παῖ, μητρὸς ἀρπα-
σθεῖσα ἀπο (Eur. Нес. 513) = оторванная *отъ* матери;
ἀφ' ἵππων μάχεσθαι = сражаться, направляя свои дѣйствія
отъ коня вдаль; ἵπποι ἀπὸ ποταμοῦ Σελλήεντος (Pl. β 839) =
прибывшіе *отъ* рѣки; μένων ἀπὸ ἧς ἀλόχοιο (Pl. β 292) =
вдали *отъ* жены; ἀπὸ τρόπου λέγεις (Plat. Rep. 470 b) =
вдали *отъ* = въ разрѣзъ съ чѣмъ; ὀλίγοι ἀπὸ πολλῶν (Thuc.
7. 87) = немногіе, отдѣльно *отъ* многихъ = немногіе *изъ*
многихъ (все равно, что ἐκ πολλῶν); ἀπὸ δειπνοῦ θωρήσ-
οντο (Pl. θ 53) = *послѣ* обѣда (все равно, что ἐκ δει-
πνοῦ); ἀφ' οὗ (= ἐξ οὗ) γὰρ ἄνθρωποι γεγόναντες (Plat. Phäd.
76 c) = начиная *съ* того времени, какъ...; ἀρ' οἷσθ' ἀφ'
ὧν (все равно, что ἐξ ὧν) εἰ (Soph. Oed. r. 415) = *отъ*
кого ты производишь; ὄναρ ἀπὸ Λιός (Xen. Anab. III. 1.
12) = исходящій *отъ* Зевса = посланный Зевсомъ; τὰ
ἀπὸ σεῦ (Herod. 7. 101) = исходящее *отъ* тебя = твоё
мнѣніе; ἐπράχθη ἀπ' αὐτῶν οὐδὲν ἀξιόλογον (Thuc. 1. 17) =
отъ нихъ = съ ихъ стороны = ими; οἱ ἀπὸ Πλάτωνος =
школа Платона; οἱ ἀπὸ σκηνῆς = актеры; ἀπὸ στόματος =
отъ устъ = *изъ* устъ = изустно = устно; ἀπὸ τινος
ζῆν = жить *отъ* чего = жить чѣмъ; καλεῖσθαι ἀπὸ τινος =
поименованіе, исходящее *отъ* чего *нибудь* = имѣющее *осно-*
ваніе въ чемъ *нибудь*.

Слѣдуетъ разборъ фразеологіи слова ἐπὶ и его мета-
фористики.

1. Ἐπὶ съ *вещнымъ* падежемъ.

παρεῖναι ἐπὶ τὰς θύρας τοῦ βασιλέως (Xen. Anab. III;
3. 12) = прибыть *къ* дверямъ, а метонимически = прибыть
ко »двору« = *къ* дворцу (царя).

ἐπὶ δεξιὰ — ἐπ' ἀριστερά = *направо* — *налѣво*
(къ этому обороту придется еще вернуться).

ἐπ' ἡῷ (Od. η 288) = *до* утра; ἐπὶ χρόνον τινά =
до извѣстнаго времени, т. е. *до* извѣстной *точки* времени;
ἐπὶ πολλὸν χρόνον = *до* той *точки*, когда исполнится много

времени. Едва ли тутъ подъ πολλὸς χρόνος слѣдуетъ
разумѣть *линію*, по которой нѣчто движется (тогда бы языкъ
употребилъ »κατὰ πολλὸν χρόνον«, а лучше »ἀνὰ πολλὸν
χρόνον«), или *въ* которой нѣчто вѣщается (тогда бы по-
явилось εἰς; смотри наше толкованіе примѣра τρεῖς τίκτει
μῆλα εἰς ἐνιαυτόν на стр. 242.).

ὁ δ' ἐπ' ἐννέα κεῖτο πέλεθρα Τιτυός (Od. λ 577) =
до той *точки*, гдѣ кончаются девять плефоровъ.

ἐπὶ πολλοὺς τεταγμένοι (Xen. Anab. IV. 8. 11) = по-
строившіеся *до* большаго числа, т. е. *до* извѣстнаго числа,
а не *дальше*, такъ что, когда это число исполнилось, то
начинается *новый* рядъ (понимается distributiv'но; сравни
выше стр. 297.).

ἐπὶ τίνα ἵεναι = *идти на* кого *нибудь* (во *враждебномъ*
смыслѣ).

ἐπὶ τοῦτο ἦλθομεν (Xen. Anab. II. 5. 22) = *мы на* это
пошли = *мы за* этимъ пришли.

ἐπὶ στάθμην ἵθυνεν (Od. ε 245) = онъ выпрямилъ
къ ватерпасу = *приноровилъ къ* ватерпасу = выпрямилъ
по ватерпасу.

2. Ἐπὶ съ *мѣстнымъ* падежемъ.

ἐπὶ βωμῷ καίειν (Od. θ 240) = *жечь на* жертвенникѣ.

οἱ ἐπὶ θαλάσῃ οἰκοῦντες (Xen. Сугор. VII. 4. 9) =
живущіе *на* морѣ = *на берегу* моря.

ἐπὶ γῇ πέσε ταπταλωθεῖς (Soph. Antig. 134) = *палъ*,
такъ что *лежалъ на* землѣ.

ἦκε δ' ἐπ' Ἀργείοισι κακὸν βέλος (Pl. α 382) = *послалъ*,
такъ что *почило на* Аргивянахъ.

ἐπὶ τοῖς δικασταῖς λέγειν (Dem. 19. 243) = *говорить*
на судьяхъ (русскіе говорятъ: *на* людяхъ и *смерть* красна) =
говорить передъ судьями. И здѣсь »личность« лица, слу-
шающаго и судящаго, выводится путемъ метафоры изъ локаль-
ности *мѣстнаго* падежа.

ἐπὶ δὲ δακρύοις μόνῃ κάθημαι (Eur. Iph. Aul. 1176) =
сижу на слезахъ (русскіе говорятъ »я *въ* слезахъ«). Быть
можетъ, впрочемъ, что *это* мѣсто слѣдуетъ толковать
въ смыслѣ ниже объясняемаго ἐφ' ᾧ τ. е.

οὕτως οὐτε τι λέγομεν ἐπὶ τῇ κύλικι οὐτ' ἐπ' ἄδομεν, ἀλλ' ἀτεχνῶς ὥσπερ οἱ διψῶντες πτόμεθα (Plat. Symp. 214. b) = *при* (ослабленное *на*) бокалѣ вина мы не говоримъ рѣчей и не поемъ.

βοῦς ἐπὶ Πατρόκλην πέφην (II. ψ 776) = *на* Патроклѣ онъ основывалъ закалываніе быковъ = *въ честь* Патрокла онъ это дѣлалъ.

ἐπὶ τῷ θεωρικῷ τεταγμένος (Dem. 18. 55) = поставленный *при* чемъ = поставленный *надъ* чѣмъ.

ποσαύτας μὲν αὐτοῖς εὐθυμίας παρείχεν ἐπὶ τῷ δειπνῷ (Xen. Cyrop. I. 12. 12) = *на* обѣдѣ = *за* обѣдомъ.

γέλῳτα γενέσθαι ἐπὶ τῇ παρρησίᾳ αὐτοῦ (Plat. Symp. 222 c) = *при* его смѣлой рѣчи = *надъ* его смѣлою рѣчью.

πιστὰ δ' ἡξίου γενέσθαι καὶ τοὺς Κᾶρας δρόσαι ἀδύλως τε δέξασθαι εἰς τὰ τεῖχη σφᾶς καὶ ἐπ' ἀγαθῷ τῷ Κύρου καὶ Περσῶν (Xen. Cyrop. VII. 5. 3) = принять ихъ безъ коварства и основывая это *на* благѣ Кира и Персовъ = *къ добру* Кира и Персовъ.

αἱ σπονδαὶ ἐγένοντο ἐπὶ τούτοις = *на* этомъ, какъ *на основаніи* = *на этомъ основаніи* = *на этихъ условіяхъ* состоялся договоръ. Вообще, изъ локальности *мѣстнаго* падежа путемъ *метафоры* выводится совершенно ясно (нѣкоторыя метафоры *не поддаются* опредѣленію, а если и поддаются, то это — особая, чрезвычайно сложная задача) — выводится совершенно ясно не только «личность» лица, но и *causal'ность*. Мы разумѣемъ *causal'ность* въ самомъ широкомъ смыслѣ, т. е. имѣемъ въ виду *нѣчто*, что не только *предшествуетъ* обусловленному, или *сопровождаетъ* обусловленное, но и является *цѣлью* чего нибудь. Такъ, ἐφ'. φ̄ те (ὅς — ἡ — ὅ есть *формальное* существительное, а почему прибавлено къ нему те, объ этомъ ниже) имѣетъ значеніе «*на томъ основаніи, чтобы*» = «*съ тѣмъ чтобы*», т. е. обозначаетъ *цѣль*. Быть можетъ, и вышеприведенное ἐπὶ δακρύοις μόνῃ κάθημαι слѣдуетъ толковать *финально*: я здѣсь сижу одна для слезъ. Въ какихъ изъ вышеприведенныхъ примѣровъ идетъ рѣчь о *causal'ности* въ объясненіи

момъ нами *широкомъ* смыслѣ, читатель, надѣмся, отыщетъ самъ.

οὐκ ἂν ἐπὶ τῷ βίῳ παντὶ βούλοιο ἀκοῦσαι (Xen. Memor. II. 2. 8) = *на* всей жизни онъ построить нежеланіе слушать = всю жизнь онъ готовъ отдать, чтобы не слушать.

ἐπ' ἐμοὶ τοῦτό ἐστι. По чешски говорить: to jest *na mně* = это *на* мнѣ = это зависить отъ меня = это въ моей власти. Рядомъ съ ἐπ' ἐμοὶ τοῦτό ἐστι говорятъ ἐν τῷ θεῷ τὸ τούτου τέλος ἦν οὐκ ἐν ἐμοί (Dem. 18. 193). Русский, положимъ, не говорить «это дѣло *въ* богѣ» въ смыслѣ «это дѣло *зависитъ* отъ бога» (рѣчь идетъ о *личности* лица), но за то онъ говоритъ «все дѣло тутъ *въ* методѣ». Въ послѣднемъ выраженіи, впрочемъ, дѣло идетъ не о «*личности*» лица, а о *causal'ности* въ широкомъ смыслѣ этого слова (все дѣло *основывается* на методѣ), хотя — поневолѣ призадумываешься, не есть ли въ концѣ концовъ «*личность*» лица, на сколько она выведена у насъ путемъ метафоры изъ *локальности* мѣстнаго падежа, и *causal'ность*, какъ она у насъ теперь выясняется, — не есть ли это — одно и то же? Русскіе говорятъ не только «все дѣло въ *методѣ*», но и «все дѣло въ *учителѣ*».

ὅρτο πολὺ πρῶτος μὲν ἀναξ ἀνδρῶν Ἀγαμέμνων, τῷ δ' ἐπὶ Τυδείδῃς ὅρτο κρατερὸς Διομήδης (II. η 163) = а *при* немъ, присоединяясь къ нему = *вслѣдъ* за нимъ поднялся Діомидъ.

Но ἐπί соединяется и съ *родовымъ* падежемъ (не съ *удалительнымъ*, конечно). О родовомъ падежѣ при ἐπί нужно повторить то же, что выяснилось о родовомъ при «*κατά*» въ *четвертомъ* пунктѣ: либо предметъ, отмѣченный въ родовомъ падежѣ, служить указателемъ не *цѣли* движенія, какъ то было въ ἐπί съ *вещнымъ* падежемъ, а только лишь *направленія* или *стороны*, въ которую нѣчто движется, либо въ родовомъ падежѣ выражено простое «*отнесеніе*» предмета къ предмету (второе есть метафора перваго).

Первое мы видимъ въ оборотѣ ἡ ἐπὶ Βαβυλῶνος ὁδός, который отличается отъ оборота ἡ ἐπὶ Βαβυλῶνα

ὁδός τῆμ᾽, что въ одномъ случаѣ идетъ рѣчь о путешествіи въ Вавилонъ, а въ другомъ — о путешествіи въ иное мѣсто, причемъ, однако, *дорога* въ это иное мѣсто та же, что идетъ *на* Вавилонъ. Русскій языкъ, для достиженія того же различія, идетъ, какъ извѣстно, совершенно инымъ путемъ: оставляя въ томъ и другомъ случаѣ вещный падежъ въ роли указателя *цѣли* движенія, онъ подбираетъ для *разныхъ* значеній лишь разные предлоги, — тѣ предлоги, къ которымъ мы прибѣгли и въ нашемъ объясненіи (говорить »ѣхать въ Москву« и »ѣхать на Москву).*)

Простое »отнесеніе« предмета къ предмету мы видимъ въ примѣрахъ ἢ ἐπὶ τοῦ ποταμοῦ μάχη, ἐπὶ μαρτύρων (въ смыслѣ русскаго *при свидѣтеляхъ*), ἐπὶ Κύρου βασιλεύοντος (въ смыслѣ русскаго *при Кирѣ*), ἐπὶ πάντων ὀργίζεσθαι (изъ-за всего сердиться), въ distributiv'номъ ἐπὶ τεσσάρων τάξασθαι и т. д. Если бы тутъ не было *метафоры* (мы разумѣемъ метафору локальности родового падежа, на сколько она въ немъ мыслима при предлогахъ »ἐπὶ«**), если бы тутъ была *дѣйствительная* локальность, то, конечно, появились бы другіе падежи. Интересно прослѣдить за чередованіемъ падежей въ выраженіяхъ: γίγας ἐπ' ὤμοις γηγενῆς ὄλην πόλιν φέρων (Eur. Phoen.

*) Читатель, быть можетъ, спроситъ, почему грекъ говоритъ ἐπὶ δεξιᾷ — ἐπ' ἀριστερά, а не ἐπὶ δεξιῶν — ἐπ' ἀριστερῶν. Все зависѣло отъ того, гдѣ эти δεξιᾷ и ἀριστερά начинались. Если бы они представлялись гдѣ нибудь *вдали*, то, конечно, естественнѣе было бы ἐπὶ δεξιῶν (= по направленію къ находящемуся гдѣ нибудь *вдали*, по *правую* сторону, *тесу* или чему нибудь подобному). Но δεξιᾷ представлялись греку начинающимися въ ближайшемъ *сосѣдствѣ* чего нибудь или кого нибудь, а потому и установился оборотъ ἐπὶ δεξιᾷ (въ русскомъ языкѣ — *такому же* представленію о началѣ τῶν δεξιῶν соответствуетъ оборотъ »идя въ-право«, противоположный обороту »идя на-право;« въ послѣднемъ оборотѣ τὰ δεξιὰ представляются *вдали*).

**) Эта прибавка необходима. Ибо въ самомъ родовомъ падежѣ никакого локальнаго значенія нѣтъ; онъ приставленъ къ ἐπὶ потому только, что то *частное* отношеніе при »сопоставленіи предмета съ предметомъ«, на которое весь предлоговый оборотъ долженъ указать, *спеціально* падежа не имѣетъ. Такимъ образомъ, локальность родового падежа здѣсь и вездѣ, гдѣ мы о ней говорили, оказывается чѣмъ то, что внесено въ родовой падежъ самими *предлогами*, т. е. тѣмъ, что родовой падежъ сочетался съ предлогомъ, который самъ по себѣ локаленъ по первоначальной организаціи языка.

1131; *дѣйствительная* локальность) и ἐπεὶ οὕτως ἦεν ἐπ' ὤμου χειρὶ φέρειν ἑτέρῃ (Od. x 170; простое »отнесеніе предмета къ предмету«), ἐπὶ νηὶ (на кораблѣ) и ἐπὶ νηός (съ кораблемъ; я имѣю здѣсь въ виду извѣстный русскій провинциализмъ »пріѣхалъ съ такимъ-то поѣздомъ«; въ этомъ провинциализмѣ *дѣйствительная* локальность не выражена, а указано только на *общую* связь прібытія и поѣзда), ἐφ' ἵππου (на лошади) и ἐφ' ἵππου (по чешски *koňto*) и т. д.

Ἵπέρ — ὑπό. Ἵπέρ указываетъ на то, что нѣчто находится или проходить *надъ* предметомъ, его самого не касаясь (разъ оно не касается предмета, то *мыслный* падежъ невозможенъ). Если рѣчь идетъ только о томъ, что то то *находится*, или даже *происходитъ* выше предмета, то кромѣ *родового* падежа при ὑπέρ ставить нечего: χιτωνίσκους ἐνεδεδύκεσαν ὑπὲρ γονάτων (выше колѣнъ — Xen. Anab. V. 4. 13); καὶ ἑτοιμά ἐστιν ὑπὲρ τούτων διαμάχεσθαι τὰ ἀσθενέστατα τοῖς ἰσχυροτάτοις (слабѣйшее съ сильнѣйшимъ готово вести борьбу до конца *надъ* этимъ, т. е. *изъ-за* этого — Plat. Symp. 207b); τοῖς δὲ ἀποψηφισμένοις ἡδέως ἂν διαλεχθεῖν ὑπὲρ τοῦ γεγονότος τούτου πράγματος (радъ бы завести бесѣду *надъ* случившимся = радъ бы побесѣдовать о случившемся — Plat. Apol. 39e); ἐπὶ δὲ μνήσασθε ἕκαστος παίδων ἡδ' ἀλόχων, καὶ κτήσιος ἡδὲ τοκῆων ἡμὲν δτερ ζώουσι καὶ ᾧ κατατεθνήκασι. τῶν ὑπὲρ ἐνθάδ' ἐγὼ γονάζομαι οὐ παρόντων (надъ ними, не присутствующими, стоя, умоляю васъ = *отъ имени ихъ* умоляю васъ — II. o 665) и т. д.

Другое дѣло, если что нибудь не только *проносится надъ* предметомъ, но *проходить* всю параллель его верхней грани или, какъ мы выражаемся, *проносится черезъ* него. Если тутъ нужно выразить *оттѣнокъ преодоленія* предмета, то этотъ *оттѣнокъ* можетъ быть выраженъ *только* вещнымъ падежемъ: οὐκ ἔστιν ὑπὲρ ἀνδρῶπων (»не идетъ *черезъ* чловѣка« въ смыслѣ »не есть *сверхъ* силъ чловѣка« = не *преодолываетъ* чловѣка — Plat. Leg. 839 d); ὑπὲρ τὰ τεσσαράκοντα ἔτη (за сорокъ лѣтъ, *преодолевая* эту цифру,

переходя за ея предѣлы); *ὕπερ μοῖραν* (переходя за предѣлы мѣры = *устраняя мѣру*).

При *отсутствии* отгѣнка преодоленія *нѣтъ* нужды уклоняться отъ родового падежа: *ἔλκε δὲ μιν δουρὸς ἐλὼν ὑπὲρ ἄντυγος* (= тащилъ его черезъ *ἄντυξ* — II. п. 406). Мы говоримъ «нѣтъ нужды». Это не значить, что языкъ *лишенъ* возможности перейти къ вещному падежу, такъ какъ тутъ можетъ почувствоваться и повліять на конструкцію представленіе — если не преодоленія, то, по крайней мѣрѣ, *обхватыванія всего предмета* движеніемъ черезъ него; сравни примѣръ *ἐγχεΐη δ' ὑπὲρ νότου ἐνὶ γαίῃ ἔσται ἱεμένη* (II. v. 279) съ примѣромъ *ὕπερ ὧμον ἀριστερόν ῥ' ἔλυθε ἀκωκὴ ἐγχεος οὐδ' ἔβαλ' αὐτόν* (II. ε 16.)

Что касается предлога *ὕπὸ*, то мы будемъ здѣсь *очень* кратки, такъ какъ пришлось бы буквально повторять то же, что мы разясняли при *ἐπί*. И *ὕπὸ* указываетъ на придвиженіе чего нибудь къ предмету, или на *результатъ* такого движенія, только что при *ἐπί* это движеніе идетъ скорѣе по горизонтальному направленію, тогда какъ при *ὕπὸ* оно идетъ *снизу* къ предмету, а если сверху, то — *подъ* предметъ. Конечно, не всякій примѣръ на *ἐπί* найдетъ себѣ соотвѣтствіе въ примѣрахъ на *ὕπὸ*, но *отсутствие* такого соотвѣтствія читателю нетрудно будетъ опредѣлить *самоу*. Новое здѣсь, сравнительно съ *ἐπί*, одно: *ὕπὸ* можетъ указывать также на движеніе *изъ* *подъ* предмета. Такъ, по крайней мѣрѣ, мы объясняемъ пассивныя конструкции: *ὕπ' αὐτοῦ ἐπράχθη* значить «*изъ-подъ* него», т. е. *изъ* *подъ* его дѣятельности или власти или вообще энергіи вышла такая то *πράξις*. Появляющийся здѣсь *genitiv* есть *удалительный* падежъ, и такимъ образомъ мы опять очутились тамъ, гдѣ мы были при *κατά*: *genitiv*ная форма при *ὕπὸ* имѣетъ значеніе и *родового* (*ὕπὸ τῆς γῆς* = *подъ* *землю*, притомъ *дальше* отъ земли, а не *непосредственно* *подъ* нею; последнее должно бы быть выражено черезъ *ὕπὸ τῇ γῇ*) и *удалительнаго* падежа; разница въ *положеніи* «сопоставляемыхъ черезъ *ὕπὸ* предметовъ» (въ *ὕπὸ τῆς γῆς* нѣчто на-

ходится *ниже* земли, а въ *ὕπ' αὐτοῦ ἐπράχθη* *πράξις* представляется идущею *сверху* отъ *αὐτοῦ*), внесенная *извне* въ предлоговую конструкцію, позволяетъ *genitiv*ной падежной формѣ *раздвоиться* симасіологически.

Διά. Этотъ предлогъ указываетъ на движеніе чего нибудь *сквозь* предметъ. И на этомъ предлогъ долго останавливаться нечего, такъ какъ метафористика его — очень проста, а объясненіе *падежей* при немъ не представляетъ затрудненія. Предметъ, *сквозь* который что нибудь движется, представляется, употребляя *физическій* терминъ, *проводникомъ* этого «чего нибудь», и нѣтъ падежа, который бы соотвѣтствовалъ этому представленію, кромѣ *общеродового*; сравни: *διὰ θώρακος τιτρώσκειν*, *διὰ νήσου ἰών* (Od. μ 335) и др. Идетъ ли движеніе за предѣлы того предмета, *сквозь* который оно совершается (*τιτρώσκειν διὰ θώρακος*), или *остается* въ предѣлахъ «проводника» (*διὰ νήσου ἰών*), это — рѣшительно все равно и не можетъ имѣть на конструкцію особеннаго вліянія. Въ метафористикѣ этого предлога представляются характерными выраженія въ родѣ *διὰ τοῦ ἐρωτᾶν διδάσκειν* (*ἐρωτᾶν* является здѣсь *существительнымъ*; сравни стр. 200) и т. п. Русское выраженіе «обученіе совершается *путемъ* спрашиванія» достаточно выясняетъ данную метафору.

Есть нѣсколько случаевъ появленія *вещнаго* падежа при предлогѣ *διά*: *θεῖός μοι ἐνύπμιον ἦλθε ὄνειρος ἀμβροσίην διὰ νύκτα* (II. β 57). *Ἀμβροσίη* *νύξ* представляется здѣсь *средою*, отдѣляющею *ὄνειρον* отъ героя, и ее долженъ былъ *преодолѣть* *ὄνειρος*, пока дошелъ до Агамемнона. Вотъ этотъ отгѣнокъ *преодолюванія*, очевидно, вызвалъ появленіе *вещнаго* падежа. Сравни: *ἔστην δὲ σκοπὴν ἐς παππαλόεσσαν ἀνελθών, καὶ μοι εἰσατο καπνὸς ἀπὸ χθονὸς εὐρυοδείης Κίρκης ἐν μεγάροισι διὰ θυρὰ πικνὰ καὶ ἔλην* (Od. κ 150) и др.

Особенно выдѣляется *διά* съ *вещнымъ* падежемъ, обозначающее *причину*: *διὰ τοὺς ἀδίκως πολιτευομένους ἐν τῇ ὀλιγαρχίᾳ δημοκρατία γίγνεται* (Lys. 25. 27); *διὰ τοῦτο πολλὰ ἔπαθε κακὰ* и т. д. Сопоставляя эти примѣры съ вы-

шеприведеннымъ διδάσκειν διὰ τοῦ ἐρωτᾶν, мы видимъ большую разницу. Тамъ διδάσκειν дѣйствительно проходило черезъ ἐρωτᾶν и совершалось въ самомъ ἐρωτᾶν, здѣсь же τὰ κακὰ только лишь *подготавливаются* черезъ τοῦτο (тоже проходить сквозь тоῦτο, иначе необъяснимо было бы само διὰ, но проходятъ черезъ него только лишь въ своемъ *зародышѣ*), а какъ *осязаемыя* κακὰ они являются уже по *окончаніи* того, что ихъ подготавливало, а потому τοῦτο въ примѣрѣ »διὰ τοῦτο πολλὰ ἔπαθε κακὰ« является истымъ *antecedens* по отношенію къ κακὰ. Наше διὰ τοῦτο πολλὰ ἔπαθε κακὰ напоминаетъ намъ то μετὰ съ вещнымъ падежемъ (μετὰ τοὺς θεοὺς θεϊότατον ἢ ψυχὴ — μετὰ τὸν δειπνον τὸ δεῖνα ἐποιήσαμεν; см. стр. 260), которое рисовало картину *окончанія* чего нибудь одного для того, чтобы наступило другое. Когда мы толковали о примѣрахъ μετὰ τοὺς θεοὺς — μετὰ τὸν δειπνον, то недоумѣвали, какъ связать значеніе вещнаго падежа въ *этихъ* примѣрахъ съ его *общимъ* значеніемъ. Въ настоящее время эта связь — намъ ясна; ее помогло *выяснить именно* »διὰ« съ вещнымъ падежемъ, обозначающее причину, — помогло ее *выяснить* своею картиною *подготовленія* *исподволь* того, что потомъ слѣдуетъ: въ *оконченномъ*, т. е. въ δειπνος (μετὰ τὸν δειπνον τὸ δεῖνα ἐποιήσαμεν), въ *тоῦτο* (διὰ τοῦτο πολλὰ ἔπαθε κακὰ), въ οἱ ἀδίκως πολιτευόμενοι (διὰ τοὺς ἀδίκως πολιτευόμενους), въ θεοὶ (μετὰ τοὺς θεοὺς θεϊότατον ἢ ψυχὴ), — во всемъ этомъ мы должны усматривать нѣчто, чѣмъ, въ его *готовомъ* видѣ, такъ сказать, »распорядилось« то, что за нимъ *послѣдовало* и имъ *подготавливалось*. Μετὰ τοὺς θεοὺς ἢ ψυχὴ θεϊότατον значить: *счета* съ богами должны быть *окончены*, для того чтобы *ψυχὴ* оказалась *самою* божественною.

Мы считаемъ разборъ отдѣльныхъ предлоговъ и *падежей* при нихъ *оконченнымъ*. Всѣ остальные слова, которыя причисляются къ предлогамъ, не могутъ подлежать такому разбору, какъ видно изъ слѣдующихъ соображеній.

Ἄνευ представляетъ собою *отрицательный* предлогъ, такъ какъ оно *отрицаетъ* »сопоставленіе предмета съ предметомъ«. Его можно назвать предлогомъ лишь на такомъ основаніи, на какомъ нуль, *отрицаніе* числа, называютъ числомъ. Для теоріи падежей оно не представляетъ никакого интереса: являясь отрицаніемъ не какого нибудь *частнаго* отношенія предмета къ предмету, а отношенія *вообще*, оно соединяется съ *родовымъ* падежемъ. Но, быть можетъ, мы въ немъ должны усматривать не *отрицаніе* отношенія, а *удаленіе* предмета отъ предмета, и на этомъ основаніи примемъ соединяющуюся съ нимъ *универсальную* за *удалительный* падежъ? На это трудно отвѣтить опредѣленно, и вообще объ ἄνευ легче было бы разсуждать, если бы оно было больше раскрыто этимологически.*)

Не раскрыты для насъ этимологически и »предлоги« ἔνεκα (съ родовымъ**) и ὥς (съ вещнымъ падежемъ). Кромѣ того, я ни тотъ, ни другой предлогъ не чувствую *непосредственно*. Первый я чувствую черезъ замѣняющее его «πρὸς χάριν» съ родовымъ, а второй — черезъ πρὸς съ вещнымъ падежемъ.

Ἄχρι τινός и μέχρι τινός разбирать пока довольно трудно, такъ какъ ἄχρι и μέχρι почему то употребляются не только въ качествѣ »предлоговъ,« но и въ качествѣ »союзовъ« (ἄχρι ἂν τοῦτο γένηται, μέχρι ἂν τοῦτο γένηται), а до »союзовъ« мы не скоро дойдемъ.

Точно также нелегко раскрыть теперь и ἅμα, исполняющее, кромѣ роли »предлога«, еще какъ будто и роль »частицы« (ἅμα μὲν — ἅμα δέ).

Впрочемъ, всѣ эти ἄνευ, ἔνεκα, ὥς, ἄχρι, μέχρι и ἅμα наша грамматика называетъ *ненастоящими* пред-

*) Brugmann (Grundriss II. 615) принимаетъ его за этимологически связанное съ русскимъ *оумъ*, Bartholomae (Bezzenger's Beiträge XV. 16) указываетъ на связь его и слова ἄτερ съ санскритскимъ *anitar* (= прочь, въ сторону), но обыкновенно его сопоставляютъ съ *отрицательными* словами: съ греческимъ α (privativum) = *an-na-nh*, съ латинскимъ in (privativum) и съ нѣмецкимъ un (privativum). Смотри Ebeling Lex. Nom. sub voce ἄνευ.

**) Разныя попытки объяснить этимологію этого слова смотри Ebeling Lex. Nom. sub voce ἔνεκα.

логами, противопоставляя их *настоящимъ* т. е. тѣмъ, которые мы разобрали, и подчеркивая при этомъ противопоставленіи то обстоятельство, что только *разобранные* нами предлоги, *помимо* способности соединяться съ падежами, обладаютъ еще способностью входить въ *композиции* словъ (*κατάδηλος συνέρχομαι* и т. д.)

Относительно происхожденія предлоговъ существуетъ теорія, что всѣ они, какъ «настоящіе», такъ и «ненастоящіе» первоначально были «нарѣчіями». Это утверждение основывается на случаяхъ появленія предлоговъ въ рѣчи въ совершенно *самостоятельномъ* значеніи, т. е. безъ падежей при нихъ. И въ самомъ томъ обстоятельстве, что предлоги выступаютъ въ composit'ахъ, видятъ доказательство ихъ «самостоятельнаго» значенія и «нарѣчности»^{*)}. Объ отношеніи предлоговъ къ «нарѣчіямъ» мы пока разсуждать не можемъ, такъ какъ сами до «нарѣчій» еще не дошли. Что же касается случаевъ «самостоятельнаго» значенія предлоговъ, т. е. того, на чемъ «нарѣчность» основывается, то вотъ эти случаи:

ἐν δ' ἐτίθει σταφυλῆσι μέγα βροίθουσαν ἄλωην, καλὴν, χρυσεῖην, μέλανες δ' ἀνὰ βότρυες ἦσαν (... а на нихъ, т. е. на этихъ *σταφυλαί*, было то-то — II. σ. 562).

^{*)} Это — общепринятый взглядъ. Его выражаетъ напр. Curtius (Erl. 168) словами: Für das Verständniss der Rection der Präpositionen ist nichts wichtiger, als die unumstößlich feststehende Thatsache, dass alle Präpositionen ursprünglich Adverbien waren. Kühner говорить такъ: Sämmtliche eigentliche Präpositionen sind ursprünglich Ortsadverbia, d. h. sie bezeichnen die Ortsbezeichnung einer Handlung. In der homerischen Sprache verwalten dieselben fast alle noch eine doppelte Function, die ursprüngliche, als Ortsadverbia, und die hieraus hervorgegangene, als Präpositionen, indem sie die Ortsbeziehung eines Substantivs bezeichnen (затѣмъ слѣдуютъ примѣры изъ Омира въ родѣ *περὶ δ' ἄντυγα βάλλε φαινήν*, словомъ, въ родѣ тѣхъ, къ разбору которыхъ мы и собираемся приступить въ настоящее время; смотри Kühner Ausf. Gramm. II. 445). А дальше: Die Präposition erscheint endlich in Verbindung mit einem Verb. In diesem Falle tritt sie zwar nicht wie in dem ersten als selbstständiges Adverb auf, hat aber adverbiale Bedeutung (тамъ же стр. 459). Теперь, впрочемъ, взглядъ о «нарѣчности» предлоговъ очень ослабленъ Дельбрюкомъ. Дельбрюкъ признаетъ предлоги за особую часть рѣчи, только сознаетъ, что ebensowenig wie eine scharfe Definition des Adverbiums, ist eine genaue Abgränzung gegen das Gebiet der Präpositionen einerseits und der sog. Partikeln andererseits möglich (Grundr. III. 536). Де-

ὀπτήσας δ' ἄρα πάντα φέρων (разумѣй *Εὐμειῷ*) *παρέθηκε* *Ὀδυσῆι* ... *αὐτὸς δ' ἀντίον ἔξεν*, *ἐποτρύνων* *δε* *προσῆδα* (... самъ же сидѣлъ къ нему *μιμῶμε* къ *μιμῶ* ... Od. ξ. 79). Простое *ἀντί* даже не встрѣчается; скажемъ, что это — простая случайность, и что здѣсь слово *ἀντίον* могло быть замѣнено словомъ *ἀντί*.

τὸν δ' (т. е. Διομήδα) ἐκίχανον ἐκτὸς ἀπὸ κλισίης σὺν τεύχεσιν, *ἀμφὶ δ' ἑταῖροι εὖδον* (... *вокругъ* него сидѣла дружина — II. κ. 151).

οὐ μὲν γάρ τι κακὴ γε (разумѣй *ἡ νῆσος*), *φέροι* *δέ* *κεν ὄρια πάντα* ... *ἐν μὲν γὰρ λειμῶνες ἄλδς πολιοῖο παρ' ὄχθας ὑδρηλοὶ μαλακοί* ... *ἐν δὲ ἄροσις λείη* (... на немъ, на островѣ, встрѣчается то-то — Od ι 132).

αὐτὸς δ' ἐς θάλαμον κατεβήσατο κηῶντα κέδρινον, ὑπόροφον, *ὃς γλήνεα πολλὰ κεχάνδει* *ἐς δ' ἄλοχον Ἐκάβην ἐκαλέσσατο* (съ него позвалъ ... II. ω 193).

Θρήκες δ' ἐπὶ μὲν τῇσι κεφαλῇσι ἄλωπηκῆας ἔχοντες ἐστρατεύοντο, *περὶ δὲ τὸ σῶμα κιθῶνας*, *ἐπὶ δὲ ξειράς περιβεβλημένοι ποικίλας* (на *χιτοναῶν* = *поверхъ* хитоновъ ... Herod. 7. 75.).

ἔζοντο *πρῶτος μὲν ὁ Σιδωνίων βασιλεὺς*, *μετὰ δ' ὁ Τύριος* (смежно съ нимъ ... Herod. 8. 67.).

тальный разборъ предлоговъ идетъ у него въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) präverbia (т. е. предлоги, относящіеся къ *verba finita*: *ὅπό τε τρόμος ἔλλαβε γυῖα*); 2) предлоги при падежахъ; 3) случаи, гдѣ предлогъ можетъ быть привлеченъ и къ *verbum finitum*, и къ падежу (*τοῖσιν δ' ἐγὼ μεθ' ὀμίλειον*); 4) предлоги въ качествѣ «нарѣчій» или «частицъ» («нарѣчье»: *οἱ περὶ μὲν βουλήν Δαναῶν, περὶ δ' ἐστὲ μάχεσθαι*; «частица»: *μετὰ δέ — πρὸς δέ* = затѣмъ); 5) предлоги въ composit'ахъ. Итакъ, и у Дельбрюка фигурируютъ предлоги въ роли «нарѣчій», только не на *первомъ мѣстѣ*. Въ общемъ, Дельбрюкъ представляетъ себѣ историческое развитіе предлога въ слѣдующемъ видѣ (Grundr. III. 664): die ältere Aufgabe der Präpositionen war, die Handlung des Verbums nach Massgabe des ihnen inwohnenden Sinnes näher zu bestimmen. Trat nun zu dem so bestimmten Verbum ein geeigneter Casus, so konnte sich zwischen ihm und der Präposition ein näheres Verhältniss entwickeln, bei dem die Präposition den Sinn des Casus sehr erheblich modificieren konnte. У насъ получается и получится какъ разъ обратное, такъ какъ мы вышли отъ мысли о необходимости предлоговъ *прежде всего* для обозначенія «мѣстныхъ отношеній». Читатель самъ обсудитъ, гдѣ больше правды.

λέκτο μυχῶ δόμον ὑψηλοῖο· παρ' δὲ γυνή δέσποινα
λέχος πόρσυνε καὶ εὐνήν (рядомъ съ нимъ... Od. η 347).

αἶγλη δ' οὐρανὸν ἴκε, γέλασσε δὲ πᾶσα περὶ χθών
(вокругъ того мѣста, о которомъ идетъ рѣчь... II. τ 362).

ἑσταότες περὶ Πατρόκλῳ πρὸ δὲ δούρα τ' ἔχοντο (пе-
редъ собою=впереди отъ себя... II. ρ 355).

Θλάσσειν οἱ κοτύλην, πρὸς δ' ἄμφω ῥήξε τένοντε
(= сопротивл. этого дѣйствія и добавокъ къ нему...
II. ε. 307).

ᾠλοντο γὰρ Πολυνείκης μὲν πορθῶν τήνδε γῆν, ὁ δὲ
'Ετεοκλῆς ἀντιστάς ὑπέρ (.. противоставъ ему надъ зе-
млею=въ защиту земли — Soph. Antig. 518).

ἔνθα μοι ἵπποι δώδεκα θήλεια, ὑπὸ δ' ἡμίονοι тала-
εργοὶ ἀδμήτες (подъ ними, т. е. подъ кобылами... Od.
η 636).

βέλος εἰς κεφαλὴν δῦ, σὺν δ' ἵππους ἐτάραξεν (вмѣстѣ
съ этимъ онъ... II. θ 85).

τὴν δ' (разумѣй корабль) εἰς ὄρμον προέρεσαν ἐρετ-
μοῖς, ἐκ δ' εὐνὰς ἔβαλον (изъ него, т. е. изъ корабля...
II. α 436).

Πριάμῃδης μὲν ἔπειτα κατὰ στήθος βάλεν ἰὼ θώρηκος
γύαλον, ἀπὸ δ' ἔπτато πικρὸς οἶστός (отъ свода щита...
II. ν 537).

Въ приведенныхъ примѣрахъ встрѣчаются *всѣ* предлоги
»самостоятельно«, т. е. безъ падежей, за исключеніемъ *διὰ*
и *κατά*, но и ихъ »самостоятельное« употребленіе можно
вполнѣ доказать на такихъ явленіяхъ какъ *ἔλκε δι' ἐκ προ-
θύροιο* (Od. σ 101=черезъ подворотню и дальше изъ нея;
падежъ *προθύροιο* зависитъ только отъ *ἐξ* и есть па-
дежъ удалительный, а *διὰ* своего падежа, т. е. родового,
не имѣетъ) и *καδ' δ' ἐκ πασσαλόφι κρέμασσε φόρμιγγα
λίγεια* (Od. θ 67)=съ гвоздей — какъ латинское *pendere
ex aliqua re* — *внизъ по дѣ* гвозди. Но при всей »само-
стоятельности«, наши предлоги, во первыхъ, вполнѣ сохра-
няютъ то значеніе, которое имъ, и именно имъ, а не па-
дежамъ, принадлежало и при сочетаніи ихъ съ падежами,
а во вторыхъ, то существительное, котораго они потребовали

бы какъ предлоги, либо упомянуто гдѣнибудь тутъ же,
вблизи, либо, какъ выше въ примѣрѣ *γέλασσε δὲ πᾶσα
περὶ χθών*, подразумѣвается изъ общаго контекста. Если
поставить вопросъ, что было естественнѣе для предлоговъ,
— перейти ли отъ такого »самостоятельнаго« употребленія
къ обычному, несамостоятельному, или же наоборотъ, то
этотъ вопросъ, кажется, слѣдуетъ рѣшить во *второмъ*
смыслѣ, такъ какъ только *привычка* языка на *дѣлѣ* упо-
треблять падежи при предлогахъ дѣлаетъ возможнымъ
и ихъ *подразумѣваніе*, а *подразумѣваніе* ихъ, кажется,
въ нашихъ примѣрахъ — *необходимо*.

Мысль, которую мы защищаемъ въ приведенномъ раз-
сужденіи, — очень проста, и мы просимъ читателя не впадать
въ наши слова больше того, что въ нихъ заключается. При-
веденнымъ разсужденіемъ мы не защищаемъ ни *предлож-
ность* предлоговъ, ни ихъ нарѣчность (мы, какъ уже ска-
зано, не можемъ этого сдѣлать просто потому, что о »на-
рѣчійхъ« еще ничего не знаемъ). Мы хотимъ сказать только
то, что если послѣ какого нибудь слова, — предлога ли,
или иной части рѣчи, — что нибудь подразумѣвается, —
будь это падежъ, или что либо другое (вѣдь падежъ или
его подразумѣваніе не предполагаетъ непременно наличность
предлога*; и послѣ *существительнаго* можетъ подразумѣ-
ваться падежъ**), — то это подразумѣваніе вытекаетъ изъ
привычки *дѣйствительно соединять* со словомъ то, что
въ томъ или другомъ случаѣ »подразумѣвается«.***) Эта
мысль, высказанная здѣсь въ общемъ видѣ, получаетъ при-
мѣнительно къ нашему разсужденію о предлогахъ *такой*
смыслъ, что »самостоятельное употребленіе« предлоговъ, разъ
оно предполагаетъ подразумѣваніе при нихъ падежей, не
можетъ играть той »роли аргумента« въ вопросѣ объ от-

* Придется всетаки забѣжать впередъ и сказать, что въ приведенномъ
выше примѣрѣ слово *ἀπὸ* ужъ никакъ не есть предлогъ, а есть »нарѣ-
чье«; между тѣмъ и послѣ *нею* подразумѣвается падежъ.

**) Послѣ за спиною всегда будетъ подразумѣваться отвѣтъ на во-
просъ *чѣмъ*..

***) Сопоставъ сказанное на стр. 54.

ношеніи предлоговъ къ »нарѣчіямъ«, какую ему обыкновенно навязываютъ.

Разсмотримъ теперь *composita*, въ составъ которыхъ входятъ предлоги. Прежде всего заявляемъ, что напрасно толкуютъ о композиціяхъ въ глаголахъ какъ чемъ то *особомъ*, имѣющемъ выяснитъ историческое развитіе предлога. Чѣмъ отличается слово *συνάγω*, какъ предлоговая композиція, отъ слова *συναγωγή*, или — слово *παράνομος* отъ слова *παράνομος*?) Вообще же, по интересующему насъ дѣлу слѣдуетъ раздѣлить предлоговыя композиціи на три категоріи.

На первомъ мѣстѣ поставимъ *composita*, составляющіяся изъ предлога и того или иного *надежда*, который въ предлоговомъ оборотѣ долженъ бы быть приставленъ къ предлогу какъ вторая часть оборота. Такъ составлены *composita*:

ἀμφιβώμιος (Eur. Troad. 562) = совершаемый около жертвенника; сказано о *σφαγαί*.

ἀντήλιοι (Soph. Ai. 805) = находящіеся противъ солнца; сказано объ *ἀγκῶνες*.

ἀπόπτολις (Soph. Oed. r. 1000) = находящийся далеко отъ города.

διαπόντιος (Aesch. Choeph. 352), сказано о *γῆ* = земля, къ которой проникнешь только »сквозь« море = заморская земля.

ἐκδημιος (Xen. Cyrop. VIII. 5. 12.) = вышедшій изъ дима = находящийся за предѣлами своей общины.

ἐνδημιος (Aesch. Suppl. 682) = находящийся въ общинѣ, въ своемъ отечествѣ.

На предлогъ *εἰς* трудно подыскать примѣръ. Затрудненіе это объясняется тѣмъ, что *εἰς* — этимологически тожест-

*) Намъ возразятъ, что *συναγωγή* или *παράνομος* могло появиться только тогда, когда само *συνάγω* или *παράνομος* уже утвердилось въ языкѣ какъ одно слово. Надѣмся, изъ нижеразъясняемаго нетрудно будетъ убѣдиться въ томъ, что настоящее возраженіе не можетъ имѣть для насъ никакого значенія или, по крайней мѣрѣ, — не такое, какое могутъ ему придавать тѣ, которые выдѣляютъ глагольныя композиціи для своихъ, нами не признаваемыхъ, цѣлей.

венно съ *ἐν*, и что различіе между *движеніемъ* внутрь и *нахожденіемъ* внутри для нашихъ *composit'овъ* какъ то теряетъ значеніе (сопоставъ выше стр. 307). Такое слово, какъ *σχορακίζειν* (собственно *εἰσχορακίζειν* = посылать къ ворону = посылать къ черту) представляется намъ словомъ слишкомъ *дѣланнымъ*, — словомъ, созданнымъ на *комической* почвѣ, хотя его употребляетъ и Димосѣенъ, въ значеніи синонима слову *προηλακίζειν* (см. Dem. 11. 11.).

ἐπιχώριος = туземный (встрѣчается у Пиндара, Эсхила, Софокла, и позже).

κατάγειον (Plat. Resp. 532 b) = подземелье.

μεταδήμιος (Od. 9 293) = находящийся среди народа, т. е. — *дѣма*, въ общинѣ.

παράνομος = поступаю противъ закона.

περιανχέμιος (Herod. 3.20) = носимый вокругъ шеи; сказано о *στρεπτός*.

προθύριον = собственно *преддверье*.

προσδόριος (собственно *ποτιδόριος*, Od. 1 234) = относящійся къ *δόριον*; сказано объ *δριμον ἄχθος ὕλης ἀζαλέης*, которое принесъ въ пещеру Полифимъ.

συνάδελφος (Xen. Memor. II. 3. 4) = имѣющій *единоутробныхъ* (братьевъ и сестеръ).

ὕπεραχμιος (Herod. 6. 20) = находящийся надъ горами.

ὑποζύγια = подъяремный = вьючный скотъ.

Всѣ эти *composita* производятъ впечатлѣніе словъ, основывающихся на предлоговыхъ оборотахъ, какъ на чемъ то, уже практиковавшемся въ языкѣ и вполне установившемся до образованія самихъ *composit'овъ*. Чтѣ предметъ, который въ предлоговомъ оборотѣ долженъ быть выраженъ въ самомъ *надежѣ* этого оборота, заключается въ *composit'ѣ*, это нами уже сказано. Что же касается *другого* предмета, который въ предлоговомъ оборотѣ, какъ служащемъ для »сопоставленія предмета съ предметомъ, необходимымъ«, то этотъ *другой* предметъ въ нашихъ *composit'ахъ* или намѣченъ (а то

и прямо обозначенъ*) окончаніемъ, или долженъ быть показанъ *помимо* composit'овъ.**)

Для опредѣленія второй категоріи composit'овъ опять таки нужно выходить изъ предлоговыхъ оборотовъ и ихъ роли «сопоставленія предмета съ предметомъ». Въ этой категоріи оба сопоставляемые предмета получаютъ свое выраженіе *внѣ* composit'овъ. Въ *лучшемъ* случаѣ, войти въ этимологическую основу composit'a можетъ *тотъ* изъ «сопоставляемыхъ» предметовъ, который въ *предлоговомъ* оборотѣ былъ обозначенъ не *падежемъ* оборота, какъ въ первой категоріи, а *внѣ* всего предлоговаго оборота. Эта категорія composit'овъ — самая многочисленная. Вотъ ихъ примѣры:

1. Ὄστε με κουράων ἀμφήλυθε θῆλυς αὐτῇ (Od. ζ. 122). Αὐτῇ и ἐγὼ приводятся здѣсь въ *мѣстное* отношеніе. И αὐτῇ, и ἐγὼ, — оба эти предмета показаны *внѣ* composit'a, а compositum состоитъ изъ выраженія «дѣйствія», *приводящаго* ихъ въ *мѣстное* отношеніе, и изъ предлога, вызывающаго появленіе вещнаго падежа *με* такъ, какъ онъ вызывалъ бы его, если бы стоялъ самъ *внѣ* composit'a, непосредственно передъ *με*. Я говорю «непосредственно» не въ смыслѣ *разстановки словъ*, — разстановка словъ можетъ быть и болѣе *свободная*, — а въ томъ смыслѣ, что онъ *одинъ* вызывалъ бы тогда вещный падежъ, между тѣмъ какъ теперь получается такое впечатлѣніе, какъ будто онъ, присоединенный къ выраженію «дѣйствія», вызываетъ его *совмѣстно* съ послѣднимъ. Соединиться съ выраженіемъ «дѣйствія» въ *одно* слово очень приличествовало нашему предлогу, такъ какъ онъ *отмѣчаетъ* то отношеніе, въ которое поставлены ἐγὼ и αὐτῇ, а *толчекъ* этому отношенію дало само «дѣйствіе» (съ этимъ сопоставъ наше разсужденіе на стр. 241-2).

2. Τί μ' ἀμφιβάλλεις χερσίν, ὦ τέλαινα παῖ, ὅρνις ὅπως πολύορκος κύκνος (Eur. Bacch. 1364). Если бы этотъ при-

*) Слово, напр., περιουχένιος, какъ слово *признаковое*, своимъ окончаніемъ лишь *намѣчаетъ* предметъ, который находится *περὶ αὐχένα*, въ словѣ же *προθύριον*, какъ *существительномъ*, окончаніемъ прямо обозначено то, что находится *πρὸ θυρῶν*.

**) Сравни *περιουχένιος στρεπτός* и «*βοράκιζεν τινά*».

мѣръ былъ вполне похожъ на предыдущій, то нужно бы читать *τί μ' ἀμφιβάλλεις χεῖρας*. Какъ ни чувствовалось бы *ἀμφί* «принадлежащимъ» къ дѣйствию *βάλλω*, все же можно было бы тогда сказать, что *χεῖρας* вызвано словомъ *βάλλω* (въ предыдущемъ примѣрѣ соответствующаго вещнаго падежа не было, ибо *ἡλυθε* было *intransitivum*, тогда какъ *βάλλω* — *transitivum*), а *με* вызвано предлогомъ *ἀμφί*, указывающимъ на «*мѣстное* отношеніе» *τῶν χειρῶν* къ лицу, выраженному въ *με*.

То, что мы *желали* встрѣтить, подводя нашъ примѣръ подъ предыдущій, на дѣлѣ встрѣчается у того же Еврипида Elect. 1231, гдѣ сказано: *ἰδοῦ, φίλαν τε κ' οὐ φίλαν φάρεα σέ γ' ἀμφιβάλλομεν*. У Еврипида Herc. fur. 465 сказано даже такъ: *στολήν τε θηρὸς ἀμφέβαλε σφ' κάρα*, т. е. предлогомъ *ἀμφί* вызванъ не *вещный* падежъ, а *мѣстный* (сравни выше стр. 303-4).

Чему же обязанъ примѣръ, вызвавшій настоящее разсужденіе, своимъ *χερσίν* вмѣсто *χεῖρας*? Очевидно, тому, что предлогъ *ἀμφί* не только «*принадлежитъ*» по смыслу къ дѣйствию *βάλλω*, какъ *отмѣчающій* отношеніе, къ которому *βάλλω* дало толчекъ, по прямо таки *внутренно* слился съ нимъ въ одно слово, и хотя мы еще не разбирали *instrumental'a*, но, по *общему* представленію о немъ, въ словѣ *χερσίν* нужно усматривать *его*, *instrumental*. Но за всѣмъ тѣмъ слово *ἀμφί* остается въ своей *силѣ*, какъ указатель отношенія предмета къ *предмету*. Не будь его, нѣтъ мѣста и слову *με* («*βάλλεις με χερσίν*» имѣетъ *совсѣмъ* другой смыслъ), а если вмѣсто *χεῖρας* появилось *χερσίν*, то и въ *обыкновенномъ предлоговомъ* оборотѣ второй изъ «сопоставляемыхъ» предметовъ не *зависитъ* отъ предлога; въ *данномъ* случаѣ онъ, какъ сказано, *зависитъ* отъ чего то, что *имѣетъ* съ предлогомъ *внутренно* слилось въ *одно*, но это, какъ видно, не *помышало* самому предлогу выказать *все* свое значеніе, которое онъ имѣетъ въ *обыкновенномъ предлоговомъ* оборотѣ.

Мы слышимъ возраженіе. Въ «*στολήν ἀμφέβαλε σφ' κάρα*», скажутъ намъ, напрасно отнесено *σφ' κάρα* къ од-

ному ἀμφί; оно зависит отъ всего »ἀμφέβαλε«, и если въ ἀμφιβάλλεις με χειρὶν еще кое-какъ можно допустить, что ἀμφί »сохранило все значеніе, которое оно имѣетъ въ обыкновенномъ предлоговомъ оборотѣ,« то этого нельзя сказать объ ἀμφέβαλε σφ̄ κάρα στολήν. Мы не имѣемъ ничего противъ этого возраженія. Дѣйствительно, бываетъ, что предлогъ сливается *внутренно* съ выраженіемъ дѣйствія до того тѣсно, что самъ не можетъ повліять на конструкцію такъ, какъ повліялъ бы внѣ этого условія. Такъ, въ ἔρχομαι διὰ πυλῶν появляется *родовой* падежъ, а въ διέρχομαι πύλας — *вещный*. Въ ἀμφιβάλλω στολήν σφ̄ κάρα — »σφ̄ κάρα« нужно бы признать за *личный* падежъ, если оно зависитъ отъ всей композиціи*). Но нѣтъ сомнѣнія, что и *здесь* предлогъ *остается* указателемъ отношенія предмета къ предмету; ибо не будь его во фразѣ διέρχεσθαι πύλας, то и слово πύλας не только не заручится вещнымъ и другимъ, какимъ угодно, падежемъ, но *совсѣмъ исчезнетъ* изъ фразы.

3) ὥς οἱ γε ἀμφίεπον τάφον Ἑκτορος ἱπποδάμοιο (II. ω. 804). Чѣмъ отличается этотъ примѣръ отъ двухъ предыдущихъ, т. е. отъ ἀμφήλυθέ με αὐτῇ и отъ ἀμφιβάλλεις με χειρὶν? Въ предыдущихъ примѣрахъ въ само compositum не входило ни то, *что* черезъ предлогъ приводится въ отношеніе къ извѣстному предмету, ни тотъ предметъ, къ *которому* оно приводится въ отношеніе (последняго и не могло быть, иначе самое compositum пришлось бы отнести не ко второй, а къ *первой* категоріи, — къ словамъ παρὰ νόμῳ и т. д.). Настоящій же примѣръ представляетъ собою тотъ *крайній* случай, который мы имѣли въ виду

*) Это разсужденіе вызываетъ вопросъ: какія изъ composit'овъ слѣдуетъ считать *болѣе* ранними: тѣ, въ которыхъ предлоги еще *имѣютъ* вліяніе на конструкцію, или тѣ, въ которыхъ предлоги *до того* слились съ выраженіемъ дѣйствія, что даже потеряли вліяніе на конструкцію? Казалось бы, *болѣе* ранними нужно считать *первыя*. Если это такъ, то это плохо мирится съ мнѣніемъ Дельбрюка, которое мы сообщили на стр. 319, и которое гласитъ, будто сначала предлогъ видоизмѣнялъ значеніе глагола, а затѣмъ, когда этотъ глаголъ (видоизмѣненный предлогомъ) принялъ къ себѣ приспособленный его значенію падежъ, то и между предлогомъ и этимъ падежемъ установилось извѣстное симасіологическое отношеніе.

при самомъ *опредѣленіи* второй категоріи composit'овъ: то, *что* приводится въ отношеніе къ извѣстному предмету, вошло въ compositum, ибо въ *данномъ* примѣрѣ окружаетъ τάφον Ἑκτορος дѣйствіе ἔπειν.

Намъ скажутъ, что въ нашемъ примѣрѣ не ἔπειν окружаетъ τάφον Ἑκτορος, а окружаютъ его οἱ γε, *производя* при этомъ дѣйствіе ἔπειν. Мы не имѣемъ ничего и противъ такого возраженія, хотя оно можетъ вызвать только *колебаніе*, но не можетъ претендовать на рѣшеніе вопроса *непрѣмьнно* въ свою пользу. Въ состояніи такого колебанія мы могли оказаться часто, когда разбирали отдѣльные предлоги съ ихъ падежами, особенно послѣ разсужденія, изложеннаго нами на стр. 244–5. Мы сами уже поднимали однажды подобный вопросъ, именно на стр. 276, но тамъ мы *нашли* мотивъ, въ силу котораго къ »сопоставленію« предметовъ, обозначаемаго *предлогомъ*, можно было отнести *дѣйствіе*, а не *лицо, производящее* его. Въ *настоящемъ* примѣрѣ такого мотива не найти, а потому и колебанія не избѣгнуть. Разбирая нашъ и ему подобные примѣры съ узко-симасіологической точки зрѣнія, мы скажемъ, что отъ ἀμφίεπον съ одной стороны »зависитъ« οἱ γε, а съ другой — τάφον, причемъ на *падежѣ* слова τάφον »не потеряло еще вліяніе« само ἀμφί; затѣмъ отъ τάφον зависитъ симасіологически Ἑκτορος, а съ Ἑκτορος симасіологически связано, какъ *согласующееся*, слово ἱπποδάμοιο. Но узко-симасіологической точкѣ зрѣнія мы въ самомъ *основаніи* противопоставляемъ *обще-синтаксическую*, — ту *обще-синтаксическую* точку зрѣнія, которою *опредѣляются* паузы, ритмъ и т. д., и которою у насъ *опредѣлились* »синтаксическія« подлежащее и сказуемое (смотри выше стр. 175). Читатель разсмотритъ еще разъ все наше разсужденіе о синтаксическихъ подлежащемъ и сказуемомъ и убѣдится въ томъ, что все дѣло тамъ заключается въ психо-логическомъ синтезѣ, — въ синтезѣ, доводящемъ дѣло до цѣлой *мысли* степеней *подчиненія*, причемъ подчиняется не слово слову, а мысль мысли. Не знаю, вездѣ ли, — это дѣло *высшаго* синтаксиса, — но во *многихъ* случаяхъ я вижу *полную* зави-

симость всѣхъ этихъ паузъ и ритма именно отъ психо-логического синтеза и отъ разныхъ степеней подчиненія одной части мысли другой. По мысли относятся οἱ γε и къ ἔπον, и къ τάφον, точно такъ же, какъ и само ἔπον имѣетъ отношеніе къ τάφον, и психо-логическій синтезъ, внося въ эти слова извѣстныя степени подчиненія, можетъ комбинировать различно. Въ выраженіи *гуманное обращеніе отца* — слова *гуманное* и *отца* симасіологически одинаково зависятъ отъ слова *обращеніе*, представляя собою схему $\alpha \backslash^a / \beta$. Но психо-логическій синтезъ, на общесинтаксической почвѣ, можетъ превратить эту схему или въ $\alpha (a/\beta)$ = *гуманное (обращеніе отца)*, причемъ «ритмически» слова *обращеніе отца* будутъ составлять нѣчто одно, въ противоположность слову *гуманное*, или въ схему $(\alpha \backslash^a) \beta$ = (*гуманное обращеніе*) *отца*, причемъ «пауза» будетъ поставлена между словомъ *отца*, какъ чѣмъ то однимъ, и словами *гуманное обращеніе*, какъ чѣмъ то другимъ. Въ итогъ отъ обоихъ психо-логическихъ синтезовъ получится въ данномъ случаѣ одно и то же. Такъ и въ οἱ γε ἀμφίεπον τάφον можетъ войти въ скобку или *дѣйствіе* = у нихъ (*ἔπειν* окружило) *τάφον*, или дѣйствующее лицо = *ἔποντες* (они окружили) *τάφον*, и результатъ будетъ одинаковый.

Итакъ, для насъ рѣшительно все равно, войдетъ ли въ «сопоставленіе» предметовъ слово *ἔπειν*, или слово *οἱ γε*; для насъ важно, что то и другое — *возможно*. Если въ «сопоставленіе предметовъ» войдетъ *οἱ γε*, то нашъ примѣръ, по *интересующему* насъ вопросу, будетъ совершенно одинаковъ съ ἀμφήλυθέ με αὐτή, а если туда войдетъ *ἔπειν*, то онъ будетъ представлять особый типъ сопро-posit'овъ второй категоріи. Въ томъ и другомъ случаѣ, однако, остается *τάφον*, а на этомъ *τάφον* слово ἀμφί обнаруживаетъ всю свою силу какъ *предлогъ*: не будь ἀμφί, не будетъ и *τάφον*.

4. τοιοῦτον μέντοι καὶ ἐγὼ οἶδα ὅτι πάθος πάθουσι ἂν εἰσελθὼν εἰς δικαστήριον (Plat. Gorg. 522 b). Судя по прежнему, казалось бы, что здѣсь нужно встрѣтить не» εἰς

δικαστήριον», а простой вещный падежъ δικαστήριον. На дѣлѣ этотъ простой вещный падежъ встрѣчается; такъ, мы читаемъ: Φρυγίην (Π. γ 184), τεῖχος (Π. χ 56), πόλιν (Soph. Oed. C. 913), ἄλσος (Soph. Trach. 1167), δόμους (Eur. Alc. 563), τὴν γραφὴν (= подать жалобу, Lys. 18. 105), μένος ἀνδράς εἰσέρχεται (Π. ρ 157) и т. д. Встрѣчается даже *личный* падежъ, что также вполне понятно, такъ какъ представляетъ собою полную аналогію примѣру ἀμφέβαλε στολήν σφ' χάρα, если въ немъ *χάρα*, какъ мы разсуждали на стр. 326–7, не находится подъ непосредственнымъ вліяніемъ предлога ἀμφί, а стоитъ въ зависимости отъ всего composit'a или, говоря точнѣе, отъ того *общаго* представленія, которое оно рисуется какъ одно слово (сравни замѣтку ο βαρέως φέρω на стр. 138). *Личный* падежъ при εἰσέρχομαι встрѣчается: Plat. Lys. 218 с (εἰσῆλθέ μοι ὑποψία; общее впечатлѣніе отъ слова εἰσ-ῆλθε — то же, что отъ ἐγένητο), Plat. Theaet. 147 с (εἰσ-ῆλθε αὐτοῖς διαλεγόμενοις = пришло *имъ* на мысль во время бесѣды), Plat. Resp. 330 d (εἰσῆλθεν αὐτῷ δέος καὶ φροντίς) и др.

Опять возраженіе: Не слѣдуетъ, скажутъ намъ, отличать падежъ *μοι* въ какомъ нибудь εἰσῆλθέ μοι ὑποψία отъ падежа *με* хотя бы даже въ первомъ примѣрѣ ἀμφήλυθέ μ' αὐτή, такъ какъ и въ этомъ примѣрѣ все же въ концѣ концовъ, какъ мы сами признали, слово *με* чувствуется зависящимъ отъ всего compositum, слѣдовательно, *тоже* зависитъ отъ *общаго* представленія, рисуемаго *всѣмъ* composit'омъ какъ *однимъ* словомъ». Укажутъ на то, что именно «ἀμφιβάλλω» а не простое βάλλω, чувствуется по отношенію къ *με* transitiv'нымъ, и вызываетъ къ себѣ *με* не потому, что въ него вошло ἀμφί, а потому, что оно — *transitivum*. Намъ предложить сопоставить русскія выраженія «ходить (идти) *черезъ* рѣку» и «переходить *рѣку*» (въ данномъ случаѣ *черезъ* и *пере* — одно и то же), и заставить насъ убѣдиться въ *правильности* возраженія. Все это такъ, но, присмотрѣвшись ближе къ *причинѣ* transitiv'ности слова ἀμφήλυθεν, мы должны сказать, что оно —

transitivum по отношенію къ *με* лишь *постольку*, поскольку въ немъ само »ἀμφί« — transitivum, и слово *με* въ »ἀμφι-λῦθεν« всетаки зависитъ *прежде всего* отъ ἀμφί.

Однако, — чтобы возвратиться къ нашему εἰς ἡλθον, — почему же въ немъ и ему подобныхъ примѣрахъ появляется не *простой* падежъ, а предлогъ? Какъ извѣстно, предлогъ этотъ бываетъ не только *одинаковый* съ предлогомъ composit'a, но и *синонимичный* ему (какое нибудь παρά τινα, ср. Plat. Gorg. 456 b, πρός τινα, ср. Xen. Hell. V. I. 33, и т. д.). Такъ и въ русскомъ языкѣ: *поддѣлаться подъ характеръ, примѣниться къ характеру* и т. д. Почему это все такъ? Мотивовъ тутъ можетъ быть два. Одинъ мотивъ — тотъ, что предлогъ самого composit'a не то что »теряетъ вліяніе на дальнѣйшую конструкцію«, какъ было напр. въ διέρχομαι πύλας, а вовсе не *предназначенъ* для того, чтобы служить сопоставленію предмета съ предметомъ. Его задача — просто *видоизмѣнить* значеніе того слова, которое слилось съ нимъ въ compositum: εἰς ἡλθον — почти то же самое, что простое ἦλθον, только *направленіе**) движенія, выраженнаго въ ἦλθον, ближе опредѣлено въ εἰς. Въ этомъ случаѣ наше εἰς ἡλθον вовсе не принадлежало бы ко второй, а къ *нижеслѣдующей*, третьей категоріи composit'овъ.

Другое, что можно усмотрѣть въ появленіи *новаго* предлога *послѣ* composit'a, это — симасіологическая *тавтологія*. Что же достигается такою тавтологіею? Къ рѣшенію этого вопроса мы можемъ привлечь и русскій языкъ. Сопоставивъ обороты »переходить *черезъ* рѣку« и вышеприведенное »переходить рѣку«, мы видимъ, что *первое* выраженіе даетъ чувствовать слушателю всю *детальность* картины движенія, — каждый, такъ сказать, *шагъ* перехода по *длинной* поперечной линіи отъ одного берега къ другому, тогда какъ во *второмъ* выраженіи рѣка рисуется простымъ *объектомъ* дѣйствія.

*) Вотъ къ чему ведетъ die ältere (?) Aufgabe der Präpositionen die Handlung des Verbums nach Massgabe des ihnen innewohnenden Sinnes näher zu bestimmen: къ появленію *новаго* предлога въ симасіологическомъ дополненіи глагола! (сравни подстрочныя замѣтки на страницахъ 319 и 326).

Въ иныхъ случаяхъ симасіологическая тавтологія указываетъ на *дѣйствительное* движеніе, а простой падежъ придаетъ всему обороту *метафорическое* значеніе; сравни εἰς βαῖνω εἰς ναῦν (Herod. 3. 41) и εἰς ἐβην κακὰ (Soph. Oed. C. 997).

На приведенныхъ четырехъ примѣрахъ можно даже и остановиться при разсматриваніи второй категоріи composit'овъ, такъ какъ ими исчерпаны *все* типы этой категоріи. Во *всѣхъ* ихъ одинъ изъ сопоставляемыхъ предметовъ — то *входитъ* въ compositum (ἀμφίπερ), то *не входитъ*, а затѣмъ, что касается *симасіологическихъ дополненій* такихъ composit'овъ, то въ нихъ можно различать *три* случая: или симасіологическое дополненіе composit'a остается то же, какъ если бы *части* composit'a были не частями, а *отдѣльными* словами, или симасіологическое дополненіе composit'a *измѣняется* сравнительно съ тѣмъ, когда части composit'a являлись *отдѣльными* словами, или, наконецъ, *наступаетъ* симасіологическая тавтологія; quartum non datur.

Однако, почему же мы въ этой категоріи composit'овъ приводили одни *глаголы*, глагольные имена (мы толковали о composit'ѣ *перейти*) и глагольные *признаковыя* (εἰσελθών), и почему въ предыдущей категоріи преобладали у насъ *простыя* признаковыя и существительныя? Это вполне понятно. Въ первой категоріи предметъ, *къ которому* что-нибудь приводится въ отношеніе, находился въ самомъ *compositum*, а потому *надежда*, требуемаго *обыкновенно* предлогомъ, все равно нельзя было выдержать въ симасіологическомъ дополненіи этого composit'a. Во второй же категоріи предметъ этотъ уже во *всякомъ* случаѣ *всегда* находился *внѣ* composit'a, а потому интересно было прослѣдить, насколько въ *названіи* этого предмета удерживается *надежда*, который требуется предлогомъ въ *обыкновенныхъ* предлоговыхъ оборотахъ? За этимъ можно было слѣдить *только* въ глаголахъ, въ глагольныхъ именахъ, и глагольныхъ признаковыхъ. Впервые, тамъ какъ-то *свободнѣе* разлагалось compositum на *части*, — извѣстно, что въ старину предлогъ даже *внѣшне* — *совершенно* от-

дѣлялся при посредствѣ такъ называемаго tmesis'a* (какое нибудь ἀμφίπτυχῇ ужъ никакъ нельзя τέμνειν**), а важнѣе всего — то, что *существительныя* въ вопросѣ о симасіологическомъ дополненіи составляютъ *особый* разрядъ словъ, представляя въ этомъ отношеніи *полную* противоположность предлогамъ (сравни выше стр. 265), и потому предлогъ, вошедшій въ ихъ композицію, ужъ никакъ не можетъ оказать вліянія на дальнѣйшую конструкцію. Ихъ симасіологическое дополненіе есть по преимуществу, какъ ниже окажется, *родовой* падежъ, или предлоговый оборотъ. По *предлоговому* обороту въ нашей категоріи словъ пришлось бы имѣть дѣло съ тою же симасіологическою *тавтологією* (ἐσβολὴ εἰς τὴν χώραν), а *родовой* падежъ (ὅδ' ἑρὸς φίλημά μοι σῆς σωματός τ' ἀμφίπτυχάς — Eur. Ion) своимъ *геническимъ* характеромъ прямо такъ сводитъ къ нулю тотъ интересъ, который представляли собою composita-*глаголы*, глагольныя имена и глагольныя признаковыя. Что же касается простаго *признаковаго*, то оно, *прежде всего*, должно *согласоваться*, а вовсе не «симасіологически дополняться» падежами, откуда и выходятъ въ нашей категоріи composit'овъ такія явленія, какъ ἀμφιάλος Ἰθάκη (= Иѳака, кругомъ которой — море) ἀμφιέλισσα ναῦς (= корабль, по обѣимъ сторонамъ

*) Греческій или, точнѣе, омировский tmesis представляет собою совершенно то же, что нѣмецкій (der Nebel *hüllte* den Wald *um* и др.); только что нѣмецкій tmesis, по крайней мѣрѣ, какъ мы его видимъ въ *теперешнемъ* нѣмецкомъ языкѣ, связанъ извѣстною разстановкою словъ, тогда какъ *омировский* tmesis, *кажется*, ничѣмъ не связанъ, развѣ только *метрическими* соображеніями, но это — соображенія слишкомъ внѣшнія. Въ какой мѣрѣ мы правы относительно того, что въ ἀμφήλυθεν *ме* слово *ме* зависить *прежде всего* отъ ἀμφί, засвидѣтельствуетъ всякій, кто практиковался въ комментированіи Омира: часто не знаешь, усматривать ли въ предлогѣ tmesis, или принимать его за *отдѣльное* слово, а падежъ относить *исключительно* къ нему.

**) Разъ въ такихъ словахъ нѣтъ tmesis'a, то ихъ образование нужно ставить хронологически, конечно, *послѣ* образования глагольныхъ композицій (сравни выше подстрочное примѣчаніе на стр. 322). Но какое изъ этого можно вывести заключеніе? Единственно опять таки то, что предлоги чѣмъ дальше, тѣмъ больше *срастались* съ другими словами, *теряя* вліяніе на конструкцію, но мысль, будто предлоги, находясь въ композиціяхъ, *принимавшихъ* извѣстные падежи, затѣмъ сами на этомъ основаніи устанавливали *себѣ* отношеніе къ падежамъ, *отдѣляясь* понемногу отъ композицій (въѣдъ это утверждаетъ Дельбрюкъ), — *эта* мысль не находитъ поддержки въ подобныхъ явленіяхъ.

котораго — извилины) и т. д. Опять таки и *эти* composita не представляютъ для насъ никакого интереса, развѣ только тѣмъ, что и въ нихъ предлогъ *остается* указателемъ отношенія предмета къ предмету (объ этомъ, впрочемъ, *упомянуть* нечего; это *само собою* заключается во второй категоріи composit'овъ, какъ таковой).

Третью категорію, наконецъ, составляютъ такія composit'a, въ которыхъ первая часть, т. е. самъ предлогъ, служить лишь для отгнѣнія значенія второй части. Сюда относятся явленія въ родѣ слѣдующихъ.

Ἀμφιβολία = бросаніе *туда и сюда* = незнаніе, куда мѣтить, что дѣлать = затруднительное положеніе (ἀμφιβολίῃ ἔχεσθαι — Herod. 5.74; то же — ἀμφιγυεῖω).

Ἀμφιδάκρυτος (сказано о πόθος, Eur. Phoen. 330) = тоска, вызывающая *кругомъ*, т. е. *всюду и всегда*, слезы = слезообильная.

Ἀναβαλχεύω (πατέρος αἵμα σᾶς, ὃ σ' ἀναβαλχεύει — Eur. Or. 338) = какъ бы, изъ-подъ спуда вдругъ *вверхъ* выбросить = возбудить въ тебѣ вакхическое настроеніе.

Ἀναβάλλω (ἀναβάλλομαι τοι ἐς τρίτην ἡμέρην ἀποκρίνεσθαι — Herod. 5.49) = то, что должно идти своимъ теченіемъ, вдругъ поднять *вверхъ* и *возбросить* = возложить на кого-нибудь или на что-нибудь, — въ данномъ случаѣ, какъ бы, возложить на *третій* день = отложить.

Ἀνάγω (μυθεῖς ἀλλοδαποῖσι, γυναῖκ' εὐεῖδε' ἀνῆρες ἐξ ἀλῆς γῆς — Il. γ 48) = на ту поверхность, откуда что нибудь исчезло, подъ которую что нибудь провалилось, возвести = возвратить.

Ἀναίρω = то, что спокойно лежало на поверхности, поднять *вверхъ* = *взобрать* = *прибрать*, чтобы тамъ этого не было, иногда просто — уничтожить.

Ἀνακαλύπτω (противоположно слову καλύπτω) = *воз-*крыть = *вскрыть* = *поднять* *калѹμμα* *вверхъ*.

Ἀνακλίνω = *возлечь* на что нибудь (ποτὶ γαίῃ ἀνακλίσεις Il. δ. 113), причемъ само κλίνειν *противопологается* или стоянію, или сидѣнію *прямо* (прежнее *вверхъ* *ослаблено*

здѣсь въ простое *на*, какъ оно употреблено нами *именно* въ оборотѣ »возлечь *на* чтонибудь«).

Ἀνακάμπτω = воз-гнуть = взгнуть; κάμπτω противопоставляется нахожденію въ *прямой* линіи, а все »ἀνακάμπτω« противопоставляется слову εὐκάμπτω (= согнуть = гнуть во-внутрь), такъ что ἀνακάμπτω получаетъ значеніе »гнуть *концы* линіи *назадъ*, чтобы середина ея выступила *впередъ*«.

Ἀναμνησῶ = вспоминать = вывести въ памяти на-ружу.

Ἀναγινώσκω = воспознавать = невѣдніе превратить въ вѣдніе (обыкновенно употребляется о прочтеніи *написаннаго*).

Ἀναπτύσσω (напоминаетъ почку, вскрывающуюся = ἀνακαλυπτομένην въ цвѣтокъ) = то, что было сложено въ складки, развернуть — расправить.

Ἀναρρέω (противопоставляется слову καταρρέω, т. е. теченію по линіи *внизъ*) = течь по линіи *вверхъ* = течь *назадъ*.

Ἀντιφέλλω = ставлю свою поддержку *лицомъ къ лицу* съ поддержкою другого = оплачиваю поддержкою за поддержку (слова ἀντίθεος = становящийся *лицомъ къ лицу* съ богомъ = богоравный и ἀντίδουλος = уравнивающий раба = замѣняющій раба — относятся не сюда, а къ *первой* категоріи composit'овъ: ἀντίθεος = ὅς ἀντὶ θεοῦ, ἀντίδουλος = ὅς ἀντὶ δούλου ἐστίν).

Ἀντιστάτης = стоящій противъ кого *нибудь*, *тоже* стоящаго противъ = противникъ.

Ἀπογηράσκω (Theogn. 821) = отстариться (сравни русское *отцвѣлзъ цвѣтокъ*) = отдѣлаться отъ состарѣнія = *окончательно* состарѣть.

Ἀπαγορεύω — буквально русское »отказать« = запретить, а то и »отказаться«, въ смыслѣ »перестать что *нибудь* дѣлать« = утомиться (сравни ἀπογινώσκω = не признавать — отчаяваться).

Ἀποκριῶσαι = *окончательно* выяснить (сравни русское »отдѣлка«).

Ἀπομνύμι = отдѣлаться отъ присяги = совершить наконецъ присягу.

Ἀπαγγέλλω = отвѣстить = *передать* вѣсть = объявить (*отвѣстить* по русски не говорятъ, но *отвѣтить* говорятъ, — съ тѣмъ же значеніемъ предлога *отъ*).

Διαδιδάσκω = *насквозь* провести извѣстное дѣйствіе, въ смыслѣ *полноты*; то же — διαδικάζω = *разсудить*.

Διάβροχος (Eur. Bacch. 1051) = *насквозь* промокшій.

Διαδάκνω = *прокусить*.

Διάδοχοι = перенимающіе отъ кого что *нибудь*. Здѣсь не хватаетъ у меня чутья языка для того, чтобы рѣшить, имѣется ли въ виду *полнота* перениманія, т. е. перениманіе чего *нибудь* во *всѣхъ* его деталяхъ, или, быть можетъ, рисуется картина двухъ лицъ, стоящихъ рядомъ, причемъ отъ одного изъ нихъ вещь переходитъ къ другому *черезъ* промежутокъ, находящійся между ними; на послѣднее указываетъ русское »перенять«, въ которомъ »*пере*« равняется слову *черезъ*.

Διαζεύγνυμι = *распрячь*; русское »раз« является здѣсь метафорою слова »сквозь« въ *томъ* смыслѣ, что, *проникая* сквозь извѣстную среду, мы какъ то *разрѣзаемъ* эту среду на двѣ половины.

Διακρίνω = *различаю*.

Διαβάλλω = *разбросать* = уничтожить цѣльность; мы говоримъ »разнести кого *нибудь*« = оклеветать.

Διάκειμαι = *развернуться* передъ кѣмъ въ обѣ стороны = быть *расположеннымъ* къ кому-нибудь.

Διακοσμέω = въ нѣчто спутанное проникнуть и про-извести *распорядокъ*.

Διαφέρω = провести черту между двумя вещами и *тоже*, какъ бы, *разнести* ихъ = различать.

Διαφέρομαι = какъ бы, *разнести себя* съ кѣмъ *нибудь* = поссориться.

Διαλέγομαι = *разсуждаю* съ кѣмъ *нибудь* = *разговариваю* = нѣчто, что первоначально представлялось только, быть можетъ, въ *туманѣ*, разбирается по *частямъ*, и про-водятся опредѣленные границы между частями.

Λαλείπω χρόνον = оставляю (*λείπω*) промежь чегонибудь (*διά*) время, — оставляю его въ томъ смыслѣ, что не пользуюсь временемъ = упускаю время.

Εἰσακούω = вслушиваюсь = внимательно слушаю = слушаюсь.

Εἰσβάλλω εἰς τὴν πόλιν = бросаю въ городъ, *εὐλύβη* (такъ можно бы толковать и вышеприведенное *εἰσελθὼν εἰς δικαστήριον*, если *εἰσελθὼν* относится къ третьей категоріи *composit'овъ*).

Ἐκκαθαίρω = *изнутри* = *совсѣмъ* вычистить.

Ἐνδίδωμι = дать себя въ руки чемунибудь = поддаться = уступить.

Ἐμμένω = *тутъ же* (*ἐν*) остаюсь = твердо стою.

Ἐλλείπω — *ἐκλείπω* — *ἐπιλείπω* = отставать (*λείπω*) *во-внутрь* (*ἐν**) и не идти въ уровень — отставать *во-внѣ* (*ἐκ*) и не идти въ уровень — *приотставать* (какъ *ἐπίσχευς* = *придержки*; трудно вникнуть въ метафору этого русскаго *при* и греческаго *ἐπί*) = *недоставать*.

Ἐπαγγέλλω = обращаясь къ комунибудь, объявляю = объявляю публично. Впрочемъ, *ἐπί* можетъ имѣть здѣсь еще другое значеніе; оно можетъ указывать на *присоединеніе* чегонибудь къ чемунибудь, какъ это замѣчается въ выраженіяхъ *ἐπιγενομένου θέρους* (= когда *вслѣдъ* за другимъ временемъ появилось *θέρους*, когда *θέρους* смѣнилось *χειμῶνα*, когда наступило *θέρους*).

Ἐπαγείρω = къ *мѣсту* собирать = собирать въ одно.

Ἐπαίρω (*δρῶθαις δ' ἄρ' ἐπ' ἀγκῶνος, κεφαλὴν ἐπαίρωας, Ἀτρεΐδην προσέειπε* — II. κ 80) = *принаравливаясь* къ чемунибудь, поднять.

Ἐπαίτω (*ἴππον δέ τοι αὐτὸς δώσω, τὴν ἀρόμην· εἰ καὶ νῦν κεν οἴχοθεν ἄλλο μείζον ἐπαίτῃσειας* — II. ψ 593) = *вдобавокъ* къ чему попросить = *припопросить*.

Ἐπαίνεω = по *данному случаю* *αἰνεῖν*. Возможность толковать *ἐπί* въ *composit'ахъ* въ смыслѣ *по данному*

случаю открываетъ широкое поле этимъ *composit'амъ*, и *дѣйствительная* многочисленность ихъ обнаруживаетъ лишь большую *склонность* греческаго языка къ *сопро- sit'амъ*; ибо особеннаго ничего не *выдвигается* черезъ нихъ: *ἐπαίνεω* обозначаетъ почти то же, что простое *αἰνεῖω*.

Ἐπακούω = *прислушиваться*.

Ἐπιβουλεύω = *мыслить, направляясь противъ* кого-нибудь (въ *враждебномъ* смыслѣ) = *злоумышлять*.

Καταλίμπρωμι = по всей поверхности = *окончательно* (а можетъ быть, и *до-низу* = *до основанія* = *основательно*) *жечь* = *сжечь*.

Κατηγορέω = говорить съ высоты внизъ = говорить «съ-высока» = *унизительно* = говорить *противъ* кого-нибудь.

Μεθίστημι = *смежно* ставлю чтонибудь сравнительно съ *прежнимъ* положеніемъ этого «чего-нибудь» = *переставляю*.

Относить ли сюда *μετέχω τινὶ τινος*? *Τινὶ* есть здѣсь *личный* падежъ, и если мы на стр. 253 и 283 толковали слово *μετά* правильно, то *μετέχω*, представляя собою слѣды *омировскаго* употребленія слова *μετά* съ *личнымъ* падежемъ, могло бы относиться со всею своею конструкціею къ типу «*ἀμφιβάλλεις με χειρὶν*» второй категоріи *composit'овъ* (какъ въ *ἀμφιβάλλεις με χειρὶν* слово *χειρὶν* зависѣло отъ всего «*ἀμφιβάλλεις*», такъ и здѣсь *τινός* зависѣть отъ всего «*μετέχω*», иначе было бы *τί* — «*έχω τί*» — а не *τινός*). Однако, этому толкованію противорѣчитъ оборотъ *μεταδίδωμι τινὶ τινος*. Очевидно, оба эти оборота составлены по одному шаблону, а *μεταδίδωμι τινὶ τινος* относится непременно къ третьей категоріи *composit'овъ*. *Μεταδίδωμι* значить «даю такъ, чтобы данное было *смежнымъ* или *совмѣстнымъ* съ моимъ» = *даю часть* чего-нибудь (такъ и *μετέχω* = *имѣю часть* чего-нибудь). Разъ слово *μετά* метафоризировалось въ *часть**),

*) Со внесеніемъ въ мысль представленія *части* уничтожается возможность того «сопоставленія предмета съ предметомъ», которое было обозначено предлогомъ «*μετά*» въ предлоговомъ оборотѣ.

*) Математическій «эллипсъ», какъ извѣстно, уже древнимъ грекамъ былъ знакомъ какъ линія, «отстающая отъ параболы *вовнутрь* параболы» по эксцентритету.

то все compositum принадлежить сюда. Такимъ образомъ личный падежъ *τινὶ* въ *μετέχω τινὶ* пришлось бы объяснять такъ, какъ онъ объясняется въ *διαλέγομαι τινί* = я разговариваю и онъ разговариваетъ; я имѣю часть и онъ имѣетъ часть (въ *μεταδίδωμι τινὶ τινος* личный падежъ *τινὶ* зависитъ непосредственно отъ *δίδωμι*).

Относитъ ли сюда *παράβαλλομαι ψυχῇ* = не щадить жизни = жертвовать жизнью (*οὐδὲ τι μοι περίκειται, ἐπεὶ πάθον ἄλγεα θυμῷ αὐτὸ ἐμὴν ψυχὴν παραβάλλομενος, πολεμίζειν* = II. 1 332)? Едва ли. Весь оборотъ заимствованъ изъ игры, гдѣ *возмъ* (*παρά*) игровой доски клалась ставка. Этою ставкою представлена въ нашей фразѣ *вся жизнь*, а игрою представлено дѣйствіе *πολεμίζειν*. Предлогъ *παρά* не выходитъ здѣсь изъ рамки «сопоставленія предмета съ предметомъ», а потому наше выраженіе слѣдуетъ отнести ко второй категоріи composit'овъ.

Παρεγένετο или *παρῇν εἰς Σάρδεις* (Хен. Anab. I. 2, 3) мы толкуемъ какъ *εἰσελθὼν εἰς δικαστήριον*: тутъ можно толковать и о второй, и о третьей категоріи composit'овъ.

Παραίνεω = *возмъ* чего нибудь одобрять = *въ виду* чего нибудь одобрять = поощрять.

Παρακούω = слушать *возмъ*, *минуя* то, что *слѣдуетъ* слушать = ослышаться.

Что касается примѣра *περιεγένετο τοῦτου τοῦ πάθους* (Herod. 5. 46 = онъ обошелъ это несчастіе = онъ сталъ *выше* этого несчастія), то мы его отнесемъ ко второй категоріи composit'овъ. Къ *περιγενέσθαι ἐκ τῶν μεγίστων* (Thuc. II. 49) мы отнесемъ, какъ къ *παρῇν εἰς Σάρδεις*. Къ третьей категоріи composit'овъ несомнѣнно относится выраженіе *περιεγένετο* въ смыслѣ «онъ остался въ живыхъ».

Περιεργάζεσθαι = трудиться *излишне*, *больше* чѣмъ слѣдуетъ (Dem. 32.28: *εἰ δὲ σεσυκοφάντηκας, οὐ περιεργάζομεθα* = не суетимся *излишне* изъ за того, что . . . = не обращаемъ вниманіе на то, что . . .). Метафора *излишне* получается изъ того же *выше*, о которомъ мы упоминали

въ предыдущемъ примѣрѣ, и которое въ предлоговомъ оборотѣ замѣчено было во фразѣ *περὶ δὲ ἐστὶν θεῶν καὶ ἀνθρώπων* (ср. стр. 303). Такъ и *περιουσία* = *излишекъ* — *достатокъ* — *благосостояніе*.

Περικαλλῆς = *кругомъ* хорошъ = *вполнѣ* хорошъ (или и *тутъ* слѣдуетъ примѣнить *выше*?)

Προαιρεῖσθαι μᾶλλον τι ἢ τι = избрать скорѣе то-то, чѣмъ то-то; собственно = *впередъ* взять, какъ бы «раньше взять» — предпочесть.

Προεἰπέν = говорить *впередъ*, въ смыслѣ *прямо*, какъ бы «прямо отъ устъ», — латинское *profere* = объявить (*πόλεμον προεἰπέν* = объявить войну).

Προίημι и *προδίδωμι* = пустить *впередъ* = пустить отъ себя = выпустить изъ рукъ = предать.

Προσαιτέω = *вдобавокъ* къ чему просить = припрашивать.

Προσαρκεῖ = *въ виду* того-то хватаетъ, почти то же, что простое *ἄρκει*.

Συλλέγω = съ разныхъ концовъ въ одно мѣсто *лѣγω* = собираю.

Συνεργάζομαι = *conficio* = съ разныхъ сторонъ принимаясь за дѣло, къ одному свожу; *λίθοι οὐ συνεργαζόμενοι* (Thuc. 1.93) = не сработанные = не обработанные ваятельски.

Сюда мы не отнесемъ выраженіе *σύννοια ἐμαυτῷ* = *сознаю* за собою. Здѣсь указывается на двухъ я, одного дѣйствующаго, а другого *знающаго* объ этихъ дѣйствіяхъ; эти два я «сопоставляются» между собою, и весь оборотъ принадлежить ко второй категоріи composit'овъ. Во фразѣ *σύννοιά σοι* выражено «и ты знаешь, и я знаю». Фраза *συγγιγνώσκω τινὶ* (= *извиняю* кого) выражаетъ собственно: другой смотритъ на свое дѣло известнымъ образомъ, и я смотрю на него *такъ же*.

Ἵπερφρονεῖν = презирать (собственно: идти *мыслью*, *тѣмъ* *фронѣи*, *черезъ* что нибудь.)

Ἱπέρσοφος = премудрый = стоящий надъ обыкновенною мудростью (въ сущности, это слово относится къ первой категоріи composit'овъ, такъ какъ Ἱπέρσοφος = Ἱπέρ σοφίας).

Ἱπογελάω = исподъ смѣяться, — какъ бы, не на поверхности, не открыто = подсмѣиваться.

Ἱπάγω = исподъ вести дѣло, чтобы оставаться незамѣченными.

Ἱποπτεύω = подсматривать, нѣтъ ли чего (— совершенно русское »подозрѣвать«).

Ἱποπερκάζω = исподъ и исподволь румяниться = созрѣвать (πάροιθε δὲ τ' ὀμφρακὲς εἶδιν, ἄνθος ἀφιεῖσαι, ἕτεροι δὲ ὑποπερκάζουσι — Od. η 324).

Ἱποχωρέω = идти внизъ — не оставаться на поверхности = уступать — идти назадъ.

Такова — третья категорія composit'овъ. Весь этотъ разборъ composit'овъ, равно какъ и разсматриваніе примѣровъ на стр. 318-20, все это было вызвано стремленіемъ провѣрить мнѣніе о »самостоятельномъ значеніи предлоговъ«, т. е. объ употребленіи ихъ безъ падежей, и связываемый съ этимъ вопросъ о ихъ »нарѣчности«. Мы видѣли, что вездѣ предлоги такъ или иначе, т. е. съ сохраненіемъ вліянія на конструкцію или безъ него, оставались тѣмъ, чѣмъ они были въ обыкновенныхъ предлоговыхъ оборотахъ, только въ послѣдней категоріи composit'овъ они эту роль потеряли совершенно, и если гдѣ, то только здѣсь и можно говорить о »самостоятельномъ« значеніи предлоговъ, — т. е. »самостоятельномъ« въ томъ смыслѣ, въ какомъ, пожалуй, это могло бы послужить доказательствомъ ихъ »нарѣчности«, насколько о нарѣчности издали можно говорить намъ, не разсмотрѣвши еще нарѣчій. Но читатель согласится съ нами въ томъ, что:

1. Метафористика предлоговъ въ третьей категоріи composit'овъ пошла гораздо дальше метафористики предлоговыхъ оборотовъ и всѣхъ тѣхъ примѣровъ, которые мы разсмотрѣли на стр. 318-20., а также первыхъ двухъ категорій composit'овъ. Если въ примѣрахъ, разсмотрѣнныхъ на стр. 318-20, и въ первыхъ двухъ категоріяхъ composit'овъ метафористика

осталась та же самая, что и въ предлоговыхъ оборотахъ, — за то въ третьей категоріи она и тоньше, и разнообразнѣе, а главное, — фразеологичнѣе, т. е. тѣснѣе связана въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ значеніемъ того слова, съ которыми предлогъ вошелъ въ compositum. Разнообразіе въ метафорахъ тутъ таково, что его едва ли можно исчерпать (мы останавливались лишь на болѣе крупныхъ явленіяхъ), а тонкость ихъ доходитъ до того, что въ нее въ очень многихъ случаяхъ даже трудно проникнуть.

2. Свою опору метафористика третьей категоріи имѣетъ въ разныхъ падежахъ предлоговыхъ оборотовъ. Такъ, ἐπιβουλεύω опирается своимъ значеніемъ на ἐπὶ τινά (λέγει ἐπὶ τινά), а ἐπαίτέω — на ἐπὶ τινι; καταπίμπρημι — на κατὰ τινά, а κατηγορέω — на κατὰ τινος; παραινέω — на παρὰ τινι, а παρakoύω — на παρὰ τινά и т. д.

Уже этихъ двухъ аргументовъ совершенно достаточно для того, чтобы въ третьей категоріи composit'овъ усматривать не доказательство первоначальной »нарѣчности« или вообще чего то первоначального, а вънецъ и предѣлъ симасіологическаго развитія предлоговъ, какъ части рѣчи, вышедшей въ своемъ симасіологическомъ развитіи отъ роли опредѣлять мѣстное отношеніе между двумя предметами, представляемыми въ мѣстномъ же пространствѣ.

V.

Второй отдѣлъ обь имени: падежи.

Мы опредѣлили значеніе предлоговъ, какъ *особой* части рѣчи, и вмѣстѣ съ тѣмъ установили и значеніе падежей, насколько послѣдніе имѣли отношеніе къ предлоговымъ оборотамъ.

Въ славянскомъ языкѣ, который нужно привлекать къ сравненію уже изъ-за одного того, что разныя значенія разсмотрѣнныхъ нами предлоговъ и приставляемыхъ къ нимъ падежей мы истолковывали не только черезъ *посильное опредѣленіе* этихъ значеній, но и черезъ *переводъ* на одно изъ славянскихъ нарѣчій, — въ славянскомъ языкѣ не оказывается ничего такого, что *противорѣчило* бы нашему пониманію значенія падежей и предлоговъ, или что было бы *новостью* сравнительно съ *греческимъ* языкомъ. Если славянское »кз« соединяется съ *личнымъ* падежемъ, а не съ *вещнымъ*, какъ греческое *πρός τινα*, то это объясняется нѣкоторою своеобразностью представленія, на почвѣ котораго выросъ данный славянский предлоговый оборотъ: то, къ »чему« я приближаюсь, первоначально*) представлялось славянину *лицомъ* (безъ *лицетворенія* тутъ не обойтись), совершенно *равноправнымъ* мнѣ, дѣятелю, и, какъ бы, *выжидающимъ* меня, чтобы я съ нимъ *поравнялся*.

*) Дѣло, конечно, идетъ именно о первоначальномъ представленіи; впоследствии, когда оборотъ утвердился, представленіе это могло ослабѣть.

Въ славянскомъ языкѣ только одно непонятно для насъ, а одно — ново. Непонятенъ для насъ оборотъ *по городу*, т. е. *по съ личнымъ* падежемъ (въ чешскомъ языкѣ, — что естественнѣе, — »по« *всегда* встрѣчается съ падежемъ *мѣстнымъ**), а ново — частое употребленіе предлоговъ съ *творительнымъ* падежемъ.

Съ первымъ явленіемъ слависты такъ или иначе справляются, и объясненія ихъ по данному вопросу излагать здѣсь нечего, такъ какъ для *греческаго* языка мы ими воспользоваться не можемъ. Что же касается употребленія въ славянскомъ языкѣ предлоговъ съ *творительнымъ* падежемъ, то это явленіе для насъ — чрезвычайно важно, какъ и *вообще* важенъ для насъ *весь* славянский творительный падежъ, потому что на немъ, какъ стоящемъ совершенно *особнякомъ*, гораздо виднѣе все то, что въ греческомъ языкѣ слито съ другими падежными функциями. На славянскомъ творительномъ падежѣ (до сихъ поръ мы употребляли латинскій терминъ *instrumentalis*) мы и остановимся.

Терминъ »творительный« — очень *выразителенъ*; онъ довольно *точно* указываетъ на значеніе того падежа, для котораго онъ придуманъ. Въ какомъ состояніи находится *симасіологія* славянскаго творительнаго падежа, видно было на страницахъ 59 и 63. Кромѣ сообщеннаго на указанныхъ страницахъ дѣленія этого падежа существуютъ еще другія. Для насъ, впрочемъ, — важно не столько *дѣленіе падежа*, сколько возможная полнота въ *типахъ* примѣровъ, на основаніи которыхъ мы могли бы опредѣлить его *симасіологію*. Типы эти слѣдующіе (они заимствованы по большей части изъ учебника Буслаева »Ист. грамм. русск. яз.«):

1. рубить *топоромъ*; здѣсь видятъ падежъ *орудія* (сравни выше на стр. 325 фразу *τι μ' ἀμφιβállεις χερσίν*).

*) Славянскія нарѣчія, употребляя *по съ мѣстнымъ* падежемъ, обозначаютъ своимъ падежемъ только нахожденіе *одного* предмета на *поверхности* другого, а то обстоятельство, что предметъ занимаетъ *всю* площадь другого предмета, осталось *невыраженнымъ* въ падежѣ. Вещнымъ падежемъ въ данномъ случаѣ (не вообще ли въ предлогахъ?) славянский языкъ воспользовался только для обозначенія *цѣли* движенія (идти *по* воду; сравни выше стр. 255).

2. это написано мною (сравни выше на стр. 279 фразу *γέρραπται Ζενοφῶντι*);

3. своимъ характеромъ онъ напоминаетъ мнѣ моего знакомаго;

4. отъ такого-то города до такого то можно идти все лѣсами (говорятъ тутъ о творительномъ мѣста);

5. весною все цвѣтетъ (творительный времени);

6. ѣхать паромомъ;

7. изъ лѣса выбѣжали волки цѣлыми стадами;

8. идти шагомъ (въ пунктахъ 6, 7 и 8 видятъ творительный образъ дѣйствія);

9. свая торчитъ изъ воды острымъ концомъ;

10. мяса тутъ — четыре пуда вѣсомъ;

11. высокъ ростомъ;

12. хорошъ собою (въ пунктахъ 10, 11 и 12 говорятъ о творительномъ качества и отношенія);

13. истекаетъ кровью;

14. отъ него несетъ водкою; посыпало градомъ;

15. этотъ продуктъ пахнетъ чеснокомъ;

16. пролетѣлъ стрѣлою (падежъ уподобленія);

17. идолъ сталъ болванъ болваномъ;

18. онъ служитъ управляющимъ;

19. онъ оказывается хорошимъ человекомъ;

20. мы видѣли полкъ возвращающимся съ пятью знаменами;

21. Ломоносовъ былъ рыбакомъ;

22. еще ребенкомъ она лишилась матери (говорятъ тутъ о творительномъ опредѣленія);

23. при предлогахъ: за городомъ, надъ городомъ, подъ городомъ, передъ городомъ, между городомъ и селомъ;

24. особымъ явленіемъ представляется предлогъ съ съ творительнымъ падежемъ.

Наблюденія надъ всѣми этими явленіями ведутъ къ слѣдующимъ замѣчаніямъ и выводамъ.

Если выраженія за городомъ, надъ городомъ, подъ городомъ, передъ городомъ, между городомъ и селомъ отвѣчаютъ въ общемъ на вопросъ *гдѣ* (о вопросѣ *гдѣ* мы раз-

суждаемъ въ данномъ случаѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы его выяснили на стр. 282), то мы ихъ должны строго отличать отъ выраженій *въ городъ, на горъ, при мнѣ, о масляницѣ* (во временномъ значеніи), *говоритъ о человецѣ, по lesch* (равняется русскому *по тѣсамъ*). И послѣднія выраженія отвѣчаютъ на вопросъ *гдѣ*, и встрѣчающійся въ нихъ мѣстный падежъ остается тѣмъ же, какимъ онъ въ концѣ концовъ оказался въ греческихъ предлоговыхъ оборотахъ: непосредственная близость и прикосновенность двухъ предметовъ, для «сопоставленія» которыхъ служить всякій предлоговый оборотъ, рѣзко бросается въ глаза въ предлоговыхъ оборотахъ съ падежемъ мѣстнымъ, если ихъ сличить съ таковыми же оборотами съ творительнымъ падежемъ. Даже въ выраженіи *между городомъ и селомъ протекаетъ такая то рѣка* представлена*) рѣка хотя и *врывающаяся* въ отмѣченный даннымъ выраженіемъ промежутокъ, но все же проходящую черезъ него такъ, что не *затрогиваетъ* ни города, ни села.

Въ примѣрахъ *пахнетъ чеснокомъ, пролетѣлъ стрѣлою, пронесся вихремъ* и т. п. говорятъ объ «уподобленіи». Говорить объ «уподобленіи», это значитъ — имѣть въ виду сопоставленіе двухъ предметовъ и указаніе на ихъ качественную или количественную одинаковость. Въ греческомъ языкѣ, — точно также какъ и въ русскомъ, — когда уподобляются два предмета, выраженные каждый не цѣлою мыслью, т. е. не «описаніемъ», а однимъ словомъ, именемъ *существительнымъ*, оба существительныя обыкновенно приставляются другъ къ другу въ одномъ и томъ же падежѣ, т. е. *согласуются*. При этомъ, чтобы одинъ изъ согласующихся падежей не чувствовался въ роли психо-логического сказуемаго къ другому, какъ психо-логическому подлежащему (сравни выше стр. 176.), а чтобы въ нихъ обоихъ сразу было замѣтно названіе двухъ разныхъ предметовъ, въ рѣчь вставляется слово *ὁπερ*, или *postpositiv'ное ὅς* (въ русскомъ языкѣ

*) Сравни примѣры на «мѣта съ мѣстнымъ падежемъ» на стр. 252, гдѣ предметъ «представленъ» *соприкасающимся* съ тѣмъ, посреди чего онъ находится.

слова какъ, словно, точно): *ὁ δὲ πατὴρ ὡς ἡλιος ἦν* (онъ, словно отецъ, былъ нѣженъ).

О такомъ ли уподобленіи идетъ рѣчь въ примѣрахъ *хлѣбъ пахнетъ чеснокомъ, птица пролетѣла стрѣлою, лошадь пронеслась вихремъ* и т. п.? Весь вопросъ въ томъ, «сопоставляются» ли или, говоря общѣе, приводятся ли въ «отношеніе» въ нашихъ примѣрахъ — хлѣбъ съ чеснокомъ, птица съ стрѣлою, лошадь съ вихремъ, или нужно смотрѣть на дѣло какъ нибудь иначе? Очевидно, — иначе, въ противномъ случаѣ выраженія *пахнутъ чеснокомъ* (безъ слова *хлѣбъ*), *пролетѣть стрѣлою* (безъ слова *птица*), *пронестись вихремъ* (безъ слова *лошадь*) не чувствовались бы сами по себѣ оборотами *цѣльными*, совершенно въ одинаковой степени съ оборотами *рубить дерево, читать книгу* и т. п.: какъ въ послѣднихъ оборотахъ слова *дерево* и *книгу* зависятъ *вполнѣ* и исключительно отъ словъ *рубить* и *читать*, дополняя ихъ смыслъ, такъ и въ первыхъ — слова *чеснокомъ, стрѣлою, вихремъ* служатъ дальнѣйшимъ разъясненіемъ смысла словъ *пахнутъ, пролетѣть, пронестись*.

Что значить *хлѣбъ пахнетъ чеснокомъ*? Правильному пониманію этого выраженія, — я разумѣю правильное пониманіе съ *симаіологической* точки зрѣнія, — повидимому, мѣшаетъ то обстоятельство, что когда думаешь о значеніи здѣсь творительнаго падежа, — непременно какъ то считаешься съ вопросомъ о наличности, или неналичности самого чеснока въ хлѣбѣ. А между тѣмъ само *выраженіе* не даетъ никакого повода къ тому, чтобы *ставитъ* подобный вопросъ, точно также какъ не даетъ къ этому никакого повода выраженіе «въ хлѣбѣ слышенъ запахъ чеснока» (въ послѣднемъ выраженіи говорится о наличности въ хлѣбѣ *запаха*, но никакъ не о наличности тамъ *чеснока*).

Что значить *хлѣбъ пахнетъ чеснокомъ*? Это значить, что запахъ въ хлѣбѣ *созданъ* чеснокомъ. Какъ же это *созданъ*? Вѣдь, если *созданъ*, то созидающее должно быть или, по крайней мѣрѣ, должно было когда нибудь быть налицо, а между тѣмъ, когда мы произносимъ эту фразу, то

часто думаемъ о томъ, что *самого* чеснока въ хлѣбѣ *именно* нѣтъ и никогда не было, и если ужъ *допустить* наличность чего нибудь, *касающагося* чеснока, то это могутъ быть развѣ только его *признаки, отвлеченные* отъ самого предмета. Какіе, спросимъ мы, признаки? *Запахъ*, — отвѣтятъ намъ. Въ такомъ случаѣ, не переимѣнить ли намъ наше толкованіе и не сказать ли, что *запахомъ* чеснока созданъ запахъ въ хлѣбѣ? Это мы можемъ сдѣлать, но тогда выйдетъ фраза «хлѣбъ пахнетъ *запахомъ* чеснока». Такъ нерѣдко и говорятъ, хотя много отъ этого осложненія не выгадывается, какъ не выгадывается ничего во фразѣ «онъ разыгрываетъ *роль* барина» (т. е. разыгрываетъ то, что служить *признакомъ* барина) въ сравненіи съ простою фразою «онъ разыгрываетъ *барина*». И здѣсь ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не *имѣется* въ виду наличность самого *барина*.

На стр. 170–1 мы разсуждали о томъ, что имя существительное обозначаетъ или реальный индивидуумъ, или представителя *группы* реальныхъ индивидуумовъ, или *отвлеченіе* отъ реальныхъ индивидуумовъ, какъ «логическое *понятіе*», или, наконецъ, душевный *постулатъ*. Когда мы говоримъ *онъ разыгрываетъ барина*, то подъ *баринѣмъ* мы разумѣемъ *совокупность признаковъ*, заключающихся въ этомъ словѣ, какъ выраженіи *логического понятія*; во фразѣ же «онъ разыгрываетъ *роль* барина» признаки отмѣнены въ самомъ словѣ *роль*, а слово *баринъ* обозначаетъ представителя *группы* извѣстныхъ лицъ. Не примѣнить ли намъ что нибудь подобное и къ фразѣ *хлѣбъ пахнетъ чеснокомъ*? Положимъ, при словѣ *баринъ* легче подняться до «логического понятія», чѣмъ при словѣ *чеснокъ*. Произнося слово *баринъ*, мы сейчасъ думаемъ о словѣ съ болѣе широкимъ логическимъ объемомъ: мы сейчасъ думаемъ о *человѣкѣ вообще*, и въ немъ *различаемъ* людей, носящихъ признаки *барина*, отъ людей *иныхъ*, словомъ, — мы *индивидуумъ* или *представителя* индивидуумовъ опредѣляемъ, такъ сказать, *черезъ* примѣненіе къ нему самой *совокупности признаковъ* или *черезъ* отнесеніе къ нему самого «логического понятія». Едва ли мы ошибемся, если скажемъ,

что въ подобныхъ случаяхъ въ нашей мысли «логическое понятие» какъ-то идетъ *впередъ*, а индивидуумъ — *за нимъ*.

Не такъ легко подняться до «логическаго понятія» при словѣ *чеснокъ*. Не имѣя или, лучше сказать, *не лица* случая при произнесеніи слова *чеснокъ* примѣнить *признаки* чеснока къ болѣе *широкому* логическому объему, въ которомъ *кромя* чесноку находилось бы еще что нибудь другое, мы обыкновенно подъ словомъ *чеснокъ* разумѣемъ только или *индивидуумъ*, или *представителя* индивидуумовъ. Но развѣ нѣтъ возможности и при *такихъ* условіяхъ внести представленіе «созиданія» въ творительный падежъ слова *чеснокъ*, даже если бы чеснокъ отсутствовалъ? Фраза *хлѣбъ пахнетъ чеснокомъ*, разбирая ее всю съ симасіологическою *точностью*, выражаетъ слѣдующее: *всякій* чеснокъ (чеснокъ, какъ *представитель* индивидуумовъ) создастъ тотъ *признакъ* (признакъ *пахнуть*, разумѣй — «дѣйствіе» съ его залоговымъ и «видовымъ» отбѣнками), который я, говорящій, съ *извѣстною* квалитативностью сужденія и съ отнесеніемъ къ *извѣстному* времени присуждаю лицу, выраженному въ *окончаніи* глагола, и ближайше опредѣленному *именительнымъ* падежемъ при глаголѣ (падежемъ *хлѣбъ*). Теперь, кажется, достаточно выяснено то, съ чего мы *начали* настоящае разсужденіе: вопросъ о томъ, на лицо ли, или не на лицо чеснокъ, нашею фразою совсѣмъ *не рѣшается*; это — дѣло контекста. Иногда прямо такъ и говоримъ: этотъ *хлѣбъ* пахнетъ чеснокомъ; развѣ онъ туда положенъ?

Да, въ фразѣ *хлѣбъ пахнетъ чеснокомъ* мы имѣемъ дѣло съ *настоящимъ* «творительнымъ» (очень выразительный терминъ!) падежемъ: этотъ падежъ указываетъ на отмѣченный имъ предметъ какъ на *творящій*, какъ на *созидающій* извѣстный признакъ, какъ на *придающій* извѣстный видъ тому, что только лишь въ *общемъ* намѣчено самимъ признаковымъ словомъ (глаголъ, вѣдь, *тоже* можно назвать «признаковымъ» словомъ, по крайней мѣрѣ, — *первую* его часть; сравни стр. 98): *хлѣбъ пахнетъ чеснокомъ* значитъ «чеснокъ придаетъ *извѣстный* видъ запаху хлѣба».

Нетрудно провести только что опредѣленное значеніе творительнаго падежа по всѣмъ 24 типамъ примѣровъ, приведеннымъ выше:

1. Хотя и «рубить» *человѣкъ*, но *непосредственно* «созидастъ» рубленіе *топоръ*, въ данномъ случаѣ — *извѣстный* топоръ, извѣстный *экземпляръ**) топора, придавая рубленію *извѣстный* видъ (рубленіе какимъ-нибудь *ломомъ* оставить *другіе* слѣды).

2. Въ примѣрѣ *это написано мною* прямо само «созидающее» и «придающее» писанію извѣстный видъ *лицо* поставлено въ творительномъ падежѣ; поставлено оно такъ вслѣдствіе *синтаксической невозможности* ставить его въ именительномъ падежѣ, такъ какъ послѣдній занятъ уже *другимъ* «носителемъ» писанія (словомъ *это*), носящимъ его, т. е. *писаніе*, въ данномъ случаѣ въ *пассивномъ* смыслѣ.

3. Хотя и «напоминаетъ» мнѣ моего знакомаго *онъ*, но *непосредственно* «производитъ» и вызываетъ во мнѣ это *напоминаніе его характеръ*.

4. *Лѣса*, — *извѣстныя* въ данномъ случаѣ *лѣса* (а не «представители» группы предметовъ), — извѣстные потому, что они приурочены къ извѣстному *мѣсту* (нужно на этомъ настаивать?), «созидаютъ» *извѣстный* видъ ходьбы или путешествія отъ такого-то города до такого-то.

5. *Весна* есть то время, которое представлено «созидающимъ» появленіемъ цвѣтовъ, дающимъ въ себѣ цвѣтенію *мѣсто*.

6. *Пароходъ* есть предметъ, опредѣляющій «видъ» или способъ *ѣзды*, — способъ, ему *одному* только принадлежащій.

7. «Цѣлыя» *стай* представлены чѣмъ то, что только и *можетъ* создать тотъ «видъ» или ту картину, которая замѣчается въ «бѣгѣ» или вообще въ *движеніи* волковъ;

*) Это, какъ выше сказано, дѣло контекста. Фраза «это сработано какъ будто топоромъ» легко превращается по *одинаковости* мысли во фразу «это топорная работа», и тутъ мы уже переходимъ на ту же почву, на какой мы находились при разборѣ фразы *хлѣбъ пахнетъ чеснокомъ*: только *топоръ* можетъ создать такую работу, какъ настоящая.

то же самое можно сказать въ 8-омъ примѣрѣ о *шагѣ* по отношенію къ движенію человѣка, или животнаго.

9. *Конецъ* свай есть то, *благодаря* чему свая и торчитъ изъ воды — что непосредственно и *производитъ* «торчаніе», придавая ему *известный* видъ.

10. *Въсѣ* — *впшenie* есть нѣчто, *результатомъ* чего являются четыре пуда.

11. *Ростъ* есть то, *благодаря* чему и можно сказать, что тотъ то «высокъ» или «низокъ»; *ростъ* «созидаетъ» высоту, *его* она касается.

12. *Самъ человекъ* — т. е. его *наружность* — выставленъ чѣмъ то, *благодаря* чему можно сказать, красавецъ ли онъ, или нѣтъ.

13. *Кровь* есть то, что *непосредственно* «производитъ» истеченіе.

14. *Водка* и *градъ* выставлены чѣмъ то, что *непосредственно* «производитъ» дѣйствіе *нести* (= нестись; сравни стр. 105) и *посыпать* (= посыпаться); *водка* и *градъ* придаютъ этимъ дѣйствіямъ особый «видъ»; *они* опредѣляютъ ихъ «качество» и *содержаніе*.

17. *Болванъ, настоящий болванъ* (т. е. нѣчто, понятое въ смыслѣ логическаго *отвлеченія*, не смѣшанное съ признаками чего нибудь посторонняго), выставленъ чѣмъ то, *благодаря* чему можно сказать объ идола, что онъ болванъ.

18. *Управляющій*, въ смыслѣ «логическаго понятія», выставленъ чѣмъ то, что опредѣляетъ собою особый *видъ* службы.

19. *Человекъ*, а именно *хорошій* человекъ (слово *хорошій* есть здѣсь «согласующееся» имя; сравни стр. 192), выставленъ чѣмъ то, что устанавливаетъ собою *содержаніе* дѣйствія *оказываться*.

20. *Полкъ*, именно *возвращающійся* полкъ (слово *возвращающійся* составляетъ «согласующееся» имя къ *пропущенному* и подразумеваемому изъ контекста слову *полкъ*; ср. стр. 54.), выставленъ чѣмъ то, что устанавливаетъ собою *содержаніе* дѣйствія *видѣть* (я видѣлъ полкъ *возвращающимся* съ пятью знаменами полкомъ).

21. *Рыбакъ*, въ смыслѣ «логическаго понятія», «созидаетъ» бытіе Ломоносова, придавая ему, этому бытію, особый «видъ» и опредѣляя его *содержаніе* (сопоставъ толкованіе данной фразы съ толкованіемъ фразы *Μυκήνην ἢ πόλιν* на стр. 182).

22. *Ребенокъ*, въ смыслѣ «логическаго понятія», только и можетъ создать ту *особую* картину дѣйствія *лишился*, которая нарисована во фразѣ *еще ребенкомъ лишилась матери* (нечего толковать здѣсь о «пропускѣ» слова *будучи*; во фразѣ *будучи ребенкомъ, она лишилась матери* языкъ прибѣгъ къ *другимъ* симасіологическимъ средствамъ, хотя и выразилъ ту же мысль: въ ней *ребенокъ*, въ смыслѣ «логическаго понятія», опредѣляетъ собою *содержаніе бытія*, самое же бытіе, въ формѣ глагольнаго *признаковаго*,* отнесено къ слову *она*).

23. *Городъ* выставленъ чѣмъ то, *благодаря* чему нѣчто находится или движется *надъ*, или *подъ*, или *передъ*, или *за*; *городъ* и *село* представлены чѣмъ то, *благодаря* чему нѣчто находится или движется *между*; такъ и въ 24^{омъ} примѣрѣ на *друга* указано какъ на кого то, *благодаря* кому я — не *одинъ*.

Таковъ — славянскій творительный падежъ. Только теперь въ первый разъ пришлось разбирать падежъ во *всѣхъ* его объемахъ, тогда какъ раньше мы разбирали падежи *только* при предлогахъ. Въ чемъ же собственно заключается то *добавочное*, на что приходится наталкиваться при разборѣ падежа во *всѣхъ* его объемахъ, и противопоставлять ли намъ, въ виду этого добавочнаго, падежи при *предлогахъ* падежамъ, «зависящимъ» отъ *другихъ* словъ, или же правильнѣе будетъ противопоставлять *простые* падежи «предлоговымъ оборотамъ», какъ чему то слитому въ одно?

* Слово *будучи* есть «дѣепричастіе». Мы о «дѣепричастіяхъ» на стр. 202 не разсуждали, такъ какъ дѣепричастія греческаго языка не касаются; въ общемъ, и *они* — глагольныя признаковыя имена, но для того, чтобы оправдать ихъ, какъ *особую* часть рѣчи, и чтобы выяснитъ ихъ отношеніе къ «причастіямъ», потребовалось бы далеко уклониться отъ нашего *примого* дѣла.

Служили ли предлоги для опредѣленія тѣхъ мѣстныхъ отношеній, ради которыхъ они были первоначально придуманы, или вмѣшались въ роль *простороваго* опредѣленія, или, наконецъ, приспособились къ разнымъ *метафорамъ*, — вездѣ они оставались указателями *сопоставленія предмета съ предметомъ* и, согласно этому, появленіе ихъ въ рѣчи *собственно* должно бы быть обусловлено двумя именами существительными, матеріальными ли, или формальными, это все равно. Но если существительное, непосредственно *зависящее* отъ предлога, было *дѣйствительною* *condicio sine qua* поп для предлога, то *второе* существительное часто приходилось извлекать изъ *несуществительныхъ*. Изъ какихъ именно? Обыкновенно мы его извлекали изъ глагола, т. е. *собственно* изъ того *дѣйствія*, которое какъ *признакъ* (см. выше стр. 98.) присуждается лицу, обозначенному въ его окончаніи. Но если какое нибудь *ἀμελέια* (*ἀμελέια εἰς τι*) приходится извлекать изъ *ἀμελέω* (*ἀμελέω εἰς τι*), то, разумѣется, эта *необходимость* извлекать его для оправданія *двухъ* существительныхъ при предлогѣ не менѣе касается и словъ *ἀμελών* (*ἀμελών εἰς τι*) и *ἀμελής* (*ἀμελής εἰς τι*), словомъ, — касается и *признаковыхъ* словъ, какъ простаго, такъ и глагольнаго (о глагольномъ имени мы тутъ не упоминаемъ, такъ какъ изъ него, въ виду его двусторонности и въ виду возможности понять его за *существительное*, извлекать нечего; сравни стр. 202). Конечно, никто изъ *употребляющихъ* языкъ, произнося фразу *ἀμελής εἰς τι*, на дѣлѣ не *думаетъ* о какихъ нибудь *извлеченіяхъ*, а просто чувствуетъ *εἰς* *зависающимъ* отъ слова *ἀμελής* какъ чего то *цѣлаго*. Такимъ образомъ, *извлеченіе* оказывается необходимымъ *дѣйствительно* только, какъ мы раньше выразились, *для оправданія* *двухъ* существительныхъ при предлогѣ; точнѣе говоря, оно необходимо для того, кто хочетъ. выяснить, какъ предлоги *могли* понемногу переходить изъ *первоначальнаго* своего положенія въ *зависимость отъ признаковыхъ словъ* (въ *признаковыя* слова мы включаемъ здѣсь и глаголѣ, относящійся къ нимъ, *собственно*, только *первою* своею

частью, своимъ *а*, на которое мы указывали на стр. 94., и которое мы также можемъ назвать *признаковымъ*); предлоги *могли* переходить отъ первоначальнаго своего положенія къ зависимости отъ *признаковыхъ* словъ *только* черезъ *извлеченіе*, о которомъ, однако, *употреблявшій* языкъ въ послѣдствіи, когда *привыкъ* къ новымъ оборотамъ, могъ и *забыть*.

Въ виду сказаннаго мы можемъ утверждать, что предлогъ и поставленный при немъ падежъ могутъ *зависѣть* и отъ имени существительнаго, и отъ признаковаго слова, включая въ признаковое слово также глаголѣ. А если падежъ, о которомъ мы только что упоминали какъ поставленномъ при предлогѣ, — если онъ остается безъ предлога, то отъ чего онъ можетъ *зависѣть*? Разсмотрѣвъ еще разъ всѣ 22 типа употребленія творительнаго падежа (23^я и 24^я примѣры сюда не относятся), мы должны сказать, что падежъ въ нихъ, — въ этотъ падежъ опять таки могутъ попасть *только* *) имена существительныя, какъ было и при предлогахъ, — служить синасіологическимъ пополненіемъ *исключительно* лишь *признаковыхъ* **) словъ (включая сюда и глаголѣ). Въ примѣрѣ *идолъ сталъ болванъ болваномъ* именительный падежъ *болванъ* есть психо-логическое *сказуемое*, и какъ таковое исполняетъ роль *признаковаго* слова, а что касается примѣра *четыре пуда въсомъ*, то слово *въсомъ* относится къ слову *четыре*, а не къ слову *пуда*. ***) *Послѣдній* примѣръ напоминаетъ намъ то *ἀριθμῷ* (= *счетомъ*) въ примѣрѣ *πέντε ἀριθμῷ*, о которомъ мы разсуждали на

*) Слово *только* — немного неточно; слѣдовало сказать *прежде всего*, такъ какъ къ этимъ именамъ существительнымъ могутъ присоединиться *согласующіяся* имена, а *согласующіяся* имена, если будутъ исполнять роль напр. логическихъ опредѣленій (сравни стр. 189 и 192.), должны тогда *вмѣстѣ* съ своимъ *опредѣляемымъ* составлять нѣчто одно по тому вопросу, о которомъ идетъ рѣчь въ настоящемъ разсужденіи.

**) Выраженія, какъ *управленіе иородомъ* и т. п., какъ будто *противорѣчатъ* этому утвержденію (творительный *иородомъ* зависѣтъ здѣсь отъ имени *существительнаго*), но о нихъ рѣчь *впередѣ*.

***) Даже если мы говоримъ *пудъ въсомъ*, то слово *въсомъ* относится здѣсь къ слову *одинъ*, не то что пропущенному, а *выраженному* или, скорѣе, *закрывающемуся* въ формѣ единственнаго числа слова *пудъ*.

стр. 206.) и хотя къ слову *счетомъ* или *въсомъ*, какъ мы это видѣли на *πέντε ἀριθμῶ*, можетъ присоединиться «счетная» часть рѣчи, но эта *счетная* часть рѣчи составляетъ, какъ по формѣ, такъ и по значенію, нѣчто *особое* сравнительно съ признаковыми словами *только* тогда, когда мы дѣйствительно *заняты* счетомъ, а когда счетъ *конченъ*, и она появляется въ рѣчи какъ *результатъ* счета, то она, оставаясь лишь по *формѣ* счетною частью рѣчи, по *значенію* должна превратиться въ *признаковое* слово.*)

Мы не знаемъ еще, *вездѣ* ли падежи, разъ они не входятъ въ предлоговый оборотъ, будутъ «зависѣть» отъ *признаковыхъ* словъ, но пока это — такъ, а провѣрка этого положенія относительно *другихъ* падежей должна быть поставлена въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи *особою* задачею. Однако, — скажетъ читатель, — зачѣмъ принимать на себя такую задачу, и не слѣдуетъ ли при самомъ *творительномъ* падежѣ опять таки «извлекать» изъ признаковыхъ словъ имена существительныя, и *ими* оправдывать появленіе въ рѣчи падежей, какъ мы это дѣлали при предлогахъ? Повторяемъ, что при предлогахъ мы это дѣлали *только* съ цѣлью выяснитъ *переходъ* отъ первоначальной ихъ роли къ «зависимости» отъ *признаковыхъ* словъ, здѣсь же не видимъ ни *малѣйшаго* повода къ чему нибудь подобному. Да и не вытекаетъ ли эта зависимость творительнаго падежа *именно* отъ *признаковыхъ* словъ, — не вытекаетъ ли она изъ *сущности* самого творительнаго падежа? Въ самомъ дѣлѣ, если творительный падежъ указываетъ на предметъ какъ на *созидающій* нѣчто, то не есть ли самое *созиданіе* нѣкое *движеніе*, и хотя это движеніе требуетъ предмета, на которомъ бы оно происходило, но само *создаемое* или *движимое*, — само *τὸ κινούμενον* или, скорѣе, сама *κίνησις*, какъ сказалъ бы Платонъ, не есть ли только *признакъ* этого предмета? (Когда мы говоримъ дерево срублено топоромъ, то топоръ «создалъ» это рубленіе *на деревѣ*).

*) Вотъ какое дополненіе, по вопросу о *счетной* части рѣчи, мы имѣли въ виду на стр. 206.

И не были ли въ этомъ отношеніи и сами *предлоги*, дополняемые падежами, чѣмъ то въ родѣ *признаковыхъ* словъ, такъ какъ и они, указывая то на *κίνησιν*, то на *στάσιν*, мѣняли послѣ себя *падежи*, и не была ли эта *κίνησις* или *στάσις* *признакомъ* того «чего нибудь», что «*сопоставлялось* съ предметомъ, поставленнымъ въ зависящемъ отъ нихъ падежѣ?»*)

Въ виду того, что послѣ *признаковыхъ* словъ появляются съ одной стороны *падежи*, а съ другой — предлоговые обороты какъ нѣчто слитое въ *одно*; въ виду того, что послѣ существительныхъ, — такъ, по крайней мѣрѣ выяснялось до сихъ поръ, — не могутъ появляться падежи, но зато могутъ появляться *предлоги* съ падежами; въ виду того, — мы немного забѣгаемъ впередъ, — что *кромя* существительныхъ и признаковыхъ словъ *нѣтъ* частей рѣчи, которыя могли бы вызывать къ себѣ падежи; въ виду того, что предлогъ можетъ перейти изъ предлоговаго оборота въ *compositum*, и тогда вмѣсто предлоговаго оборота наступаетъ простой падежъ; въ виду того, что этотъ простой падежъ можетъ даже *чередоваться* въ такихъ случаяхъ съ *новымъ* предловымъ оборотомъ (сравни «*εἰσέναι λόγον*» и «*εἰσέλθε εἰς δικαστήριον*»); въ виду всего этого гораздо правильнѣе, или по крайней мѣрѣ *практичнѣе* будетъ — про-

*) Опять мы наткнулись на Дельбрюковскія *praeverbia* (сравни стр. 319. и 326.). Если, — скажетъ читатель, — предлоги суть нѣчто въ родѣ *признаковыхъ* словъ, и если мы допускаемъ зависимость этихъ *quasi* «признаковыхъ» словъ не только отъ именъ существительныхъ («*ἀμέλεια εἰς ταῦτα*»), но и отъ *настоящихъ* признаковыхъ словъ («*ἀμελής εἰς ταῦτα*»), то слѣдовательно...? «Слѣдовательно» — хочеть сказать читатель, — «эти *quasi* признаковыя слова служатъ симасіологическимъ *дополненіемъ* настоящихъ признаковыхъ словъ (не забудемъ, что въ число этихъ «настоящихъ» признаковыхъ словъ включены и *глаголы*, и что, стало быть, какое нибудь *ἀμέλεια εἰς ταῦτα* въ данномъ случаѣ нужно трактовать совершенно такъ же, какъ и *ἀμελής εἰς ταῦτα*), а потому они принадлежатъ прежде всего къ *нимъ*, въ видѣ ли «*praeverb'ий*», или «*postverb'ий*», это *рѣшительно* все равно». Для того, чтобы убѣдиться, что такое «слѣдовательно» не *имѣетъ* для насъ значенія, стоитъ лишь повторить то, на что мы уже указывали: зависимость предлоговъ отъ признаковыхъ словъ есть нѣчто болѣе *внѣшнее* (въ *ἀμελής εἰς τοῦτο* мы только *привыкли* не думать объ *ἀμέλεια*) и нѣчто, развившееся только *впоследствии*.

тивопоставлять »простые падежи« предлоговымъ оборотамъ какъ чему то, слитому въ одно.

Вотъ все, что мы могли сказать о славянскомъ творительномъ падежѣ и по поводу его.

И въ греческомъ языкѣ былъ когда то творительный падежъ; это — омировскія формы, оканчивающіяся на *φιν*. Нельзя сказать, чтобы омировскій творительный падежъ и славянскій совершенно покрывали другъ друга. Почему это такъ, читатель догадывается.

Въ греческомъ *Dativ'н*, согласно его *этимологической* двойственности, а можетъ быть и тройственности (ср. стр. 209), мы и съ *симасіологической* стороны признаемъ соединеніе нѣсколькихъ падежей: личнаго, мѣстнаго и творительнаго, и хотя послѣдній оправдался пока лишь на *трехъ* примѣрахъ (*τί μ' ἀμφιβάλλεις χερσίν*, — *τοῦτο γέγραπται Ξενοφῶντι*, — *πέντε ἀριθμῶ*), но всѣ эти примѣры, какъ видно изъ только что разобраннаго славянскаго творительнаго падежа, оказываются представителями довольно *крупныхъ* явленій употребленія этого падежа, заключаютъ въ себѣ три *разныхъ* оттѣнка его значенія, а выяснять *другіе* оттѣнки до настоящаго времени еще не было случая. Такое соединеніе *трехъ* падежей въ *одной* грамматической формѣ вполне понятно: »лицо«, какъ *дѣятель* или вообще *носитель* дѣйствія или признака (=личный падежъ), »область«, въ которой вращается дѣйствіе, или »просторъ«, гдѣ нѣчто »развивается« (=мѣстный падежъ; о дальнѣйшемъ »огрубнѣніи« мѣстнаго падежа упоминать здѣсь нечего, такъ какъ мы его замѣтили пока *только* въ предлоговыхъ оборотахъ), »предметъ«, *благодаря* которому нѣчто получаетъ извѣстный видъ (=творительный падежъ), — все это оттѣнки, до того близкіе другъ къ другу, что стоитъ только внести *олицетвореніе* въ »область« или »просторъ« и »предметъ«, обозначенные мѣстнымъ и творительнымъ падежами, другими словами, — стоитъ только *расширить* районъ того олицетворенія, безъ котораго не обходится самъ *личный* падежъ, какъ *исчезнетъ* вся разница въ падежахъ, и всѣ они сольются въ одно, — до того сольются

въ одно, что если они не дифференцированы *этимологически*, то иногда и не знаешь, къ какому изъ нихъ склониться. Какъ, напр., толковать выраженіе *Θεσμοφορίαις νηστεύομεν* (Aristoph. Aves 1519)? Толковать ли его въ смыслѣ *творительнаго* падежа, какъ славянское »*Θεσμοφορίαις* (сравни *лѣтомъ*) мы постимся«, или въ смыслѣ падежа *мѣстнаго*, какъ славянское »*Θεσμοφορίαις* (сравни опредѣленіе времени черезъ формы *зимъ*, *лѣтъ*) мы постимся«? Трудно рѣшиться на что нибудь одно и опровергать другое.

Греческій творительный на *φιν* долженъ былъ сойти со сцены, какъ не »аттической« и какъ не имѣющій достаточно средствъ для обозначенія чиселъ. Въ Омирѣ, гдѣ онъ еще въ употребленіи, мы его застаемъ въ послѣдней стадіи *борьбы* съ *этимологической* формою *Dativ'a*, и, какъ *борющийся*, онъ принимаетъ на себя *всѣ* симасіологическія функціи, на которыя претендуетъ греческій *Dativ*: мы его видимъ не только въ *собственной* роли, но и въ роли *мѣстнаго* и *личнаго* падежей. Вотъ почему греческій падежъ на *φιν* и славянскій творительный не могутъ покрывать другъ друга.

Роль *личнаго* падежа въ формахъ на *φιν* является несомнѣнно въ слѣдующихъ выраженіяхъ Омира: *Θεβφιν μήστωρ ἀτάλαντος** (Π. η 366, ξ 318, ρ 477, Od. γ 110, 409); *ἀγλαΐηφι πέποιθώς* и вообще при *πέποιθα* (Π. ζ 510, ο 267, δ 325, μ 135, 153, 256, χ 107, δ 303, Od. φ 315); *οἱ μὲν ναῦφι ἀμυνόμενοι***) *μετὰ Βοιωτῶν ἐμάχοντο* (Π. ν 700); *ὥς φρήτρη φρήτρηφιν ἀρήρη* (Π β 363).

*) На стр. 277-9 мы слѣдили за личнымъ падежемъ только при *малолѣтахъ*, которые лишь въ *первой* своей части заключаютъ признаковое слово. Но есть много *простыхъ* признаковъ словъ (о *малолѣтахъ* признаковъ и глагольномъ имени ужъ нечего говорить, разъ сами *малолѣты* соединяются съ личнымъ падежемъ), которые предполагаютъ непременно равноправное положеніе *двухъ* лицъ, обнаруживающееся въ томъ, что одинъ другому либо содѣйствуетъ, либо противодействуетъ, и одно изъ нихъ и *показано* въ личномъ падежѣ. Сравни *κοινός*, *ἐναντίος*, *χρήσιμος*, *βλαβερός*, *φίλος* и т. д.

**) *ἀμύνω* = отражаю; *ἀμύνω τινά τινα* = отражаю кого въ *пользу* чью нибудь (=личный падежъ); *ἀμυνόμενος ναῦφι* = *защитца* (въ своемъ интересѣ; это выражено въ *medial'ной* формѣ глагольнаго признаковаго) корабли.

Мѣстный падежъ мы усматриваемъ въ примѣрахъ: βοὺς ἀγέληφι μέρ' ἑξοχὸς ἔπλετο πάντων (Π. β 480); ἡὔτε ταῦρον ἔπεφνε λέων ἀγέληφι μετελθών (Π. π 487); δόρυ, δ' οἱ κλισίηφι λέλειπτο (Π. ν 168); ὅς που φθίηφι τέρεν κατὰ δάκρυον εἴβει (Π. τ 323); τὸ δὲ καίεται ὑποθ' ὄρεσφι σταθμῷ ἐν αἰπόλῳ (Π. τ 376); πολλὰ δὲ καὶ καθύπερθε μελαθρόφιν ἐξεχέχυντο (Od. θ 279); πρὶν κατὰ Ἰλίοφι κλυτὰ τείχεα λαὸν ἐέλσαι (Π. φ 323)*).

Очень важный, но вѣстѣ съ тѣмъ очень незатруднительный вопросъ придется рѣшить прежде, чѣмъ перейти къ перечисленію примѣровъ на *собственный* творительный падежъ въ формахъ на *φιν*. Наше толкованіе выраженія *Ἰλίοφι τείχεα* противорѣчитъ тому утвержденію, будто *простые* падежи зависятъ исключительно отъ *признаковыхъ* словъ. Да и относительно другихъ примѣровъ на мѣстный падежъ трудно возражать тому, кто захотѣлъ бы усматривать зависимость формы на *φιν* отъ имени *существительнаго*. Колебаніе, вызываемое этими примѣрами, совершенно тождественно съ тѣмъ, на которое мы наткнулись на стр. 271. Въ Π. π 487, напр., трудно защищать зависимость *ἀγέληφι* отъ *μετελθών*; *ἀγέληφι* съ совершенно одинаковымъ удобствомъ можетъ быть истолковано какъ дополненіе слова *λέων* (левъ въ стадѣ). Все это вполнѣ понятно. Того *первоначальнаго* значенія, которое мы на основаніи *славянскаго* языка предположили для мѣстнаго падежа, именно *этическаго*, въ *греческомъ* языкѣ, насколько онъ для насъ раскрытъ, на дѣлѣ не видать; оно исчезло. Что

*) Последнее мѣсто приводить какъ примѣръ *genitiv'наго* значенія формы на *φιν* (Brugmann Handb. II. 211; Nauck предлагаетъ здѣсь *Ἰλίοο*). Согласно съ этимъ комментаторы переводятъ «къ стѣнамъ Трои». Fäsi даже приводитъ въ подтвержденіе правильности такого перевода мѣсто изъ Одиссеи μ 45; πολλὸς δ' ἄμφ' ὀστέφιν θίς ἀνδρῶν πυθόμενων. Необходимости такого толкованія мы здѣсь не видимъ; *ὀστέφιν* можно принять за *творительный* падежъ (= многочисленный костями = *кости* «созидаютъ» многочисленность), какъ мы его встрѣчаемъ въ выраженіи «πολλὸς ἦν τοῖς ἐπαύροις καὶ ἐπαχθέης» (Aeschin. 33. 29), а *τείχεα Ἰλίοφιν* я сопоставляю съ выраженіемъ *τὰ τροπαῖα τὰ Μαραθῶνι* (Plat. Menex. 240 d) и перевожу «къ стѣнамъ, что въ Троѣ».

славянскій языкъ представляетъ какъ *этическую* область, въ которой вращается дѣйствіе (*blahosklonně*), то въ греческомъ языкѣ рисуется *этической* опорой, отъ которой отправляется дѣйствіе (*εὐνοικῶς*). Сполна ли нами разъяснены мѣстный падежъ на стр. 271-3 или нѣтъ, мы еще не знаемъ, но изъ того, что до сихъ поръ разъяснено, мы видимъ, что *греческому* мѣстному падежу, разъ онъ потерялъ *первоначальное* значеніе, только и оставалось, если ему вообще было суждено жить, держаться *простороваго* значенія на вопросъ *идѣ*, а отъ *простороваго* значенія къ значенію *предлового* оборота было недалеко, какъ то можно было замѣтить уже на стр. 271. Словомъ, то, что мы на стр. 271 только чуяли въ мѣстномъ падежѣ, на дѣлѣ *оправдалось* въ *Ἰλίοφι τείχεα*, и примѣнять къ мѣстному падежу *соображеніе*, по которому *простые* падежи должны бы зависѣть исключительно лишь отъ *признаковыхъ* словъ, *совсѣмъ* даже не приходится, такъ какъ онъ въ этомъ отношеніи занимаетъ *особое* положеніе: онъ *слишкомъ* «огрубѣлъ» въ своемъ значеніи.

Слѣдуютъ примѣры *собственного* творительнаго падежа въ формахъ на *φιν*: ἀναγκάηφι δαμέντες (Π. υ 143); βίηφιν ἐδάμασσε и вообще *βίηφι* что-нибудь *произвести* (Π. π 826, φ 501, σ 341, φ 367; Od. α 403, ι 406, 408, 476, μ 210); ἴφι ἀνάσσειν и вообще *ἴφι* что-нибудь *произвести* (Π. α 38, 452, ζ 478, α 151, ο 720, δ 287, ε 606, μ 367, σ 14, φ 486, γ 375, τ 417, φ 208, Od. λ 284, ρ 443, σ 57, 156); ὄσσε δακρυόφι πλησθεῖν (Π. ρ 696, ψ 397, Od. δ 705, τ 472, κ 248, υ 349); δεξιτερῇφιν λαβεῖν (Π. π 734, σ 477, χ 80, Od. τ 480); сюда же мы относимъ и Od. μ 45 (πολλὸς δ' ἄμφ' ὀστέφιν θίς ἀνδρῶν πυθόμενων) и, *непрямъно*, выраженіе: ἐν χειρὶ θήσω δῶα ἱπποὺς αὐτοῖσιν ὄχεσφιν (Π. θ 290, λ 699).

Что касается *последняго* примѣра, то онъ напоминаетъ намъ обороты, встрѣчающіеся, какъ извѣстно, очень часто и въ *аттическомъ* нарѣчій (τῶν νεῶν τινὰς ἀναδούμενοι εἰλκον κένας, μίαν δ' αὐτοῖς ἀνδράσιν εἶλον, Thuc. 2. 90, и др.). Мы видимъ здѣсь то же, что встрѣчаемъ и въ *сла-*

ванскомъ языкѣ, напр., въ выраженіи *онъ отправился туда всею* (= даже = самою) *семьею*: семья, вся семья, создаетъ здѣсь картину *отправления*, придавая ей *особый видъ*. Какъ въ русскомъ языкѣ слово *всею*, въ оборотѣ *всею семьею*, является лишь »согласующимся именемъ« и психологическимъ *сказуемымъ* къ слову *семьею*, такъ и въ греческомъ языкѣ слово *αὐτοῖσιν* не есть *интегральная* часть оборота. Что греческій языкъ могъ обойтись безъ *αὐτοῖσιν*, доказываетъ примѣръ »βῆ καλέων Ἀγαμέμνονα ἵπποισιν καὶ ὄχεσφι« (Od. δ 533).

Къ собственному творительному падежу мы причисляемъ и ὅσσε δακρυόφιν τέρσοντο (Od. ε 152), какъ и въ чешскомъ языкѣ говорятъ *tím hříchem on jest čist* (указывается на такое, въ данномъ случаѣ *отрицательное*, дѣйствіе грѣха, благодаря которому нѣкто »чистъ« т. е. *свободенъ* отъ грѣха).

Кромѣ того форма на *φιν* встрѣчается въ слѣдующихъ *предлоговыхъ* оборотахъ.

ἐξ (ἐξ εὐνῆφι и др.): П. γ 368, λ 44, ι 572, ο 580, ρ 101, ψ 347, ξ 150, Od. γ 405, δ 307, β 2, θ 67, 105, ω 83).

ἀπό (ἀπ' ἐσχαρόφιν и др.): П. κ 458, θ 300, 309, ν 585, π 246, φ 113, ο 313, π 773, ω 268, ν 588, ξ 214, λ 374, κ 347, λ 351, Od. η 169, τ 389, μ 414, ο 552, ξ 134. Сюда же я отношу, на основаніи объясненій, данныхъ мною на стр. 324., П. β 794; δέγμενος, ὀπλότε ναῦφι ἀφορμηθεῖεν Ἀχαιοί (= двинулись бы отъ кораблей).

κατά: катѣсисιν κατ' ὄρεσφι (П. λ 493); χεῖμαρροι ποταμοὶ κατ' ὄρεσφι ῥέοντες (П. δ 452). Предметъ тутъ поставленъ наверху, а *κατά* указываетъ на удаленіе отъ него *другого* предмета *внизъ* (смотри выше стр. 286).

διά: διὰ στήθεσφιν ἐλαύνειν δόρυ (П. ε 41, 57, θ 259, λ 448, χ 284, Od. χ 93); ὡς δὲ κύνες περὶ μῆλα θυσώρησιν ἐν αὐλῇ θηρὸς ἀκούσαντες, ὅς τε καθ' ὕλην ἔρχεται δι' ὄρεσφι, πολὺς δ' ὄρυμαρδὸς ἐπ' αὐτῷ ἀνδρῶν ἡδὲ κύνων, ἀπὸ τέ σφισιν ὕπνος ὄλωλεν, ὡς τῶν νήδυμος ὕπνος ἀπὸ βλεφάρουιν ὄλώλει (П. κ 185).

σύν (σὺν ἵπποισι; σὺν ὄχεσφι): П. δ 297, ε 219, ι 384, μ 119, χ 22, ψ 518, π 811.

ἐν (ἐν χειρὶ δεξιτερῇφι): П. ο 284, Od. ο 148.

ὕπό, на вопросъ *идѣ*, въ смыслѣ *прикосновенности* къ предмету (ὕπο κράεσφι и др.): П. τ 404, κ 156, ο 614, θ 136, ψ 130, ν 23, θ 41, ω 576, ψ 7.

ἐπί, παρὰ, πρὸς и ἀμφί, на вопросъ *идѣ*, въ смыслѣ *прикосновенности* къ предмету (ἐπ' ἐσχαρόφιν, ἀμφ' ὄστεόφιν, παρ' αὐτόφιν, πρὸς κοτυληδονόφιν и др.): П. ν 308—9, θ 474, μ 302, ν 42, υ 140, ψ 147, 640, τ 255, π 281, ε 28, 794, θ 565, ε 107, μ 91, κ 30, 257, 261, ο 3, μ 225, σ 305, Od. ε 59, γ 353, ν 74, ο 284, ε 433, λ 607, π 145, μ 45, ξ 498. Сюда же я отношу, на основаніи объясненій на стр. 324, П. κ 496 (διὰρ κε φαλῆφιν ἐπέστῃ) и Od. υ 94 (παρεστάμεναι κε φαλῆφιν).

Всѣ эти предлоговые обороты можно раздѣлить на *три* группы. Группируются они по самимъ *предлогамъ*, которые въ нихъ приставлены къ формѣ на *φιν*. Первую группу составляютъ предлоги *σύν*, *ἐν*, *ὕπό*, *ἐπί*, *παρὰ*, *πρὸς* и *ἀμφί*. При *σύν* форма на *φιν* исполняетъ роль *личнаго*, а при остальныхъ — роль *мѣстнаго* падежа. Замѣчательно, что здѣсь представлены *всѣ* предлоги, которые могли соединяться съ личнымъ и мѣстнымъ падежами, за исключеніемъ омировскаго *ἀνά* съ мѣстнымъ падежемъ и омировскаго же *μετά* съ мѣстнымъ падежемъ (съ *περί* тутъ нечего считаться, разъ есть *ἀμφί*, точно также какъ нечего считаться и съ омировскимъ *μετά* съ *личнымъ* падежемъ, разъ есть *σύν*).

Вторую группу составляютъ предлоги *ἐξ*, *ἀπό* и *κατά*. Если бы не было формы на *φιν*, то эти предлоги будутъ соединяться съ *удалительнымъ* падежемъ. Замѣчательно опять то, что здѣсь представлены *всѣ* предлоги, которые обыкновенно дополняются удалительнымъ падежемъ, за исключеніемъ предлога *ὕπό*, у котораго *удалительный* падежъ и *такъ* появляется въ *исключительныхъ* случаяхъ такъ называемыхъ *passiv'ныхъ* конструкций. Слѣдуетъ ли изъ появленія формы на *φιν* при *ἐξ*, *ἀπό*, *κατά* заключать, что

форма на $\phi\iota\nu$ приняла на себя функцію и *удалительного* падежа? А priori этого отвергать нельзя. Мы знаем, сколько падежныхъ функцій обняла собою форма двойственного числа на $\omicron\iota\nu$ (сравни объ этомъ стр. 218*); мы знаемъ что и *латинскій* языкъ соединилъ значеніе удалительного и творительного падежей въ одну форму (предметъ, *благодаря* которому нѣчто происходитъ, и предметъ, *отъ* котораго нѣчто «удаляется» или *исходитъ*, могли быть дѣйствительно отмѣчены однимъ и тѣмъ же грамматическимъ средствомъ). Форма на $\phi\iota\nu$ могла пойти по слѣдамъ формы на $\omicron\iota\nu$ тѣмъ больше, что она, не имѣя надлежащихъ средствъ для обозначенія единственного, двойственного и множественного чиселъ, скорѣе походить, — мы забѣгаемъ немного впередъ, — на всеобъемлющее «нарѣчіе». Сильнымъ препятствіемъ такому симасіологическому расширенію формы на $\phi\iota\nu$ служитъ то обстоятельство, что она, появляясь самостоятельно, т. е. безъ предлога, *нигдѣ* въ роли удалительного падежа не выступала**). Не слѣдуетъ ли при предлогахъ $\epsilon\acute{\xi}$ — $\alpha\pi\acute{o}$ — $\kappa\alpha\tau\acute{\alpha}$ принять по отношенію къ формѣ на $\phi\iota\nu$ объясненіе, на которое насъ наводитъ славянскій языкъ своими *надъ* горою, *подъ* горою, *передъ* горою и т. д.? Нѣтъ ли здѣсь *творительного* падежа? Не имѣетъ ли какое нибудь *потамой* $\kappa\alpha\tau' \delta\acute{\rho}\epsilon\sigma\phi\iota \rho\acute{\epsilon}\omicron\nu\tau\epsilon\varsigma$ того смысла, что рѣки текутъ внизъ *благодаря* горамъ? Конечно, такое *благодаря* можно внести въ толкованіе *всякаго*, а если не всякаго, то очень *многихъ* предлоговъ. И $\epsilon\iota\varsigma \gamma\eta\nu$ можно толковать въ смыслѣ «нѣчто пошло вовнутрь, *благодаря* землѣ, и, такимъ образомъ, и $\epsilon\iota\varsigma$ могло соединяться съ творительнымъ падежемъ. Но языкъ не эксплуатировалъ столь широкое *благодаря* безъ нужды. Если мы

* *) Въ виду этого явленія мы a priori не можемъ отвергать принятіе на себя формою на $\phi\iota\nu$ и той роли *родового* падежа, которую усматриваютъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ $\tau\epsilon\iota\chi\epsilon\alpha$.

***) Бругманъ (Handb. II. 211) приводитъ примѣръ ablativ'наго ея значенія безъ предлога изъ II. β 794: $\delta\pi\lambda\acute{o}\tau\epsilon\varsigma \tau\alpha\upsilon\phi\iota\nu \alpha\phi\omicron\rho\eta\theta\epsilon\iota\varsigma \text{ 'Αχαιοί}$. Мы, какъ читатель замѣтилъ въ нашемъ спискѣ примѣровъ формы на $\phi\iota\nu$ при предлогѣ $\alpha\pi\acute{o}$, объясняемъ появленіе здѣсь формы на $\phi\iota\nu$ непосредственнымъ вліяніемъ предлога $\alpha\pi\acute{o}$.

$\epsilon\acute{\xi} \epsilon\upsilon\nu\eta\phi\iota$ и т. п. понимаемъ правильно, если это *дѣйствительно* творительные падежи, то выходитъ замѣчательное сопоставленіе омировскаго языка со славянскимъ. Славянскій языкъ, оставивъ при предлогахъ функцію удалительного падежа за *обще-родовымъ* падежемъ (*отъ* города, *изъ* города), воспользовался *менѣе* «родовымъ» *благодаря* (такое *благодаря* представляетъ собою въ концѣ концовъ нѣчто болѣе специальное, чѣмъ *обще-родовой* падежъ) для обозначенія *тоже* чего то *отдаленнаго*, но отдаленнаго въ смыслѣ нахожденія *идѣ-нибудь* (за *городомъ* отвѣчаетъ на вопросъ *идѣ*). Омировскій же языкъ, оставивъ «отдаленное въ смыслѣ нахожденія *идѣ-нибудь*» за *обще-родовымъ* падежемъ ($\pi\epsilon\rho\iota \theta\epsilon\acute{\alpha}\nu \epsilon\sigma\tau\acute{\iota} \kappa\alpha\iota \alpha\nu\theta\rho\omega\pi\omega\nu$), воспользовался нашимъ «благодаря» для *тѣхъ* случаевъ удаленія, которые предназначенный для нихъ *спеціальный* падежъ, именно *удалительный*, совершенно *потеряли* въ языкѣ (по крайней мѣрѣ, какъ выяснено на стр. 267, потеряли его въ именахъ *существительныхъ*).

Особнякомъ стоятъ у насъ $\delta\iota\acute{\alpha} \sigma\tau\acute{\eta}\theta\epsilon\sigma\phi\iota\nu \epsilon\lambda\alpha\upsilon\nu\epsilon\iota\nu \delta\acute{o}\rho\upsilon$ и $\epsilon\nu \alpha\upsilon\lambda\acute{\eta} \theta\eta\rho\delta\varsigma \acute{\alpha}\kappa\omicron\upsilon\sigma\alpha\nu\tau\epsilon\varsigma$, $\delta\varsigma\tau\epsilon \epsilon\rho\chi\eta\tau\alpha\iota \delta\iota' \delta\acute{\rho}\epsilon\sigma\phi\iota$, составляя *третью* группу предлоговъ оборотовъ съ формою на $\phi\iota\nu$. Разсуждая о предлогѣ $\delta\iota\acute{\alpha}$ и его падежахъ, мы указывали на то (стр. 315), что $\delta\iota\acute{\alpha}$ должно *всегда* соединяться съ родовымъ падежемъ, остается ли предметъ въ *предѣлахъ* своего «проводника», или выходитъ за его предѣлы. Конечно, не будь случайно *родовой* и *удалительный* падежъ соединены въ *одной* грамматической формѣ, то можно бы примѣнить *удалительный* падежъ къ тому случаю, когда предметъ, *проникши* черезъ свою «среду», *удаляется* отъ нея.*) Въ нашихъ примѣрахъ, какъ въ $\delta\iota\acute{\alpha} \sigma\tau\acute{\eta}\theta\epsilon\sigma\phi\iota\nu$, такъ и въ $\delta\iota' \delta\acute{\rho}\epsilon\sigma\phi\iota\nu$, предметъ дѣйствительно идетъ за предѣлы своей «среды»: *грудь* представлена *пронзенною* копьемъ, а звѣрь съ *горъ* проникаетъ въ $\alpha\upsilon\lambda\acute{\eta}\nu$. Если не заходить въ симасіологическомъ

* Смыслъ настоящаго нашего замѣчанія читатель пойметъ, припомнивъ сказанное на стр. 273-4.

расширеніи формы на *φιν* такъ далеко, какъ это дѣлаютъ, навязывая ей даже функцію *родоваго* падежа, то омировскій языкъ *дѣйствительно* окажется располагающимъ *особыми* формами — для *родоваго* съ *одной* стороны и... что теперь сказать, — для *удалительнаго* съ *другой*? — Нѣтъ. По нашему мнѣнію повторяется здѣсь то, на что мы указывали въ формахъ на *φιν* при предлогахъ *ἐξ* — *ἀπό* — *κατά*: въ *διὰ στήθεσφιν* и въ *δι' ὀρεσφιν* мы имѣемъ дѣло съ падежемъ *творительнымъ*, *замѣняющимъ* собою *удалительный* падежъ.

Къ разбору формы на *φιν* мы привлекли *всѣ* мѣста *Иліады* и *Одиссеи*, въ которыхъ эта форма встрѣчается. Мы это *могли* сдѣлать, благодаря капитальному труду »Ebeling Lex. Nom.«; мы это *должны* были сдѣлать, въ виду крайне противорѣчивыхъ, читателю *известныхъ*, толкованій этой формы: нѣтъ ни одной падежной формы, насчетъ которой существовала бы такая разногласица въ нашихъ грамматикахъ, какъ насчетъ формы на *φιν*. Лишь нѣкоторые случаи ея употребленія остались у насъ *неразсмотрѣнными*: мы не знаемъ, принять ли въ нихъ форму на *φιν* за *мѣстный*, или за *творительный* падежъ (и въ *Θεσμοφορίοις* мы колебались между *мѣстнымъ* и *творительнымъ* падежами). Случаи эти — слѣдующіе:

1. *ὀλλότατος γενεῆφιν*; *γενεῆφι νεώτατος*; *βίηφι δὲ φέρτεροι ἦσαν*; *μήτι* (т. е. *μήτι*) *τοὶ δρῦτομος μέγ' ἀμείνων* *ἢ βίηφι* (лучшій *въ силѣ*, или *силою*?); смотри II. ι 58, ξ 112, φ 439, ψ 315, Od. ζ 6, μ 246, φ 371.

2. *ἄμα δ' ἡοὶ φαίνομένηφι* (II. ι 618, μ 682, ω 600, Od. δ 407, ζ 31, 222, μ 24, ξ 266, ο 396, π 270, ρ 435). Мы не знаемъ еще, считается ли съ *ἄμα* какъ съ *предлогомъ*, или принять его за «нарѣчіе». Рѣшить этотъ вопросъ придется ниже. Во всякомъ случаѣ *ἄμα* указываетъ здѣсь на *современность*. Если это — *предлогъ*, то *ἡοὶ* могло бы быть *творительнымъ* (= *благодаря зарѣ*, нѣчто оказалось *ἄμα* т. е. *современнымъ*), а то даже и *личнымъ* падежемъ (по аналогіи слова *σύ*). Если же *ἄμα* слѣдуетъ принимать за «нарѣчіе», то опять возникаетъ вопросъ, счи-

тать ли его за *самостоятельное*, то есть, какъ бы, за *вставку* въ рѣчь, или падежъ *ἡοὶ* зависитъ отъ него какъ «нарѣчія». Въ первомъ случаѣ *ἡοὶ* является или *мѣстнымъ* падежемъ (= *на зарѣ*, *одновременно*), или *творительнымъ* (= *зарю*, *одновременно*; какъ мы говоримъ «*ночью*»), а во второмъ нужно разсуждать *опять* иначе (ниже все выяснится).

3. *ἦντε κίρκος ὄρεσφιν, ἐλαφρότατος πετεηνῶν, ῥηιδίως οἶμσε μετὰ τρήρωνα πέλειαν*. — *ὥς δ' ὅτε νεβρὸν ὄρεσφι κύων ἐλάφοιο δίηται*. — *Τρῶες ἔπον ὥς εἶτε δάφοινοι θῶες ὄρεσφιν ἄμφ' ἐλαφον κεράων βεβλημένον* (въ горахъ, или *горами*; какъ мы по русски говоримъ *идетъ лѣсомъ* *). Смотри II. λ 474, χ 139, 189.

4. *εἶλετο δ' ἄλκιμον ἔγχος, ὃ οἱ παλάμηφι ἀρήρει* (въ длани или *дланью*?) Смотри II. γ 338, π 139, Od. ρ 4.

5. *Ἐκτωρ μὲν κεφαλῇφι ἐπεὶ λάβεν, οὐχὶ μεθίει*, (II. π 762). Слѣдуетъ ли тутъ *κεφαλῇφι* толковать въ смыслѣ «ухватилъ его, какъ бы, *на головѣ*», или скорѣе въ смыслѣ «ухватилъ его *головною*», какъ мы говоримъ «возьми палку въ руки *этимъ концомъ*».

6. *καὶ βάλεν οὐδ' ἀφάμαρτε, τιτυσκόμενος κεφαλῇφι ἄκρην κακ' ὀρούθα* (II. λ 350). Равняется ли это мѣсто фразѣ «*принаравливаясь* (= *прицѣливаясь*) къ нему тамъ, *гдѣ* у него *голова*», или скорѣе фразѣ «*головною прицѣливаясь* къ нему», какъ мы, пожалуй, могли бы сказать «непріятельскія войска приближались къ городу *съверною его стороною*»**) вмѣсто «*съ сѣверной его стороны*» или вообще «*съ сѣверной стороны*» (Дельбрюкъ, Synt. Forsch. IV. 61, принимаетъ наше *κεφαλῇφι* опять таки за *genitiv*, ob-

*) Атическое нарѣчіе въ *такомъ* смыслѣ творительнаго падежа не употребить; но атическое нарѣчіе омировскому языку — не указъ.

**) Эта фраза по *общему* смыслу творительнаго падежа, столь глубоко вошедшаго въ славянскую фразеологію, возможна: *сѣверная сторона* города есть то, что опредѣляетъ собою картину приближенія. О глубокомъ захватываніи *греческаго* творительнаго падежа въ *греческую* фразеологію трудно говорить опять таки потому, что онъ этимологически не дифференцированъ; разъ онъ не дифференцированъ этимологически, то, какъ могъ читатель замѣтить особенно на нашихъ шести примѣрахъ, постоянно сбиваешься на *мѣстный* падежъ.

wohl, — думаетъ онъ, — hier allenfalls der Localis zu vertheidigen wäre).

Разобравъ формы на *φιν*, мы могли бы окончательно раздѣлаться и съ тѣми падежами, которые представлены названною формою. Для этого нужно бы только поосмотрѣться, нѣтъ ли еще *помимо* формъ на *φιν* какого-нибудь матеріала для творительнаго, мѣстнаго и личнаго падежей, и затѣмъ подвести всему итоги. Для *творительнаго* падежа мы *помимо* формъ на *φιν* ничего новаго не находимъ (атическій языкъ, какъ мы уже однажды замѣтили, скорѣе склоненъ *ослабить* его фразеологическую роль), формулировка его значенія достаточно установлена самимъ *терминомъ* «творительный» падежъ, а потому мы считаемъ все разсужденіе о немъ *оконченнымъ*. Мы остались передъ читателемъ въ долгу лишь по отношенію къ *славянскому* творительному падежу въ выраженіи «управленіе *городами*». Это явленіе мы не поставили бы себѣ въ счетъ, не имѣй оно непосредственнаго отношенія къ *греческому* языку. Во всякомъ случаѣ, *разобрать* его придется не сейчасъ.

Что касается *мѣстнаго* падежа, то окончить разборъ его *здесь* мѣшаетъ одно обстоятельство. Мы сказали, что онъ, благодаря своему «огрубѣнію», выходитъ изъ колеи зависимости отъ признаковъ словъ. Нѣчто подобное должно было случиться и съ «огрубѣвшими» *удалительными* падежами. Интересно ихъ въ этомъ отношеніи сопоставить, и такъ какъ мы до удалительнаго падежа *онъ* предлоговъ еще не скоро доберемся, то придется и *мѣстный* падежъ пока оставить *неоконченнымъ*.

По отношенію къ *личному* падежу мы встрѣчаемъ *помимо* формъ на *φιν* новый матеріалъ. Мы разумѣмъ явленія въ родѣ слѣдующихъ: *ἑμνους θεοῖς καὶ ἐγκώμια τοῖς ἀγαθοῖς παραδεκτέον εἰς πόλιν* (Plat. Resp. 607 a); *τὰ Ταντάλου ἐστιάματα θεοῖς ἅπιστα κρίνω* (Eur. Iph. Taur. 388); *ὦ Θήβαισιν ἐνὶ πύλοισι ἀναξ* (Eur. Phoen. 17); *ἐκ δὲ κυμάτων δ ναυτίλοισι μάντις ἐξήγγειλέ μοι* (Eur. Or. 363); *θησαυρὸν βελέεσσιν* (Aesch. Prom. 981).

Когда мы разсуждали о личномъ падежѣ по поводу предлоговъ оборотовъ, то роль его выяснялась въ смыслѣ указыванія на «лицо», какъ на *равноправное* съ другимъ по отношенію къ какому нибудь *дѣйствию* (стало быть, — *признаку*), — какъ на носителя *τῆς ἐνεργείας* и *τοῦ πάθους* (стало быть, — опять *признака*, какъ его предполагаетъ само слово *носитель*), — какъ на встрѣчающее въ другихъ либо поддержку, либо противодѣйствіе своимъ *начинаніямъ*; словомъ, — во всѣхъ этихъ *оттѣнкахъ* личный падежъ, если онъ не попадалъ въ предлоговый оборотъ, могъ въ силу своего значенія «зависѣть» *исключительно* только отъ *признаковыхъ* словъ, что и оправдалось при разборѣ формъ на *φιν*, имѣющихъ значеніе *личнаго* падежа. Что касается «*этического*» личнаго падежа, гдѣ лицо представлено главнымъ судьей «въ какой нибудь мысли», то онъ, положимъ, *не зависитъ* отъ «признаковаго слова», но... Представляя лицо главнымъ судьей въ мысли, *этический* личный собственно относится къ *той* части выраженія цѣлой мысли, которая представляетъ собою нѣчто «*объявляемое*» по отношенію къ *другой* ея части, какъ къ чему то «данному». Другими словами, — *этический* личный относится къ «синтаксическому сказуемому» (во фразѣ «*τοῦτο μοι ὁδενὸς ἄξιόν ἐστι*» *этический* личный *μοι* относится къ подчеркнутымъ словамъ). И не является ли синтаксическое сказуемое чѣмъ то, аналогичнымъ *признаку*? — не составляется ли рѣчь изъ «*дѣйствія*» и «*признаковъ*» для того, чтобы потомъ въ цѣломъ раздѣлиться, такъ сказать, на «*сложное дѣйствіе*» (синтаксическое подлежащее) и на «*сложный признакъ*» (синтаксическое сказуемое)?

Какъ послѣ всего этого отнестись къ только что приведеннымъ примѣрамъ употребленія личнаго падежа? Кюнерь (Ausf. Gramm. II. 374) считаетъ «несомнѣннымъ», что эти явленія произошли отъ нѣкотораго *сокращенія* фразъ (dieser Gebrauch ist ohne Zweifel aus einer Verkürzung eines Satzes hervorgegangen). Въ одномъ мѣстѣ онъ вставляетъ *πεποιημένα* (*ἐγκώμια τοῖς ἀγαθοῖς πεποιημένα*), въ другомъ — *δοθέντα* (*θεοῖσιν ἐστιάματα δοθέντα*), въ третьемъ и чет-

вертомъ — даже ὧν (ὡς Θῆβαισι ἐνὶ πλοῖς ἀναξ ὧν,* ἐκ δὲ κυμάτων ὁ ναυτίλοισι μάντις ὧν ἐξήγγειλέ μοι), а въ пятомъ не находить, что вставить. Читатель видитъ, что внесение въ ὁ ναυτίλοισι μάντις слова ὧν, даже при благо-склонномъ отношеніи къ эллипсисамъ, звучитъ большою натяжкою.

Предлоговые обороты служили «первоначально» для сопоставленія предмета съ предметомъ, простые падежи — для выраженія отношенія предмета къ признаку. Такая теорія была бы весьма стройною, если бы она оказалась хоть въ основаніи выдержанною. Но въ такомъ случаѣ мыслима — еще одна потребность, которая могла выступить передъ языкомъ, какъ подлежащая съ его стороны удовлетво-ренію, — потребность, совершенно однородная съ только что перечисленными: это — «сопоставленіе» не предмета вообще съ предметомъ вообще, а «сопоставленіе» или, прямѣе, — подчиненіе «вещи», какъ видоваго понятія «предмета», другому его «видовому» понятію, — «лицу». Явленія, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, суть явленія не оми-ровскаго языка. Это, пожалуй, краткій, но только не «со-кращенный», какъ говоритъ Кюнеръ, способъ выраженія, развившійся въ языкѣ уже впослѣдствіи, но, во всякомъ случаѣ, основывающійся на сильномъ и живомъ чутьѣ τῆς δοτικῆς именно какъ падежа «личнаго». Конечно, въ раз-сматриваемыхъ нами явленіяхъ нужно опять таки кое гдѣ — съ одной стороны олицетвореніе (Θησαυρὸν βελέ-εσσιν; сравни наше *списокъ книгамъ*, гдѣ книги являются чѣмъ то *главнымъ*, у чегó списокъ находится какъ-бы въ услуженіи), а съ другой — и «овеществленіе» (Θῆ-βαισι ἀναξ; тутъ Θῆβαι рисуются *главными*), но ни олице-твореніе, ни овеществленіе не является чѣмъ нибудь такимъ, чегó слѣдовало бы избѣгать при объясненіи падежей. **)

*) Тогда бы ἀναξ было психо-логическимъ сказуемымъ къ слову οὐ, какъ психо-логическое сказуемое исполняло бы роль признаковаго слова, и личный падежъ вошелъ бы въ колею, предназначенную ему нами.

**) Сюда же мы относимъ и такъ называемые «притяжательные» dativ'ы, встрѣчавшіеся, какъ извѣстно, больше всего у Иродота; мы разумѣемъ вы-раженія въ родѣ οἱ δὲ σφε βόες, οἱ δ' ὑμῖν μάχοι и т. п.

Перейдемъ къ разсматриванію *другихъ* падежей, по-скольку они появляются *внѣ* предлоговыхъ оборотовъ, и по-скольку они у насъ остались невыясненными *по поводу* предлоговыхъ оборотовъ. Начнемъ съ *вещнаго* падежа.

Значеніе вещнаго падежа выяснилось до сихъ поръ въ такомъ смыслѣ, что онъ указываетъ или на поступленіе выраженнаго имъ предмета *цѣликомъ* въ чье нибудь рас-поряженіе, или на полную его *законченность*, необходимую для того, чтобы можно было на основаніи ея распоря-жаться дальнѣйшимъ (μετὰ τὸν δέπνον и т. д.; смотри стр. 316), или на движеніе къ нему какъ къ *цѣли*. Что во всѣхъ этихъ отбѣнкахъ вещный падежъ остается чѣмъ то однимъ и тѣмъ же, это — надѣмся — доказывать дальше нечего.

Заявляемъ напередъ, что *весь* вещный падежъ *внѣ* пред-логовъ зависитъ *исключительно* отъ признаковыхъ словъ. Въ виду нѣкоторыхъ соображеній, которыя сейчасъ выяс-нятся, практичнѣе будетъ *отдѣлнить* отъ *глаголовыхъ* при-знаковыхъ словъ (т. е. отъ самого глагола, глагольнаго при-знаковаго имени и «двусторонняго» глагольнаго имени) *про-стыя* признаковыя имена.

Глаголовыя признаковыя слова *ищутъ* къ себѣ вещнаго падежа, какъ указателя «объекта» дѣйствія, т. е. того, что *поступаетъ* въ чье нибудь распоряженіе, благодаря тому особому *свойству* самого дѣйствія, о которомъ мы упо-минали на стр. 257-8: есть дѣйствія, для осуществленія ко-торыхъ представляется намъ необходимымъ нѣчто въ родѣ *жертваго матеріала*, надъ которымъ они проявляли бы свою силу. Это *свойство* дѣйствій тѣсно связано съ Zalo-говыми отбѣнками, и по этой связи мы установили на стр. 108 терминъ *transitiva*. Я говорю, что *transitiva* ищутъ къ себѣ вещнаго падежа въ силу своего *значенія*, такъ что въ этомъ отношеніи вещный падежъ *дѣйствительно*, какъ мы раньше выражались, *идетъ имъ навстрѣчу*. Я не понимаю того утвержденія, которое такъ часто приходится слышать, будто *все* глаголы были сначала *intransitiv'ными*, а только *впо-слѣдствіи* нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались *transitiv'ными*. Я думаю, по этому вопросу только и можно сказать то,

что сказано мною на стр. 107.: говорящій въ однихъ случаяхъ *чувствуетъ* потребность указать на объектъ, а въ другихъ ее не чувствуетъ; но чтобы этому чувству можно было навязать какую нибудь хронологическую постепенность *развитія*, этого я не вижу.

Итакъ, глагольные признаковые слова требуютъ къ себѣ вещнаго падежа въ силу своей *transitiv'ности*. Какъ широко понималъ грекъ *transitiv'ность*, видно на глаголахъ *φεύω*, *φοβέομαι*, *αἰσχύνομαι* и т. п., дополняющихся *тоже* вещнымъ падежемъ. Казалось бы, что разъ существуетъ удалительный падежъ, то какому еще падежу дополнять собою такіе глаголы, какъ не ему. А между тѣмъ грекъ понимаетъ ихъ по своему. Когда онъ говоритъ *θάνατον οἱ εὐδαίμονες φεύουσι*, то, очевидно, представляетъ *θάνατον* вовсе не чѣмъ то такимъ, *отъ* чего *οἱ εὐδαίμονες* черезъ *φεύειν* отворачиваются, а предметомъ, которымъ такъ *распоряжаются*, — который такъ *забираютъ* *въ руки*, — противъ котораго *принимаютъ* *такія* мѣры, чтобы не понести отъ него вреда, и чтобы онъ миновалъ *ихъ* (и русское *миновать* дополняется вещнымъ падежемъ, только въ русскомъ языкѣ *θάνατος* и *οἱ εὐδαίμονες* помѣнялись ролями).*)

Что глагольные признаковые слова, обозначающія *движеніе* и требующія къ себѣ вещнаго падежа, какъ указателя *цѣли* этого движенія, суть не болѣе, не менѣе какъ тѣ же *transitiva*, это не требуетъ дальнѣйшихъ разъясненій послѣ сказаннаго на стр. 256-7.

Простыя признаковые имена, не надѣленные залоговыми отгѣнками, а слѣдовательно, *грамматически* никакой ни *transitiv'ности*, ни *intransitiv'ности* не *выражающія* (внутренно мы *любимъ* влгать и, когда это возможно, *дѣйствительно* *влагаемъ* въ нихъ такой или иной залоговой

*) Кто считается здѣсь съ залогомъ словъ *φοβέομαι* и *αἰσχύνομαι* и находитъ вещный падежъ послѣ нихъ страннымъ по залоговому положенію, того мы отсылаемъ ниже къ обороту *ἐρωτηθεῖς τι*, гдѣ послѣ *развѣива* встрѣчается *тоже* вещный падежъ, и именно вещный падежъ «объекта» дѣйствія.

отгѣнокъ; сопоставъ *τιμωρὸς φόρον*, Soph. Elect. 14, съ *ἐντιμὸς θεῶν*, Soph. Antig. 77), лишаются права на грамматическое выраженіе вещнаго падежа какъ *объекта* дѣйствія (вмѣсто него они принимаютъ къ себѣ всеобъемлющій *родовой* падежъ), но зато мыслимо соединеніе ихъ съ *другимъ* вещнымъ падежемъ. Мы имѣемъ въ виду выраженія въ родѣ *χολὸς ἐστὶ τὸν ἑτερον πόδα* и т. п. Выраженіе *χολὸς ἐστὶ τὸν ἑτερον πόδα* значить: онъ хромотъ, причѣмъ эта хромота *простирается* на одну ногу.)*

Въ приведенной русской метафразировкѣ греческаго выраженія мы хотѣли обозначить словомъ *простирается* внутреннюю связь только что установленнаго отгѣнка вещнаго падежа съ вещнымъ «объекта дѣйствія»: и въ этомъ отгѣнкѣ — предметъ *πούς*, показанный въ вещномъ падежѣ, чувствуется находящимся въ *распоряженіи* чего то, именно въ распоряженіи самого признака *χολὸς*. Ниже, впрочемъ, эта связь раскроется глубже.

Только что установленный отгѣнокъ принято отмѣчать терминомъ *σχῆμα καθ' ὅλον καὶ κατὰ μέρος*. Этотъ терминъ схватываетъ нашъ вещный падежъ слишкомъ односторонне**) и вслѣдствіе этого разрываетъ связь его съ другими отгѣнками вещнаго. Обычный терминъ, «вещный *отношенія*», — невыразителенъ, такъ какъ «*отношеніе*» — слишкомъ общее слово. Мы бы его назвали вещнымъ «*простираемымъ*». Впрочемъ, не въ терминахъ дѣло; мы обѣщали ближе раскрыть связь между *этими* вещнымъ и вещнымъ «объекта дѣйствія».

*) Само собою разумѣется, что и имена *существительныя*, если принимаютъ на себя роль *признаковыхъ* словъ, т. е. если попадаютъ въ тотъ или иной падежъ по *согласованію*, могутъ присоединять къ себѣ такой вещный падежъ. Какое нибудь *βραβεῖς ἐστὶ* всегда способно соединиться съ вещнымъ падежемъ, хотя *примѣръ* подыскать трудно. Скорѣе всего можно тутъ встрѣтить вещные падежи *малолѣтныхъ* именъ (*θαῦμα ἰδέσθαι* — это — чудо, причѣмъ чудо *простирается* на *ιδέσθαι*), но о падежахъ *малолѣтныхъ* именъ рѣчь еще впереди.

**) Собственно, подъ *σχῆμα καθ' ὅλον καὶ κατὰ μέρος* понимаютъ пѣчто еще болѣе частное, чѣмъ объясняемъ мы. Подъ него подводятъ *примѣры* какъ *γρηῖς σε πόδας νίφει* (Gaedicke Accus. 268), въ которыхъ встрѣчаются два *вещныхъ* падежа, — одинъ, обозначающій *ὅλον* (σε), а другой, указывающій на его часть (*πόδας*).

Сопоставляя русскій вещный падежъ съ греческимъ, мы находимъ, между прочимъ, *два* особенности въ греческомъ языкѣ.

1. Греческій языкъ въ большей степени, чѣмъ русскій, прибѣгаетъ къ *внутреннему* объекту дѣйствія. Въ какомъ смыслѣ нужно различать внѣшній и внутренний объекты дѣйствія, на это было указано въ статьѣ о залогахъ: первый существуетъ *помимо* дѣйствія, а второй представляетъ собою результатъ дѣйствія (стр. 108) и, такъ сказать, лишь *въ идеѣ* «поступаетъ въ распоряженіе дѣятеля» во время исполненія имъ самого дѣйствія. Геометрическимъ мѣстомъ нахожденія столь частыхъ «*внутреннихъ*» объектовъ дѣйствія служитъ отвлеченіе въ *οὐσίαν* самого *δυνάμει*, соединяющагося съ такими объектами. Таковы объекты во фразахъ *ἀμαρτάνω ἀμαρτήμα* и т. д., приведенныхъ на той же стр. 108. Они, въ сущности, ничѣмъ не отличаются, какъ «объекты», отъ тѣхъ *οὐσίαι*, которыя, вовсе не будучи извлечены изъ самихъ признаковъ словъ, тоже, однако, обозначаютъ *результатъ* дѣйствія (*ποιέω ἀγαθὰ* и др.).

2. Греческій языкъ, не въ примѣръ русскому, не стѣсняется ставить послѣ глаголовыхъ признаковъ словъ *два* вещныхъ падежа рядомъ, если дѣйствительно *два* «объекта дѣйствія» съ разныхъ сторонъ подступаютъ къ глаголовому признаку, оба *одинаково* оправдываясь на *общесимасіологической* почвѣ. *Αἰτέω* се на обще-симасіологической почвѣ — вполне умѣстно, равно какъ вполне умѣстно на *той же* почвѣ и *αἰτέω χρήματα*; по этому совершенно правильнымъ является оборотъ *αἰτέω σε χρήματα* (въ русскомъ языкѣ, хотя и можно сказать порознь *прошу тебя* и *прошу книгу*, но, соединивши оба выраженія въ одно, говорятъ «я попрошу у тебя эту книгу»). Въ *αἰτέω σε χρήματα* оба «объекта» являются *внѣшними*; въ *ἑρωτῶ σε τοῦτο τὸ ἐρώτημα* одинъ объектъ оказывается *внѣшнимъ*, а другой — *внутреннимъ*.

Если бы я, желая выразить ту же мысль, какая заключается въ *ἑρωτῶ σε τοῦτο τὸ ἐρώτημα*, задумалъ,

однако, представить *σὺ* не *вещью*, которою я распоряжаюсь, а настоящимъ носителемъ *τοῦ πάθους*, и сказалъ бы *σὺ ἑρωτῶς*, — что станетъ тогда съ *τοῦτο τὸ ἐρώτημα*? Оно удержится въ вещномъ падежѣ, но останется ли тогда и «объектомъ дѣйствія»? И да, и нѣтъ. Да — потому, что *не могло же* оно измѣнить своего отношенія къ тому дѣйствію, которое его вызвало (оно было «объектомъ» дѣйствія какъ *результатъ*, *производимый* этимъ дѣйствіемъ, и такимъ осталось и теперь); *нѣтъ* — потому, что глаголъ выступаетъ уже не въ *актив'ной формѣ* (форма *ἑρωτῶς* выражаетъ *πάθος*, а какъ можетъ «*πάθος*» «*производить*» что нибудь?). Въ томъ то и дѣло, что только лишь *форма* мѣшаетъ въ данномъ случаѣ провозгласить *τοῦτο τὸ ἐρώτημα* за «объектъ дѣйствія»; но у насъ остается еще средство удержать сознаніе о *τοῦτο τὸ ἐρώτημα* какъ о *настоящемъ* «объектѣ дѣйствія». Это — извлеченіе изъ «патетической» *формы* «энергическаго» слова. Такое извлеченіе, аналогичное тому, къ какому мы прибѣгали при предлоговыхъ оборотахъ, практиковалъ самъ *употреблявшій* языкъ, пока «не привыкъ» къ созданному имъ приему и не *забылъ* о необходимости *дѣлать* самое извлеченіе*). И вотъ, кто *забылъ* о ней, кто *потерялъ*, быть можетъ, сознаніе о *τοῦτο τὸ ἐρώτημα* какъ о *настоящемъ* «объектѣ дѣйствія», кто находится уже подъ вліяніемъ этой болѣе *внѣшней* зависимости «вещнаго падежа отъ *passiv'ной формы*, тому придется понять нашъ вещный падежъ какъ «*простираемый*»: ты былъ спрошенъ, причемъ спрашиваніе «*простиралось*» на такой то вопросъ. Да и самое *χωλὸς τὸν ἕτερον πόδα* развѣ нельзя перевести на *κεχωλωμένος τὸν ἕτερον πόδα*? Конечно, можно, а если еще *κεχωλωμένος τὸν πόδα* перевести на *χωλὸς σε τὸν πόδα*, то чѣмъ *χωλὸς σε τὸν πόδα* отличается отъ *αἰτέω σε χρήματα***), и чѣмъ — *простираемый* вещный отъ *вещнаго «объекта дѣйствія»*?

*) Вотъ — отвѣтъ на поставленный выше вопросъ относительно *вещнаго падежа* послѣ *passiv'ныхъ* *φωβέσθαι αἰσχύνομαι* у др.

**) Отвѣтъ на этотъ вопросъ обнаружить, какъ искусственно установлено понятіе *τοῦ σχήματος καθ' ὅλον καὶ κατὰ τὸ μέρος*, и съ какою насиль-

Теперь ясно, насколько тѣсно связанъ «простира-
тельный» вещный съ вещнымъ «объекта дѣйствія». Положимъ,
эту связь удалось выяснить только благодаря тому, что
простое признаковое удалось перевести на признаковое гла-
головое. Но и въ другихъ случаяхъ, гдѣ это не удастся,
тѣмъ не менѣе связь останется та же самая. Такова, на пр.,
фраза: *ὀλίγοι τὸν ἀριθμὸν οἱ τὴν ἀνδρείαν ἔχοντες* = немного
тѣхъ, которые обладаютъ храбростью, причемъ признакъ *не-
многойе* простирается на *численность*.*)

Говорятъ еще о вещномъ времени (*τὸν λοιπὸν χρόνον*
ἦρχεν ὁ δεῖνα) и о вещномъ, — не знаю, какъ его назвать,
во всякомъ случаѣ его *отличаютъ*, — о вещномъ «мѣры»,
что или (*βαθὺς πέντε πόδας*). Но если мы пойдемъ такъ
далеко въ различеніи падежныхъ отгѣнковъ, и если въ *τὸν*
λοιπὸν χρόνον будемъ усматривать вещный времени,
а въ *βαθὺς πέντε πόδας* — вещный мѣры, то въ *φι-
λοῦσι τοὺς παῖδας* мы должны усматривать вещный чело-
вѣческихъ возрастовъ, а въ *ἡμαρτε μέγα ἀμάρτημα*
вещный ошибокъ. *Ὁ λοιπὸς χρόνος* есть, конечно,
извѣстное пространство времени, и *πέντε πόδας* — извѣстная
мѣра. Но то и другое поставлено въ вещномъ падежѣ не
потому, что одно — время, а другое — мѣра, а потому, что
ὁ λοιπὸς χρόνος, что бы оно ни обозначало, человѣка
ли, дубъ ли, или время, все поглощено дѣйствіемъ *ἄρχω***),

ственностью оторванъ этотъ незначительный отгѣнокъ отъ единого значенія
падежа.

*) Скажутъ, что при признакѣ *немногийе* указаніе на принадлежность
этого признака къ *численности* — совершенно лишнее и можетъ быть объяснено
только, какъ симасіологическая тавтологія. Принятіе или непринятіе симасіо-
логической тавтологии въ многихъ случаяхъ зависитъ отъ того, какъ далеко
идетъ дифференціация мысли. Въ перефразировкѣ «если сосчитать» (*τὸν ἀριθ-
μὸν*) тѣхъ, которые обладаютъ храбростью, то изъ *немногийе* (= простирая при-
знакъ храбрѣцовъ на *численность*, нужно выразить этотъ признакъ словомъ
немногийе) никакой тавтологии нѣтъ. Кстати замѣтимъ, что въ нашемъ примѣрѣ
падежъ *τὸν ἀριθμὸν* можетъ быть замѣненъ падежемъ *τῷ ἀριθμῷ*.
Въ *ἀριθμὸν* выражено, что признакъ «немногийе» простирается на числен-
ность, а въ *ἀριθμῷ*, что признакъ этотъ *получается* отъ численности. Какъ
видно, въ результатѣ выходитъ одна и та же мысль.

**) Кака, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть разница, по вопросу о «зна-
ченіи» падежа, между фразами *онъ проначальствовалъ все остальное время*, *онъ*
проработалъ всю ночь, *онъ прочиталъ всю книгу* и *онъ исписалъ всю тетрадь*?

и что на *пέντε πόδες*, что бы оно ни обозначало, *про-
стирается* признакъ *βαθὺς*. Первое есть вещный *объекта*
дѣйствія, а второе — вещный *простираемый*.

Мы слышимъ возраженіе. Въ *ὁ λοιπὸς χρόνος* ука-
зывается на то, что выраженная въ немъ *οὐδία* поглощена
всѣмъ извѣстнымъ дѣйствіемъ, а въ какомъ нибудь *νίψω σε*
πόδας только *πόδες* «поглощены» дѣйствіемъ, но никакъ
не *σε*. А между тѣмъ и *σε* поставлено въ вещномъ падежѣ.
Стало быть, нужно различать случаи, гдѣ имѣется въ виду
указать на *весь* предметъ, отъ случаевъ, гдѣ указывается
на предметъ *просто* какъ на «объектъ», что ли, *дѣйствія*.
Это, утверждаемъ, — не возраженіе, а необходимое *пополненіе*
нашихъ замѣтокъ, требующее, однако, нѣкотораго разъясне-
нія. Мы съ самаго начала говоримъ о томъ, что вещный
падежъ указываетъ на предметъ, поступающій цѣликомъ въ
чье нибудь распоряженіе. Слово «цѣликомъ» имѣетъ три зна-
ченія, являющіяся тропами другъ друга. «Цѣликомъ» значить:
1. — что я могу дѣлать съ предметомъ, что хочу (= *онъ*
для меня представляетъ, какъ мы, кажется, неоднократно
выражались, *мертвый матеріалъ*); 2. — что ни одна часть
предмета не остается незатронутою; 3. — что предметъ дол-
женъ быть законченъ для того, чтобы могъ поступить въ мое
распоряженіе. Это то «цѣликомъ» во *всѣхъ* своихъ значеніяхъ
(последнее значеніе примѣнимо къ оборотамъ *μετὰ τὸν*
δεῖπνον τοῦτο ἐποίησα и *διὰ τὴν νόσον* въ *причин-
номъ* значеніи) выясняетъ и весь вещный падежъ, выста-
вляя его чѣмъ то *единымъ*.

Мы кончили вещный падежъ. Этимологи указываютъ
на то, что *δῶρον*, *ἄρθρον* и т. п. суть формы не *име-
тельного* падежа, а падежа вещнаго, наравнѣ съ *οἶκον*,
ἄνθρωπον и т. д.*) Мы въ свое время раздѣлили пред-
ложенія на ономатическія и риматическія. Ономатическимъ,

*) Brugmann (Handb. II. 119): Kasuszeichen Nom. u. Acc. sg. neutr.
m bei den o-Stämmen (*ζυγόν* — jugum etc.) war etymologisch mit dem Accu-
sativzeichen m der geschlechtigen Stämme identisch.

— говорили мы, — греческій языкъ не въ примѣръ языку русскому, не особенно сочувствуетъ. Что же касается предложений риматическихъ, то въ нихъ именительный падежъ (я не говорю здѣсь о *«согласующемся»* именительномъ; *«согласующимся»* можетъ быть *всякій* падежъ), — долженъ обозначать или дѣятеля, или вообще *носителя* того дѣйствія, которое указано въ глаголѣ. Средній родъ, — конечно, *естественный*, какимъ былъ сначала *всякій* средній родъ (сравни стр. 162), — *не можетъ* быть, собственно, носителемъ дѣйствія, — не можетъ исполнять никакого *ζω, περιπατέω, ζημιόομαι, λοόομαι, διαλέγομαι* (тутъ на лицо *всѣ* пять залоговъ), не можетъ быть *«первымъ»* лицомъ, а долженъ быть *просто* *«вещью»*. Такимъ образомъ, хотя *«по конструкции предложения»* средній родъ часто долженъ играть роль именительнаго падежа, все равно, какъ *всякій* глаголъ долженъ имѣть *«лицо»*, хотя онъ — иногда и безличный (*ῥεῖ, δεῖ* и т. д.), но *психологически* онъ могъ быть понять и въ этихъ случаяхъ за вещь, на которую *простирается* дѣйствіе, и форма для *грамматическаго* именительнаго падежа или, точнѣе, для падежа, понадобившагося для *связной* рѣчи, могла быть заимствована отъ вещнаго падежа той же *связной* рѣчи, а затѣмъ могла быть употребляема и для простаго поименованія *вне* *связной* рѣчи. Въ другихъ случаяхъ языкъ распорядился иначе. Мыслящій человекъ, давая поименованіе безполой *οὐσία*, т. е. составляя для нея *«поименовательный»* падежъ *вне* *связной* рѣчи, не отмѣтилъ ея поименованія *никакимъ* окончаніемъ (напр. *τὸ βρέφος*) и уже *этимъ* наложилъ на самую *οὐσίαν* печать чего то *бездхарактернаго*, — не *«лица»*, а опять таки *«вещи»*, и форма, отмѣчавшая нѣчто при самомъ поименованіи его *вне* *связной* рѣчи какъ *«вещь»* (это достигалось отсутствіемъ *«родоваго»* окончанія), могла, сама будучи формою *«поименовательнаго»* падежа, съ удобствомъ перейти въ роль того падежа, гдѣ *все* въ силу его собственнаго значенія дѣлается *вещью*, — въ роль падежа *вещнаго*. Звательнаго падежа въ среднемъ родѣ совсѣмъ не было; ибо какъ можно было звать (*καλεῖν*) то, что въ самомъ

поименованіи отмѣчено было какъ нѣчто мертвое? Не такъ мы смотримъ на формы *βασιλεῦ, Ζεῦ* и т. д., *также* не имѣющія окончанія, но въ то же время представляющія собою истинные *звательные* падежи. Въ этихъ формахъ мы видимъ отпечатокъ чего то *недоконченнаго*, *недоконченнаго нарочно* и имѣющаго сейчасъ же окончиться, когда оно войдетъ въ *связную* мысль, — отпечатокъ чего то, если такъ можно выразиться, *interjectional'наго*, чего то, стоящаго еще въ *преддверіи* рѣчи, такъ какъ оно лишь *устанавливаетъ* собесѣдника, съ которымъ еще только *придется* завести рѣчь, когда онъ будетъ установленъ. Это небольшое уклоненіе пусть будетъ помѣщено здѣсь въ пополненіе изложеннаго на стр. 208 и 211, а теперь вернемся опять къ *очереднымъ* вопросамъ.

Какъ предлоги присоединяли къ себѣ разные падежи, и черезъ то достигались такіе или иные оттѣнки въ предлоговыхъ оборотахъ, такъ и признаковыя слова, принимающія къ себѣ по *одному* оттѣнку вещный падежъ, могутъ по какому нибудь *другому* оттѣнку дополняться совершенно иначе. Иногда даже трудно говорить объ *«оттѣнкахъ»*; часто это — просто разные *«мотивы»*, нисколько даже не *отражающіеся* на общемъ смыслѣ вызваннаго ими оборота.

Прежде всего относительно *простыхъ* признаковыхъ именъ нужно замѣтить, что представленіе *простиранія* легко замѣняется представленіемъ *«принадлежности»*, и тогда вмѣсто вещнаго простирательнаго наступаетъ всеобъемлющій *родовой* падежъ: *ἐπιστήμων ταῦτα* значить *«свѣдущій, причемъ свѣдѣнія его простираются на это»*, а *ἐπιστήμων τοῦτων* значить: *свѣдущій, причемъ свѣдѣнія его имѣютъ «отношеніе» къ этому*. Кромѣ того, изъ *ἐπιστήμων* могла быть *«извлечена»* *οὐσία*; тогда — то, *въ чемъ я — ἐπιστήμων*, есть *другая οὐσία*, и фраза могла быть сведена къ *«сопоставленію предмета съ предметомъ»*, т. е. могла перейти во фразу *ἐπιστήμων περὶ τοῦτων* или *περὶ ταῦτα*. Нечего говорить, что *ἐπιστήμων* можетъ *просто* свидѣтельствовать о томъ, что у того то *есть* свѣдѣнія,

безъ отношенія къ тому, чего эти свѣдѣнія касаются, и тогда, конечно, въ языкѣ не выступаетъ никакого дополненія.

Что касается глагольных признаковъ словъ, то и при нихъ, не говоря опять таки о томъ, что они могутъ остаться безъ всякаго дополненія, можно встрѣтиться какъ съ »извлеченіемъ« изъ дѣйствія τῆς οὐσίας, — и тогда появляются предлоговые обороты (ἀδικέω πρὸς τινα, ὑβρίζω εἰς τινα), такъ и съ замѣною представленія »объекта дѣйствія« представлениемъ простаго »отношенія« предмета къ дѣйствію, — и тогда наступаетъ вмѣсто вещнаго падежа родовой. Θαυμάζω, напр. (= съ удивленіемъ смотрю), встрѣчается и съ дополненіемъ ἀνδρείαν и съ дополненіемъ τῆς διανοίας τοῦτου (Lys. 3. 44). Намъ скажутъ, что въ Θαυμάζω τοῦτου τῆς διανοίας мы имѣемъ дѣло не съ собственнымъ родовымъ падежемъ, а съ удалительнымъ его отгѣнкомъ, и будутъ толковать нашъ примѣръ въ смыслѣ »я удивляюсь, отправляясь отъ чего то«. Отрицать ли намъ это а priori, или нѣтъ, этого мы еще не знаемъ, такъ какъ сами не имѣемъ пока надлежащаго понятія объ удалительномъ падежѣ въ греческомъ языкѣ. Во всякомъ случаѣ, латинскій языкъ, имѣющій особую ablativ'ную форму и не соединяющій этимологически Ablativ'a съ Genitiv'омъ, употребляетъ въ похожемъ на наше Θαυμάζω случаѣ именно родовой падежъ. Съ одной стороны встрѣчаемъ фразу ita sum animo affectus, ut non queam satis neque communem omnium nostrum condicionem neque huius eventum fortunamque miserari (Cic. Mur. 27. 55), а съ другой — audite, quaeso, iudices et aliquando miseremini sociorum (Cic. Verr. III. 28*). Такъ и греческое δλοφύρομαι встрѣчается то съ τοκέας (Thuc. 2. 44.), то съ Ἐκτορος (II. χ 169).**

*) Что здѣсь въ одномъ мѣстѣ — miserari, а въ другомъ — misereri, это не имѣетъ для нашего случая никакого значенія, какъ можно усмотрѣть изъ замѣтокъ, помѣщенныхъ въ словарь Forcellini sub voce misero.

**) Понятно, что какое нибудь Θαυμάζω, лишаясь transitiv'ности, т. е. права на вещный падежъ, не лишается черезъ это способности появляться въ passiv'ѣ (θαυμάζομαι = мнѣ удивляются). Вообще замѣчается, что появленіе passiv'a въ греческомъ языкѣ вовсе не обусловлено transitiv'ностью

Когда мы при θαυμάζω τινός замѣняемъ — формально вещный падежъ родовымъ, а внутренне — представленіе предмета, какъ объекта дѣйствія, представленіемъ простой принадлежности предмета къ дѣйствію, то мы, въ сущности, больше ничего не дѣлаемъ, какъ только игнорируемъ ту »полноту« распоряженія предметомъ, на которую указываетъ вещный падежъ. Но иногда отъ появленія при глагольных признаковыхъ словахъ родоваго падежа вмѣсто вещнаго получается такое впечатлѣніе, какъ будто выражено не простое игнорированіе »полноты распоряженія предметомъ«, а прямое отрицаніе этой полноты и указаніе на отгѣнокъ частичности. Сюда относятся мѣста: Ἐταροί λίσσοντο ἑλεσθαι τυρῶν ἀλνυμένους ἵεναι πόλιν (Od. ι 224); πάσσειν ἄλδος θείοιο (II. ι 214); μή πω τις λωτοίο φαγών νόστοιο λάθεται (Od. ι 102); ἄλεισον μετὰ χερσίν ἐνὼμα, ὄφρα πίσι οἶνοιο (Od. χ 10) и др. Такъ и по русски говорятъ дай воды, дай хлѣба. То же я вижу и въ мѣстѣ II. π 508: Γλαύκῳ αἰνὸν ἄχος γένετο φθογγῆς αἰὼντι (не весь звукъ доходитъ до его ушей), и сопоставляю данное мѣсто съ II. κ 531: πρῶτος κτύπον αἶεν, гдѣ весь κτύπος слышенъ. Фразеологически потомъ установилось, что, когда идетъ рѣчь о выслушиваніи звука, который вообще представляется теряющимся и ослабѣвающимъ въ воздухѣ, ставили родовой падежъ (ἀκούω τινός ἔδοντος, а то и просто ἀκούω τινός безъ всякаго глагольнаго признаковаго, такъ что не ἔδειν представлялось источникомъ звуковъ, а самъ τις), а вещный падежъ при ἀκούω получилъ такое значеніе, какое онъ получаетъ при λέγω. Λέγω αὐτόν значить: онъ является объектомъ моего

activ'a, и греческій языкъ въ этомъ отношеніи ясно отмѣтилъ у себя то, о чемъ мы говорили уже на стр. 372-3, т. е. что носитель πάθους, указаніе на котораго ведетъ часто къ passiv'ной формѣ, есть нѣчто совершенно другое, чѣмъ »вещь«, указаніе на которую ведетъ къ появленію вещнаго падежа, и что одно отъ другого совершенно не зависитъ. Извѣстно, напр., что ἄρχω по извѣстному мотиву, о которомъ рѣчь ниже, въ activ'ѣ всегда дополняется genitiv'ною формою, и въ тоже время появляется ἤρχομαι въ смыслѣ »я имъ управляю«, причемъ эти онѣ выставлены настоящими носителями тоῦ πάθους. Вотъ почему мы, заговоривъ въ статьѣ о залогахъ о passiv'ныхъ формахъ обращались такъ осторожно съ терминомъ »прямой переводъ«.

λέγειν (ὅπερ καὶ λέγω = что я въ данномъ случаѣ и раз-
умно = о чемъ въ данномъ случаѣ я и говорю; τοῦτ' ἄρ'
ἐκεῖνό ἐστι, ὅπερ καὶ ἔλεγον = объ этомъ была рѣчь). Такъ
и ἀκούομεν αὐτοὺς νικήσαντας имѣеть смыслъ: мы
слышимъ о нихъ, побѣдившихъ (νικήσαντας есть согла-
сующееся имя; ср. стр. 202) = мы слышимъ о нихъ, что
они побѣдили.

Спрашивается: та *частичность*, которую мы усматри-
ваемъ во всѣхъ этихъ примѣрахъ, составляетъ ли она непо-
средственную симасіологическую задачу родового падежа,
или же вытекаетъ только лишь изъ совершающагося въ нашей
мысли *противопоставленія* родового падежа вещному? Дру-
гими словами: въ *данномъ* родовомъ падежѣ имѣемъ ли мы
дѣло только съ *отрицаніемъ* «полноты распоряженія пред-
метомъ», или съ *частичностью*, какъ чѣмъ то положитель-
нымъ? Въ виду всего, что мы слышали о родовомъ падежѣ
и имѣемъ еще услышать, я рѣшалъ бы этотъ вопросъ
въ *первомъ* смыслѣ: что нибудь *положительное* родовымъ
падежемъ не выражено.

Вещный падежъ чередуется при глаголовыхъ призна-
ковыхъ словахъ и съ *личнымъ*. Κελεύω, какъ и латинское
jubeo, соединяется обыкновенно съ *вещнымъ* падежемъ, и *по-
лучающій* приказаніе представляется въ такомъ случаѣ *вещью*,
которою я, повелѣвающий, распоряжаюсь. Но это предста-
вленіе легко могло перейти въ другое (по русски *всегда* го-
ворять «повелѣваю кому»): на *получающаго* приказаніе
можно смотрѣть какъ на *помощника* мнѣ, повелѣвающему.
Такъ читаемъ у Омира: τὰ γέ δ' ἡ νοέοντι κελεύεις (Od.
ρ 193); ἀμφιπόλοισι κέλευε ἔργον ἐποίχεσθαι (Π. ζ 491);
ἀλλήλοισι κέλευον ἀπτεσθαι νῆδ' (Π. β 151). Во всѣхъ
этихъ примѣрахъ слово κελεύω получаетъ такой же смыслъ,
какой имѣеть слово ὀμολέω въ ὀμόκλεον ἀλλήλοισι
(Π. ο 658 = какъ бы, «приговаривали другъ другу» = по-
ощряли другъ друга) и κέλομαι въ πρόσω ἴεσθαι καὶ
ἀλλήλοισι κέλεσθαι (Π. μ 274). Вещный падежъ чере-
дуется съ *личнымъ* и при ποιέω. Ποιέω τινί τι значитъ:
дѣлать кому нибудь что нибудь, такъ чтобы этотъ кто-ни-

будь, какъ *лицо*, могъ такъ или иначе *отнестись* къ дѣлае-
мому мною, т. е. либо имъ воспользоваться, либо принять его
на себя какъ πάθος. Ποιέω τινά τι значитъ «*тракто-
вать* кого нибудь такъ или иначе». Сравни еще: λοιδορέω
τινά (Aristoph. Equ. 1271: λοιδορεῖσαι τοὺς πονηροὺς οὐ-
δέν ἐστι ἐπίφθονον) = ругать кого; λοιδοροῦμαι τινί
(Aristoph. Pl. 456: τί λοιδορεῖ ἡμῖν παρελθοῦς οὐδ' ὀτιοῦν
ἀδικουμένην) = наговорить кому дерзостей; ὠφελέω τινά
= поддерживать кого (нравственно); βοηθέω τινί = по-
магать кому и т. д.

Чередованіе вещнаго падежа съ *творительнымъ* видно
на ἀριθμόν и ἀριθμῷ, упомянутомъ на стр. 374 въ под-
строчномъ примѣчаніи. Также можно указать на ὕει. Пиндаръ
(Ol. 7. 50) говоритъ πολὺν ὕσε χρυσόν*) (дождь сыпалъ
золото), а у Иродота (1. 87) встрѣчаемъ ὕσαι ὕδατι
λαβροτάτῳ (какъ мы говоримъ «*посыпало градомъ*»).

О чередованіи или нечередованіи вещнаго съ *мѣстнымъ*
и удалительнымъ пока говорить рано. Перейдемъ къ *родо-
вому* падежу.

Родовой падежъ является родовымъ въ двухъ отноше-
ніяхъ. Впервыхъ замѣчается, что, хотя онъ и служить,
наравнѣ съ другими косвенными падежами, симасіологическимъ
дополненіемъ какъ глаголовыхъ признаковыхъ словъ, такъ и про-
стыхъ признаковыхъ именъ, хотя въ немъ, выражаясь иначе,
наравнѣ съ другими косвенными падежами обозначено «отно-
шеніе» извѣстной οὐσίας къ извѣстному признаку, но само
это отношеніе не имѣеть никакого *спеціального* оттѣнка
въ родѣ тѣхъ, какіе мы находимъ въ другихъ падежахъ. До
какого разнообразія доходитъ здѣсь языкъ, — разнообразія,
не поддающагося *рѣшительно* никакому другому объеди-
няющему опредѣленію кромѣ того, которое можно назвать
развѣ только простымъ *констатированіемъ* отношенія τῆς
οὐσίας къ признаку, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ:

*) Transitive понимание слова ὕειν могло отразиться и на пред-
метѣ, который *промокаетъ* отъ дождя или вообще *орошается* дождемъ (ὕει τῇ
θήρῃ; Herod. 4. 151).

ἐπιταχύνετον τῆς ὁδοῦ τοὺς σχολαίτερον προσιόντας (Thuc. 4. 47.) = *поторопите, по вопросу о пути, тѣхъ которые...*

Μαγνησία προσφέρει πεντήκοντα τάλαντα τοῦ ἐνι-αυτοῦ (Thuc. 1. 138.) = *имѣя въ виду годъ, она приноситъ...*

οὐδεὶς με ἠρώτηκε καὶνὸν οὐδὲν πολλῶν ἐτῶν (Plat. Georg. 448 a) = *считаясь съ большимъ числомъ лѣтъ, я могу сказать, что никто меня не спрашивалъ...*)*

ὦ μακάριοι σφω τῆς θαυμαστῆς φύσεως (Plat. Euthyd. 303 c) = *счастливыя, если принять во вниманіе характеръ...*

αὐτὸς ἀντίον ἰξεν Ὀδυσσεὺς θείοιο τοίχου τοῦ ἐτέρου (II. ι 218) = *сидѣлъ, избравъ для этого другую стѣну. Θέειν πεδίοιο (II. ζ 507) = бѣжать, причемъ къ означенному въ словѣ «бѣжать» движению приводится въ отношеніе равнина. Однороднымъ съ Θέειν πεδίοιο является извѣстное πρήσσειν ὁδοῖο (Od. γ 476, ο 47, 219, II. ω 264).*

τὸν ἄνδρ' ἐπαυδῶ τοῦτον, ὅστις ἐστί, γῆς τῆςδε μὴ εἰσδέχεσθαι (Soph. Oed. r. 236) = *не принимать, поскольку это касается этой земли.*

ἵππος ἦν κακουγῆ, τὸν ἵππον κακίζομεν τῆς δὲ γυναικός, εἰ κακοποιεῖ, ἴσως δικαίως ἂν ἡ γυνὴ τὴν αἰτίαν ἔχοι (Xen. Oec. 3. 11) = *что же касается женщины...* Въ этомъ примѣрѣ не подберешь даже слова, отъ котораго бы «зависѣлъ» падежъ γυναικός; къ нему относится скорѣе цѣлая мысль, выраженная нѣсколькими словами, и по вопросу о зависимости его отъ признака нужно бы повторить то же, что мы сказали объ этическомъ личномъ на стр. 367.

Увеличивать число этихъ примѣровъ нечего. Изъ нихъ видно, что совершенно неосновательна была бы попытка отыскивать какое нибудь положительное значеніе родового

*) Особенно при отрицаніяхъ греческій языкъ любитъ ставить родовые падежи тѣхъ οὐδῶν, которыя обозначаютъ пространство времени: οὐ μαχέται δέκα ἡμερῶν = не завяжетъ сраженія въ продолженіи десяти дней.

падежа*), и что та *частичность*, о которой мы разсуждали по поводу родового падежа на стр. 380, есть *дѣйствительно* нѣчто, что не заключается въ самомъ родовомъ падежѣ, а вытекаетъ лишь изъ противопоставленія ему падежа *вещнаго*.

Но родовый падежъ оказывается «родовымъ» и въ томъ отношеніи, что онъ «зависитъ» не только отъ признаковыхъ словъ, но и отъ именъ *существительныхъ*. Входя въ зависимость отъ именъ *существительныхъ*, онъ, такимъ образомъ, пригоденъ для «сопоставленія предмета съ предметомъ» и исполняетъ *одинъ*, онять такъ *генически*, то, что въ другихъ случаяхъ, согласно такому или иному *специальному* отбѣнку «сопоставленія», выражается такимъ или инымъ *предлоговымъ оборотомъ*. Въ этомъ отношеніи родовый падежъ является, такъ сказать, преддверьемъ къ тѣмъ *composit'amъ*, которыя составлены не изъ предлоговъ и онома-риматическихъ темъ, а исключительно изъ послѣднихъ. Мы имѣемъ въ виду такія *composit'a*, какъ напр. *δορυγείων, ἡμεροδρόμος, δημοουργός, τεichoμαχία* и т. п.

Обыкновенно различаютъ четыре отбѣнка въ родовомъ падежѣ, когда онъ зависитъ отъ имени *существительнаго*: 1. genitivus possessivus (οἱ Μένωνος; οἱ есть здѣсь *формальное* имя *существительное*); 2. genitivus subjectivus и objectivus (εὐνοία Ἀθηναίων = *расположеніе, оказываемое Афинянамъ, или расположеніе, оказываемое Афинянами*); 3. genitivus quantitatis и materiae (ἄλλος δένδρων, στέφανος θαλλοῦ, στατήρ χρυσοῦ); 4. genitivus partitivus (νεανίσκοι τῶν ἱππέων).

Въ сущности всѣ эти genitiv'y — *possessiv'ные*, т. е. всѣ они обозначаютъ такую или иную *принадлежность* одной οὐσία къ другой, такъ что *первый* терминъ является указывающимъ на нѣчто *общее*, а остальные три указываютъ на

*) Напрасно жалуется Дельбрюкъ (Grundr. III. 181), dass die Lehren der indischen Grammatik den Genitiv nur negativ definieren. Дельбрюкъ сознаетъ, что нынѣшняя грамматика не въ состояніи einen einheitlichen Grundbegriff für den Casus aufzustellen; мы же находимъ, что въ этомъ «отрицательномъ» опредѣленіи родового падежа и заключается то Einheitliche, котораго ищетъ Дельбрюкъ.

частности этого «общаго», — на частности, бросившіяся только случайно въ глаза: въ терминѣ *genitivus partitivus* указывается на логическую принадлежность одной *οὐσία* къ другой (на вхождение логическаго объема одной *οὐσία* въ логическій объемъ другой); термины *genitivus subjectivus* и *objectivus* созданы на чисто синтаксической почвѣ и вышли изъ превращенія въ глаголы тѣхъ именъ существительныхъ, отъ которыхъ «зависитъ» родовой падежъ; терминъ *genitivus quantitatis* основанъ на сенсуальной сторонѣ значенія того существительнаго, которое дополняется родовымъ падежемъ (вѣсь, счетъ, количество), а терминъ *genitivus materiae*, хотя его обыкновенно группируютъ съ *genitivus quantitatis* въ одно, однако представляетъ собою нѣчто совершенно особое и основанъ на сенсуальной сторонѣ отношенія обоихъ существительныхъ, какъ дополняющаго, такъ и дополняемаго (вѣнокъ и вѣточка; отношеніе вѣнка и вѣточки такое, что вѣнокъ *сдѣланъ* изъ вѣточки). А можетъ быть, и *genitivus possessivus* указываетъ на нѣчто частное? — можетъ быть, имъ хотятъ указать на то, что *οὐσία*, обозначенная въ томъ существительномъ, отъ котораго «зависитъ» родовой падежъ, составляетъ *собственность* другой *οὐσία*? Въ такомъ случаѣ и этотъ терминъ основанъ на сенсуальной сторонѣ отношенія обоихъ существительныхъ. Не слѣдуетъ ли тогда все перевести на сенсуальную сторону отношеній между дополняющимъ и дополняемымъ существительными? Это было бы самое правильное *principium divisionis* (его мы вообще держались при опредѣленіи значеній падежей), но какъ же потомъ произвести по этому *principium* самую *divisionem*? И куда мы дѣнемся съ явлениями *Τροίης πτολίεθρον*, *χρῆμα σὺός*, или съ такимъ примѣромъ, какъ *αἱ ταφαὶ εἰσι εἰσόντι ἀριστερῆς χειρὸς* (Herod. 2. 169)? Не лучше ли просто сказать, что *οἱ* такъ или иначе принадлежатъ Менону, что *εὐνοια* такъ или иначе принадлежитъ Аѳинянамъ, что *ἄλλος*, *στέφανος*, *στατήρ* и *νεανίσκοι* такъ или иначе принадлежатъ роцѣ, вѣточкѣ, золоту и всадникамъ, что *πτολίεθρον*, *χρῆμα*, *ταφαὶ* такъ или иначе принадлежатъ Троѣ, свинѣ и правой рукѣ?

Не объявить ли *всѣ* эти *genitivus* за *possessivus*ные, — за *possessivus*ные въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, въ смыслѣ указанія на то, что нѣчто одно «относится» къ чему то другому, а какъ оно относится, — это оставить безъ отвѣта, т. е. искать единство значенія родоваго падежа опять таки въ отрицательной сторонѣ и признать его, этотъ родовой падежъ, именно въ этомъ смыслѣ «родовымъ».

Такъ какъ для появленія въ рѣчи родоваго падежа достаточно простаго игнорированія тѣхъ специальныхъ отгѣнковъ, которые могли бы быть выражены черезъ другіе падежи или черезъ предлоговые обороты, то нечего задумываться надъ чередованіемъ родоваго падежа съ разными предловыми оборотами и со *всѣми* падежами. Чередованіе родоваго падежа съ предловыми оборотами имѣетъ мѣсто прежде всего тамъ, гдѣ родовой падежъ зависитъ отъ имени существительнаго, т. е. гдѣ непременно уже идетъ рѣчь о сопоставленіи предмета съ предметомъ: вмѣсто *νεανίσκοι τῶν ἱππέων* можно сказать «*νεανίσκοι ἐκ τῶν ἱππέων*», вмѣсто *εὐνοια Ἀθηναίων* встрѣчаемъ «*εὐνοια παρ' Ἀθηναίων*», а то и «*εὐνοια πρὸς Ἀθηναίους*» и т. д. Да и не только съ предловыми оборотами можетъ чередоваться такой родовой падежъ, но также и съ тѣмъ личнымъ падежемъ, который «подчиняетъ вещь лицу» (см. выше стр. 368): вмѣсто *εὐχόμενα τοῖς ἀγαθοῖς* даже чаще употребляется *εὐχόμενα τῶν ἀγαθῶν*. Что же касается родоваго падежа, зависящаго отъ признаковъ словъ, то чередованіе его съ предловыми оборотами можно выяснитъ на «*ἐντιμός πρὸς θεῶν*» вмѣсто Софокловскаго *ἐντιμός θεῶν* (ср. стр. 371), о чередованіи его съ *вещнымъ* падежемъ мы уже говорили выше (стр. 377), *личный* падежъ рядомъ съ родовымъ мы видимъ напр. при словѣ *ἐταῖρος* (*ἐταῖρός τινος* и *ἐταῖρός τινι*; сопоставь *ἐταρίζω τινί* П. ω 335), а *творительный* рядомъ съ родовымъ встрѣчается напр. при словѣ *πλήρης* (*τὸ φρόνιμον καὶ ἀρετῆς πλήρες* — Plat. leg. 897 b — и *μιγάσιν Ἑλλήσι βαρβάροις δ' ὁμοῦ πλήρεις ἔχουσα πόλεις* — Eur. Bacch. 18). И хотя мы мѣстнаго падежа еще

не окончили, тѣмъ не менѣе нечего откладывать указаніе на родовой *οἰκίας* въ смыслѣ *мѣстнаго* падежа, а что касается, наконецъ, *удалительнаго* падежа, то родовой падежъ принимаетъ даже всю его функцію на себя.

Объ удалительномъ падежѣ мы предположили, что онъ первоначально указывалъ на этическую область, отъ которой отправляется дѣйствіе. Затѣмъ мы его встрѣтили при предлогахъ, которымъ онъ, «огрубѣвъ», «помогаетъ въ обозначеніи удаленія предмета отъ предмета» (смотри объ этомъ стр. 268). Спрашивается: въ состояніи ли онъ *самъ* обозначать удаление? Ставя этотъ вопросъ, мы имѣемъ въ виду прежде всего рѣшить, можетъ ли удалительный падежъ *безъ помощи* предлоговъ указывать на удаление предмета отъ предмета, подобно тому какъ *мѣстный* падежъ, *безъ помощи* предлоговъ (сравни *τὰ Μαραθῶνι τροπαία* стр. 358), былъ способенъ указывать на нахождение предмета въ предметѣ? Отвѣтъ получается *отрицательный*: самъ удалительный падежъ въ именахъ существительныхъ этимологически не обособленъ, какъ обособленъ въ нихъ хоть до *нѣкоторой степени* падежъ *мѣстный*, а какое нибудь *τὰ Ἰλίου τείχεα* мы можемъ толковать всегда лишь въ смыслѣ *родоваго*, и никогда не въ смыслѣ *удалительнаго* падежа.

Удалительный падежъ, неспособный *самъ*, *безъ* предлоговъ, указывать на удаление предмета отъ предмета, въ то же время, однако, способенъ на такое явленіе, какъ *βάλεν μιν ἰφ τείχεος ὑψηλοῖο* (II. β 511). Хотя въ данномъ примѣрѣ удалительный падежъ и зависитъ отъ признаковаго слова, что ему, въ качествѣ *простаго* падежа, вполне приличествуетъ, но всякій видитъ, что имъ въ сущности выражено здѣсь не больше, чѣмъ *могло быть выражено* формою на *θεν*, которая, конечно, обозначая «просторъ, откуда исходитъ дѣйствіе», имѣла мѣсто *прежде всего* возлѣ *признаковыхъ* словъ, какъ и само дѣйствіе, предполагая «дѣятеля», является *признакомъ* этого дѣятеля. Такимъ образомъ, въ *βάλεν μιν τείχεος ὑψηλοῖο* удалительный падежъ выказалъ лишь способность вытѣснить форму на *θεν*, и нельзя сказать, чтобы далеко ушелъ въ «огру-

бѣннѣ значенія отъ *мѣстнаго* падежа, который и до своего *τὰ Μαραθῶνι τροπαία*, т. е. и до своей зависимости отъ именъ *существительныхъ*, дошелъ только благодаря своей способности вытѣснять формы на *θεν* или, какъ мы выражаемся, благодаря своему *просторовому* значенію (ср. стр. 272 и 359).

Нѣтъ сомнѣнія, что аналогія, которая только что получилась между мѣстнымъ и удалительнымъ падежами относительно «огрубѣнія» въ ихъ значеніи, есть только *кажущаяся*. На дѣлѣ между обоими падежами — *громадная* разница. Уже то обстоятельство, что удалительный падежъ, хотя бы и съ своимъ «огрубѣвшимъ», т. е. *просторовымъ* значеніемъ на вопросъ *откуда*, не можетъ зависѣть отъ имени существительнаго, сильно отодвигаетъ удалительный падежъ отъ *мѣстнаго* и придвигаетъ его къ *другимъ* косвеннымъ падежамъ. Но кромѣ того есть еще два соображенія, которыя уничтожаютъ *всякую* мысль о какомъ бы то ни было сближеніи мѣстнаго падежа съ удалительнымъ.

Вопервыхъ, «огрубѣвшее» *просторовое* значеніе продержалось въ удалительномъ падежѣ недолго. Приведенное выше *βάλεν μιν ἰφ τείχεος ὑψηλοῖο* составляетъ и у Омира рѣдкость, а въ аттической прозѣ подавно должно быть замѣнено предлоговымъ оборотомъ,*) гдѣ уже разсужденіе объ «огрубѣвшемъ» *просторовомъ* значеніи не имѣетъ *мѣста*, если только самъ *простой*, т. е. не съ *предлогами* встрѣчающійся удалительный падежъ развилъ еще какіе нибудь *другіе* симасіологическіе оттѣнки *помимо* простороваго.**)

*) Подъ «предлоговые обороты» я подвожу въ данномъ случаѣ и явленія въ родѣ *ἐξ ἡλας ὁδόντας γυαθμῶν* и т. п.; ибо, хотя *ἐξ* попало въ сопоситумъ, но падежъ *γυαθμῶν* находится подъ его *непосредственнымъ* вліяніемъ (сравни выше стр. 324).

**) Если бы мы при такомъ условіи захотѣли усматривать «огрубѣвшее» просторовое значеніе и въ *предлоговыхъ* съ удалительнымъ падежемъ оборотахъ, то что же тогда мѣшало въ какомъ-нибудь *εἰς γῆν* усматривать *тоже* «огрубѣвшее» *просторовое* значеніе, — а именно «огрубѣвшее» просторовое значеніе на вопросъ *куда*? Но какъ о чемъ нибудь подобномъ не пришлось говорить въ какомъ бы то ни было предлоговомъ съ *вещнымъ* падежемъ оборотѣ, а *всегда* въ такихъ оборотахъ *вещный* падежъ шелъ на-

у Омира, но и въ аттическомъ языкѣ мы находимъ частые примѣры на зависимость его, въ его *огрубѣвшемъ* значеніи, какъ отъ имени существительнаго, такъ и отъ признаковаго: »Τὰ Μαραθῶνι τροπαῖα« взято изъ Платона, στήλας δὲ στήσαι Ὀλυμπίασι καὶ Πυθοῖ καὶ Ἰσθμῷ καὶ Ἀθήναις« сказано у Фукидида (5. 18), »ἢ δὲ οἴχοι πόλις πλέον δίκῃ σέβοιτο ἄν« встрѣчается у Софокла (Oed. C. 759) и т. д. Конечно, просторовое значеніе формъ на *θι-θεν-δε* вообще перенимали *предлоговые* обороты (ср. стр. 248); просторовое значеніе формы на *θι* въ частности перенялъ предлоговый оборотъ съ *ἐν*. Такимъ образомъ, наши мѣстные падежи съ »огрубѣвшимъ« просторовымъ значеніемъ вполнѣ равняются предловымъ оборотамъ съ *ἐν*. Они на дѣлѣ и чередуются постоянно съ этими предловыми оборотами, а что предлоговые обороты не могли ихъ вытѣснить, этимъ они обязаны именно этимологической обособленности *нѣкоторыхъ* своихъ формъ. Разъ имѣлась въ языкѣ форма Ἰσθμοῖ рядомъ съ Ἰσθμῷ, то выраженіе ἐν Ἰσθμῷ представлялось возникшимъ въ языкѣ и на дѣлѣ и возникло и вошло въ языкъ, такъ сказать, совершенно другою дорогою, чѣмъ возникло и вошло въ языкъ Ἰσθμοῖ съ своимъ просторовымъ значеніемъ. И такъ какъ оба они вошли въ языкъ съ двухъ совершенно *противоположныхъ* сторонъ, то и встрѣтились вполнѣ *упрочен-*

встрѣчу предлогамъ своимъ *общимъ* значеніемъ (напр. въ выраженіе εἰς οὐρανόν, если оно вообще чувствовалось въ просторовомъ значеніи, т. е. если оно вообще замѣняло собою форму οὐρανόςδε, это просторовое значеніе было внесено самимъ предлогомъ εἰς, а не *вещнымъ* падежемъ, и было внесено во весь предлоговый оборотъ, а не въ *вещный* падежъ), такъ не придется говорить о чемъ нибудь подобномъ и въ предловыхъ съ *удалительнымъ* падежемъ оборотахъ, если — повторяемъ — удалительный падежъ *самъ по себѣ* дѣйствительно *развилъ* какіе нибудь другіе сямасіологическіе отгѣнки *кромѣ* простороваго. Да и самый просторовый отгѣнокъ въ βάλεν μιν τεῖχος ῥηλοῖο, засвидѣтельствованный нами какъ явленіе исключительное, нужно ли въ такомъ случаѣ особенно *подчеркивать* какъ отдѣльный моментъ въ развитіи значенія удалительнаго падежа? Если удалительный падежъ *развилъ* другіе сямасіологическіе отгѣнки, то не обстоитъ ли дѣло съ просторовымъ значеніемъ нашего примѣра приблизительно такъ, какъ оно об. тояло съ какимъ нибудь *ἐναι Троаῖν* на стр. 258? Какъ тамъ мы ни о какомъ просторовомъ значеніи не думали, такъ, быть можетъ, не слѣдуетъ думать о немъ и здѣсь.

ными и *не желавшими* уступить другъ другу господство въ языкѣ. Затѣмъ, разъ Ἰσθμοῖ и οἴχοι и т. п. удерживали за собою право обозначать то же самое, что обозначаетъ ἐν οἴκῳ и ἐν Ἰσθμῷ, то за ними пошли и *обыкновенныя* *δοτικαί*, не нуждаясь даже въ сознаніи, что нѣкоторыя изъ нихъ первоначально и *были*, собственно, мѣстными падежами: и слова Ἰσθμῷ, Ἐλευσίνι, Ραμνοῦντι, Δελφοῖς, Πλαταιαῖς держатся *огрубѣшаго* простороваго значенія словъ οἴχοι, Ὀλυμπίασι и т. д.

Вовторыхъ, мѣстный падежъ *кромѣ »огрубѣшаго« простороваго значенія ничего въ себѣ не развилъ**) (если не считать того *temporal'наго* значенія, которое замѣчается въ τῇδε τῇ νυκτί, τῇ δὲ ὑστεραίᾳ, ἐκείνῃ τῇ ἡμέρᾳ, Παναθηναίοις, Διονυσίοις и т. п.**), тогда какъ удалительный падежъ *развилъ* въ себѣ другіе, довольно крупныя сямасіологическіе отгѣнки.

Болѣе крупныя сямасіологическіе отгѣнки удалительнаго падежа суть:

Удалительный падежъ при сравнительныхъ степеняхъ и вообще при признаковыхъ словахъ, обозначающихъ *стоять выше или ниже* *другого*. Такъ, по гречески говорятъ κρείττων ἐστὶ σοῦ (по сербски »онъ је јачи од тебе« = онъ — сильнѣе *отъ* тебя), ἡττᾷται σοῦ (Thuc. 4. 37) и т. д.

*) Въ примѣрахъ ἐπὶ δὲ Βορέῃ ἀνέμῳ ἀκραίῃ καλῶ (Od. 5. 253) и ἐπὶ δὲ Βορέῃ ἀνέμῳ αὐτῆμερον νῆς ἐξάνυσεν ἐκ τῆς ὑστεράς εἰς τὴν ἡμετέραν (Herod. 6. 139) мы усматриваемъ *творительный* падежъ. Выраженія τῷ δὲ κακῇ αἰῶνι τέκον ἐν μευρόσιν (Π. α 418) и извѣстное ἀγασθῇ τὴν χη заключаютъ въ себѣ или *личныя*, или *творительныя* падежи.

**) Мы можемъ его не считать, во первыхъ, потому, что съ точки зрѣнія языковыхъ средствъ *temporal'ное* значеніе вообще не представляетъ собою, какъ на то уже указывалось (сравни особенно стр. 230.), ничего *отличнаго* отъ *local'наго*, а вовторыхъ и потому, что мы даже не знаемъ, не представляютъ ли Διονυσίοις и прочее — *творительный* падежъ, какъ это выяснено на стр. 357. по поводу выраженія Θεομοφορίοις. Если рядомъ съ τῇδε τῇ νυκτί говорятъ ἐν νυκτί, и въ ἐν νυκτί заключается несомнѣнно *мѣстный* падежъ, то это не мѣшаетъ слову νυκτί въ *первомъ* оборотѣ быть *творительнымъ* падежемъ: »этою ночью« есть одно, а »въ ночи« — *другое* (первое рисуетъ картину *причинности* = благодаря ночи нѣчто случилось, второе же — картину *помощи* чѣго нибудь въ чемъ нибудь), хотя въ *результатѣ*, т. е. для общей мысли, получается отъ того и отъ другого нѣчто совершенно одинаковое.

Zierner (indogerm. Compar. 5) совершенно правильно борется съ мнѣніемъ, будто латинская ablativ'ная форма, встрѣчающаяся при сравнительныхъ степеняхъ, есть instrumentalis; онъ всѣмъ своимъ сочиненіемъ какъ нельзя тверже обосновываетъ положеніе, что падежъ *сравнительной* степени есть *удалительный* падежъ. На стр. 8. своей книги онъ указываетъ на «отдѣленіе» какъ на нѣчто такое, что въ *данномъ* случаѣ выражено самимъ *падежемъ*. При этомъ онъ разумѣетъ не отдѣленіе «предмета отъ предмета» (такое «отдѣленіе» вызвало бы появленіе *предлога*, какъ мы его и *видимъ* въ сербскомъ языкѣ, который *дѣйствительно* свелъ оборотъ при сравнительной степени къ представленію *удаленія одного изъ сравниваемыхъ предметовъ отъ другого*: я отъ тебя удаленъ тѣмъ, что я сильнѣе), а отдѣленіе *признака*, который «въ *неравной* степени долженъ быть *отвлеченъ* отъ сравниваемого предмета и долженъ быть мыслимъ какъ *отличный* отъ признака *последняго*» (es kann dieser Casus derjenige sein, welcher sonst die Trennung bezeichnet und im Vergleichungssatze angiebt, dass die Eigenschaft ungleichen Grades astrahiert werden muss *weg* von dem verglichenen Gegenstande, dass sie gedacht wird im Unterschied von derselben). Мы бы сказали, придерживаясь, какъ основнаго, того *этического* значенія, въ силу котораго удалительный падежъ указывалъ на выраженное въ немъ какъ на точку *отправленія* для *дѣйствія*, — мы сказали бы, что напр. *πρεσβύτερος εἰμι σοῦ πέντε ἔτεσι* значить: для того, чтобы моя старость оказалась *больше*, для того, чтобы она получила извѣстный *ростъ*, нужно этому росту отправиться отъ *тебя*, какъ начала своего развитія, причемъ *ростъ* этотъ (т. е. *предѣлы* его развитія) опредѣляется (= «созидается», какъ мы выражались, опредѣляя значеніе творительнаго падежа) *пятью годами*.*) Такъ и Фукидидов-

*) Къ оборотамъ сравнительныхъ степеней любятъ присоединять выраженіе *ἀρχῇ τινός* въ смыслѣ *я начинаю надъ кѣмъ* (слово *начальствующую* уравниваютъ съ фразою *я выше стою*). Это, по моему мнѣнію, неправильно. Въ указанномъ выраженіи падежъ *τινός* долженъ же быть одинаковъ съ падежемъ *того же* выраженія, когда оно имѣетъ значеніе *я начинаю что-нибудь* (въ смыслѣ *я первый что-нибудь дѣлаю*), а въ последнемъ случаѣ это,

ское *ἀξιολογώτατός ἐστι πάντων τῶν προγεγενημένων πολέμων* (удалительный падежъ, какъ извѣстно, можетъ встрѣтиться и при *превосходной* степени) я толкую: Пелопоннесская война — самая замѣчательная, причемъ *точкою* *отправленія* для измѣренія *высоты* этой замѣчательности ея служатъ всѣ *прежде* бывшія войны. Вносить въ толкованіе нашихъ примѣровъ «отдѣленіе» (Trennung) я несогласенъ потому, что «отдѣленіе» предполагаетъ предварительное *соединеніе*, а тутъ ни о какомъ предварительномъ *соединеніи* не можетъ быть и рѣчи; кромѣ того, если какое нибудь *sejunctio* (= отдѣляю) или *discrepo* (Zierner вноситъ въ толкованіе нашего удалительнаго и слово *Unterschied*) соединяются съ удалительнымъ падежемъ, то это не даетъ намъ еще никакого права утверждать (это — *постоянная* ошибка нашихъ синтаксистовъ при опредѣленіи значенія падежей), что эта *sejunctio* или *discrepantia* выражена въ *самомъ* удалительномъ падежѣ.

На второмъ мѣстѣ мы поставимъ выраженія *ἐρημός τινος, ἐλεύθερός τινος, γυμνός τῶν ὀπλῶν* и т. п. Не есть ли здѣсь «*τινός*» *родовой* падежъ? Въ этомъ вопросѣ нельзя найти ничего страннаго: «я свободенъ *относительно* чего нибудь» представляется фразою, вполне способною передать то, что мы чувствуемъ при произношеніи оборота *ἐλεύθερός εἰμι τινος*, развѣ что мы не знали бы, свободенъ ли я «*относительно*» чего нибудь въ томъ смыслѣ, что я *могу* этимъ заняться, или въ томъ, что мнѣ *не придется* больше этимъ заниматься. Но такія недоумѣнія возникаютъ часто и исчезаютъ только потому, что мы *привыкаемъ* за данною фразою считать только *одно*, а не *другое* значеніе. Что значить *помочь бѣдѣ*? — помочь ей, чтобы она *осуществилась*, или, чтобы ея *не было*?*) Все это, впро-

несомнѣнно, *собственный* *родовой* падежъ. Оба эти значенія имѣютъ свой *симасіологическій* центръ въ выраженіи «я полагаю *начало* по отношенію къ *кому нибудь* (= *начальствую*), или по отношенію къ *чему нибудь* (= *я первый что нибудь дѣлаю* = *я начинаю дѣлать*, чтобы другой продолжалъ; если *я начинаю* и самъ же *продолжаю*, т. е. если *я начинаю что нибудь для себя*, то грекъ говорить — это вполне понятно — «*ἀρχομαι τινος*»).

*) Что значить «*для скуки*»? Значить ли это, «чтобы *разогнать* скуку», или «чтобы ее *напастъ*»?

чемъ, — напрасныя разсужденія. Что въ *ἐλευθερός τις* мы имѣемъ дѣло именно съ удалительнымъ падежемъ, а не съ собственнымъ родовымъ, доказываетъ чередованіе этого оборота съ выраженіемъ *ἐλευθεροὶ ἀπ' ἀλλήλων εἰσὶ*, (Plat. leg. 832), причемъ внесеніе въ текстъ предлога *ἀπὸ*, соединеннаго съ несомнѣннымъ удалительнымъ падежемъ, ни на волосъ не поколебало того общаго представленія, которое было нарисовано простымъ *ἐλευθερός τις*.*) Какъ же намъ опредѣлить это общее представленіе? Сопоставивъ удалительный падежъ нашихъ выраженій съ самимъ тѣмъ родовымъ падежемъ, о возможности принять который въ эти выраженія только что была рѣчь, мы должны сказать, что, если родовой падежъ указываетъ на связь предмета съ тѣмъ признакомъ, послѣ котораго родовой падежъ появился въ рѣчи, то удалительный падежъ указываетъ на отсутствіе этой связи. Если же сопоставимъ удалительный настоящихъ выраженій съ удалительнымъ послѣ сравнительныхъ степеней, то выходитъ, что въ послѣднемъ представленъ признакъ только *отправляющимся* и *удаляющимся* отъ предмета, — собственно (въ виду только что приведеннаго сопоставленія съ родовымъ падежемъ), удаляющагося отъ отношенія къ предмету, — для того чтобы онъ самъ, т. е. этотъ признакъ, могъ осуществиться, а въ первомъ — признакъ представленъ удаленнымъ отъ отношенія къ предмету, т. е. не имѣющимъ съ нимъ никакой связи. Для того, чтобы и здѣсь представленъ былъ признакъ удаляющимся, нужно бы превратить — *γυμνός τις* въ *γυμνὸς τινά*, *ἐλευθερός τις* въ *ἐλευθερὸς τινά* и т. д., и тогда разница между этими выраженіями и удалительнымъ послѣ сравнительной степени будетъ заключаться только въ степени и характерѣ образности

*) Я хочу указать въ чередованіи фразы *ἐλευθερός τις* съ фразой *ἐλευθεροὶ ἀπὸ* на то, на что можно указать и въ чередованіи чешскаго *prost všeho* (= свободенъ отъ всего) и *prost ode všeho* (въ русскомъ языкѣ трудно подобрать примѣръ). Поставленъ ли въ приведенномъ примѣрѣ предлогъ *отъ*, или не поставленъ, картина въ томъ и другомъ случаѣ нарисована одна. Это не то, съ чѣмъ пришлось имѣть дѣло на стр. 389. при чередованіи выраженія *ταύτῃ τῇ νυκτί* съ выраженіемъ *ἐν νυκτί*.

самого удаленія, — въ степени и характерѣ образности, зависящей не столько отъ симасіологіи удалительнаго падежа, сколько скорѣе отъ значенія тѣхъ признаковъ словъ, которыя вызываютъ его появленіе въ рѣчи.

Да, удаленіе признака отъ отношенія къ предмету, для того чтобы самому можно было осуществиться, — вотъ симасіологическій центръ, на которомъ остановился удалительный падежъ послѣ того, какъ его *этическое* значеніе отошло въ симасіологію такъ называемыхъ «нарѣчій» (*καλῶς* и т. д. не считаются уже именами существительными). Въ этомъ смыслѣ можно считать признаками и *предлоги*, дополняющіеся удалительнымъ падежемъ (сравни выше стр. 355.), и если иногда и самъ предлогъ обозначаетъ удаленіе, — положимъ, съ нѣкоторымъ еще *добавочнымъ* отгѣнкомъ (*ἐξ* — удаленіе *изнутри* и т. д.), и если, такимъ образомъ, предлогъ въ мѣстѣ съ удалительнымъ падежемъ указываютъ на «удаленіе удаленія» отъ предмета, то это — явленіе, совершенно похожее на тотъ внутренній объектъ дѣйствія (стр. 372.), который ведетъ къ выраженіямъ *шутить шутку*, *пóлемон поλεμεῖν* и т. д.*) Такъ иногда и *настоящіе* признаковыя слова (напр. *καλῶς τις*, или даже *καλῶς ἀπὸ σοῦ*; см. Хеп. Сугор. I. 3. 11.) сами указываютъ на удаленіе.

Это удаленіе признака отъ отношенія къ предмету, конечно, не можетъ сравняться по тонкости съ самимъ *этическимъ* значеніемъ, но и не представляетъ собою того огрубѣнія, какимъ было *просторовое* значеніе. Что «удаленіе отъ отношенія», предполагающее «нахожденіе въ отношеніи» или «въ связи», иногда доходитъ до непризнаванія *когда бы то ни было* связи съ предметомъ, доказываютъ выраженія *ἀμελέω* *τινος*, *ἀμαρτάνω* *τινός*, *ἐνδεής* *εἰμί* *τινος* и др., составляющія полную противоположность выраженіямъ *ἐπιμέλομαι* *τινος*, *στοχάζομαι* *τινος*, *μεσότης* *εἰμί* *τινος* и т. д., въ которыхъ на эту связь

*) Какъ *пóлемон поλεμεῖν* нужно понимать въ смыслѣ *пóлемон ποιεῖν*, такъ и въ нашемъ выраженіи «удаленіе удаленія» идетъ рѣчь о совершеніи удаленія.

указывается, и въ которыхъ *τινος* представляет собою *родовой* падежъ. Впрочемъ, на *ἀμαρτάνῳ τινός* и пр. можно взглянуть и такъ, что они, какъ *отрицанія* выражений *τυγχάνῳ τινός*, должны соединяться съ *тѣмъ же* падежемъ, съ какимъ соединяются *положительныя* выражения, т. е. съ *родовымъ* (какъ *ποιέω* дополняется съ вещнымъ, такъ и *οὐ ποίεω*); такъ и *φεύγῳ* дополнялось съ вещнымъ наравнѣ съ *διώκῳ* (сравни выше стр. 370.).

Какъ могъ *родовой* падежъ принять функцію удалительнаго падежа *на себя*, — это становится понятнымъ изъ всѣхъ замѣчаній объ *отношеніи* одного падежа къ другому, на которыя приходилось наталкиваться въ самомъ разборѣ *примпровъ* на удалительный падежъ. Къ этимъ замѣчаніямъ мы прибавимъ еще одно. *Εἰμί τινος* обозначаетъ »я есмь принадлежность чья нибудь«, и слово *τινος* есть *родовой* падежъ. *Γίγνομαι τινος* значитъ »я становлюсь принадлежностью чьей нибудь«; но стоитъ въ какомъ нибудь *Δαρείου καὶ Παρυσάτιδος γίγνομται παῖδες* представить *παῖδας* въ положеніи *самостоятельномъ*, стоитъ представить ихъ, такъ сказать, *равноправными* съ Даріемъ и Парисатидою, какъ сейчасъ почувствуются *Δαρείου καὶ Παρυσάτιδος* въ *удалительномъ* падежѣ, какъ указатель лицъ, *отъ* которыхъ исходятъ *παῖδες*.

Изъ всего видно, что удалительный падежъ есть *настоящій, крупный* падежъ, и что съ нимъ и сравниваться нельзя падежу *мѣстному*, который, потерявъ *первоначальное* значеніе, развилъ *дѣйствительно* »огрубѣвшее«, и *сильно* огрубѣвшее *просторовое* значеніе, и при этомъ *просторовомъ* значеніи еле *удерживается* въ такомъ сосѣдствѣ, какое ему доставляетъ *предлоговый* оборотъ *ἐν τινι*. *Настоящее* его мѣсто — при *предлогахъ*, которые его *просторовымъ* значеніемъ пользуют для *нарисованія* картины *близости* и *непосредственной прикосновенности* одного предмета къ другому.

Мы говоримъ, что *мѣстный* падежъ, когда онъ не стоитъ возлѣ *предлога*, т. е. когда не попадаетъ въ *предлоговый*

оборотъ, сохраняется въ положеніи *неустойчиваго равновѣсія*. Его держитъ, какъ уже сказано, его *этимологическая обособленность*. Однако, и эта *этимологическая обособленность* должна же была въ свою очередь за что нибудь *цѣпляться*: форма не устоитъ, если ее не поддерживаетъ *симасіологическая надобность*. Формы на *θι-θεν-δε*, исчезая, конечно, были замѣняемы *предловыми оборотами*, но такъ какъ онѣ были сами падежами, то немудрено, что хоть *одну* изъ нихъ принялъ подъ свое покровительство *самостоятельный* падежъ, благо ему самому *у себя дома* нечего было дѣлать. Какъ ни настаивали мы на *равноправности* вопросовъ *идъ-куда-откуда*, однако, мысль объ этой *равноправности* приходится ослабить (объ этомъ мы предупреждали на стр. 259 и 271). Вопросы *куда* и *откуда* дѣйствительно представляют собою нѣчто *равнозначащее* и стоятъ другъ противъ друга, какъ бы, на одной доскѣ. Но вопросъ *идъ* могъ быть понятъ за нѣчто, не только стоящее въ центрѣ, но и возвышающееся надъ остальными двумя, — могъ быть понятъ за вопросъ о *мѣстѣ* какъ *ἐξοχίῳ* и могъ быть удовлетворенъ языкомъ *πομπῆ* двухъ остальныхъ, что и было сдѣлано при посредствѣ падежа *мѣстнаго*, когда тотъ освободился отъ своей *собственной, этической* функціи.

Разставаясь съ *мѣстным* и удалительнымъ, а черезъ послѣдній и съ *родовымъ* падежами, мы сдѣлаемъ небольшое замѣчаніе о такъ называемомъ *Genitiv'ъ absolut'номъ*. *Κύρου βασιλεύοντος* (имя, какъ *названіе лица*, а при немъ согласующееся *признаковое глагольное*), есть, очевидно, *собственный* *родовой*, а не *удалительный* падежъ. *Κύρου βασιλεύοντος ἐστασίαζον* значитъ: они бунтовались, причемъ ихъ мятежъ имѣлъ отношеніе къ царствовавшему Киру. Вмѣсто *Κύρου βασιλεύοντος* говорятъ *ἐπὶ Κύρου βασιλεύοντος* (примѣры приводить нечего; ихъ находится особенно много у Иродота). Что и *ἐπὶ* соединено здѣсь съ *собственнымъ* *родовымъ*, разъяснено на стр. 312. *Общее* представленіе, *нарисованное простымъ* »Κύρου βασιλεύοντος«, не колеблется черезъ внесеніе въ текстъ *предлога ἐπὶ* (сравни выше стр. 392, подстрочное примѣ-

чаніе). Разница между ἐστασίαζον Κύρου βασιλεύοντος и между ἐστασίαζον ἐπὶ Κύρου βασιλεύοντος та, что Κύρου βασιλεύοντος есть симасиологическое дополнение признака, заключающагося въ ἐστασίαζον, а въ ἐπὶ Κύρου βασιλεύοντος сопоставляется царствующій Киръ съ мятежемъ какъ съ οὐσία, — стало быть, разница, имѣющая для той стадіи развитія языка, въ которой эти выраженія чередуются, значеніе лишь теоретическое.

Если въ латинскомъ языкѣ употребляется Ablativus absolutus, то это не есть доказательство противъ нашего пониманія греческаго genitiv'a absolut'наго. Впервыхъ, еще неизвѣстно, представляет ли собою латинскій Ablativus absolutus собственный удалительный (Cyro regnante seditionabantur = бунтовались, причемъ мятежъ, по времени, »отправлялся« отъ царствовавшего Кира), или жѣстный (мятежъ помѣщается въ Кирѣ царствующемъ), или даже творительный (въ смыслѣ выраженія это случилось зимою). Кромѣ того, въ такъ называемомъ absolut'номъ употребленіи падежа языки вообще разошлись: славянскій языкъ употребляетъ absolut'но личный падежъ (этотъ падежъ обозначаетъ тогда лицо, которое въ немъ отмѣчено, какъ носителя дѣйствія, совершающагося при немъ). Греческій языкъ, впрочемъ, употребляетъ absolut'но, какъ извѣстно, еще и вещный падежъ, а именно вещный простираемый: ἡμῖν ἐξὸν ζῆν μὴ καλῶς ἀξιούμεθα μᾶλλον τελευτᾶν (Plat. Menex. 346 d) = касательно того, что намъ можно жить нечестно, мы предпочитаемъ умереть.

Мы кончили опредѣленіе значенія отдельныхъ падежей. Остается сдѣлать нѣсколько добавочныхъ замѣчаній о падежахъ вообще. Прежде всего о падежахъ вообще при глагольномъ имени.

На стр. 202 мы разсуждали о глагольномъ имени какъ объ амфибіи: оно — не то существительное, не то — признаковое. Теперь мы по вопросу объ двусторонности глагольнаго имени можемъ говорить гораздо опредѣленнѣе. Признаковымъ глагольное имя является постольку, поскольку оно

дополняется падежами по способу признаковыхъ словъ. Существительнымъ оно является, поскольку оно само, какъ падежъ, дополняетъ собою другія слова. Говоря о падежной его роли, или, что — то же, о роли его какъ имени существительнаго, мы имѣемъ въ виду здѣсь прежде всего косвенные падежи. Такъ какъ о нихъ на стр. 197-8 пришлось упоминать лишь вскользь, то теперь займемся ими подробно.

Что падежи греческаго глагольнаго имени суть только синтаксическіе и притомъ — тѣ же самыя, какъ и при другихъ именахъ (т. е. именительный, вещный и проч. *), и что разныя этимологическія соображенія къ ихъ опредѣленію припутывать нечего, на это уже указано на стр. 200.

Кюнерь не допускаетъ въ глагольномъ имени, когда оно стоитъ безъ »члена«, никакихъ другихъ падежей кромѣ именительнаго и вещнаго. Разбирая случаи, гдѣ глагольное имя употребляется, съ его точки зрѣнія, въ роли »Object'a« (»дополненіе Prädicat'a« то жъ), этотъ ученый говоритъ (Ausf. Gramm. II. 578): Der Infinitiv muss auch bei solchen Verben, **), welche ihr substantivisches Object im Genitive zu sich nehmen, wie ὀρέγομαι, γλίσχομαι, ἐπιθυμῶ, als Accusativ aufgefasst werden, da der Infinitiv ohne Artikel nur ein ergänzendes Object, nicht aber die Beziehungen des Genitivs oder Dativs bezeichnen kann. Sollen diese Beziehungen ausdrücklich bezeichnet werden, so muss der Genitiv oder Dativ des Artikels zu dem Infinitive hinzutreten, wie

*) Я не говорю о славянскомъ глагольномъ имени. Славянское глагольное имя должно представлять собою по вопросу о падежахъ нѣчто особое сравнительно съ греческимъ языкомъ (нѣчто чрезвычайно интересное, но насъ непосредственно не касающееся), уже по одному тому, что оно не только не принимаетъ никакого »члена« съ тою легкостью, съ какою его принимаетъ греческое глагольное имя, но даже воспротивилось всякой подобной попыткѣ. Выраженія въ родѣ »о еже пособити и покорити« такъ и остались переводомъ съ греческаго и не привились къ славянскимъ наречіямъ.

♦ **) А гдѣ же остались простыя признаковыя слова въ родѣ ῥάδιος, χαλεπός, ἡδύς, которыя тоже, вѣдь, исполняютъ роль »Prädicat'a«, и которыя Кюнерь помѣстилъ же въ своей статьѣ »объ Infinitiv'ѣ какъ Object'ѣ«?

diess regelmässig der Fall ist, wenn Beziehungsverhältnisse durch den Infinitiv mit *Präpositionen**) ausgedrückt werden.

Мы не знаемъ, что мѣшаетъ Кюнеру во фразѣ *χάριν δοῦναι τήνδε κωλύει τί σε* (Eur. Iph. Taur. 507) принять *δοῦναι* за удалительный падежъ, разъ въ *κωλύω* *τινά τινος* слово *τινος* есть *дѣйствительный* удалительный падежъ, и разъ рядомъ съ *простымъ* »*δοῦναι*« встрѣчается »*τοῦ δοῦναι*« (*κωλύω τοῦ καίειν ἐπιόντας* — Xen. Anab. I. 6. 2.)?**) А во фразѣ *ὅραν εἶχον παιδεύεσθαι* (Isae. 9. 28.), что мѣшаетъ принять *παιδεύεσθαι* за *родовой* падежъ, разъ оно зависитъ отъ имени существительнаго, и разъ рядомъ съ *παιδεύεσθαι* встрѣчается *τοῦ παιδεύεσθαι* (*αὕτη αὖ ἄλλῃ πρόφασις ἢ αὐτῷ τοῦ ἀθροίζειν* — Xen. Anab. I. 1. 7.)? Въ виду *синтаксическаго* характера (въ разрѣзъ съ *этимологическимъ происхожденіемъ*) падежей глагольнаго имени, — въ виду той легкости, съ какою глагольное имя то принимаетъ къ себѣ слово *ὁ-ή-τό*, то отъ него отказывается, я сказалъ бы, что *глагольное* имя, — все равно, что съ *ὁ-ή-τό*, что безъ него, — допускается во *всѣхъ* падежахъ. Это, впрочемъ, сказано только въ *принципѣ*, а на дѣлѣ...

Нечего, конечно, искать глагольное имя въ *звательномъ* падежѣ, такъ какъ немислимо обращаться къ *дѣйствию*, какъ къ своему *собесѣднику*. Не думаемъ также, чтобы грекъ могъ чувствовать глагольное имя въ *мѣстномъ* па-

*) Быть можетъ, предлоги въ особенности нуждались въ словѣ *ὁ-ή-τό* потому, что если бы сказать напр. *ἐν νοεῖν* вмѣсто *ἐν τῷ νοεῖν*, то *ἐν νοεῖν* легко могло бы быть понято въ смыслѣ *στροφῆς* »*ἐννοεῖν*«.

**) Что дѣлать съ »*отрицательнымъ*« глагольнымъ именемъ при *κωλύω* (*εἰ πρὸς θεῷ κωλύμεθα μὴ μαθεῖν ἃ βούλομεθα* — Eur. Ion. 391; *τί μ' ἀνδρα πόλεμον ἐχθρόν τ' ἀφείλον μὴ κταεῖν τόξοις ἐμοῖς* — Soph. Philoct. 1303), — на это отвѣтить трудно. Во всякомъ случаѣ, разница между *κωλύω ποιεῖν* и *κωλύω μὴ ποιεῖν* — та, что въ *κωλύω ποιεῖν* указывается на предметъ, отъ котораго я удаляю кого нибудь, а въ *κωλύω μὴ ποιεῖν* указывается на цѣль, которую я имѣю въ виду достигнуть при этомъ удаленіи. Но какъ объяснить падежное положеніе такого *μὴ ποιεῖν*, — я не знаю. Единственно возможнымъ я считаю принять *μὴ ποιεῖν* за вещный »*простираемый*«; *κωλύω μὴ ποιεῖν* значить: я мѣшаю, причемъ моя помѣха простирается на *недѣланіе*.

дежъ*), — въ томъ мѣстномъ падежѣ, который, забывъ о первоначальной роли, держался только *простороваго* значенія. Ибо какъ можно *дѣйствіе*, выраженное глагольнымъ именемъ, представить *просторомъ*, въ которомъ что-нибудь »*происходитъ*« или даже »*находится*« (до послѣдняго отбѣнка доходить мѣстный падежъ въ приведенномъ выше τὰ Μαράθωνι τροπαῖα). Такимъ образомъ, мѣстный падежъ глагольнаго имени можетъ встрѣтиться только при *предлогахъ***), требующихъ его для удовлетворенія ихъ *собственныхъ* потребностей, и тогда непременно, какъ уже выяснено выше въ подстрочномъ примѣчаніи, должно при немъ быть поставлено *ὁ-ή-τό*. Въ *личномъ* падежѣ представить себѣ глагольное имя довольно трудно потому, что понятіе »*дѣйствія*«, выраженнаго въ глагольномъ имени, какъ-то не мирится съ понятіемъ »*лица*«, выраженнаго въ *личномъ****)) падежѣ. Что же касается, наконецъ, *творительнаго* падежа, то не слѣдуетъ забывать слѣдующаго. Дѣйствіе, какъ оно дано въ глагольномъ имени со *всѣмъ* его *симасіологическимъ* богатствомъ, приспособлено къ тому, чтобы быть чѣмъ нибудь признакомъ (смотри выше стр. 201). Въ силу значенія творительнаго падежа оно, это дѣйствіе, должно бы въ немъ являться чѣмъ то, *созидающимъ признакъ*

*) Съ *этимологической* точки зрѣнія, какъ извѣстно, часто говорятъ о глагольномъ имени какъ о *мѣстномъ* падежѣ.

**) Неужели толковать напр. *ἡδὺς βυβεῖναι* черезъ »*пріятный въ собесѣдованіи*«? Мы принимаемъ *βυβεῖναι* за вещный простираемый: пріятный, причемъ пріятность *простирается* на то-то.

***)) Jolly (Infinitiv) останавливается на стр. 216 на »*dativ'ныхъ infinitiv'ахъ* и причисляетъ къ нимъ такія явленія, какъ извѣстное омировское *βῆ δ' ἔναι* или *ἔτρεφε μιν πῆμα γενέσθαι*, гдѣ въ глагольномъ имени по общему контексту можно усматривать выраженіе цѣли. При этомъ Jolly приводитъ нѣсколько *этимологическихъ dativ'ныхъ infinitiv'овъ* изъ санскрита. Нѣтъ сомнѣнія, что усмотрѣнная здѣсь цѣль могла бы, дѣйствительно, прикнута къ общему значенію *личнаго* падежа: *πῆμα γενέσθαι*, достигаемое черезъ *τρέφειν*, могло представляться какимъ то *главнымъ* »*лицомъ*«, которому *подчинено*, или въ услуженіи котораго *находится* »*требованіе*«. Но что цѣль можетъ быть свободно примѣнена и къ *вещному* падежу, въ этомъ тоже никто не будетъ сомнѣваться послѣ изложеннаго на стр. 369 (если санскритскіе infinitiv'ы, выражающіе эту цѣль, суть *этимологическіе dativ'ы*, то это для *греческаго* языка не имѣетъ значенія; мы опять таки указываемъ выше на стр. 200).

чего нибудь или кого нибудь. Вмѣсто этого оно предпочитаетъ принять на себя вполне оформленный видъ признакового глагольного имени, присоединяясь къ названію того предмета, чей признакъ оно »созидаетъ«. Русское его обучаютъ черезъ спрашиваніе будетъ по гречески διδάσκειται ἐρωτώμενος. А если бы конструкцію διδάσκειται ἐρωτώμενος пришлось дѣйствительно переводить на творительный падежъ, то, такъ какъ первая конструкція считается нормальной, нужно уклоненіе отъ этого нормального сдѣлать выразительнымъ*), а эта выразительность уже требуетъ ставить не простое »ἐρωτᾶν« или ἐρωτᾶσθαι**), а »τῷ ἐρωτᾶν« или τῷ ἐρωτᾶσθαι« (скорѣе, впрочемъ, »διὰ τοῦ ἐρωτᾶν« или διὰ τοῦ ἐρωτᾶσθαι«). Переводить подобныя фразы на творительный падежъ приходится особенно тогда, когда »созидающее« дѣйствіе (въ данномъ случаѣ дѣйствіе ἐρωτᾶν) не можетъ сдѣлаться признакомъ того, чей признакъ оно »созидаетъ«. Оно не можетъ сдѣлаться его признакомъ тогда, когда оно по концепціи мысли дѣлается признакомъ чего — нибудь другого, и когда возникаетъ такъ называемый accusativus cum infinitivo (διδάσκειται διὰ τοῦ τὸν διδάσκαλον ἐρωτᾶν).

Такъ называемая конструкція accusativi cum infinitivo требуетъ съ нашей стороны особаго разъясненія. Это разъясненіе, кстати, пополнить съ одной стороны нашу теорію падежей, а съ другой — общесимасіологическую обрисовку

*) Конечно, глагольное имя, какъ по вопросу объ οὐσία и признакъ было чѣмъ то лишь обще-номинальнымъ, ни въ ту, ни въ другую сторону грамматически не отчеканеннымъ, такъ и по вопросу о падежахъ представляетъ собою нѣчто лишь обще-падежное, грамматически ни въ какую сторону не опредѣляющееся, а потому и нуждающееся въ особомъ средствѣ, въ видѣ слова ὁ-ή-τό, въ тѣхъ случаяхъ, когда мы съ болѣею отчетливостію хотимъ выразить въ немъ тогъ или иной падежъ. Мы немного забѣгаемъ впередъ, но скоро выяснится, что напр. τῷ ἐρωτᾶν обозначаетъ: вотъ чѣмъ, спрашиваніемъ.

**) Залоговыя формы могутъ тутъ чередоваться. Сравни »πότερα παρὰ σοὶ ὅδωρ θηριότατον ἐστὶ πλεῖν ἢ τὸ ἐν Ἀβηλῆϊοις« (Хер. Мемор. III. 13. 3) и »Βορυσθίνης πλεονεχέει ἢ διότις ἐστιν« (Herod. 4. 53). Въ первомъ примѣрѣ можно дополнить къ »πλεῖν« вещный падежъ »ὅδωρ« (дополнить его нужно изъ именительнаго падежа ὅδωρ; сравни стр. 54), а во второмъ примѣрѣ сказано »πλεονεχέει« въ виду самаго именительнаго падежа »Βορυσθίνης«.

глагольного имени. Мы предлагаемъ добратся до пониманія конструкціи accusativi cum infinitivo слѣдующимъ образомъ.

Въ λέγω σε κατορθῶσαι πάντα мы никакой конструкціи accusativi cum infinitivo не видимъ. Мы видимъ здѣсь просто два вещныхъ падежа, се и κατορθῶσαι, одинаково зависящихъ отъ λέγω. Вся фраза построена по образцу фразы αἰτέω σε χρήματα, о которой мы рассуждали на стр. 372. Λέγω σε κατορθῶσαι значитъ: я говорю о тебѣ и я говорю объ исправленіи, — объ исправленіи въ смыслѣ переводно-движимаго дѣйствія (см. стр. 103), въ моментъ его окончанія (см. ст. 153-4). Что это дѣйствіе касается такъ или иначе самого се, — это грамматически не выражено, какъ не было выражено и въ αἰτέω σε χρήματα, что деньги долженъ дать ты;*) все это подразумѣвается изъ общаго контекста.

Λέγω ποιῆσαι πάντα — λέγω ποιεῖν πάντα — λέγω πεποιηκέναι πάντα значитъ: я говорю объ окончательномъ сдѣланіи всего — я говорю о дѣланіи всего —

*) Что мы въ объясняемомъ намъ λέγω σε κατορθῶσαι слово се принимаемъ не за »подлежащее infinitiv'a«, а за симасіологическое дополнение глагола λέγω, это — не новость; на это указывалъ Аполлоній Дисколъ при такъ называемыхъ προαιρετικά (= глаголахъ, выражающихъ желаніе). Такъ, de construct. III. 285 читаемъ: Καὶ τὰ προαιρετικά δὲ τῶν ἡμετέρων τὰ τῆς διαθέσεως ἔχει συντινόντα κατ' αἰτιατικὴν πτῶσιν ἐπὶ πάντα τὰ ἡμέτερα ... βούλομαι σε γράφειν, βούλομαι σε Λιονύσιον φιλεῖν. Новость нашего объясненія заключается въ томъ, что мы и глагольное имя ставимъ въ непосредственную зависимость отъ глагола λέγω. Мы въ этомъ отношеніи вполне сходимся съ Paul'emъ, который говорить (Princip. 247): Entsprechend ist die Entstehung des acc. c. inf. zu erklären. Der Inf. ist ursprünglich ein zweites Object zum regierenden Verbum. So verhält es sich noch bei unserem ich heisse ihn aufstehen, ich lasse ihn arbeiten etc. Объясняя се и κατορθῶσαι за два вещныхъ падежа, одинаково зависящихъ отъ слова λέγω, мы достигаемъ совершенно правильнаго отношенія, въ вопросѣ о падежахъ, между λέγω се κατορθῶσαι πάντα и между ὃν λέγει κατορθῶσαι πάντα. Первое относится къ послѣднему, какъ на стр. 373 относилось ἡρώτησά σε τοῦτο τὸ ἐρώτημα къ ὃν ἡρωτήσῃς τοῦτο τὸ ἐρώτημα, т. е. и въ ὃν λέγει κατορθῶσαι πάντα слово κατορθῶσαι останется вещнымъ падежемъ. Jolly, съ полною основательностью опровергающій всевозможные приемы нашихъ грамматиковъ въ толкованіи конструкціи accusativi cum infinitivo (Infinitiv 244—253), самъ на стр. 257 останавливается на такомъ толкованіи примѣра ἐμὲ μὲν ἔταροι λίσσονται ἵναί, что въ немъ ἐμὲ есть симасіологическое дополнение слова λίσσονται, а ἵναί есть infinitivus »exergeticus.«

я говорю о состояніи какъ результатѣ сдѣланія всего.*) Какъ это понять? Сказано ли тутъ, что я говорю о ποιή-σαι, ποιεῖν и πεποιημένοι какъ о *понятіяхъ*, — быть можетъ, также какъ о своемъ *желаніи*, или сказано, что я говорю о ποιῆσαι, ποιεῖν и πεποιημένοι какъ о наименованіяхъ дѣйствительныхъ фактовъ?**) Понять можно и такъ, и иначе. Если тутъ имѣется въ виду фактъ, то къ кому относится его совершение или намѣреніе его совершить?***) Очевидно, къ тому, кто показанъ въ λέγω (я говорю, что я сдѣлалъ или собираюсь сдѣлать все). Такъ

*) Если я въ русскомъ языкѣ употребляю *предложный* оборотъ послѣ слова *говорить* (я говорю о чемъ нибудь), а въ греческомъ языкѣ поставленъ *вещный* падежъ, то на это несоотвѣстствіе языковъ уже указано на стр. 379 и 380, гдѣ мы разсуждали объ оборотѣ λέγω αὐτόν.

**) Этотъ вопросъ напоминаетъ намъ то разсужденіе объ именахъ существительныхъ на стр. 170-1, въ которомъ мы на одномъ полюсѣ поставили имя существительное какъ поименованіе *дѣйствительнаго* предмета-индивидуума, а на другомъ — имя существительное какъ названіе душевнаго *постулата*, и разъ мы такой вопросъ ставимъ о глагольномъ имени, то послѣднее выступаетъ какъ *настоящее* имя *существительное*, что ему вполнѣ и *приличествуетъ*, если оно занимаетъ положеніе *падежа*.

***) Нѣтъ сомнѣнія, что въ глагольномъ имени, какъ выраженіи душевнаго *постулата* (= «понятія» — «желанія»), кроется нѣкая *futural'ность* по отношенію къ оправданію его на *дѣйствительномъ* фактѣ, тогда какъ въ глагольномъ имени, какъ поименованіи *дѣйствительнаго* факта, этой *futural'ности* нѣтъ. По этому понятно, что въ первомъ случаѣ возможны только три формы глагольнаго имени (*ποιεῖν, ποιῆσαι и πεποιημένοι*), а во второмъ нужны всѣ пять (т. е. добавленіе формъ *ποιήσειν и πεποιήσοτα ἔσθαι*; сравни выше стр. 153-4). Впрочемъ, глагольное имя часто принимаетъ къ себѣ «частицу» *ἄν*. Принимаетъ ли оно ее, какъ выраженіе *понятія* дѣйствія, или какъ выраженіе *дѣйствительнаго* факта? Очевидно, — какъ выраженіе *дѣйствительнаго* факта, и «частица» *ἄν* указываетъ тогда на *возможность* осуществленія. Представленіе *возможности* осуществленія заключаетъ въ себѣ представленіе *будущаго* или, въ крайнемъ случаѣ, *нераскрытаго* еще *настоящаго* времени *самого осуществленія*, а потому «частица» *ἄν*, выражающая уже *сама по себѣ* эту *возможность* и эту *будущность*, *исключаетъ* (синтаксисъ тутъ не прибѣгаетъ къ симасіологической тавтологіи) постановку *futural'ныхъ* формъ глагольнаго имени (*οἶμαι δ' ἄν κατορθῶσαι* = я думаю о тебѣ, я думаю о возможности исправленія, = я думаю, что ты, можетъ быть, *исправши*; *οὐκ ἄν οἶμαι αὐτοὺς ἀμαρτάνειν* = я не думаю о нихъ, я не думаю о возможности ошибки = *сдѣлали они ошибаются* = тутъ ошибки-то съ ихъ стороны «не будетъ»). Съ другой стороны, когда рѣчь идетъ лишь о *возможности* осуществленія дѣйствія, то это наводитъ на представленіе чего то *обусловленнаго*, чего-то зависящаго отъ осуществленія *другаго* дѣйствія, а потому встрѣчаемъ глагольное имя съ «частицею» *ἄν* совершенно такъ же, какъ ставятся *Indicativ'ы* съ *ἄν*, объясненные на стр. 131-3.

и прежнее λέγω σε κατορθῶσαι πάντα указываетъ на *фактъ* (я говорю, что ты *исправилъ* все), иначе бы стояло λέγω σοι κατορθῶσαι πάντα (= я говорю тебѣ объ исправленіи всего, разумѣй: объ исправленіи, какъ о моемъ *желаніи*). Οὐ λέγω ποιῆσαι ταῦτα = я *не утверждаю* сдѣланіе этого (я говорю, что я этого *не сдѣлалъ*); λέγω ὑμῖν μὴ ποιεῖν ταῦτα = я говорю вамъ о *недѣланіи* этого* (я говорю вамъ *не дѣлать* этого).

Да будетъ намъ позволено уклониться въ сторону. Интересно прослѣдить тѣ случаи, гдѣ въ языкѣ сталкивается употребленіе глагольнаго имени съ употребленіемъ глагольнаго *признаковаго*. Какъ названіе *дѣйствительнаго* факта, глагольное имя сталкивается съ глагольнымъ *признаковымъ* при глаголахъ какъ то: ἀκούω, ὁρῶ, πυνθάνομαι, αἰσθάνομαι, γινώσκω, φαίνεται, ἐξίσκω, δείκνυμι, ἀγγέλλω, словомъ — при глаголахъ, обозначающихъ *познавать* или *объявлять* о *познающемъ*, и выходитъ, что глагольное *признаковое* выражаетъ непосредственное впечатлѣніе предмета, къ которому оно отнесено синтаксически, на наши *чувства*, между тѣмъ какъ глагольное *имя* указываетъ на *нѣчто*, какъ на результатъ нашего *внутренняго* соображенія (*ὁρῶ αὐτόν τρέχοντα* = я вижу его бѣгущимъ; *ὁρῶ αὐτόν νικῆσειν* = я убѣждаюсь насчетъ него, я убѣждаюсь въ побѣдѣ въ будущемъ = я убѣждаюсь, что онъ побѣдитъ). Разница эта вытекаетъ изъ самаго значенія сталкивающихся здѣсь грамматическихъ формъ. Глагольное *признаковое*, обозначающее *признакъ*, какъ онъ «реализируется» на предметѣ, и ожидающее себѣ всю свою форму непосредственнаго отнесенія его къ самому предмету, словомъ, — обозначающее *praedicativ' предмета*, скорее можетъ вызвать представленіе о предметѣ, какимъ онъ *непосредственно* является передъ нашими органами познанія (= передъ органами чувствъ), чѣмъ это можетъ сдѣлать глагольное имя. Послѣднее входитъ въ рѣчь лишь въ роли такого или иного падежа имени

*) Почему въ одномъ случаѣ поставлено отричаніе οὐ, а въ другомъ μὴ, — выяснится ниже.

существительнаго, стало быть, — падежа, стоящаго въ непосредственной зависимости отъ глаголовъ ὄρω, εὐρίσκω и т. д., то есть отъ глаголовъ *познавать* или *объявлять о познаваемомъ*, и, согласно съ этимъ, выражаетъ дѣйствіе, составляющее *само по себѣ*, а вовсе не какъ praedicativъ какого-нибудь предмета, объектъ »познанія«.*)

Какъ названіе »понятія дѣйствія«, глагольное имя сталкивается съ глагольнымъ признаковымъ при глаголахъ какъ то: μέμνημαι (μέμνημαι εὖ ποιήσας = я помню, что я хорошо сдѣлалъ; μέμνημαι εὖ ποιεῖν = я не забываю дѣлать добро), ἐπιλανθάνομαι (ἐπελαθόμεν ἐπὶ ταῦτα = я забылъ, что я сказалъ это, ἐπελαθόμεν εἰπεῖν = я забылъ сказать), ποιέω (ποιέω αὐτὸν γελῶντα = я изображаю его, — на сценѣ, напимѣрь, — смѣющимся, ποιέω αὐτὸν γελᾶν = я заставляю его смѣяться), ἀσχύνομαι (οὐκ ἀσχύνοσθε ταῦτα ποιοῦντες = не стыдно ли вамъ, что вы такъ поступаете, ἀσχύνομαι ταῦτα ποιεῖν = мнѣ стыдно дѣлать это = я не хочу этого дѣлать), περιορῶ (περιορῶ αὐτὸν διαφθείροντα = мнѣ дѣлать, что онъ портитъ; οὐκ εἰσέναι ἔφασαν περίψεσθαι οὐδένα = они говорили, что зорко будутъ слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не вошелъ), ἀποκάμνω (ἀποκάμνω τοῦτο ποῶν = меня эта работа утомляетъ; ἀπέκαμε ἑαυτὸν σώζειν = онъ усталъ спасать себя) и др. Разницу и тутъ формулировать нетрудно, и формулировать ее опять таки слѣдуетъ на основаніи симасіологіи сталкивающихся здѣсь грамматическихъ формъ. Въ то время, какъ глагольное *признаковое* указываетъ на *дѣйствительность*, какъ она появляется на самомъ томъ предметѣ, къ названію котораго оно синтаксически отнесено, глагольные имена указываютъ здѣсь, въ роли *падежей*, опять таки, конечно, на »объекты« дѣйствій, выраженныхъ въ самихъ тѣхъ глаголахъ, которые *требуютъ* этихъ падежей; но эти »объекты« суть здѣсь объекты *отвлеченныя* (или, какъ мы раньше выразились, *душевные постулаты*),

*) Что и глагольное *признаковое* можетъ (не въ этихъ, конечно, случаяхъ) прин. матъ къ себѣ »частицу« ἄν, и что эта частица имѣетъ при немъ такое же значеніе, какъ при глагольномъ имени, — объ этомъ нечего распространяться.

какъ ихъ допускаетъ само значеніе глаголовъ μέμνημαι, ἐπιλανθάνομαι и другихъ, выше приведенныхъ, а не объекты *дѣйствительности*, какъ ее, эту дѣйствительность, раньше предполагало значеніе глаголовъ »познавать« и »объявлять о познанномъ«. А теперь вернемся опять къ разъясненію конструкции accusativi cum infinitivo.

Какъ истолковать примѣръ εἶναι τιμὰς γονέων ἐχρόνοις καλὸς θησαυρός (Plat. Menex. 297 b)? Εἶναι есть, конечно, *именительный падежъ*, а съ *психологической* точки зрѣнія можно толковать о немъ и какъ о *вещномъ падежѣ* (сравни выше стр. 376). Если мы до сихъ поръ не говорили объ »accusativ'ѣ cum infinitivo« какъ объ *особой* конструкціи (во фразѣ λέγω σε κατορθῶσαι πάντα — читатель, надѣмся, въ этомъ убѣдился — объ *особой* такой конструкціи говорить не нужно), то придется заговорить теперь. Такъ и въ вышеприведенномъ (стр. 400) примѣрѣ διδάσκειται διὰ τοῦ τὸν διδάσκαλον ἐρωτᾶν мы не обошлись безъ этого термина. Тамъ же мы рассуждали о томъ, что глагольное имя всѣмъ своимъ симасіологическимъ богатствомъ *приспособлено* къ тому, чтобы быть *присужденнымъ* какому нибудь предмету какъ признакъ. А если этотъ предметъ не усматривается изъ контекста,*) то *долженъ же* языкъ располагать средствомъ *какъ нибудь* его обозначить.**)

Что значитъ *какъ нибудь*? Это значитъ какимъ нибудь *падежемъ*. Какимъ падежемъ? Именительный падежъ это не можетъ быть, такъ какъ въ *речи* онъ употребляется или какъ простое *наименованіе* предмета (о согласованіи я тутъ не говорю), или какъ ближайшій опредѣлитель лица, обозначеннаго въ окончаніи глагола.

*) Въ λέγω σε κατορθῶσαι онъ усматривается по нашему толкованію изъ контекста, т. е. изъ того *се*, которое приставлено къ λέγω какъ непосредственное его симасіологическое дополненіе.

**) Не противорѣчимъ ли мы себѣ? То, что само глагольное имя занимаетъ положеніе падежа, мы всегда объясняли его способностью выступать въ роли *существительнаго*, а теперь оно въ томъ же положеніи должно выступить въ роли, такъ сказать, *признаковаго* слова по отношенію къ тому предмету, которому оно присуждается. Итакъ, не противорѣчіе ли это? Нѣтъ. И въ согласованіи имя существительное, *оставаясь* существительнымъ и *оставаясь* падежемъ, дѣлалось, *какъ-бы*, признаковымъ словомъ.

Славянскій языкъ разрѣшилъ всю задачу черезъ *личный* падежъ (быть ему тѣмъ то), и это вполне понятно, такъ какъ личный падежъ есть указатель *носителя* дѣйствія. а указать на носителя дѣйствія именно и *требуется* для разрѣшенія этой задачи. Греческій языкъ распорядился *иначе*. Наша фраза имѣетъ несомнѣнно такой смыслъ: бытіе, *простирающееся* на почитаніе, — а это почитаніе *имѣетъ* отношеніе къ родителямъ и имѣетъ быть *исполняемо* потомками*), — все это — прекрасный кладъ. Итакъ, мы въ нашемъ *τιμὰς*, которому *присуждается* дѣйствіе, выраженное въ глагольномъ имени *εἶναι*, видимъ вещный *простираемый*.

Мы совершенно согласны съ Jolly (Infinitiv 247), что къ примѣру »Ξέρξεα λέγουσι εἶπαι« *непримѣнно* толкованіе »die Leute erzählen das Gesagt-haben am Xerxes.« Jolly совершенно правильно замѣчаетъ, что при такомъ толкованіи легко было бы перейти на конструкцію *λέγεται Ξέρξεα εἶπαι* (es wird erzählt das Gesagt-haben am Xerxes), но трудно — на конструкцію *Ξέρξεως λέγεται εἶπαι* (какъ мы перешли на эту конструкцію, читатель видѣлъ въ подстрочномъ примѣчаніи о фразѣ *οὐ λέγει κατορθῶσαι* на стр. 401). Jolly не одобряетъ и того толкованія примѣра *Ξέρξεα λέγουσι εἶπαι*, въ которомъ прибѣгаютъ къ Accusativ'у des Sichbeziehens, des Sicherstreckens. Мы его въ *этомъ* примѣрѣ *также* не одобряемъ, но въ примѣрѣ *τιμὰς εἶναι καλὸς θεσaurusός* онъ позволяетъ намъ прибѣгнуть къ вещному des Sichbeziehens или, какъ мы выражаемся, къ вещному простирательному, тѣмъ болѣе, что то толкованіе, которое предлагаетъ онъ, опять не одобряемъ мы. Установивъ, какъ мы выше видѣли, infinitivum epexegeticum въ примѣрѣ *ἐμὲ μὲν ἑταροὶ λίσσονται εἶναι*, который мы *также* не одобрили, Jolly продолжаетъ (Infinitiv 257): Auch an einzelnen Verba kann man bei Homer

*) А можетъ быть, *ἐκχρόνοις* »зависитъ« отъ *καλὸς θεσaurusός*? Это рѣшилъ бы *живой языкъ*, который поставилъ бы въ такомъ случаѣ иначе »паузу« (поставилъ бы ее между *γονέων* и *ἐκχρόνοις*, а не между *ἐκχρόνοις* и *καλὸς θεσaurusός*).

oft verfolgen, wie aus der gewöhnlichen Accusativconstruction, in der der Accusativ das directe Object, der Inf. der epexegetische ist, allmählich der eigentliche Accus. c. inf. hervor-geht, wobei der Accusativ aus der Abhängigkeit von dem Hauptverbum losgelöst und als Subject des Infinitiv erscheint. So ist *ἐμὲ μὲν ἑταροὶ λίσσονται εἶναι* sicherlich älter als der echte Accus. c. inf. in Il. ι 510—511; *ὃς δὲ καὶ ἀνήνεται καὶ τε στερεῶς ἀποείλη, λίσσονται δ' ἄρα ταίγε Αἰα Κρονίωνα κοῦσαι τῷ ἀάτην ἐμὲ ἔπεσθαι, ἵνα βλαφθεῖς ἀποτίσῃ*, wobei die *Sache, welche* verlangt wird, nicht die Person, von welcher etwas verlangt wird, das Subject des Infinitivs enthält. Ist im ersten Beispiel der Infinitiv noch ganz der epexegetische, so stellt dagegen im zweiten der hier *mit dem Accusativ enger verbundene Infinitiv* (почему онъ вдругъ enger verbunden съ точки зрѣнія Jolly, который и въ *λίσσονται ἐμὲ εἶναι*, своимъ терминомъ »epexegetisch«, такъ »узко« соединилъ вещный падежъ съ глагольнымъ именемъ?) einen *Nebensatz* dar (гдѣ же тутъ мѣсто придаточному предложению?*)).

Съ окончаніемъ разбора конструкціи accusativi cum infinitivo можно бы считать оконченнымъ и разборъ падежей, если бы не было за нами небольшого долга. Мы имѣемъ въ виду тѣ славянскія выраженія въ родѣ *занятіе чѣмъ нибудь* и т. п., о которыхъ мы предупреждали на стр. 366, и всѣ связанныя съ подобными выраженіями явленія *греческаго* языка.

Слова *занятіе, подписываніе* и т. п. даже съ *этимологической* точки зрѣнія составляютъ особую группу такъ

*) Paul, который, какъ мы видѣли, готовъ былъ вмѣстѣ съ нами усматривать въ *λέγει κατορθῶσαι* два независимыхъ другъ отъ друга »объекта« слова *λέγει*, объясняетъ себѣ переходъ отъ *подобныхъ* примѣровъ къ »настоящему« accusativ'у cum inf. такимъ образомъ (Princip. 198-9): Der accus. c. inf. konnte jedenfalls nur neben einem transitiven Verbum stehen, so lange der Accusativ noch als direct von dem Verbum finitum abhängig empfunden wurde. Nachdem aber die Auffassung sich so *verschoben hatte*, dass der accus. c. inf. als ein abhängiger Satz und der Accusativ als *Subject* desselben gefasst wurde, war es möglich die Construction weit über ihre ursprünglichen Gränzen auszudehnen.

называемыхъ отглагольныхъ *существительныхъ*. Они этимологически *произведены* отъ глагольныхъ именъ *занять, под-писывать* и т. д. По значенію *одинаковыми* съ ними, т. е. такими же отглагольными существительными, чувствуются, хотя немного *иначе* этимологически составленные, слова *отдача, переправа* и т. п.

Уже на стр. 197 мы сравнивали отглагольные существительныя съ глагольными именами. И они оказываются симасіологическими амфибіями, какъ глагольныя имена, т. е. занимая по падежамъ положеніе именъ существительныхъ, по *дополнѣніямъ* уравниваются съ *признаковыми* словами. Разница та, что 1. глагольныя имена не такъ *отчеканены* этимологически въ роли падежей и въ роли существительныхъ, какъ слова *занятіе* и пр., и 2., отглагольныя существительныя, какъ не надѣленные прежде всего *залогами* отгѣнками, симасіологически могутъ дополняться не какъ *глагольныя* признаковыя (т. е. не могутъ принимать къ себѣ вещнаго «объекта дѣйствія»; см. стр. 370-1), а только лишь какъ *простыя* признаковыя слова.

И въ *греческомъ* языкѣ есть отглагольныя существительныя, дополняющіяся, какъ простыя *признаковыя* слова. Это — слова, оканчивающіяся на *σις* и другія, направившіяся по ихъ слѣдамъ въ отношеніи симасіологическаго дополненія. Въ общемъ, это *особое* симасіологическое дополненіе *отглагольныхъ* существительныхъ есть явленіе — довольно позднее, и далеко не выдержано такъ систематически въ *греческомъ* языкѣ, какъ въ *славянскомъ*. Сравни: *ἀνακούφισις κακῶν*, въ смыслѣ *удалительнаго* падежа (Soph. Oed. r. 218); *ἀμνηστὶς ἔχει πόνον*, въ смыслѣ *удалительнаго* падежа (Eur. Iph. Taur. 92); *ξύμαχοι ἐγενόμεθα οὐκ ἐπὶ καταδουλώσει τῶν Ἑλλήνων Ἀθηναίοις*, въ смыслѣ *личнаго* падежа (Thuc. 3. 10); *ισχυρὸς εἰς τε δρόμον καὶ εἰς τὰς ἄλλας πάσας κινήσεις τῷ σώματι*, въ смыслѣ *творительнаго* падежа (Plat. leg. 631 c); *τὰ γὰρ δόλω τῷ μὴ δικάῳ κτήματα*, въ смыслѣ *творительнаго* падежа (Soph. Oed. C. 1027) и др.

Кажется, нами исчерпано все, относящееся къ опредѣленію значенія падежей. Выходить, — чтобы вкратцѣ повторить добытые нами *внѣшніе* результаты какъ *настоящаго*, такъ и *предыдущаго* отдѣла нашего изслѣдованія, — выходитъ, что въ такой или иной падежъ можетъ попасть только *существительное*, или *матеріальное*, или *формальное* (признаковое слово попадаетъ въ него лишь по закону согласованія). Попавшее въ такой или иной падежъ *существительное* — служить симасіологическимъ дополненіемъ или *существительнаго* же слова, или *признаковаго* слова, или *предлога*, — предлога то *самостоятельнаго* (*βαῖνω κατὰ τινοῦ*), то тѣснѣе связаннаго съ другимъ словомъ (*καταβαῖνω τινοῦ*).

Дополненіемъ *существительнаго* слова — существительное можетъ служить, когда оно стоитъ въ *родовомъ* падежѣ, а то и въ *мѣстномъ* (послѣднее оказалось возможнымъ вслѣдствіе особаго процесса *развитія* мѣстнаго падежа), и кромѣ того въ *личномъ*; находясь въ *личномъ* падежѣ, оно относится къ *дополняемому* слову, какъ названіе *лица* къ названію *вещи*.

Дополненіемъ *признаковаго* слова (положеніемъ признаковыхъ словъ пользуются отглагольныя существительныя и глагольныя имена, первыя — положеніемъ *простыхъ*, а вторыя — положеніемъ *глагольныхъ* признаковыхъ словъ) — существительное можетъ служить *всегда*, въ какой бы падежъ оно ни попало. При этомъ въ *творительномъ* падежѣ оно обозначаетъ орудіе, «созидающее» признакъ, въ *удалительномъ* падежѣ — предметъ, отъ котораго *удаляется* признакъ, *прерывая* отношеніе къ нему, въ *мѣстномъ* падежѣ — просторъ, гдѣ *развивается* признакъ, въ *вещномъ* — вещь, которая требуется какъ *матеріалъ* для *проявленія* признака, въ *личномъ* падежѣ — лицо, являющееся такимъ или инымъ *носителемъ* признака, а въ *родовомъ* — какое угодно отношеніе обозначенной имъ *оуσία* къ признаку.

Дополняя собою *предлоги*, существительное слово входитъ черезъ эти *предлоги* въ такое или иное отношеніе къ другому слову, причѣмъ это другое слово можетъ быть

или существительнымъ, или признаковымъ. Если это другое слово оказывается *признаковымъ*, то въ принципѣ, для того чтобы *оправдать* предлогъ, слѣдуетъ изъ него извлечь *обѣи*, если только предлоги должны оставаться при своей первоначальной роли, для которой они *понадобились* языку, т. е. при «сопоставленіи предмета съ предметомъ»; но такъ какъ извлеченіе *тѣс обѣи* есть нѣчто лишь *мысленное* и въ языкѣ ничѣмъ особеннымъ не *выраженное*, то языкъ въ концѣ концовъ могъ приучить употребляющихъ его обходиться и безъ этихъ извлеченій. Другими словами, предлоговые обороты могли принять на себя задачу дополнять и *признаковыя* слова, *увеличивая* собою, такимъ образомъ, средства симасіологическаго дополненія признаковыхъ словъ. И вотъ, мы думаемъ, что когда языкъ *привыкъ* или, скорѣе, приучилъ *употреблявшихъ* его дополнять признаковыя слова *предловыми оборотами*, такъ что сами предлоги стали появляться непосредственно *возлѣ* этихъ признаковыхъ словъ, тогда именно и *могли* предлоги связываться съ самими *признаковыми* словами, могли образоваться *composita* изъ предлоговъ. Разсмотримъ еще разъ всѣ *composita*, приведенныя нами на стр. 333-40) и мы увидимъ, что это *все* — *признаковыя* слова (или же — *отглагольныя* существительныя, то настоящія, съ *этимологической* точки зрѣнія, то отглагольныя больше по *значенію*; по вопросу о падежахъ, какъ выяснилось, они — *тѣ же* признаковыя слова), *возлѣ* которыхъ, — а въ *совмѣщеніи* съ которыми и *подавно*, — предлоги первоначально даже не имѣли мѣста. Такимъ образомъ мы въ развитіи предлоговъ ставимъ *послѣднимъ* то, что Дельбрюкъ ставитъ начальнымъ.

VI.

Мѣстоименія.

Наши разсужденія о частяхъ рѣчи, если исключить отсюда предлоги, занимающіе въ рѣчи болѣе *служебную* роль, вращались до сихъ поръ все въ терминахъ «*признаковое*» слово и «*имя существительное*». Глаголь оказался *соединеніемъ* признаковаго слова и . . . *существительнаго* (положимъ, не матеріальнаго, а *формальнаго*), что же касается глагольнаго имени, то оно заняло какое то неопредѣленное положеніе *между* существительнымъ именемъ и признаковымъ словомъ.

Если глаголь, это соединеніе признаковаго слова съ существительнымъ, представлялъ собою до *извѣстной* степени *цѣлую* рѣчь, то *признаковое* слово *всегда* можно называть *кускомъ* рѣчи. Оно, будучи произнесено *внѣ* рѣчи, чувствуется *вырваннымъ* изъ нея. Имя существительное, — мы разумѣемъ *простое* имя существительное (такъ мы его въ свое время и *назвали* въ отличіе отъ двусторонняго *глагольнаго* имени и *тѣхъ* «*формальныхъ*» именъ существительныхъ, которыми мы до сихъ поръ подробно не занимались), — оказалось *внѣ* рѣчи, въ своемъ именительномъ падежѣ, наименованіемъ *всего*, что входитъ въ матеріаль комбинированной мысли, насколько это «*все*» можетъ быть облечено въ «*предметъ*» т. е. въ нѣчто, получающее въ нашемъ представленіи такой видъ, какой получаютъ въ немъ *человѣкъ, звѣрь, домъ, дерево* и прочее, и имѣющее *естественный*,

а то и *воображаемый* мужескій, женскій или «средній» родъ. Эти «предметы», долженствующіе только еще *войти* матеріаломъ въ комбинированную мысль, на дѣлѣ могутъ въ нее войти не только въ видѣ *тѣхъ* же именъ существительныхъ, но и въ видѣ *разныхъ* частей рѣчи: *добродѣ* можетъ войти въ комбинированную мысль въ видѣ слова *добрый*, *рубленіе* — въ видѣ глагола *рублю*, *внутренность* — въ видѣ предлога *въ* и т. д. Такое имя существительное въ своемъ именительномъ падежѣ чувствуется *внѣ* рѣчи чѣмъ то вполне самостоятельнымъ, чѣмъ то *не вырваннымъ* изъ рѣчи, и это и есть его *характеристикόν*, отличающее его прежде всего отъ *признакового* слова.

Матеріальнымъ существительнымъ и *признаковымъ* словамъ мы противопоставили въ свое время *формальныя* существительныя и *признаковыя*. Ихъ основательно называютъ «*мѣстоименіями*», а не «*именами*», такъ какъ они ничего не «*поименовываютъ*», т. е. ничему *имени* или *названія* не даютъ. Они представляютъ пустыя формы, еще только *имѣющія* наполниться содержаніемъ. Это-то пониманіе ихъ, какъ *формъ* для содержанія, дало намъ въ свое время поводъ назвать и *ихъ* «*именами*», несмотря на только что приведенное соображеніе. Ихъ симасіологіею мы теперь и займемся.

На первомъ мѣстѣ мы должны поставить *вопросительныя* формальныя имена, которыми говорящій только *ищетъ* то предметъ, то признакъ, давая этимъ понять, что *самъ* еще не знаетъ, какимъ, такъ сказать, *физическимъ* содержаніемъ наполнится тотъ шаръ, тотъ кубъ или вообще та форма, которую онъ строитъ пока лишь *математически*. Такими *вопросительными* формальными именами являются: *τίς* при исканіи одушевленныхъ предметовъ, *τί* при исканіи неодушевленныхъ предметовъ, *ποῖος* при исканіи качественныхъ признаковъ, *πόσος* при исканіи *арифметически* количественныхъ признаковъ, *πῆλίκος* при исканіи *геометрически* количественныхъ признаковъ,*) хотя *обыкновенно*

*) Nicom. Geras. (Astinus) pg. 69: οὐτε περὶ ἀπλῶς μέγεθος οὐτε περὶ ἀπλῶς πλῆθος οὐσθαίη ἂν ποτε ἐπιστήμη, ἀλλὰ περὶ τι ἀπ' ἀμφοῖν ἀφορισμένον, ἀπὸ μὲν πλῆθους περὶ τὸ πόσον, ἀπὸ δὲ μεγέθους περὶ τὸ πῆλίκον...

слово *πῆλίκος* употребляется при исканіи «*возрастного*» признака.

Такимъ образомъ, *вопросительныя* формальныя имена, — какъ это и *должно* быть въ соотвѣтствіе *матеріальнымъ* именамъ, — распадаются на «*существительныя*» (*τίς-τί*) и «*признаковыя*» (*ποῖος-πόσος-πῆλίκος*). При этомъ существительное *τίς-τί* дифференцируется въ *πότερος* тогда, когда мы ищемъ одушевленный или неодушевленный предметъ не въ массѣ, а между двумя данными. Слово *πότερος*, видоизмѣняясь по родамъ, уже этимъ самымъ, т. е. этою внѣшнюю формою, дѣлается *признаковымъ* словомъ. Оно и понятно: разъ мы ищемъ что нибудь между двумя «*данными*», отличающимися прежде всего по *признакамъ* (такимъ «*признакомъ*» можетъ оказаться иногда и само *название*, присвоенное каждому изъ нихъ), то и слово, при посредствѣ котораго мы *ищемъ* одно изъ этихъ двухъ «*данныхъ*», могло быть *признаковымъ*.

Отвѣтами на приведенныя слова могутъ быть, конечно (мы ихъ поставимъ на *первомъ* мѣстѣ), *отрицательныя* «*οὐτίς-μήτις*» (*οὐδεῖς-μηδεῖς*).*) Но отрицательныя слова представляютъ собою *composita* изъ тѣхъ же *вопроситель-*

δύο εἶδεν μέθοδοι ἐπιστημονικαὶ αἱ διευκρινήσουσι πᾶν τὸ περὶ τοῦ πόσου δῆγμα, ἀριθμητικὴ μὲν τὸ περὶ τοῦ καθ' ἑαυτὸ, μοναδική δὲ τὸ περὶ τοῦ πρὸς ἄλλο· πάλιν δὲ ἐπὶ τοῦ πῆλίκου τὸ μὲν ἔστιν ἐν μονῇ καὶ στάσι, τὸ δὲ ἐν κινήσει καὶ περιφορῇ, δύο ἔτι κατὰ τὰ αὐτὰ ἐπιστήμαι ἀκριβέσουσιν τὸ πῆλίκον, τὸ μὲν μένον καὶ ἡρεμοῦν γεωμετρία, τὸ δὲ φερόμενον καὶ περιπολοῦν σφαιρικὴ.

*) Что сказать о разницѣ между *οὐτίς* и *οὐδεῖς*? *Οὐτίς* заключаетъ въ себѣ формальное *существительное*, а въ *οὐδεῖς* вторая часть оказывается *признаковымъ* именемъ (см. стр. 205). Но было бы крайне неправильно утверждать на этомъ основаніи, что самъ *composita* суть — первое существительное, а второе — признаковое. *Οὐδεῖς*, отрицая лишь какую бы то ни было *численность* предметовъ, въ сущности отрицаетъ самые *предметы* (а вовсе не *признаки*), а потому въ результатѣ совершенно равняется слову *οὐτίς*. Такимъ образомъ, *настоящихъ* признаковыхъ греческій языкъ не *выработалъ* въ отрицательныхъ формальныхъ именахъ. Оно и понятно: Если не отрицается *предметъ*, т. е. если *признается* существованіе предмета, то какъ можно отрицать его *признакъ*? (рѣчь идетъ объ отрицаніи не какого-нибудь *опредѣленной* признака, а признака *вообще* т. е. чего то, безъ чего самъ предметъ *немыслимъ*). А съ другой стороны, если *не признается* существованіе предмета, то зачѣмъ отрицать его *признакъ*? — зачѣмъ не отрицать прямо самый предметъ?

ныхъ*) формальныхъ словъ (такъ и по русски: *никто*, *никакой*; въ греческомъ. впрочемъ, еще и *οὐδείς* = *ни одинъ*) и изъ отрицаній, а объ отрицаніяхъ рѣчь еще впереди. Затѣмъ можно отвѣчать *материальными* именами, какъ существительными, такъ и признаковыми, и такимъ путемъ сразу «наполнить содержаніемъ» поставленные для этой цѣли и *исходя* этого содержанія формы. Не исключается, однако, возможность отвѣчать на *вопросительныя* формальныя имена *опять* лишь *формальными* именами.

Изъ такихъ *ответныхъ* формальныхъ именъ мы должны на первомъ мѣстѣ поставить имена «неопредѣленные». Мы разумѣемъ слова, въ которыхъ говорящій даетъ знать, что вопросъ, поставленный словами *τίς* — *τί* и пр., не разрѣшается въ какую нибудь положительную сторону, а такъ и *остается* вопросомъ. Это-то «остается вопросомъ» греческій языкъ и выразилъ въ своихъ «неопредѣленныхъ» формальныхъ именахъ, воспользовавшись для нихъ тѣми же *вопросительными* именами и только *энклитизировавъ**)* послѣднія по возможности т. е. поскольку это допускаютъ *внѣшнія* условія ударенія: *εἰ τις λέγει* (такъ и по русски: если *кто* говорить); *καὶ μὴν ὅτι γ' ἦν ὁ σοφίστης τούτων πότερον, διωμολογημένον ἡμῖν ἐν τοῖς πρόσθεν ἦν* (Plat. Soph. 264 d); ****)* *ποσὸν τι ὄν* (Plat. Soph. 245. d; здѣсь слово «*ποσὸν*» усилено словомъ *τι*, т. е. къ признаковому «неопредѣленному» приставлено еще *существительное* «неопредѣленное», такъ что признакъ показанъ въ языкѣ *опи-*

*) Вызванное этою замѣткою недоумѣніе будетъ сейчасъ разрѣшено.

**) Да, «неопредѣленные» формальныя имена суть, въ сущности, *вопросительныя*. Этими и разрѣшается недоумѣніе, вызванное, быть можетъ, нашимъ замѣчаніемъ, что *οὐτίς* составлено изъ отрицанія и «вопросительнаго» слова. Если языкъ *энклитизировалъ* эти вопросительныя слова для того, чтобы они сдѣлались «неопредѣленными», то въ этомъ только выражень нѣкоторый *психологическій μετασβες* отъ постановки прямого вопроса къ «оставленію чего нибудь подъ вопросомъ».

***)) Напрасно, кажется намъ, не хотѣть признавать «неопредѣленного» (т. е. quasi энклитическаго) *πότερος* въ противоположность *вопросительному* (т. е. выражающему непосредственную постановку вопроса) *πότερος*. Кюннеръ (Ausf. Gramm. II. 1020) въ примѣрахъ, похожихъ на нашъ, усматриваетъ какой то риторическій приемъ (rhetorische Wendung) и предлагаетъ напр. наше мѣсто понимать такъ: «что софистъ былъ *что изъ двухъ*? — это

рающимся на предметъ, хотя *ни* признакъ, *ни* предметъ не опредѣлены); *οὐκοῦν καὶ ποῖόν τινα αὐτὸν τὸν λόγον εἶναι δεῖ* (Plat. Soph. 262 e; точно также должно было употребляться и *πῆλίκος τις*, но примѣра для этого, — должно быть, *по случайности*, — не отыскивается*).

Отъ «неопредѣленныхъ» формальныхъ именъ слѣдуетъ отличать «*обобщающія*», которыми говорящій даетъ знать, что ему все равно, какъ бы ни рѣшился вопросъ, поставленный словами *τίς* — *τί* и пр., и что онъ болѣе *опредѣленного* его рѣшенія не ищетъ. Отдѣльныхъ словъ для такого, какъ мы выразились, «обобщенія» нѣтъ; языкъ прибѣгаетъ въ данномъ случаѣ къ *compositamъ* (русскій языкъ даже къ *цѣлымъ* предложеніямъ: *кто бы онъ ни былъ, кому бы то ни было* и т. д.). *Composita* эти суть: *ὅστις-οὖν*, *ὅστις-δὴ ποτε*, *ὅποσος-οὖν* и т. д. Разяснять эти *composita* здѣсь трудно, такъ какъ мы до сихъ поръ не знаемъ ни *οὖν*, ни *δὴ*, ни *ποτέ*, равно какъ не знаемъ еще отношенія словъ *ὅστις* — *ὅποσος* и пр. къ словамъ *τίς* — *ποῖός* и т. д.

Отвѣчать на вопросы *τίς*, *ποῖός* и т. д. мы можемъ и *указательными* формальными именами. Ими, — и не только ими, но и сопровождающимъ ихъ жестомъ, — говорящій направляетъ глазъ собесѣдника. да и свой собственный, на самый предметъ или на самый признакъ, чтобы черезъ непосредственное *ощущеніе* наполнить представленіе искомымъ содержаніемъ. Греки придумали для этихъ словъ

нами раньше признано («вмѣсто: «что софистъ — что нибудь одно изъ двухъ, — это нами раньше признано»). Неопредѣленное значеніе, вообще, признають только за *ἕτερος*. Но *ἕτερος* или *ἄτερος*, происшедшее изъ *ἐν+τερος* (Brugmann Grundr. II. 181), относится къ вопросительному *πότερος* и къ неопредѣленному *πότερος*, какъ *εἰς* относится къ вопросительному *τίς* и къ неопредѣленному *τίς* (*οὐ+τίς* = *οὐδ+εἰς*). Намъ кажется, что не слѣдуетъ игнорировать замѣтку Фотія, который говоритъ (Lex. II. 101): *πότερον, τὸ πρῶτον, βαρύτερον, δευτέρων δὲ πότερος* = *ἄτερος*.

*) Быть можетъ, будутъ настаивать на томъ, что «неопредѣленное» *τίς* не есть *существительное*, а представляетъ нѣчто двустороннее, т. е. нѣчто, могущее оказаться и *признаковымъ*. Быть можетъ, признаковымъ его найдутъ въ выраженіи *ἀρετὴ τις*, руководясь при этомъ русскимъ выраженіемъ «*нѣкая добродѣтель*». Мы думаемъ, что это не такъ, хотя обосновать свое мнѣніе мы можемъ лишь въ послѣдствіи.

терминъ »δεικτικά«. Такими диктическими словами являются: ἐγώ, σύ, *) ὅδε, οὗτος, ἐκεῖνος, τοιόςδε, τηλικόςδε и τοσόςδε. Слова ὅδε, τοιόςδε, τηλικόςδε и τοσόςδε представляютъ соп-
posita изъ δέ (мы подозреваемъ, что это δέ — тоже-
ственно съ δή, найденнымъ нами въ ὅστις δὴ ποτε; объ
этомъ, впрочемъ, ниже) и изъ словъ ὁ — τοῖος — τηλί-
κος — τόσος, оказывающихся общими какъ для дикти-
ческаго, такъ и для другихъ отгѣнковъ формальныхъ именъ,
о которыхъ рѣчь впереди.

Словами τοιόςδε, τηλικόςδε и τοσόςδε говоря-
щій направляетъ глазъ собесѣдника (δείνεται) на признаки
предмета, словомъ ἐγώ — на себя, чтобы собесѣдникъ от-
личилъ его среди другихъ присутствующихъ, **) словомъ σύ
— на самого слушателя, чтобы тотъ понялъ, что именно
онъ, а не кто нибудь другой изъ присутствующихъ, ***)
долженъ быть собесѣдникомъ, наконецъ, словами ὅδε, οὗτος
и ἐκεῖνος — на посторонній предметъ, чтобы собесѣдникъ
не смѣшалъ его съ какимъ нибудь другимъ постороннимъ
предметомъ. †). При этомъ, какъ извѣстно, ὅδε указываетъ
на посторонній предметъ, находящійся въ сферѣ интересовъ

*) Apoll. Dysc. de constr. II. 104—105: αἱ μέντοι ἀντωνυμίαι εἰς οὐδὲν ἄλλο ἀποβλέπουσι διὰ τῆς ἐν αὐταῖς ἐκκειμένης δεῖξεως ἢ εἰς τὴν ὑποκειμένην οὐσίαν... διὸ καὶ τὰ γένη οὐκ ἐκκοπτόμενα ἰδίους τέλεσι κατὰλληλον ἔχει τὴν ἐν τοῖς τριῶν γένεσι θείον διὰ μιᾶς συλλαβῆς, εἴ γε καὶ ἡ ἐξ αὐτῶν δεῖξις αὐτὸ νόμον οὐσίαν παρεμφαίνει... ὥς ἔχει ἡ ἐγώ (слѣдовательно и σύ). Итакъ, уже Аполлоній Дисколъ ставилъ слова ἐγώ и σύ въ одну группу съ дикти-
ческими ὅδε, οὗτος и ἐκεῖνος.

**) Отличать его съ особенною тщательностью отъ другихъ присут-
ствующихъ приходится, когда онъ начинаетъ говорить, и когда онъ нахо-
дится въ толпѣ; въ этомъ, впрочемъ, помогаетъ ему голосъ, раздающійся
отъ него, жести, къ которому онъ тутъ же прибѣгаетъ, быть можетъ, након-
ецъ, и сообщеніе своего имени, которое онъ иногда прибавляетъ къ слову
ἐγώ.

***) Это также бываетъ тогда, когда собесѣдникъ находится въ толпѣ,
и когда только еще начинаютъ обращаться къ нему съ рѣчью: вспомога-
тельные средства тутъ тѣ же самыя, развѣ что локализованіе голоса, раз-
дающагося отъ говорящаго, не имѣетъ здѣсь значенія.

†) И здѣсь приходится прибѣгать къ тѣмъ же вспомогательнымъ
средствамъ. Эти средства увеличиваются въ данномъ случаѣ способностью
словъ ὅδε — οὗτος — ἐκεῖνος измѣняться по родамъ (мужескому, жен-
скому и «среднему») и черезъ то обозначать родъ самихъ предметовъ, на
которые они направляютъ глазъ собесѣдника. Нельзя сказать, что способ-

самого говорящаго (иногда оно присоединяется къ самому
ἐγώ, какъ его усилительное средство: τὸνδε ἐμέ), οὗτος —
на посторонній предметъ, находящійся въ сферѣ интересовъ
собесѣдника (вышеприведенному τὸνδε ἐμέ соответствуетъ
здѣсь οὗτος σύ), а ἐκεῖνος — на предметъ удаленный
отъ собесѣдующихъ, посторонній для нихъ, но тѣмъ не менѣе
присутствующій, иначе направлять глазъ на него было бы
трудно.

Слова ἐγώ — σύ называютъ личными мѣстоимені-
ями, а вышедшія изъ ихъ родовыхъ падежей признаковыя
ἐμός — σός*) — личными притяжательными, причемъ
въ »третьемъ« лицѣ фигурируютъ въ качествѣ тѣхъ и дру-
гихъ мѣстоименій слова: οὗ-οἱ-ἐ, αὐτοῦ-αὐτῶ-αὐτόν, μιν,
μιν, ὅς-οφέτερος. Отчего у насъ эти слова не оказались
въ одной группѣ съ ἐγώ и σύ?

Отъ δεικτικόν древніе отличали ἀναφορικόν, по-
нимая ἀναφορὰν въ смыслѣ ссылки на раньше сказанное. **) Если
диктическими словами говорящій направляетъ внѣшній
глазъ на предметъ или признакъ, съ цѣлью ближе познако-
мить съ нимъ своего собесѣдника, а можетъ быть, и по-
знакомиться съ нимъ самому, то анафорическія слова съ тою
же цѣлью направляютъ нашъ умственный глазъ на что
нибудь. Направленіе умственного глаза на предметъ или

ность измѣняться по родамъ дѣлаетъ наши слова признаковыми, какъ то
можно было утверждать выше о πότερος. Въ »родѣ« нашихъ словъ, какъ
сказано, отмѣченъ именно родъ предметовъ, на которые они указываютъ.
Вообще признаковыми формальными именами въ настоящей группѣ оказы-
ваются только слова τοιόςδε, τηλικόςδε и τοσόςδε.

*) Ему есть родовой падежъ и указываетъ, что признакъ или пред-
метъ (родовой падежъ можетъ зависѣть отъ того и другого) имѣетъ такое
или иное »отношеніе« ко мнѣ, т. е. къ предмету, обозначенному въ самомъ
родовомъ падежѣ. Если въ это »такое или иное отношеніе ко мнѣ« входитъ
не признакъ, а именно предметъ, то оно (въ данномъ случаѣ это отношеніе
дифференцировалось въ принадлежность »мнѣ«) можетъ представиться при-
знакомъ самого этого предмета, и буде языкъ настолько эластиченъ, чтобы
перейти въ признаковое слово (что имѣетъ мѣсто въ данномъ случаѣ), то опъ
это дѣлаетъ (впрочемъ, какъ извѣстно, не всегда, хотя бы вышеозначенныя
условія такой замѣны были налицо).

**) Apoll. Dysc. de constr. I. 98—9: εἴ γε ἰδίωμα ἀναφορᾶς προκατε-
λεγεινὸν πρόσωπον δευτέρα γνώσις... καὶ οὕτω μερίζονται (αἱ ἀντωνυμίαι)
εἰς δεικτικάς καὶ ἀναφορικάς.

признакъ находить себѣ опору въ томъ, что мы не только держимъ въ памяти и въ представленіи предметъ или *признакъ* предмета, разъ о немъ была рѣчь, — анафорическое слово заставляетъ насъ тогда *вспомнить* все, что объ этомъ предметѣ или признакѣ говорилось въ другомъ мѣстѣ, — но любимъ помогать своими *собственными* познаніями автору рѣчи, разъясняющему намъ что нибудь, и онъ, считаясь съ этимъ, анафорическими словами заставляетъ насъ *порыться* въ этихъ познаніяхъ, чтобы *яснѣе* стало, о какихъ собственно предметахъ или признакахъ идетъ рѣчь.

Анафорически употребляются *не совсѣмъ* тѣ же слова, которыя употреблялись диктически. Нѣкоторыя изъ прежнихъ словъ нѣсколько *видоизмѣняются* при анафорическомъ ихъ употребленіи, но есть и такія, которыя появляются здѣсь *впервые*, и которыхъ въ *δείξις* не было.

Такъ какъ *все* настоящее разсужденіе объ анафорическихъ словахъ вызвано было непосредственно вопросомъ, касающимся *«личныхъ»* мѣстоименій, — «личными» они называются въ соотвѣтствіи съ тѣми «лицами», которыя выражены въ окончаніяхъ глаголовъ (ср. стр. 89.), — то прежде всего замѣтимъ, что *признаковыя* формальныя имена не имѣютъ къ «лицамъ» *никакого* отношенія. Они могутъ быть употребляемы о *всѣхъ* лицахъ.*) Что же касается въ частности нашихъ *диктическихъ* признаковъ *τοιοῦδε*, *τηλικοῦδε* и *τοσοῦδε*, то въ *анафорическомъ* смыслѣ, — когда на признакъ указывается какъ на запечатлѣвшійся въ *памяти* собесѣдниковъ, — вмѣсто нихъ употребляются слова *τοιοῦτος*, *τηλικοῦτος* и *τοσοῦτος* (въ эпическомъ языкѣ простыя *τοῖος*, *τηλίκος* и *τόσος*). А теперь перейдемъ къ *«личнымъ»* мѣстоименіямъ.

Спрашивается: употребляются ли анафорически слова *ἐγώ* и *σὺ* послѣ того, какъ говорящій познакомилъ собесѣдника съ *собою* и опредѣлил себѣ его самого? Это — отвѣтимъ мы — вполнѣ зависитъ отъ настроенія говорящаго. Дѣло въ томъ, что говорящій и собесѣдникъ, обозначаемые черезъ *ἐγώ* и *σὺ*, вплоть до *окончанія* бесѣды находятся

*) Сравни подстрочное примѣчаніе на стр. 184.

другъ у друга *на глазахъ*, въ *буквальномъ* смыслѣ этого слова, а потому говорящій *воленъ* или *указать* (*δείξει*) на себя и на собесѣдника *лишній* разъ и *обратить* еще разъ свои взоры на него, требуя отъ него того же (тогда *ἐγώ* и *σὺ* *непрѣмѣнно* произносятся съ *удареніемъ*), или же говорить о себѣ и о собесѣдникѣ какъ уже *вполнѣ* установившихся и запечатлѣвшихся въ представленіи и памяти. Въ послѣднемъ случаѣ употребляются слова *ἐγώ* и *σὺ*, поскольку это допускаютъ *внѣшнія* условія ударенія, *энклитически* и *безъ**) именительнаго падежа. Почему *безъ* этого падежа, — вполнѣ понятно. Падежи словъ *ἐγώ* и *οὐ* въ такихъ случаяхъ приходится вставлять въ рѣчь почти *исключительно* ради *синтаксической полноты*. Разговорившись съ собесѣдникомъ, я иногда вставляю фразу: *ὅλερ σοι ἔλεγον*. Это энклитическое *σοι* *само собою* подразумевается и составляетъ, по отношенію къ *ὅλερ ἔλεγον*, то, что мы въ свое время назвали «синтаксическимъ подлежащимъ» (см. стр. 173.). Въ *именительномъ* падежѣ, достаточно обозначенномъ въ *глаголь* (*ἔλεγον* = я говорилъ**), простая синтаксическая полнота *не нуждается*.

*) Съ удареніемъ, а слѣдовательно и съ именительнымъ падежемъ употребляются въ *этомъ* случаѣ слова *ἐγώ* и *σὺ* при *противопоставленіи*, или *дѣйствительно* выраженномъ (не я, а ты), или *мысленномъ* (это сдѣлалъ я; подразумевается: а не кто нибудь другой). Что это противопоставленіе ведетъ въ сущности къ «синтаксическому сказуемому» (сравни стр. 173.), само собою разумѣется. На появленіе ударенія, а слѣдовательно и именительнаго падежа, вліяетъ, впрочемъ, и разстановка словъ: когда рѣчь *начинается* съ «личнаго мѣстоименія», т. е. когда оно поставлено на *первомъ* мѣстѣ не только въ *началѣ*, но и вообще въ какомъ нибудь *отрывкѣ* рѣчи, слѣдующемъ послѣ *паузы*, то оно не можетъ употребляться энклитически, такъ какъ ему *не на что* опереться своимъ удареніемъ. Быть можетъ, впрочемъ, слѣдуетъ признавать *еще* одинъ мотивъ ударенія и появленія личнаго мѣстоименія въ *именительномъ* падежѣ. Быть можетъ, слѣдуетъ признавать въ языкѣ *интонацію*, если такъ можно выразиться, чисто *музыкальную*. Сравни Od. II 156: *ἀλλ' ἐγὼ μὲν ἐγὼν, ἵνα εἰδότες ἦ καὶ θάνατον, ἢ καὶ ἀλευσάμενοι θάνατον καὶ κῆρα φύομεν* (тутъ я не вижу ни противопоставленія, ни синтаксическаго сказуемаго вообще, а *ἐγὼν*, кажется мнѣ, поставлено просто для того, чтобы былъ соблюденъ какой то ритмическій *numerus* въ рѣчи).

**) Употребленіе именительнаго падежа и падежей вообще въ «личныхъ» мѣстоименіяхъ очень ограничено сравнительно съ простымъ существительнымъ. Прежде всего «личные» мѣстоименія не имѣютъ *звательнаго* падежа.

Что касается *третьяго* грамматическаго лица, т. е. *неодушевленныхъ* предметовъ, а также *лицъ*, не исполняющихъ роли собесѣдниковъ, то надобно различать *два* случая: или это третье грамматическое лицо находится *здѣсь*, на мѣстѣ разговора, или оно — гдѣ то далеко отъ бесѣдующихъ, такъ что послѣдніе его *не видятъ*. Въ первомъ случаѣ опять таки говорящій *волеетъ*, *заговариваетъ* о немъ и *устанавливаетъ* его какъ *предметъ* разговора, въ дальнѣйшей рѣчи или лишній разъ *указываетъ* на него, при посредствѣ тѣхъ же словъ *ὁ δέ*, *οὗτος* и *ἐκεῖνος*, или же говорить о немъ, какъ *запечатлѣвшимся* уже въ памяти собесѣдниковъ, и тогда появляются *анафорическія* формальныя слова, а именно: 1. для «синтаксической полноты» и безъ именительнаго падежа — слова (они *тоже* — энклитическія, насколько это допускаютъ *внѣшнія* условія ударенія): *οὐ* — *οἱ* — *ἐ*, *μιν* — *μιν*, *αὐτοῦ* —

Въ сущности, вопросъ о звательномъ падежѣ касается *одного* только *ὁ* — *ὁ μείς*, а ему, конечно, звательнаго падежа не нужно, такъ какъ оно самимъ *именительнымъ* падежемъ, въ силу его *диктическаго* значенія, опредѣляетъ собесѣдника. Что же касается именительнаго падежа *всѣхъ вообще* «личныхъ» мѣстоименій, то, несомнѣнно, онъ, наравнѣ съ *простымъ* именемъ существительнымъ, можетъ быть «ближайшимъ» опредѣлителемъ лица, показаннаго въ окончаніи глагола, но тогда это уже во *всякомъ* случаѣ синтаксическая *тавтологія*, сопряженная съ *интонаціею* личнаго мѣстоименія и вызванная какимъ нибудь однимъ изъ мотивовъ, приведенныхъ въ предыдущемъ примѣчаніи. Затѣмъ, относительно того именительнаго падежа и падежей вообще, которые появляются въ рѣчи въ силу *согласованія*, нужно сказать, что «личныя» мѣстоименія не могутъ исполнять никакой роли *признаковыхъ* словъ (ибо какъ можетъ «личное» мѣстоименіе исполнять роль того, что, какъ выше сказано, никакого лица не имѣетъ?). Они могутъ быть либо психо-логическими, а то и логическими *подлежащими* (только не логическими *опредѣляемыми*; ибо мыслимъ ли логическій объемъ какого нибудь *ἐγώ* или *σὺ*, которое представляетъ чистую форму и не имѣетъ матеріальнаго содержанія?), либо могутъ попасть въ логическое равенство (вышеприведенное *οὗτος* *σὺ* есть также логическое равенство). Во *всѣхъ* случаяхъ согласованія личное мѣстоименіе должно служить *опорою* слову, которое съ нимъ согласуется, и это обстоятельство способно оказаться достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы само личное мѣстоименіе произносилось съ удареніемъ (конечно, какое нибудь *ἄνθρωπος* *εἶμι* въ этой опорѣ не нуждается, такъ какъ лицо показано въ окончаніи глагола, и ударяемое *ἐγώ* появляется здѣсь опять таки только тогда, когда оно вызвано однимъ изъ приведенныхъ въ предыдущемъ примѣчаніи мотивовъ). Вся настоящая замѣтка будетъ вполнѣ понятна, если читатель припомнитъ сказанное объ именительномъ и звательномъ падежахъ и о согласованіи вообще въ третьемъ отдѣлѣ нашего изслѣдованія.

αὐτῷ — *αὐτόν**; 2. при *противопоставленіи* или вообще при *интонаціи* (съ *именительнымъ* падежемъ): изъ прежнихъ диктическихъ *два* (*οὗτος* и *ἐκεῖνος*), съ различіемъ въ значеніи, которое скоро будетъ выяснено, а затѣмъ слова *ὁ* — *ἡ* — *τό* (сравни: *ἐγὼ μὲν... οἱ δέ*), *ὅς*, а также ударяемое *οὐ* — *οἱ* — *ἐ* (именительнаго падежа тутъ *нѣтъ*; нѣтъ его, впрочемъ, только въ *единственномъ* числѣ; во множественномъ выработана форма *οφείς*).

Слѣдовало бы теперь перейти къ разсужденію объ анафорическихъ формальныхъ словахъ, употребляющихся объ *отдаленныхъ* отъ собесѣдниковъ и не *находящихся* на ихъ глазахъ предметахъ. Но, быть можетъ, практичнѣе будетъ предварительно попытаться, насколько возможно, выяснить вопросъ относительно того *богатства* и *разнообразія* анафорическихъ словъ, съ которыми мы только что познакомились. Казалось бы на первый взглядъ, что ихъ столько не нужно. Быть можетъ даже, нѣкоторое ихъ «излишество» найдетъ себѣ оправданіе въ томъ, что не *всѣ* они — «анафорическія».

Мы понимаемъ появленіе *рядомъ* съ словами *οὗτος* и *ἐκεῖνος* еще и простаго *ὁ* — *ἡ* — *τό***). Ибо какъ бы въ концѣ концовъ ни разъяснилось различіе словъ *οὗτος* и *ἐκεῖνος*, они, какъ и русскія *этотъ* — *тотъ*, должны быть подъ рукою для большей ясности на тотъ случай, когда «*предметомъ* разговора» сдѣлалось не *одно* третье грамматическое лицо, а *два* (вотъ тебѣ *дворецъ*, и вотъ тебѣ *хата*; эта имѣетъ такіе то признаки, а тотъ — такіе то). Тамъ, гдѣ не приходится дѣлать различіе между *нѣсколькими* предметами третьяго грамматическаго лица, — тамъ могло имѣть мѣсто простое *ὁ*. Такъ, у Омира постоянно употребляется *ὁ* въ смыслѣ русскаго *онъ* (т. е. тотъ, о комъ идетъ рѣчь = кто сдѣлался предметомъ разговора); вышеприведен-

*) Извѣстно разсужденіе древнихъ о томъ, что *αὐτόν*, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, слѣдовало бы *энклитировать*, какъ энклитируются трохенческія *φημί*, *ἐστί* и т. д.

**) Мы говоримъ «простое» *ὁ* — *ἡ* — *τό* въ виду того, что слово *οὗτος*, какъ ни трудно уяснить его образованіе, этимологически является лишь *осложненіемъ* того же *ὁ*. См. Bruggmann Grundriss II. 767 и 775.

ное $\epsilon\gamma\omicron\mu\epsilon\nu$ ... $\omicron\iota\delta\acute{\epsilon}$ значить: »съ одной стороны я, а съ другой тѣ третьи грамматическія лица, о которыхъ зашла рѣчь« и т. д. (иногда $\omicron\iota\mu\epsilon\nu$ ... $\omicron\iota\delta\acute{\epsilon}$ употребляется *раздѣлительно*: »одни изъ тѣхъ, о которыхъ зашла рѣчь ... другіе же« ... *; объ этомъ, впрочемъ, ниже).

Мы понимаемъ дальше, что кромѣ »различительныхъ« $\omicron\upsilon\tau\omicron\varsigma - \epsilon\chi\epsilon\iota\nu\omicron\varsigma$ и кромѣ »безразличнаго« $\acute{\omicron} - \eta - \tau\acute{\omicron}$ могло понадобится для третьяго грамматическаго лица еще одно слово, тоже »безразличное.« Славянскій языкъ выработалъ для этой цѣли *рядомъ* съ вышеприведеннымъ *онъ* (въ рускомъ языкѣ склоняють не *онъ*, а *онъй* = *оного* - *оному* и т. д.) еще *н - ѡ - ѡ - его - ему*. Одно слово могло быть предназначено для вызова въ слушатель болѣе *напряженнаго* воспоминанія о предметѣ, рѣчь о которомъ разъ уже *зашла* и потомъ, черезъ нѣсколько мгновений, опять *возобновляется*, а другое могло служить *дѣйствительно* лишь, какъ мы раньше сказали, для »синтаксической полноты«, не нуждаясь въ именительномъ падежѣ и указывая на предметъ какъ на нѣчто, что *само собою* подразумевается, о чемъ *напомянуть* особенно нечего (*онъ*, т. е. лицо, о которомъ зашла рѣчь, *пришелъ*; и *вотъ* я *сказалъ*, *разумѣй ему*). Если мы славянское *онъ* сопоставляли съ греческимъ $\acute{\omicron} - \eta - \tau\acute{\omicron}$ **), то славянскому *н - ѡ - ѡ* отвѣчало бы греческое $\mu\iota\nu - \nu\iota\nu$. Последнее этимологи прямо признають за редуцированную форму отъ темы *и* (латинское *is*), и принимаютъ его за сокращенное *и - и - и* и *и - и - и* ***). Но это слово сохранилось только въ вещномъ падежѣ, слѣдовательно, на него нужно смотрѣть больше какъ на »окаменѣлость«, образовавшуюся отъ того, что въ ту роль,

*) Быть можетъ, эта замѣтка вызываетъ недоумѣніе; быть можетъ, читатель понимаетъ $\omicron\iota\mu\epsilon\nu$ ... $\omicron\iota\delta\acute{\epsilon}$ въ смыслѣ »различительныхъ« $\omicron\upsilon\tau\omicron\varsigma - \epsilon\chi\epsilon\iota\nu\omicron\varsigma$ (эти — тѣ). Это недоумѣніе будетъ скоро устранено.

**) Только отчего тогда $\acute{\omicron} - \eta - \tau\acute{\omicron}$ не имѣетъ въ нѣкоторыхъ формахъ ударенія, разъ оно служитъ вызовомъ *напряженнаго* воспоминанія? И это выяснится скоро.

***) См. Curtius Grundz. 543. Иначе, впрочемъ, разъясняетъ его Brugmann Grundr. II. 770, хотя и онъ приводитъ его въ этимологическую связь съ латинскимъ *is - ea - id*. Предупреждаемъ читателя, что къ $\mu\iota\nu$ придется еще вернуться.

которую оно исполняло при своей жизни, вмѣшалось другое слово. Этимъ другимъ словомъ въ омировскомъ языкѣ явился симасіологическій сосѣдъ нашего *и - и*, именно само слово $\acute{\omicron} - \eta - \tau\acute{\omicron}$, которое, будучи первоначально этимологически, а слѣдовательно и *симасіологически* ослабленнымъ $\omicron\upsilon\tau\omicron\varsigma$ ($\omicron\upsilon\tau\omicron\varsigma$, какъ сказано, есть »различительное« слово, а $\acute{\omicron} - \eta - \tau\acute{\omicron}$ — »безразличное«), проявило лишь *градацію* этого ослабленія, когда опустилось на степень славянскаго *его - ему - его*. Однако, у того же Омира, *наряду* съ $\acute{\omicron} - \eta - \tau\acute{\omicron}$, а вполнѣ какъ *полный* побѣдитель надъ самимъ $\acute{\omicron} - \eta - \tau\acute{\omicron}$ (побѣдить его было легко, такъ какъ сама борьба съ нимъ велась изъ за роли, ему, въ сущности, *чужой* и имъ только *присвоенной*), выступаетъ въ значеніи славянскаго *его - ему - его* слово $\alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon - \alpha\upsilon\tau\eta - \alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon$. Оно, какъ ниже окажется, вмѣшалось въ борьбу слова $\acute{\omicron} - \eta - \tau\acute{\omicron}$ съ темою *уа* (т. е. съ тѣмъ, отъ чего у насъ осталось $\mu\iota\nu$ и $\nu\iota\nu$) совершенно со стороны, но — *duobus certantibus tertius gaudet*.

Роль »безразличнаго« анафорическаго слова по отношенію къ *третьему* грамматическому лицу, — касалась ли эта »безразличность« вызова болѣе *напряженнаго* воспоминанія, или только »синтаксической полноты,« — послужила ареною борьбы и для слова $\omicron\upsilon - \omicron\iota - \epsilon$, благо слово $\acute{\omicron} - \eta - \tau\acute{\omicron}$, какъ *неударяемое* въ нѣкоторыхъ своихъ формахъ, мало было способно вызывать это *напряженное* воспоминаніе, и сама тема *уа*, служившая для синтаксической полноты, охотно уступала мѣсто *всякому* слову, заявившему на эту роль притязаніе. Слово $\omicron\upsilon - \omicron\iota - \epsilon$, — такъ мнѣ представляется дѣло, — имѣло первоначально другое назначеніе. Оно этимологически связано съ латинскимъ *sui - sibi - se* и съ славянскимъ *себя - себѣ*. Нетрудно понять, что залоговая возвратность, т. е. переходъ дѣйствія туда же, откуда оно вышло, представлялась явленіемъ, стоящимъ въ задачахъ языка *особнякомъ*, и что для этого явленія языкъ считалъ себя обязаннымъ выработать *особыя* слова. Нетрудно понять, что это явленіе и вызванная имъ задача особенно рѣзко давали себя чувствовать по отношенію къ *третьему* грамматическому

лицу. Ибо первое лицо есть всегда *одно* (это — самъ говорящій), второе *тоже* одно (это — собесѣдникъ), а только третьихъ грамматическихъ лицъ въ самой несложной рѣчи *нѣсколько*, и тутъ то больше всего могла выступить потребность отличить въ языкѣ, что дѣйствіе въ *залоговомъ* отношеніи переходитъ среди всѣхъ внесенныхъ въ рѣчь третьихъ лицъ *именно* на то лицо, о которомъ идетъ рѣчь какъ *производитель* даннаго дѣйствія. Другими словами, «возвратное» мѣстоименіе (считать ли его «анафорическимъ»?*) имѣетъ наибольшій *raison d'être* въ *третьемъ* грамматическомъ лицѣ, и если славянскій языкъ его обобщилъ на *всѣ* грамматическія лица, то другіе языки могли распорядиться по своему. Мы подозреваемъ, что и въ греческомъ языкѣ *οὐ-οἱ-ἐ* было первоначально «*возвратнымъ*»,*) относясь при этомъ только къ третьему грамматическому лицу, и что оно уже *по этому* не имѣло возможности образовать именительный падежъ, такъ какъ переходъ дѣйствія къ *именительному* падежу — немыслимъ.

Въ *письменномъ* греческомъ языкѣ мы застаемъ слово *οὐ-οἱ-ἐ* съ самаго начала (у Омира) въ борьбѣ за роль «безразличной» анафоры въ области третьяго грамматическаго лица. Она, эта роль, ему вполнѣ приличествовала, такъ какъ была лишь расширеніемъ его *собственного* значенія, встрѣчающагося *также* довольно часто у Омира: слово, обозначавшее первоначально, что *дѣйствіе* оказывается въ *переходѣ* своемъ при томъ же лицѣ, отъ котораго оно вышло какъ отъ своего *производителя*, легко могло выразить, что *рѣчь* остается въ *продолженіи* своемъ при томъ же грамматическомъ лицѣ, которое было и раньше предметомъ *разговора*. Тамъ, гдѣ приходилось вызывать «*напряженное*» воспоминаніе о третьемъ грамматическомъ лицѣ, или вообще «*интонировать*» его, тамъ оно употреблялось съ удареніемъ, а гдѣ о третьемъ лицѣ говорилось лишь для

*) Возвратность, въ сущности, не есть *анафоризмъ*, — не есть «*притоминаніе* о предметѣ, съ которымъ мы предварительно познакомились», а потому мы бы *исключили* слово *οὐ-οἱ-ἐ* изъ числа анафорическихъ словъ, по *первоначальному* значенію.

синтаксической полноты, тамъ оно появлялось *энклитически*. Для правильнаго функционированія въ *первомъ* изъ указанныхъ здѣсь двухъ случаевъ ему не доставало именительнаго падежа, хотя, какъ сказано, въ *множественномъ* числѣ оно его *создало*, — создало *нарочно* для этого случая (я разумѣю форму *οφείζ*). Въ *послѣднемъ* мировомъ языкѣ — въ случаяхъ *энклитиса* возобладало всюду *вмѣшавшееся* въ борьбу за роль третьяго грамматическаго лица *αὐτοῦ* — *αὐτῷ* — *αὐτόν*, а въ случаяхъ *интонаціи* стали входить въ употребленіе болѣе *сложныя*, сравнительно съ *ὁ-ἡ-τό*, а слѣдовательно и болѣе *вѣскія* *οὗτος* и *ἐκεῖνος* съ синасцологическими отгѣнками, которые все еще у насъ не выяснены. Тогда то слово *οὐ-οἱ-ἐ* возвратилось къ своей *первоначальной* роли. къ роли *возвратнаго* мѣстоименія *третьяго* грамматическаго лица. Въ этой роли оно, для *усиленія* своего значенія, стало принимать къ себѣ слово *αὐτό*, — не то «*энклитическое*» *αὐτοῦ-αὐτῷ-αὐτόν*, о которомъ была только что рѣчь, а то *первоначальное* *αὐτός* (*ἑαυτοῦ* = онъ наказываетъ *самого* себя), о которомъ рѣчь впереди. Не незнакома греческому языку — и та *общевозвратная* (относящаяся ко *всѣмъ* грамматическимъ лицамъ) роль слова *οὐ-οἱ-ἐ*, которую мы видимъ въ славянскомъ *себя-себѣ*.*)

Нельзя сказать, чтобы всѣми приведенными разсужденіями достаточно былъ выясненъ вопросъ о «*богатствѣ*

*) Это общевозвратное значеніе слова *οὐ-οἱ-ἐ* развилось, какъ извѣстно, въ Александрійское время, но и въ классической литературѣ оно встрѣчается нѣрѣдко (списокъ мѣстъ смотри Kühner Ausf. Gramm. II. 497-7). Что же касается самого Омира, то у него кое гдѣ встрѣчается притяжательное *έός* въ общевозвратномъ смыслѣ (*σὺ δὲ φρεσὶ ἤβειν ἰανθής* — II. τ 174; *δῶμασι οἷσι ἀνάσσεις* — Od. α 402; *ἔτ' ἐπιμνησάμεθα σεῖο οἷσιν ἐνὶ μεγάροισι* — Od. δ 192, *οὗτοι ἔρωγε ἥς γαίης δύνανται γλυκερώτερον ἄλλο ἰδέσθαι* — Od. ι 28). Само *личное* «*οὐ-οἱ-ἐ*» употреблено у Омира въ *общевозвратномъ* смыслѣ только разъ, а именно II. κ 398: *φύειν βουλευοίτε μετὰ φίλοισιν*. Аристархъ не принимаетъ этого стиха и этимъ даетъ знать, что онъ вообще не признаетъ за темою *αὐα* общевозвратности въ *омировскомъ* языкѣ. Мы также думаемъ, что *общевозвратность* темы *αὐα* слѣдуетъ считать за *послѣдній* фазисъ синасцологическаго развитія этой темы, а не за *первоначальную*, какъ то приходится иногда слышать особенно о *славянскомъ* «*себя-себѣ*». Если Аристархъ, не признающій стиха II. κ 398, въ то

и разнообразіи анафорическихъ словъ», перечисленныхъ на стр. 420-1. Мы предупреждали читателя, что постараемся его объяснить лишь настолько, насколько это возможно пока-мѣсть. Въ дальнѣйшемъ придется его еще касаться, а теперь перейдемъ къ анафорѣ *отдаленныхъ, не находящихся* на виду говорящаго и слушателя, предметовъ.

Вопервыхъ, *отдаленнымъ* предметомъ можетъ быть *только* третье грамматическое лицо (нельзя же представить отдаленными отъ собесѣдниковъ самихъ *собесѣдниковъ*). Во-вторыхъ, это можетъ быть *именно* только *»предметъ«*, а не *признакъ*; нельзя же говорить о какомъ то отдаленномъ *признакѣ* (можно говорить о признакѣ *отдаленнаго предмета*, но не объ *отдаленномъ признакѣ**). Втретьихъ, на отдаленный предметъ нельзя *указать* (δείξει); къ нему примѣнны *только* анафорическія, а не диктическія слова. Что же это за анафорическія слова и какова ихъ симасіология? Отвѣтъ на этотъ вопросъ — общеизвѣстенъ. Только ради *систематичности* мы приводимъ его въ видѣ нѣсколькихъ *правилъ*.

1. Если мы *впервые* заговорили объ отдаленномъ предметѣ, — отдаленномъ ли по мѣсту, или по времени, — то анафорическое слово при немъ**) мыслимо *только* въ смыслѣ приглашенія нашего слушателя порыться въ своихъ соб-

же время мирится съ общевозвратностью *притяжательнаго* (Od. δ 192 онъ, повидимому, считаетъ неподлиннымъ только лишь потому, что при ἐπὶ μὴ βαίμεθα, т. е. при множественномъ числѣ самихъ *владѣльцевъ τῶν μευάρων*, онъ ожидаетъ не οἰβίζν, а σφετέροισιν), то вопросъ еще, *есть ли* это общевозвратность? Какъ наше слово *свой*, даже если бы мы его не чувствовали общевозвратнымъ, легко переходитъ въ значеніе *собственный*, — значеніе, гдѣ о какомъ бы то ни было лицѣ и *помину* нѣтъ, такъ и греческое ἰδὸς — σφετέρος могло перейти въ значеніе ἰδὸς помимо всякой общевозвратности.

*) По этому *признаковому* анафорическія слова не измѣняютъ того положенія, которое мы имъ опредѣлили на стр. 418.

**) Мы говоримъ *»при немъ«*. Слѣдовало сказать *»при его названіи«*; ибо и къ анафорическимъ формальнымъ существительнымъ присоединяются (по понятной читателю причинѣ это бываетъ гораздо чаще, чѣмъ при диктическихъ) сами *названія* предметовъ (сравни стр. 416). Что эти *»названія«* предметовъ, т. е. эти *матеріальныя* существительныя, находятся въ *»логическомъ равенствѣ«* съ *формальными* существительными (въ такомъ же логическомъ равенствѣ, на какое мы указывали въ οὗτος σὺ на стр. 420), — само собою разумѣется.

ственныхъ познаніяхъ объ этомъ предметѣ и черезъ то и съ *своей* стороны посодѣйствовать пониманію нашей мысли, *дополняя* сказанное нами о предметѣ *своимъ* знаніемъ его. Анафорически употребляется здѣсь то же слово, которое въ *диктическомъ* значеніи относилось къ *постороннимъ* для собесѣдниковъ и принадлежащимъ *третьему* грамматическому лицу предметамъ. Это — слово ἐκεῖνος (ἐκεῖνος ὁ Πελοποννησιακὸς πόλεμος* = та, отдаленная отъ насъ и *извѣстная* тебѣ, слушатель, — быть можетъ даже *»знаменитая«*, — Пелопоннесская война).

2. Если мы *сами* говорили о предметѣ раньше, а потомъ, черезъ нѣсколько времени, *возвращаемся* къ нему, то черезъ ἐκεῖνος можемъ приглашать слушателя вспомнить не только то, что онъ *самъ* знаетъ о данномъ предметѣ, но наряду съ этимъ, а можетъ быть *исключительно* — то, что мы сами ему о немъ *сообщили*.

3. Быть можетъ, мы заговорили о предметѣ *только что*, и тогда обращаемъ вниманіе слушателя на это сказанное черезъ οὗτος (описавъ сраженіе, или вообще *по-знакомивъ* такъ или иначе съ сраженіемъ, авторъ часто потомъ продолжаетъ: αὐτὶ οὖν ἡ μάχη = и вотъ это, только что описанное сраженіе). Впрочемъ, и въ *этихъ* случаяхъ у говорящаго можетъ возникнуть желаніе подчеркнуть *именно* отдаленность предмета (отдаленность или по мѣсту, или по времени, а то даже *по отсутствію интереса* къ предмету), и тогда вмѣсто οὗτος снова появляется ἐκεῖνος (καὶ ἐκεῖνον τὴν νύκτα πάσαν ἔφευγον = и ту злополучную, только что описанную ночь *всю* провели въ бѣгствѣ). Обыкновенно, однако, какъ уже раньше на то указано по отношенію къ *присутствующимъ* предметамъ третьяго грамматическаго лица (стр. 421), слова οὗτος и ἐκεῖνος употребляются и здѣсь съ *»различительнымъ«* значеніемъ. Они встрѣчаются, когда приходится анафорировать два предмета *сразу*, причемъ *вообще* *»οὗτος«* употребляется о болѣе *близкомъ* —, а ἐκεῖνος — о болѣе *отдаленномъ* предметѣ, въ какомъ

*) Почему здѣсь рядомъ съ ἐκεῖνος еще и ὁ, — выяснится ниже.

бы смыслъ ни приходилось толковать эту «близость» и «отдаленность», — по мѣсту, ли, или по времени, или даже по *интересу*, а то и просто по самой *ссылкѣ*. Въ послѣднемъ случаѣ *ἐκεῖνος* анафорическируетъ предметъ, приведенный *подальше* отъ мѣста ссылки, а *οὗτος* — тотъ, который *поближе* къ этому мѣсту (сравни русское: «встрѣтись друзей и недруговъ: *ты* поддержать тебя, а *эти* постараются сбить тебя съ толку»; что при такой *близости* анафорическируемыхъ предметовъ сами анафорическія слова не нуждаются въ соединеніи къ нимъ *названій* этихъ предметовъ, — само собою разумѣется).*)

Анафорировать можно только что упомянутый предметъ и черезъ *ὁ*. Слово *ὁ*, конечно, не можетъ принять на себя того «различительнаго» характера, который съ удобствомъ влагается въ *οὗτος* и *ἐκεῖνος*, и могло встрѣчаться только тамъ, гдѣ приходилось анафорировать *одинъ* предметъ, а не два сразу.**) Оно, такъ сказать, могло *замѣнять* собою слово *οὗτος* въ томъ его значеніи, въ какомъ мы о немъ упоминали въ *началѣ* предыдущаго третьяго пункта. Такъ оно употреблялось у *Омира*. Но въ послѣдствіи въ качествѣ замѣны слова *οὗτος* оно встрѣчается все рѣже. Одинъ изъ случаевъ *такого* его употребленія представляетъ собою *οἱ μὲν . . . οἱ δέ*. Было бы ошибочно утверждать, что въ данномъ оборотѣ слово *ὁ* принимаетъ на себя «различительное» значеніе. Если тутъ *можно* толковать о «различительности», то она выражена въ самихъ *μὲν* и *δέ*. Въ самомъ дѣлѣ, *οἱ μὲν . . . οἱ δέ* ведетъ къ переводу «вышеприведенные предметы *съ одной* стороны . . . вышеприведенные предметы *съ другой* стороны». Что значить здѣсь «*съ одной* и *съ другой* стороны»? Это значитъ, что «вышеприведенные предметы» или, точнѣе, вышеприведенная *группа* предметовъ — дѣлится на двѣ *половины* (такъ и *встрѣчается* «*οἱ μὲν . . . οἱ δέ*»: много у него недруговъ; одни преслѣдуютъ его а другіе...).

*) Всѣмъ этимъ мы и отвѣчаемъ на вопросъ, возбужденный по поводу словъ *οὗτος* и *ἐκεῖνος* на стр. 421.

**) Конечно, за слово *ὁ-ή-τό* опять *таки* цѣпляются здѣсь всѣ тѣ формальныя имена, о которыхъ мы говорили на стр. 422-3.

Кромѣ того, конечно, «*съ одной* стороны» и «*съ другой* стороны», выраженное въ *μὲν* и *δέ*, сводится къ замѣнѣ оборотомъ *οἱ μὲν . . . οἱ δέ* «различительныхъ» *οὗτος* и *ἐκεῖνος*, но это лишь до *нѣкоторой* степени и въ *извѣстномъ* смыслѣ. Ибо какой изъ «вышеприведенныхъ» предметовъ анафорическируется въ этихъ случаяхъ выраженіемъ *οἱ μὲν*, и какой — выраженіемъ *οἱ δέ*, это *не дано* такъ ясно въ самихъ выраженіяхъ, какъ это было дано въ *οὗτος* и *ἐκεῖνος*, а должно быть усматриваемо изъ *общаго* контекста.*)

Слово *ἀναφορά* — очень выразительный терминъ, но ему слѣдовало противопоставить *ἐπιφοράν*. Съ такимъ же правомъ, съ какимъ наши формальныя имена указываютъ на «вышесказанное» или вообще на «раньше узнанное», они могутъ указывать и на «нижеслѣдующее». Правда, это «нижеслѣдующее» должно слѣдовать *непосредственно* послѣ произнесенія самого формальнаго слова, и, такимъ образомъ, *ἐπιφορά* можетъ составить pendant лишь той анафорѣ, въ которой мы имѣемъ дѣло съ «*только* что упомянутымъ», и притомъ *безъ* «различительнаго» характера, такъ какъ *предупреждать* формальнымъ именемъ мы можемъ только объ *одномъ* «нижеслѣдующемъ», а не *двухъ* сразу. Эпифорически употребляется *только* — по отношенію къ «предметамъ» *ὁ δέ-ή δέ-τό δέ*, а по отношенію къ «признакамъ» — *τοῖός δέ-τηλικός δέ-τοσοός δέ**), что вполне понятно, такъ какъ то, о чемъ говорящій желаетъ *предупредить* слушателя формальнымъ словомъ, онъ самъ, какъ бы, пред-

*) Вотъ отвѣтъ на вопросъ, возбужденный на стр. 422. въ подстрочномъ примѣчаніи. Когда мы читаемъ у Ксенофонта (Сугор. VIII. 4. 14): *χαλεπώτερόν ἐστιν εὐρεῖν ἄνδρα τ' ἀγαθὸν καλῶς φέροντα ἢ τὰ κακά τὰ μὲν γὰρ ἔβριον τοῖς πολλοῖς, τὰ δὲ σωφροσύνην τοῖς πάντιν ἐμποιοῖ*, то здѣсь сказано *только*: вышеприведенное *съ одной* стороны есть источникъ преступности для большинства, вышеприведенное *съ другой* стороны есть источникъ воздержанія отъ преступленій для всѣхъ; къ чему въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ отнести «вышеприведенное», — это можно усмотрѣть лишь изъ *контекста*.

*) Слова *ὁ δέ-τοῖός δέ-τηλικός δέ-τοσοός δέ* не употребляются никогда *анафорически*. Этому утвержденію, какъ будто, противорѣчатъ нѣкоторыя мѣста особенно часто приходится ихъ встрѣчать у Иродота, — гдѣ *ὁ δέ* и пр. относятся къ «вышесказанному». Что это противорѣчіе — *только* кажущееся,

видитъ собственными глазами, считаетъ это, пока оно не сообщено слушателю, своею собственностью, а потому и можетъ употребить диктическое слово »перваго лица« (сравни выше стр. 416-7). Иногда, положимъ, говорятъ такъ: τοῦτο γὰρ δὴ μόνον διάφορον ἐν τῇ πορείᾳ ἐγένετο, ἢ τοῦ ἡγεμόνος κακῶσις καὶ ἀμέλεια (Хен. Anab. IV. 6. 3). Не противорѣчитъ духу греческаго языка и такая фраза: ἀλγυνότατον θάνατον θανεῖν πρόθυμός ἐμι ἐκείνῃ τῇ ἡμέρᾳ ἢ με ἐλευθερώσει τοῦτου τοῦ κακοῦ. Это не значить, что οὗτος или ἐκεῖνος употребляются *эпифорически*. Оба слова въ *данныхъ* примѣрахъ относятся къ синтаксически *зависимымъ* выраженіямъ. Во *второмъ* примѣрѣ мы имѣемъ дѣло даже не съ эпифорією, и не съ анафорією, а просто съ »соотносительностью«, о которой рѣчь впереди, а въ *первомъ* сама синтаксическая *зависимость* представляетъ собою нѣчто, что допускаетъ и *другую* разстановку, и тогда слово *тоῦτο* (въ другихъ случаяхъ можетъ появиться и ἐκεῖνο и τοιοῦτο и пр.) окажется и *внѣшнимъ* анафорическимъ, какъ имъ было *внутреннимъ* при данной разстановкѣ (какъ извѣстно, грекъ даже *предпочитаетъ* въ примѣрахъ, похожихъ на нашъ, разставлять слова такъ: ἢ τοῦ ἡγεμόνος κακῶσις καὶ ἀμέλεια, τοῦτο μόνον διάφορον ἐν τῇ πορείᾳ ἐγένετο).

Самымъ *краткимъ* анафорическимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и эпифорическимъ формальнымъ именемъ оказывается слово *ὁ-ἡ-τό*. Хотя настоящая статья находится въ связи съ замѣткою объ анафорическомъ *ὁ-ἡ-τό*, помѣщенной на стр. 428, но тамъ мы имѣли въ виду, какъ читатель могъ догадаться, *самостоятельное* *ὁ*, не въ соединеніи съ »материальнымъ« именемъ, — то же *ὁ*, о которомъ мы упоминали на стр. 421. Въ настоящей же статьѣ мы намѣрены разоб-
 браться то *ὁ*, которое соединяется съ »материальнымъ« име-

доказать нетрудно. Мы думаемъ, что въ *данномъ* случаѣ *ὁ* и пр. является *чисто* диктическимъ. Когда говорятъ по русски »онъ мнѣ сказалъ, что онъ неспособенъ къ тому дѣлу, а вѣдь сказать такую вещь, согласитесь, значитъ недовѣрять себѣ«, то, произнося слово *этакую*, совсѣмъ даже не думаятъ, о томъ, что о предметѣ »только что упомянуто«, а просто *предводятъ* его такъ сказать (*тоже* — своего рода метафора!), предъ глаза слушателя.

немъ и даже, какъ окажется, съ другими словами, и которое обыкновенно называютъ »членомъ«. Какъ извѣстно, оно доходитъ до симасіологическихъ тонкостей, съ которыми чрезвычайно трудно справиться. Еще въ 1877 г., въ моихъ »Исслѣдованіяхъ въ области греческаго мѣстоименія«, я задался вопросомъ о значеніи этого слова и до сихъ поръ не нашелъ въ самой *фактической* сторонѣ языка ничего, что противорѣчило бы теоріи, изложенной въ упомянутомъ сочиненіи. Позволяю себѣ вкратцѣ *повторить* эту теорію, дополнивъ ее тѣмъ, что для нея вытекаетъ изъ *всей* системы симасіологій частей рѣчи и ихъ формъ.

Принимая слово *ὁ-ἡ-τό* за формальное *существительное* (какимъ было и *ὁδε-οὗτος-ἐκεῖνος*), а не за формальное *признаковое* имя, я различаю *шесть* отбѣнковъ въ его значеніи. По этимъ отбѣнкамъ я его называю: 1. *ὁ* историческаго намека; 2. *ὁ* анафорическое въ болѣе узкомъ смыслѣ этого слова; 3. *ὁ* контекстивное; 4. *ὁ* раздѣлительное; 5. *ὁ* синтаксическаго подлежащаго; 6. *ὁ* эпифорическое или грамматическое. Разъяснимъ эти термины.

1. О историческаго намека отличается, конечно, прежде всего *краткостью* отъ того *ἐκεῖνος*, которое мы на стр. 427. толковали въ смыслѣ »тотъ, отдаленный отъ насъ и *извѣстный* тебѣ, слушатель, предметъ«. По своей краткости оно не можетъ чувствоваться настолько выразительнымъ, какъ само *ἐκεῖνος*, а потому при желаніи *подчеркнуть* извѣстность и *отдаленность* оно *замѣняется**) словомъ *ἐκεῖνος*. Когда мы излагаемъ что — нибудь нашему

*) Мы говоримъ »замѣняется«. Это значить, что если появляется *ἐκεῖνος*, то нѣтъ мѣста слову *ὁ*, и наоборотъ. Такъ было дѣйствительно въ старину. Впослѣдствіи, однако, языкъ сдѣлалъ для себя обязательнымъ — не только *ἐκεῖνος*, но и *οὗτος* и *ὁδε* какъ въ ихъ анафорическомъ (respective эпифорическомъ), такъ и диктическомъ и *всякомъ* вообще значеніи *усиливать* словомъ *ὁ*. Мы въ этомъ видимъ явленіе, аналогичное русскому *это-то*. Положимъ, грекъ привыкъ прибѣгать къ такому усилению *только* передъ *материальными* существительными (*ἐκεῖνος ὁ πόλεμος*), а не при *самостоятельномъ* употребленіи формальныхъ существительныхъ, т. е. не въ тѣхъ случаяхъ, когда *формальное* существительное *обходится*, при обозначеніи предмета, безъ названія самого предмета (сравни выше стр. 416 и 426, подстрочныя примѣчанія). Вотъ отвѣтъ на вопросъ, возбужденный подстрочнымъ же примѣчаніемъ на стр. 427.

собесѣднику, то въ нашей рѣчи постоянно чередуются *намеки*, въ которыхъ мы разсчитываемъ и опираемся на *собственные* познанія собесѣдника, съ *непосредственными* изложеніемъ, въ которомъ мы сообщаемъ *отъ себя* имѣющее быть для собесѣдника *новостью*. Намеркомъ можетъ являться *одинъ* какой нибудь «историческій терминъ» (ὁ Πελοποννησιακὸς πόλεμος**), или цѣлая сложная рѣчь. Въ русскомъ *разговорномъ* языкѣ мы слышимъ, напримѣръ, такую рѣчь: «Когда *это* ввалились французскія *то* полчища въ Москву *то*, въ двѣнадцатомъ *то* году, тогда...», а теперь говорящій начинаетъ излагать нѣчто *отъ себя*. Въ приведенномъ «сложномъ» историческомъ намекѣ слово *это* принадлежитъ, какъ бы, къ *цѣлой мысли*, а затѣмъ авторъ рѣчи употребляетъ при отдѣльных именахъ слово «то» совершенно *произвольно*, прибавляя его къ *какому угодно* имени (даже иногда къ *глаголу*!) и уснащая имъ весь историческій намекъ до стилистической тяжеловатости. Греческій языкъ не прибѣгаетъ въ сложныхъ историческихъ намекахъ къ такому средству какъ русское *общее* «это» (когда *это* ввалились), но затѣмъ онъ свое ὁ-ή-τό ставитъ совершенно такъ же, какъ русскій свое *то* (только къ *глаголу* онъ его не прибавляетъ, такъ какъ его ὁ-ή-τό слишкомъ еще чувствуется «именемъ», *склоняющимся* и имѣющимъ *родовыя* окончанія). Сравни Thuc. 1. 9.: Ἀγαμέμνων τέ μοι δοκεῖ τῶν τότε δυνάμει προύχων (= Агамемнонъ дѣйствовалъ какъ возвышающійся надъ остальными своимъ *могуществомъ*, своимъ *вліяніемъ*; это Фукидидъ объявляетъ *отъ себя*) καὶ οὐ τοσοῦτον τοῖς Τυνδαρεῶ δῖοις κατελιμμένους τοὺς Ἑλλήνης μνηστῆρας ἄγων τὸν στόλον ἀγεῖραι (= а не потому онъ осуществилъ извѣстный тебѣ,

**) Принимая ὁ за формальное *существительное*, мы видимъ въ ὁ Πελοποννησιακὸς πόλεμος «логическое равенство». Ὁ Πελοποννησιακὸς πόλεμος значитъ: извѣстный тебѣ *предметъ*, Пелопоннесская война. Да не подумаетъ читатель, что здѣсь слово ὁ-эпифорическое. Если бы ὁ было *эпифорическимъ*, то выраженіе ὁ Πελοποννησιακὸς πόλεμος должно бы обозначать: *воотъ* какой предметъ, Пелопоннесская война. Но въ данномъ примѣрѣ слово ὁ поставлено не какъ *предупреждающее* о томъ, что послѣдуетъ, а какъ *предполагающее* извѣстнымъ то, что послѣдуетъ.

читатель, походъ, что, какъ ты знаешь и какъ тебя учили, повелѣ какихъ то жениховъ Елены, связанныхъ какими то клятвами Тиндара; это — историческій намекъ.) Что слово ὁ-ή-τό можетъ употребляться здѣсь и при *собственныхъ* именахъ (особенной нужды въ этомъ нѣтъ, такъ какъ собственное имя *само* достаточно «припоминаетъ» предметъ), — это доказываютъ примѣры, какъ τῆς Ἰδης τοῦ ὄρου (Thuc. 8. 108.) и др.

Разставаясь съ ὁ историческаго намека, мы не можемъ не сдѣлать одного весьма важнаго указанія, которое, впрочемъ, касается всего ὁ вообще, а не одного его *настоящаго* оттѣнка. Въ выраженіи ὁ Πελοποννησιακὸς πόλεμος слово Πελοποννησιακὸς есть *признаковое* и относится къ слову πόλεμος какъ его «логическое опредѣленіе» (сравни стр. 190). Такимъ образомъ, одна изъ сторонъ логическаго равенства, съ которымъ, какъ то выяснено въ непосредственно предшествующей подстрочной замѣткѣ, мы здѣсь имѣемъ дѣло (*другая* его сторона представлена самимъ ὁ), состоитъ изъ понятія съ *болѣе* широкимъ логическимъ объемомъ (πόλεμος) и изъ слова *суживающаго* этотъ логическій объемъ. Другими словами, *материальными* именъ, которыми здѣсь обозначенъ предметъ, два, а не одно. На вопросъ, къ которому изъ нихъ *собственно* «относится» *) ὁ, къ слову ли πόλεμος, или къ слову Πελοποννησιακὸς, мы должны отвѣтить, что къ слову Πελοποννησιακὸς; ибо оно, какъ суживающее логическій объемъ слова «πόλεμος», *главнымъ* образомъ опредѣляетъ предметъ. Соотвѣтственно этому опредѣляется и постановка слова ὁ. Говорятъ; «ὁ Πελοποννησιακὸς πόλεμος» (= *извѣстная* тебѣ, Пелопоннесская война, **) «ὁ πόλεμος ὁ Πελο-

*) Т. е. какъ это «относится»? — что значить «относится»? — Это значить, что съ однимъ изъ этихъ словъ само ὁ должно вступить въ отношеніе синтаксическихъ подлежащаго и сказуемаго.

**) Въ этомъ переводѣ даннаго примѣра мы уже не считаемся съ логическимъ равенствомъ, заключающимся въ немъ, какъ не считались съ нимъ и въ постановкѣ *вопроса*, вызващаго этотъ переводъ (мы спрашивали о томъ: къ какому слову *относится* слово ὁ, а не о томъ, къ чему слово ὁ составляетъ одну *сторону* логическаго уравненія). Если бы мы *считались* съ логи-

πονησιακός (= известная тебе война, известная Пелопоннесская*) и πόλεμος ὁ Πελοποννησιακός (= война, а именно известная тебе Пелопоннесская). Совершенно иначе мы относимся къ примѣру οἱ Ἑλένης μνηστῆρες. И здѣсь говорятъ о родовомъ падежѣ Ἑλένης какъ о »логическомъ опредѣленіи.« Уже по объясненіямъ на стр. 384 читатель можетъ догадаться, что мы толкованіе о »логическомъ опредѣленіи« въ данномъ примѣрѣ постараемся устранить. Слово Ἑλένης не есть признаковое слово, а потому усматриваніе въ немъ »логическаго опредѣленія« неумѣстно. Οἱ Ἑλένης μνηστῆρες значить: Известные тебе, собесѣдникъ, люди, имѣющіе отношеніе къ Еленѣ (= οἱ Ἑλένης; въ другихъ случаяхъ могло бы дальнѣйшаго матеріальнаго существительнаго и не быть), а именно женихи (подразумѣвая ея).**)

2. Анафорическое ὁ въ болѣе узкомъ смыслѣ этого слова. Подъ нимъ мы разумѣемъ то ὁ, которое заставляетъ слушателя вспомнить о предметѣ, что говорилось о немъ

ческимъ равенствомъ, то должны бы переводить, какъ переводили раньше: известный тебе, собесѣдникъ, предметъ мужескаго рода (ὁ), то есть, Πελοποννησιακός πόλεμος. Мы имѣемъ основаніе думать, что съ логическимъ равенствомъ въ концѣ концовъ не считались сами греки; они въ данномъ и ему подобныхъ выраженіяхъ понемногу привыкали усматривать въ словѣ ὁ интегральную часть выраженія, какъ чего то компактно слитаго, и не только не разгораживали въ немъ двухъ половинъ, какъ того требовало »логическое равенство,« но вообще чувствовали все выраженіе въ слѣдующей синтетической (сравни стр. 327-8) зависимости: известная тебе, собесѣдникъ (Пелопоннесская война). Въ частности, т. е. касательно самого слова ὁ, мы хотимъ всѣмъ настоящимъ разсужденіемъ указать на то, что греки понемногу привыкали усматривать въ словѣ ὁ признаковое слово (= известный тебе, собесѣдникъ, такой то предметъ, обозначенный матеріальнымъ существительнымъ), чѣмъ, конечно, первоначально слово ὁ не было.

*) Здѣсь, повидимому, греки не терпели сознанія о двухъ половинахъ выраженія. Конечно, и тутъ не чувствовалось само ὁ какъ одна изъ этихъ половинокъ (ибо тогда вышло бы ихъ въ настоящемъ выраженіи цѣлыхъ четырехъ). Разбивая данное выраженіе на две половины, мы ставимъ въ одну ὁ πόλεμος, а въ другую, въ смыслѣ appositionis, ὁ Πελοποννησιακός.

**) Въ концѣ концовъ, конечно, можно было опять таки привыкнуть чувствовать Ἑλένης въ »смыслѣ« признаковаго слова (οἱ Ἑλένης μνηστῆρες = Еленыны женихи) и смотрѣть на все выраженіе »οἱ Ἑλένης μνηστῆρες« такъ, какъ привыкли смотрѣть, по вопросу о синтетической зависимости (сравни предпослѣднее подстрочное примѣчаніе), на выраженіе ὁ Πελοποννησιακός πόλεμος.

выше. И оно могло быть замѣнено болѣе широкими анафорическими словами οὗτος и ἐκεῖνος*), само присоединяясь къ нимъ, — по крайней мѣрѣ въ болѣе позднемъ, сравнительно, языкѣ, — какъ ихъ усиленіе. Оно употребляется то самостоятельно (сравни, напр., выраженіе πρὸ τοῦ = передъ тѣмъ, т. е. передъ вышесказаннымъ;** сюда же относится и разъясненное на стр. 428-9 οἱ μὲν... οἱ δέ), то въ соединеніи съ матеріальнымъ именемъ существительнымъ (τὰ παῖδια*** = вышеупомянутыя дѣти; при собственномъ имени его опять таки употреблять не нужно), а то и передъ матеріальнымъ признаковымъ именемъ (οἱ ἀναχωρήσαντες = вышесказанные люди, т. е. отступившіе).

Приведенное οἱ ἀναχωρήσαντες представляетъ собою одинъ изъ тѣхъ случаевъ (они могутъ встрѣтиться и въ другихъ симасіологическихъ отбѣнкахъ слова ὁ), о которыхъ говорятъ, что въ нихъ черезъ прибавленіе слова ὁ признаковое имя превращается въ существительное. Разсуждающіе такъ представляютъ себѣ, что само ὁ принимаетъ на себя всю substantiv'ную функцію и вполне освобождаетъ отъ нея присоединяющееся къ нему признаковое слово. Мы съ этимъ несогласны.†) По первоначальному смыслу конструкции, οἱ представляетъ одну сторону логическаго уравненія, а »ἀναχωρήσαντες« — другую (мы же переводили: вышеупомянутые люди, т. е. отступившіе), и каждое изъ нихъ, отдѣльно взятое, должно исполнять самостоятельно роль существительнаго. Отъ этой роли слову ἀναχωρή-

*) Положимъ, слова οὗτος и ἐκεῖνος составляютъ здѣсь нѣкоторый ризъ въ сравненіи съ короткимъ ὁ, такъ какъ отбѣнокъ близости и отдаленности, въ какомъ бы мы смыслѣ ни толковали эту близость и отдаленность (сравни стр. 428), простое ὁ обозначить не можетъ.

**) Въ прибавленіи матеріальнаго существительнаго, какъ вспомо- тельнаго средства для обозначенія предмета, слово ὁ здѣсь особенно не нуждается, такъ какъ о самомъ предметѣ говорилось »только что.«

*** И здѣсь нужно предположить постепенный переходъ отъ логическаго равенства (= вышеприведенные предметы среднего рода, именно дѣти) къ пониманію выраженія τὰ παῖδια въ смыслѣ компактно слитаго оборота, въ которомъ τὰ чувствуется признаковымъ словомъ.

†) Вообще, о способности слова ὁ »превращать« признаковыя имена въ существительныя можно разсуждать, по нашему мнѣнію, лишь въ шестомъ его симасіологическомъ отбѣнкѣ, о которомъ рѣчь впереди.

οαντες отказываться не приходится: на стр. 194-5 мы выяснили, что вообще признаковому имени легко перейти въ роль существительнаго.

Не ошибаемся ли мы, и не слѣдуетъ ли въ οἱ ἀναχωρήσαντες усматривать первоначально не логическое равенство, а отношеніе слова οἱ, какъ психо-логическаго подлежащаго, къ ἀναχωρήσαντες, какъ психо-логическому сказуемому? Не злоупотребляли ли мы вообще логическимъ равенствомъ въ объясненіи конструкций съ ὁ? Если бы ἀναχωρήσαντες было сказуемымъ по отношенію къ слову οἱ, то тогда бы все οἱ ἀναχωρήσαντες обозначало: вышеприведенные люди; они отступили (= они — отступившіе). »Слитое затѣмъ въ одно компактное цѣлое«, оно дѣйствительно могло бы производить такое впечатлѣніе, что ὁ превращаетъ признаковое имя (т. е. сказуемое, выражаемое признаковымъ именемъ) въ существительное, такъ какъ это »компактное цѣлое« вышло бы изъ фразы: τῆ, что отступили. Но едва ли это все такъ. Если бы это было такъ, т. е. если бы »ἀναχωρήσαντες« было сказуемымъ къ слову »οἱ«, то тогда въ »вышесказанномъ«, на которое все »οἱ ἀναχωρήσαντες« служить намекомъ, не могло бы быть рѣчи объ отступленіи какъ чертѣ, черезъ которую собесѣдникъ знакомился съ предметомъ. А между тѣмъ вся сущность выраженія οἱ ἀναχωρήσαντες, какъ намекъ на »вышесказанное«, въ томъ и заключается, что слушатель черезъ »ἀναχωρεῖν« знакомился съ предметомъ. Разъ это такъ, то въ самомъ намеке слово ἀναχωρήσαντες, можетъ быть только поименованіемъ предмета (стало быть, — существительнымъ), а не сказуемымъ предмета (стало быть, — не признаковымъ словомъ).

3. Контекстивное ὁ. Если авторъ рѣчи заговорилъ о какомъ нибудь предметѣ (напр. кораблѣ), или о какой нибудь картинѣ (напр. кражѣ), то необходимыя части этого предмета (мачта, паруса и пр.) и необходимые элементы этой картины (воръ, краденныя вещи и т. д.) сразу рисуются въ нашемъ представленіи, хотя бы говорящій и не упоминалъ о нихъ особыми словами, а потому тамъ, гдѣ дѣло наконецъ

доходитъ до упоминанія о нихъ, онъ можетъ говорить о нихъ, какъ о находящимся въ представленіи слушателя, не внося въ него —, а изъ него ихъ вызывая и, такъ сказать, ссылаясь на нихъ, какъ на »вышеупомянутые«.*) Такъ и въ случаяхъ, гдѣ что нибудь представляется »самоподразумѣвающимся« продолженіемъ начатаго, языкъ прибѣгаетъ къ контекстивному ὁ. Послѣ πρῶτον μὲν (= сперва; конечно, сперва есть »нарѣчіе«; но мы скоро докажемъ, что »нарѣчія« суть собственно имена существительныя), слѣдуетъ τὸ δὲ δεῦτερον (= а тамъ, дальше).

4. Раздѣлительное ὁ. Заговоривъ или собираясь говорить о какой нибудь группѣ предметовъ, авторъ рѣчи можетъ опереться на врожденное какъ ему, такъ и его слушателю стремленіе различать, сопоставлять, дѣлить, классифицировать и можетъ вызывать въ слушатель это идущее ему на встрѣчу стремленіе, указывая на часть группы »раздѣлительнымъ« ὁ. Когда говорятъ τῶν γονέων οἱ ἀγαθοί, то этимъ хотятъ сказать: ты знаешь, какъ обыкновенно различаютъ родителей; такъ вотъ, изъ нихъ хорошіе то** (подразумѣвая γονεῖς) поступаютъ такъ то. Если гдѣ, то именно здѣсь, при »раздѣлительномъ« ὁ, умѣстно соединять съ существительнымъ признаковое имя въ качествѣ »логическаго опредѣленія«***). При этомъ, можно сказать, само ὁ помогаетъ ему исполнять его роль, такъ какъ »логическое опредѣленіе« дѣлитъ логическій объемъ предмета, а ὁ вызываетъ на это дѣленіе†). Нечего особенно рас-

*) Чтобы и здѣсь слово ὁ было »замѣняемо« словами οὗτος и ἐκεῖνος, на это мы не имѣемъ примѣра подъ рукою; принципиально этого отвергать нельзя.

**) Надобно замѣтить, что русское »то« сопровождается греческое ὁ во всѣхъ его симасіологическихъ отбѣнкахъ, за исключеніемъ послѣдняго т. е. шестаго.

***). Сравни стр. 192.

†) Это — не то, что было въ ὁ Πελοποννησιακὸς πόλεμος на стр. 433-4, или что могло бы быть въ другихъ симасіологическихъ отбѣнкахъ слова ὁ, если бы туда попало »логическое опредѣленіе«. Въ ὁ Πελοποννησιακὸς πόλεμος на стр. 433-4, слово ὁ, хотя и »относилось« къ »логическому опредѣленію«, но его непосредственная роль представляла собою нѣчто совершенно другое, чѣмъ какую бы то ни было помощь логическому опредѣленію исполнять его роль. Разумѣется, когда признаковое слово не

пространяться о томъ, что напр. *οἱ ἐπιστήμονες*, или то же *οἱ ἀγαθοί*, когда къ нему не приставлено существительное, или когда къ нему не приставленъ родовой падежъ (какъ было выше *τῶν γονέων*), изъ котораго можно бы *подразумѣвать* существительное къ нему, не даетъ опять таки ни *малѣйшаго* повода видѣть въ *ὁ* нѣчто, «превращающее» признаковое *ἐπιστήμονες* или *ἀγαθοί* въ *существительное*; *οἱ ἐπιστήμονες* или *οἱ ἀγαθοί*, если въ немъ *οἱ* — «раздѣлительное», значить: бери *часть* предметовъ *мужескаго* рода (= людей); бери *знающихъ* — *хорошихъ*. Другими словами, — по *первоначальной* конструкции (мы *опять* имѣемъ здѣсь дѣло съ логическимъ равенствомъ), слова *ἐπιστήμονες* и *ἀγαθοί* исполняютъ роль *существительныхъ* просто по *склонности* признаковыхъ исполнять эту роль.

5. 'О синтаксическаго подлежащаго (разумѣй, *ὁ* того существительнаго имени, которое попадаетъ въ синтаксическое подлежащее, или того *признаковаго* имени, которое, исполняя роль логическаго опредѣленія, *помогаетъ* существительному имени опредѣлить предметъ *). Такъ какъ синтаксическое подлежащее излагаетъ *данное*, въ противоположность *искомому*, то понятно, что «данное», какъ метафора «*известнаго*», можетъ быть отмѣчено словомъ *ὁ*.

6. Эпифорическое или грамматическое *ὁ*. Эпифорическое значеніе слова *ὁ* — внѣ всякаго сомнѣнія. Если эпифорически могло употребляться слово *ὅδε*, которое представляетъ собою осложненное *ὁ* (сравни выше стр. 416.), то почему не

исполняетъ роли «логическаго опредѣленія», и когда *ὁ* къ нему вообще не «относится» (приходится ли понимать это «отношеніе» въ смыслѣ примѣра *ὁ Πελοποννησιακὸς πόλεμος*, или въ смыслѣ выраженія *τῶν γονέων οἱ ἀγαθοί*), то признаковое должно стоять внѣ конструкции слова *ὁ*, по какому бы мотиву послѣднее ни появлялось въ рѣчи: *ὁ μέγας πόλεμος* значить: изъ войнъ та, что великая — ты ее, эту великую войну, знаешь, — *ἃ μέγας ὁ πόλεμος* значить: ты, читатель, знаешь эту войну; она, — *надобно* тебѣ сказать, — великая.

*) На стр. 173. мы разсуждали о томъ, что въ синтаксическое подлежащее можетъ попасть весьма сложное выраженіе, а потому появленіе при немъ слова *ὁ* находится въ тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ находилось *ὁ* историческаго намека (сравни выше стр. 342; а анафорическое и контекстное *ὁ* развѣ не можетъ попасть въ тѣ же условія? — конечно да!)

могло употребляться въ томъ же значеніи и простое *ὁ*? Какъ между *ὅδε* и тѣмъ «нижеслѣдующимъ», о которомъ само *ὅδε* предупреждаетъ, находится пауза (въ теперешней орѳографіи мы ее привыкли отмѣчать черезъ двоеточіе; сравни русское *онъ сказалъ нижеслѣдующее*: я, говоритъ *онъ*, не долженъ . . .), такъ нужно предположить паузу и для объясненія *первоначальной* конструкции эпифорическаго *ὁ*. Другими словами, между эпифорическимъ *ὁ* и тѣмъ, о чемъ оно предупреждаетъ, слѣдуетъ предположить отношеніе логическаго равенства. Эпифорическое *ὁ* оказалось удобнымъ:

а) При глагольномъ имени (*τὸ παιδεύειν*, *τοῦ παιδεύειν* и т. д.). До сихъ поръ мы сопротивлялись всякому толкованію слова *ὁ* какъ превращающаго несуществительное въ *существительное*. На стр. 397. мы указывали на то, что глагольное имя исполняетъ роль такого или иного падежа, слѣдовательно, — роль *существительнаго*, благодаря *синтаксическому* своему положенію. Мы понимаемъ, что если слово *ὁ* добралось до *эпифорическаго* значенія, т. е. до роли простаго *предупрежденія* о томъ, что послѣдуетъ ниже, то глагольное имя могло имъ воспользоваться для того, чтобы самому выйти изъ своей «двусторонности» и сдѣлаться *настоящимъ* существительнымъ. Ибо *ὁ*, находящееся въ логическомъ *равенствѣ* съ тѣмъ, о чемъ оно предупреждаетъ, возводитъ предупреждаемое въ то положеніе, которое принадлежитъ ему самому, т. е. въ положеніе имени *существительнаго*. Если бы само глагольное имя было *неоспоримымъ* существительнымъ, то оно никакого *предупрежденія* о себѣ не искало бы. *Τοῦ παιδεύειν* значить: вотъ чего, — *воспитыванія*.

б) При *признаковыхъ* именахъ, какъ простыхъ, такъ и глагольных (*τὸ ἀλγεῖνόν* — *οἱ εὐτυχοῦντες*). Хотя *признаковыя* имена *легко* переходили въ роль существительныхъ, но разъ *установилось* въ эпифорическомъ *ὁ* средство, *помогающее* имъ въ этой роли, то они имъ воспользовались. Не *навернись* эта помощь, мы бы ихъ встрѣчали чаще въ со-

вершенно *самостоятельно**) видѣ въ роли существительныхъ. Такъ оно оказывается въ *славянскихъ* языкахъ, гдѣ этой помощи нѣтъ.

б) При *всякой* части рѣчи, т. е. при *каждомъ* словѣ, когда оно должно быть, какъ Платонъ выражается (Soph. 250 с), *ὅμοια δὲ ὁμοίως*, т. е. когда оно должно служить поименованіемъ или того *звукового* комплекса, или того *значенія*, которое въ немъ заключается. *Τὸ ἐν* значить: 1. слово *ἐν*, какъ *звукъ*; 2. то *внутри*, которое выражено въ словѣ *ἐν*; сравни *τὸ ἄνθρωπος*, *τὸ γράφω* и т. д. Вмѣсто отдѣльных словъ могутъ наступить и *сложныя* *выраженія*; сравни *τὸ ἐὰν ποιήσῃς* и т. д.

в) Въ оборотахъ какъ то: *οἱ ἄνω*, *οἱ κάτω* и т. д. *Οἱ ἄνω* обозначаетъ: вотъ кто; они *наверху*. Выраженіе *наверху* въ данномъ переводѣ представляетъ собою синтаксическое сказуемое къ слову они, которое только *извлекается* изъ самого *вотъ кто*, передающаго эпифорическое *ὅ*. Такимъ образомъ *οἱ ἄνω* является *брахилогическимъ* выраженіемъ, въ которомъ *ἄνω* представляетъ сказуемое, хотя и не формальное (т. е. не — «согласуемое»).** Сказуемое къ чему? Въ концѣ концовъ къ слову *οἱ*. И вотъ, для того чтобы оно изъ сказуемаго сдѣлалось *поименованіемъ* предмета, оно должно быть предупреждено словомъ, которое бы его *подняло* на такую высоту; это и *достигается* словомъ *ὅ*, *уравнивающимъ* его съ собою, какъ именемъ *существительнымъ****). Вмѣсто *ἄνω* могутъ здѣсь появиться *сложныя* выраженія. Сравни *οἱ ἐν Ἀσίᾳ* и т. д.

*) Мы не согласны съ тѣмъ, что говоритъ Wegener по поводу *der Adelige, der Schwarze* и т. д. Смори Untersuch. 83: Hier ist deutlich, dass das Adjectivum die Qualität bezeichnet, der Artikel die Substanz. Если бы это было такъ, то къ чему — такая разстановка, и почему бы не утвердиться скорѣе разстановкѣ *schwarze der*?

**) Уже на стр. 367. мы указывали на отношеніе синтаксическаго сказуемаго къ сказуемымъ психо-логическому и логическому.

***) Такое же брахилогическое выраженіе, «*поднимающее*» сказуемое (въ данномъ случаѣ — сказуемое «*формальное*», т. е. не синтаксическое), мы видимъ въ томъ *ἀρετή τις*, о которомъ упоминали на стр. 415 въ подстрочномъ примѣчаніи. По первоначальной конструкціи, *ἀρετή τις* значить: нѣчто; это нѣчто есть *добродѣтель*.

Такъ какъ эпифорическое *ὅ* употребляется исключительно для того, чтобы слова и выраженія, о которыхъ оно предугадываетъ, чувствовались существительными, притомъ въ положеніи того или иного надежа, то мы его называли также «грамматическимъ».

Слѣдуетъ разборъ слова *ὅς - ἥ - ὅ*. Разборъ этого слова на очереди уже потому, что и оно, какъ на то указано на стр. 420-1., причастно къ роли *анафоризованія* третьяго грамматическаго лица, наряду съ сильными и въ нѣкоторыхъ случаяхъ «различительными» *οὗτος* и *ἐκεῖνος*, съ болѣе слабымъ и «безразличнымъ», по все же нуждающимся въ именительномъ падежѣ *ὅ - ἥ - τὸ*, съ «возвратнымъ» *οὗ - οἱ - ἐ* и съ употребляющимся только для «синтаксической полноты» *μιν* *ιν**)).

Что сказать объ *ὅς - ἥ - ὅ*? Мы его знаемъ по преимуществу какъ «относительное мѣстоименіе». Но «относительность» и вообще синтаксическая «подчиненность предложений» (*ὑπόταξις*) считается чѣмъ что, развившимся въ языкахъ лишь *впоследствии*, и возражать противъ этого общепринятаго положенія не приходится. Этимологи сопоставляютъ слово *ὅς - ἥ - ὅ* съ славянскимъ *и ѣ ѣ*.*) Такимъ образомъ оно этимологически связано съ *μιν - ιν*. О *μιν - ιν* мы рассуждали какъ о чемъ то, *не нуждающемся* въ именительномъ падежѣ, такъ какъ оно употребляется лишь для синтаксической полноты. А между тѣмъ въ *ὅς - ἥ - ὅ* встрѣчается именительный падежъ. Примирить это противорѣчіе можно лишь тѣмъ, что темъ «*уа*» вообще припишемъ не столько роль *анафоризованія*, сколько скорѣе указанія на *тождественность*. Если мы признаемъ, что *и ѣ ѣ* обозначаетъ не «вышеупомянутый», а «опять онъ-она-оно» (это — большая

*) Слѣдовало бы тутъ упомянуть и объ *αὐτοῦ - αὐτῶ - αὐτό*, но мы уже предупреждали о томъ, что оно вмѣшалось въ роль анафоризованія третьяго грамматическаго лица *совершенно* со стороны. Мы и разборъ его помѣщаемъ лишь въ концѣ синасіологій формальныхъ именъ.

**) Brugmann (Grundriss II. 771): Relativum *yás*; griechisch *ὅς - ἥ - ὅ*... Die Identität mit dem anaphorischen *io* und *i* (имѣется въ виду именно *μιν - ιν*, равно какъ славянское *и - ѣ - ѣ*, а также латинское *is*) ist nicht zu bezweifeln.

разница: первое заставляет *вспоминать*, а второе — *удаляться* отъ предмета, о которомъ идетъ рѣчь*), то поймемъ, что именительный падежъ, — именительный *интонированный*, какимъ и является $\delta\varsigma$ - η - δ , въ языкѣ не лишній: указывать на »тождественность« предмета съ тѣмъ, о которомъ шла до сихъ поръ рѣчь, нужно иногда и съ подчеркиваніемъ. Очень долго держался въ греческомъ языкѣ оборотъ η δ' $\delta\varsigma$.***) Мы его переводимъ: говорилъ онъ-же.

Да, *тождественность* предмета, — вотъ симасіологическій центръ слова $\delta\varsigma$ (при этомъ оно было *существительнымъ*, а не *признаковымъ*), отъ котораго, по моему развѣтвлялись уже дальнѣйшіе его симасіологическіе отѣтнки. Самое же развѣтвленіе мы себѣ представляемъ слѣдующимъ образомъ. Съ одной стороны, слово $\delta\varsigma$, какъ указывающее на *тождественность*, перешло въ *анафорическое* значеніе по отношенію къ *третьему* грамматическому лицу, вступая такимъ образомъ въ борьбу съ δ - η - $\tau\acute{o}$, причемъ выгода была на его сторонѣ въ *тѣхъ* случаяхъ, гдѣ δ - η - $\tau\acute{o}$ не имѣло ударенія.***)) Ибо въ *ударяемомъ* именительномъ падежѣ анафорическое слово третьяго грамматическаго лица нуждалось не только въ *тѣхъ* случаяхъ, когда, какъ мы говорили на стр. 422., приходилось вызывать въ слушатель болѣе *напряженное* воспоминаніе о предметѣ, но и по другимъ

*) Это совершенно не противорѣчитъ сказанному о *ми* на стр. 422, и мы, такимъ образомъ, *исключаемъ ми* изъ числа анафорическихъ словъ, какъ въ свое время исключили, по *первоначальному* значенію, слово $\omega\delta$ - $\omega\delta$ - ξ .

**) Бругманъ, впрочемъ, не думаетъ, что $\delta\varsigma$ въ оборотѣ η δ' $\delta\varsigma$ тождественно съ »относительнымъ« $\delta\varsigma$. Vielleicht — говоритъ онъ Grundriss II. 774 — gab es auch bereits im Urindogermanischen ein *was*; vergleiche altindisch *sa*, griechisch $\delta\varsigma$ (η δ' $\delta\varsigma$), lateinisch *ip* - *sua* neben *ipse*.

***)) Собственно, тутъ идетъ вопросъ объ *одной* лишь формѣ $\delta\varsigma$ (что эта форма у Омпра часто употребляется »вмѣсто« δ , — читателю извѣстно). Что же касается формъ η - $\omega\delta$ - $\alpha\delta$ у Омпра, то не знаешь, принадлежать ли онѣ слову $\delta\varsigma$, или слову δ , такъ какъ встрѣчаешь и слово δ , — основательно ли, нѣтъ ли, — *интонируемымъ*, когда вообще удареніе анафорическаго слова *третьяго* грамматическаго лица почему нибудь нужно (для *множественнаго* числа омировскій языкъ, какъ извѣстно, выработалъ *особыя*, *ударяемая же*, формы отъ δ - η - $\tau\acute{o}$; мы разумѣемъ формы $\tau\acute{o}\iota$ - $\tau\acute{\alpha}\iota$; см. Brugmann Grundriss II. 767). Этому, сознаемся, *поверхностною* (глубже мы не успѣли вникнуть въ вопросъ), замѣткою мы ограничиваемся въ разрѣшеніе недоумѣнія, въ званнаго подстрочнымъ примѣчаніемъ на стр. 422.

мотивамъ, о которыхъ мы на стр. 419., въ подстрочномъ примѣчаніи, разсуждали по отношенію къ *другимъ* двумъ грамматическимъ лицамъ.

Съ другой стороны и *главнымъ* образомъ, слово $\delta\varsigma$ повернуло отъ значенія *тождественности* къ значенію »относительности«. »Относительность« слова $\delta\varsigma$, какъ извѣстно, очень развита уже у Омпра. И замѣчательно: какъ »возвратность« слова $\omega\delta$ - $\omega\delta$ - ξ легко могла сдѣлаться и въ концѣ концовъ *сдѣлалась* общею для *всѣхъ* грамматическихъ лицъ (смотри наше разсужденіе на стр. 425.), такъ и »относительность« слова $\delta\varsigma$, вышедшая изъ *тождественности* (тождественность, *сама по себѣ*, не есть что-нибудь, что должно непременно относиться къ *третьему* грамматическому лицу), доводитъ до такихъ явленій какъ: $\acute{\alpha}\kappa\omicron\upsilon\sigma\omicron\nu$, $\delta\varsigma$ $\gamma\epsilon$ $\eta\lambda\theta\epsilon\varsigma$ ..*)

Какъ по *первоначальному* значенію, въ силу котораго $\delta\varsigma$ указываетъ на *тождественность* предмета, нельзя было назвать его анафорическимъ, такъ и о его »относительности« нельзя сказать, что это — *анафора*. Анафора есть *возстановленіе предварительнаго* знакомства съ предметомъ, а слово » $\delta\varsigma$ « *очень часто* является началомъ рѣчи, въ которой мы впервые *знакомимся* съ предметомъ (сравни: многіе люди любятъ только того, кто имъ оказываетъ благодѣяніе). Вообще, »относительность« есть не болѣе, не менѣе какъ синтаксическое выраженіе того, что одна мысль психологически подчинена другой, причемъ рѣчь, начинающаяся съ $\delta\varsigma$, является синтаксически »подчиняемымъ«, опирающимся не на *предварительное* знакомство съ *предметомъ*, а просто на синтаксически »подчиняющее«. Пунктуальною конструкціею мы должны считать, напр., такую: $\omega\delta\delta'$ $\nu\lambda\omicron\varsigma$ $\text{Καπανῆος ἑλήθετο συνθεσίων τᾶων, ἃς ἐπέτελλε βοῆν ἀγαθὸς Διομήδης}$ (II. ε 320). Словомъ, »относительное« формальное имя ищетъ къ себѣ »соотносительнаго« фор-

*) Какъ $\delta\varsigma$ вмѣшивалось въ роль слова δ по отношенію къ *анафоризованію* предмета, такъ δ вмѣшивалось въ »относительность« слова $\delta\varsigma$. Примѣры изъ Омпра приводить нечего. Только въ *pendant* къ нашему $\acute{\alpha}\kappa\omicron\upsilon\sigma\omicron\nu$, $\delta\varsigma$ $\gamma\epsilon$ $\eta\lambda\theta\epsilon\varsigma$ приведемъ мѣсто изъ Илиады (β 262): $\text{Κλῆθ' ἔμει δ' ἡλθες θεός ἦλθες ἡμέτερον δῶ}$.

мального имени. Роль «соотносительныхъ» исполняютъ и могли исполнять тѣ же анафорическія δ^* (у Омира — очень часто, впоследствии — *рѣже*), $\alpha\upsilon\tau\omicron\varsigma$ и $\epsilon\kappa\epsilon\acute{\iota}\nu\omicron\varsigma$.**). Известно, что не вездѣ эта, какъ мы выразились, «пунктуальность» соблюдается (въ какомъ нибудь $\acute{\alpha}\chi\omicron\upsilon\sigma\omicron\nu\ \delta\varsigma\ \eta\lambda\theta\epsilon\varsigma$ даже нельзя ее соблюсти, такъ какъ δ - $\alpha\upsilon\tau\omicron\varsigma$ - $\epsilon\kappa\epsilon\acute{\iota}\nu\omicron\varsigma$ относятся къ *третьему* грамматическому лицу, а тутъ идетъ рѣчь о $\alpha\upsilon\tau\omicron\varsigma$ ***), и что не всякое $\alpha\upsilon\tau\omicron\varsigma$ или $\epsilon\kappa\epsilon\acute{\iota}\nu\omicron\varsigma$, которое появляется при $\delta\varsigma$, есть «соотносительное»†).

Русскія «относительныя» слова вышли изъ *вопросительныхъ*. Русское *кто съездъ, тотъ жнетъ* значить: отвѣтивъ на *вопросъ, кто съездъ*, ты опредѣлишь жнущаго. Если русское вопросительное могло перейти въ относительное, то греческое относительное, въ свою очередь, могло перейти въ вопросительное, разумѣется, — въ вопросительное синтаксически *подчиненное* (въ такъ называемомъ косвенномъ вопросѣ). Сравни Herod. 9. 71.: $\gamma\epsilon\nu\omicron\mu\acute{\epsilon}\nu\eta\varsigma\ \lambda\acute{\epsilon}\sigma\chi\eta\varsigma$,

*) Не сказать ли намъ, въ такомъ случаѣ, особенно въ виду примѣра $\beta\upsilon\nu\theta\epsilon\delta\iota\acute{\alpha}\omega\nu\ \tau\acute{\alpha}\omega\nu$, $\acute{\alpha}\varsigma\ \epsilon\pi\acute{\iota}\tau\epsilon\lambda\lambda\epsilon\ \Lambda\iota\omicron\mu\acute{\eta}\delta\eta\varsigma$, что δ при относительномъ $\delta\varsigma$ функционируетъ вовсе не какъ «соотносительное», а просто какъ анафорическое, предупреждая о предметѣ, съ которымъ мы знакомимся въ выраженіи, начинающемся съ $\delta\varsigma$? Этого сказать нельзя. Не всегда выраженіе, начинающееся съ *относительнаго* слова, дѣйствительно впервые знакомитъ съ предметомъ (да, не всегда, а только, какъ выше сказано, очень часто). Въ примѣрѣ я о *низъ* не могу вспоминать съ благодарностью, о *низъ*, которые *мы* надѣлали столько зла не можетъ быть рѣчи о *первомъ знакомствѣ* съ предметомъ въ «относительномъ» предложеніи. Вообще, если въ относительныхъ и соотносительныхъ словахъ желательно удерживать термины $\acute{\alpha}\nu\alpha\phi\omicron\rho\acute{\alpha}$ и $\epsilon\pi\iota\phi\omicron\rho\acute{\alpha}$, то это возможно развѣ въ томъ смыслѣ, что относительныя и соотносительныя слова «анафорируютъ и эпифорируютъ» не *предметы*, а *другъ друга*. Разъ они всетаки что нибудь анафорируютъ или эпифорируютъ, то и понятно, почему анафорическія слова δ и пр. могли принять на себя роль «соотносительныхъ».

**) Разницу между *отдѣльными* соотносительными словами — опредѣлить затрудняюсь.

***) Читатель знаетъ о такъ называемыхъ «attractiones», въ коихъ «относительное» $\delta\varsigma$ своимъ надеждемъ подчиняется тому, отъ чего оно синтаксически зависитъ, и уже *этимъ* заявляетъ о своей подчиненности, не *ища* никакого соотносительнаго слова (сравни греческое $\lambda\upsilon\pi\omicron\upsilon\mu\alpha\iota\ \phi\ \lambda\acute{\epsilon}\gamma\epsilon\iota\varsigma$ и русское *ушачаетъ чѣмъ Богъ послалъ*).

†) Thus. I. 10: $\text{Νομίζειν δὲ τὴν στρατείαν ἐκείνην μείζονα μὲν γινέσθαι τῶν πρὸ αὐτῆς, ἢν εἰδὸς ἐπὶ τὸ μείζον μὲν τὸν ποιητὴν κομῆσαι (здѣсь ἐκείνη ἢ ἡμέρα есть чисто анафорическое; рѣчь идетъ о походѣ противъ Трои, съ которымъ Фукидидъ знакомилъ читателя и раньше).$

$\delta\varsigma\ \acute{\alpha}\rho\iota\sigma\tau\omicron\varsigma\ \gamma\acute{\epsilon}\nu\alpha\iota\tau\omicron$. Известно, что слово « $\delta\omicron\tau\iota\varsigma$ »*) очень часто употребляется въ косвенномъ вопросѣ (известны Аристофановскія выраженія: $\tau\iota\varsigma\ \gamma\acute{\alpha}\rho\ \epsilon\acute{\iota}$; $\delta\omicron\tau\iota\varsigma$; — $\tau\acute{\iota}\ \delta'\ \alpha\upsilon\lambda\acute{\epsilon}\omega$; $\delta\tau\iota$; — $\tau\acute{\iota}\ \pi\omicron\iota\epsilon\acute{\iota}\varsigma$; $\delta\tau\iota\ \pi\omicron\iota\omega$;**)) и т. д.

Относительными *признаковыми* являются $\omicron\iota\omicron\varsigma$, $\delta\omicron\omicron\varsigma$ и $\eta\lambda\acute{\iota}\kappa\omicron\varsigma$. Роль *соотносительныхъ* къ нимъ исполняютъ слова $\tau\omicron\iota\omicron\upsilon\tau\omicron\varsigma$, $\tau\omicron\sigma\omicron\upsilon\tau\omicron\varsigma$ и $\tau\eta\lambda\iota\kappa\omicron\upsilon\tau\omicron\varsigma$ (въ «эпическомъ» языкѣ простыя $\tau\omicron\iota\omicron\varsigma$, $\tau\acute{\omicron}\sigma\omicron\varsigma$ и $\tau\eta\lambda\acute{\iota}\kappa\omicron\varsigma$).

Я не знаю, какъ смотрѣть на слова $\delta\pi\omicron\iota\omicron\varsigma$, $\delta\pi\eta\lambda\acute{\iota}\kappa\omicron\varsigma$ и $\delta\pi\acute{\omicron}\sigma\omicron\varsigma$: вышли ли они этимологически изъ относительныхъ $\omicron\iota\omicron\varsigma$ - $\eta\lambda\acute{\iota}\kappa\omicron\varsigma$ - $\delta\omicron\omicron\varsigma$, или изъ вопросительныхъ $\pi\omicron\iota\omicron\varsigma$ - $\pi\eta\lambda\acute{\iota}\kappa\omicron\varsigma$ - $\pi\acute{\omicron}\sigma\omicron\varsigma$? Другими словами, мнѣ неизвестно, считать ли ихъ первоначально относительными, или вопросительными, разумѣется, — *косвенно* - вопросительными, такъ какъ въ «*прямыхъ*» вопросахъ они ненужны и не употребляются. Для языка, конечно, это — все равно. Ибо они и въ качествѣ *относительныхъ* могли встрѣчаться какъ косвенно — *вопросительныя* (они по большей части такъ и встрѣчаются), и въ качествѣ *вопросительныхъ* не должны чуждаться, — мы это нашли въ *русскомъ* языкѣ, — роли относительныхъ ($\kappa\alpha\iota\ \delta\acute{\upsilon}\nu\alpha\mu\iota\nu\ \delta\acute{\epsilon}\ \omicron\iota\delta\alpha\ \delta\tau\iota\ \delta\pi\acute{\omicron}\sigma\eta\nu\ \acute{\alpha}\nu\ \delta\acute{\upsilon}\nu\eta\tau\alpha\iota\ \acute{\epsilon}\chi\omega\nu$, $\pi\acute{\alpha}\rho\epsilon\sigma\tau\alpha\iota\ \sigma\omicron\iota$; Xen. Сугор. VI. 1. 45.).

Въ роли *относительныхъ*, а не *вопросительныхъ*, — слова $\delta\pi\acute{\omicron}\sigma\omicron\varsigma$, $\delta\pi\omicron\iota\omicron\varsigma$ и $\delta\pi\eta\lambda\acute{\iota}\kappa\omicron\varsigma$ входятъ въ тѣ *composita*, — теперь мы имѣемъ возможность разсмотрѣть ихъ поближе, — которыя мы на стр. 415. назвали «*обобщающими*». То $\alpha\upsilon\tau\omicron\varsigma$, которое встрѣчается въ $\delta\sigma\tau\iota\varsigma\ \alpha\upsilon\tau\omicron\varsigma$,

*) Несомнѣнно, что *относительное* $\delta\omicron\tau\iota\varsigma$ — *первоначальное*, чѣмъ «косвенно — вопросительное». Будучи предупреждено *соотносительнымъ*, какъ ему, *относительному*, прилечествуется, оно, по моему мнѣнію, обозначаетъ: *тотъ нѣкто, кто* (въ русскомъ переводѣ я только *передаю* слово « $\tau\iota\varsigma$ » къ *соотносительному* слову, что, кажется, должно быть *позволено*, при той тѣсной связи, которая существуетъ между относительными и соотносительными).

**) Такимъ образомъ « $\tau\acute{\iota}\ \pi\omicron\iota\epsilon\acute{\iota}\varsigma$; $\delta\tau\iota\ \pi\omicron\iota\omega$ »; можно бы комментировать, согласно предыдущей замѣткѣ, черезъ слѣдующія выраженія: «что ты дѣлаешь? то нѣчто, что я дѣлаю? Въ сущности, все вопросительное значеніе, которое вышло изъ относительныхъ словъ, заключается въ тонѣ, придаваемомъ *всему* выраженію, — въ тонѣ, такъ сказать, *обще-синтаксическомъ*, а не составляющимъ принадлежность самого *формальнаго* слова, какъ это было въ *вопросительномъ* « $\tau\iota\varsigma$ » — « $\tau\acute{\iota}\nu\omicron\varsigma$ » и т. д.

ὁ ποσοδὺν и т. д., этимологи принимаютъ за вещный падежъ отъ темы *awa* *) (славянское «овы о десную, овы о шую»). *Awa* есть анафорическая тема, и само *οδν*, являющееся уже, какъ вещный падежъ, окаменѣлостью, а не *полнымъ*, т. е. не по *всѣмъ* падежамъ склоняющимся формальнымъ существительнымъ, обозначало бы тогда: простираясь на «упомянутое» **) въ данномъ случаѣ. О словѣ *δῆ*, которое встрѣчается въ *δοτις δῆ ποτε*, рѣчь еще впереди, но мы не ошибемся, если его пока по *смыслу* сопоставимъ съ русскимъ *ужь* (*ῆ δῆ* было бы тогда расширенное *δῆ*). Такой смыслъ мы ясно видимъ въ выраженіи *ἐπειδὴ δὲ* (= а разъ *ужь* это такъ, то...); *ποτέ* есть «нарѣчие», обозначающее *когда нибудь* (и о немъ, впрочемъ, рѣчь еще впереди).

Такимъ образомъ, выраженіе напр. *ἄλλην ἡντιναοὺν τέχνην* или *ἡντινα δῆ ποτε τέχνην* обозначаетъ: «другую науку, нѣкую ту, которую въ данномъ случаѣ» или: «другую науку, которую ужъ (= несомнѣнно) когда нибудь (= какъ нибудь***). Во всемъ этомъ замѣчается нѣкоторый брахилогизмъ. Такой же брахилогизмъ мы встрѣчаемъ въ известномъ оборотѣ *ὅς καὶ ὅς* (Herod. 48. 68: *τὰς βασιλίας ἰστίας ἐπιόρηκε ὅς καὶ ὅς*). *Ὅς καὶ ὅς* значить: *тотъ который* да *тотъ который*. Брахилогизмъ заключается здѣсь въ томъ, что слово *который*, это начало синтаксически подчиненной рѣчи, остается безъ продолженія. †)

*) Новѣйшіе этимологи не затрогиваютъ этого слова, но мы не имѣемъ рѣшительно никакого основанія сомнѣваться въ томъ, что говоритъ объ этомъ словѣ Боппъ Vergl. Gramm. II. 176: Zum zendischen Demonstrativum *awa* und altslavischen *owo*... ziehe ich auch das griechische *οδν*, welches durch seinen Gebrauch deutlich auf prominalen Ursprung hindeutet und durch seine Endung sich als Accus. masc. oder Nom.-Accus. neutr. zu erkennen giebt.

**) Съ какимъ частнымъ оттѣнкомъ тема *awa* вошла въ другія анафорическія слова, или она вошла въ греческій языкъ изъ другого языка съ оттѣнкомъ, имѣвшимся уже въ греческихъ анафорическихъ словахъ (и это можно предположить!), на это отвѣтить трудно.

***) Что temporal'ное *когда-нибудь* могло перейти въ modal'ное *какъ-нибудь*, это выяснится въ слѣдующемъ отдѣлѣ изслѣдованія.

†) Брахилогически употребляется, уже въ болѣе позднемъ языкѣ, и раздѣлительное *οὐ μὲν... οὐ δὲ* (Dem. 18. 71: *πολλὰς Ἑλληνίδας ἃς μὲν ἀναίρων, εἰς ἃς δὲ φυγάδας κατέγων*; сравни русское: *которые погубили, а въ ко-*

Сама рѣчь, которой мы ждемъ послѣ *который*, должна бы въ данномъ случаѣ знакомить насъ ближе съ предметомъ, намѣченнымъ въ соотносительномъ *тотъ* и въ относительномъ *который*.*) Выходитъ, что весь брахилогизмъ есть не болѣе, не менѣе какъ прекращеніе рѣчи, такъ сказать, на полусловѣ, съ цѣлью оставить невыясненнымъ предметъ, на выясненіи котораго рѣчь прекратилась. Разница между брахилогизмомъ относительныхъ и обобщающихъ формальныхъ словъ та, что при первыхъ говорящій выяснять предметъ не желаетъ или не умѣетъ, а при вторыхъ — выясненіемъ этимъ не интересуется. Насколько это отсутствіе интереса въ обобщающихъ формальныхъ словахъ выражено прибавками *οδν-δῆ-ποτέ*, — сказать трудно. Да врядъ-ли оно въ нихъ и выражено; извѣстно, по крайней мѣрѣ, что и простое *δοτις* употребляется въ смыслѣ «обобщающемъ».

Особеннымъ оттѣнкомъ въ относительныхъ и соотносительныхъ словахъ является восклицательный.***) Онъ имѣетъ мѣсто исключительно въ признаковыхъ относительныхъ и соотносительныхъ, такъ какъ восклицаніе въ данномъ случаѣ есть выраженіе удивленія, а удивляться мы можемъ предмету изъ за его признаковъ. Когда говорятъ *ὅσα ἡμᾶς εἰργασται κακά* или *οἷα ἡμᾶς εἰργασται κακά*, и произносятъ эту фразу съ восклицательнымъ тономъ (тонъ этотъ, во всякомъ случаѣ, не данъ здѣсь *самимъ* словомъ *οἷος*, а вносится въ него и во всю фразу *извне*), то слово *οἷος*, именно черезъ внесеніе въ него восклицательнаго тона, оторвано отъ своего соотносительнаго *τοῖος*. Не будь

торые такъ повводилъ бѣглецовъ; собственно = съ одной стороны онъ погубилъ города тѣ, которые..., а съ другой — повводилъ бѣглецовъ въ тѣ, которые...).

*) Такъ же мы себѣ объясняемъ *τὸν καὶ τόν*, замѣняющее, какъ извѣстно, оборотъ *ὅς καὶ ὅς*. *Τόν καὶ τόν* чувствуется здѣсь въ значеніи *эпифорическомъ* (= *нижеслѣдующій* да *нижеслѣдующій*, но само *эпифорическое* не выяснено, и, такимъ образомъ, *τὸν καὶ τόν* остается *тоже*, какъ бы, безъ продолженія.

**) Греческій языкъ никогда не употребляетъ въ восклицаніяхъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, *вопросительныхъ* *ποῖος* и т. д. Извѣстны относящіяся сюда выраженія съ особою *разстановкою* въ родѣ *θαυμάστα ἤλικα* и т. п.

оно отъ него оторвано, и имѣй оно возможность опереться на τοῖος, то само »τοῖος« оказалось бы для него, быть можетъ, не единственною опорою. Слово τοῖος должно бы тогда быть частью сложнаго выраженія, и въ этомъ сложномъ выраженіи слово οἷος, быть можетъ, получило бы свое дальнѣйшее объясненіе. Фраза ὅσα ἡμᾶς εἰργασται κακὰ, заключающая въ себѣ одно относительное слово, произнесенная восклицательно и не связанная ни съ какою другою рѣчью, вызываетъ на вопросъ: а сколько, въ самомъ дѣлѣ, бѣдствій онъ причинилъ намъ? И вотъ, этотъ вопросъ остается въ рѣчи безъ отвѣта. Отвѣтъ только подразумевается, и подразумевается, опять таки подъ вліяніемъ восклицательнаго тона, съ которымъ была произнесена фраза, въ слѣдующемъ видѣ: подумай, слушатель и удивляйся, какъ удивляюсь я.*) Вмѣсто ὅσα ἡμᾶς εἰργασται κακὰ можно бы сказать и соотносительное »τοσαῦτα ἡμᾶς εἰργασται κακὰ« (= столько бѣдствій онъ намъ причинилъ!, и мы всетаки готовы забыть все), и тогда опять τοσαῦτα будетъ оторвано отъ своего относительнаго οἷος, и результатъ для мысли останется тотъ же самый.**)

Остается разобрать αὐτός и ἄλλος.

Симасіологическихъ оттѣнковъ слова αὐτός — нѣсколько. Они видны изъ слѣдующихъ примѣровъ.

1. τοὶ δὲ φθινύθουσιν ἔδοντες οἶκον ἐμόν. τάχα δὴ με διαρραίσουσι καὶ αὐτόν (Od. α 251); предметъ, въ данномъ случаѣ *лицо*, противопоставляется тому, что ему принадлежить.

2. ὤλεσε τηλοῦ νόστον Ἀχαιῶδες, ὤλετο δ' αὐτός (Od. ψ 23); противопоставляется »переходъ дѣйствія отъ дѣятеля на предметъ« сосредоточенію »дѣйствія на самомъ дѣятелѣ«.

3. ἀλλ' οὐ μοὶ Τρώων τόσσον μέλει ἄλλος ὀπίσσω, οὐτ' αὐτῆς Ἑκάβης (Il. ζ 450); указывается на предметъ, въ дан-

*) Иногда къ этому отвѣту побуждаетъ какое-нибудь ὅραξ и т. п. (ὅραξ, ὅσοι ἐσμέν! = ты видишь, какая масса насъ!).

**) Я не знаю, какъ понять примѣры въ родѣ αἵματος εἰς ἀγαθοῖο οἶα ἀγορεύεις (Od. δ. 611); слѣдуетъ ли здѣсь »извлекать« изъ »οἶα« соотносительное слово (въ тебѣ хорошая кровь *суди по тому, что ты говоришь*), или же читать οἶα ἀγορεύεις восклицательно (въ тебѣ хорошая кровь; *какъ ты великолѣпно говоришь!*).

номъ случаѣ на лицо, какъ на *первый* членъ въ ряду другихъ, — какъ на *главный*, сосредоточивающій на себѣ весь интересъ по отношенію къ тому, о чемъ идетъ рѣчь.

4. κατ' αὐτοὺς ἐδίνεον, κατὰ μέσσοις (Od. δ 18); противопоставляется предметъ его ближайшему сосѣдству.

5. αὐτοὶ ἐομεν; исключается содѣйствіе чье бы то ни было въ какомъ нибудь дѣлѣ.

6. τῷ δ' αὐτῷ πάντα ἐφίκει (Od. δ 655); съ выразительностью указывается на правильность *выбора* предмета (= ему, и именно ему, а не кому нибудь другому).

7. ζημοὶ ἐαυτόν; выразительно указывается на возвратъ дѣйствія *къ тому же* лицу, отъ котораго оно вышло.

8. τίη μ' ἐθέλεις ὀλέσαι, σὺ δὲ μ' ἔτρεφες αὐτῇ (Od. τ 482); указывается на *тождественность* предмета (въ данномъ случаѣ *лица*) въ *разныхъ* (въ данномъ случаѣ *противорѣчащихъ другъ другу*) положеніяхъ. Эта тождественность можетъ выступить *логическимъ опредѣленіемъ* имени существительнаго, привлекающимъ раздѣлительное δ: τὸν αὐτὸν τρόπον значить: изъ способовъ тотъ, который тождественъ съ другимъ.

Наконецъ, 9. αὐτοῦ — αὐτῷ — αὐτόν стало понемногу употребляться вмѣсто μιν-νιν »для синтаксической полноты« по отношенію къ *третьему* грамматическому лицу (см. стр. 423).

Больше указанныхъ *девяти* симасіологическихъ оттѣнковъ слово αὐτός не имѣетъ; это выяснилось въ нашихъ »Исслѣдованіяхъ въ области греческаго мѣстоименія« (Кіевъ 1877). Гдѣ же, спрашивается, симасіологическій центръ этихъ оттѣнковъ? На это мы отвѣтимъ *двумя* замѣчаніями.

Вопервыхъ, во всѣхъ оттѣнкахъ, за исключеніемъ *девятаго*, развившагося впоследствии, мы видимъ αὐτός относящимся ко *всѣмъ* грамматическимъ лицамъ и исполняющимъ роль не указателя предмета, а психо-логическаго сказуемаго или даже логическаго опредѣленія къ слову, обозначающему предметъ. Стало быть, слово αὐτός есть слово *признаковое*. Если въ *девятомъ* оттѣнкѣ оно чувствуется прямымъ указателемъ *предмета*, то это объясняется ослабленіемъ со-

знанія его первоначальной роли. По *первоначальному* его значенію долженъ быть и *здесь* прибавленъ, или по крайней мѣрѣ »подразумѣваемъ«^а прямой указатель предмета. Какъ $\sigma\upsilon\delta\epsilon\mu'\epsilon\tau\epsilon\phi\epsilon\varsigma\alpha\upsilon\tau\eta$ заключаетъ въ себѣ такого указателя, а слово $\alpha\upsilon\tau\eta$ выражаетъ при немъ нѣчто, что можно передать русскимъ *именно* — *самъ*, такъ и въ $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma\epsilon\phi\eta$, хотя » $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$ «^а чувствуется въ смыслѣ *самостоятельнаго* слова (такъ и русское »самъ«^а — »сама«^а чувствуется въ значеніи *хозяинъ-хозяйка*), но, по первоначальному, оно не есть »ближайшій опредѣлитель лица, показаннаго въ окончаніи глагола«, какимъ было $\delta\iota\delta\acute{\alpha}\sigma\chi\alpha\lambda\omicron\varsigma$ во фразѣ $\delta\iota\delta\acute{\alpha}\sigma\chi\alpha\lambda\omicron\varsigma\delta\iota\delta\acute{\alpha}\sigma\chi\epsilon\iota$ (ср. стр. 176–7.), а представляетъ психо-логическое *сказуемое* къ этому лицу ($\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma\epsilon\phi\eta$ значить по первоначальному: *самъ* »онъ«^а сказалъ, какъ и $\alpha\upsilon\tau\omicron\iota\epsilon\pi\omicron\iota\eta\sigma\alpha\mu\epsilon\nu$ значить: *сами* »мы«^а это сдѣлали). И какъ въ $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma\epsilon\phi\alpha$ нужно *собственно* при $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$ подразумѣвать »онъ«, такъ и $\epsilon\acute{\omega}\rho\alpha\tau\omicron\nu\alpha\upsilon\delta\rho\alpha\kappa\alpha\iota\epsilon\lambda\epsilon\gamma\epsilon\nu\alpha\upsilon\tau\phi$ приходится толковать: видѣлъ врага и сказалъ *именно* (ему) = сказалъ *самому* (подразумѣвай *ему*) = сказалъ *не иному кому нибудь* (подразумѣвай *а ему*) = *сказалъ [ему] же*.

Второе наше замѣчаніе касается прежде всего *этимологии* слова $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$. Относительно ея наши этимологи не могутъ придти ни къ какому соглашенію (смотри Ebeling Lex. Nom. sub vocibus $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$, $\alpha\upsilon$). Мы, руководствуясь непосредственнымъ чутьемъ *значенія* этого слова, считаемъ его за превосходную степень отъ слова $\alpha\upsilon$. Если $\pi\rho\acute{o}\tau\omicron\varsigma$ могло быть *superlativ'омъ* къ слову $\pi\rho\acute{o}$, то и противъ *нашего superlativ'a* возражать не приходится. $\alpha\upsilon$ указываетъ на *возвращеніе* къ прежнему, на обращеніе *назадъ*, на *неудаленіе* отъ извѣстнаго пункта. *) Оно имѣетъ значеніе русскаго *опять*. Разница — та, что русское *опять* есть *матеріальное* слово (связано этимологически съ словомъ *пята*), а въ греческомъ $\alpha\upsilon$ мы никакого *матеріальнаго* содержанія не видимъ. Оно, кажется намъ, рисуетъ только

*) Въ слѣдующемъ отдѣлѣ мы вернемся къ $\alpha\upsilon$.

линію поворачиванія и *недвиженія впередъ*. По этому мы слово $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$ считаемъ *формальнымъ*, а не *матеріальнымъ* словомъ. Оно, согласно своему этимологическому происхожденію, очень *выразительно* (*superlativ'!*) указываетъ, что не слѣдуетъ *нисколько* удаляться отъ предмета, о которомъ идетъ рѣчь. Мы просимъ читателя *разсмотрѣть* еще разъ всѣ девять симасіологическихъ оттѣнковъ разбираемаго нами слова, и онъ найдетъ *вездѣ* выдержаннымъ именно *это* значеніе. Такимъ значеніемъ оно *очень* близко подходитъ къ значенію слова $\delta\epsilon$, какъ указателя *тождественности*, отличаясь отъ него рѣзко только въ томъ, что $\delta\epsilon$ указывало *предметъ*, тождественный съ другимъ, а $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$ указываетъ *только* на *недвиженіе* впередъ, тогда какъ *предметъ*, къ которому это *недвиженіе* относится какъ его признакъ, долженъ быть по *первоначальному* выраженъ *особымъ* словомъ. Мы были правы, когда говорили, что $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$ виѣшалось въ борьбу за роль указателя *третьяго* грамматическаго лица *совершенно* со стороны.

На $\alpha\lambda\lambda\omicron\varsigma$ мы долго останавливаться не будемъ. Оно составляетъ прямую противоположность слову $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$. Если $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$ указывало, что слѣдуетъ оставаться непосредственно при предметѣ, о которомъ идетъ рѣчь, то $\alpha\lambda\lambda\omicron\varsigma$ есть *отрицаніе* этого указанія. $\alpha\lambda\lambda\omicron\varsigma$ обозначаетъ: *не тотъ* предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, — о которомъ ты, слушатель, думаешь. Какъ $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$ было *признаковымъ* словомъ, такъ и $\alpha\lambda\lambda\omicron\varsigma$ мы считаемъ *признаковымъ*, и какъ *признаковое* оно должно бы соединяться *собственно* съ *существительнымъ*. Такъ оно, впрочемъ, *обыкновенно* употребляется. *Обыкновенно* говорятъ не $\alpha\lambda\lambda\omicron\varsigma$, а $\alpha\lambda\lambda\omicron\varsigma\tau\iota\varsigma$. Особенно замѣчательно — употребленіе слова $\alpha\lambda\lambda\omicron\varsigma$ въ сопозитѣ $\alpha\lambda\lambda\eta\lambda\omicron\nu-\alpha\lambda\lambda\eta\lambda\omicron\iota\varsigma-\alpha\lambda\lambda\eta\lambda\omicron\upsilon\varsigma$, обозначающемъ: не тотъ не того — не тотъ не тому = другой другого — другой другому = другъ друга — другъ другу. Русское *другой* должно *собственно* двигаться между *двумя* предметами (для *нѣсколькихъ* предметовъ мы располагаемъ въ русскомъ языкѣ словомъ *иной*), а потому оно соотвѣтствуетъ не столько греческому $\alpha\lambda\lambda\omicron\varsigma$, сколько скорѣе слову $\epsilon\tau\epsilon\rho\omicron\varsigma$. $\epsilon\tau\epsilon\rho\omicron\varsigma$

(сравнительная степень) есть, такимъ образомъ, только видоизмѣненіе слова ἄλλος. Извѣстно толкованіе этимологовъ, сводящихъ и ἕτερος (ἄτερος), и ἄλλος къ отрицательному ἀν (ἀναδής и пр.); сравни, однако, стр. 415. *)

Послѣ разъясненія формальныхъ именъ и именъ вообще слѣдовало бы перейти къ разбору той части рѣчи, которую называютъ »нарѣчіемъ«. Въ общемъ, геометрическое мѣсто для отыскиванія »нарѣчій« — извѣстно. »Нарѣчія« суть окаменѣлые падежи тѣхъ же именъ, какъ матеріальныхъ (σάφῃς отъ σαφής, γνύξ отъ γόνυ), такъ и формальныхъ (οὗτος отъ οὗτος, ἄλλως отъ ἄλλος = не такъ, не по настоящему). Вопросъ только въ томъ, гдѣ они начинаются (слово πολὺ, въ выраженіи πολὺ ἡδίων, считаютъ уже »нарѣчіемъ«, хотя »окаменѣлости« падежа, какъ будто, еще не видать), и гдѣ кончаются. Опредѣлить ихъ начало будетъ легко, такъ какъ нами опредѣленъ самый полюсъ, къ которому они приближаются своимъ началомъ. Хорошо бы опредѣлить предварительно и тотъ полюсъ, гдѣ они кончаются. Этимъ полюсомъ должны быть »союзы« или, какъ говорятъ »частицы«. Перейдемъ къ разбору »частицъ«.

*) Часто мы передвигаемъ отрицательное значеніе слова ἄλλος на положительное. На ἐτέρῃ χειρὶ (т. е. ἐτέρῃ; см. стр. 415) мы правильно смотримъ какъ на выраженіе русскаго »одною (какоюнибудь) рукою« но соотвѣтственно этому ищемъ и въ φιλοῦσι ἀλλήλους нѣчто, что можно передать словами »однимъ другого любить«. Если бы мы въ толкованіи послѣдняго выраженія держались отрицательнаго значенія слова ἄλλος, то мы много выгадали бы въ пониманіи самого выраженія. Для разъясненія моей мысли я выхожу отъ фразы ἄλλος ἄλλον βιάζεται. Понимая отрицательно слово ἄλλος, я въ данной фразѣ нахожу выраженнымъ слѣдующее: на комъ бы ты, слушатель, ни остановился, всегда найдешь другого, кто насилуетъ, и на комъ бы ты ни остановился какъ насилуемый, всегда найдешь другого, о которомъ можно сказать то же. Черезъ такое толкованіе чувствуется лучше та безпорядочность картины, та неразборчивость въ ней, которая и нарисована въ данномъ выраженіи. И какъ здѣсь гораздо лучше понимается неразборчивость и пестрота картины, если мы держимся отрицательнаго значенія слова ἄλλος, такъ въ φιλοῦσι ἀλλήλους чувствуется лучше взаимность при томъ же условіи. Φιλοῦσι ἀλλήλους значить: они любятъ, причемъ любящій не есть непременно и только тотъ, на которомъ ты, слушатель, быть можетъ, остановился, а другой, и о любимомъ можно сказать то же. Конечно, то, что мы здѣсь сказали о взаимности при словѣ ἄλλος, можно бы примѣнить и къ двойственности при словѣ ἕτερος. Ἐτέρῃ χειρὶ можетъ обозначать: рукою, причемъ ты, слушатель, не останавливайся непременно на одной; есть еще другая.

VII.

Частицы и „нарѣчія“.

Рѣчь есть выраженіе связной мысли, а связная мысль есть сужденіе и рассужденіе. Сужденіе, это — окончательное рѣшеніе чегонибудь. Ему предшествуетъ спрашиваніе, исканіе. Спрашивать мы можемъ въ связной мысли о какойнибудь одной части ея, установивъ всѣ остальные: τίς λέγει, τίνα ἀδικεῖτε, ποῖον τὸ ἔργον ἐποίησαν и т. д. »Спрашивать объ одной части мысли, установивъ остальные«, значитъ (если перенестись отъ мысли къ рѣчи, какъ ея выраженію): искать какогонибудь одного слова, *) установивъ остальные. Это одно слово есть непременно какоенибудь имя, — или существительное, или признаковое. Ибо до сихъ поръ другихъ частей рѣчи у насъ не было. О предлогахъ не спрашиваютъ (спрашиваютъ гдѣ, а отвѣтъ на это получается: надъ водою, подъ водою и т. д.), а если кромѣ имени имѣется еще глаголь, то глаголь является выраженіемъ цѣлой мысли, и разъ мы ищемъ только часть мысли, то мы можемъ спрашивать только о его а, или о его б; въ первомъ случаѣ мы спрашиваемъ τί ποιεῖ, и получаемъ отвѣтъ γράφει а во второмъ — τίς γράφει, и получаемъ отвѣтъ οὗτος, или ἀδελφός, или чтонибудь подобное. На счетную часть рѣчи мы смотримъ въ этомъ случаѣ какъ на признаковое имя (см. стр. 354) и спрашиваемъ о ней

*) Отчего только одного? Конечно, можно искать и нѣсколько словъ сразу, но объ этомъ ниже.

признаковымъ же «пѣсой». «Нарѣчій» мы, положимъ, еще не разбирали, но въ общемъ и они суть имена (ихъ окаментѣльные падежи), соответственно чему мы и спрашиваемъ о нихъ именами же (формальными и окаментѣльными ихъ падежами): о словѣ καλῶς мы спрашиваемъ словомъ πῶς и т. д. Выходитъ, что если приходится искать какую нибудь часть мысли, то мы, ища, въ сущности, какое нибудь имя,*) можемъ это осуществить черезъ имена же, — имена формальные, а въ частности вопросительныя. Исполнивъ эту задачу и отвѣтивъ на вопросы, мы получаемъ въ рѣчи синтаксическія сказуемыя, а части мысли, напередъ установленныя, играютъ при нихъ роль синтаксическихъ подлежащихъ.

Случаямъ, въ которыхъ какая нибудь одна часть мысли не установлена и ищется, мы должны противопоставить случаи, гдѣ вся мысль напередъ установлена, а только извѣстная ея часть, — та, которая потомъ должна сдѣлаться синтаксическимъ сказуемымъ, — подвергается колебанію. Во фразѣ орелъ-хищникъ мы можемъ подвергнуть колебанію вторую ея часть (орелъ, ты думаешь, хищникъ?), или первую (ты орла считаешь хищникомъ?), въ примѣрѣ τὴν τοῦ ἀπείρου λέγεις φύσιν (Plat. Phil. 25 d) подвергается колебанію слово ἀπείρου и т. д. Въ глаголь мы можемъ подвергнуть колебанію только его а (οἶεи = ты такъ думаешь?); ибо если бы по чему либо нужно было подвергнуть колебанію б, то это повело бы къ выдѣленію этого б въ особое слово, такъ какъ подвергаемое колебанію должно быть интонируемо (οὐ ταῦτα οἶεи = ты такъ думаешь?; сравни выше стр. 180.**)

*) Это еще не значить, что намъ отвѣтитъ непремѣнно именемъ; отвѣтъ можетъ получиться въ формѣ какого нибудь сложнаго выраженія.

**) Можно подвергнуть колебанію и самую качественность сужденія и время сужденія, выраженныя въ глаголь (да и отчего не подвергнуть колебанію и залоговой и видовой отѣнки глагола?). Но такое колебаніе, пожалуй, трудно отмѣнить обычною интонаціею, хотя невозможнымъ этого считать нельзя. Впрочемъ, чаще всего въ подобныхъ случаяхъ прибѣгаютъ къ особымъ выраженіямъ (иногда съ противопоставленіемъ одного отѣнка другому) въ родѣ: вѣрно это? — быть можетъ, ты это говоришь такъ только? Или: это твое убѣжденіе? — быть можетъ, это только твое желаніе? Или: это было уже? — быть можетъ, это еще только будетъ? и т. д.

До какой широты доходитъ намѣченное въ такихъ колебаніяхъ «синтаксическое сказуемое»,*) можно усмотрѣть изъ примѣра τὸν θεὸν ἐλέγομεν που τὸ μὲν ἄπειρον δεῖξαι τῶν ὄντων, τὸ δὲ πέρας (отвѣтъ πάντῳ μὲν οὖν. — Plat. Phileb. 23 c), гдѣ изъ «намѣченного синтаксического сказуемаго» можно исключить только слова θεὸν ἐλέγομεν (θεὸν ἐλέγομεν есть синтаксическое подлежащее).

Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ часть мысли, напередъ вполне установленной, подвергается колебанію, самое колебаніе выражается тономъ. Тонъ нашъ не касается. Но нѣтъ ли и слова, — нѣтъ ли «частицы», въ родѣ русскаго «ли», которая бы въ такихъ случаяхъ такъ или иначе**) присоединялась къ намѣченному синтаксическому сказуемому?

Такую «частицу», имѣющую значеніе русскаго «ли», хотя бы видѣть въ ἄρα. Но ἄра не можетъ быть этою частицею. Этимологи вѣрно замѣчаютъ, что ἄра есть въ сущности то же ἄρα, которое, будучи этимологически связано съ ἀραρίσχω и съ ἄρθον***), указываетъ на такую или иную (обыкновенно причинную), связь одной мысли съ другою. Ἀра, повидимому, есть «нарѣчіе», образованное на подобіе словъ ὅχα, τὰχα и пр., есть «окаментѣльный падежъ», обозначающій «въ связи» — «слѣдовательно» (и русское слѣдовательно всякій назоветъ «нарѣчіемъ», а

*) Можно довести до извѣстной широты «намѣченное синтаксическое сказуемое» и въ первыхъ случаяхъ, когда мы «спрашиваемъ» объ именахъ, но тогда приходится комбинировать самыя тѣ формальныя имена, при посредствѣ которыхъ мы спрашиваемъ: τίς τίνα καὶ πῶς εἰ ποιεῖ (это пусть будетъ отвѣтомъ на вопросъ возбужденный на стр. 451. подстрочнымъ примѣчаніемъ).

**) Я говорю «такъ или иначе» потому, что такое слово, такая «частица» можетъ быть присоединена опять только къ слову, а не ко всему «намѣченному синтаксическому сказуемому». Какъ въ этомъ случаѣ распоряжается языкъ, какое слово избираетъ онъ для присоединенія къ нему «частицы», какъ «разставляетъ» онъ слова, чтобы «частица» чувствовалась относящаяся ко всему «синтаксическому» сказуемому, — это опять таки дѣло не «симиологіи частей рѣчи и ихъ формъ».

***) Это — принятая этимологія (см. Curtius Grundz. 341. Prellwitz Wörterb. и др.). Бруманъ не приводитъ этой этимологіи; онъ только указываетъ (Grundr. I. 231) на связь нашего слова съ однозвучнымъ словомъ въ литовскомъ языкѣ и опредѣляетъ его какъ Partikel zur Bezeichnung der natürlichen Folge und dergleichen.

именно окаменѣлымъ *вещнымъ* надежѣмъ). Такимъ образомъ, фраза *ἄρα τοῦτο ἐρέετο* значить: стало быть, *это* случилось?*) Другими словами, *ἄρα*, т. е. собственно *ἄρα*, — составляет ли вмѣстѣ съ *τοῦτο* «намѣченное синтаксическое сказуемое», или принадлежитъ вмѣстѣ съ *ἐρέετο* къ синтаксическому подлежащему, — входитъ *всѣмъ* своимъ значеніемъ въ составъ «напередъ установленной мысли», а если его *удареніе* нѣсколько другое, то въ этомъ нужно видѣть только отраженіе того *общаго* вопросительнаго тона, который *часть* мысли подвергаетъ колебанію, и кромѣ котораго здѣсь никакого *другого* «вопросительнаго средства» *нѣтъ*.

Далѣе, въ видѣ вопросительной частицы выдвигаютъ *οὐκοῦν*. *Οὐκοῦν* представляет собою не одно, а два слова. Они могутъ появляться въ мысли, подвергающейся колебанію, не только *оба* вмѣстѣ (*οὐκοῦν αἰσχροῦν τοῦτο* = а не правда ли, что это позорно?), но и *порознь* (*οὐ τοῦτο αἰσχροῦν ἐστι; βούλει οὐν καὶ Σωκράτει τῷδε ἀνακοινώσομεν τὸν λόγον*), однако, ни то, ни другое не можетъ быть тѣмъ словомъ, котораго мы ищемъ. *Οὐν* нами уже выяснено на стр. 445–6. какъ «нарѣчіе», и при томъ его значеніи, которое тамъ, правда, лишь въ *общихъ* чертахъ намѣчено, можно о немъ повторить по отношенію къ *теперешнему* вопросу то же, что нами сказано объ *ἄρα*. Что же касается *οὐκ*, то оно, конечно, есть не во-

*) Правда, *ἄρα* часто появляется, между прочимъ, и въ самомъ *началѣ* рѣчи. Такъ, Платоновскій діалогъ Alc. II. прямо *начинается* со словъ «ὁ Ἀλκιвіадῆς, ἄρα γε πρὸς τὸν θεὸν προβεβήκενος πορεύει;». Но это — начало, какое мы часто встрѣчаемъ и въ *русскомъ* языкѣ. Не будетъ ошибки, если мы *данное* мѣсто діалога переведемъ: такъ чтожъ? Алкивиадѣ! — мы... и т. д. Ужъ никто не будетъ сомнѣваться въ томъ, что слово *такъ* («нарѣчіе», т. е. окаменѣлый надежъ къ формальному имени *тогда*), *тоже* обозначаетъ «связь съ предыдущимъ». Это «предыдущее» здѣсь только подразумевается, и самое «подразумѣваніе» психологически объясняется тѣмъ, что прежде обращенія къ слушателю говорящій *соображалъ* кое о чемъ, и что обращеніе его къ слушателю является слѣдствіемъ и продолженіемъ атихъ соображеній. Кромѣ *такъ* въ приведенной русской фразѣ помѣщено и формальное вопросительное имя *что(же)*. Такъ и въ греческомъ языкѣ часто предупреждается мысль, подвергающаяся колебанію, словомъ *τί δὲ* (*τί δὲ ἵκανόν τ' ἀγαθόν*; Plat. Phil. 20 d). Объяснять умѣстность этого слова *здѣсь* мы считаемъ лишнимъ; въпрочемъ мы къ нему еще вернемся.

просительное слово, а *просто* отрицаніе. Вопросительнымъ словомъ его можно назвать въ *нашихъ* случаяхъ лишь въ томъ смыслѣ*), что появленіе его въ мысли, подвергающейся колебанію, есть *отраженіе* самого колебанія (а не что нибудь, придающее самимъ собою характеръ вопроса данному выраженію). Ибо, подвергая мысль колебанію, я могу проявить это черезъ внесеніе въ ея выраженіе *отрицанія*. Это дѣлается *вполнѣ сознательно*, такъ какъ колебаніе въ томъ и состоитъ, что мысль, чего добраго, можетъ *разрѣшиться* отрицательно.**). Говорятъ *нерѣдко* о «*риторическомъ*» значеніи нашего *οὐκ* (*ἄρ' οὐ περὶ φρονήσεως ἦν καὶ ἡδονῆς ἡμῖν ἐξ ἀρχῆς ὁ λόγος, ὁπότερον αὐτοῖν αἰρετέον*. Plat. Phil. 18. e), но «*риторичность*» въ данномъ случаѣ есть *ироничность*, — есть особое настроеніе говорящаго, въ силу котораго онъ лишь *для вида* подвергаетъ колебанію то, что *для себя* считаетъ *вернымъ****). Эту ироничность можно иногда и *найти* въ *οὐκ*, но въ другихъ случаяхъ ея вовсе *нѣтъ* въ немъ. Что наряду съ *οὐκ* встрѣчается въ *нашихъ* случаяхъ и *μή*, а также *μὲν* (= *μή οὐν*, какъ *οὐκοῦν*), а то и *μὲν οὐν* (составъ слова *μὲν*, повидимому, уже *не сознавался*, когда стали прибавлять къ нему *οὐν*), или *μὲν μή* (*μὲν μή μακρὸς ὁ λόγος*. Plat. Soph. 263 a — *μὲν οὐ* у Еврипида Med. 733), — это все извѣстно, и разницу между *οὐκ* и *μή* выяснимъ ниже.

Остаются слова *ἦ* и *ἐλ*. *ἦ* (H,†) по нашему мнѣнію, есть *истинно* вопросительная «частица». Сводитъ ее къ «нарѣчію»

*) Въ этомъ смыслѣ мы и *μή* на стр. 143. назвали «вопросительнымъ».

**) Отъ атихъ случаевъ нужно различать другіе, гдѣ сама *мысль*, которую я подвергаю колебанію, есть *отрицательная*. Тогда языкъ либо *разсуждаетъ* иначе слово *οὐκ* (*τοῦτο ἄρ' οὐκ ἀγαθόν ἐστι*; — это, стало быть, не есть благо?), или ставитъ въ началѣ *οὐκοῦν* (*οὐκοῦν τοῦτο ἀγαθόν ἐστι* = итакъ, это не есть благо?).

***). На стр. 143 мы назвали *μή* «*риторически* — вопросительнымъ» въ нѣсколько *другомъ* смыслѣ; ниже мы *вернемся* къ этому *μή*.

†) Обыкновенно *различаютъ* «*ἦ-ἦ*» и «*ἦ-ἦε*». Последняго не этимологизируютъ, а первое приводятъ въ связь съ латинскимъ *ve* и санскритскимъ *vā* (Brugmann Grundr. I. 537 и II. 776). Prellwitz (Wörterb. sub voce

нѣтъ основанія, какъ нѣтъ основанія сводить къ «нарѣчію» русское «ли»: ἢ παρ' ἐκείνου φαίνει (Plat. Prot. 309 b = отъ него ты идешь, что ли?). Извѣстно постоянное сопровожденіе мысли, передаваемой слушателю, словамъ ἢ γάρ = такъ, что ли? (ο γάρ — ниже).

Если вопросительный тонъ (мы говоримъ о *тонѣ*, а не о *значеніи*, которое остается *всегда* себѣ вѣрнымъ), — если вопросительный тонъ ослабѣваетъ, то наступаетъ орѳография ἢ. Это бываетъ прежде всего въ такъ называемомъ «двучленномъ» вопросѣ: ὦ ξεῖνοι, τίνες ἐστέ; πόθεν πλεῖθ' ὑγρὰ κέλευθα; ἢ τι κατὰ προῆξιν ἢ μακρδίως ἀλλάγηθε οἶά τε ληιστῆρες ὑπεῖρ ἄλλα, τοί τ' ἀλόωνται ψυχὰς παρθέμενοι, κακὸν ἀλλοδαποῖσι φέροντες; (Od. ι 252) = ктѣ вы, откуда вы? — за дѣломъ ли какимъ нибудь ѣдете, такъ ли только скитаетесь по морю? Вопросительнаго *тона* не *нужно* было особенно подчеркивать въ ἢ, такъ какъ онъ достаточно отмѣченъ раньше въ словахъ τίνες и πόθεν (кто прочтетъ правильно все мѣсто по русски, тотъ *убѣдится* въ ослабленіи тона послѣ *первыхъ* вопросовъ); но что самъ *вопросъ* тянется *до конца* мѣста, — это не подлежитъ ни *малѣйшему* сомнѣнію. Омиръ, впрочемъ, — въ *усилении* вопросительнаго тона всякій воленъ, — ставить и здѣсь *протяжное* ἢ, особенно если на то наталкиваютъ *метрическія* требованія: ὦ μοι ἐγὼ, τέων αὖτε βροτῶν ἐς γαῖαν ἰκάνω; ἢ ρ' οἱ γ' ὄβρισταί τε καὶ ἄγριοι οὐδὲ δίκαιοι, ἢ ἐ (тоже одинъ видъ протяжнаго ἢ, который и *нуженъ* былъ по *метрическимъ* соображеніямъ) φιλόξενοι, καὶ σφιν νόος ἐστὶ θεουδής (Od. ζ 119).

Обыкновенно «двучленный» вопросъ вводится словомъ *пότερον*: οἱ φαίνονται καὶ λέγοντες, ἀ μὴ ἴσασι, καὶ πρᾶττοντες, πότερά σοι δοκοῦσι ἐπὶ τοῖς τοιούτοις ἐπαίνου μᾶλλον

ἢ ἐ) говорить: ἢ-ἢ = oder, aus ἡφέ, altindisch vā oder .... Мы, руководясь непосредственнымъ чутьемъ *значенія* обоихъ словъ, не имѣемъ никакого основанія сомнѣваться въ томъ, что это — *одно* слово. Такъ, впрочемъ, полагаетъ и Hegmann (Opusc. I. 209) и Bäumlein. Послѣдній говоритъ (Partik. 125): wir können es nicht für unmöglich erklären, dass ἢ aus dem «versichernden» oder «fragenden» (итакъ, *два* значенія!) ἢ hervorging.

ἢ φόρου τυγχάνειν; (Xen. Memog. II. 6. 16) = чего изъ двухъ, по твоему, они заслуживаютъ: похвалы скорѣе, поощренія ли? Два вопроса, заключающіеся здѣсь, представляются «предметами обсуждения», и на оба «предмета» указывается *предварительно* словомъ *пότερον*, какъ и прежде (см. стр. 456. подстрочное примѣчаніе), въ »τί δέ, ἰκάνων τ' ἀγαθόν;« *одинъ* вопросъ, т. е. *одинъ* предметъ обсуждения, предупреждался словомъ *τί*. Не было бы ничего неестественнаго въ томъ, если бы и въ нашемъ *двучленномъ* вопросѣ *оба* вопроса приняты были за *одинъ* предметъ «обсужденія» и также предупреждены словомъ *τί* (τί δέ, τρέφεται καὶ γίγνεται ἐκ τούτου καὶ ἄρχεται τὸ τοῦ παντός πῦρ ἐπὶ τοῦ παρ' ἡμῖν πυρός ἢ τοῦναντίον ὑπ' ἐκείνου τὸ τ' ἐμὸν καὶ τὸ σὸν καὶ τὸ τῶν ἄλλων ζώων ἅπαντα ἴσχει ταῦτα; — Plat. Phil. 29 c). Нечего распространяться о томъ, что ни *τί*, ни *пότερον* не слѣдуетъ толковать по *первоначальному* ихъ смыслу за принадлежность *перваго* члена этого двойнаго вопроса, а что они являются чѣмъ то *самостоятельными*, и *первый* членъ вопроса при нихъ остается безъ *всякой* вопросительной «частицы» (онъ можетъ оставаться безъ частицы и тогда, если бы никакого *τί* и никакого *пότερον* не было: οἶσθα οὖν ὃ μέλλεις νῦν πράττειν, ἢ σε λανθάνει; — Plat. Prot. 313 b). Конечно, при *привычкѣ* предупреждать двучленный вопросъ словомъ *пότερον*, сознаніе его какъ *самостоятельнаго* могло иногда и *ослабнуть*, и могли появляться такія фразы какъ *τίνες κατήρξαν, πότερον Ἕλληνες μάχης ἢ παῖς ἐμός* (Aesch. Pers. 351). До такого ослабленія не могло дойти *τί* просто потому, что оно, въ силу своего значенія, никакого отношенія собственно къ *двучлену* не имѣетъ (раньше сказано, что оно могло предупреждать собою двучленный вопросъ какъ *одинъ* «предметъ обсуждения»). Если оно иногда и *чувствуется* состоящимся съ *первымъ* членомъ въ нѣчто единое, и если вышеприведенное *τί δέ τρέφεται καὶ γίγνεται* и т. д. мы могли прочитать такъ, что между *τί δέ* и *τρέφεται* не *нужно* было дѣлать почти никакой паузы), то это ведетъ только къ тому, что *второй* членъ вопроса не получаетъ

даже значенія члена, а чего то *добавочнаго*, въ *первоначальномъ* планѣ мысли вовсе не *заключавшагося* (чтоже, онъ питается нашимъ огнемъ? — а можетъ быть нашъ огонь питается имъ?).

Что *второй* членъ какого бы то ни было «двучленного» вопроса (я не говорю теперь объ *обоихъ* членахъ, *предупрежденныхъ* какимъ нибудь *общимъ* вопросомъ, въ родѣ вышеприведеннаго *τίνας ἐστέ — πόθεν πλείτε* *), — что *второй* членъ какого бы то ни было двучленного вопроса *ослабляетъ* въ себѣ вопросительный тонъ сравнительно съ *первымъ* членомъ, можно опять таки *провѣрить* на *правильномъ* прочтеніи какого нибудь *русскаго* двучленного вопроса. Это ослабленіе вопросительнаго тона во *второмъ* членѣ влечетъ за собою *непремѣнное* появленіе *особаго* вопросительнаго слова (разъ *тонъ* ослабленъ, то чѣмъ же остается отмѣтить вопросъ, какъ не *словомъ*?). Такимъ образомъ, если *первый* членъ, при его еще *сильномъ* вопросительномъ тонѣ, могъ иногда оставаться *безъ* вопросительнаго слова (мы это выше видѣли), то во *второмъ* членѣ должно *непремѣнно* появиться *ѣ*, хотя бы и *не протяжное* (т. е. не *ѣ*). Въ *русскомъ* языкѣ *обыкновенно* (это не обязательно; сравни: не знаю, правда ли это, нѣтъ ли) во *второмъ* членѣ ставится *или*. Слово *или* представляетъ собою *compositum* изъ *и* (= *те, καί*) + *ли*. Этимъ «и», въ общемъ обозначающимъ *присоединеніе* чего нибудь къ чему нибудь (объ этомъ ниже), только и *отмѣченъ* второй членъ вопроса какъ *второй*, т. е. какъ *плюсъ* къ чему то другому. Это же явленіе мы видимъ въ *греческомъ* *ἢ καί*, появляющемся довольно часто (сравни *Od. α 175, δ 712* и др.).

Надъ появленіемъ слова *ѣ* въ двучленѣ, *не имѣющемъ* характера вопроса, нечего долго останавливаться; оно *вполнѣ* понятно, и *вполнѣ* согласно съ *вопросительнымъ* значеніемъ слова *ѣ*. Въ самомъ дѣлѣ: двучленъ, *не имѣющій* характера вопроса, прежде всего можно раздѣлить на *conjunctiv'ный*

*) Да и само *πόθεν* и *τί δέ*, чѣмъ оно не «предупредительный общій вопросъ», если оно дѣйствительно *чувствуется* самостоятельнымъ, а не *сросшимся* съ *первымъ* членомъ вопроса.

(онъ хватается и за то, и за другое) и *disjunctiv'ный*. Въ *disjunctiv'номъ* двучленѣ и *появляется* *ѣ*. Да и не есть ли *disjunctio* сама по себѣ нѣкоторый вопросъ? — не могла ли она быть понята въ такомъ смыслѣ, что я, говорящій, не *рѣшаю* и *оставляю подѣ* *вопросомъ*, въ ту ли или другую сторону повернетъ самое *рѣшеніе* этого вопроса? *Русскій* языкъ въ этихъ случаяхъ употребляетъ *или-или*. Несомнѣнно, что въ этомъ *или* слово «и» указываетъ на двучленъ *вообще*, а «ли» остается *вопросительнымъ* словомъ. Оборотъ *или панъ, или пропадъ* значить: Можетъ быть *и* то, *и* другое; первое *ли* выйдетъ, второе *ли*, — не знаю. Такъ и *греческій* языкъ рядомъ съ *ѣ-ѣ* употребляетъ когда то *ἢ τε-ἢ τε* (*Pl. ρ 42: ἢ τ' ἀλλῆς ἢ τε φόβοιο*). Двучленъ вообще, хоть *conjunctiv'ный*, хоть *disjunctiv'ный*, можетъ быть или *заранѣе* обдуманъ говорящимъ, или является результатомъ лишь какой то *поправки*, какого то *дополненія* къ чему то, казавшемуся раньше *законченнымъ*. Такое впечатлѣніе не-обдуманнаго заранѣе двучлена производить фраза: онъ не *захочетъ* этого сдѣлать; да и *не подготовленъ* онъ вовсе къ этому (противопоставь фразу: онъ и не *захочетъ*, и не *сможетъ* этого сдѣлать). Мы не думаемъ утверждать, что *обдуманный* заранѣе *conjunctiv'ный* двучленъ ведетъ къ употребленію въ *обоихъ* его частяхъ слова «и». Простое «онъ не *захочетъ* и не *сможетъ* этого сдѣлать», также могло появиться при *обдуманномъ* заранѣе двучленѣ. Но нѣтъ сомнѣнія, что не-обдуманный заранѣе двучленъ ведетъ *непремѣнно* къ отсутствію въ *первомъ* членѣ слова «и». Такъ и въ *disjunctiv'номъ* двучленѣ *ѣ* можетъ появиться только *разъ*, при *второмъ* членѣ (*ὥς δὲ λέων ἐν βοῦσι θορόν ἐξ αὐχένα ἄξῃ πόρτιος ἢ ἐ βοός, ξύλοχον κατὰ βοσκομένων*. — *Pl. ε 162*), но особенно должна повліять на такое явленіе *неподготовленность* двучлена (*εἰ τίνα που θῆριον ἔλοι ἐσχατῶντα, ἢ τίνα καὶ φῆμιν ἐν Τρώεσσι πύθοιτο* = а то, чего добраго, и... *Pl. κ 207*). Въ этихъ случаяхъ второй членъ очень приближается къ характеру вопроса. *Формальнымъ* вопросомъ этотъ второй членъ является въ такихъ выраженіяхъ какъ *τοῦτο καὶ ὥς*

ἀποβήσεται. ἢ οἷεи οὐγε... (= или ты думаешь, что....? сравни, что выше сказано о «добавочномъ» членѣ въ примѣрѣ τί δὲ τρέφεται καὶ γίγνεται πῦρ...).

Особеннымъ оттѣнкомъ слова ἢ является *сравнительный* оттѣнокъ въ примѣрахъ βελτίων ἢ ἐγώ и т. п. *Замѣчательны* эти слова, употребляющіяся въ сравнительныхъ степеняхъ! Латинскій языкъ употребляетъ въ данномъ случаѣ *quam*. *Quam* есть окаменѣлый падежъ слова *qui-quae-quod* и имѣетъ въ данномъ случаѣ *относительное* значеніе, опираясь на извлекаемое изъ него *соотносительное* слово (ср. стр. 443-4). *Major sum, quam tu* значить: какъ 'ты старъ, такъ я *старше**). Въ русскомъ *разговорномъ* языкѣ *тоже* слышится иногда *какъ*, но чаще употребляется *чѣмъ*, оказывающееся также *относительнымъ* словомъ. Я *старше, чѣмъ ты* значить: благодаря чему ты старъ, благодаря тому я старше. Но русскій языкъ употребляетъ *еще* одно слово при сравнительныхъ степеняхъ. Это — слово *нежели*, и имъ русскій языкъ даетъ намъ ключъ къ разъясненію греческаго сравнительнаго ἢ. Иродотовское (впрочемъ, не *исключительно* · Иродотовское) ἐποίησα ταχύτερα ἢ σοφώτερα значить: мой поступокъ былъ болѣе поспѣшнѣйшій а можетъ быть онъ — болѣе умный? (Подразумѣвается *не думаю*; другими словами, фраза ἢ σοφώτερα чувствовалась первоначально выраженіемъ *риторическаго* вопроса, возбуждающаго только *слушателя* подумать о содержаніи его,

*) — поскольку ты *старъ*, постольку я *старше*. Это разсужденіе напоминаетъ намъ статью Schoemann: über die Comparativpartikeln der griechischen und verwandten Sprachen (Höfers Zeitschrift 1853, pag. 131 seq). Schömann приводит нѣкоторые мѣста, гдѣ и въ греческомъ языкѣ при comparativ'ахъ употребляется ὥς. Онъ указываетъ на то, что случаевъ такого употребленія было бы гораздо больше, если бы комментаторы и издатели, не справляющіеся съ такимъ ὥς и не понимающіе его (онъ его толкуетъ приблизительно такъ же, какъ мы), не успѣли замѣнить его словомъ ἢ. Употребленіе слова ὥς въ сравненіяхъ наводитъ Шемана на мысль, не есть ли и ἢ этимологически то же самое, что ὥς, т. е. не есть ли ἢ, вмѣсто ἢ (тонкое придыханіе часто чередуется съ густымъ), «adverbial'ная» форма отъ ὥς-ἢ-δ. Съ послѣднимъ мы согласиться не можемъ, такъ какъ тогда не получается синтаксическое единство во всѣхъ случаяхъ употребленія если не *всего* ἢ-ἢ, то по крайней мѣрѣ одного ἢ (дальше мы не намѣрены распространяться объ этой мысли, предоставляя *читателю* проверить ее по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ мы разсуждаемъ объ ἢ).

и рѣшеннаго самимъ говорящимъ въ *отрицательномъ* смыслѣ*). Такъ и фразѣ πρεσβύτερός εἰμι σοῦ я придаю первоначальный смыслъ: я старше, или можетъ быть *ты* такъ старъ? Русское я *занимался усерднѣе нежели ты*, по моему мнѣнію, обозначало первоначально: я занимался усердиѣе; *не — уже* (= же) — *ли* ты занимался такъ усердно? Чешскій языкъ *пропускаетъ* вопросительное «ли» и выражается такъ: on myslil o tom víc než ty = онъ думалъ объ этомъ больше; *не ты же* объ этомъ такъ думалъ!

При такомъ объясненіи сравнительнаго ἢ приходится чувствовать самую сравнительную степень въ томъ «*absolut'номъ*» значеніи, на которое наши грамматики указываютъ, какъ на *особый* оттѣнокъ comparativ'a. Да и не является ли *absolut'ное* значеніе comparativ'a первоначальнымъ? Иначе трудно было бы объяснить, почему, напр., славянскіе языки съ такими натяжками образуютъ у себя *превосходную* степень. И не въ *absolut'номъ* ли значеніи нужно толковать тотъ comparativ, который принимаетъ къ себѣ удалительный падежъ? (сравни выше стр. 390). Конечно, въ концѣ концовъ *потерялось* сознаніе *вопросительнаго* значенія слова ἢ въ нашихъ случаяхъ. При *вопросительномъ* значеніи оно *оторвано* отъ comparativ'a (между нимъ и comparativ'омъ приходится дѣлать *паузу*), между тѣмъ какъ мало по малу привыкали его считать *непременною принадлежностью* comparativ'a, такъ что оно *срослось* съ нимъ въ одинъ *компактный* оборотъ, и самъ comparativ получилъ значеніе «не-absolut'наго». Немного еще чувствуется вопросительный оттѣнокъ сравнительнаго ἢ въ оборотѣ οὐδέν ἄλλ ἢ τοῦτο (= ничего другого, *развѣ только* это), но чрезвычайно трудно его внести напр. въ выраженіе μέισω καὶ ἢ ὥστε ἀνι κλαίειν = большія дѣйствія = чѣмъ чтобы ихъ (можно было) оплакивать = большія, чѣмъ въ такой степени, *въ какой* бы ихъ оплакивать (ὥστε есть

*) Иногда вопросъ этотъ — вовсе не риторическій. Какое нибудь παχύτερος ἢ μακρότερος (сравни чешское on jest širší než delší) прямо чувствуется въ *такомъ* смыслѣ, что длина съ толщиной можетъ *поспорить*, и что еще неизвестно, что надъ чѣмъ возьметъ верхъ.

относительное «нарѣчіе», опирающееся на *соотносительное* слово; оно образовано отъ «относительнаго» $\delta\varsigma - \eta - \delta$ съ прибавленіемъ къ нему *те*, какъ и къ самому $\delta\varsigma - \upsilon$ Омира *очень* часто — прибавляется *те*; объ этомъ ниже *).

Н, притомъ всегда съ *протяженнымъ* удареніемъ, употребляется также въ смыслѣ *утвердительной* «частицы», т. е. для подкрѣпленія *правильности* отнесенія синтаксическаго сказуемаго къ синтаксическому подлежащему: $\epsilon\iota \delta\epsilon \epsilon\pi\omicron\varsigma \Pi\eta\lambda\eta\acute{\alpha}\delta\epsilon\omega \phi\acute{\upsilon}\lambda\alpha\zeta\epsilon\nu, \eta \tau' \acute{\alpha}\nu \delta\tau\epsilon\kappa\phi\upsilon\gamma\epsilon \chi\eta\rho\alpha \kappa\alpha\kappa\eta\nu \mu\acute{\epsilon}\lambda\alpha\nu\omicron\varsigma \theta\alpha\nu\acute{\alpha}\tau\omicron\iota\omicron$ = то онъ *навѣрно* избѣгъ бы смерти. Разъ η всегда при этомъ отгѣнкѣ появляется съ *протяженнымъ* удареніемъ, то самый отгѣнокъ долженъ былъ выйти изъ того *неослабленно-вопросительнаго* η , съ котораго мы *начали* разборъ нашей частицы.**) Въ данномъ случаѣ

*) Итакъ, еще одно объясненіе сравнительнаго η , — еще одно къ тѣмъ многимъ, по поводу которыхъ Ziemer (indogerm. Compar. 150) восклицаетъ: quot capita, tot sententiae. Ziemer, въ своей собственной sententia, во многихъ отношеніяхъ разсуждаетъ правильно, и я многимъ ему обязанъ, но онъ не вникъ въ возможность выходить при своихъ объясненіяхъ отъ *вопросительнаго* η . Онъ его и не считаетъ «первоначально» — *вопросительнымъ*, а принимаетъ его за «beteuerndes»: es müsste uns die schwerer wiegende Rücksicht auf die Thatsache, dass das interrogative η aus dem asseverierenden η nach ziemlich gleichförmiger Annahme der Sprachforscher, gleichwie $\delta\epsilon\alpha$ aus $\delta\epsilon\alpha$ hervorgegangen ist, stutzig machen und davor warnen, den Ursprung des η nach Comparativ in ein so entlegenes Gebiet wie das des beteuernenden η zurückzuführen. Die Form η , in welcher Bedeutung sie auch auftritt, muss demnach für unsere Frage ganz aus dem Spiele bleiben (indogerm. Compar. 160).

**) Да, именно такъ, а не наоборотъ, т. е. не *вопросительное* вышло изъ *утвердительнаго*. Въ этомъ мы расходимся съ Hermann'омъ, который говорить (Opusc. I. 209): Particula comparativa nihil aliud est quam η , mutato cum significatione accentu. Illud η proprie significabat *profecto*.... Manente hoc significato in interrogationibus usurpari incipiebat....; leniter hinc flexit significatio, ut indicaret *an forte*.... Haec dubitantis interrogationis significatio traducta est deinde etiam ad alias formulas, ut *πότερον-η*... Indidem talia sunt, ut $\eta\mu\epsilon\nu \acute{\alpha}\nu\alpha\kappa\lambda\iota\nu\alpha\iota \pi\upsilon\kappa\iota\nu\omicron\nu \nu\acute{\epsilon}\phi\omicron\varsigma \eta\delta' \epsilon\pi\iota\theta\epsilon\iota\nu\alpha\iota$, id est sive — sive. Neque $\eta\delta\epsilon$, et significans, aliam habet originem, quod initio erat *vel etiam*. Sed nudum η quum esset *an forte*, mox etiam *vel et aut* significare coepit ($\eta \tau\epsilon\omicron\nu$, $\eta \Lambda\iota\alpha\nu\omicron\varsigma$), quia hoc ipsum est interrogantis, et quasi semet, utrum hoc, an illud malit, interrogantis. Itaque multo usu factum est, ut η simpliciter *aut* significaret, et ibi quoque usurparetur, ubi omnis interrogatio abesset.... Iam vero unde est, quod hanc particulam significare volunt *quam*? Verum est, eam sic esse interpretandam, quum latine loquimur: falsum est autem, hanc significationem inesse huic particulae. Nam praeterquam, quod nihil inter se commune aut cognatum habent harum particularum significationes, ne opus quidem est, ut, quum η *quam* notare videtur, a propria ejus potestate discedamus. Commode

мы разсуждаемъ слѣдующимъ образомъ. *Вопросительное* η есть, конечно, выраженіе колебанія. Чьего? Прежде всего, — колебанія самого говорящаго, задающаго себѣ вопросъ, такъ ли онъ разсуждаетъ. Затѣмъ, — говорящаго и слушателя *совмѣстно, отождествленныхъ* въ данномъ случаѣ самимъ говорящимъ (сравни фразу: «не *это* ли мы должны принять въ руководство?»; подъ *мы* нужно разумѣть *я да ты*). Но вопросъ, заключающійся въ η , можетъ быть обращенъ исключительно къ *слушателю*. Мы сплошь да рядомъ сопровождаемъ наши *категорическія* заявленія слушателю выраженіями «не правда ли?» — «а?», или какимъ то смѣшаннымъ звукомъ, состоящимъ изъ *м* и *н* и сопровождающимся *вопросительнымъ тономъ*. И этими средствами мы хотимъ не только привлечь слушателя къ *соглашенію* съ тѣмъ, въ чемъ мы сами убѣждены, но и, устремляя часто при этомъ на него свой испытующій взглядъ, уничтожить въ немъ *всякое* колебаніе относительно того, что говоримъ. Такое «*м(н)?*», которое мы произносимъ въ этихъ случаяхъ, заключаетъ въ себѣ смыслъ: какъ ты думаешь? — я *вѣрно* говорю. Такой же смыслъ имѣетъ и греческое «*утвердительное*» η . Потому то оно и употребляется при клятвахъ и обѣщаніяхъ, такъ какъ клятвы и обѣщанія носятъ на себѣ *именно* характеръ, такъ сказать, *публичности* и желанія

enim ea etiam in comparatione locum habet: $\eta\tau\omicron\iota \beta\epsilon\lambda\tau\epsilon\rho\acute{\omicron}\nu \acute{\epsilon}\sigma\tau\iota \kappa\alpha\tau' \omicron\upsilon\beta\epsilon\alpha \theta\eta\rho\alpha\varsigma \acute{\epsilon}\nu\alpha\iota\rho\epsilon\iota\nu \acute{\alpha}\gamma\gamma\omicron\tau\epsilon\rho\alpha\varsigma \tau' \epsilon\lambda\acute{\alpha}\phi\omicron\upsilon\varsigma, \eta \kappa\rho\epsilon\iota\sigma\sigma\omicron\upsilon\nu \acute{\iota}\pi\iota \mu\acute{\alpha}\chi\epsilon\theta\alpha\iota$ id est proprie: *melius sane est feras occidere; an forte dimicare cum fortibus melius est?* Confirmat hanc interpretationem formula, quam Latini a Graecis acceperunt, rectius ea utentibus: $\pi\rho\theta\upsilon\nu\omicron\varsigma \mu\acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\nu \eta \sigma\phi\acute{\omega}\tau\epsilon\rho\alpha$ .... Haec si recte disputavimus, nulla est ellipsis in talibus locis ut $\epsilon\pi\epsilon\iota \nu\epsilon\phi\epsilon\lambda\eta\gamma\epsilon\rho\acute{\epsilon}\tau\alpha \text{Ze}\acute{\upsilon}\varsigma \text{T}\rho\omega\acute{\alpha}\delta\iota\nu \delta\eta \beta\acute{\omicron}\lambda\epsilon\tau\alpha\iota \delta\omicron\upsilon\nu\alpha\iota \kappa\acute{\rho}\alpha\tau\omicron\varsigma, \eta\mu\epsilon\rho \eta\mu\iota\nu$. Nam id proprie dictum est: *Juppiter Trojanorum vult victoriam esse; an ille eam nostram esse vult?* Относительно *перваго* положенія о переходѣ *утвердительнаго* значенія въ *вопросительное* мы несогласны съ Hermann'омъ потому, что 1. *вопросительному* значенію, столь *развѣтвленному* свое значеніе, гораздо *приличнѣе* стоять во главѣ, чѣмъ *утвердительному*, остающемуся *безъ* *синасиологическаго* движенія; 2. *утвердительныхъ* «частицъ» и *помимо* η греческій языкъ *развилъ* много, какъ ниже окажется; 3. *вопросительная* «частица» была *нужна* языку для самыхъ *примитивныхъ* его потребностей (тонъ — тономъ, но полезно и *предупредить* этотъ тонъ какимъ нибудь средствомъ, тѣмъ болѣе, что въ многихъ случаяхъ онъ можетъ установиться и обнаружиться только съ *теченіемъ* рѣчи, а никакъ не на самомъ первомъ словѣ).

уничтожить всякое недоумѣніе въ томъ, передъ кѣмъ я «клянусь».

Остается рассмотреть *εἰ*. *Εἰ* употребляется въ синтаксически подчиненныхъ вопросахъ (въ двучленныхъ — *εἰ-ἤ*, а то и *εἴτε-εἴτε*, соответствующее, по вопросу о *τε*, русскому *и + ли — и + ли*), въ «предложеніяхъ, выражающихъ условіе», и въ выраженіяхъ желанія (*εἰ τοῦτο γένοιτο*, *εἰ τοῦτο ἐγένητο*). Что изъ вопросительнаго значенія легко вывести и условное, и желательное, — это лучше всего доказываетъ русскій языкъ, который во *всѣхъ* трехъ случаяхъ употребляетъ «ли». *) Оно и понятно: условіе, а также желаніе есть нѣчто, чего я самъ не рѣшаю, а только на основаніи чего я рѣшаю, оставляя осуществленіе этого основанія открытымъ, т. е. подъ вопросомъ. **)

Если бы греческое *εἰ* дѣйствительно было первоначально вопросительнымъ, то разница между *ἤ* и *εἰ* заключалась бы въ томъ, что *εἰ* принадлежало бы исключительно синтаксически подчиненнымъ предложеніямъ, а *ἤ* было бы вопросительное общее. Но тогда нужно бы признать синтаксическую подчиненность столь же давнюю, сколь давнимъ представляется и само *εἰ*. Такъ какъ и условіе связано съ синтаксическою подчиненностью, то и условное значеніе слова *εἰ* нельзя считать первоначальнымъ. Въ виду этого, не слѣдуетъ ли принять за первоначальное значеніе слова *εἰ* — желательное? Такое значеніе 1. — могло бы оказаться нужнымъ греческому языку, такъ какъ желательное наклоненіе относится только къ будущему времени, а желаніе, относящееся къ прошедшему времени, кромѣ *εἰ* выразить нечѣмъ; 2. — не являлось бы излишнимъ нагроможденіемъ средствъ,

*) Хотя въ условныхъ предложеніяхъ русскій языкъ употребляетъ обыкновенно *если* (иногда слышишь и *ли*; въ чешскомъ языкѣ постоянно *li*), но извѣстно, что *если* разлагается, въ сущности, на *есть-ли*. Такъ и желательное «если бы я зналъ все, что знаютъ другіе!» можно свести къ простому «ли».

**) Особенно замѣчательны случаи, гдѣ условіе прямо исключается изъ матеріала, имѣющаго для меня, т. е. для моего рѣшенія, такое или иное значеніе. Это бываетъ при двучленныхъ условіяхъ. Замѣчательны они прежде всего тѣмъ, что тутъ русскій языкъ употребляетъ простое «ли», а не *если*: то ли случится, другое ли (= *εἴτε-εἴτε*), все равно я поступаю такъ то.

такъ какъ *ἤ* осталось бы тогда единственнымъ вопросительнымъ; 3. — было бы способно, не въ меньшей степени, чѣмъ вопросительное, развѣтвиться въ остальные два, т. е. въ условное*) и въ «косвенно вопросительное»**). Вопросъ только въ томъ, есть ли это «частица», а не «нарѣчіе».

Да, представляетъ ли *εἰ* «частицу»? Такое утвержденіе прежде всего подрывается словомъ *εἴπε*. *Ἐπεῖ* есть несомнѣнно расширенное *εἰ* и употребляется по большей части (но только «по большей части») причинно. Намъ не вѣрится, чтобы первая часть слова *εἴπε*, была тождественна съ предлогомъ *ἐπὶ*,***) да если бы это и было такъ, то *ἐπὶ* ничего «причиннаго» въ *εἴπε* не внесетъ. *Ἐπεῖ* можетъ быть причиннымъ лишь постольку, поскольку *εἰ* является условнымъ. Ибо причина и условіе есть нѣчто почти одно и то же; разница только въ томъ, что я съ причиною считаюсь какъ съ фактомъ, а осуществленіе условія я оставляю «подъ вопросомъ». Да, но если условное *εἰ*, хотя бы и расширенное въ *εἴπε*, однако расширенное такъ, что само расширеніе ничего причиннаго въ него не внесло, — если это *εἰ* допускало причинное значеніе т. е. указаніе

*) Сравни стр. 146.

**) Когда я колеблюсь, утверждать ли что нибудь, или нѣтъ, то самое это «что нибудь» можетъ дѣйствительно быть разсматриваемо какъ мое desideratum. Замѣчательно, что при однократно косвенномъ вопросѣ (двучленный, какъ болѣе сложное выраженіе, надо думать, развился позднѣе, когда косвенно вопросительное значеніе утвердилось уже какъ особый отбѣнокъ, отличный отъ другихъ двухъ), *εἰ* никогда не употребляется съ тѣмъ отрицаніемъ, на которое мы тоже указывали какъ на выраженіе колебанія (смотри выше стр. 457). Мы можемъ сказать «οὐκ οἶδα, εἰ τοῦτο ἀγαθόν ἐστι» и только. Какое нибудь «οὐ τοῦτο ἀγαθόν ἐστιν;» не вмѣщается въ «косвенно вопросительную» схему, прибѣгающую къ *εἰ*. Если «οὐ τοῦτο ἀγαθόν ἐστιν;», какъ выраженіе колебанія, могло чувствоваться выраженіемъ отрицанія того, что я «думалъ бы», но не рѣшаюсь высказать прямо (такое впечатлѣніе можетъ произвести выраженіе «это не есть благо?», если въ немъ нѣтъ «риторическаго» отбѣнка), то въ *εἰ τοῦτο ἀγαθόν ἐστι* выражено, что я «желалъ бы» въ томъ-то видѣть благо, а только не знаю (οὐκ οἶδα) объ этомъ ничего положительнаго.

***) Такую этимологію предлагаетъ Etymologicum Magnum (*ἐκ τῆς ἐπὶ προδίδως καὶ τοῦ εἰ διὰ τὴν ἐπὶ συνδεδωμένην*); ее поддерживаетъ Curtius (Grundz. 265, sub voce *ἐπὶ*): der adverbiale Gebrauch von *εἰ* findet sich im gr. *ἐπὶ* wieder, wo *ἐπὶ* die vorausgenommene Partikel des Nachsatzes im Sinne von dann ist.

на что нибудь какъ на *фактъ*, то оно не могло вырасти изъ «желательнаго» значенія, и врядъ ли тогда и *желательное* значеніе слова *εἰ* было первоначальнымъ. *Ἐπεὶ*, — какъ, впрочемъ, и *εἰ*, — чувствуется «относительнымъ» словомъ, ищущимъ къ себѣ «соотносительнаго», и если «соотносительнымъ» къ *εἰ* нужно признать *εἴτα*, то «соотносительнымъ» къ *Ἐπεὶ* должно быть *ἔπειτα*. Эта «соотносительность» наводитъ на мысль, не есть ли *εἰ* «окаменѣлый падежъ» относительнаго формальнаго имени, стало быть, не есть ли оно «нарѣчіе»? Мы не можемъ одобрить, съ *симасіологической* точки зрѣнія, производство его отъ темы *γα*, встрѣчающейся въ *возвратныхъ* формальныхъ именахъ. Хотя этимологи на этомъ производствѣ не особенно настаиваютъ, но въ подкрѣпленіе его приводятъ то обстоятельство, что у Омира первый слогъ слова *ἔπει* — долгій, что объясняютъ какъ слѣдъ первоначальнаго накопленія *согласныхъ звуковъ* послѣ начальнаго *ε* въ самомъ словѣ *ἔπει*.*) Не есть ли въ такомъ случаѣ *εἰ* и *ἔπει* какой нибудь окаменѣлый падежъ темы *γα*, встрѣчающейся въ *μι* и въ *δς-ή-δ*,**) и не слѣдуетъ ли долготу въ *ἔπει* объяснять какъ слѣдъ первоначальной *positionis*, вызванной тѣмъ, что послѣ начальнаго *ε* въ *ἔπει* слѣдовали за собою согласные звуки *р* и *ј*?***)

Если бы это было такъ,†) тогда бы все, что мы до сихъ поръ слышали объ *εἰ*, получило совершенно другой

*) Curtius Grundz. (396, sub voce *οὐ-οἰ-ε*): Hierher gehört mit Sicherheit lat. *si* und höchst wahrscheinlich gr. *αἰ-εἰ*, daher hom. *ἔπει* mit langer, aus *εἴπει* erklärbarer erster Sylbe.

**) Эту этимологию предлагаемъ не мы первые. Ее предлагаетъ и Bopp (Vergl. Gramm. III. 484): das griech. *εἰ* könnte als Verstümmelung von *εἴτα* gefasst und somit mit *yádi* vermittelt werden, wozu es sich ungefähr verhalten würde, wie z. B. *φίρε* zu *bharāti*.

***) Если бы все это было такъ, то не суть ли приведенныя на стр. 446 слова *ὁποιός* и др. первоначально «относительныя», и не относится ли этимологически слово *οἶος*, съ его начальнымъ *ο* и густымъ придыханіемъ, къ слову *ὁποιός*, какъ *εἰ*, съ его начальнымъ *ε* и слабымъ придыханіемъ, относится къ *ἔπει*? Не слѣдуетъ ли дальше омировскую орфографію *ὁποιός* объяснить такъ, что второе *π* есть ассимилированный къ первому *π* звукъ, пропешедшій изъ первоначально звука *ј*?

†) Нѣкоторое затрудненіе, при производствѣ слова *εἰ* отъ темы *γα*, возникаетъ относительно того, какъ могло *εἴτα*, коего первая часть заключаетъ

смыслъ, и выяснилось бы многое, что при прежнемъ толкованіи слова *εἰ* должно было вызывать недоумѣніе. Тогда:

1. — Желательное *εἰ* было бы собственно «восклицательнымъ», какъ ему вполне приличествуетъ въ качествѣ «окаменѣлаго падежа» относительнаго формальнаго имени (*εἰ τοῦτο γένοιτο* = кабы = какъ бы это случилось!).

2. — Какое нибудь «условное» *εἰ ἂν ἐθέλῃς*, δὲ ὅσῳ пришлось бы толковать: въ какомъ случаѣ (= если) ты захочешь, въ такомъ (= то) я тебѣ дамъ то-то. Такъ и *εἰ ἂν τε ἐθέλῃς ἐάντε μὴ*, ποιήσω значило бы: и въ томъ случаѣ, въ которомъ (= если) захочешь, и въ томъ, если не захочешь, я сдѣлаю то-то.

3. — «Косвенно» вопросительная роль слова *εἰ* развивалась бы изъ относительной на томъ же основаніи, на какомъ и относительныя формальныя имена исполняли эту роль.

4. — «Причинное» *ἔπει* могло бы действительно знакомить съ «фактомъ», какъ и «относительныя» предположенія часто знакомятъ съ «предметомъ» (сравни выше стр. 443).

5. — Понятна была бы «коррективная» роль слова *ἔπει*: οὐ γὰρ λαθεῖν τῶν ἀρθρώπων τοὺς δυνάμενους ἐν ταῖς πόλεσι πράττειν, ὥνπερ ἕνεκα ταῦτ' ἐστὶ τὰ προσχήματα, ἔπει οἱ γὰρ πολλοὶ ὡς ἔπος εἰπεῖν οὐδὲν αἰσθάνονται (Plat. Prot 317 a) = причемъ (= «при этомъ, конечно» = хотя) толпа ничего не смыслить.

6. — Иродотовское *ἔπειτε* вмѣсто *ἔπει* оказалось бы вполне аналогичнымъ тому «относительному» *ὅστε*, которое такъ часто встрѣчается у Омира.

въ себѣ *ту же* «относительную» тему *γα*, исполнять роль «соотносительнаго» слова, стало быть, — ту роль, которую при *δς* и другихъ исполняютъ анафорическія слова *οὗτος*, *τοιοῦτος* и пр.? Мы не знаемъ ничего о второй части слова *εἴτα*; мы не знаемъ, въ какой мѣрѣ эта вторая часть способна была сдѣлать изъ «относительнаго» слова «соотносительное». Но если бы даже этой способности въ ней не было, то развѣ сама тема *γα* не могла быть и «соотносительною»? Относительность есть синтаксическая подчиненность, и какъ слово *δς* первоначально не указывало на синтаксическую подчиненность, а просто обозначало «онъ же», такъ и *εἴτα* могло оставаться при первоначальномъ значеніи темы *γα* и могло обозначать «тутъ же».

7. — Значеніе слова *ἐπειτα* получило бы правильное истолкованіе. *Ἐπειτα*, какъ соотносительное къ «причинному» *ἐπεὶ*, должно обозначать: вслѣдствіе этого = вслѣдъ за тѣмъ. Переведенное на временное, оно должно получить смыслъ *«тотчасъ послѣ этого»*. Такое значеніе дѣйствительно замѣчается въ *ἐπειτα*. Извѣстно Софокловское τὸ τ' ἐπειτα καὶ τὸ μέλλον καὶ τὸ πρὶν ἐπικρατεῖ νόμος ὅδε (Antig. 611). Изъ соединенія слова *ἐπειτα* съ выраженіемъ τὸ μέλλον мы можемъ усмотрѣть, что *ἐπειτα* вовсе не имѣетъ смысла русскаго *«въ будущемъ когда нибудь»*, а указываетъ на непосредственно слѣдующее послѣ «настоящаго» момента. Оно, какъ временное, по отношенію къ будущему есть то же самое, что ἄρτι по отношенію къ прошедшему времени.*) Кому неизвѣстно Омировское *ἐπειτα*, которое постоянно встрѣчается въ смыслѣ *тогда же*, а то и простаго аподотического *«то»*? Только изъ значенія *«вслѣдъ за настоящимъ моментомъ»* развилось значеніе *«впредь»* = въ будущемъ.

L. Lange, въ самомъ введеніи своего объемистаго сочиненія »Partikel *εἰ*«, подвергаетъ обстоятельной критикѣ ученіе нашихъ грамматиковъ, которые, различая желательное, условное и вопросительное значеніе слова *εἰ*, ставятъ во главѣ всѣхъ отгѣнковъ то вопросительный, то желательный, то условный. Самъ онъ, прежде всего, не ставитъ себя въ зависимость ни отъ какихъ *этимологическихъ* соображеній, въ частности же, отъ болѣе *принятаго* производства слова *εἰ* отъ темы *swa*. Онъ говоритъ: Wir könnten erst aus der vermittelt der Beobachtung des ältesten Sprachgebrauchs ermittelten Grundbedeutung feststellen, wie jene Bildung des Stammes *swa* aufzufassen sei, während es unmethodisch sein würde aus einer vorgefassten etymologischen Interpretation jener Bildung heraus den Gebrauch der Partikel beurtheilen zu wollen. На основаніи подробнѣйшаго разбора всѣхъ случаевъ употребленія слова *εἰ* у Омира, онъ доходитъ до

*) *ἄρτι*, очевидно, происходитъ отъ темы *ἀρ* и значить: *въ связи съ настоящимъ* = не отрываясь отъ настоящаго = не отрываясь отъ настоящаго по отношенію къ прошедшему времени (значеніе «связилось») = только что.

слѣдующаго вывода (стр. 565): Es ist kein Grund vorhanden den Satz zu bezweifeln, dass *εἰ* eine *interjectionale* Partikel sei, gleich geeignet zur Einleitung von Wünschen und Fallsetzungen. Этотъ выводъ онъ строитъ преимущественно на тѣхъ приведенныхъ у него на стр. 523 явленіяхъ, гдѣ *αἰ γάρ* употребляется совершенно *самостоятельно* и нисколько не связано съ конструкціею слѣдующей за нимъ рѣчи: *αἰ γάρ, Ζεῦ τε πάτερ καὶ Ἀθηναίη καὶ Ἀπόλλων, οἶος Νῆριχον εἶλον... τοῖος ἑὼν τοι χθιζός... ἐφεστάμεναι καὶ ἀμύνειν ἀνδρας μνηστήρας* (Od. ω 376). Какъ же намъ отнести къ этому и подобнымъ примѣрамъ? Если въ нашемъ примѣрѣ *αἰ γάρ* употреблено самостоятельно, то такъ же самостоятельно употреблено въ немъ и глагольное имя. Какъ мы относимся и *должны*, кажется, относиться къ самостоятельному употребленію глагольнаго имени, — выяснено нами на стр. 157. Точно такъ же мы должны отнести здѣсь и къ *αἰ γάρ*. Изъ факта его *«interjectional'наго»*, какъ говоритъ Lange, употребленія не слѣдуетъ, что оно есть междометіе. Его *«interjectional'ное»* положеніе вызвано такимъ же *«риторизмомъ»*, какимъ вызвано и самостоятельное употребленіе глагольнаго имени. Оно, по нашему мнѣнію, должно быть не точкою *отправленія* при опредѣленіи симасіологіи слова *εἰ*, а чѣмъ то, на что должно быть обращено вниманіе уже *въ концѣ*, когда *εἰ* выяснено въ *связной* рѣчи, и что составляетъ задачу *высшаго* синтаксиса, слѣдующаго за симасіологіею частей рѣчи и ихъ формъ. Такимъ образомъ, разсужденіе Lange не можетъ насъ уклонить отъ нашего мнѣнія, по которому мы считаемъ *εἰ* за окаменѣлый падежъ относительнаго формальнаго имени *ὅς-ἣ-ὅ*, а не за *«частицу»*.

Выходить, что изъ всѣхъ словъ, которыя мы до сихъ поръ разбирали, и которыя такъ или иначе связаны съ вопросительнымъ тономъ *«намѣченныхъ синтаксическихъ сказуемыхъ»*, только одно оказалось вопросительною *«частицею»* (да больше ихъ языку не нужно было); это — *«частица» ἦ*.

• Но на вопросъ требуется *ответъ* и, вообще, *разсужденіе* по поводу вопроса. Въ вопросѣ мы установили два

вида: мы или спрашиваемъ о чемъ нибудь, напередъ нами не установленномъ, или подвергаемъ лишь *колебанію* «на-мѣченное синтаксическое сказуемое». Въ первомъ случаѣ спрашиваемъ *именами*, а согласно съ этимъ и *отвѣчаемъ* именами, призахватывая къ нимъ иногда, въ видѣ повторенія или ради полноты рѣчи, и другія слова, встрѣтившіяся въ вопросѣ (τί γράφεις; — ἐπιστολήν γράφω). На *установленное* же напередъ «синтаксическое сказуемое» мы *отвѣчаемъ* прежде всего *да* или *нѣтъ*. Для «да» имѣется въ греческомъ языкѣ утвердительная «частица» *καί* (*καί*), а для «нѣтъ» — *οὐκ* (*οὐκ*). Но мы можемъ *отвѣчать* и *полною* рѣчью, и тогда въ особой *утвердительной* частицѣ крайней необходимости нѣтъ (ты это *сдѣлалъ*? — сдѣлалъ!). Нельзя того же утверждать объ *отрицательной* частицѣ, и тутъ то мы наталкиваемся на постоянное чередованіе отрицательнаго *оу* съ отрицательнымъ *мѣ*. Какая между ними разница?

Говорятъ, что *мѣ* употребляется въ отрицательныхъ *понятіяхъ* (*οἱ μὴ εὐτυχοῦντες*), а *οὐκ* — при отрицаніи факта (*ταῦτα οὐκ ἐγένετο*). Говорятъ, что *мѣ* относится къ отрицательному *желанію* (*μὴ τοῦτο γένοιτο*), а то и къ *запрещенію* (*μὴ λέγε*), а *οὐκ* — къ отрицательному *сужденію* (*τοῦτο δ' οὐκ ἐστὶ ἀγαθόν*).*) Говорятъ, вторыхъ, что *мѣ* встрѣчается въ *условіяхъ*, а *οὐκ* — въ *сужденіяхъ*, высказываемыхъ на основаніи этихъ условій (*ἐὰν μὴ δῶς, οὐ συγχωρήσω*). Все это, въ *общемъ*, такъ,**) но вызываетъ цѣлый рядъ вопросовъ, а именно: 1. не *пропущенъ* ли какой нибудь *симасіологическій* отгѣнокъ? 2. гдѣ — *симасіологическій* *центръ* для отгѣнковъ каждой изъ отрицательныхъ частицъ въ *отдельности*? 3. какъ относится центръ одной къ центру другой?

*) Въ переводѣ на нашъ языкъ это значитъ, что *мѣ* употребляется о *желательныхъ*, а *οὐκ* — о *познавательныхъ* сужденіяхъ.

**) Къ этимъ тремъ положеніямъ сводитъ все дѣло Акеп, разобравшій въ известномъ своемъ сочиненіи объ *оу* и *мѣ* разные случаи *употребленія* отрицательныхъ частицъ и «постаравшійся» привести *прежнія* толкованія этихъ случаевъ къ «надлежащей мѣрѣ». Но для того, чтобы *оправдать* эти положенія (особенно при его тенденціи — всѣ эти «факты», «условія», «сужденія», «желанія» и «запрещенія», а соотвѣтственно этому и самыя *мѣ* и *οὐ*,

Если вопросительное *мѣ*, равно какъ и *тѣ* «вопросительныя» отрицанія, о которыхъ мы разсуждали на стр. 457., относились къ «намѣченному» синтаксическому сказуемому, то въ «*отвѣтномъ*» выраженіи, *вызванномъ* вопросомъ и заключающемъ въ себѣ *дѣйствительное* синтаксическое сказуемое, отрицательная частица не только должна «относиться» къ этому сказуемому, но составляетъ его *главную часть*, такъ какъ весь вопросъ о «намѣченномъ» синтаксическомъ сказуемомъ въ томъ и заключался, принять ли его въ смыслѣ положительномъ или отрицательномъ, и если потомъ оказывается *послѣднее*, то отрицаніе и составляетъ всю *суть* той «новости», которою опредѣляется синтаксическое сказуемое (сравни выше стр. 173.). На фразу *οὐκ ἐρευνήσας ταῦτα κωλύσει ὁ θεῖνα* мы можемъ смотрѣть какъ на *отвѣтное* выраженіе даже въ *томъ* случаѣ, если бы никакого вопроса не *предшествовало*. Примѣняя сюда указаніе Платона, сообщенное на стр. 77., мы можемъ сказать, что *всякое* выраженіе, заключающее въ себѣ *дѣйствительное* синтаксическое сказуемое, а не такое, которое «поставлено лишь подъ *вопросомъ*», можно считать *отвѣтомъ* на вопросъ. И если фраза *οὐκ ἐρευνήσας ταῦτα κωλύσει ὁ θεῖνα* «отвѣчаетъ» на вопросъ, касающійся одинаково словъ *ἐρευνήσας* и *κωλύσει*, и при томъ такъ, что оба эти слова чувствуются членами одного синтаксическаго сказуемаго, и по интонаціи какой нибудь одинъ не *подчиненъ* другому, то *οὐκ* относится къ *обоимъ* имъ *одинаково*, представляя собою «суть» того же синтаксическаго сказуемаго, и тогда вся фраза получаетъ слѣдующій смыслъ: не *будетъ* того, чтобы онъ *высказывалъ* то-то и потомъ *воспрепятствовалъ* этому. Мы уже на

приводить въ непосредственную связь съ наклоненіями *малога*) онъ долженъ: 1. глагольныя имена и глагольныя *признаковыя* очень часто разлагать на цѣлыя *предложенія*, что съ *симасіологической* точки зрѣнія — неправильно (глагольныя *признаковыя* и т. д. не суть «сокращенныя прилагательныя» *предложенія*); 2. разные формы наклоненій *перетолковывать* и принимать, напр., *Indicativ* за выраженіе *желанія* и т. д., словомъ, — дѣлать съ наклоненіями то же самое, что дѣлаетъ съ ними Н. D. Müller (см. выше стр. 113); 3. игнорировать нѣкоторые случаи, не подходящіе ни подъ одно изъ этихъ положеній (таковы, напр., *οὐ τοῦτο ἀλλ' ἐκεῖνο* и др.).

стр. 173. указывали на то, какъ далеко можетъ идти одно синтаксическое сказуемое. Соответственно этому и всякая отрицательная частица, — стоитъ ли она въ «отвѣтномъ» выраженіи и относится къ «дѣйствительному», — или имѣетъ лишь «вопросительное» значеніе и относится къ «намѣченному» синтаксическому сказуемому (это въ концѣ концовъ — безразлично) — можетъ простереть свое вліяніе на большой объемъ текста! Сравни: *εἰ μὴ τὸ κέρδος κερδαίνει δικαίως καὶ τῶν ἀσέλγων ἔρξεται* (Soph. Oed. r. 889 = если не будетъ того, что онъ будетъ добиваться своихъ выгодъ справедливымъ путемъ и будетъ воздерживаться отъ грѣшнаго); или: *ἐὰν δὲ μὴ ποίῃσι Φωκεῖς ἃ δεῖ καὶ παρὰ δίδωσι τοῖς Ἀμφικτύοσι τὸ ἱερὸν* (Dem. 19. 49.) и др.

Но съ отрицательными частицами, когда онѣ входятъ въ «отвѣтное» выраженіе, или, собственно, съ его «дѣйствительнымъ» синтаксическимъ сказуемымъ, можетъ произойти перемѣна. Будучи въ «вопросительномъ» выраженіи *намѣченнымъ* сказуемымъ, оно въ *отвѣтномъ* выраженіи легко можетъ сдѣлаться синтаксическимъ подлежащимъ, и тогда синтаксическимъ сказуемымъ остается одно *отрицаніе*, какъ *главная* часть отвѣта. «Ты такъ думаешь?» — спрашиваетъ собесѣдникъ, интонируя слово *думаешь* какъ синтаксическое сказуемое. *Отвѣчающій* на этотъ вопросъ можетъ принять слово *думаешь* за нѣчто, уже условленное между нимъ и его собесѣдникомъ, — условленное въ качествѣ *предмета* разговора, о которомъ онъ долженъ только такъ или иначе *высказаться*, и можетъ сказать: «я такъ не думаю», интонируя только слово *не* какъ «синтаксическое сказуемое». Такъ, во всѣхъ «отрицательныхъ *понятіяхъ*» частица *μὴ*, если она *вообще* появляется и не замѣняется какимъ нибудь отрицательнымъ *префиксомъ* въ родѣ *απαρριστικόν*, относится къ своему слову, какъ синтаксическое сказуемое къ синтаксическому подлежащему*). Въ выраженіи

*) Это, конечно, не мѣшаетъ отрицательной частицѣ *εἰ* съ синтаксическимъ подлежащимъ сдѣлаться въ свою очередь подлежащимъ для *нового* синтаксического сказуемого (см. объ этомъ стр. 173).

οὐ μὴ εὐτυχοῦντες, какъ противоположномъ выраженію *οὐ εὐτυχοῦντες*, должно быть выдвинуто черезъ интонацію именно слово *μὴ*. Что такое *вообще* то «отрицательное *понятіе*», которымъ объясняютъ появленіе въ рѣчи частицы *μὴ*, а не *οὐ*? «Отрицательное *понятіе*» есть выраженіе *черезъ* отрицаніе чего нибудь *положительнаго*. Фраза «городъ Орелъ — не столица» *только* отрицаетъ нѣчто, а положительное подлежитъ еще исканію. Во фразѣ «всѣ города не — столицы имѣютъ особый уставъ» то положительное, что раньше приходилось еще искать, дано въ самомъ *отрицаніи*: разумѣются *всѣ* города, за *исключеніемъ* столицъ.

Итакъ, гдѣ — *центры* симасіологій словъ *οὐ* и *μὴ*, и какъ относятся эти центры другъ къ другу?*) Другими словами, — какая разница между *οὐ* и *μὴ*?

Въ виду того, что *οὐ* и *μὴ* въ однихъ случаяхъ имѣютъ отношеніе къ синтаксическимъ *сказуемымъ* (то — «намѣченнымъ», будучи сами *вопросительными*, то — «дѣйствительными», будучи сами ихъ *главною частью*), а въ другихъ, сами представляя собою синтаксическое сказуемое, прибавляются къ другимъ выраженіямъ, какъ къ своимъ синтаксическимъ подлежащимъ**), мы должны присмотрѣться, нѣтъ ли въ языкѣ такихъ, приблизительно *одинаковыхъ* синтаксическихъ сказуемыхъ, или такихъ, приблизительно *одинаковыхъ* синтаксическихъ подлежащихъ, при которыхъ одинъ разъ встрѣчалось бы *οὐ*, а другой — *μὴ*.

*) Первый изъ вопросовъ, поставленныхъ нами на стр. 472, мы оставляемъ здѣсь въ сторонѣ, такъ какъ отвѣтили на него тамъ же въ подстрочномъ примѣчаніи.

**) Итакъ, чтобы не оставаться въ долгу передъ Акеп'омъ и другими, «наклоненіе» не есть категорія, съ которою *вообще* можно бы связывать отрицательныя частицы, и которая въ частности могла бы выяснитъ появленіе какой нибудь одной изъ нихъ въ отличіе отъ другой. Къ ней, къ этой категоріи, не ведетъ ни *настоящее* наше разсужденіе о частицахъ *вообще* (и я имѣю отношеніе не къ наклоненіямъ, а къ синтаксическому сказуемому), ни разборъ наклоненій во *второмъ* отдѣлѣ нашего изслѣдованія. Наклоненіе есть одно слово, а *οὐ* и *μὴ* могутъ относиться къ нѣсколькимъ словамъ *заразъ*. Когда же *οὐ* и *μὴ* относятся къ одному слову, то этимъ *однимъ* словомъ можетъ не *оказаться* наклоненіе (точно также какъ наклоненіемъ могло не *быть* ни одно изъ тѣхъ «нѣсколькихъ» словъ, къ которымъ «всѣмъ *заразъ*» относилось *οὐ* или *μὴ*). «*Ἄρ' ἐκάλει μέ τις;*» — спрашиваетъ

У Платона (Resp. 581 e) читаемъ: *ὅτε δὴ οὖν ἀμφισβητοῦνται ἐκάστον τοῦ εἶδους αἱ ἡδοναὶ καὶ αὐτὸς ὁ βίος μὴ ὅτι πρὸς τὸ κάλλιον καὶ αἰσχίον ζῆν μηδὲ τὸ χεῖρον καὶ ἄμεινον, ἀλλὰ πρὸς αὐτὸ τὸ ἡδίον καὶ ἀλγυπότερον, πῶς ἂν εἰδῆμεν, τίς αὐτῶν ἀληθέστατα λέγει;* Сопоставивъ это мѣсто съ выраженіемъ *οὐχ ὅπως χάριν αὐτοῖς ἔχεις, ἀλλὰ μισθώσας σαντὸν κατὰ τούτων πολιτεύει* (Dem. 19. 131.), мы едва ли можемъ установить какую нибудь разницу между вторымъ *οὐ* и первымъ *μή* кромѣ той, что во второмъ мѣстѣ говорящій высказывается *прямо, отъ себя*, а въ первомъ — *prohibitiv'но*, предупреждая *собесѣдника* не впасть въ ошибку: во второмъ *οὐ* слышится смыслъ фразы «я не думаю, что...», а въ первомъ *μή* — смыслъ фразы «не думай (или не думайте), что...» *).

На стр. 457. мы приводили примѣръ (изъ Платона) «*ἀρ' οὐ περὶ φρονήσεως ἦν ὁ λόγος;*» *Оὐ* въ данномъ случаѣ было «*вопросительнымъ*». Оно, какъ на то указано на той же стр. 457., сталкивается съ *вопросительнымъ μή*. «*Вопросительное*» *μή* мы ближе разъясняли на фразѣ *μή τοῦτο κακῶς ἀποβῆ* на стр. 143 **). Какъ же опредѣлить здѣсь разницу между *οὐ* и *μή*? Въ *οὐ περὶ φρονήσεως ἦν ὁ λό-*

говорящій. «*Ὅδδεις*» или «*οὐτις*» — отвѣчаютъ ему, и слово *οὐ* относится здѣсь *только* къ *εἰς* или къ *τις*. Хотя мы при разборѣ наклоненій въ общемъ отказывались разсматривать вопросъ объ *οὐ* и *μή*, но читатель могъ понять изъ нашего отказа, да и самъ знаетъ, что появленіе въ рѣчи *такого-то* наклоненія *не влечетъ* за собою появленіе *такого-то* отрицанія, и если о наклоненіяхъ заявляютъ, что «не всѣ формы, которыя обыкновенно подводятъ подъ названіе *такого-то* наклоненія, могутъ *ohne weiteres* auch begrifflich darunter subsumirt werden (см. стр. 112), то этимъ наша грамматика обязана, между прочимъ, и *неправильному* связыванію наклоненій съ отрицательными частицами. Изъ наклоненій одинъ *imperativ* влечетъ за собою *seigda* ужъ частицу *μή*, а не *οὐ*. Почему, — выяснится ниже.

*) Такъ разсуждаетъ и Aken. Составивъ изъ примѣровъ, похожихъ на наши, особую «группу» и озаглавивъ ее «über die verkürzten Substantivsätze mit *οὐ* ὅτι — *μή* ὅτι», онъ говоритъ (*οὐ* и *μή* Bd. 82. S. 264): mit Ausnahme etwa eines Falles besteht überall ebensowohl die Möglichkeit einen Urtheils —, wie einen Begehrungssatz zu supplieren, ein *non puto* oder *ne puto*.

**) Въ «*ἀρ' οὐ περὶ φρονήσεως ἦν ὁ λόγος;*» *οὐ* относится *только* къ *περὶ φρονήσεως* какъ къ своему синтаксическому сказуемому. Точно также и въ «*μή τοῦτο κακῶς ἀποβῆ*» слово *μή* можетъ оказаться относимымъ *только* къ слову *κακῶς*. Если при немъ появляется *Conjunctiv*, то это не зна-

ρος;» — будетъ ли *οὐ* риторическимъ, или нѣтъ, — я, говорящій, требую *прямого* отвѣта отъ собесѣдника, — требую его *для себя*, чтобы, быть можетъ, на основаніи его строить *дальнѣйшее* разсужденіе. Во фразѣ «*μή τοῦτο κακῶς ἀποβῆσεται*» я, какъ сказано на стр. 144., *для* своего собесѣдника лишь *соучастникомъ* моего недоумѣнія, не столько прошу его отвѣтить *мнѣ* (въ *этомъ* смыслѣ мы назвали *μή* на стр. 143 «*риторически* — *вопросительнымъ* *»), сколько скорѣе предоставляю *ему самому* рѣшить себѣ поставленный мною вопросъ, *предупреждая* его съ своей стороны, чтобы онъ не сдѣлалъ ошибки: *μή τοῦτο κακῶς ἀποβῆ* значить: *смотри*, не выйдетъ ли это худо.

Слѣдуетъ сопоставленіе фразы *ἐὰν μή δὲ τὸν μισθὸν* съ II. ω 296: *αἶψα δ' οἰωνόν, τῷ πίσυνος ἐπὶ νῆας ἱὴς Λαλαῶν ταχυπόλων εἰ δέ τοι οὐ δώσει ἐὼν ἄγγελον εὐρύστα Ζεὺς, οὐκ ἂν ἔγωγε σ' ἔπειτα ἐποτρύνουσα κελόμην νῆας ἐπ' Ἀργείων ἰέναι*. Въ обоихъ случаяхъ можно принять отрицательную частицу за синтаксическое сказуемое къ слѣдующему за нею глаголу *δίδωμι* (съ его симасіологическими дополненіями), какъ къ синтаксическому подлежащему. Разница между *οὐ* и *μή* можетъ заключаться лишь въ томъ, что въ «*οὐ δώσει ἐὼν ἄγγελον*» я, говорящій, такъ сказать, *самъ* предпрѣшаю возможность предзнаменованія въ *отрицательномъ* смыслѣ, тогда какъ въ «*ἐὰν μή δὲ τὸν μισθὸν*» я оставляю для себя вопросъ объ осуществленіи отказа въ

читъ, что *μή* связано съ *Conjunctiv'омъ* (*Conjunctiv*, какъ выяснено на стр. 144., не есть нѣчто *обязательное*). Это *значитъ* только (указаніемъ на *отсутствие* связи слова *μή* съ *Conjunctiv'омъ* мы *видоизмѣняемъ* и имѣемъ возможность только лишь *теперь* видоизмѣнить ту формулировку, которую мы установили на стр. 143, разсуждая о «*μή* съ *Conjunctiv'омъ*», — формулировку, предполагавшую *связь* одного съ другимъ), — это, повторяю, *значитъ* только, что и *Conjunctiv* преслѣдуетъ *ту же* цѣль, какую преслѣдуетъ *μή*; они связаны другъ съ другомъ лишь постольку, поскольку *оба*, съ одною и тою же *тенденціею*, хотя и съ разныхъ *концовъ* въ смыслѣ симасіологическихъ средствъ (*Conjunctiv'омъ* я высказываю свое собственное *недоумѣніе*, словомъ *μή* я съ этимъ недоумѣніемъ обращаюсь къ *собесѣднику* съ *предупредительною* цѣлью), примыкаютъ къ *одному* слову *κακῶς*, если, разумѣется, слово *κακῶς* *фактически* выступаетъ какъ синтаксическое сказуемое.

*) Вотъ отвѣтъ на вопросъ, возбужденный на стр. 457. подстрочнымъ примѣчаніемъ.

выдачу денегъ открытымъ, предоставляя, такъ сказать, самому *слушателю* разрѣшить его, какъ ему заблагоразсудится. »Εἰ οὐ δώσει ἄγγελον« значить: я предположу, что Зевсъ не дастъ тебѣ благопріятнаго предзнаменованія. »Ἐάν μὴ δῶ τὸν μισθόν« значить: если бы для тебя выяснилось, что онъ *откажется* выдать жалованіе.

Приведенныхъ трехъ сопоставленій достаточно для постановки тезиса, что *οὐ* есть отрицаніе, которое говорящій произноситъ *отъ* себя и *для* себя (последнее мы прибавляемъ въ виду нашего толкованія фразы *οὐ περὶ φρονήσεως ἦν ὁ λόγος*), а въ *μή* онъ имѣетъ въ виду *другое* лицо, произнося его *для* него. Спрашивается: какое это — «другое» лицо? Нужно ли подъ «другимъ» лицомъ разумѣть «второе» грамматическое лицо, стало быть, — *собесѣдника*, или, вообще, *всякаго* «посторонняго»? До сихъ поръ (т. е. въ нашихъ разсужденіяхъ по поводу приведенныхъ трехъ сопоставленій) не было особеннаго основанія относить *μή* къ кому-нибудь другому, какъ только ко *второму* грамматическому лицу, но изъ нижеслѣдующаго явствуетъ, что оно есть отрицаніе, относящееся къ *постороннему* лицу *вообще*.

При повелительныхъ наклоненіяхъ, *если* они *имѣютъ* съ отрицаніемъ составляютъ синтаксическое сказуемое, или *по отношенію* къ отрицанію являются синтаксическими подлежащими, *всегда* появляется *μή*, а не *οὐ*. Это вполне понятно, такъ какъ съ *повелительнымъ* наклоненіемъ (это — *единственное* наклоненіе въ этомъ родѣ) я *всегда* обращаюсь къ *другому* (повелительное наклоненіе *перваго* грамматическаго лица *не имѣетъ*), и всегда — въ «предостерегательномъ» смыслѣ.*) Но вмѣстѣ съ тѣмъ становится понятнымъ и то, что этотъ «другой» можетъ оказаться и *третьимъ* грамматическимъ лицомъ (повелительное наклоненіе имѣетъ формы и для *этого* лица), и что *μή* имѣетъ отношеніе къ *постороннему* лицу, *вообще*.

Всякаго рода «предостереженія», если бы они даже *не отразились* на наклоненіи (таковы — «предостереженія»,

*) Вотъ — отвѣтъ на вопросъ, возбужденный на стр. 476 подстрочнымъ примѣчаніемъ.

выражаемая Conjunctiv'омъ imperativ'нымъ; смотри стр. 139 и сл.)*), влекутъ за собою появленіе отрицанія *μή*. Что «предостереженія», выражаемая Conjunctiv'омъ imperativ'нымъ, хотя и не избѣгающимъ формы *перваго* грамматическаго лица, никакого отношенія къ этому лицу *не имѣютъ*, — выяснено на стр. 140—1. Но затѣмъ они свободно примѣняются и ко второму, и къ третьему грамматическимъ лицамъ, а потому и *μή* нужно провозгласить за отрицаніе *посторонняго* лица *вообще*.

Всякаго рода *желаніе*, даже если бы оно не отразилось на наклоненіи (сравни стр. 138 и 146) влечетъ за собою появленіе въ рѣчи отрицанія *μή*. Нѣтъ сомнѣнія, что на «желаніе» языкъ могъ посмотрѣть какъ на нѣчто, исполненіе чего самъ *желающій*, т. е. самъ говорящій, ждетъ *со стороны*, и это было вполне *законнымъ* мотивомъ для появленія *μή*. Я говорю «со стороны». Это значить, что *μή*, появляющееся въ выраженіяхъ желанія**), имѣетъ отношеніе не только ко *второму*, но и къ *третьему* грамматическому лицу. Мы даже часто выражаемся такъ: «не дай Богъ, чтобы это случилось!», а слово *Богъ* есть *третье* грамматическое лицо.

Отрицаніе, обращенное *вообще* къ *постороннему* лицу, и, согласно съ этимъ, появленіе отрицательной частицы *μή*, мы видимъ и въ слѣдующихъ явленіяхъ:

1. Въ извѣстномъ »οὐ σιωπήσει καὶ μηδὲν ἐρεῖ«; Данную фразу мы раздѣляемъ на двѣ половины, изъ коихъ въ первой я, говорящій, *отъ себя* «подвергаю колебанію» ожидаемое***) мною *σιωπᾶν*, а во второй высказываюсь *prohi-*

*) За выраженія «предостереженія», не только *не отражающіяся* на наклоненіи, но и *не имѣющія* наклоненія, нужно провозгласить обороты *μή τοῦτο* (= не это!) и т. п.

**) Опять таки и выраженія желанія могутъ не имѣть *никакого* наклоненія. Вышеприведенное *μή τοῦτο* можетъ быть принято и за выраженіе *желанія*.

***) Это «ожидаемое» психологически могло почувствоваться и какъ «желаемое» (сравни на стр. 139 наше разсужденіе по поводу обращенія учителя къ ученикамъ). *Οὐ σιωπήσει* значить: не выйдетъ того что ты будешь молчать? Понимая *οὐ* въ смыслѣ «риторически вопросительнаго», мы влагаемъ въ эту фразу смыслъ: я *думаю*, ты будешь молчать. Въ русскомъ

bitiv'но*) не только по отношенію ко второму (фраза οὐ σιωπήσεις καὶ μηδὲν ἐρεῖς была, конечно, также возможна), но и по отношенію къ третьему грамматическому лицу.

2. Въ выраженіяхъ ὅτι μή, ὅσον μή, ὅτε μή: τοῖσι δὲ Μιλησίοισι οὐδαμοὶ Ἰώνων τὸν πόλεμον συνεπελάφρυνον, ὅτι μή Χιοὶ = никто изъ Ионянъ не помогаль, развѣ что укажетъ кто нибудь (т. е. вообще «постороннее» лицо) на Хиосцевъ.**)

Замѣчательны слѣдующія мѣста: Σχολῇ γὰρ ἂν τι ἄλλο φθορὰν μὴ δέχοιτο, εἰ τὸ γὰρ ἀθάνατον αἰδιδιον ὃν φθορὰν δέξεται; (Plat. Phaed. 106 d). Πῶς γὰρ ἂν λέγων τις τοῦτο, δ λέγει, μὴ τὸ δὲ λέγει; (Plat. Crat. 429 d). Πῶς οὖν μήτε ψεύσομαι φανερώς μήτ' ἐπιорχεῖν δόξας πάνθ' ἃ

выраженіи «ты не будешь молчать?» (буквальный переводъ греческаго οὐ σιωπήσεις) слышится всегда нѣкоторая рѣзкость въ обращеніи, которая, какъ извѣстно, не есть condicio sine qua non для греческаго оборота. Въ этомъ отношеніи разбираемые нами греческіе обороты οὐ δῶκε и т. п. можно бы скорѣе сравнить съ русскимъ «не угодно ли прочесть» и т. д.

*) Эту вторую половину, т. е. это μηδὲν ἐρεῖ, можно сравнить съ тѣмъ же μή τοῦτο καὶ ὅς ἀπορῇ. Μηδὲν ἐρεῖ значить: и пусть онъ подумаетъ, не выйдетъ ли такъ, что онъ будетъ говорить (по общему контексту, т. е. по соединенію обѣихъ половинокъ въ одно цѣлое, подразумѣвается мысль: этого говоренія съ его стороны я бы не желалъ).

**) Намъ скажутъ, что ὅτι μή Χιοὶ, дополненное ранѣшесказаннымъ συνεπελάφρυνον, имѣетъ характеръ условнаго предложенія (ὅτι μή = εἰ μή), и что на этомъ основаніи поставлено здѣсь μή, а не οὐ. «Условное» предложеніе не есть категорія, объясняющая собою μή. Мы на стр. 477 видѣли, что въ «условномъ» предложеніи появляется и οὐ, и μή. Конечно, чаще въ немъ встрѣчается μή, однако, не потому, что это — условное предложеніе, а потому, что оно либо переводится на выраженіе желанія (между прочимъ, сравни и стр. 146), — желаніе же является, какъ мы немного выше убѣдились, действительнымъ мотивомъ для μή, — либо, какъ мы на стр. 466 объясняли, имѣетъ смѣсль вопроса (открытаго со стороны говорящаго), рѣшеніе котораго «предоставляется другому лицу». Раньше мы (на стр. 478) разсуждали о «предоставленіи рѣшенія этого вопроса слушателю». Теперь мы видимъ, что слѣдуетъ говорить не о «слушателѣ», а о постороннемъ лицѣ вообще. Только «открытымъ вопросомъ», предоставляемымъ на рѣшеніе «постороннему лицу», объясняется μή послѣ θανατῶ. Сравни: θανατῶ γὰρ λέγεις, εἰ κύνα μὲν... ἐπεὶ δὲ πρᾶντιν, τὸν δὲ ἀδελφὸν οὐκ ἐπιχειρεῖς... (Хен. Мемор. II. 3. 9) и θανατῶ εἰ μή φανερόν ἐστιν αὐτοῖς... (Хен. Мемор. I. 1. 13). Въ первомъ мѣстѣ говорящій отрицаетъ ἐπιχειρεῖν отъ себя, а во второмъ — сказано: его удивляло, что имъ не было ясно, если это действительно такъ (на дѣлѣ ли это такъ, или нѣтъ, — это пусть рѣшаетъ кто нибудь другой).

βούλομαι διαπράξωμαι; (Dem. 19. 320). Τίς ἂν μοι τοῦτο ἐπιτελέσειε σοφίῃ καὶ μὴ βίῃ τε καὶ ὁμίλῳ; (Herod. 3. 127). Τί ἂν λέγοντες εἰκὸς ἢ αὐτοὶ ἀποκνοῖμεν ἢ μὴ βοήθοῖμεν; (Thuc. 6. 18). Εἰ ἄρα τις ἐννοήσειεν ἐν ταύτῃ τῇ πόλει τῶν νέων, τίνα ἂν τρόπον ἐγὼ μέγα δυνάμην καὶ μηδεὶς με ἀδικοῖ, ἢ αὐτῇ, ὡς ἔοικεν, αὐτῷ ὁδὸς ἐστὶν εὐθὺς ἐκ νέου ἐθίζειν αὐτὸν τοῖς αὐτοῖς χαίρειν καὶ ἀχθεσθαι τῷ δεσπότη (Plat. Gorg. 510 d).

Всѣ эти мѣста ставятъ въ одну группу, какъ подтверждающія собою «кажущуюся замѣну слова οὐ словомъ μή», и объясняютъ μή всевозможными натяжками. *) Мы ставимъ примѣръ изъ Продота (τίς ἂν μοι τοῦτο ἐπιτελέσειε σοφίῃ καὶ μὴ βίῃ τε καὶ ὁμίλῳ) особо и видимъ въ μὴ βίῃ выраженіе желанія (= только бы не насиліемъ и...). Въ остальныхъ же примѣрахъ мы видимъ въ μὴ не столько обращеніе говорящаго къ «постороннему лицу», сколько скорѣе передачу говорящимъ отрицанія чего-нибудь отъ имени другого лица, стало быть, — нѣчто, имѣющее связь съ косвенною рѣчью. Такое μὴ мы видимъ и въ Апологіи Платона (27 d): τίς ἂν ἀνθρώπων θεῶν μὲν παῖδας ἡγοῖτο εἶναι, θεοὺς δὲ μὴ (разумѣй ἡγοῖτο εἶναι; или надо строить фразу θεοὺς δὲ ἡγοῖτο μὴ εἶναι? — едва ли) = кто же скажетъ, когда дѣлти боговъ признаются, чтобы (какъ, быть можетъ, вы, судьи, обо мнѣ утверждаете) самихъ боговъ не было. Соединеніе отрицанія чего-нибудь отъ себя съ отрицаніемъ, относящимся ко второму лицу, мы находимъ Plat. Prot. 319 b: ὅθεν δὲ αὐτὸ ἡγοῦμαι οὐ διδακτὸν εἶναι μηδὲ ὑπ' ἀνθρώπων παρασκευαστὸν ἀνθρώποις, δίκαιός ἐμι εἰπεῖν = почему я думаю, что это не есть изучимо, и что этого, какъ ты объявляешь, люди не могутъ преподавать людямъ, — я въ правѣ разъяснить.

*) Смотри Kühner Ausf. Gramm. II. 746. До какой натяжки Кюннеръ доходитъ въ объясненіи нашихъ примѣровъ, видно на цитатѣ изъ Федона (106 d): Die Negation μή soll hier nicht die Behauptung negieren, sondern den infinitivischen Begriff des δέχεσθαι. Die ganze Ausdrucksweise des Satzes beruht auf einer Brachylogie, die sich etwa so auflösen lässt: σχολῇ γὰρ ἂν τι ἄλλο λέγοιτο φθορὰν μὴ δέχεσθαι, εἰ... δέξεται.

Изъ сообщеннаго мы усматриваемъ нѣкоторое *расширеніе* функции слова *μή*. Если прежде мы формулировали *оὐ* какъ отрицаніе, произносимое говорящимъ *отъ* себя и *для* себя, а *μή* какъ отрицаніе, произносимое имъ *для* другого лица, то теперь оказывается, что *μή* можетъ получить смыслъ отрицанія, произносимаго говорящимъ и *отъ* имени другого лица. Другими словами, — *μή* оказывается синасіологическимъ средствомъ для отгѣненія «косвенной рѣчи». Что оно не есть нѣчто обязательное въ косвенной рѣчи, точно также, какъ не былъ обязательнымъ въ косвенной рѣчи и Optativ (ср. стр. 150), и что самъ Optativus orationis obliquae не влечетъ за собою появленіе отрицанія *μή*, равно какъ и наоборотъ (*μή* въ oratio obliqua и Optativ суть два самостоятельныя, другъ отъ друга независящія средства, и языкъ свободенъ прибѣгать то къ одному изъ нихъ, то къ другому, а то ихъ оба *совсѣмъ* игнорировать) — это само собою разумѣется.

Еще одно. Въ приведенныхъ двухъ примѣрахъ изъ Платона замѣчается *разница*. Въ первомъ примѣрѣ судьи думаютъ, что Сократъ не признаетъ боговъ, и Сократъ эту мысль такъ и передаетъ отъ имени судей. Во второмъ примѣрѣ Протагоръ думаетъ, что люди могутъ преподавать добродѣтель людямъ, и Сократъ отрицаніемъ *μηδέ* ему противорѣчить. Во второмъ примѣрѣ отрицаніе *μή* имѣетъ то болѣе узкое *prohibitiv'ное* значеніе, съ котораго мы начали разборъ даннаго отрицанія. Затѣмъ всѣ примѣры, приведенные на стр. 480–1. (исключая *разобранный* уже примѣръ изъ Иродота 3. 127), заключаютъ въ себѣ *μή* простой orationis obliquae и имѣютъ слѣдующій смыслъ: Какъ же, вы думаете, это — не настоящее? — Какъ же, вы думаете, я не окажусь лжецомъ? — Чѣмъ мы будемъ мотивировать свое отступленіе, или, — какъ вы думаете? — свой отказъ въ помощи? Если кто поразсудитъ, почему у меня такая сила, что *де* никто меня не обидитъ, то . . . .

Итакъ, въ окончательной формулировкѣ выходитъ, что *оὐ* говорящій произноситъ *отъ* себя и *для* себя, а *μή* — *отъ* посторонняго лица и *для* посторонняго лица. Остается

разобрать нѣкоторые случаи употребленія этихъ отрицаній, не измѣняющіе поставленной формулировки, но крайне затрудняющіе нашихъ грамматиковъ.

Особенно затруднительнымъ представляется имъ объясненіе отрицательныхъ частицъ, когда онѣ «относятся» къ глагольному имени, т. е. когда онѣ, — такъ сказали бы мы, — попадаютъ въ положеніе синтаксическихъ *сказуемыхъ* по отношенію къ глагольнымъ именамъ какъ синтаксическимъ *подлежащимъ*, или составляютъ *вмѣстѣ* съ ними синтаксическое сказуемое. Акен, подъ давленіемъ всей той пестроты, которую онъ усмотрѣлъ въ относящихся сюда явленіяхъ, только и нашелъ возможнымъ сказать, что *μή* beim Infinitiv ist wegen der abstracten Bedeutung des letzteren *wenigstens niemals falsch*. Не менѣе затрудняетъ объясненіе отрицательныхъ частицъ при глагольных *признаковыхъ*. Мы разсуждаемъ въ данномъ случаѣ слѣдующимъ образомъ.

На стр. 402. мы установили глагольное имя, какъ выраженіе осуществленія факта, и противопоставили его глагольному имени, какъ «выраженію понятія, быть можетъ, даже желанія». Если мы сопоставимъ эти отгѣнки съ установленными нами отгѣнками имени существительнаго (глагольное имя, въ силу своей «двусторонности», вообще можетъ быть сопоставляемо съ именемъ *существительнымъ*), то тутъ выступитъ любопытная параллель. Вспомнимъ, что въ существительныхъ мы различали выраженія реальныхъ индивидуумовъ, ихъ *группъ*, *идеальныхъ* индивидуумовъ, какъ *отвлеченій* отъ реальныхъ, и душевныхъ *постулатовъ* (см. выше стр. 167. и 170—1). Что было въ существительныхъ выраженіемъ реальныхъ индивидуумовъ, то въ глагольных именахъ является выраженіемъ осуществленія факта; что было въ существительныхъ *отвлеченіемъ* отъ индивидуумовъ, или душевнымъ *постулатомъ*, то въ глагольных именахъ выступаетъ «понятіемъ», или выраженіемъ *желанія*. Превративъ какое нибудь *λόγιν* въ «отглагольное существительное» *λόγισ* (см. выше стр. 408.), не назовемъ ли мы и *λόγιν* въ однихъ случаяхъ названіемъ не индивидуума, а осуществляющагося факта, а въ другихъ — названіемъ не *от-*

влеченія отъ индивидуумовъ или душевнымъ постулатомъ, а понятіемъ или, быть можетъ выраженіемъ желанія? Если Фукидидъ въ извѣстномъ своемъ *διὰ τὴν οὐ λύσιν τῆς γεφύρας*, отрицая *фактъ* разрушенія моста (другими словами, — отрицая реальный *индивидуумъ*, выраженный въ данномъ случаѣ въ «*существительномъ*» *λύσις*), употребилъ на *общемъ* основаніи (Фукидидъ тутъ отрицаетъ нѣчто *отъ себя*) отрицаніе *οὐ*, то это же отрицаніе должно быть поставлено и при глагольномъ имени, если говорящій отрицаетъ фактъ *отъ себя*. Грекъ *дѣйствительно* говоритъ: *φημί οὐκ εἶναι ταῦτα* и т. д. *) Рѣдкое, сравнительно, появленіе отрицанія *οὐκ* при глагольныхъ именахъ объясняется:

1. Передвиженіемъ отрицанія отъ глагольнаго имени къ слову, отъ котораго глагольное имя «зависитъ». Вмѣсто «*φημί οὐκ εἶναι ταῦτα*» говорятъ «*οὐ φημι ταῦτα εἶναι*». **)

2. Сведеніемъ «отрицанія факта» ***) къ «отрицательному понятію». Что такое «отрицательное понятіе», — мы выяснили на стр. 475. Нетрудно догадаться изъ этого объясненія, что «отрицательное понятіе» требуетъ *именно* частицы *μή*, а не *οὐ*. Ибо если я, говорящій, черезъ какое нибудь «города — нестолицы» опредѣляю *положительный* объемъ логическаго понятія, то я, такъ сказать, обращаюсь къ *собесѣднику*, чтобы онъ самъ раскрылъ «*положительное*» содержаніе того, что я обрисовываю только съ *отрицательной* стороны. Нетрудно догадаться изъ этого объясненія и о томъ, что если «отрицаніе факта», т. е. отрицатель-

*) Такъ и при признаковыхъ глагольныхъ, все равно что при простыхъ признаковыхъ, появляется *οὐ*, если я, говорящій, отрицаю *признакъ* на реальныхъ индивидуумахъ: *Ἀποβάθρης, οὐ κολύσας* . . . и др.

**) Что глагольнаго признаковаго этотъ пунктъ не касается, — это, кажется, не требуетъ никакихъ объясненій.

***) Рѣчь идетъ, конечно, объ «отрицаніи факта» *отъ имени говорящаго*. Последняго обстоятельства никогда не слѣдуетъ терять изъ виду, такъ какъ иначе и при отрицаніи факта можетъ наступить *μή*. Во фразѣ *καὶ εἰ τις πόλις ἐγένετο, σπειραμένον Κύρον ἐπίστευε μηδὲν εἶναι παρὰ τὰς σπονδὰς παθεῖν* (Хен. Anab. I. . 9.), хотя *μή* отнесено къ слову *εἶναι*, а не къ глагольному имени, но всакий пойметъ, что и *μή παρὰ τὰς σπονδὰς παθεῖν εἶναι* (здѣсь *μή* отнесено къ *παθεῖν*) было бы *вполнѣ* правильно, и это *μή* объясняется только «косвенностью» рѣчи, заключающей его въ себѣ.

ная частица *πλεον* глагольное имя, представляетъ собою оборотъ, состоящій изъ *двухъ* словъ и такъ и *чувствуемый* за два слова, то «отрицательныя понятія», т. е. *μή* (въ данномъ случаѣ *именно* *μή*, а не *οὐ*) *плюсъ* глагольное имя, чувствуются за *одно* слово, причѣмъ *μή*, какъ на то въ свое время указано, играетъ роль отрицательной *представки* въ родѣ *α privativum* и др. *) Сводитъ «отрицаніе факта» къ отрицательному понятію заставляетъ при глагольномъ имени грамматическое *ό*. Извѣстно, что когда глагольное имя соединено съ грамматическимъ *ό*, то *всегда* уже появляется отрицаніе *μή*, а не *οὐ*. Это вполнѣ понятно. Хотя, напр., *τὸ πράττειν* были первоначально два совершенно самостоятельныя слова (см. выше стр. 439), но въ концѣ концовъ они должны были чувствоваться за нѣчто *нераздельное*, какъ бы за слово *одно*, и если посреди этого «слова» появлялось отрицаніе, то и оно попадало въ положеніе *части* слова, т. е. попадало въ положеніе «отрицательной *представки*», и тогда уже дѣлается *естественнымъ* появленіе частицы *μή* **). Во фразѣ *διὰ τοῦ μή λέγειν πολλὰ διεπράττετο*, положимъ, нечего особенно обращаться къ слушателю, чтобы онъ раскрылъ *положительное* содержаніе *отрицательнаго* выраженія, какъ это въ свое время выяснялось на выраженіи города — нестолицы (положительнымъ содержаніемъ отрицательнаго выраженія *μή λέγειν* является *только* *σιωπᾶν*), тѣмъ не менѣе, оно, какъ *чувствуемое* за *одно* слово, представляетъ собою *именно* отрицательное понятіе, а не отрицаніе факта, хотя бы по *общему* контексту и подразумевалось, что «достигающее чего нибудь лицо» фактически не говоритъ (если бы въ нашей фразѣ *διὰ τοῦ μή λέγειν πολλὰ διεπράττετο* вмѣсто *διὰ τοῦ μή*

*) Если Фукидидъ, при отрицаніи факта, сказалъ *διὰ τὴν οὐ λύσιν τῆς γεφύρας*, то «отрицательное понятіе» должно бы вести къ обороту *ή μή λίσιν*. Но *ή μή λύσιν* не говорятъ; вмѣсто этого употребляется какое нибудь *τὸ μή λύνει* или другое, болѣе сложное (такъ называемое *описательное*) выраженіе. Отрицательное понятіе къ слову *ἀνεμος* будетъ *νηπιή*, къ слову *αἰσχυρή* — *ἀναισχυρία* и т. д.

**) Такъ и признаковыя глагольныя, сливающіяся съ своимъ грамматическимъ *ό* въ *одно* слово, принимаютъ, какъ отрицательныя понятія, частицу *μή* а не *οὐ*; *τόν μή εὐτυχοῦντα* и т. д.

λέγειν появилось цѣлое предложение, или даже признаковое глагольное, то вмѣсто *μή* наступитъ *οὐ*: *οὐ λέγων πολλὰ διαπράττετο*.)

Не меньшій поводъ приводить отрицаніе факта къ отрицательному понятію даютъ выраженія въ родѣ *ὁ δὲ ἄραρός ἐστι μή νοέειν* (Herod. 3. 66). Указываютъ здѣсь на накопленіе отрицаній, считая *μή* лишнимъ. Съ точки зрѣнія переводящихъ это выраженіе на родной языкъ и разлагающихъ его на два предложения, другими словами, — съ точки зрѣнія негреческаго языка, это, пожалуй, такъ. Но въ греческомъ языкѣ *ὁ δὲ ἄραρός ἐστι μή νοέειν* представляетъ собою одно предложение, такъ какъ въ немъ — одно *ῥήμα*, и, повидимому, *μή νοέειν* есть вещный «простираемый». Кажется, мы не ошибаемся, толкуя все Иродотовское выраженіе слѣдующимъ образомъ: онъ отрицается, причѣмъ это отрицаніе простирается на «неболѣніе». Какъ въ выраженіи *шутитъ шутку* въ словѣ *шутку* заключается лишь выраженіе «понятія», а словомъ *шутитъ* указывается на превращеніе этого понятія въ действительность, такъ и въ *μή νοέειν* заключается лишь «отрицательное понятіе», а словами *ἄραρός ἐστι* указывается на действительное отрицаніе.*)

Отъ «отрицательнаго понятія» мы отличаемъ при глагольномъ имени (къ глагольному признаковому это не имѣетъ никакого отношенія) «отрицаніе понятія». Когда говорятъ *λέγω σοί μή ποιεῖν ταῦτα*, то *μή ποιεῖν* чувствуется за два слова, причѣмъ *λέγειν* вовсе не есть выраженіе «осуществляющагося факта». Если «осуществляющійся фактъ» въ глагольныхъ именахъ былъ уравниваемъ съ реальнымъ индивидуумомъ именъ существительныхъ, то, какъ уже сказано, «отвлеченію отъ реальныхъ индивидуумовъ», или «душевному постулату», выражаемому иногда именами существительными,

*) Не вездѣ, конечно, можно приложить данное объясненіе, какъ и не вездѣ наши грамматикѣ могутъ считать *μή* «лишнимъ». Въ какомъ нибудь *δύναμις* *μή λέγειν* — действительность, къ которой отрицательное понятіе имѣетъ «отношеніе», заключается не въ действительномъ отрицаніи (сопоставленіе съ фразою *шутитъ шутку* здѣсь непримѣнимо), а именно въ *δύναμις* (неговореніе я могу принять на себя).

при глагольномъ имени нужно противопоставить «понятіе». Въ *λέγω σοί μή ποιεῖν ταῦτα* отрицается «понятіе». Съ другой стороны не нелогично будетъ противопоставить глагольное имя, какъ выраженіе «осуществляющагося факта», глагольному имени, какъ выраженію лишь желаемаго факта. Выходитъ, что «понятіе» и «предметъ желанія» при глагольномъ имени представляютъ лишь двѣ стороны одной и той же сущности. Потому то мы на стр. 402. и соединили оба эти термина, когда разбирали глагольное имя. Такъ какъ въ «понятіи» заключается желаніе, то, на основаніи замѣчанія на стр. 474–5, придется отрицать это «понятіе» или желаніе черезъ *μή*, а не черезъ *οὐ**).

Кажется, нами исчерпаны явленія, относящіяся къ употребленію *οὐ* и *μή*. Осталось лишь одно: это — крайне затрудняющее нашихъ грамматиковъ *μή οὐ*, появляющееся одинаково при глагольныхъ именахъ и при глагольныхъ признаковыхъ. Мы имѣемъ въ виду такіе типы явленій, какъ: *οὐκ ἀραροῦμαι μή οὐ ταῦτα ποιῆσαι*; *οὐ γάρ ἄν μακρὰν ἔχενον αὐτὸς μή οὐκ ἔχων τι σύμβολον* (Soph. Oed. r. 221); *οὐ δύναμαι μή οὐκ εἰπεῖν ταῦτα* и т. д. Что на появленіе, повидимому, лишняго *οὐ* рядомъ съ *μή* передъ *ποιῆσαι*, *ἔχων* и *εἰπεῖν* повліяло именно отрицаніе *οὐκ* передъ самими глаголами, — это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію**). Его я объясняю при помощи чешскаго языка. Въ чешскомъ языкѣ говорятъ: *já mohu, aniž* (= а + ни + же) *bych mluvil*; *já vysledím, aniž* *bych měl zač se uchopiti* и т. д., а при от-

*) Если у Еврипида (Med. 73.) сказано *ὁ μέντοι μῦθος αἰ σαφὴς δὲ οὐκ οἶδα, βουλοίμην δ' ἂν οὐκ εἶναι τάδε*, то *οὐ*, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ отнести не къ *εἶναι*, а къ *βουλοίμην ἂν* (= «я не хотѣлъ бы, чтобы...»; постановка не представляетъ ничего необыкновеннаго: *βούλεται μὲν, ἐθέλει δ' οὐκ* — известно). — Другая замѣтка, относящаяся къ данному разсужденію, касается того *κωλύω μή ποιεῖν*, которое мы объясняли на стр. 398. Повторять этого объясненія мы здѣсь не станемъ; скажемъ только, что и въ *κωλύω μή ποιεῖν* слово *μή*, вызвано усматриваніемъ въ «понятіи» *κωλύειν* желанія. Впрочемъ, трудно возражать тому, кто въ данномъ случаѣ приметъ *μή ποιεῖν* не за отрицаніе понятія, а за «отрицательное понятіе».

**) Слѣдуетъ, быть можетъ, указать еще на то, что иногда отрицаніе *μή* производитъ вліяніе на дальнѣйшія отрицанія, превращая *οὐ* въ *μή*. Такую «assimilationem» я вижу, напр., Xen. Memorab. I. 2. 39: *φαίη δ' ἂν βύω μετρίαν εἶναι παιδεύειν παρὰ τοῦ μή ἀρέοντος*. Выраженіе «παρὰ

рицательныхъ глаголахъ, не измѣняя смысла зависящихъ отъ этихъ глаголовъ выражений, чехъ непременно (въ греческомъ языкѣ, какъ извѣстно, *μή* *οὐ* въ нашихъ примѣрахъ не есть нѣчто обязательное) скажетъ: *já* не могу, *aniž* bych не mluviti; *já* не vysledím, *aniž* bych не měl zač se uchopiti и т. д. Въ чешскомъ языкѣ это «лишнее» не чувствуется чистымъ повтореніемъ отрицанія не передъ синтаксически «высшими» глаголами *могу* и *vysledím*. Оно чувствуется такимъ же повтореніемъ,*) какое мы видимъ вообще въ славянскихъ языкахъ въ выраженіяхъ: я не могу ничего дѣлать**) вмѣсто «я не могу дѣлать что бы то ни было», или вмѣсто того *»ich kann nichts machen*», какое встрѣчается въ нѣмецкомъ языкѣ.***)

Перейдемъ къ «утвердительнымъ» частицамъ. Въ общемъ, языку, казалось бы (смотри выше стр. 472.), не нужно никакихъ другихъ утвердительныхъ частицъ, кромѣ *vai-vaixi*. Тѣмъ не менѣе, онъ выработалъ ихъ нѣсколько для

тоу *μή ἀρέσκειν* τοῦ, указывающее не на реальныя индивидуумы, очевидно, повліяло на то, что и въ *μηδενίαν* говорящій не отрицаетъ нѣчто прямо отъ себя.

*) Kvěčala (Beiträge zur Erklärung und Kritik des Sophocles IV, — Sitzungsberichte der Wiener Akademie, philos.-histor. Classe: 1869, Band I, Heft 1., стр. 70) толкуетъ эти явленія иначе. По его толкованію, выраженіе *οὐ κολύω σε μή οὐκ ἀπέναι* слѣдуетъ разложить на два предложенія, причемъ второе, сведенное въ данномъ выраженіи къ обороту *μή οὐκ ἀπέναι*, есть то же *μή οὐκ ἀπέναι*, о которомъ мы разсуждали на стр. 144. Такимъ образомъ, вся фраза выражаетъ: насчетъ опасенія (*μή*), что ты не уйдешь (*οὐκ ἀπέναι*), я тебѣ не мѣшаю (*οὐ σε κολύω*). Изъ всего этого получается смыслъ: я тебѣ не мѣшаю не уходить. Возражая Квичалѣ, мы спрашиваемъ: къ кому относится опасеніе? Къ говорящему? = насчетъ моего опасенія? Тогда это толкованіе теряетъ всякій смыслъ. А можетъ быть его слѣдуетъ отнести къ собесѣднику? Тогда теряетъ смыслъ сопоставленіе оборота *μή οὐκ ἀπέναι* съ предложеніемъ *μή οὐκ ἀπέναι*. Ибо въ *μή οὐκ ἀπέναι* опасеніе относится только къ говорящему, хотя само предъвареніе, выраженное въ немъ, обращено къ собесѣднику, почему и поставлено *μή*.

**) Это славянское повтореніе отрицанія, касающееся тѣхъ случаевъ, когда простое не осложняется въ рѣчи въ какое нибудь *никто* или *никогда* (т. е. отражается на появленіи отрицательныхъ мѣстоименій и «нарѣчій»), замѣчается, какъ извѣстно, и въ греческомъ языкѣ, хотя тамъ оно проведено, сравнительно, не съ такою послѣдовательностью.

***) Нельзя сказать, чтобы «повтореніе» отрицанія въ разясняемыхъ нами примѣрахъ на *»μή οὐ«* въ греческомъ языкѣ стояло особнякомъ, не говоря уже о случаяхъ, отмѣченныхъ въ предыдущей подстрочной замѣткѣ. Сравни Od. γ 27: *οὐ γάρ οἱω οὐδὲ θεῶν ἀέκητι γένεσθαι*.

всевозможныхъ отгѣнковъ. Кромѣ *vai-vaixi* мы видимъ ихъ еще пять: *γε*, *δή*, *θην*, *μήν* и *περ*. Насчитываютъ ихъ больше, какъ и вообще «частицъ» насчитываютъ очень много, но намъ нетрудно доказать, что весь тотъ плюсъ, который вносится обыкновенно въ число «частицъ», относится къ «нарѣчіямъ», т. е. къ окаменѣлымъ падежамъ именъ, по преимуществу именъ формальныхъ, и что кромѣ «утвердительныхъ» пяти частицъ остается весьма небольшое число настоящихъ частицъ, составляющихъ особую категорію рядомъ съ «утвердительными». Разберемъ все то, что обыкновенно относятъ къ «частицамъ».

Ἀλλά. Это, несомнѣнно, — окаменѣлый падежъ множественнаго числа отъ слова *ἄλλος*, обозначающій, что рѣчь и мысль «простирается» (*ἄλλά* есть вещный падежъ «простираемый»; см. стр. 371) не на то, чего она касалась до сихъ поръ, а на другія (множественное число!) вещи. Мы относимъ *ἄλλά* къ «нарѣчіямъ» и считаемъ его «окаменѣлымъ» падежемъ не потому, что оно чувствуется въ «зависимости» не отъ одного слова, а вообще (читатель, надѣмся, съ нами согласится) — отъ «синтаксического сказуемаго» (въ такой «зависимости» мы находили и «живые», не-«окаменѣлые» падежи; сравни выше стр. 367), но по другой причинѣ, о которой — рѣчь впереди. Смыслъ слова *ἄλλά* можно передать фразой: «простираясь на другое» = «обратимся къ другому». Обыкновенно этимъ «другимъ» бываетъ нѣчто положительное, противопоставляемое прежнему отрицательному (*οὐ σιγήσω, ἀλλ' ἐρώ*), или наоборотъ (*ἐρώ, ἀλλ' οὐ σιγήσω*; въ этомъ случаѣ, впрочемъ, чаще говорятъ *ἐρώ καὶ οὐ σιγήσω*). Къ этому «противопоставленію отрицательнаго положительному» слово *ἄλλά* до того привыкло, что часто присоединяетъ отрицаніе къ себѣ, составляя съ нимъ, какъ бы, одно слово; извѣстенъ оборотъ *οὐ μὴν ἀλλά*, обозначающій: «впрочемъ, нѣтъ; оставимъ это и перейдемъ къ другому». Однако, часто бываетъ и такъ, что при посредствѣ слова *ἄλλά* одна положительная мысль противопоставляется другой, также положительной, — въ смыслѣ ли возраженія (это — то такъ: но только я долженъ

вотъ что сказать), или въ смыслѣ указанія на что-нибудь, представляющееся болѣе *главнымъ* и болѣе *интереснымъ*, чѣмъ предыдущее* (*ὥς τριέτες μὲν . . . ἔπειθεν Ἀχαιοῦς, ἀλλ' ὅτε τέταρτον ἦλθεν ἔτος* — Od. β 107). Кроме того, *ἀλλά* часто употребляется, если говорящій желаетъ *прекратить* всякій разговоръ какимъ-нибудь *рѣшительнымъ* заявленіемъ: *ἀλλὰ φημί* = «ну хорошо, хорошо; оставимъ этотъ разговоръ; я согласенъ» (переходъ слова *ἀλλά* отъ предыдущаго значенія къ настоящему *психологически* — вполне понятенъ). Во фразѣ — *οὐ δὲ δὴ μοι ἀλλὰ τοῦτο εἶπέ* слово *ἀλλά* опирается на *подразумываемое* «противопоставленіе»: если не все, однако (хоть) это скажи! Словомъ *ἀλλά* часто даемъ знать, что *оставляемъ* и *прекращаемъ* раздумье и *рѣшаемся* на что-нибудь *положительное*: *ἀλλ' ὦφελε Κύρος ζῆν* = «эхъ, что тутъ толковать! — жить было Киру, и все!». Согласно этому, *ἀλλά* употребляется, когда мысль появляется *вдругъ*, какъ бы, — *со стороны*, *врываясь* при этомъ въ *другое* теченіе мыслей: *ἀλλὰ τί τοῦτο εἶπον* = однако, что же это я сказалъ?

Объ *ἄν-хен* мы особенно распространяться не намѣрены. *Ἄν-хен* является «нарѣчіемъ» (= *окаменѣлымъ* падежемъ *мѣстоименной* темы), и сообщеннаго о немъ на стр. 131 — вполне достаточно. Замѣчательно, что *ἄν-хен* относится, кажется, *исключительно* только къ глагольнымъ именамъ, къ глагольнымъ признаковымъ и глаголамъ. Это значитъ, что оно, обозначая «возможность сужденія», поскольку послѣднее выражено въ самомъ *глаголѣ* (ср. стр. 131), въ сущности указываетъ на возможность *осуществленія* дѣйствія, какъ мы о томъ упоминали при глагольныхъ именахъ и при глагольныхъ признаковыхъ на стр. 402 и 404. Другими словами, оно почему-то (*почему*, — на это отвѣтить я затрудняюсь) выработалось какъ «нарѣчіе», имѣющее отношеніе *исключительно* только къ «дѣйствию», какъ къ своему синтаксическому сказуемому, — къ тому дѣйствию,

* Упомянувъ о «возраженіи» и объ «указаніи на нѣчто болѣе интересное», мы имѣемъ въ виду, между прочимъ, выдвинуть слово *ἀλλά* въ отличіе отъ слова *δέ*, о которомъ рѣчь впереди.

которое представлено въ языкѣ съ своими видовыми и залогами отбѣнками. Ибо и въ *глаголѣ* оно, въ сущности, относится къ одному лишь *а* нашей риматической схемы (сопоставъ стр. 180, подстрочное примѣчаніе).

Нечего распространяться и объ *ἄρα*, достаточно выясненномъ въ смыслѣ «нарѣчія» на стр. 455–6.

Ἄτε есть несомнѣнное «нарѣчіе», образованное отъ формальнаго имени *ὅς* и присоединившее къ себѣ то же *τε*, которое у Омира столь часто присоединяется къ самому *ὅς* (смотри выше стр. 469). *Ἄτε* представляетъ собою такой же вещный падежъ (вещный «простираемый») *множественнаго* числа, какой мы въ *единственномъ* числѣ находимъ въ *другомъ* «нарѣчій», — въ нарѣчій *ὅτι*, образованномъ отъ *ὅστις*, а то и — въ простомъ *ὅ*, образованномъ отъ того же *ὅς* (Od. γ 146: *νῆπιος, οὐδὲ τὸ ἦδ' ὅ, ὃ οὐ πείσεται ἔμελλεν* = не зналъ того, что она не думала угождать ему). Единственное число *ὅτι-ὅ* (сравни русское *что*) является «нарѣчіемъ» *относительнымъ* (см. выше стр. 443–4), опирающимся на *соотносительное* слово. *Οἶδα, ὅτι ἡ ἀρετὴ ἀγαθὸν ἐστὶ* значитъ: у меня есть убѣжденіе *по известному вопросу; по смыслу его* я объявляю добродѣтель за благо.*) За такое же относительное «нарѣчіе», опирающееся на *соотносительное* слово, нужно признать и *ἄτε*. Что касается значенія слова *ἄτε*, то оно ближе всего подходитъ къ «нарѣчію» *ὥς*, образованному также отъ *ὅς*.**)

*) Я не могъ подыскать болѣе подходящихъ выраженій для передачи той «соотносительности», на которой нужно *настаивать* при объясненіи слова *ὅτι*, кроме предложенныхъ мною «по известному вопросу» и «по смыслу его». Она въ нихъ, конечно, показана только *внутренно* (слова *известному* и *его* въ этихъ выраженіяхъ опираются другъ на друга), а не *внѣшне*. Если бы мы ее хотѣли выразить и *внѣшне*, то только и оставалось бы сказать «у меня есть свѣдѣнія *относительно* того, что добродѣтель — благо», т. е. пришлось бы употребить выраженіе, въ которомъ, по крайней мѣрѣ во второй его половинѣ именно въ самомъ словѣ *что*, «простираемый» отбѣнокъ слова *ὅτι*, какъ падежа, не былъ бы такъ нагляденъ.

**) Смотри Lex. Hom. sub voce *ὥς*.

ὥς (ἄτε ἀλέκτωρ = какъ пѣтухъ = точно пѣтухъ = «въ такомъ смыслѣ, въ какомъ» пѣтухъ), но въ послѣдствіи, какъ извѣстно, въ силу экономіи языка утвердилось въ болѣе спеціальному значеніи «объективно — причиннаго» слова (Herod. 5. 83: ἄτε δὲ ἐόντες διάφοροι ἐδῆλέοντο αὐτούς = такъ какъ они были враждебны къ нимъ, то ихъ истребляли; прямѣе соотвѣтствовала бы фраза: поелику они были враждебны къ нимъ, потолку истребляли ихъ), въ то время какъ слово ὥς оставалось при своемъ «общемъ» значеніи и, принимая на себя въ силу этого «общаго» значенія, между прочимъ и роль «причиннаго» слова, сдѣлалось въ противоположность слову ἄτε «субъективно-причиннымъ» (οὐκ ἐποίησαν τοῦτο ὥς χαλεπὸν ὄν = не сдѣлали этого, такъ какъ де это было трудно).

Аѵ, αὐτε, αὐθις (αὐτις), ἐξαῦτις, εἰσαῦθις, αὐτάρ (ἀτάρ). Объ этимологіи и о «значеніи» слова αὐ мы упоминали на стр. 450—1. Примыкая этимологически къ мѣстоименной темѣ, оно является несомнѣннымъ «нарѣчіемъ». Указывая своимъ «значеніемъ» на то, что отъ предмета не слѣдуетъ удаляться, а слѣдуетъ при немъ оставаться, или къ нему, если мы отъ него удалились, вернуться, оно въ самомъ обозначеніи «предмета», — состоитъ ли это обозначеніе изъ одного, или нѣсколькихъ словъ, — находитъ себѣ то «синтаксическое сказуемое», съ которымъ связано появленіе въ рѣчи *всѣхъ* «нарѣчій» (а также частицъ *), до сихъ поръ нами разобранныхъ. Слова αὐτε, αὐθις (αὐτις), ἐξαῦτις, εἰσαῦθις и αὐτάρ (ἀτάρ) представляютъ собою лишь этимологически расширенное, а симасіологически видоизмѣненное (эту видоизмѣненность, впрочемъ, иногда довольно трудно опредѣлить) αὐ.

Что касается слова αὐτε, то мы не знаемъ, искать ли въ немъ то *те*, которое, какъ уже на то не разъ указы-

*) Это нужно понимать cum grano salis. Какъ мы видѣли на отрицаніяхъ, — а тоже самое можетъ случиться и съ другою «частицею», равно какъ и съ «нарѣчіемъ», — часто можетъ сама «частица» и само «нарѣчіе» обратиться въ синтаксическое сказуемое, а тогда его синтаксическое сказуемое дѣлается синтаксическимъ подлежащимъ по отношенію къ нему.

валось, присоединяется къ «относительнымъ» словамъ (какъ къ именамъ, — сравни ὅς *те*, — такъ и къ «нарѣчіямъ», сравни ἄτε), или же мы должны усматривать въ немъ *те*, появляющееся въ «нарѣчіяхъ» ὅτε (ὅτε образовано несомнѣнно отъ «относительнаго» формальнаго имени ὅς), τότε, ποτε, и т. д. Мы даже не знаемъ, въ какомъ отношеніи находится первое *те*, имѣющее значеніе русскаго «и» (о немъ рѣчь впереди), къ этому второму *те* *). Во всякомъ случаѣ, то «водоизмѣненіе» значенія, которое αὐте получило черезъ присоединеніе къ себѣ *те*, не поддается опредѣленію.

*) Этимологи видятъ въ обоихъ *те* нѣчто одно (Curtius Grundz. 487; Дельбрюкъ, впрочемъ, въ своемъ Grundr., умалчиваетъ о *те*, появляющемся въ ὅτε, а говоритъ только о *те*, появляющемся въ ὅς *те*, ὅστε, ἐφ' ὅτε, уравнивая его, по значенію, съ нѣмецкимъ und). Симасіологи въ этомъ отношеніи идутъ за этимологами (смотри Christ, der Gebrauch der griechischen Partikel *τε* mit besonderer Bezugnahme auf Homer, Sitzungsberichte der philol. hist. Classe der Münchener Akademie 1880 стр. 25 и сл., и Kvičala, über die Partikeln *δέ* und *τε*, Zeitschrift für die österr. Gymnasien 1864. стр. 313 сл. и 393 сл.). Такъ, Квичала говоритъ (стр. 394): Die ursprüngliche Bedeutung des *τε* (ка) war also die indefinite, und zwar je nach Umständen die locale «irgendwo», oder temporale «irgendwann», oder modale «irgendwie». Je nach Umständen sagen wir, denn die specielle Färbung des *τε* richtete sich nach dem Worte, mit welchem es in Verbindung trat: z. B. *τίς τε* local (wer da), τότε, ὅτε, *ἐπειτε* temporal, ὅστε modal (не есть ли само ὥς modal?). Въ томъ же духѣ разсуждаетъ и Христъ, только что онъ выводитъ всѣ отгѣнки этого одного *τε* не изъ «indefinitнаго», какъ Квичала, а изъ «двучленного», что ли, значенія (korrelative Bedeutung), — того двучленного значенія, которое мы видимъ въ русскомъ «то скажетъ одно, то — другое». Видно, опредѣлять симасіологическій центръ такихъ «частицъ» можно различно, не смотря на то, что оба автора держатся положенія, въ силу котораго den genügendsten Aufschluss über die ursprüngliche Geltung der Partikel *τε* und somit die einzige sichere Grundlage für eine wissenschaftliche Darstellung der Gebrauchsweisen derselben die Etymologie bietet (Квичала стр. 394), или, какъ говоритъ Христъ (стр. 27), der Gebrauch der Partikel *τε* mit schwer entwirrbaren (то то и есть!) Fragen der Etymologie zusammenhängt. Мы намѣрены ниже выводить всѣ отгѣнки слова *τε* изъ утвердительнонаго значенія и будемъ, кажется, тоже правы, но только, — предупреждаемъ, — не собираемся разсуждать о *всѣхъ те*, а исключимъ изъ нашего разсужденія непременно ὅте, τότε, ἄλλοτε и т. д. Мы не можемъ отрѣшиться отъ мысли, что какое нибудь ποτε есть одно слово (*те* въ немъ представляетъ падежное окончаніе), тогда какъ въ ὅсте, ἐπειτε. ὅсте и др. мы ихъ должны усматривать два, а одно изъ нихъ есть само *те*. Что касается, въ частности, слова αὐте, то оно свободно можетъ быть объяснено и какъ compositum изъ двухъ словъ (αὐ + «утвердительное» *τε*; сравни русское *опять* — *таки*) и какъ падежная форма. Въ этомъ смыслѣ и οὐρανός было «падежемъ» (ср. стр. 246), и если οὐρανός, какъ «падежъ», могло отвѣчать на вопросъ *гдѣ*,

Αὐτάρ — *ἀτάρ* представляет собою compositum из *αὐτε* и объясненного на стр. 455–6. *ἀρα**). Если *αὐτάρ*–*ἀτάρ* приставляется обыкновенно к синтаксическим сказуемым, составляющим противоположность чемунибудь, или, выражаясь иначе, — если само *αὐτάρ*–*ἀτάρ* указывает на эту противоположность, то это вовсе не противорѣчитъ основному значенію того *αὐ*, изъ котораго вышло наше *αὐτάρ*–*ἀτάρ*. И простое *αὐ* пригодно было и употребляется для обозначенія такой противоположности. Сравни Хеп. Anab. I. 10. 10: *ὥς δὲ εἶδον οἱ Ἕλληνες ἐγγὺς τε ὄντας καὶ παρατεταγμένους, αὐθις παιανίσαντες ἐπῆσαν πολὺ προθυμότερον ἢ τὸ πρόσθεν οἱ δ' αὖ βάρβαροι οὐκ ἐδέχοντο, ἀλλ' ἐκ πλείονος ἢ τὸ πρόσθεν ἔφευγον* = а варвары тутъ же (= а варвары при этомъ; въ русскомъ разговорномъ языкѣ часто слышится: а варвары опять; по чешски: а *orēt* *barbaři*, въ смыслъ простаго «варвары же») пуще прежняго бѣжали. Какая, въ сущности, разница между этимъ *αὐ* и между *αὐτάρ*, встрѣчающимся въ II. α 133? Мѣсто II. α 133 гласитъ: *ἢ ἐθέλεις, ὄφρ' αὐτὸς ἔχῃς γέρας, αὐτάρ ἐμ' αὐτῶς ἦσθαι δευόμενον* = или ты требуешь себѣ самому почета, (а) я чтобы тутъ же, въ связи съ этимъ (сравни русское разговорное «опять же я чтобы») сидѣлъ такъ только, безъ почета? Извѣстно, что этимологически укороченное *αὐτάρ*, именно *ἀτάρ*, развило способность,

то и *ἀλλοτε*, а съ нимъ и *αὐτε*, могло, какъ «падежъ», отвѣчать на вопросъ *когда* (обыкновенное *опять, вспять*, которое заключается одинаково и въ *αὐ* и въ *αὐτε*, могло быть выведено въ *αὐτε* изъ временнаго значенія = назадъ по отношенію къ времени = опять въ это время). Если языкъ находилъ нужнымъ выделить въ *οὐρανόθι* мѣстно-просторовую функцію какъ нѣчто особое, то онъ могъ сдѣлать то же самое и съ временно-просторовою функціею: *die Untersuchung über die einstigen Casus des Indogermanischen* (т. е. сколько ихъ на дѣлѣ было) ist noch nicht abgeschlossen, — говоритъ Делбрюкъ Synt. Forsch. IV. 62 (сравни стр. 216).

*) Относительно *αὐτάρ* это — принятая этимологія. Что же касается *ἀτάρ*, то его Бругманъ (Grundriss II. 177) уравниваетъ съ тѣмъ *ἀτερ*, которое, какъ на то указано на стр. 317, въ свою очередь приводить въ связь съ *ἀνεν*. Мы, руководясь непосредственнымъ чутвемъ значенія слова *ἀτάρ*, сходнаго съ значеніемъ самого *αὐτάρ*, не думали бы, что этимологически слѣдуетъ отрывать одно отъ другого. Что въ *ἀτάρ* звукъ *υ* (= *F*) безслѣдно пропадаетъ, противъ этого этимологи не могутъ имѣть ничего особеннаго.

наравнѣ съ *ἀλλά** (см. стр. 490.), предупреждать собою какіянибудь новыя мысли, появляющіяся вдругъ, тутъ же (слово «тутъ же» я и избралъ для объясненія появленія такого *ἀτάρ*). Сравни Хеп. Anab. IV. 6. 14.: *μένοντες γὰρ αὐτοῦ μᾶλλον ἄθροοι οἱ πολέμοι ἀτάρ τί ἐγὼ περὶ κλοπῆς συμβάλλομαι*.

И слово *αὐθις* (*αὐτις*) представляется мнѣ какимъ то (неизвѣстно какимъ **) «окаменѣлымъ» падежемъ отъ той же мѣстоименной темы, отъ которой произошло *αὐτός*. Такимъ образомъ, *ἐξαυτις* и *εἰσαυτις* были бы какими то «сложными нарѣчіями», такъ какъ они являлись бы полными предлогосмысли оборотами (предлогъ *plus* «падежъ»). Такимъ же «сложнымъ нарѣчіемъ» оказывается и русское *опять-вспять*, состоящее несомнѣнно изъ предлога (о — воз) и формы, этимологически связанной съ словомъ *пята*. *Εξαυτις* и *εἰσαυτις*, впрочемъ, употребляются не такъ часто, причѣмъ различіе ихъ значенія можно усмотрѣть изъ слѣдующихъ мѣстъ: *ἀλλ' ἴθι νῦν προκαλέσσαι ἀρηίφιλον Μενέλαον ἐξαυτις* (= снова — еще разъ) *μαχέσασθαι ἐναντίον* (II. γ 432); *πολλὰ δ' ἀπεθέμην ἀσπάσματα εἰσαυτις* (— наново — опять когданибудь), *ὥς ἦξουσα ἐς Ἄργος αὖ πάλιν* (Eur. Iph. T. 377).

О словахъ *εἴτα* и *ἔπειτα* нечего распространяться послѣ разъясненій на стр. 468–9. Укажемъ лишь на одно, Если *εἴτα* и *ἔπειτα* признаются за «нарѣчія» соотносительныя къ отнесеннымъ «нарѣчіямъ» *εἰ* и *ἐπεὶ* (въ какомъ случаѣ, — въ такомъ случаѣ), — если они указываютъ на причинную связь т. е. на причинную послѣдовательность (они могутъ указывать и на временную послѣдовательность, и на

*) Это — то употребленіе слова *ἀτάρ*, вѣроятно, и дало поводъ этимологамъ уравнивать *ἀτάρ* съ *ἀτερ*. Какъ *ἀτερ* отдѣляется одно отъ другого, такъ и въ *ἀτάρ*, предупреждающемъ вдругъ появляющуюся мысль, видятъ указаніе на отдѣленіе отъ стараго чего то новаго, съ прежнимъ ничѣмъ не связаннаго.

**) Не есть ли *θις* въ словѣ *αὐθις* нѣчто тождественное съ окончаніемъ словъ *οὐρανόθι*, и не слѣдуетъ ли *αὐθις* понимать первоначально въ «мѣстно-просторовомъ» значеніи? (тогда бы оно указывало «первоначально» на удаленіе отъ мѣста — на возвращеніе къ мѣсту).

последовательность въ простомъ *перечисленіи*; такъ и русское *затѣмъ* = *επειτα* имѣетъ значеніе простаго *вторыхъ* или *третьихъ* и т. д.), то естественнымъ является и такое ихъ употребленіе, какъ *καὶ οἱ κάκιστοι τῶνδ' ἀκούσαντες . . . προύθεντο τὴν τυραννίδα*; (Soph. Oed. C. 418). = и несмотря на это, они могли предложить? = и *послѣ этого* они могли предложить? Вообще выраженіе причинной «последовательности» можетъ сдѣлаться выраженіемъ причинной «непоследовательности» (сравни объ этомъ стр. 231—2.).

Ἐμπης — *ἐμπας* — *ἐμπαν* — *ἐμπα*. Принадлежность этого слова къ «сложнымъ нарѣчіямъ» (и здѣсь замѣчается предлогъ, какъ замѣчался въ словахъ *ἐξαυτίς* и *εἰσαυτίς*) — совершенно ясна. По составу своему оно соотвѣтствуетъ русскому «во всякомъ случаѣ». Оно появляется въ рѣчи либо по поводу одной какой нибудь мысли, когда я хочу обозначить, что *всегда* буду на ней настаивать, несмотря на какія бы то ни было «возраженія» (сравни фразу: онъ, во всякомъ случаѣ, — *добрый* человекъ), либо по поводу *двухъ* мыслей, изъ коихъ одна *заключаетъ* въ себѣ то «возраженіе», которое раньше только *подразумывалось*. Въ послѣднемъ случаѣ наше «нарѣчіе» ставится либо при «возраженіи» и вообще при выраженіи той мысли, которая противорѣчитъ главному «утвержденію», либо непосредственно передъ «утвержденіемъ». Сравни примѣры: *Τῷ δ' ἄρ' ἀνείξαντ' Ὀδυσσεὺς καὶ φαίδιμος υἱὸς ἐσφόρεον κόρυθας . . . πάροιθε δὲ Παλλὰς Ἀθήνη, χρύσειον λύχρον ἔχουσα, φάος περικαλλὲς ἐποίει· δὴ τότε Τηλέμαχος προσεφώνεεν ὃν πατέρα αἶψα ὧ πάτερ, ἦ μέγα θαῦμα τόδ' ὀφθαλμοῖσιν ὁρᾶμαι· ἔμπης μοι (= какъ себѣ хотите, а мнѣ*) τοῖχον μεγάρων καλαί τε μεσόδμαι εἰλάτιναι τε δοκοὶ καὶ κίονες ὑψόσ' ἔχοντες φαίνοντ' ὀφθαλμοῖς ὥσεί πυρὸς αἰθομένοιο*

*) Такъ я объясняю здѣсь слово *ἐμπας*. Я знаю, что его здѣсь толкуютъ въ смыслѣ русскаго «во всѣхъ отношеніяхъ» (*ganz und gar*), но при такомъ толкованіи слово *ἐμπας* не представляется въ достаточной степени синтаксическимъ *единицей*: значенія «во всѣхъ отношеніяхъ» и «во всякомъ случаѣ» (безъ послѣднего значенія нельзя обойтись въ некоторыхъ случаяхъ употребленія слова *ἐμπας*) трудно соединить другъ съ другомъ.

ἦ μάλα τις θεὸς ἔνδον, οἱ οὐρανὸν εὐρὺν ἔχουσιν (Od. τ 37). — *Τῷ οὐ νεμεσίζωμ' Ἀχαιοὺς ἀσχαλάαν παρὰ νηυσὶ κορωνίσιν ἀλλὰ καὶ ἔμπης* (= но и при этомъ, какъ себѣ хочешь) *αἰσχρόν τοι δηρὸν τε μένειν κενεὸν τε νέεσθαι* (Π. β 297). — *Νέστορα δ' οὐκ ἔλαθεν λαχὴ πίνοντά περ ἔμπης* (Π. § 1.; здѣсь *ἔμπης* поставлено при мысли, *противорѣчащей* «утвержденію»).

«Ὅμως. Устанавливать значеніе этого несомнѣннаго «нарѣчія» не приходится. Нужно его только надлежаще связать съ значеніемъ того *ὅμός* (= равный, одинаковый, общій; сравни *ὁμῇ πεπωμένον αἶσθ*, *ὁμὰ φρονεῖν*, *ὁμὸν λέχος*), удалительнымъ падежемъ котораго оно является. Появляясь въ рѣчи въ тѣхъ случаяхъ, когда одна мысль противорѣчитъ другой, слово *ὅμως* указываетъ, что извѣстная мысль имѣетъ свою силу *все равно* = *все одинаково* (вотъ на какомъ русскомъ оборотѣ можно выяснитъ связь слова *ὅμός* съ «нарѣчіемъ» *ὅμως*), какъ если бы этого противорѣчія не было. Какъ *ἔμπης*, такъ и *ὅμως* ставится и при мысли, которая *противорѣчитъ* главной, и непосредственно передъ *своимъ* «синтаксическимъ сказуемымъ». Сравни: *μέγας δὲ πλευρὰ βοῦς ὑπὸ σμικρᾷς ὅμως μάστιγος* (= для большаго быка *все равно* и *малой* плети достаточно) *ὄρθος εἰς ὁδὸν πορεύεται* (Soph. Ai. 1253) и *κλῦθι μου, νοσῶν ὅμως* (Soph. Trach. 1115; здѣсь *ὅμως* приставлено къ *противорѣчащей* мысли). Что рядомъ съ *ὅμως* употребляется въ одинаковомъ значеніи и *ὁμοίως*, это — извѣстно (Hesod. 7. 121: *οἱ μὲν δὴ πιεζόμενοι ὁμοίως τὸ ἐπιτασσόμενον ἐπετέλεον*).

Съ *ὅμός*, какъ извѣстно, этимологически связываютъ *ἅμα*. Такимъ образомъ и *ἅμα* обозначало бы «одинаково» — «обще» — «совмѣстно» — «одновременно». Такъ оно и оправдывается во всѣхъ случаяхъ своего появленія. Сравни: *ἄνους τε καὶ ἀγαθὸς ἅμα* (= безумный и добрый *въ то же время*; соединяются черезъ *ἅμα** два признака,

* *, Что *ἅμα*, обозначающее *общность*, *совмѣстность*, *одновременность*, могло соединять и двѣ *противорѣчащія* другъ другу мысли, — понятно изъ всего, что сказано нами выше о *ὅμως*. Да и должно ли для этого *ἅμα*?

противорѣчающіе другъ другу); *λυπείται τε ἅμα καὶ χαίρει* (и печалится въ одно и то же время,* и радуется); *φεύγοντες ἅμα ἐτίτροσκον* (= отступая, они въ то же время наносили раны); *ἅμα ἀποθνήσκοντος τοῦ ἀνθρώπου διασκέδαννται ἡ ψυχὴ* (= въ одно и то же время, когда умираетъ человѣкъ, душа...); *ἅμα μὲν τοῦτο, ἅμα δὲ ἐκεῖνο* (= одинаково и это, одинаково и то = отчасти это, отчасти то) и т. д. Какъ извѣстно, *ἅμα* употребляется и съ падежемъ, — падежемъ (за таковой мы его должны признать въ концѣ концовъ)**) *личнымъ*, т. е. съ такимъ же, съ какимъ появляется и *οὖν*: *ἅμ' ἢ οἱ φαινόμενῃ* = одинаково = одновременно съ зарею. Причислить ли его изъ-за этого къ предлогамъ (ср. стр. 317)? Нѣтъ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно появляется безъ падежа, въ немъ нѣтъ ни тѣни того «подразумѣванія падежей», которое мы замѣтили въ *дѣйствительныхъ* предлогахъ, когда они «употребляются самостоятельно» (сравни примѣры на стр. 318—20), точно также какъ *ἅμα* не проявляетъ той способности къ «композиціямъ», на которую въ *предлогахъ* указывалось нами на стр. 322—340. *Ἄμα* оказывается истымъ «нарѣчіемъ». Если при немъ и появляется симасіологическое падежное дополненіе, то на такое дополненіе — вообще способны «нарѣчія» (объ этомъ — рѣчь впереди). Мы готовы думать, что то *οὖν*, которое, какъ извѣстно, иногда присоединяется къ *ἅμα*, есть не болѣе, не менѣе какъ замѣна *простаго* падежа, съ полнымъ правомъ стоящаго при *ἅμα*, *предлоговымъ оборотомъ*, — тѣмъ предловымъ оборотомъ, который мы видимъ въ *русскомъ* языкѣ («одно-временно съ зарею» вмѣсто «одновременно зарѣ»***).

Всякое «соединительное» слово годится для «соединенія» двухъ *противорѣчающихъ* другъ другу мыслей. Извѣстно омирское *ὁβός ἐλίγη τε φίλη τε* = подарок и малъ, да милъ (= хоть онъ и малъ, а дорогъ).

*) Здѣсь *ἅμα* отнесено, по вопросу о *разстановкѣ* словъ, не къ *присоединенной*, а къ «*присоединяющей*» мысли. Сравни сказанное выше о *постановкѣ* словъ *ὅμως* и *ἐμπῆς*.

**) Сравни выше стр. 364—5.

***) См. выше стр. 355.

Объ *οὖν* нечего распространяться послѣ объясненій на стр. 446.

Τοι. Слово *τοι* оказывается этическимъ личнымъ падежемъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ *μοι* объяснено было на стр. 367. *Именительный* падежъ къ нему есть слово *οὐ*, обозначающее *собесѣдника*. Если при *τοι* собесѣдникъ и не является «*главнымъ* судьей» въ томъ синтаксическомъ сказуемомъ, къ которому «частица» (?) *τοι* приставлена, то онъ *черезъ* *τοι* дѣлается хоть *соучастникомъ* мысли, *выраженной* въ немъ, — соучастникомъ, совершенно *равноправнымъ* (потому и личный падежъ) съ самимъ *авторомъ* мысли. Такъ чувствуется и чешское *to vám byla podívána* — *to ti je krásné* (= вотъ, знаете ли, было зрѣлище! — вотъ, *знаешь ли*, прелесть!). На стр. 367 мы слово *μοι* объясняли какъ *живой* падежъ. *Τοι* приходится признавать за падежную «окаменѣлость» и, слѣдовательно, — за «нарѣчіе» (а вовсе не за «частицу») по слѣдующимъ соображеніямъ: 1. само *τ* во формѣ *τοι* есть «окаменѣлость» (форма *τοι*, какъ форма *живаго* падежа, относится къ *старинному*, *омировскому* языку); 2. *значеніе* слова *τοι* является *тоже* не чѣмъ то *живымъ*, *вполнѣ сознаваемымъ*, а «окаменѣлымъ», такъ какъ *τοι* часто употребляется, когда *авторъ* мысли обращается не къ одному, а къ *нѣсколькимъ**) лицамъ**); 3. слово *τοι* входитъ въ композиціи *καίτοι*, *τοιγαρ*, *τοιγαροῦν*, *μέντοι*, *τοιγάρτοι*, *ἤτοι****), что съ *живымъ* падежемъ не *слы-*

*) Наряду съ *τοι*, конечно, можетъ появиться и *живое* «*ὅμιν*» (*ἀποσβότεροι ὅμιν γενήσονται οἱ νέοι* — Plat. Resp. 546 e; или здѣсь *ὅμιν* слѣдуетъ объяснять иначе?)

**) Да и не есть ли вообще «окаменѣлость» *значенія* и крайнее затрудненіе проникнуть въ значеніе хотя бы этимологически вполнѣ раскрытаго падежа, — не есть ли это одна изъ *главныхъ* причинъ, почему слово атрофируется въ своемъ значеніи «имени» (πομπή) и дѣлается «нарѣчіемъ»? Не это ли была причина, почему мы, и *ὅτι* и *ἀλλὰ* не приняли за *πομπή* и объявили ихъ «нарѣчіями»? Не слѣдуетъ ли по этой же причинѣ объявить и *πότερον-πότερα* за «нарѣчіе» (см. выше стр. 458-9), такъ какъ оно, *предупреждая* о двучленномъ вопросѣ, *едва ли* фигурируетъ въ роли *именительнаго* падежа, а въ роль его, какъ *вещнаго* падежа (очевидно, — «*простира-тельного*»), трудно проникнуть?

***) Изъ этихъ композицій пока для насъ доступны *ἤτοι* и *καίτοι*. Въ *ἤτοι* само *ἤ* является то «утвердительнымъ» (смотри стр. 464-5; Беккеръ

чилось бы (последнее соображение, впрочем, находится въ связи со вторымъ).

По исключении разобранныхъ и оказавшихся «нарѣчіями» λέγων, остаются прежде всего перечисленные на стр. 489. μὴν (ослабляется морфологически въ μὲν*), δὴ (ослабляется морфологически въ δέ**), θην (ослабляется морфологически въθεν [?], какъ видно изъ δὴθεν [?]), γε

писать въ этомъ случаѣ ἡ τοι = право), то двучленнымъ (см. стр. 461; особенно въ позднемъ греческомъ языкѣ употребляется постоянно ἡτοι - ἡτοι вмѣсто простаго ἡ - ἡ). Конечно, во всякомъ объявленіи, обращенномъ къ слушателю, мы его дѣлаемъ соучастникомъ нашей мысли, а потому мало ли гдѣ можетъ появляться τοι; но особенно умѣстнымъ оно оказывается въ ἡτοι, при «утвердительномъ» значеніи частицы ἡ (особо распространяется объ этомъ послѣ объясненій на стр. 464-5 нечего), и при καίτοι. Καίτοι (= и вотъ тебѣ), какъ извѣстно, появляется при мысли, находящейся въ противорѣчій съ прежнею (= однако), или заключающей въ себѣ главную суть всего, высказываемаго въ томъ болѣе широкомъ контекстѣ, который вызвалъ слово καίτοι (каіτοι — а суть то въ томъ, что...). Нѣтъ сомнѣнія, что въ обоихъ случаяхъ имѣется особенное основаніе привлечь слушателя къ участию въ моей мысли, что и достигается черезъ τοι.

*) См. Ebeling Lex. Nom. sub voce μὲν.

**) Объ этимологической связи словъ δέ и δὴ наши этимологи не такъ распространяются, какъ о связи словъ μὲν и μὴν. δὴ связываютъ съ ἡδὴ, но относительно этимологическаго корня слова δὴ существуетъ большое разногласіе: одни видятъ въ немъ тотъ же корень, какъ въ словѣ dies, другіе сопоставляютъ его съ латинскимъ jam (см. Ebeling Lex. Nom. sub voce δὴ). Что же касается слова δέ, то обыкновенно о немъ умалчиваютъ, или приводятъ его въ невозможную связь съ греческими δέξ и δέοναι (Hartung Partik. I. 161 и Baumlein Partik. 88). Baumlein даже находитъ нужнымъ возразить Klotz'у, Rost'у и Krüger'у, которые, руководясь непосредственнымъ чувствомъ, принимаютъ δέ, какъ, по нашему, и слѣдуетъ его принимать, за ослабленное δὴ. Возражаетъ онъ тѣмъ, что δέ niemals in dem ersten Satze steht, und sich immer auf etwas Vorangegangenes bezieht. Вообще, этимологизировать какъ δέ, такъ равно и δὴ — чрезвычайно трудно, и всякій примѣняетъ не значеніе этихъ словъ къ ихъ этимологіи, а этимологію къ ихъ значенію, насколько последнее имъ «чувствуется». Обращаемъ вниманіе на диссертацию Rob. Linke (de particulae δέ significatione affirmativa apud Sophoclem, Halis Saxonum 1873), въ которой онъ указываетъ на такіе примѣры какъ εἰ δέ κ' μὴ δώσω, ἐγὼ δέ κεν αὐτὸς ἔλωμαι (II. α 137), или καλὸ δ' ἀργούς τις αἰ τε παρθένους αἰ δέ ὀρέσας πάντα τὰν βροτοῖς πάθῃ (Soph. Ai. 835), въ которыхъ δέ можетъ имѣть только «утвердительное» значеніе. Это то «утвердительное» значеніе слова δέ, по нашему, и есть основное. Имъ то оно прежде всего и связано съ δὴ, которое также — «утвердительное». Мы имѣемъ нѣкоторое право утверждать такъ потому, что рассматриваемъ всѣ «частицы» въ системѣ, а въ этой системѣ другому значенію ни для слова δὴ, ни для слова δέ — нѣтъ мѣста. Считая δέ за ослабленное δὴ, мы также руководимся аналогією словъ μὴν и μὲν. По нашему, μὴν: μὲν = δὴ: δέ.

и περ. Чтобы и ихъ, или по крайней мѣрѣ часть ихъ, принимать за «нарѣчія», на это не даетъ намъ права никакое этимологическое соображеніе. Съ большею, сравнительно, увѣренностью этимологизируютъ слово περ, связывая его то съ словомъ περὶ, то съ словомъ πέρας,*) но съ этими этимологіями мы никакъ не можемъ согласиться въ виду того значенія, которое мы усматриваемъ въ περ, и которое со значеніемъ словъ πέρας и περὶ не имѣетъ ничего общаго.

Всѣ эти «частицы» нами уже на стр. 489. названы утвердительными. Онѣ выражаютъ разные оттѣнки общеправительнаго καί, которое, кстати сказать (сопоставь стр. 472), встрѣчается не только «самостоятельно», но и въ связной рѣчи, относясь, конечно, какъ всѣ «частицы», къ синтаксическому сказуемому (καὶ δὴ ταῦτα γε πάντα κατὰ μοῖραν ἔειπες — Od. v 37). Разбирать ихъ значеніе по всевозможнымъ случаямъ ихъ появленія въ рѣчи мы не намѣрены, да это — едва ли возможно. Мы опредѣлимъ это значеніе согласно непосредственному чувству, выработанному долготѣннымъ опытомъ. Оно представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ:

1. Черезъ μὴν и ослабленное μὲν говорящій даетъ знать, что онъ допускаетъ или принимаетъ ту часть мысли, къ которой эти частицы приставлены, какъ нѣчто такое, съ чѣмъ онъ намѣренъ считаться. Καὶ μὴν τετελεσμένον ἔσται значить: и я допускаю, что это будетъ исполнено.

2. δὴ и ослабленное δέ выставляетъ свое синтаксическое сказуемое какъ нѣчто рѣшенное безповоротно. Осязательнѣе дѣлается значеніе частицы δὴ въ словѣ ἡδὴ, состоящемъ, очевидно, изъ «утвердительнаго» ἡ (смотри выше стр. 464-5) и δὴ**). ἡδὴ является преимущественно временнымъ (= уже), указывая на нѣчто какъ на законченное, готовое (даже при императивахъ: ἡδὴ σὺ μαρτύρησον = ты ужь не откладывай, смотри, чтобы τὸ μαρτυρεῖν наконецъ было осуществлено), простое же δὴ обозначаетъ больше

*) Смотри Ebeling Lex. Nom. sub voce περ.

**) Смотри Prellwitz Wörterb. sub voce δὴ.

законченность «квалитативную»,*) которая и будетъ понятна, если выйти отъ «законченности» во времени (*τοῦτο δὲ εἶ ἔχει* = это то *уже непременно* = безповоротно — хорошо).

Такимъ образомъ, *ослабленное μὲν*, соединенное съ *ослабленнымъ δέ*, обозначало бы въ *ослабленномъ видѣ* то, что въ *усиленномъ видѣ* можно передать словами: это, *допустимъ* (= *μήν*), — такъ, но тогда *уже непременно* (= *δή*) нужно принять во вниманіе и вотъ что. Что за словомъ *μὲν* не должно непременно слѣдовать *δέ*, это всякому извѣстно: *ἐκεῖνος μὲν ξυγχωρεῖ* = онъ, положимъ, ничего не имѣетъ противъ. Такъ и, наоборотъ, не всякому *δέ* должно непременно предшествовать *μὲν*: *ἤτουν τοὺς ἐταίρους, οἱ δέ οὐκ ἐπέιδοντο*: просили друзей, а *уже тѣ***) — не согласились.

У Омира *μὲν-δέ* соединяется съ *ἦ* и даетъ *ἦμὲν-ἦδέ*. По нашему, въ этомъ *ἦ* слѣдуетъ усматривать «утвердительно-отглагольный» его отглаголь. *ἦμὲν-ἦδέ* значить: *не правда ли, собесѣдникъ, мы съ тобою допустимъ* это; но *уже слѣдующее, не правда ли, нужно непременно* сказать.***) Также и въ омировскомъ *ιδέ* видятъ лишь *иначе произнесенное*

*) Называя ее квалитативною, мы имѣемъ въ виду ту квалитативность сужденія, о которой говорили на стр. 95.

**) Въ этой фразѣ, впрочемъ, *δέ* чувствуется больше *временнымъ*. Въ ней слово *δέ* имѣетъ своимъ синтаксическимъ сказуемымъ только *οἱ*; это видно изъ то.о., что *οἱ δέ*, взятое, представляетъ собою видъ *всякаго* контекста *цѣльный оборотъ*. Чувствуемое «больше *временнымъ*», *δέ* могло бы быть лучше передано словами: «а чтобы *уже* перейти къ лицамъ, обозначеннымъ черезъ *οἱ*...». Не обливить ли намъ, въ виду *этого δέ* и въ виду «временнаго *ἦ*», *временное* значеніе основнымъ въ словахъ *δὴ-δέ*? Нѣтъ. Временное значеніе предполагаетъ не «частицу», а *надежду* — *надежду «ожижельный»* отъ какого нибудь формальнаго имени (такимъ «надежемъ» было *δτε, τότε* и др.), а въ *δὴ-δέ* трудно найти такой «надеждъ». Благодаря этому *quasi* временному значенію, слово *δέ* утвердилось въ томъ симасіологическомъ отглаголь, который, какъ извѣстно, чаще всего практикуется въ *δέ*. Этотъ отглаголь мы опредѣлили бы какъ «переходъ къ новому», — какъ «указаніе на другую сторону вопроса, о которомъ разсуждается въ рѣчи» (сопоставъ это опредѣленіе слова *δέ* съ подстрочнымъ примѣчаніемъ о словѣ *ἀλλά* на стр. 490).

***) Такое толкованіе этимологій словъ *ἦμὲν-ἦδέ* напрашивается само собою. Его мы встрѣчаемъ и у Bäumlein'a (Partik. 137).

ἦ + δέ.*) Что *ιδέ*, наравнѣ съ *ἦδέ*, могло перейти въ значеніе простаго *καί*, это выяснится ниже.

Чрезвычайно трудно объяснить слово *δῖτα*.**) Что «частица» могла сбиться на какое нибудь другое произношеніе, — что изъ *ἦ* могло сдѣлаться *ι* въ словѣ *ιδέ*, — что изъ *δὴ* могло сдѣлаться *δαί****), — все это понятно: «частица» *именно* не есть нѣчто морфологически сознательное и твердое, чтобы не могло подвергаться перемѣнамъ. Что «частица» могла соединиться съ какимъ нибудь другимъ словомъ въ одну *λέξις*, — является ли это другое слово «нарѣчіемъ» (*δῖπου*), или такую же «частицею», — въ этомъ я *тоже* не вижу ничего страннаго, какъ и постараюсь доказать ниже. Но слово *δῖτα* имѣетъ видъ какого то этимологическаго *расширенія*, какого то особаго «надежда» къ слову *δὴ*, а измѣняться по *надежамъ* «частицъ» уже *совсѣмъ* не подобаешь. Остается предположить, что аттическое нарѣчіе (*δῖτα*, вѣдь, оказывается *аттическимъ* словомъ), смѣшавши, какъ и мы любимъ смѣшивать, «частицу» съ «нарѣчіемъ», произвольно образовало *δῖτα*, увлекаемое аналогіею «нарѣчія» *εἶτα*.

3. Черезъ частицу *γε* говорящій указываетъ на то, что высказываемое имъ синтаксическое сказуемое, къ которому онъ *относится* *ге*, есть *minimum* того, что онъ могъ бы сказать, если бы не боялся сдѣлать *ошибку* въ своемъ сужденіи. Не напрасно переводятъ *ге* оборотомъ *по крайней мѣрѣ* (*τοῦτο γε ἀλλ' ἄλλος ἐστι* = не знаю, какъ другое, но это, *по крайней мѣрѣ*, — вѣрно). Такъ и *γάρ*, въ общемъ предупреждающее, что мысль, къ которой оно приставлено, должна *объяснить* другую, и состоящее изъ *ге* и *ἄρα*, собственно значить: *по крайней мѣрѣ (ге)*, въ связи съ *данною* мыслью (*ἄρα*), нужно сказать, что...

Περ указываетъ на *точность* выраженія той мысли (того синтаксическаго сказуемаго), къ которой оно относится.

*) Prellwitz Wörterb.: Im Ablaut zu *ἦδέ* (= und) steht *ιδέ*. Prellwitz, впрочемъ, объясняетъ самое *ἦ* въ словахъ *ἦμὲν-ἦδέ* черезъ приведеніе его въ связь съ готскою «соединительною частицею» *jah*.

**) Prellwitz, Wörterb., принимаетъ *δῖτα* за *compositum* изъ *δὴ* и *εἶτα*.

***) Prellwitz Wörterb.: *δαί*: *δὴ* = dor. *αἰ*: dor. *ἦ* (wenn).

Види́те оно дѣлается въ composit'ъ *ᾠπερ*, которое только и возможно въ сравненіяхъ, и обозначаетъ «точно такъ же, какъ».

О словахъ *ἤν - ἔν**) - *ἐν***) (?) затрудняюсь сказать что — нибудь опредѣленное, такъ какъ ихъ непосредственно не чувствую.

Равно не рѣшаюсь утверждать что — нибудь положительное о словахъ *μή* и *νῆ*, принадлежащихъ, вѣроятно, тоже къ утвердительнымъ «частицамъ» (а можетъ быть, это — междометія?) и употребляющихся въ клятвенныхъ выраженіяхъ (*μή τὸν κύνα, νῆ τὸν πατέρα*).

Послѣ утвердительныхъ частицъ слѣдуютъ соединительныя. Трудно отрѣшиться отъ мысли, что, если *disjunctio* въ двучленѣ выражалась при посредствѣ *вопросительной* «частицы» *ἤ*, *conjunctio* могла бы быть выражена при помощи *утвердительныхъ* частицъ. Русскій языкъ, по крайней мѣрѣ, поступаетъ именно такъ, хотя и не *исключительно*. Несомнѣнно, что частица *да* есть *утвердительная*, а между тѣмъ она употребляется и въ смыслѣ соединительной: я, да ты, да онъ. Это — вполне понятно. Соединительный двучленъ (а также и многочленъ) можетъ рисоваться въ нашемъ представленіи какою то *неожиданностью*, которая требуетъ именно «подтверженія». Что извѣстное дѣло будетъ исполнено *къмъ* — *нибудъ*, — ожидаетъ *всякій*; но если *кромъ* этого «кого нибудъ» выступаетъ *еще* дѣятель, то совершенно естественнымъ является выраженіе: я это могу сдѣлать; да, ты — тоже. Теперь мы понимаемъ, почему утвердительное *ἤδέ* — *ἰδέ* могло перейти въ значеніе «соединительной частицы». Но русскій языкъ располагаетъ еще и *настоящею* «соединительною» частицею; это — частица «и». Въ греческомъ языкѣ *кромъ* стариннаго *ἤδέ* — *ἰδέ* имѣются частицы *καί* — *τε*. Причислить ли ихъ, или какую — нибудь одну изъ нихъ, къ «утвердительнымъ», или онѣ обѣ — «настоящія соединительныя»? Увидимъ.

*) Pröllwitz Wörterb.: *ἤν* (doch wohl): *ἐν* — *μήν*: *μέν*.

**) Не слѣдуетъ ли и *ἐν*, появляющееся въ *ἐδέ*, принять за ослабленную *ἤν*?

Въ словѣ *καί* мы должны различать *четыре* значенія.

1) — *просто-соединительное*. При этомъ двучленъ можетъ быть обозначенъ, какъ находившійся въ *первоначальномъ* планѣ мысли: *καί οὐ*, *καί ἡμεῖς* (ср. стр. 401.). Присоединеніе втораго члена къ первому, какъ не находившееся въ первоначальномъ планѣ мысли, а потому требующее *особенной* выразительности, можетъ потребовать и *накопленія* частицъ (сравни *καί δὲ καί* = *да ужъ непременно и то-то*). Въ *отрицательномъ* смыслѣ, если двучленъ имѣлся въ виду при *первоначальномъ* составленіи плана мысли, встрѣчается *τε-οὔτε*, *οὔτε-τε*, *οὔτε-οὔτε*, въ противномъ же случаѣ языкъ присоединяетъ къ *οὔ* (въ извѣстныхъ случаяхъ — къ *μή*) утвердительную частицу *δέ* (*οὔδέ-μήδέ*; *οὔδὲ ἡμεῖς ἡδυνάμεθα ταῦτα ποιεῖν* = *да и мы не могли этого сдѣлать*).

2. — *καί*, указывающее на «соотвѣтствіе». Устанавливая этотъ терминъ, мы имѣемъ въ виду явленія въ родѣ *ᾠπερ καί ἔλεγον* = о чемъ я и говорилъ (сравни русскую фразу: а потому, какъ я и говорилъ, вы не можете надѣяться на успѣхъ). Греческимъ «*καί*» и русскимъ «и» говорящій въ данномъ случаѣ «присоединяетъ» то, что онъ въ *настоящее* время утверждаетъ, къ чему нибудь, упомянутому въ *другой* части его рѣчи. Въ отрицательномъ смыслѣ появляется то *οὔδὲ* (*μήδέ*), которое въ *первомъ* симасіологическомъ отбѣнкѣ слова *καί* было обязательно, когда двучленъ не находился въ первоначальномъ планѣ говорящаго (какъ и здѣсь о какомъ нибудь готовомъ *планѣ* двучлена не можетъ быть и рѣчи): *ᾠπερ οὔδ' ἡμελλον φάναι* = какъ я и отрицалъ.

3. — *καί gradativ'ное*. Если вообще *καί* вызывается необходимостью указать вмѣсто чего нибудь *одного* на «рядѣ» (= на нѣсколькихъ «членовъ»), то въ данномъ случаѣ этотъ рядъ *подразумывается*, а слово *καί* указываетъ или на *первый*, или на *последній*, стало быть, вообще на *крайній* его членъ. Сравни: и лучшіе люди ошибаются — и худшіе человѣкъ не безъ достоинства. Въ отрицательномъ смыслѣ *третій* разъ появляется то же *οὔдὲ*.

4. — *καί* восклицательное: πῶς δὲ καὶ στρατὸς τοσοῦτος πεζὸς ἦνυσεν περᾶν (Aesch. Pers. 721); ἴδωμεν, τί ποτε καὶ λέγομεν (Plat. Gorg. 455 a). Въ чешскомъ языкѣ употребляется въ подобныхъ случаяхъ слово *taky*. Чешское *taky* я иначе не чувствую, какъ въ смыслѣ слова *тоже*. Такъ, говорятъ: to je *taky* odprověď! И въ русскомъ языкѣ слышится фраза: вотъ *тоже* отвѣтъ?! Въмѣсто to je *taky* odprověď я могу сказать: to je *zas* odprověď, а *zas* соответствуетъ греческому *αὐτ*. Въ греческомъ языкѣ въ выраженіяхъ удивленія, — а о нихъ идетъ въ настоящемъ случаѣ рѣчь, — часто встрѣчается *αὐτε*: Τίπτε' αὐτ' αὐτόχοιο Λιδς τέκος εἰλήλουθας (II. α 202) = cos to *zas* dítě egidodržavného Zeusa přišla? Намъ скажутъ, что здѣсь слово *αὐτε*, относясь къ *τίποτε* (а можетъ быть, и ко всему *τίποτε* εἰλήλουθας), какъ къ своему синтаксическому сказуемому, поставлено лишь съ тою цѣлью, чтобы воображеніе »держалось того предмета (т. е. того синтаксического сказуемаго), къ которому *αὐτε* относится, и не удалялось отъ него» (ср. стр. 492.). Это значитъ другими словами, что, такъ какъ данное синтаксическое сказуемое должно выражать нѣкое недоумѣніе, то *αὐτε* приставлено съ тою цѣлью, чтобы воображеніе, прикованное черезъ него къ этому синтаксическому сказуемому, больше *свыкло* съ самимъ »недоумѣніемъ«. Можетъ быть, это и такъ; я, руководясь чешскимъ *zas*, готовъ усматривать въ настоящемъ *αὐτε* выраженіе »повторенія«. Вообще въ выраженіяхъ удивленія есть основаніе считаться съ *жизненнымъ опытомъ*. »Ты, Аѳина — говорить Ахиллъ, — *всегда* приходишь съ загадочными планами; а теперь, какова *опять* цѣль твоего прихода?« Такое же »повтореніе«, стало быть, — *присоединеніе* новаго къ чему то прежнему, — я усматриваю и въ русскомъ »вотъ *тоже* отвѣтъ!«, и въ греческомъ »*τίποτε καί λέγομεν*«, и вообще въ »восклицательномъ« *καί*.

Быть можетъ, я былъ относительно »восклицательнаго« *καί* неправъ. Быть можетъ, его *дѣйствительно* слѣдуетъ толковать такъ, какъ поддается толкованію слово *αὐτε* въ II. α 202. Тогда, конечно, »восклицательное« *καί* было бы

»утвердительнымъ«, но вмѣстѣ съ тѣмъ пришлось бы уже утвердительное значеніе слова *καί* принять за основное. Ибо изъ утвердительнаго значенія легко вывести »присоединительное«, какъ доказываетъ *яснѣе всего* русское »да«, но отъ »присоединительнаго« значенія перейти къ утвердительному врядъ ли — возможно.

За »первоначально« — утвердительное (а не за »присоединительное«) я принимаю слово *τε*, такъ что *последній* отгѣнокъ, т. е. »присоединительный«, я считаю *развившимся* изъ перваго.*)

Чтобы оба слова, — и *καί*, и *τε*, — были первоначально присоединительными, этому *трудно* повѣрить. Зачѣмъ языку вырабатывать два слова съ одинаковымъ значеніемъ? Провозглашать именно *τε*, а не *καί*, за первоначально-утвердительное заставляетъ меня *прежде всего* *compositum oíos τε*. Какъ извѣстно, вмѣсто *oíos τε*, въ смыслѣ *способный*, употребляется простое *oíos* (Xen. Memor. II. 9. 3:

*) Чтобы отвѣтить на вопросъ, который впервые поднять былъ нами на стр. 469, а затѣмъ столь часто вновь былъ возбуждаемъ (ср. стр. 491 и др.), мы укажемъ на *τε*, присоединяемое къ *относительнымъ* словамъ (или формальнымъ именамъ, какъ *δς*, или нѣкъ »нарѣчіямъ«, какъ *ὅς, ἐπεὶ*). Какое нибудь *θῆρὸς ἀκούσαντες, δς τε ἐρχεται δι' ὁράσεως* значить: услышавъ звѣря, — *того же* (*соотносительное* слово, на которое *опирается* *δς*), о которомъ также и (= *τε*) слѣдуетъ сказать, что онъ . . . . Такъ, по нашему, слѣдуетъ толковать и *ὅσπερ*, не только, когда оно встрѣчается въ его болѣе общемъ значеніи (*κατ' οἶκον οἰκουροῦν ὅσπερ παρθένου* — Soph. Oed. C 344 = какъ и дѣвицы), но и въ случаяхъ употребленія его съ *спеціальнымъ*, такъ называемымъ *consecutiv'нымъ* отгѣнкомъ (въ сущности, этотъ »спеціальный« отгѣнокъ является чѣмъ то, вытекающимъ изъ контекста, — чѣмъ то, что опредѣляется смысломъ того *соотносительнаго* слова, на которое *относительное* *ὅς* *опирается*). На »consecutiv'ное« *ὅσπερ* мы приведемъ два примѣра (различіе ихъ усмотритъ самъ читатель): *τόσον δ' ἔχεις τόλμης πρόσωπον, ὅσπερ τὰς ἐμὰς στέγας ἱκον*; (Soph. Oed. r. 533) = *степень* (*τόσον*) твоей смѣлости и (*τε*) твое прибытіе въ мой домъ *соотвѣтствуютъ* другъ другу (словомъ *соотвѣтствуютъ* я хотѣлъ выразить самую *correlativ'ность* соотносительнаго и относительнаго словъ = такъ ты дерзокъ, какъ и пришелъ). — *οὐ τέλειος εἶμι, ὅσπερ θηράτορι πάντα πιδέσθαι* (Od. p 21) = мой возрастъ (*τέλειος*) и (*τε*) послушность во всемъ не соотвѣтствуютъ другъ другу = нѣтъ того, чтобы мой возрастъ былъ таковымъ, какъ (бываетъ) и *относительно* (*πιδέσθαι* есть вѣшный *простирательный*) послушанія во всемъ. — Ипотаксическій характеръ предложеній, въ которыхъ встрѣчаются сами *относительныя* слова, принимающія къ себѣ *τε*, ставитъ наше *τε* *посреди* между *καί* »просто-присоединительнымъ« и между »*καί* *соотвѣтствая*«, такъ что не знаешь, съ *какимъ* изъ нихъ его лучше сопоставить.

οὐ γὰρ ἦν οἷος ἀπὸ παντὸς κερδάναι). Я не вижу въ те, присоединяющемся къ οἷος, рѣшительно ничего, что оправдывало бы его появленіе, кромѣ *утвердительнаго* оттѣнка*). Да и какой «присоединительный» оттѣнокъ слова те мыслимъ въ composit'ѣ ἦτε, употребляющемся, какъ извѣстно, рядомъ съ простымъ «утвердительнымъ ἦ.**) Если я не ошибаюсь, то те присоединяется къ прочимъ утвердительнымъ частицамъ, перечисленнымъ на стр. 489, съ оттѣнкомъ *полноты* (οἷος те = способный *вполнѣ*).

Остается разобрать слово *ἔτι*. Принять ли его за «частицу», или за «нарѣчіе»? Для «частицы» оно, по *внѣшнему* своему виду, не отличается особенною *краткостью*, а его *значеніе* слишкомъ обособляется отъ значенія другихъ частицъ (оно *очень* сходится по значенію съ русскимъ *еще*; не связано ли оно съ нимъ и этимологически?). Правда, *ἔτι* (какъ и русское *еще* = кромѣ того) употребляется для прибавленія чего нибудь одного къ чему нибудь другому (обыкновенно, впрочемъ, встрѣчается въ такихъ случаяхъ не *простое ἔτι*, а *ἔτι δέ*) и въ этомъ отношеніи примыкаетъ къ частицѣ *καί*. Но на значеніе «прибавленія», кажется, слѣдуетъ здѣсь смотрѣть какъ на ослабленіе другого, первоначальнаго значенія, которое мы опредѣляемъ какъ указаніе на *продолженіе* извѣстнаго состоянія (*ἔτι μοι μένος ἔμπεδόν ἐστιν* = *все еще у меня...*; отрицаніе такого «продолженія» достигается черезъ *οὐκέτι*: *οὐκέτι δρῶ* = я *болѣе не вижу*). Какъ извѣстно, *ἔτι* приставляется часто

*) Въ οἷος, принимающемъ значеніе *способный*, я вижу остатокъ того первоначальнаго, неотнositельнаго значенія темы *υα*, на которое мною указано на стр. 441; *οὐχ οἷος κερδάναι*, по моему, значитъ: онъ не таковъ, чтобы извлекать выгоду. А можетъ быть, и это οἷος слѣдуетъ принимать за «относительное, опиравшееся на соотносительное»? Можетъ быть, фразу *οὐχ οἷος κερδάναι* слѣдуетъ толковать въ смыслѣ «онъ не таковъ (τοιοῦτος), какимъ (οἷος) бы ему нужно было, чтобы извлекать выгоду»? Тогда бы, конечно, те при οἷος объяснялось аналогіею словъ *δε* те, *ῥα* те (ср. стр. 507), и все οἷος те не годилось бы для той цѣли, для которой я имъ воспользовался.

**) Если οἷος те не годится какъ аргументъ для нашего утвержденія относительно те, то навѣрно годится ἦ τε. Сравни II, ρ 236 (*νήπιος, ἦ τε πόλιος ἐπ' αὐτῷ θυμὸν ἀκέρως*), Od. v 194 (*ποῦ δέ νυ οἱ γυνὴ καὶ πατρίς ἀρουρα; δόμορος, ἦ τε βοῆς δέμας βαλλήσ' ἀνακτι*) и т. д.

къ сравнительнымъ степенямъ (*πολλὸν ἔτι ἀλκιμώτερος*), причемъ сама сравнительная степень перемѣняетъ это «продолженіе состоянія» въ *усиленіе* его. Быть можетъ, въ *ἔτι* слѣдуетъ считать не «прибавленіе» ослабленіемъ «продолженія», а «продолженіе» — метафорою «прибавленія»? Едва ли; тогда бы и *καί* метафоризировалось по направленію слова *ἔτι*, особенно когда оно въ развитіи своего значенія пошло такъ далеко. Нѣтъ ли въ *ἔτι* того «падежнаго» окончанія, какое замѣчается въ словѣ *ἄρτι*? Но гдѣ же тогда этимологическая тема этого «падежа»? Трудно на это отвѣтить. Сопоставленіе греческаго *ἔτι* съ латинскимъ *et etiam* — очень заманчиво*), но какъ часто уже сбывало этимологовъ случайное созвучіе словъ! Самое существенное доказательство того, что *ἔτι* не есть «частица», а «нарѣчіе», мы видимъ въ composit'ѣ *εἰσέτι***). Разъ *ἔτι* соединяется съ такимъ предлогомъ, какъ *εἰς*, то оно не можетъ быть частицею а должно быть «нарѣчіемъ», а *εἰσέτι* является по отношенію къ нему «нарѣчіемъ» *сложнымъ*. Между *ἔτι* и *εἰσέτι* мы должны усматривать такое же отношеніе, какое было между *αὐθις* и *εἰσαυθις*. *Αὐθις* было «падежемъ», а *εἰσαυθις* — предоговымъ оборотомъ, въ которомъ *εἰς* своимъ значеніемъ *примыкало* къ этому падежу. То же самое мы видимъ въ *εἰσέτι*: *ἔτι* могло быть принято за обо-значеніе *точки* («еще» можетъ получить значеніе *до сихъ поръ*), а *εἰς*, какъ предлогъ, *направляется* къ этой точкѣ.

Мы кончили разборъ «частицъ». (Если и остались неразобранными нѣкоторыя composita, въ которыя «частицы» входятъ какъ *части* ихъ, то нетрудно будетъ самому чи-

*) См. Brugmann Grundr. I: 276.

**) Не такими выгодными аргументами для нашей цѣли представляются composita *προέτι* и *ἐξέτι*. Ни въ *προέτι*, ни въ *ἐξέτι* мы не видимъ, чтобы само *ἔτι*, какъ «падежъ», зависѣло отъ предлога. *Προέτι* является простымъ накопленіемъ (*προέτι* — вдобавокъ еще) синонимовъ (синасиологическая таавтологія), а въ *ἐξέτι*, появляющемся съ падежемъ, зависящимъ исключительно отъ *ἐξ* (*ἐξέτι πατρίων* — Od. α 245 — еще съ отцовъ; *ἐξέτι τοῦ* — II. ι 106 — еще съ того времени) слово *ἔτι*, собственно, даже не даетъ повода привлечь его въ compositum съ *ἐξ*; оно чувствуется здѣсь самостоятельнымъ и все «ἐκ πατρίων» и «ἐκ τοῦ» составляетъ къ нему синтаксическое сказуемое.

тателю опредѣлить ихъ значеніе на основаніи объясненій, данныхъ нами о самихъ «частяхъ»). «Частицы» у насъ сталкивались постоянно съ «нарѣчіями». Если тѣ и другія имѣли вездѣ отношеніе къ синтаксическимъ сказуемымъ, то это не есть ихъ общее *характеристикон*, отличающее ихъ отъ *прочихъ* частей рѣчи. Съ одной стороны, мы видѣли, что и появленіе *живыхъ* падежей, принадлежащихъ «именамъ» (помина), связано съ синтаксически сказуемыми, а съ другой — нетрудно будетъ убѣдиться изъ нижеслѣдующаго что «нарѣчіе» очень часто не имѣетъ ровно *никакого* дѣла съ синтаксическимъ сказуемымъ, а просто служитъ симасіологическимъ дополненіемъ *другой* части рѣчи. Впрочемъ, нашъ интересъ не въ томъ, чтобы опредѣлять границу между «частичами» и «нарѣчіями» съ одной, и между остальными частями рѣчи съ другой стороны; насъ интересуеетъ опредѣленіе различія между самими «частичами» и «нарѣчіями». По этому вопросу можно сказать слѣдующее.

1. «Частица» *всегда* имѣетъ отношеніе *только* къ синтаксическому сказуемому*); «нарѣчіе», какъ должно быть выяснено *впоследствии*, можетъ быть связано не *только* съ синтаксическимъ сказуемымъ, но и съ такими же, какъ оно, частями рѣчи.

2. «Нарѣчіе» есть *падежъ*, въ то время какъ въ «частичѣ» о падежѣ нѣтъ и помину. Намъ скажутъ, что *наши* частицы, т. е. тѣ слова, которыя мы объявили за частицы, остались безъ падежей только лишь потому, что мы въ нихъ падежей отыскать не *умѣли*. На это мы отвѣчаемъ:

3. «Частицы» — немного. Это — одна вопросительная (ή), двѣ отрицательныхъ (οὐ-μή), одна положительная (ναι), нѣсколько «квалитативно-утвердительныхъ» (μήν δή, γε, περ, θην и . . . τε**) и одна соединительная (καί). Онѣ выведены

*) Сопоставь стр. 492, подстрочное примѣчаніе.

**) Быть можетъ, этихъ «квалитативно-утвердительныхъ» частицъ у насъ — много? Не знаю. Знаю только, что онѣ *нужны*. Относясь къ синтаксическому сказуемому, онѣ *тоже* имѣютъ дѣло съ «сужденіемъ», какъ его имѣли наклоненія. Хотя мы на стр. 176 говорили, что въ синтаксическихъ подлежащемъ и сказуемомъ нѣчто одно лишь «относится» къ чему то другому, но на стр. 366. выяснилось, что синтаксическое подлежащее есть, какъ

изъ насущной потребности языка и представляющъ въ этомъ отношеніи отдѣльную, законченную «систему». Конечно, всѣ онѣ могутъ быть замѣнены какими нибудь «материальными» словами (я говорю «словами» вообще, а не одними «именами»; о терминѣ «материальный» см. стр. 196.), или цѣлыми оборотами: вмѣсто «я и ты» можно сказать «я *совмѣстно* съ тобою», вмѣсто «ναι» — «*ομολογῶ*» или «*φημί*» и т. д. Но не въ этомъ дѣло. Тотъ, кто упрекнулъ бы насъ въ неумѣнн отыскать въ нашихъ «частицахъ» падежи, по-нятно, ничего подобнаго въ виду не имѣетъ. Не думаетъ онъ также о какомъ нибудь *вопросительномъ, отрицательномъ, положительномъ, квалитативно-утвердительномъ и соединительномъ* падежѣ (хотя, какъ говоритъ Дельбрюкъ, вопросъ о падежахъ еще не законченъ, но существованіе *такихъ* падежей *никто* предполагать не станетъ), а требуетъ, чтобы мы указали на какія нибудь *мѣстоименія*, которыя, въ «вещномъ простирательномъ» или какомъ нибудь *другомъ* «окаменѣломъ» падежѣ, въ силу значенія самой ихъ этимологической *темы* могли бы выразить вопросъ, отрицаніе, соединеніе и т. д. Но гдѣ же эти мѣстоименія?

Въ томъ то и вопросъ, гдѣ *взять* эти мѣстоименія? Отрицательныхъ мѣстоименій *совсѣмъ* нѣтъ, а что касается остальныхъ, то мы ими *занимались* въ шестомъ отдѣлѣ нашего изслѣдованія, выводя ихъ *также* изъ насущной потребности языка. Всѣ они тамъ имѣли свое *опредѣленное* начало, свой *извѣстный* путь развитія, и ни одно изъ нихъ, ни въ своемъ началѣ, ни на пути своего развитія не встрѣчается ни съ однимъ изъ тѣхъ значеній, которыя мы на-

бы, *сложное* δν, и синтаксическое сказуемое —, какъ бы, *сложный* признакъ, а какъ *таковой* оно, конечно, можетъ быть не *только* «отнесено» къ синтаксическому подлежащему, но *прямо* такъ «присуждаемо» ему. Рѣчь идетъ здѣсь, конечно, о присужденіи въ *познавательномъ* смыслѣ (сравни стр. 96), какъ и признаковыя слова въ ониматическихъ предложеніяхъ могли быть присуждаемы своимъ *названіямъ* предметовъ только въ *познавательномъ* смыслѣ (сопоставь стр. 181-2), и въ этомъ случаѣ, казалось бы, такой рядъ отгѣнковъ какъ *επὶ* (τε), *περὶ* (δή), *ἐν* (περ), *ἐν* (θην), *ἐν* (μη) представляеетъ такую же лѣстницу «квалитативности», какую мы выставили относительно наклоненій на стр. 95., и въ которой, кажется, нѣтъ ничего ни лишняго, ни недостающаго.

ходимъ въ «частицахъ». Требовать для «частицъ» мѣстоименныхъ темъ значило бы предполагать наряду съ мѣстоименіями, имѣющими свою непосредственную задачу, еще другія мѣстоименія, которыя, за отсутствіемъ своихъ собственныхъ функций, исполняли бы функции чужія. Мы понимаемъ, что какое нибудь πως (= окаменѣлый падежъ отъ мѣстоименной темы = «нарѣчіе»), обозначающее какъ-нибудь (собственно: «отправляясь отъ чего нибудь, какъ своей этической почвы», ибо πως есть удалительный падежъ), могло съ своимъ модальнымъ отгнкомъ (сравни фразу «это какъ-нибудь сдѣлается») перейти и въ отгнокъ *квалитативный* (οὐ μὲν πως = положимъ, что это какъ то не такъ);*) мы сами прежде смѣшивали модальность съ «квалитативностью» (сопоставъ стр. 95), но что этого смѣшивать нельзя, — что языкъ «первоначально» могъ въ квалитативности усматривать нѣчто одно, а въ модальности — нѣчто совершенно другое, и только впоследствии, изъ желанія упростить свои средства, переносилъ и могъ переносить модальность на квалитативность, это намъ стало яснымъ только теперь.

Да, «частицы» нужно признавать какъ *отдѣльную* часть рѣчи. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ подъ рукою болѣе подходящаго термина для этой *отдѣльной* части рѣчи. Самъ терминъ «частица» (particula) не выходитъ изъ того *родового* понятія, которое относится ко *всѣмъ λέξεις* *одинаково*, развѣ только тѣмъ, что, будучи «уменьшительнымъ» къ слову *часть* (разумѣй — часть *рѣчи*), выставляетъ об-

*) Я понимаю, что какое нибудь πως, обозначающее почему-то просторъ, изъ нѣчто происходитъ (я говорю «почему то»; ибо πως-οὐ являются родовыми падежами, а родовой падежъ, какъ таковой, этого просторового значенія въ нихъ не вноситъ), можетъ получить и модальное значеніе (= какъ-нибудь) и съ этимъ модальнымъ значеніемъ можетъ не только перейти въ роль *квалитативного* слова (такъ и модальное *αὐ* перешло въ квалитативное; ср. стр. 131), но и соединиться съ настоящимъ квалитативнымъ словомъ въ *сострогийт*, какъ это мы видимъ въ словѣ *δηπως* (= ужъ непременно какъ-нибудь = ужъ непременно какъ то; сравни стр. 446.). — Этою замѣткою мы и отвѣчаемъ на вопросъ, возбужденный на стр. 503. Что «квалитативное *δη* (въ словѣ *ἤδη*), наоборотъ, могло перейти въ *временное* слово, — мы видѣли на стр. 501.

нимаемая имъ λέξεις какъ нѣчто *незначительное*, конечно, — незначительное по *внѣшнему виду*, а не по *задачѣ* въ языкѣ. Термины σύνδεσμοι, ἄρθρα, ἐπιρρήματα еще менѣ годятся, чѣмъ терминъ *частицы*. Останемся при *этомъ* терминѣ.

Такъ какъ частицы постоянно сталкивались съ «нарѣчіемъ», то непосредственно послѣ нихъ придется подвергнуть окончательному разбору и *эту* часть рѣчи. Такой ходъ изслѣдованія, впрочемъ, былъ нами намѣченъ еще въ концѣ *шестаго* отдѣла.

«Нарѣчіе» оказывается *последнимъ* членомъ въ ряду частей рѣчи. Остальные члены этого ряда суть: глаголъ, матеріальныя *простыя* существительное и признаковое, *формальныя* существительное и признаковое, *глагольное* признаковое, глагольное *имя*, *счетная* часть рѣчи (ею пользуется языкъ и въ качествѣ *признакового* имени, когда мы не заняты *счисленіемъ*), предлогъ и частица. А гдѣ же «союзъ»? «Союза» *нѣтъ*. То, что называютъ «союзомъ *придаточныхъ* предложений» (какое нибудь *εἰ, ὅτε, ὥς, ὅπως*), оказывается *относительнымъ «нарѣчіемъ»*, опирающимся на *соотносительное* слово (кто видитъ въ словѣ *εἰ* «союзъ», тотъ долженъ бы принимать за «союзъ» и *относительное ὥς*, такъ какъ съ него *тоже* начинаются синтаксически *подчиненныя* предложения), а «союзы *главныхъ* предложений» (да однихъ ли «главныхъ», и однихъ ли «предложений»? — развѣ какое нибудь *ἀλλὰ* или *καί* должно непременно связывать *предложения*? — и непременно *главныя*?) превратились у насъ то въ частицы, то въ «нарѣчія».

Что такое «нарѣчіе»? Первые отвѣты на этотъ вопросъ выйдутъ у насъ на подобіе тѣхъ, какіе давали Сократу его ученики, — не впадежъ, но что же дѣлать? Сократу такіе отвѣты были нужны, и онъ умѣлъ ими пользоваться для дѣла.

Слова *ἀγκάς, γυνή, λάξ, κοῦρίξ, δδάξ, πύξ*, вотъ — «нарѣчія». Это — тѣ же существительныя (*ἀγκών, γόνυ, σάλx, κόρη, δδοῦς* и существительное, отъ котораго произошло признаковое *πικνός*), только *падежи* ихъ *этимологически* не поддаются опредѣленію; они въ *открытомъ* для насъ

языкъ, какъ *живые* падежи именъ существительныхъ, не практикуются, они «окаменѣли». Приведеніе ихъ въ этимологическую связь съ *глагольными* темами или «корнями», какъ то дѣлаютъ этимологи*) (для *λάξ* устанавливают глагольную тему *όλαξ*, усматривая въ ней значеніе *бить*, для *γνύξ* — тему *γνύγ*, сравнивая ее съ нѣмецкимъ knicken, *όδαξ* приводятъ въ связь съ глаголомъ *δακνω*), не имѣетъ для насъ непосредственнаго интереса. Мы уже не говоримъ о томъ, что самъ глаголъ, какъ *часть рѣчи*, и даже глагольное имя, какъ *часть рѣчи*, не могутъ служить *родоначальниками* какихъ бы то ни было «нарѣчій». Глаголъ, какъ выраженіе *цѣлой рѣчи*, не можетъ вообще произвести никакого падежа, а «окаменѣлаго» и подавно, глагольное же имя, это «выдѣленіе въ особое слово того а, которое попало у насъ въ глагольную симасиологическую схему а → б» (см. стр. 201), само обязано своею ролью падежа лишь *синтаксическому* положенію (ср. стр. 200), а потому «окаменѣлаго» падежа *тоже* не произведетъ. Родоначальниками приведенныхъ въ *настоящемъ* пунктѣ «нарѣчій» являются, какъ уже сказано, — да и *могутъ* ими быть, — *только* существительныя. *Значеніемъ* своимъ наши «нарѣчія» напоминаютъ *творительный* падежъ ихъ «родоначальниковъ» (славянскія *плашмя*, *коѣто* представляютъ собою *тоже* нѣчто въ *этомъ* родѣ). Они имѣютъ всѣ *одно* окончаніе ξ (единственное и множественное числа въ немъ, конечно, уже не дифференцированы: *όδαξ* значить *зубами*, а *πύξ* въ одномъ контекстѣ обозначаетъ *кулакомъ*, а въ другомъ — *кулаками*); мы готовы думать, что и *ἀγκάς* образовано вмѣсто *ἀγκάξ*, и что появленію ξ въ окончаніи помѣшало присутствіе гортаннаго звука въ *другомъ* мѣстѣ этого слова (сравни *διδάσκω* вмѣсто *διδάξκω*).**)

*) См. Ebeling Lex. Hom.

**) Иначе Delbrück Grundr. III. 569: Ferner halte ich es mit J. Schmidt für wahrscheinlich, dass das homerische *ἀγκάς* nichts anderes sei, als *ἀγκάσι*, ein Loc. pl. zu *ἀγκών*. Ebenso sind vermuthlich *πύξ* und *λάξ* aufzufassen, nach denen sich *γνύξ* und *όδαξ* gerichtet haben werden. Dem Vocal nach *ferner* liegt *κουρίξ*. Мы, какъ сказано, видимъ въ выраженіяхъ *ἀγκάς* *ἐλάξτε θυγάτєρα*, *λάξ* *προβάς*, *ἐνθάδιν μιν* *κουρίξ*, *όδαξ* *ἔλον* *όδας* и т. д. *только* творительные падежи.

Слова *πρῶτον*, въ смыслѣ *сперва*, и *τελευταῖον*, въ смыслѣ *наконецъ* (*ἔδοξε πρῶτον εἰς Χίον αὐτοῖς πλεῖν*), слова *μέγα* и *πολύ*, въ смыслѣ *очень* (*μέγ' ἡδίκηθη*), вотъ — «нарѣчія». Хотя слова *πρῶτον*, *τελευταῖον*, *μέγα* и *πολύ*, какъ *падежи*, вполнѣ раскрыты не только этимологически, но и синтаксически (все это — вещные *простираемые* простыхъ признаковыхъ именъ), но нераскрытою остается ихъ *субстантивность*, — субстантивность ихъ *именно* какъ косвенныхъ падежей, и съ этой стороны они являются *тоже* «окаменѣlostями». Это — не та субстантивность, на которую въ *признаковыхъ* словахъ мы указывали на стр. 194–5: если какое-нибудь *ἀγαθόν-κακόν* въ самомъ *именительномъ* падежѣ могло обозначать не только «благое» — «злое», но и «благо» — «зло», то «нарѣчіе» *πρῶτον* получило значеніе «съ самаго начала» (= «съ перваго начала» = «первоначально» = «съ перваго момента»), а «нарѣчіе» *μέγα* — «въ высокой степени» (слова *моментъ* и *степень* суть имена *существительныя*) благодаря тому *косвенному* падежу, въ которомъ они поставлены. Если слово *καλός* обозначаетъ «красивый», а *καλῶς* «красивымъ образомъ или способомъ», то чѣмъ, какъ не косвеннымъ падежемъ, внесенъ сюда этотъ «образъ» и «способъ», и благодаря чему, какъ не косвенному падежу, субстантивировалось это слово? Какъ это случилось, — что сдѣлало этотъ косвенный падежъ способнымъ субстантивировать слово, это — то и *остается* нераскрытымъ и даетъ право называть наши слова «падежными *окаменѣlostями*».

Мы слышимъ возраженіе. Отчего, — скажутъ намъ, — слово *πρῶτον*, указывая и въ *именительномъ*, и во всякомъ другомъ падежѣ на «первое» какъ на *признакъ* чего нибудь, не могло въ то же время, совершенно по аналогіи слова *ἀγαθόν*, обозначать и въ *именительномъ* падежѣ самую, если такъ можно выразиться, «первоту» (= *начало* = *первый моментъ*)? — отчего оно не могло прямо отъ *именительнаго* падежа перейти съ этимъ значеніемъ въ тотъ вещный *простираемый*, за который мы принимаемъ наше *πρῶτον*? — наконецъ, къ чему же толковать наше *πρῶτον* непременно

въ смыслѣ *вещнаго* падежа? — не могло ли бы оно быть истолковано въ смыслѣ падежа *именительнаго*, такъ чтобы «*буквальный*» переводъ фразы *δεδουμένον ἢν αὐτοῖς πρῶτον εἰς Χῖον πλεῖν* былъ: ими рѣшено было, *первое*, — поплыть въ Хіосъ? Если это такъ, если особенно *последній* пунктъ приведеннаго возраженія — вѣренъ, то, конечно, нечего было бы принимать наше *πρῶτον* даже за «нарѣчіе». Но всему этому мѣшаютъ примѣры въ родѣ *πέπεισμαι τοῦθ' Ἰκαδὸν προλαβεῖν τὴν πρώτην* (Dem. 3. 2).

Наше *πρῶτον*, несомнѣнно, должно быть такимъ же падежемъ, какъ и *τὴν πρώτην*, т. е. *вещнымъ*, а не именительнымъ. Это — прежде всего. Затѣмъ мы спросимъ: въ чемъ же вообще заключается разница между нашимъ *πρῶτον* и приведеннымъ *τὴν πρώτην*? Только въ *родѣ*. Замѣчательно это употребленіе женскаго рода въ греческомъ языкѣ! Говорятъ въ этихъ случаяхъ, — они, какъ извѣстно, не составляютъ рѣдкость (сравни *ταύτη* = этимъ способомъ, *ἐκ νέης** = снова и т. д.), — о какомъ то «подразумѣваніи» *существительныхъ* женскаго рода, но это представляется намъ неправильнымъ. Русскій языкъ, съ своими «на-пропалую», «въ-разсыпную» (сравни чешское *po té* = *послѣ этой* вмѣсто *послѣ этого*) ясно указываетъ на склонность — въ извѣстныхъ случаяхъ *просто* замѣнять *средній* родъ признаковыхъ словъ женскимъ. Какіе это случаи? Это — случаи отнесенія признаковаго слова къ какому нибудь *общему* понятію, не то что не находящему, а не *ищущему* своего *собственного* выраженія. Это бываетъ прежде всего въ *среднемъ* родѣ признаковыхъ словъ *множественнаго* числа: *ἀσχηρὰ ποιεῖς* указываетъ на некрасивыя вещи, на некрасивыя поступки, на некрасивое *нѣчто* или, какъ мы по русски *проще* выражаемся (въ смыслѣ *соби-рательномъ*), на «некрасивое».**). Къ этимъ то случаямъ

*) *ἐκ νέης* нужно принять за сложное «нарѣчіе», какимъ было на стр. 195 *ἀπαθὲς* и *ἐφαπτός*.

**) Этою замѣткою слѣдуетъ пополнить наше разсужденіе, помѣщенное на стр. 194-5 въ подстрочномъ примѣчаніи, а также сопоставить ее съ объясненіемъ по поводу эпитетическаго *ὁ* на стр. 439-40.

и привлекаются иногда въ славянскомъ и, какъ оказывается, въ греческомъ языкѣ, признаковыя *женскаго* рода (впрочемъ, это «иногда» ограничено *единственнымъ* числомъ). Такое привлеченіе признаковыхъ *женскаго* рода къ *данной* роли представляется намъ *естественнымъ*, и къ выраженію «въ-разсыпную» и т. п. не только никакого *существительнаго*, которое бы «подразумѣвалось», не придумаешь, но и придумывать его нечего. Средній родъ не есть «родъ» (ср. стр. 162), и если языкъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ *дѣйствительно* считался *только* съ «родами» (есть языки, которые во *всѣхъ* случаяхъ обходятся безъ *средняго* рода), то, понятно, приходилось ставить *женскій* родъ на низшую ступень сравнительно съ мужескимъ и пользоваться имъ въ случаѣ отнесенія *признаковыхъ* словъ къ такимъ «общимъ» понятіямъ, которыя въ *другихъ* случаяхъ, сами не получая *никакого* выраженія, вызывали проявленіе *средняго* рода этихъ признаковыхъ словъ.

Итакъ, по нашему толкованію, *πρῶτη*, появляющееся во фразѣ *πέπεισμαι τοῦθ' Ἰκαδὸν προλαβεῖν τὴν πρώτην*, точно также какъ русское *разсыпная*, является признаковымъ словомъ къ общему понятію, не получившему, однако, *собственного* выраженія. Да и кто станетъ въ женскомъ родѣ *πρῶτη*, въ его именительномъ падежѣ, искать «обозначеніе самой *первоты*»? А разъ его не ищутъ въ *πρῶτη*, то нечего добиваться его и въ именительномъ падежѣ *средняго* рода *πρῶτον*, т. е. нечего его добиваться въ *томъ* именительномъ падежѣ, *вещный* падежъ котораго, *наравнѣ* съ *πρῶτην*, дѣйствительно обозначаетъ «первоту» (ибо *πρῶτον* *πλεῖν* и *τὴν πρώτην* *προλαβεῖν* только и можетъ быть понимаемо въ смыслѣ *сначала*), однако обозначаетъ ее въ силу своей *собственной* способности, *дальше* не *подающейся* раскрытію, а потому и *заставившей* насъ принять формы *πρῶτον* и *τὴν πρώτην* за «нарѣчія». Чтò слово *πρῶτην* приняло къ себѣ *ὁ-ἡ-τό*, — надъ этимъ задумываться нечего. И вмѣсто *πρῶτον* можно было сказать *τὸ πρῶτον*, какъ и вмѣсто *τελευταῖον* говорятъ *τὸ τελευταῖον* и т. д. Слово *τὸ* въ данномъ случаѣ является «раздѣлитель-

нымъ» (ср. выше стр. 437—8) и вполне приличествуетъ вещному падежу какъ совершенно *сознанному*; повторяемъ, *πρότον, μέγα* и т. д. причислены нами къ «нарѣчіямъ» не по невозможности опредѣлить (какъ этимологически, такъ и синтаксически) ихъ *падежъ*, а изъ за ихъ *субстантивности*.

Слѣдуютъ слова *ἀνασταδόν, ἀναφανδόν, διακρίδόν, σκεδόν, μύδα* и т. п. И это все — «нарѣчія». Задаютъ себѣ вопросъ, происходятъ ли они отъ *существительныхъ*, или *признаковыхъ* именъ, и рѣшеніе этого вопроса клонится то въ ту, то въ другую сторону*). Подобные вопросы и ихъ рѣшенія, конечно, имѣютъ весьма важное значеніе для опредѣленія «мѣста нахожденія» нашего разряда словъ, но не имѣютъ *рѣшительно* никакого отношенія къ опредѣленію его какъ *части речи*. Происходятъ ли «нарѣчія» отъ *признаковыхъ* словъ, или отъ *существительныхъ*, сами они *всегда* являются *существительными*. Мы только что убѣдились, что какое нибудь *μέγα*, а вмѣстѣ съ нимъ цѣлый рядъ другихъ словъ, какъ *φανερότατα, βέλτιον* и т. д., хотя по внѣшнему своему виду совершенно *сходятся* съ *признаковыми* словами (во фразѣ *онъ пишетъ хорошо* слово «хорошо» ясно выступаетъ какъ *вещный* падежъ отъ *признаковаго* слова *хорошъ-а-о***), однако ихъ *субстантивность*, притомъ субстантивность не въ смыслѣ разъясненій

*) Delbrück Grundr. III. 606: Während die Entstehung der altindischen Absolutive auf *am* aus neutralen Abstractis sicher, die Entstehung der griechischen Formen *δην* (имѣются въ виду слова *ἐπιλύδην, ἐπιστροφάδην, κλήδην, κρηδην* и т. д.) aus femininischen Abstractis sehr wahrscheinlich ist, kann man hinsichtlich der Formen auf *δον* und *δαν* zweifeln, ob sie aus Substantivis oder Adjectivis hervorgegangen sind. Mir erscheint das Erstere wegen der Analogie der Bildungen auf *am, δην* und *tim* wahrscheinlicher.

**) Въ греческомъ языкѣ, склонномъ больше, чѣмъ русскій языкъ, къ внутреннему объекту (ср. стр. 372), мы могли бы сказать *μεγάλην ἀδελφάν ἡδίκηθη*. Выпустивъ *ἀδελφάν*, получаемъ *μέγ' ἡδίκηθη*. Пока мы *μέγα*, въ *данной* фразѣ, чувствуемъ «признаковымъ» словомъ, относящимся къ общему понятію, не имѣющему собственнаго выраженія, — пока мы *μέγα* чувствуемъ въ смыслѣ какого нибудь *μέγα τι*, до тѣхъ поръ не теряется сознаніе «внутренняго объекта». Но стоить отрѣшиться отъ слова *τι*, какъ исчезнетъ сознаніе «внутренняго объекта», и на сцену выступаетъ, притомъ вполне ясно, вещный простирательный: онъ былъ обиженъ, причѣмъ эта обида простирается на «великую» степень.

на стр. 194—5, а субстантивность, внесенная въ нихъ самими косвеннымъ падежемъ*), дѣлаетъ ихъ «нарѣчіями».

Да, «нарѣчія» можно опредѣлить какъ «окаменѣлые» косвенные падежи, или *произведенные* отъ именъ существительныхъ (какъ *χουρίξ* и др.), или имѣющіе сами по себѣ субстантивный характеръ. Это опредѣленіе примѣнимо не только къ «нарѣчіямъ», только что нами разобраннымъ, но и къ тѣмъ, на которыя мы наталкивались, когда отыскивали *частицы*. *Ἄρα* обозначало «въ связи** (съ этимъ), *εἰ-εἴτα* — «въ какомъ случаѣ — въ такомъ случаѣ», *ἄν* — «какимъ нибудь образомъ», *ἐμπης* — «во всякомъ случаѣ,***) *ὅμως* и *ἄρα* — «одинаковымъ образомъ» (въ одинаковое

*) — и именно косвеннымъ падежемъ; именительный падежъ сюда не подходитъ. Если бы мы сюда внесли именительный падежъ, то въ немъ субстантивность «нарѣчій» превратится въ субстантивность, разъясненную на стр. 194—95. Говоря вообще, трудно себѣ представить, чтобы какое нибудь «нарѣчіе» было именительнымъ падежемъ, да еще «окаменѣлымъ». Дельбрюкъ (Grundr. III. 627) приводитъ нѣкоторые якобы «окаменѣлые» именительные падежи, правда греческаго ни одного. Какъ выглядятъ эти «окаменѣлые» именительные падежи, — самъ Дельбрюкъ, впрочемъ, относится къ нимъ довольно осторожно, — видно изъ того, что въ числѣ ихъ приводится русское *правда*, въ примѣръ «оно, правда, дорого да люблю», хотя, — замѣчаетъ Дельбрюкъ, — это *правда* eher eine Partikel, als eine Adverbium genannt werden kann. Конечно, *правда* не есть «нарѣчіе». Но и — не «Partikel». *Правда* есть *ономатическое предложение*, какимъ было слово «пора», и другія на стр. 175. Въ немъ мы высказываемся о «предметѣ» (о мысли), выраженномъ *другимъ* предложеніемъ, въ которое само *правда* вставляется среди «пауз».

**) Однако, — скажетъ читатель, — выраженіе «въ связи» не есть косвенный падежъ *существительнаго*, а есть предлоговый оборотъ. По этому вопросу мы отсылаемъ возражающаго къ стр. 355: и предлоговый оборотъ можно въ *известныхъ* случаяхъ трактовать какъ косвенный падежъ. Въ *данномъ* случаѣ *тѣмъ* болѣе нельзя смотрѣть на предлоговый оборотъ какъ на что нибудь особенное, такъ какъ косвенные падежи «нарѣчій» во *всякомъ* случаѣ ни качественно (они — гораздо фразеологичнѣе, чѣмъ косвенные падежи «неокаменѣлые», т. е. болѣе приспособляются своимъ значеніемъ къ *известной* конструкціи фразы), ни *количественно* (надобно полагать, что ихъ гораздо болѣе шести) не *сходятся* съ живыми падежами именъ существительныхъ. По этому только и остается во *многихъ* случаяхъ метафразировать ихъ при помощи предлоговъ, которые въ *этомъ* отношеніи, за неимѣніемъ другихъ средствъ, являются необходимыми замѣстителями самихъ падежей въ ихъ качественной обособленности и количественномъ излишествѣ.

***) Въ словѣ *ἐμπης* я вижу то же замѣненіе и «видоизмѣненіе» косвеннаго падежа, на которое мы только что указывали въ русскомъ выраженіи «въ связи». По этому «видоизмѣненію» мы называли выше «нарѣчіе» *ἐμπης* *сложнымъ* «нарѣчіемъ».

время), то было само по себѣ именемъ существительнымъ, и хотя въ словахъ ἔτε-ἀλλά-πότѣра трудно было проникнуть въ ихъ несомнѣнный вещный простирательный, тѣмъ не менѣе и въ немъ выражено нѣчто *похожее* на «каковымъ способомъ — другимъ способомъ — какимъ изъ двухъ способомъ» (объ ὅτι мы здѣсь не упоминаемъ, считая достаточнымъ сказаннаго на стр. 491; кромѣ того ὅτι является само по себѣ существительнымъ), что же касается, наконецъ, словъ οὖν-αὖ-ἐτι, то къ нимъ, правда, *русскія* существительныя подобрать трудно, но . . . . . *Всякій* косвенный падежъ (да и не только косвенный) — мыслимъ *исключительно* либо въ *существительныхъ* именахъ (матеріальныхъ, или формальныхъ), либо въ *признаковыхъ* словахъ (матеріальныхъ, или формальныхъ). *Ἐτι-αὖ-οὖν* мы принимаемъ за *падежи*. Падежами *признаковыхъ* именъ они быть не могутъ; ибо тогда они должны бы были еще отнесены къ какому нибудь существительному, находящемуся гдѣ то *помимо* самихъ словъ ἔτι-αὖ-οὖν. Такъ какъ къ нимъ существительнаго, или даже «общаго понятія, не имѣющаго собственнаго выраженія» никто искать не станетъ, то имъ только и остается быть *субстантивными* косвенными падежами или вообще «существительными». Это соображеніе примѣнимо ко *всякому* «нарѣчію», при толкованіи котораго нѣтъ подъ рукою русскаго «существительнаго». Ни въ одномъ «нарѣчіи» не приходится искать «согласуемаго съ нимъ» существительнаго *помимо* него. Обыкновенно различаютъ «нарѣчія» *мѣста, времени, образа дѣйствія или способа,*)* *причины*. Нельзя сказать, чтобы этотъ рядъ различій былъ

*) Такъ и вышеприведенныя «нарѣчія» на *δου* и *δα* обозначаютъ способъ. Такъ, *οὐδὲν* обозначаетъ: такимъ способомъ, что нѣчто *придерживается* (= *ἔχεται*) другого (= *приблизительно* = *почти* = *такъ сказать*). Однако, не противорѣчимъ ли мы себѣ? Мы утверждали выше, что глаголь не можетъ быть родоначальникомъ «нарѣчія», а теперь упоминаемъ о какомъ то *ἔχεται*. Да, но черезъ *ἔχεται* мы лишь толкуемъ значеніе слова *οὐδὲν*. Выяснить его какъ substantivный окаменѣлый косвенный падежъ мы его, конечно, не могли бы ни черезъ глаголь *ἔχεται*, ни черезъ глагольное имя *ἔχεται* или *οὐδὲν*, а черезъ какое нибудь, хотя бы и *предполагаемое* только, *признаковое* или *существительное* слово, правда, «происходящее отъ одного *корня*» съ глаголомъ *ἔχεται* и съ глагольнымъ именемъ *οὐδὲν*.

полонъ. Ввести въ него полноту отказываемся и мы (это — задача особая, *крупная*, и разрѣшеніе ея зависитъ въ очень многихъ случаяхъ отъ большаго, сравнительно съ теперешнимъ состояніемъ науки, пониманія *этимологии* этого разряда словъ). Но, во всякомъ случаѣ, и въ этомъ *неполномъ* рядѣ различій — «нарѣчія» отмѣчены какъ *существительныя*. Разсуждающіе о «нарѣчіяхъ» *мѣста, времени* и пр. имѣютъ въ виду, конечно, выраженіе въ «нарѣчіи» не мѣста и времени какъ *общихъ* понятій, а *какого нибудь мѣста и какого нибудь времени*. А разъ ближайшее опредѣленіе общаго понятія и само общее понятіе выражены въ *одномъ* словѣ, — разъ ближайшее опредѣленіе *общаго* понятія мѣста и само *понятіе* мѣста выражено «нарѣчіемъ» (и *он* могло указывать на мѣсто, но само *общее* понятіе мѣста, равно какъ и ближайшее его опредѣленіе выражено въ *другомъ* словѣ, съ которымъ *он* соединяется; сравни фразу *въ полѣ*), то «нарѣчіе» должно быть тою частью рѣчи, къ которой относится прежде всего это *общее* понятіе, т. е. *существительнымъ*.

Заняться ли намъ теперь методическимъ установленіемъ «мѣста *нахожденія*» нашего разряда словъ, въ смыслъ производства его отъ *другихъ* частей рѣчи? Это мнѣ представляется излишнимъ. То, что въ результатъ получилось бы отъ подробнаго изслѣдованія «нарѣчій» въ *этомъ* направленіи, — извѣстно и по частямъ было *сообщаемо* нами. «Нарѣчія» происходятъ: 1. отъ существительныхъ, какъ матеріальныхъ (*γυνή*), такъ и формальныхъ (*οὐτως*); 2. отъ признаковыхъ, какъ матеріальныхъ *простыхъ* (*μέγα, πολύ*; сюда входятъ и «нарѣчія», происходящія отъ *счетной* части рѣчи,*) въ родѣ *ἐπτάκις* или *ἐπταχά* и т. д.), такъ и матеріальныхъ *глагольныхъ* (*ἡμελημένως, ἀρχοῦντως*), а также, конечно, формальныхъ (*τοσόνδε* = *настолько*). У насъ подъ рукою — полный списокъ *омировскихъ* «нарѣчій», извлеченный изъ Ebeling'a Lex. Nom. Подробный разборъ этого списка по поставленному выше вопросу повелѣ бы, однако,

*) Ср. стр. 206 и 354, въ особенности *подстрочныя* примѣчанія.

не къ нахожденію чего нибудь новаго сравнительно съ только что сообщеннымъ, а лишь къ постояннымъ недоумѣніямъ какъ относительно того, производить ли такое или иное «нарѣчіе» отъ *существительнаго* слова, или отъ слова *признаковаго*, такъ и относительно этимологизированія «нарѣчій» вообще, а эти недоумѣнія — не только въ *очень* многихъ случаяхъ неразрѣшими, но и не заключаютъ въ себѣ *непосредственнаго* интереса для насъ. По этому сообщимъ изъ упомянутаго списка лишь то, что имѣетъ отношеніе опять таки болѣе къ опредѣленію «нарѣчія» какъ *части рѣчи*.

Какъ слово *εἰ* есть несомнѣнное «нарѣчіе» (вещный падежъ отъ признаковаго *ἦς-ἦ*), такъ, казалось бы, слѣдуетъ причислить къ «нарѣчіямъ» и противоположное по значенію *δυσ* (насчетъ *этимологии* слова *δυσ* трудно что нибудь сказать). *Δυσ*, впрочемъ, употребляется только въ *composit'axъ*, тогда какъ *εἰ* встрѣчается и въ *composit'axъ* (*εὐδαίμων*), и самостоятельно (*εἰ ἔχει*). Что это за *composita*? Это — не «составныя съ предлогами слова» въ родѣ *ἐπαίνεω* и пр., въ которыхъ предлогъ переставалъ быть предлогомъ (см. стр. 340) и служилъ лишь для «оттѣненія значенія» самаго *αἰνέω* (см. стр. 333), но, и не тѣ ономасториматическія *composita* въ родѣ *δημιουργός* и пр. (см. стр. 383), въ первой части которыхъ надежная форма этимологически не выдержана. Это — *composita*, въ которыхъ *εἰ* (*εὐπρέπης*), а слѣдовательно, надо думать, и *δυσ* (*δυσπρέπης*) сохранили сполна свой *внѣшній* видъ (это мы говоримъ въ противопоставленіе словамъ *δημιουργός* и пр.), а также и свое значеніе какъ «нарѣчія» (это мы говоримъ въ противопоставленіе словамъ *ἐπαίνεω* и пр.). «Нарѣчія», т. е. субстантивные окаменѣлые косвенные падежи (иначе: косвенные *всезможныхъ* оттѣнковъ падежи именъ *существительныхъ*), должны симасіологически дополнять собою *прежде* всего *признаковыя* слова, включая сюда и *глаголы* (ср. стр. 409). Эту то роль на дѣлѣ и исполняютъ слова *εἰ* и *δυσ* въ «composit'axъ» (*εὐσεβεῖν* = въ хорошемъ *смыслѣ* проявлять *τὸ σεβέσθαι*; *δυσσεβεῖν* = въ дурномъ *смыслѣ* проявлять *τὸ σεβέσθαι*). Конечно, нѣкоторая *фразеологичность* словъ *εἰ*

и *δυσ* (т. е. сочетаніе ихъ лишь съ *известными* словами, даже такое, что *безъ* нихъ эти слова не появляются; такъ, простаго *πρέπης* не произносятъ, а произносятъ или *εὐπρέπης*, или *δυσπρέπης*), *этимологическая* приспособленность къ нимъ того слова, съ которымъ они сочетаются (*простое* слово появляется въ видѣ *δαίμωνος*, а въ сочетаніи съ *εἰ* или съ *δυσ* выходитъ *εὐδαίμων-δυσδαίμων*), производство отъ нихъ и сочетающихся съ ними словъ *новыхъ λέξεис* (отъ *εὐγενής* образовано *εὐγένεια*), — все это заставляетъ насъ принимать *δυσ* *вездѣ*, а *εἰ* въ тѣхъ случаяхъ, когда оно *подходитъ* подъ перечисленные здѣсь условія, за *части* чего то цѣлаго т. е. за *части composit'ovъ*. Во всякомъ случаѣ, одно изъ двухъ: или ихъ *нельзя* трактовать какъ отдѣльныя слова, а тогда имъ въ частяхъ *рѣчи совсѣмъ* нѣтъ мѣста, или это — *отдѣльныя слова*, а тогда ихъ нужно причислить къ «нарѣчіямъ». *) За «нарѣчіе», встрѣчающееся *тоже* только въ *composit'axъ*, мы принимаемъ и *ἀρι* **) (*ἀριπρέπης* и т. п.).

Ὀφρα-τόφρα суть два опирающіяся другъ на друга «нарѣчія» (одно изъ нихъ — относительное, а другое — соотнositельное). Относительность и соотнositельность, конечно, выражены въ *первой* части этихъ словъ (появленію *густаго* придыханія въ началѣ слова *ὄφρα* мѣшаетъ *придыхательное φ* въ *средины* слова), а что касается *второй* ихъ части, то очень можетъ быть, что въ ней слѣдуетъ усматривать особое «нарѣчіе» *πέρα-ι* ***) Тогда бы все *ὄφρα-τόφρα* представляло собою *compositum* и обозначало бы: до какого «зарубежья» — до такого «зарубежья».

*) Все это разсужденіе, конечно, вызвано словомъ *εἰ*, которое часто употребляется и не въ *composit'axъ*.

**) *ἀρι* наши этимологи связываютъ съ признаковымъ словомъ *ἀρίων-ἀρίστος* (Prellwitz Wörterb. sub voce *ἀρι*). Если мы *δυσ* и *ἀρι* принимаемъ за «нарѣчія», то послѣдовательность требуетъ и отрицательное *ἀ-ἀν-α-α-η* принять за особое слово, причисливъ его, наряду съ *οὐ-μή*, къ отрицательнымъ *частицамъ*. Конечно, разница между нимъ и *οὐ-μή* будетъ та, что оно предназначено языкомъ *исключительно* для *composit'ovъ*.

***) Что подъ влияніемъ *ε* аспирируется соседній звукъ (въ данномъ случаѣ — звукъ *π*), это — тезисъ, постоянно повторяемый нашими этимологами. Prellwitz, впрочемъ (Wörterb. sub voce *ὄφρα*), усматриваетъ въ *ὄφρα* тотъ же корень, отъ котораго происходитъ и *φέρω*.

Что касается слова *ἔως*, то этимологи о немъ спорятъ, но всѣ такъ или иначе приводятъ его въ связь съ *формальными* именами. Бругманъ (Grundr. II. 770) считаетъ его за *instrumentalis* отъ того же корня, отъ котораго происходитъ латинское *is*, славянское *его* — *ему* и греческое *μιν*. У Омира, какъ извѣстно, оно постоянно встрѣчается въ смыслѣ простороваго *идъ*. Что оно могло сдѣлаться и модальнымъ, выяснено на словѣ *που* на стр. 512. Какъ модальное, оно, конечно, могло встрѣчаться и въ *финальных* контекстахъ (сравни объясненіе слова *ὅπως* на стр. 136).

Слова *ἔως* (*εἰως*, *ἦος*, *ἦμος*) — *τέως* (*τεῖως*, *τῆος*, *τῆμος*) — этимологически не достаточно ясны*). Случаи ихъ употребленія сводятся къ значенію «до какихъ предѣловъ — до такихъ предѣловъ». Такимъ образомъ, это — опирающийся другъ на друга «нарѣчія», изъ которыхъ одно — относительное, а другое — соотносительное. Извѣстны — примѣры въ родѣ II. μ 141: *οἱ δ' ἦτοι εἰως μὲν Ἀχαιοὺς ὄρνυον* (= пока = до поры — до времени). Мы видимъ здѣсь слѣды еще *самостоятельнаго*, *неотносительнаго* употребленія темы *ya* (см. стр. 441). Впрочемъ, можетъ быть, что и *это* *εἰως* есть *относительное* (= до тѣхъ поръ, пока), опирающееся на невыраженное *соотносительное* слово и не имѣющее дальнѣйшаго *продолженія* въ рѣчи (ср. стр. 446-7). Извѣстно также, что *ἔως*, — но тогда уже *непретѣнно* въ *неотносительномъ* смыслѣ, — дополняется

*) Prellwitz Wörterb.: *ἔως* = altindisches *yāvat* = uraltes Neutrum zu *yāvant* = wie weit reichend, gebildet aus Relativum *ya* (= *ἔς*) und dem Suffix *vent* = *wos* (= *versehen mit*; *χαρίεις* — *formosus*). Кстаті, *ad vocem reichend*. Слово *reichend*, употребленное Prellwitz'омъ для выясненія значенія «нарѣчія» *ἔως*, оказывается словомъ *признаковымъ* (признаковымъ *малолитнымъ*). Мгиритса ли это съ нашимъ утвержденіемъ, будто «нарѣчія» суть *существительныя*? Отвѣчаемъ: Весьма часто косвенные падежи *существительныхъ*, дополняя собою *признаковыя* слова, превращаются въ *признаки* самихъ тѣхъ «предметовъ», къ которымъ *дополняемыя* ими *признаковыя* слова *относятся*. На стр. 349, изъ фразы «эта работа сдѣлана топоромъ» выведена нами фраза «это — работа *топорная*». Положимъ, во фразѣ «это — работа топорная» исчезло само *признаковое* слово, которое раньше дополнялось *творительнымъ* падежемъ *существительнаго*. Грекъ, *оставляя* *признаковое* слово, можетъ превратить косвенный падежъ *существительнаго* (*respective* — «нарѣчіе») въ «согласующееся» слово. Извѣстны его выраженія *ἐξῆλθε θυραῖος*, *ἐφ' ὅστις* *ἰσόμεθα*, *τρίταιος ἡλθε* (= пришелъ на третій день) и т. д.

родовымъ падежемъ: *ἔως τριῶν πλοίων ἡ λειτουργία ἔστω* (Dem. 18. 106 = до предѣловъ трехъ судовъ*). Появленіе родового падежа *здѣсь* напоминаетъ намъ примѣры: *πόθεν γῆς* (= изъ какого *мѣста* земли); *πηνίκα τῆς ἡμέρας* (= въ какое *время* дня); *ἱκανῶς ἐπιστήμης* (= въ достаточной *степени*, или въ достаточномъ *количествѣ* знаній), *καλῶς πολέμου καθίστασθαι* (= находиться въ прекрасной *стадіи* войны); *πῶς ἔχεις δόξης* (каковъ *видъ* твоего мнѣнія); *ἡ τάξις εἶχεν ἀριστα σωμαίων* (= въ строю было лучшее *состояніе* «тѣла») и т. д. Этотъ родовой падежъ — *вполнѣ* понятенъ: «нарѣчія», какъ *существительныя*, должны *прежде* всего дополняться родовымъ падежемъ (сравни стр. 383).

Совершенно по пути слова *ἔως* пошли слова *ἄχρι* и *μέχρι*: *ἄχρι τινός — μέχρι τινός*; *ἐκέλευσε περιμένειν ἄχρ' ἂν σχολάσῃ* (Xen. Anab. II. 3. 2) — *μέχρι δ' ἂν ἐγὼ ἦκω αἱ σπονδαὶ μενόντων* (Xen. Anab. II. 3. 24). Этимъ мы не хотимъ утверждать, что «нарѣчія»**) *ἄχρι* и *μέχρι* этимологически связаны съ *формальными* именами***), какъ то является *несомненнымъ*, несмотря на нѣкоторыя затрудненія въ *частностяхъ*, относительно словъ *ἔως* — *τέως*. Это отсутствіе связи словъ *ἄχρι* и *μέχρι* съ *формальными* именами, и въ то же время употребленіе ихъ въ роли *относительныхъ* «нарѣчій», только линіей разъ доказываетъ, что «относительная» роль словъ не была въ *первоначальномъ* планѣ у творцовъ языка, а что она развилась лишь *впослѣд-*

*) — собственно, выходя отъ «первоначальнаго» значенія темы *ya* (см. стр. 442), слѣдуетъ переводить «до тождественности съ тремя судами», а вышеприведенное до *поры* — до *времени* приходится замѣнить толкованіемъ «до тождественности (въ данномъ случаѣ до тождественности, относящейся къ *времени*) съ тѣмъ синтаксическимъ сказуемымъ, къ которому *ἔως* относится». Такъ и на стр. 508. слово *οἶος*, если оно — «относительное», обозначало: онъ *тождествененъ*, по своимъ качествамъ, съ тѣмъ, чтобы то - то дѣлать = онъ, по своимъ качествамъ, *соотвѣствуетъ* тому, чтобы то - то дѣлать.

**) Если *ἔως* принято за «нарѣчіе», то имъ должно быть *непретѣнно* и *ἄχρι* — *μέχρι* (ср. стр. 317).

***). Насколько запутана этимологія словъ *ἄχρι* — *μέχρι* — видно у Ebeling'a Lex. Hom. — Prellwitz (Wörterb.) въ словѣ *μέχρι* усматриваетъ даже *μετ-χρη* (*μετά* — *χρη*; *daraus ἄχρι*).

σται, какъ развилось лишь въ послѣдствіи самое чувство потребности подчинять синтаксически одно выраженіе другому; иначе для «относительности» были бы созданы особыя слова, и языкъ не прибѣгалъ бы даже къ такимъ «нарѣчіямъ», которыя, если мы выше не ошиблись, не имѣютъ никакого этимологическаго отношенія къ обыкновеннымъ относительнымъ словамъ.

Что касается слова νῦν, то это, думаемъ мы, — *вещный падежъ*, — такой же вещный падежъ, какимъ было οὖν (ср. стр. 446). Этимологически оно соотвѣтствуетъ латинскому *nunc*. Появленіе въ окончаніи латинскаго слова звука *c*, напоминающаго собою форму *nunc*, прямо показываетъ, что въ *nunc*, а слѣдовательно и въ греческомъ νῦν, мы имѣемъ дѣло съ падежемъ *формальнаго* имени. Какого? Трудно на это отвѣтить. Очень можетъ быть, что языкъ, для указанія на *временное* отношеніе, счелъ нужнымъ создать особую «формальную» тему. Νῦν обозначаетъ «въ настоящее время». Если νῦν указываетъ на переходъ къ *новому* (νῦν δέ = а теперь, чтобы перейти къ новому); если оно обозначаетъ иногда «слѣдствіе» (теперь, послѣ всего сказаннаго, можно утверждать то-то); если оно принимаетъ на себя роль «утвердительнаго» нарѣчія*) (и русское выраженіе «по настоящему» указываетъ не на время, а на *дѣйствительность***), то это все — вполне понятныя метафоры одного и того же «первоначальнаго» значенія.

Отъ подробнаго изслѣдованія вопроса о «мѣстѣ нахождения» нарѣчій мы раньше отказывались. Въ общемъ, — говорили мы, — это «мѣсто нахождения» — извѣстно и сообщено, а подробности его опредѣленія ввели бы насъ въ непреодолимая, нашего дѣла непосредственно не касающіяся затрудненія. Не сообщили мы только одного по данному вопросу. Оказывается, что родоначальниками «на-

*) А, именно «нарѣчія», а не частицы; сравни сказанное о модальныхъ «нарѣчіяхъ» на стр. 512.

**) Во всѣхъ этихъ метафорическихъ значеніяхъ оно можетъ дойти до «ослабленнаго» (относительно ударенія и степени *выразительности* значенія) νῦν и νῦ.

рѣчій» служить и *предлоги*. Остановимся на этихъ «нарѣчіяхъ», конечно, опять таки больше изъ-за опредѣленія «нарѣчій» какъ *части речи*. Изъ омировскаго словаря относятся сюда слѣдующія слова.

Πρὸς (вещный падежъ *женскаго* рода; см. стр. 517-7), *πρὸς, πρὸς δέ, ἀπὸ πρὸς - ἀπὸ πρὸς* *), *πρὸς οὖν - πρὸς οὖν* **), *πρὸς οὖν - πρὸς οὖν*. Въ эту группу «нарѣчій» мы относимъ и *πρὶν* и *πάρους* (*πάρους οὖν - πρὸς πάρους οὖν*), хотя отнесеніе ихъ сюда оправдывается больше одинаковостью ихъ *значенія*, и трудно настаивать на ихъ *этимологической* связи съ предлогомъ *πρὸς*.

Ἐκτός, *ἐκτός, ἐκτός οὖν, ἐκτός οὖν, ἐκτός, ἐξω*.

Ἀντίον-ἀντία, *ἀντα, ἀντήν, ἀντα-εἰς ἀντα-ἐναντα-πάραντα*. ***)

Ἐνδοῦ, *ἐνδοῦ οὖν, ἐνδοῦ, ἐνθα, ἐνθαδε, ἐνθεν, ἐνθενδε, ἐνταῦθα-ἐντεῦθεν, †) ἐντός*.

*) Въ сущности, *ἀπὸ πρὸς - ἀπὸ πρὸς* произошло не отъ *πρὸς*, а отъ комбинаціи *ἀπὸ πρὸς*, — комбинаціи аналогично словамъ *παρὶ, ἐπὶ* и др. (см. стр. 249 подстрочное примѣчаніе).

**) Brugmann (Grundr. I. 491) возводитъ *πρὸς οὖν* къ *πρὸς* и черезъ *πρὸς* къ предлогу *πρὸς*. Curtius (Grundz. 284) приводитъ въ связь и *πρὸς οὖν* и *πρὸς* къ предлогу *πρὸς*. Prellwitz (Wörterb.), отличалъ *πρὸς οὖν* отъ *πρὸς οὖν*, первое находилъ связаннымъ съ словомъ *πρὸς*, а второе возводитъ, какъ Бругманъ, къ *πρὸς*. По моему, значенія словъ *πρὸς οὖν* (*πρὸς* есть только этимологически *видоизмѣненное πρὸς*) и *πρὸς* — такъ далеки другъ отъ друга, что трудно согласиться съ Бругманомъ. Не находится ли *πρὸς οὖν* и *πρὸς οὖν* въ такомъ этимологическомъ отношеніи къ *πρὸς*, какъ *ἐπὶ οὖν* и *ἐπὶ οὖν* — къ *ἐπὶ*?

*** Усматривать ли намъ въ *ἀντα-εἰς ἀντα-ἐναντα-πάραντα* сложныя «нарѣчія», какъ мы ихъ усматривали въ *εἰς αὐτὸς* и *ἐξ αὐτὸς* (тогда бы *ἀντα* представляло собою ковенный падежъ, зависящій отъ предлоговъ *ἀνὰ-ἐν-εἰς-παρά* = на обращенную ко мнѣ сторону, въ обращенную ко мнѣ сторону, обходя обращенную ко мнѣ сторону), или предлоги *ἀνὰ* и пр. только «усиливаютъ» и «видоизмѣняютъ», какъ первая часть *compositivovъ*, значеніе второй ихъ части (послѣднее мы видѣли выше въ *ἀπὸ πρὸς*, на стр. 509 въ *ἐξέτι*, а на стр. 333-40 въ очень многихъ «составныхъ съ предлогами словахъ»)? Трудно здѣсь рѣшиться на что-нибудь *опредѣленное*. Окончательное значеніе самихъ *ἀντα-εἰς ἀντα* и пр. допускаетъ и тотъ, и другой процессъ композиціи.

†) *ἐνταῦθα* и *ἐντεῦθεν* представляютъ собою несомнѣнно *composita*, причемъ въ *ἐνταῦθα* мы должны видѣть «сложное нарѣчіе» (= въ этомъ мѣстѣ), а въ *ἐντεῦθεν* предлогъ *ἐν* только лишь «видоизмѣняетъ» значеніе второй части *compositivovъ* (= отсюда, изнутри). Въ сущности, они не относятся даже сюда; это, собственно, — «нарѣчія» отъ формальнаго имени *ὄψος-αὐτῆ-τότο*.

Εἰσω, ἄνω, κάτω (образованы, какъ ἔξω).

Ἐφύπερθεν-καθύπερθεν.

Μεταξὺ и μέσφα (?).*)

Ἐπαῖθα.

Сюда же мы отнесемъ и ὀπίσσω, ὀπί(σ)θεν, κατόπι-
θεν, μετόπιθεν, ἐξόπιθεν, ὅψε. Этимологія этой группы
словъ — очень темна (см. Ebeling Lex. Nom.), и основываться
на ней не приходится. Замѣчательно то, что въ греческомъ
языкѣ не отыскивается никакого *собственного* предлога,
который бы указывалъ на направление, противоположное
направленію предлога πρό. Русскій языкъ имѣетъ свое «за»
(за кѣмъ = *сзади* когонибудь), греческій же языкъ, упо-
требляя наряду съ предлогомъ πρό «нарѣчіе» πρόσθεν-
ἐμπροσθεν, въ *противоположномъ* направленіи располагаетъ
только «нарѣчіями» ὀπίθεν, κατόπιθεν и т. д. Отнесеніемъ
этихъ «нарѣчій» въ одну группу съ «нарѣчіями» ἐντός, ἐκτός,
εἰσω и пр. мы хотѣли дать надлежащее выраженіе тому
предположенію, что, быть можетъ, и эти «нарѣчія» имѣ-
ютъ родоначальникомъ какойнибудь, — однако, вышедшій
уже изъ употребленія, — предлогъ, соотвѣтствовавшій
русскому *за*.**)

Таковы — «нарѣчія», происходящія отъ *предлоговъ*.
Какъ видно, всѣ они имѣютъ или мѣстное, или временное
значеніе, что имъ вполне приличествуетъ, такъ какъ сами
предлоги первоначально были придуманы для обозначенія
всевозможныхъ мѣстныхъ и (заодно съ этимъ) временныхъ
отношеній. Нельзя сказать, что предлоги превращаются въ

*) Curtius Grundz. 332: Ob μέσφα zu μέσως oder zu μετά gehört, ist nicht zu entscheiden. Если бы μέσφα было связано этимологически съ μετά, то, конечно, μέσφ' ἦτορ ἡριγενείης (II. 9 508) обозначало бы: до соседства съ зарею.

**) Не знаю, что дѣлать съ ἄφ и ἄφαρ. Слово ἄφ Бругманомъ (Grundz. II. 589) отождествлено съ латинскимъ abs-ab. Тогда бы это былъ *предлогъ*, и странно было бы, почему ἄφ никогда не дополняется падежемъ. Я склоняюсь болѣе къ мнѣнію Düntzer'a (Neue Jahrbücher für Philologie 1869 стр. 489), отождествляющаго его съ «нарѣчіемъ» ἀφ. Что же касается слова ἄφαρ, то мнѣнія относительно его происхожденія — разнообразны. Если я пони-
маю слово ἄφαρ, то оно есть *сопроисхожденіе* изъ предлога ἀπό и «нарѣчія» ἀφα:
ἄφαρ значитъ «отсюда (ἀπό) въ связи» = отсюда *дальше* (вслѣдъ за тѣмъ =
сейчасъ).

«нарѣчія» непосредственно. Они при этомъ, такъ сказать,
должны пройти черезъ *признаковую* категорію словъ, и, та-
кимъ образомъ, и здѣсь, въ сущности, «нарѣчія» въ своемъ
образованіи не уклоняются отъ первоначально высказан-
наго нами положенія, по которому родоначальниками «на-
рѣчій» могутъ быть только или существительныя, или *при-*
знаковыя слова: если ἐν обозначало *въ* (русское *въ*, вотъ-
настоящій предлогъ, а не *внутри*; слово *внутри* есть уже
«нарѣчіе», притомъ *сложное*; ср. наше разсужденіе по по-
воду слова *около* на стр. 233), то ἐντός обозначаетъ «*во*
внутреннемъ (*признаковое* слово!) *мѣстѣ*».*) Если ἐν, —
русское *въ*, — искало, для оправданія своего появленія
въ рѣчи, какого-нибудь обозначенія *предмета*, притомъ въ
такомъ его падежѣ, который бы своимъ *спеціальнымъ* зна-
ченіемъ такъ или иначе не только *соотвѣтствовалъ* зна-
ченію предлога (ср. стр. 265), но и помогалъ самому *пред-*
логу въ установленіи его значенія,**) то слово ἐντός, при
его значеніи *во внутреннемъ мѣстѣ*, представляетъ собою
нѣчто болѣе законченное, — такъ же законченное, какъ
выраженіе «*въ комнатѣ*». При этомъ, конечно, не исклю-
чается возможность искать *дальнѣйшаго* отвѣта на вопросъ
«*во внутреннемъ мѣстѣ* чего?», точно также какъ не исклю-
чается возможность искать *дальнѣйшаго* отвѣта на вопросъ
«*въ комнатѣ чьей?*». Отвѣтъ на этотъ вопросъ получается
черезъ симасіологическое дополненіе *существительныхъ*,
т. е. черезъ *родовой* падежъ.

Да, всѣ приведенныя «нарѣчія», которыя произошли
отъ предлоговъ, или совсѣмъ не дополняются падежами,

*) Конечно, слово *внутреннемъ* представляетъ собою *логическое опре-*
дѣленіе по отношенію къ слову *мѣстѣ*, а какъ логическое опредѣленіе, оно
въ соединеніи съ самимъ «опредѣляемымъ» служить для обозначенія предмета,
составляя съ нимъ, какъ бы, одно слово (ср. стр. 189), а потому и *можетъ*
быть замѣнено однимъ словомъ, разумеется *существительнымъ*, хотя бы и
«окаменѣлымъ» (во *внутреннемъ мѣстѣ* = «въ *внутри*»).

**) Къ самому ἐν данное замѣчаніе не имѣетъ отношенія, но русское «въ»,
точно также какъ и много греческихъ предлоговъ, находитъ поддержку въ
падежахъ при установленіи его *собственного* значенія (*въ школу* значитъ
одно, а *въ школѣ* — другое). На это, впрочемъ, постоянно указывалось въ
четвертомъ отдѣлѣ нашего изслѣдованія.

а если дополняются, то — *родовымъ* падежомъ (*ὅψε τῆς ὥρας, ἐντός τινος* и пр.). И если бы у насъ не было другого мотива различать предлоги отъ «нарѣчій», то и этого мотива вполне достаточно для того, чтобы *отказаться* отъ мысли о «нарѣчности» предлоговъ, — по крайней мѣрѣ въ *принципѣ*. «Нарѣчія», какъ *существительныя*, дополняются *родовымъ* падежомъ, а предлоги — разными падежами. А потому не могутъ быть «нарѣчіями»: *ἐν, εἰς, σύν, μετά, πρός, παρά, κατά, ἀνά, ἀμφί, περί, ἐπί, ὑπέρ, ὑπό, διά*. Данный мотивъ не мѣшаетъ быть «нарѣчіями» только словамъ *ἐξ, ἀπό, πρό* и *ἀντί*, причемъ, конечно, ту *genitiv'ную* форму, которую мы при *ἐξ* и *ἀπό* толковали въ смыслѣ *удалительнаго* падежа, пришлось бы принять за *родовой* падежъ. Но, разъ мы признаемъ предлоги въ *принципѣ*, то *ἐξ, ἀπό* и *πρό* являются такими необходимыми звеньями въ рядѣ *симасіологическихъ* оттѣнковъ, достигаемыхъ другими, несомнѣнными съ данною точки зрѣнія предлогами, что безъ нихъ какъ предлоговъ обойтись нельзя было. Какъ могъ языкъ, образовавшій предлогъ *εἰς*, не образовать предлога *ἐξ*? Какъ могъ языкъ, образовавшій предлогъ *ἐπί*, не образовать предлога *ἀπό*? Какъ могъ языкъ, образовавшій столько предлоговъ для болѣе *детальныхъ* оттѣнковъ, не образовать предлога для такого *примитивнаго* оттѣнка, какой выраженъ въ словѣ *πρό* (раньше мы высказали предположеніе, что въ греческомъ языкѣ существовалъ предлогъ и для противоположнаго слову *πρό* оттѣнка; этотъ предлогъ могъ, конечно, въ послѣдствіи исчезнуть въ силу стремленія языка *сократить* свои средства). Единственное слово, о которомъ съ данною точки зрѣнія можно спорить, «нарѣчіе» ли оно, или предлогъ, это — слово *ἀντί* (его оттѣнокъ — довольно сложный). Мы, имѣя въ виду то обстоятельство, что *ἀντί*, наравнѣ съ предлогами, вошло въ *composita*, перечисленные на стр. 330–340 («нарѣчія не вошли бы въ такіа *composita*»), считаемъ и *ἀντί* за предлогъ.*)

*) Къ сожалѣнію, и эта точка зрѣнія не даетъ намъ никакого ключа къ разрѣшенію вопроса о «нарѣчности» или ненарѣчности словъ *ἀντι, ἀντε*

А слово *ἄμα*? Его мы объявили за «нарѣчіе»,*) а между тѣмъ оно дополняется, по *нашему* толкованію, *личнымъ* падежомъ. Только что мы говорили, что «нарѣчія», происходящія отъ предлоговъ, должны пройти черезъ *признаковую* категорію словъ, чтобы *сдѣлаться* «нарѣчіями». И «нарѣчія», происходящія непосредственно отъ *признаковыхъ* словъ, остаются въ первой своей половинѣ *признаковыми* словами. Если *ἄμα* обозначаетъ «въ одинаковое время», и *ἄμ' ἡοῖ φαίνομένη*, сообразно съ этимъ, слѣдуетъ толковать черезъ «въ одинаковое съ появленіемъ зари время», то отъ какой части слова *ἄμα* зависитъ личный падежъ? — отъ *признаковой*, или отъ *субстантивной*? Конечно, отъ *признаковой*, и въ этомъ смыслѣ мало ли какимъ падежомъ можетъ дополняться даже «нарѣчіе». Сравни: *ἔξοχον ἡρώεσσιν* (П. β 483 = выдающимся среди такихъ то лицъ способомъ; *мѣстный* падежъ); *ἔκωτ' ἀρεστῶς ὠρχέετο* (Herod. 6. 129 = нравящимся ему способомъ; *личный* падежъ) и т. д. Могутъ встрѣтиться и *предлоговые* обороты: *εὐνοικῶς εἰς τινα* (милостивымъ къ кому способомъ) и пр.

Вотъ все, что мы могли сказать о «нарѣчій». Само слово «нарѣчіе» есть переводъ греческаго *ἐπίρρημα* и латинскаго *adverbium*. Терминомъ *ἐπίρρημα* греки хотѣли обозначить, что обнимаемая имъ часть рѣчи по смыслу принадлежитъ къ глаголу, т. е. *симасіологически* дополняетъ собою глаголъ (*ἐπίρρημα δυνάμει ἐστὶ ῥήματος ἐπιθετικῆ σύνταξις* — Apoll. Dysc. de construct. I. 18). Такимъ образомъ, если слово *ῥήμα* мы переводимъ черезъ глаголъ, то *ἐπίρρημα* должно бы быть переведено черезъ слово «приглаголіе». Конечно, «нарѣчіе» на дѣлѣ оказывается вовсе не приглаголіемъ, а *субстантивною окаменѣлостью* и ко-

и *ῥημα* (см. стр. 317). Для предлоговъ они представляются намъ слишкомъ длинными. Слово *ὡς* (*ὡς βασιλεῖς* = малорусское до царя) по данному мотиву оказывается *предлогомъ*.

*) Delbrück Grundr. III. 629–31: Aus dem Griechischen sind eine Anzahl von Formen auf α zu nennen, von denen man nicht weiss, ob sie dem Accusativ pluralis oder dem Instrumental singularis angehören. Затѣмъ Дельбрюкъ приводитъ цѣлый списокъ словъ въ родѣ *ὅμα, βάφα, θάμα*; въ числѣ ихъ поставлено и *ἄμα*.

свеннымъ падежемъ, дополняющимъ собою всякое признаковое слово, включая сюда и глаголъ, а въ другихъ случаяхъ относящимся и къ цѣлому синтаксическому сказуемому, какъ то можетъ случиться и съ живыми падежами существительныхъ.

»Все это — хорошо, только одно — непонятно и требуетъ объясненія« — сказалъ бы Платоновскій Сократъ. »Что значить окаменѣлость? Не то ли было задачею всего нашего изслѣдованія, чтобы всякое слово, всякая его форма получили надлежащее свое *значеніе*, чтобы это *значеніе живо* было понимаемо въ той его роли, какую оно исполняетъ въ рѣчи, какъ выраженіи мысли, чтобы тамъ, гдѣ слово или форма *удалились* отъ своего первоначальнаго положенія въ языкѣ и черезъ то нѣсколько были затуманены, было раскрыто это ихъ первоначальное положеніе и *также* было понимаемо *живо* не только *само*, но и все *дальнѣйшее* развитіе словъ и формъ, т. е. вся *исторія* ихъ жизни, — весь *переходъ* отъ первичнаго ихъ состоянія къ послѣдующимъ и послѣднему, словомъ, — чтобы нигдѣ »окаменѣлостей« *не было*, а теперь онѣ вдругъ появляются въ качествѣ какого то выручающаго средства, доказывающаго, если не непоследовательность, то во всякомъ случаѣ *незаконченность* нашей теоріи? Съ другой стороны, если мы признаемъ окаменѣлыя существительныя, то не слѣдуетъ ли признавать и окаменѣлые глаголы? Если *тои* у насъ было объявлено за »окаменѣлое« существительное, между прочимъ, потому, что при употребленіи его рѣчь не считается съ *числомъ* слушателей, къ которымъ мы обращаемся, то не слѣдуетъ ли принять за »окаменѣлые глаголы« слова *ѡуе, фѣре, ѡди*, русскія *пусть, пускай, пожалуй, знай, вѣдь, небось*, которыя *также* употребляются не только безъ отношенія къ самому *числу* собесѣдниковъ, но и, — это можно сказать и о словѣ *тои*, — вообще безъ отношенія къ собесѣдникамъ?»

Сократъ — правъ. И не будь у насъ этихъ »окаменѣлостей«, то число частей рѣчи *сократится*. Тогда придется различать только глаголы, существительныя слова,

признаковыя слова, счетную часть рѣчи *внѣ* связной рѣчи (счетъ не есть *рѣчь*), — въ *связной* рѣчи и она войдетъ въ признаковыя слова, — а затѣмъ, въ качествѣ болѣе *служебныхъ* частей рѣчи, — предлоги и частицы. Но безъ »окаменѣлостей« *пока* обойтись нельзя. »О нихъ придется поразсудить когда нибудь въ другой разъ«, — такъ закончилъ бы Платонъ свой діалогъ, если бы его Сократъ былъ въ недоумѣніи. Такъ заканчиваемъ и мы.

Да, о »нарѣчіяхъ« придется поразсудить въ другой разъ, но когда? Чтобы »нарѣчія«, чтобы »окаменѣлости« исчезли, для этого придется еще *много* потрудиться этимологамъ, но непременно въ союзѣ съ симасіологами, иначе легко потерять *почву* подъ ногами. Интересно бы напр. узнать, насколько въ какомъ нибудь *ἐξαιτις* или *ἐπιτις*, — насколько въ *сложныхъ* нарѣчіяхъ падежи соотвѣтствуютъ или не соотвѣтствуютъ шести косвеннымъ падежамъ именъ, и нѣтъ ли въ сложныхъ »нарѣчіяхъ« какихъ нибудь *новыхъ* падежей, быть можетъ, своимъ значеніемъ *болѣе* соотвѣтствующихъ значенію самихъ тѣхъ предлоговъ, которые съ ними соединяются? . . . . .

УКАЗАТЕЛЬ

греческихъ текстовъ, приведенныхъ въ изслѣдованіи.*)

Aeschylus (смотри изданіе: Aeschyli tragoediae ex recensione Porsoni passim refecta a G. Dindorfio, Lipsiae 1850)

Persae	vers.	351,	изданія	стр.	97	стр.	459
"	"	721	"	"	108	"	506
Persae	"	1022	"	"	118	"	366
Supplices	"	682	"	"	144	"	322
Choëphori	"	352	"	"	226	"	322

Apollonii Alexandrini (Dyscoli) de constructione orationis libri quatuor ex recensione Imm. Bekkeri, Berolini 1817.

Книга	I.	глава	3,	изданія	стр.	9.5-8	158-9
"	"	"	"	"	"	9.16-19	257
"	"	"	"	"	"	12.13-16	158
"	"	"	"	"	"	13-18	158
"	"	"	"	"	"	18.6-7	531
"	"	"	"	"	"	30.19-31.7	88
"	"	"	"	"	"	62.12-14	263
"	"	"	"	"	"	75.12-19	203
"	"	"	"	"	"	98.25-99.3	417
"	II.	"	"	"	"	101.14-18	90
"	"	"	"	"	"	104.8-105.2	416
"	"	"	"	"	"	214.5-8	208
"	III.	"	"	"	"	264.9-18**)	135
"	"	"	"	"	"	285.9-26	401
"	"	"	"	"	"	283-290	257
"	III.	"	"	"	"	290-294	263

*) Такъ какъ во время печатанія книги не было у меня подъ рукою самихъ текстовъ, то цитаты приведены не вездѣ съ надлежащею точностью. Конечно, несоблюденіе точности въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ касается лишь второстепенныхъ вопросовъ, не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ тому, что цитатою должно быть подтверждено. Въ случаяхъ, гдѣ въ изслѣдованіи цитата неправильно помѣчена, я прибѣгаю въ настоящемъ указателѣ къ курсиву, или къ скобкѣ для исправленія допущенной въ изслѣдованіи ошибки.

**) Въ изслѣдованіи сказано καὶ τούτοις δμοια вмѣсто καὶ τὰ τούτοις δμοια.

Apollonii Rhodii Argonautica IV. 1328 . . . . . стр. 290

Aristophanes (смотри изданіе: Aristophanis comoediae, edidit Th. Bergk, Lipsiae 1852).

Equites vers.	661,	изданія	стр.	I.	75	291
"	"	1274	"	"	98	381
Nubes	"	153	"	"	119	157
Aves	"	1269	"	II.	54	157
Plutus	"	457	"	"	297	381

B. A. = Bekkeri (Immanuelis) **Anecdota graeca**, Berolini 1814-21.

Voluminis	II.	pag.	636.4-7	258
"	"	"	639.30-31	202
"	"	"	861.27-862.2	165
"	"	"	862.5	164
"	"	"	862.17-20	263
"	"	"	862.25-30	257
"	"	"	891.29-892.2	123
"	III.	"	1274.29	88

Demosthenes

III.	(Ὀλυνθιακός α)	2	516
XI.	(πρὸς τὴν ἐπιστολήν)	11	323
XVIII.	(περὶ τοῦ σιτεφάνου)	13	284
"	"	55	310
"	"	71	446
Demosth.	"	105	329
"	"	106	524
XVIII.	"	131	476
"	"	193	311
XIX.	(περὶ παραπρεσβείας)	49	474
"	"	243	309
"	"	320	480-1
XXI.	(κατὰ Μειδίου)	119	291
XXII.	(κατ' Ἀνδροτιάνου)	72	291
XXIII.	(κατ' Ἀριστοκράτους)	182	261
XXIX.	(πρὸς Ἀφοβон)	26	291
XXXII.	(πρὸς Ζηνοδότῃν)	28	338
LVII.	(πρὸς Εὐβολίδῃν)	17	261
LVIII.	(κατὰ Θεοκρίνου)	55	138

Euripides (смотри изданіе: Euripidis tragoediae superstites et deperditarum fragmenta ex recensione Aug. Nauckii, Lipsiae 1854-69.)

	vers.	57, изданія стр.	I.	7	стр.
Alcestis					261
"	"	563	"	23	329
Bacchae	"	18	"	91	385
"	"	1051	"	124	335
"	"	1364	"	134	324
Hecuba	"	513	"	156	308
Electra	"	1231	"	280	325
Hercules furens	"	465	"	338	325
Iphig. Aulid.	"	1176	II.	42	309
" Taurica	"	92	"	65	408
"	"	377	"	73	495
"	"	388	"	74	366
Jon	"	391	"	125	398
Medea	"	73	"	197	487
"	"	733	"	218	457
Orestes	"	338	"	258	333
"	"	363	"	259	366
Troades	"	562	"	364	322
Phoenissae	"	17	"	398	366
"	"	330	"	408	338
"	"	362	"	409	261
"	"	1131	"	435	312

Herodotus.

	стр.		стр.
I. 75	261	V. 49	333
" 87	381	" 74	333
II. 15	184	" 83	492
" 145	297	VI. 20	323
" 169	384	" 129	531
III. 20	323	" 139*)	389
" 41	331	VII. 61	305-6
" 99	486	" 75	319
" 127	481	" 101	308
IV. 53	400	" 121	497
" 68	446	VIII. 30**)	298
" 101	301	" 53	287
" 122	297	" 67	319
" 151	381	IX. 31	298
V. 46	338	" 71	444-5

*) Въ изслѣдованіи сказано *ἐκ τῆς ὑμετέρας εἰς τὴν ἡμετέραν* вмѣсто *ἐκ τῆς ὑμετέρας εἰς τὴν ἡμετέραν*.

**) Въ изслѣдованіи сказано *ἔξοντο* вмѣсто *ἔξοντο*.

	стр.
Hesiodus, Theogonia, recensuit Joh. Flach, Lipsiae 1878.	
versus 848*)	302

Homerus.

	стр.		стр.
Ilias α' 15	300	Ilias δ 303	357
" " 38	359	" " 325	357
" " 133	494	" " 452	360
" " 137	500	" " 493	306
" " 151	359	" ε 16	314
" " 202	506	" " 28	361
" " 262	134	" " 41	360
" " 382	309	" " 57	360
" " 418	389	" " 107	361
" " 436	320	" " 162	461
" " 452	359	" " 219	361
" β 57	315	" " 307	320
" " 142	254(9)	" " 320	443
" " 151	380	" " 606	359
" " 250	301	" " 794	361
" " 292	308	" ζ 450	448
" " 297	497	" (ξ) 456	261
" " 305	302	" " 478	359
" " 363	357	" " 491	380
" " 366	295	" " 507	382
" " 480	358	" " 510	357
" " 483	531	" η 163	311
" " 699	249	" " 366	357
" (β) 720	359	" " 425	249
" " 794	360(2)	" θ 41	361
" " 839	308	" " 54	308
" " 839	308	" " 85	320
" γ 48	333	" " 136	361
" " 184	329	Ilias " 240	309
" " 217	291	" " 259	360
" " 338	365	" " 290	359
" " 368	360	" " 300	360
" " 432	495	" " 309	360
" δ 113	333	" " 441	300
" " 287	359	" " 474	361
" " 297	361		

*) Въ изслѣдованіи напечатано *ἀμφὶ τ' κύματα* вмѣсто *ἀμφὶ τὰ κύματα*.

	стр.		стр.
Ilias θ 477	248	Ilias μ 274	380
" " 508	528	" " 302	361
" " 565	361	" " 367	359
" " 58	364	" " ν 23	361
" " 106	509	" " 42	361
" " 214	379	" " 168	358
" " 218	382	" " 308-9	361
" " 352	252	" " 374	302
" " 384	361	" " 585	360
" " 510-11	407	" " 587	320
" " 572	360	" " 588	360
" " 618	364	" " 700	357
" (ι) 682	364	" (ξ) 1	497
" " 30	361	" " 112	364
" " 80	336	" " 150	360
" " 151	319	" " 214	360
" " 156	361	" " 318	357
" " 185	360	" " 352	300
" " 207	461	" " σ 3	361
" " 257	361	" " 267	357
" " 261	361	" " 313	360
" " 347	360	" " 580	360
" " 398	425	" " 614	361
" " 458	360	" " 658	380
" " 496	361	" " 665	313
" " 532	379	" " π 139	365
" " λ 44	360	" " 188	249
" " 350	365	" " 246	360
" " 351	360	" " 281	361
" " 374	360	" " 406	314
" " 448	360	" " 487	358
" " 474	365	" " 508	379
" " 493	360	" (π) 511-2	386
" " 699	359	" " 677	287
" " μ 91	361	" " 686	464
" " 119	361	" " 734	359
" " 135	357	" " 762	365
" " 141	524	" " 773	360
" " 153	357	" " 811	361
" " 195	249	" " 826	359
" " 225	361	" " ρ 42	461
" " 256	357	" " 91	249

	стр.		стр.
Ilias ρ 101	360	Ilias ψ 147	361
" " 157	329	" " 169	241
" " 236	508	" " 315	364
" " 477	357	" " 347	360
" " 696	359	" " 397	359
" " σ 14	359	" " 518	361
" " 177	300	" " 593	336
" " 305	361	" " 640	361
" " 341	359	" " 776	310
" " 374	305	" " ω 193	319
" " 477	359	" " 264	382
" " 562	318	" " 268	360
" " τ 110	252	" (ω) 284	361
" " 118	249	" " 296	477
" " 174	425	" " 335	385
" " 255	361	" " 576	361
" " 271	133	" " 600	364
" " 323	358	" " 804	326
" " 362	320	Odyssea α 175	460
" " 376*)	358	" " 251	448
" " 404	361	" " 402	425
" " ν 140	361	" " 403	359
" " 143	359	" " β 2	360
" " 279	314	" " 107	490
" " ϕ 113	360	Odyssea " 262	443
" " 295	358	" " γ 110	357
" " 367	359	" " 146	491
" " 439	364	" " 281	252
" " 501	359	" " 353	361
" " χ 22	361	" " 405	360
" " 56	329	" " 409	357
" " 80	359	" " 476	382
" " 107	357	Odyssea δ 18	449
" " 139	365	" " 86	242
" " 170	378	" " 192	425
" " 189	365	" " 307	360
" " 284	360	" " 407	364
" " ψ 7	361	" " 533	360
" " 100	287	" " 611	448
" " 130	361	" " 624	305

*) Въ изслѣдованіи напечатано $\alpha\iota\tau\acute{o}\lambda\omega$ вмѣсто $\sigma\iota\tau\acute{o}\lambda\omega$.

	стр.		стр.
Odyssea δ 636	320	Odyssea- κ 248	359
" " 654	449	" λ 128	300
" " 705	359	" " 577	309
" " 712	460	" " 607	361
" ε 59	361	" μ 24	364
" " 152	360	" " 45*)	358-9
" " 196	249	" " 156**)	419
" " 245	309	" " 210	359
" " 415	269	" " 246	364
" " 433	361	" " 382	134
" ζ 6	364	" " 414	360
" " 31	364	" ν 74	361
" " 57	95	" ξ 79***)	319
" " 119	458	" " 134	360
" " 122	324	" " 253	389
" (ξ) 163	271	" " 266	364
" η 126	340	" " 364	306
" " 169	360	" " 498	361
" (η) 222	364	" ο 47	382
" " 288	308	" " 148	361
" " 347	320	" " 219	382
" θ 67	320(60)	" " 283	361
" " 105	360	" " 396	364
" " 245	509	" " 545	148
" " 279	358	" " 552	360
" " 293	323	" π 140	252
" ι 28	425	" " 145	361
" " 102	379	" " 270	364
" " 132	319	" " 381	142
" " 224	379	" ρ 4	365
" " 234	323	" " 21	507
" " 252	458	" " 193	380
" " 330	291	" " 354	157
" " 406	359	" " 435	364
" " 408	359	" σ 57	359
" " 476	359	" " 101	320
" κ 68	269	" " 156	359
" " 170	313	" τ 37	496-7

*) Мѣсто Od. μ 45 въ изслѣдованіи неправильно повторено на стр. 361 и должно быть отсюда вычеркнуто.

**) Въ изслѣдованіи сказано *ἀλευσάμενοι* вмѣсто *ἀλευόμενοι*.

***) Въ изслѣдованіи напечатано *ἔον* вмѣсто *ἔον*.

	стр.		стр.
Odyssea τ 389	360	Odyssea φ 315	357
" " 472	359	" " 371	364
" " 480	359	" χ 11	379
" " 482	449	" " 93	360
" υ 37	501	" ψ 67	448
" " 94	361	" ω 83	360
" " 194	508	" " 376	471
" " 349	359	" " 437*)	142

Isaeus.

	стр.
Isaeus III. (Πύρρος) 37	284
" IX. (Ἀστυφίλος) 28	398
Lycurgus κατὰ Λεωκράτους 1	293
Lysias III. (πρὸς Σίμωνα) 44	378
IV. (περὶ τραυμάτος) 20	261
XXV. (δῆμον καταλύσεως ἀπολογία) 27	315
Nicomachus Gerasinus (vide Theologumena arithmeticae, edidit Fr. Astius, Lipsiae 1817) pag. 69—70	412-13
Phaeracrates: Chironis fragm. VII. (vide Fragmenta comicorum graecorum, collegit et disposuit Aug. Meineke, Vol. II., pars 1, pag. 338)	288
Pindari Olympia VII. vers. 91	381
" XII. " 20	491
Plato (смотри издание: Platonis opera recognoverunt Baite-rus, Orellius, Winckelmannus, Turici 1839).	
Apologia Socratis I. 17b, изданія стр. 11	299
" " " 27d " " 15	481
" " " 39e " " 21	313
Phaedo I. 76c, изданія стр. 39	308
" " 106d " " 53	480
Theaetetus " 142a " " 69	297
" " 147c " " 72	329
" " 179a " " 87	305
" " 189e-190a " " 93	77
Sophista " 245d " " 121	414
" " 250a-c " " 124	160-1
" " 262e " " 131	415
" " 263e " " 131	457
" " 264d " " 132	414
Euthydemus " 303c " " 150	382

*) Въ изслѣдованіи напечатано *φθίωσι* вмѣсто *φθίωσι*.

Protagoras	I.	309b,	издания стр.	153	стр.	458
"	"	312b	"	155	"	459
"	"	317a	"	157	"	469
"	"	317d	"	157	"	134
"	"	319b	"	158	"	481
"	"	336d	"	165	"	261
Cratylus	"	399a	"	193	"	284
"	"	426d-427c	"	206	"	28-9
"	"	429d	"	207	"	480
Gorgias	"	448a	"	213	"	382
"	"	455a	"	217	"	506
"	"	456b	"	218	"	330
"	"	476c	"	228	"	95
"	"	488a*)	"	233	"	293
"	"	490c	"	234	"	306
"	"	510d	"	245	"	481
"	"	522b	"	250	"	328
Philebus	II.	16c-e**)	"	264	"	86-7
"	"	18e	"	265	"	457
"	"	20d	"	266	"	456
"	"	23c	"	266	"	455
"	"	29c	"	271	"	459
Alcibiades	II.	138a	"	331	"	456
Lysis	"	218c	"	369	"	329
Menexenus	"	242e	"	381	"	305
"	"	245a	"	382	"	358
"	"	246d	"	382	"	396
"	"	247b	"	382	"	405
Civitas	III.	398a	"	451	"	291
"	V.	470b	"	480	"	308
"	VII.	532b	"	504	"	323
"	VIII.	546d	"	509	"	499
"	IX.	581e	"	523	"	476
"	X.	607a	"	534	"	366
Leges	I.	631a	"	544	"	291
"	VIII.	832d	"	633	"	392
"	"	839d	"	636	"	313
Leges	X.	897b	"	662	"	385

*) Въ изслѣдованіи сказано τὸν βίον ἑαυτοῦ вмѣсто τὸν βίον τὸν ἑαυτοῦ.

**) Въ изслѣдованіи пропущено въ самомъ началѣ цитаты слово δόσις (Θεῶν μὲν εἰς ἀνθρώπους δόσις и т. д.)

Critias	III.	120a,	издания стр.	749	стр.	291
Convivium	"	207b	"	784	"	313
"	"	214b	"	787	"	310
"	"	222c	"	791	"	310
Phaedrus	"	259a	"	807	"	304
Sophocles (смотри издание: Sophoclis tragoediae, edidit Aug. Nauck, Berolini 1867).						
Ajax	vers.	581,	издания стр.	23	"	261
"	"	805	"	30	"	322
"	"	828	"	31	"	306
"	"	835	"	31	"	500
"	"	1253	"	44	"	497
Electra	"	14	"	54	"	371
"	"	1303	"	96	"	261
"	"	1433	"	100	"	291
Oedipus rex,	vers.	218,	издания стр.	114	"	408
"	"	221	"	114	"	487
"	"	236	"	114	"	382
"	"	415	"	120	"	308
"	"	533	"	123	"	507
"	"	730	"	129	"	269
"	"	889	"	134	"	474
"	"	1000	"	138	"	322
Antigone	vers.	35	"	162	"	284
"	"	55*)	"	163	"	293
"	"	77	"	163	"	371
"	"	134	"	165	"	309
"	"	518	"	178	"	320
"	"	611	"	181	"	470
"	"	760	"	186	"	298
"	"	1122	"	197	"	275
"	"	1240	"	201	"	306
Trachinaie	"	150	"	215	"	261
"	"	524	"	227	"	276
"	"	802	"	236	"	141
"	"	1018	"	244	"	249
"	"	1115	"	247	"	497
"	"	1167	"	249	"	329
Philoctetes	"	1303	"	298	"	398
Oedipus Coloneus,	vers.	3,	издания стр.	310	"	293
"	"	102	"	313	"	299

*) Въ изслѣдованіи напечатано αἰκτονοβιτς вмѣсто αἰκτονοβιτς.

Oedipus Coloneus, vers. 343, изданія стр.	стр.
322	507
" " " 418 " " 324	496
" " " 759 " " 337	388
" " " 913 " " 343	329
" " " 997 " " 345	331
" " " 1027 " " 346	408
" " " 1158 " " 351	276
Theognis (Poetae lyrici Bergk) vers. 821	334

Thucydides.

I. 9·1	стр.	II. 49·7	стр.
" 10·3	432-3	" 90·6	338
" 17	444	III. 10·3	359
" 93·2*)	308	" 113·6	408
" 127·1	339	IV. 47·3	275
" 138·5	299	V. 18·10	382
II. 44·1	382	VI. 18·1	388
" 49·3	378	VII. 87·6	481
	147		308

Xenophon.

Expositio Cyri I. 1·7	стр.	Institutio Cyri I. 3·12	стр.
" " " 2·3	398	" " II. 2·3	310
" " " 2·11	338	" " VI. 1·45	157
" " " 3·3	261	" " VII. 1·12	445
" " " 6·2	138	" " " 4·3	297
" " " 6·6	398	" " " 4·9	310
" " " 9·8	261	" " VIII. 3·1	309
" " " 10·10	485	" " " 4·14	308
" " II. 3·2	494	" " " 6·22	429
" " " 3·24	525	" " VIII. 7·13	305
" " " 5·22	525	Memorabilia I. 1·13	250
" " III. 1·12	309	" " 2·39	480
" " IV. 3·11	308	" " 4·14	487
" " " 6·3	152	" " II. 2·8	284
" " " 6·14	430	" " 3·4	311
" " " 7·16	495	" " 3·9	323
" " " 8·11	132	" " 9·4	480
" " V. 2·16	309	" " III. 6·16	507-8
" " " 4·13	292	Memorabilia III. 10·1	458-9
" " VII. 7·11	313	" " 13·3	330
Institutio Cyri I. 3·11	276	Oeconomicus caput III. 11	400
	287		382
	393		

*) Въ изслѣдованіи сказано *ἐννεακαίδεκα* вмѣсто *ἐννεακαίδεκα*.